ИСЛАМИЗМЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИСЛАМЪ и ЕГО СЕКТЫ

По редакціоннымъ соображеніямъ порядокъ въ печатаніи томовъ пришлось нарушить: третій томъ выйдетъ вслѣдъ за настоящимъ.

тесь на секты.

Коранъ, сура 42, ст. 11.

П. Цвѣтковъ.

АСХАБАДЪ.
Электро-Типографія Штаба 2 Туркест. Арм. Корп.
1913 г.

ИСЛАМИЗМЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИСЛАМЪ и ЕГО СЕКТЫ.

«Сохраняйте религію эту и не распадайтесь на секты.

Коранъ, сура 42, ст. 11.

П. Цвѣтковъ.

АСХАБАДЪ.
Электро-Типографія Штаба 2 Туркест. Арм Корп.
1913 г.

Печатать разрѣшено, 24 Апрѣля 1913 года г. Асхабадъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1688
31

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Оглавленіе . . . . . стр. 1.

Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ.

Секты и школы. Философскія системы. Персидское вліяніе. Хариджиты. Шіиты. Мусульманская философія. Аристотель. Платонъ. Единство Бога. Мухаммедъ. Праведные халифы. Омайяды. Фатимиды. Аббасиды. Аль-Мансуръ. Джорджисъ бинъ-Джебраиль. Аль-Мамунъ. Мутазелиты. Калямъ. Мутаваккиль. Суфизмъ. Дервишескіе ордена. Аль-Кинди. Аль-Ашари. Аль-Макдиси. Философы и богословы. Аль-Фараби. Чистые Братья. Ибнъ Сина. «Тайны восточной мудрости». Аль-Газали. Скептицизмъ. Вѣра и разумъ. Классификація философовъ. Терпимость Аль-Газали. Альморавиды. Абдулла ибнъ-Ясинъ. Абу Бакръ. Мухаммедъ ибнъ-Тумартъ. Альмохады. Абу Якубъ Юсуфъ. Ибнъ Баджа. Тенденціи Эпикура. Ибнъ Туфайль. Философскій романъ. Ибнъ Рошдъ Господство разума. Примиреніе религіи съ философіей. Шейхъ Сэнуси. Теорія сужденія. Упадокъ мусульманской философіи. Значеніе мусульманской философіи . . . . . 3.

Сунниты.

✓ Четыре ортодоксальныхъ школы. Школа Абу Ханифы. Школа Ибнъ-Малика. Школа Аш-Шафи. Школа Ибнъ Ханбала . . . . . 39.

Шіиты.

Глава первая.—Терминъ «шіитъ». Исторія объединенія шіизма и суннизма. Эдиктъ Надиръ Шаха. Хариджиты. Али—наслѣдникъ Пророка. Пропуски въ Коранѣ. Права Али на халифатъ. Пропоганда въ пользу Али. Абу Бакръ и Омаръ. Усманъ. Муавія. Валидъ. Депутація изъ Мекки. Убійство Усмана. Избра-

ніе Али. Зубаиръ и Тальха. Интриги Аиши. День Верблюда. Возмущеніе Муавіи. Битва при Сиффинѣ. Третейскій судъ. Алиды. Язидиты. Хариджиты Сунниты. Подраздѣленія хариджитовъ азарика, ибадиты, нэджатъ-азарія, аджард,я, суфар-уз-зіядія. Убійство Али. Хасанъ и Муавія. Омайяды. Хусайнъ. Битва при Кербела. Зайн-уль-абидинъ. Разграбленіе Медины. Легенды о битвѣ при Кербела . . . . . 47.

Глава вторая.—Шіизмъ въ Персіи. Битва при Нехавендѣ. Торжество ислама. Духовенство. Халифъ и имамъ. Халифатъ. Обязательность его. Теорія Аль-Ашари. Избиратели и избираемые. Халифатъ по выбору и по назначенію. Избраніе по жребію. Заключеніе договора халифата Халифатъ дома Османа, его права. Различныя мнѣнія. Завѣщаніе халифата. Отказъ въ пользу отца или сына. Отреченіе халифа. Избраніе Усмана. Обязанности халифа. Нечестіе халифа. Пороки. Безуміе. Четыре періода въ исторіи халифата. Праведный халифатъ. Омайяды. Междуцарствіе. Турецкій халифатъ. Имаматъ . . . . . 64.

Глава третья.—Подраздѣленія шіитовъ Зандія и ея подраздѣленія: джурудія, сулеймапія, салехія и шабарія. Исмаилія или сабіунъ. Семь пророковъ. Абдулла ибнъ-Маймунъ. Убандулла. Батини. Вѣчность матеріи. Ученіе ибнъ-Маймуна. Воскресеніе. Карматиты. Взятіе Мекки. Кайсанія. Хашимія. Галлія. Нусаирія. Исханія. Нуманія. Хитабія. Обожествленіе Али. Али-иллахи. Имамія или асна-ашарія. Двѣнадцать имамовъ. Махди. Джабулька и Джабульса. Малое исчезновеніе. Большее исчезновеніе. Мухтаръ. Зайн-уль-абидинъ. Махдизмъ. Фабрикація хадисовъ. Усули и ахбари. Сунна. Раздѣленіе хадисовъ. Сборники хадисовъ. Символъ шіитовъ. Вэли. Измѣненіе текста Корана. Секта шейхи. Омайяды и фатимиды. Аббасиды. Возстаніе въ Хоросанѣ. Ибрагимъ. Абу Муслимъ . . . . . 84.

Мутазелиты.

Основаніе каляма. Джорджисъ бинъ-Джибриль. Али-Мансуръ. Аль-Манунъ. Греческая философія. Аристотель. Кадариты. Свобода воли. Джабариты. Предопредѣленіе. Джахмиты. Наджриты. Дерариты. Мурджиты. Хариджиты. Происхожденіе мутазелитовъ. Хасанъ аль-Басри. Вандиты. Василь-бинъ-Ата. Доктрина мутазелитовъ. Аттрибуты Бога. Сифатиты. Ашариты. Мушабахиты. Керамиты. Муджасэмиты. Коранъ. Мутазелизмъ—государственная религія. Загробная жизнь. Мірозданіе. Наззамиты. Аль-Каби. Аль-Асвари. Аль-Искафи. Джабаръ-бинъ-Мубаширъ. Бишр иты. Худаилиты. Джабаритъ того свѣта. Маздариты. Хашими

ты. Джахидиты. Хайятиты. Томамиты. Муаммаръ бинъ-Аббадъ. Ас-Салихи. Аль-Гути. Мутаваккиль. Аль-Ашари. Джуббаи. Ашаризмъ. . . . . 106.

Мистицизмъ и Суфизмъ.

Происхожденіе суфизма. Мистицизмъ и пантеизмъ. Первоначальные суфи Различныя мнѣнія о суфизмѣ. Суфизмъ, какъ тайное ученіе Пророка. Суфизмъ, какъ реакція арійскаго духа. Суфизмъ, какъ слѣдствіе греческой философіи. Суфизмъ, какъ самородное движеніе. Рабія. Айша бинтъ-Джафаръ. Фатима. Нафиса. Куррат-уль-айнъ. Абу Сандъ бинъ-Абуль Хайръ. Дзунъ-нунъ аль-Мисри Джунандъ Бистами Аш-Шибли. Абу Талибъ аль-Мекки Аль-Газали Шамс-и-Табризъ Происхожденіе человѣка. Сотвореніе міра. Бытіе и небытіе Пять міровъ. Мистическій путь—тарикатъ Джалаль уд-Динъ Руми. Чувство и разумъ. Матеріальный и духовный міръ Непрерывное твореніе. Переселеніе душъ Мистическій кругъ. Сердце человѣка—зекало вселенной Абу Язидъ. Мухаммедъ и Первичный Элементъ. Нузуль и аруджъ. Отреченіе отъ міра. Этапы мистическаго пути. служба, любовь, отвлеченіе, знаніе, экстазъ, истина, уединеніе, уничтоженіе. Мистическіе термины Хафизъ. Религіозное безразличіе. Легенда о Моисеѣ и пастухѣ. Свобода—въ подчиненіи. Зикръ. Дзун-нунъ Мансуръ Халладжъ. Абу Язидъ. Богъ—вселенная. Уничтоженіе религіи. Вліяніе суфизма на исламизмъ. Джалаль-уд-Динъ Руми Шамс-и-Табризъ. Умаръ Хайямъ . . . . 128.

Дервишескіе ордена.

Улемы и дервиши. Цивилизація и исламъ. Удары исламу въ XIX вѣкѣ. Пропаганда дервишей. Ордена въ Хэджасѣ. Шейхи. Организація орденовъ. шейхъ, напбъ, мукаддимъ, ихванъ, вэкили, чауши, маддахи, кассады, алламы, саккахи, асхабы. Дервиши или мюриды. Зіяратъ. Хадія. Зикръ, громкій и тихій. Свѣтскіе члены орденовъ Установленіе зикра. Основатели орденовъ. Гаусъ. Кутбъ. Автадъ. Хайяръ. Абдалъ. Наджибъ. Накибъ. Вэли. Талькинъ. Тальмизъ. Факиръ. Тарикатъ. Салихъ. Маджзубъ. Сидикія Увайсія. Альванія. Бистамія. Кадирія: акбарія, ардія и хатимія. Абдулъ Кадыръ. Хизбъ. Зикръ ордена. Вирдъ. Истерія. Рифайя Бадавія. Шаббанія. Казрунія. Саадія. Хабибія. Джандалія. Рифайя—сайядія. Ананія. Чистія. Шаделія; баккайя, керзайя, айсава, шарусія, джазулія, зарукія, рашидія, деркава, акарія, меламія, моршидія, эмирганія, сэнусія. Мавлявія. Накш-

бандія; исмаилія, батинія, захпрія; муджедэлія—халидія. Сулейманія. Календарія; меламія, хамзайя. Бекташія, янычары. Баккайя. Шейхія. Карзазія. Хансалія. Тиджанія. Рахманія, хафнавія, дердирія. Сэнусія, тарикат-и-мухаммедпія. Шейхъ Сэнуси. Джарбубъ. Кафра пропаганда ордена Фантазимъ. Абдулъ Гамидъ. Хельватія, хафнавія, шеркавія и семманія; дердирія, рахманія, савія, лэссія, меселлемія. Фанатичность ордена Айсава; примѣненіе гипноза. Таибія. Деркава. Мухаммедъ Зафаръ и Абдулъ Гамидъ. Мулай Хасанъ. Бадавія, саттавія, шенавія, шуаибія, халабія, хамудія, имбабія, кэннасія, сэллемія, захидія, мэнуфія, тикіянія. Сафватія—санадкія. Бейюмія, бадавія—халлябія. Дусукія; брахама, шернубія, шавія, тухамія. Саадія. Уфайя, селлемтія. Эмирганія, идрисія. . . . . 156.

Друзы и исмаилиты.

Антропоморфизмъ, перевоплощеніе, переселеніе душъ. Исмаилія и подраздѣленія: батинія, сабіунъ, талимія, фатимія, карматія, мюлахида, хашимія. Джафаръ ас-Садыкъ и Исмаилъ. Имамъ Мухаммедъ. Аллегорическое толкованіе Корана. Даи, ихъ пропаганда. Клятва вступающаго. Девять степеней ученія. Имамъ. Ученіе о семи Пророки. Постиженіе таинственнаго и смыслъ чиселъ. Единство религій. Дуализмъ въ мірѣ. Отрицаніе религіи. Абдулла ибнъ-Маймунъ. Галлія, хатабія, маймунія. Хамданъ или Карматъ, его ученіе. Связь съ фатимидами. Господство надъ Хэджасомъ. Убаидулла. Казнь Абдуллы ибнъ-Маймуна. Основаніе Махдіи. Аль-Муиззъ. Хакимъ би-амр-илла. Гоненія на христіанъ и евреевъ. Религіозный индифферентизмъ Хакима. Дарази. Обожествленіе Хакима. Акрамъ. Хамза. Друзы. Жестокость Хакима. Его смерть. Хасанъ-ибнъ-Сабахъ. Асасины или Убійцы. Аль Мустансиръ. Аламутъ. Ученіе Хасана и духовная іерархія. Фидаи, рафики и дап. Крестоносцы и асасины. Религіозныя убійства, рай на землѣ. Султанъ Санджаръ. Маликъ Шахъ. Кэхъ Бузургъ Умидъ. Мухаммедъ. Хусайнъ ибнъ-Насыръ. Алла-уд-Динъ Мухаммедъ. Фахръ Разп. Джалаль уд-динъ Хусайнъ. Алла-уд-Динъ Мухаммедъ. Рукнъ уд-Динъ и Хулагу Ханъ. Разореніе Аламута. Ага-Ханъ. Друзы. Ученіе Хамзы. Божественность Хакима. Міровой Разумъ, Душа, Слово, Предыдущее и послѣдующее, или пять принциповъ. Даи, маазунъ, мукассиръ. Натыкъ. Сусъ. Самитъ. Имамъ. Худджатъ. Аккалъ. Переселеніе душъ. Разумъ, душа и тѣло человѣка. Загробный міръ. Пришествіе Хакима. Кабалистическое толкованіе символа вѣры шіитовъ. Толкованіе Евангелія. Катехизисъ Хакима. Муканна. Нусаири. Сулейманъ-эффенди. Мана. Исмъ. Бабъ. Кибабъ.

Обожатели неба, Луны, Зари и Воздуха. Таки-уд-динъ бинъ-Таимія. Муканна и сэфинджамаганъ. Абу-Муслимъ Объявленіе себя Богомъ. Смерть Муканны. Панджтэни. Пиры. Ага Ханъ. Насыръ Хосровъ. Ишъ-аръ. Халифа. Тайная религія. Ученіе Хосрова. Аллегорическое толкованіе религіи. Загробный міръ. Переселеніе душъ. Ваджхъ-уд-Динъ или Калямъ-и-пиръ. Умм-уль-китабъ. Праздники и посты у панджтэни. . . . . 224.

Вагабиты.

Хариджиты. Азарика. Абдулъ Вахабъ. Мухаммедъ ибнъ-Абдулъ Вахабъ. Муваххиды. Коранъ и Сунна. Абу Ханифа и Ибнъ Ханбалъ. Поклоненіе могиламъ. Мухаммедъ ибнъ Саудъ. Индульгенціи. Основаніе династіи. Овладѣніе Аравіей. Разрушеніе гробницъ. Особенности религіознаго ученія вагабитовъ. Изгнаніе изъ священныхъ городовъ. Абдулла ибнъ Саудъ. Мидхадъ паша. Вагабизмъ въ Индіи Саидъ Ахмадъ. Мухаммедъ Исмаилъ. Джихадъ Мунши Джафаръ. Малайскіе острова. Падрисъ. Паденіе вагабизма Ширкъ и его виды. Значеніе вагабизма. Мирза Гулямъ Ахмадъ. Мессія, махди и аватаръ. . . 268.

Бабъ и бабиды.

Глава первая.—Бабъ, его исторія и его сподвижники Саидъ Али Мухаммедъ. Дѣтство Баба. Рахманъ и рахимъ. Бабъ въ Буширѣ. Паломничество въ Кербелу. Мулла Садыкъ. Пребываніе Баба въ Кербела Каземъ Рэшти. Мулла Хусайнъ Бушруэи. Мулла Мухаммедъ Садыкъ Мукаддасъ Хоросани и Мулла Али Гаухаръ. Начало божественной миссіи Баба. Подтвержденіе истинности миссіи Кораномъ и хадисами. Комментаріи на суру о Іосифѣ, и на суру Бакара. Мулла Хусайнъ признаетъ Баба. Раздѣленіе секты шейхи. Паломничество Баба въ Мекку. Бабъ-махди. Китаб-и-рухъ Мукаддасъ примыкаетъ къ Бабу. Возвращеніе въ Ширазъ. Возмущеніе духовенства. Мирза Хусайнъ Ханъ и Куддусъ. Проповѣдь въ Хорасанѣ и Іездѣ. Запрещеніе Бабу проповѣди Саидъ Яхья Дараби. Бѣгство Баба въ Исфаганъ. Несостоявшійся диспутъ. Бабъ въ Калинѣ. Испытаніе въ Табризѣ. Заключеніе Баба въ Маку. Мулла Хусайнъ въ Исфагани. Кашанъ. Мирза Джани. Мулла Хусайнъ въ Тегеранѣ. Проповѣдь въ Мешедѣ. Арестъ Муллы Хусайна. Бѣгство въ Бедештъ. Куррат-уль-айнъ, ея проповѣдь. Пребываніе въ Казвинѣ. Встрѣча съ Бэха Уллой. Прибытіе въ Тегеранъ и поѣздка въ Бедештъ. Соборъ въ Бедештѣ. Снятіе вуаля. Диспутъ Куррат-

уль-айнъ съ Куддусомъ. Возвращеніе Куррат-уль-айнъ въ Тегеранъ и казнь ея. Барфурушъ. Аббасъ Кули Ханъ Лариджани. Могила Шейха Табарси. Махди Кули Мирза Пораженіе шахскихъ войскъ. Священная война. Осада крѣпости Шейха Табарси. Крѣпость взята при помощи хитрости. Избіеніе бабидовъ. Зенджанъ. Мухаммедъ Али Худжатъ. Пораженіе бабидовъ. Переводъ Баба изъ Маку въ Чехрикъ. Бэха Улла вступаетъ въ сношенія съ Бабомъ Второе испытаніе въ Табризѣ Казнь Баба. Возстаніе въ Нэйризѣ. Сандъ Яхья Дараби. Его Казнь. 289.

Глава вторая —Преслѣдованія бабидовъ. Герои-мученики. Имамы. Малое и большое исчезновеніе. Бабы. Секта шейхи. Шейхъ Ахмедъ Ахзаи. Хаджи Сандъ Каземъ Рэшти. Раздѣленіе секты Хаджи Мухаммедъ Каримъ Ханъ. Титулы Баба. Мистицизмъ въ ученіи Баба. Истина. Богъ и первичная воля. Послѣдовательныя проявленія Божества. Пророки. Цифра 19. Объясненіе титуловъ Баба. Единство религіи. Бэйянъ. Бабъ—предтеча новаго пророка. Бабизмъ, какъ соціальная система Эмансипація женщины. Возможная будущность бабизма. Можетъ ли бабизмъ служить переходомъ отъ исламизма къ христіанству. Значеніе бабизма . . . . . 336.

Бэха Улла и Бэхаиты.

Глава первая.—Гоненія на бабидовъ послѣ смерти Баба. Бэха Улла и Субх-и-Эзель. Первоначальный взглядъ на Субх-и-Эзеля. Бэха Улза въ тюрьмѣ. Бѣгство Субх-и-Эзеля въ Багдадъ. Освобожденіе Бэха Уллы и отправленіе на богомолье. Разграбленіе Нура. Вражда между братьями. Удаленіе Бэха Уллы изъ Багдада. Возвращеніе его. Иканъ. Увѣщанія Бэха Уллы. Мирза Бузургъ Ханъ Казвини. Переселеніе бабидовъ въ Константинополь. Провозглашеніе Бэха Уллы пророкомъ Бэйяна. Переселеніе въ Адріанополь. Усиленіе вражды между братьями. Хэштъ бэхиштъ. Взаимныя обвиненія. Изгнаніе бабидовъ въ Фамагусту и въ Акру. Причина изгнанія. Смерть Бэха Уллы. Назначеніе духовнымъ наслѣдникомъ Аббаса-эфенди. Посѣщеніе Бэха Уллы проф. Брауномъ. Права Субх-и-Эзеля на главенствующую роль . . . . . 350.

Глава вторая.—«Уроки въ Акрѣ». Богъ и человѣкъ. Пророки—руководители людей. Авраамъ. Моисей. Іисусъ. Мухаммедъ. Бабъ. Письмо Бэха Уллы къ шаху Персіи. Отказъ улемовъ отвѣтить на него. Чудеса Бэха Уллы. Идея мессіанства. Предсказаніе о Бэха Уллѣ въ священномъ Писаніи. Глава IX

книги пророка Даніила. Объясненіе возстановленія Іерусалима. Глава VIII книги пророка Даніила. Предсказаніе о проявленіи Баба въ 1844 году. Глава 24 Евангелія отъ Матѳея. Глава XII книги пророка Даніила. Предсказаніе о проявленіи Бэха Уллы. Глава XI Откровенія св. Іоанна. Глава 6-я книги VI пророка Іезекіеля. Божественный законъ. Святая святыхъ. Ковчегъ Завѣта. Коментарій главы XI книги пророка Исаіи. Комментарій главы XIII Откровенія св. Іоанна. Духовныя доказательства божественности миссіи Бэха Уллы. Истина и ея восходы. Богъ и пророки . . . . . 363.

Глава третья.—Духовныя писанія Бэха Уллы. Китабе Акдэсъ. Иканъ Семь долинъ. Ученіе о Богѣ. Постиженіе Бога черезъ его проявленія. Христосъ и Бэха Улла. Обожествленіе Бэха Уллы. Единство во множественности Отношеніе между Богомъ и человѣкомъ. Первичный разумъ. Жизнь—движеніе. Тѣло и духъ. Циклы событій. Пророки. Аллегорическое толкованіе чудесъ. Примиреніе религіи и науки. Священныя книги. Загробный міръ. Предопредѣленіе Свобода воли. Религіозная практика бэхаизма. Молитва. Постъ. Паломничество. Закетъ. Календарь бэхаитовъ. Этическіе принципы. Обученіе и наука. Отношеніе къ властямъ и другимъ религіямъ. Монашество. Основы семейной жизни. Бракъ и разводъ. Наслѣдованіе. Домъ справедливости. Проступки и наказанія. Заключеніе . . 388.

Заключеніе.

Успѣхъ распространенія ислама и причины его. Легкость религіи для язычника. Джихадъ первыхъ временъ ислама. Исламизмъ—миссіонерская религія. Начало пропаганды ученія при жизни Мухаммеда. Посольство въ Китай. Обращеніе Туркестана и Монголіи. Бухара и Самаркандъ. Исламъ въ Афганистанѣ и Индіи. Малайскій архипелагъ. Распространеніе ислама въ Африкѣ. Завоеваніе арабами Испаніи. Кордова и Константинополь. Ростъ оттоманской имперіи и успѣхи прозелитизма. Сравнительная статистическая таблица. Утрата мусульманскими государствами политической независимости. Сила и слабость исламизма. Его жизненные рессурсы. Отношеніе къ не—мусульманамъ. Мирная пропаганда и мечъ. Улемы и дервиши—враги реформъ. Панисламизмъ. Халифатъ дома Османа. Возможность его близкаго конца. Перенесеніе столицы халифата въ Азію. Предсказаніе о потерѣ Константинополя. Реформа и объединеніе. Будущее исламизма . . . . . 409.

Указатель . . . . . 425.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ВЪ ИСЛАМѢ.

Пророчество Мухаммеда о распаденіи ислама на массу сектъ начало исполняться раньше, чѣмъ онъ самъ, можетъ быть, предполагалъ. Это было явленіемъ вполнѣ естественнымъ, такъ какъ жизнь сразу поставила цѣлый рядъ капитальныхъ вопросовъ, отвѣты на которые еще не были готовы, и началось блужданіе мысли. «Уже тотчасъ послѣ смерти Пророка серьезныя разногласія возникли въ исламѣ - разногласія религіозныя или разногласія политическія, т. е. тѣ же религіозныя: потому что въ мусульманской общинѣ частная жизнь, соціальныя отношенія, политическая организація, все это въ принципѣ урегулировано — и до мельчайшихъ подробностей — Кораномъ и хадисами, или преданіями Пророка. Всякое соревнованіе между претендантами на халифатъ порождаетъ такимъ образомъ схизму, всякая попытка политической или соціальной реформы становится сектой» [1]) Такимъ образомъ и возникла въ исламѣ та масса сектъ какъ чисто религіознаго, такъ и политическо-религіознаго характера, которыя расчленили исламъ, и тѣ религіозно-философскія системы, въ отношеніи которыхъ иногда съ совершенно одинаковымъ правомъ можно употребить терминъ школа или секта Умственному броженію въ исламѣ весьма много способствовало завоеваніе арабами Персіи и обращеніе въ исламъ большого количества персовъ, внесшихъ съ собою въ мусульманскій міръ философскія идеи Заратустры, Будды и греческихъ мыслителей, и давшихъ исламу тотъ толчокъ, которому онъ обязанъ своимъ послѣдующимъ развитіемъ и силою. [2]) Персидское вліяніе, въ спеціальной области духовной мысли, отразилось сильнѣе другихъ, но оно не было единственнымъ. Легкій прозелитизмъ ислама, требующій лишь краткаго исповѣданія единства Бога; недосугъ въ быстромъ побѣдоносномъ шествіи, сметавшемъ съ лица земли цѣлыя царства, требовать большого, и, главнымъ

[1]) L. Gauthier. La philosophie musulmane. p. 27.

[2]) С. Уманецъ. Очеркъ развитія религ.—философской мысли стр. 2.

образомъ, то обстоятельство, что несшіе знамя Пророка въ громадномъ большинствѣ случаевъ смотрѣли на исламизмъ скорѣе какъ на выгодное званіе, чѣмъ какъ на религію.—имѣло своимъ результатомъ то, что въ тѣхъ странахъ, куда проникалъ исламъ, онъ подчинилъ себѣ народы, но не поработилъ ихъ духа, и былъ не въ состояніи своимъ духомъ облечь присущіе каждому народу взгляды и обычаи «Эти взгляды и обычаи продолжали существовать, сохраняя свой первобытный характеръ, самое большее съ легкой окраской ислама, но безъ принятія даже видимости внѣшняго сходства съ системой, къ которой они теоретически принадлежали» [1]) Покоренные исламу народы готовы были сохранить званіе мусульманъ, пока оно не дѣлалось для нихъ обременительнымъ, и пока не представлялось возможности невозбранно отказаться отъ него. Безмолвная борьба должна была существовать; если для сохраненія своей жизни или ради полученія временныхъ благъ было не трудно произнести исповѣданіе мусульманской вѣры, было гораздо труднѣе въ душѣ отказаться отъ своихъ вѣрованій, вѣками и тысячелѣтіями впитывавшихся въ кровь поколѣній. Если языческіе арабы, для которыхъ религія Мухаммеда была откровеніемъ, немедленно же послѣ его смерти вздумали обратиться къ прежнему и милому ихъ сердцу идолопоклонству, тѣмъ болѣе трудно было примириться съ насильно навязанной религіей персамъ, древняя религія которыхъ все же давала кое что для духа. Что же вышло? Покорившись силѣ ислама, они начали подчинять себѣ духъ ислама, и, приходится засвидѣтельствовать это, работа ихъ была успѣшна. Но и помимо того, что «уже одного различія побѣжденныхъ народовъ было достаточно для того, чтобы внести важныя религіозныя измѣненія въ первоначальныя вѣрованія мусульманъ,—Коранъ въ себѣ самомъ уже носилъ сѣмена раздора... Какъ только захотѣли проникнуть въ его смыслъ, явились безчисленныя затрудненія, которыя роковымъ образомъ должны были привести лучшіе умы къ сомнѣнію и ереси» [2]).

Извращеніе религіознаго идеала въ исламѣ начало обнаруживаться уже очень рано, и толкованіе божественнаго закона обратилось въ казуистическое философствованіе и диспутированіе, подкладкой котораго подчасъ бывали личные счеты или желаніе властвовать.

Далѣе мы будемъ разсматривать ученія сектъ, какъ таковыхъ, здѣсь же намъ о главнѣйшихъ изъ нихъ приходится упомянуть исключительно для полноты картины въ связи съ разви-

[1]) E A. Kuenen. Religion universelle et religion nationale 30

[2]) St Guyard La civilisation musulmane p. 35.

тіемъ философской мысли въ исламѣ. Обзоръ различныхъ сектъ интересенъ уже въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, какъ легко мусульмане принимали доктрины, совершенно непримиримыя съ исламомъ и часто разрушительныя для всякаго порядка соціальнаго, моральнаго и религіознаго [1]). Нѣкоторыя секты, затрагивающія ученіе о догматахъ, могутъ считаться чисто религіозными, хотя въ сущности подкладка ихъ была политическая. Династическія войны даютъ намъ не мало примѣровъ подобныхъ сектъ. Вскорѣ за хариджитами образовалась секта шіизма, или секта по преимуществу. Съ этой замѣчательной сектой какъ въ ея чистомъ видѣ, такъ и во всѣхъ ея крайнихъ, порою уродливыхъ, проявленіяхъ тѣсно связана идея махдизма: пріуроченная къ исламу мессіанская идея монотеистическихъ религій. Въ своемъ мѣстѣ мы подробнѣе остановимся на этомъ важномъ обстоятельствѣ; пока отмѣтимъ только то, что стараніе согласовать идею махдизма и съ земными интересами и съ ученіемъ Корана—порою приводило къ тому, что люди, считавшіе себя мусульманами, въ сущности совершенно отказались отъ основъ исламизма, оставивъ отъ него, для своихъ удобствъ, лишь внѣшнюю оболочку.

«Наиболѣе рѣзко выступающимъ внѣшнимъ характеромъ мусульманской философіи является то, что она служила соединительной связью между языческой философіей античной Греціи и средне-вѣковой христіанской философіей» [2]). Этотъ фактъ отмѣчается почти всѣми авторами, писавшими о данномъ предметѣ. «Не было той отрасли человѣческаго знанія, которая не нашла бы достойныхъ представителей среди арабскихъ и еврейскихъ ученыхъ и не встрѣтила бы покровительства со стороны просвѣщенныхъ халифовъ... Мусульманское вліяніе на христіанскую цивилизацію неопровержимо. Арабы, какъ извѣстно, спасли и переработали произведенія древне—греческихъ авторовъ и александрійскихъ ученыхъ и впервые познакомили средне-вѣковую Европу съ сокровищами греческой философіи и литературы... Они ознакомили христіанъ съ доктринами Аристотеля» [3]). Селль [4]), цитируя слова Ренана, говоритъ: «Часто дѣлаются указанія на арабскую науку и арабскую философію, и дѣйствительно въ теченіе одного или двухъ столѣтій въ средніе вѣка арабы были нашими учителями; но это было только до тѣхъ поръ, пока мы не ознакомились съ греческими подлинниками. Эта арабская на-

---

[1]) Haines. Islam as a missionary religion. p. 61.

[2]) L. Gauthier. La philisiphie musulmane p. 13

[3]) Benattar L'ésprit libéral du Coran p. 35. Пискорскій. Исторія Испаніи и Португаліи.

[4]) E. Sell: Faith of islam p. 290.

ука и философія были лишь дѣтскимъ воспроизведеніемъ греческой науки и философіи. Однако, если разсмотрѣть ближе, эта арабская наука не имѣетъ въ себѣ ничего арабскаго. Основы ея чисто греческія, въ числѣ ея создателей нѣтъ ни одного чистаго семита, это все были испанцы и персы, которые писали по —арабски» [1]. Въ другомъ мѣстѣ [2] Ренанъ говоритъ: «Это только обманчивая двухсмысленность, что имя арабской философіи даютъ совокупности предпринятыхъ реакціей противъ арабизма трудовъ въ частяхъ мусульманской имперіи, наиболѣе удаленныхъ отъ Полуострова.—въ Самаркандѣ, Бухарѣ, Кокандѣ, Марокко. Эта философія написана по арабски, потому что этотъ языкъ сдѣлался ученымъ и священнымъ языкомъ всѣхъ мусульманскихъ странъ; вотъ и все. Настоящему арабскому генію, характеризуемому поэзіей Касидъ и краснорѣчіемъ Корана, была положительно антипантична греческая философія... Лишь когда персидскій духъ, представленный династіей аббасидовъ, одержалъ верхъ надъ арабскимъ духомъ, греческая философія проникаетъ въ исламъ» Послѣднее обстоятельство приходится подчеркнуть, такъ какъ персидскій духъ отозвался на исламѣ весьма сильно, и, дѣйствительно, какъ говоритъ Броунъ [3], какую отрасль знанія ни взять—теологію, философію, медицину, исторію, біографію и даже арабскую грамматику,—то, если выкинуть оттуда вложенное персами, будетъ выкинута лучшая часть.

Послѣ блестящаго расцвѣта великихъ греческихъ системъ, говоритъ Готье, эллинскій геній, во времена наслѣдниковъ Александра Великаго, сосредоточился въ самомъ себѣ... Какъ бы въ предчувствіи союза, вступленіе въ который ей предстояло, греческая философія совершила эту концентрацію около одной солидно установленной системы, которая могла открыть дверь къ мистицизму, или идеализму Платона. Идеализмъ и мистицизмъ являются одною и тою же доктриной подъ двумя названіями: они разнятся между собою, какъ теорія и практика. Востокъ нашелъ, съ своей стороны, въ преобразованной такимъ образомъ греческой философіи ясное и методическое выраженіе могущественныхъ, но смутныхъ стремленій, воодушевленіе которыми онъ чувствовалъ въ себѣ. Сліяніе не замедлило совершиться. Оно дало рожденіе двумъ великимъ доктринамъ, религіи и философіи, христіанству

---

[1]) Это не точно: Аль Кинди и Ибнъ Туфайль были чистокровными арабами. Изъ ученыхъ арабами были: Джафаръ ас-Садыкъ Ибнъ Зохръ, Масуди, Ибнъ Халдунъ, и др. Ameer Ali Spirit of islam p 426.

[2]) Averroes et l' averroisme. p. 90.

[3]) E. Browne A literary history of Persia. v. I. p 204.

и александрійскому неоплатонизму... Неоплатонизмъ постепенно извратился и былъ преслѣдуемъ христіанскими императорами. Наконецъ, въ 529 году по Р. Х., эдиктомъ императора Юстиніана школа была закрыта; учители, которые проповѣдывали еще неоплатонизмъ, бѣжали въ Персію Отъ этого могущественнаго ученія осталась лишь громадная масса рукописей, которымъ суждено было оказать глубокое вліяніе на мусульманскую философію и черезъ нее на средне-вѣковый мистицизмъ на философію Возрожденія и даже на доктрины современной философіи... [1]).

Основной идеей исламизма является единство Бога Такъ училъ Пророкъ, и, при его жизни, этого было достаточно Правда, одна идея единства Бога далеко не давала отвѣта на всѣ вопросы о Немъ, которые невольно возникали въ умѣ, но Пророкъ не любилъ вопросовъ и въ особенности не любилъ вопросовъ о Богѣ Зачѣмъ спрашивать? Развѣ Пророкъ, устами котораго говоритъ самъ Богъ, не лучше людей знаетъ, что именно имъ нужно? И кто лучше, чѣмъ онъ, можетъ опредѣлить, что доступно для ихъ пониманія, и что нѣтъ? Мухаммедъ не былъ теологомъ, но практикомъ-законодателемъ онъ былъ, и здѣсь ему приходилось считаться съ привычками и обычаями людей, во главѣ которыхъ онъ стоялъ. Значительная часть законодательныхъ рѣшеній, произнесенныхъ Пророкомъ подъ вывѣской божественнаго откровенія, были главнымъ образомъ примѣненіемъ, а иногда легкой переработкой обычнаго права Медины, каждое рѣшеніе было однимъ изъ мудрыхъ, если не единственнымъ, отвѣтомъ на поставленные нуждами первобытнаго общества запросы. Первые четыре халифа, извѣстные подъ именемъ праведныхъ (рашидунъ), держались въ Меккѣ и Мединѣ, и изъ нихъ главнымъ образомъ «халифъ Али былъ изъяснителемъ новой вѣры послѣ Пророка. Въ Коранѣ законодательныхъ доктринъ было чрезвычайно мало, и онѣ примѣнялись либо къ опредѣленному обстоятельству, либо къ опредѣленному времени. Изъясненіе ихъ и выпало главнымъ образомъ на долю Али и его ученика Ибнъ Аббаса. Послѣ ихъ смерти, люди, которые посѣщали ихъ уроки или слѣдили за ихъ сужденіями, уже сами открыли школы законовѣдѣнія. Факихи или законовѣды размножились и постепенно сдѣлались держателями народнаго сознанія. Естественно было сильное желаніе узнать, какъ поступилъ Пророкъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; умножились преданія.—предложеніе было пропорціонально спросу. Но, за исключеніемъ только Мединской школы, не было единообразія въ системѣ или методѣ. При непосредственныхъ послѣдователяхъ Пророка законъ былъ индуктивнымъ и экспериментальнымъ, и законовѣды рѣшали въ зависимости отъ требованій и

[1])L Gauthier. La philosophie musulmane pp. 15—16.

условій каждаго частнаго случая» [1]). Этотъ періодъ былъ кратокъ, такъ какъ охватывалъ всего время праведнаго халифата. Совершился переворотъ, въ основѣ своей чисто политическій, но обратившійся въ религіозный расколъ,—во главѣ халифата стали омайяды. При нихъ божественный законъ получаетъ сразу новое направленіе. Уже нѣтъ болѣе общаго правила или системы, какъ должно поступать въ опредѣленныхъ случаяхъ, и вопросы рѣшаются болѣе по усмотрѣнію губернаторовъ, чѣмъ по сужденію законовѣдовъ, которые являются лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ первыхъ. Лишь при позднѣйшихъ омайядахъ вліяніе законовѣдовъ снова значительно возросло.

Омайяды перенесли свою столицу въ Дамаскъ: удалившись отъ святыхъ мѣстъ, они удалились и отъ первой вѣры Ужасъ и позоръ мусульманскаго міра, на престолѣ халифата появлялись иногда люди, прямо невѣрующіе и кощунственно относящіеся къ религіи, цинично попиравшіе ногами то святое, къ охранѣ чего они были приставлены. Достаточно упомянуть одного халифа Валида, который, мало того, что открыто предавался всякимъ непотребствамъ, но занимался стрѣльбою въ цѣль по корану! И онъ не былъ единственнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ, Здѣсь для насъ этотъ фактъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ породилъ новые толки и секты, темой обсужденій которыхъ явился неправедный халифъ: можетъ ли такой быть халифомъ, и какъ къ нему должно относиться? Мнѣнія раздѣлились Чтобы не возвращаться опять къ этому вопросу, скажемъ, что кромѣ невѣрующихъ халифовъ, какъ отдѣльныхъ личностей, была цѣлая династія, которую можно считать значительно приблизившейся къ невѣрію. Это—египетскіе фатимиды, которые поддерживали тайно, а иногда и явно, связь съ еретиками—карматитами. Они мало по малу настолько отклонились отъ вѣры истиннаго ислама, что стали считать себя за воплощеніе божественнаго разума, т. е. оставляли за собою исключительное и безапелляціонное право толковать Коранъ въ томъ именно смыслѣ, какъ это имъ было угодно или выгодно Но если другіе были хоть плохими мусульманами, то Хакимъ-би-амрулла, провозгласившій себя Богомъ, хотѣлъ совершенно уничтожить исламъ. Египетъ сумѣлъ сбросить съ себя это новаго божества, но кощунственное ученіе проникло оттуда въ другія страны, гдѣ и по настоящее время имѣются поклонники живого божества...

При аббасидскихъ халифахъ, перенесшихъ свою резиденцію во вновь построенный Багдадъ, возникли четыре ортодоксальныя школы, а именно: Абу Ханифы, Малика, Шафи и Ибнъ Ханбала. На нихъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ подходимъ къ періоду, въ который началась именно работа философ-

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 403.

ской мыслѣ въ исламѣ Въ 765 году по Р. Х. второй аббасидскій халифъ Аль Мансуръ тяжело заболѣлъ, и всѣ мѣстные врачи были безсильны помочь ему или облегчить его страданія. Изъ Персіи былъ приглашенъ несторіецъ Джорджисъ бинъ Джебраиль, который исцѣлилъ больного халифа, за что былъ щедро осыпанъ милостями и оставленъ при дворѣ халифа Изъ разговоровъ съ ученымъ докторомъ халифъ узналъ, что греки были очень развитымъ народомъ. что наука тамъ процвѣтала, и что сочиненія ихъ представляютъ большой интересъ для всякой націи. По предложенію халифа. Джорджисъ занялся переводомъ на арабскій языкъ греческихъ научныхъ и философскихъ сочиненій, въ чемъ ему помогли и другіе несторіцы На этотъ разъ (такъ какъ первая попытка переводовъ, но почти исключительно по алхиміи. была сдѣлана еще при омайядахъ) дѣло было поставлено широко, и благожелательное отношеніе къ нему самого халифа и двора впередъ гарантировало ему успѣхъ. Особенно ревностно занимались переводами во время правленія Аль Мамуна, переводились сочиненія по астрономіи, медицинѣ и философіи. По словамъ Масуди, Аль Мамунъ самъ предсѣдательствовалъ въ собраніяхъ теологовъ и сумѣлъ привлечь къ своему двору знаменитѣйшихъ въ то время діалектиковъ При немъ постоянно находились самые образованные законовѣды и литераторы, которыхъ онъ выписывалъ изъ разныхъ странъ и которыхъ щедро одарялъ и осыпалъ милостями

Зерно попало на благопріятную почву, многіе вошли во вкусъ философскихъ разсужденій: діалектика сдѣлалась своего рода модным занятіемъ. единственно дававшимъ право на званіе образованнаго человѣка. «За восторженной и наивной вѣрой первыхъ временъ послѣдовалъ духъ пытливости, необходимость понять и истолковать. Политическія страсти, противоположныя тенденціи столькихъ различныхъ расъ способствовали возбужденію антагонизма, который, выражаясь въ формѣ ересей, порождалъ жестокія и безконечныя религіозныя войны... Но арабскій умъ былъ плохо приготовленъ къ подобной борьбѣ аргументаціей, распространителямъ новыхъ доктринъ не хватало оружія діалектики. Греческая философія явилась какъ разъ, чтобы снабдить ихъ имъ» [1]). Аристотель сдѣлался для арабовъ учителемъ по преимуществу,—остановились ли они на немъ случайно и безсознательно, какъ считаетъ Ренанъ, выбрали ли они его потому, что его система казалась для нихъ наиболѣе подходящей, какъ говоритъ Мункъ [2]).

---

[1]) L Gauthier La philosophie musulmane p 28.

[2]) Renan Averroes et l'averroisme p. 93. Munk Mélanges de philosophie juive et arabe p. 312.

Первыми, которые воспользовались новымъ оружіемъ, доставленнымъ греческой философіей, были мутазелиты, ученіе которыхъ начало развиваться уже при первомъ аббасидскомъ халифѣ. Ихъ обычно разсматриваютъ, какъ основателей каляма, или схоластической мусульманской теологіи, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сверкала такимъ яркимъ блескомъ, и которая большую часть своихъ аргументовъ и даже своихъ теорій, заимствовала изъ философскихъ книгъ Греціи. Порою мутазелиты были весьма терпимы и, казалось, готовы были итти на всякія уступки, порою отличались крайней нетерпимостью, для преслѣдованія своихъ враговъ не задумывались прибѣгать къ пріемамъ инквизиціи. Во всякомъ случаѣ имъ нельзя отказать въ неоднократно дѣланныхъ попыткахъ примирить между собою разныя секты. Такъ, «они заимствовали у кадаритовъ ученіе о свободной волѣ, у муаттила-отрицаніе божественныхъ атрибутовъ, у морджитовъ—смягченіе вѣчныхъ мукъ для вѣрующаго грѣшника: наконецъ, они отрицали, что Коранъ не былъ сотворенъ, и сводили пророческое вдохновеніе къ естественному проявленію человѣческихъ способностей» [1]). Однако, въ концѣ концовъ, между разными мутазелитами произошли такія разногласія, что не осталось общей связующей идеи, и, если первоначально ихъ ученіе мы могли назвать философской школой, то позднѣйшія явленія заставляютъ насъ разсматривать мутазелитовъ, какъ группу сектъ, имѣющихъ между собою и другими сектами кое-что общее, при большихъ однако и различіяхъ. Дальше мы разсмотримъ ихъ ученіе со всѣми главнѣйшими его особенностями.

До восшествія на престолъ аббасида Мутаваккиля исламъ представлялъ зрѣлище, подобное тому, какое представляло христіанство въ 17 и 18 столѣтіяхъ. «Исламъ былъ раздѣленъ на два лагеря: одинъ—Авторитета, другой—Разума. Одинъ стоялъ за направленіе человѣчества въ дѣлахъ какъ естественныхъ, такъ и сверхъестественныхъ по прецеденту, простому и ясному; другой—по человѣческому сужденію, умѣряемому прецедентомъ, насколько это практически возможно. Разногласіе между этими двумя партіями было непримиримое. Первая состояла главнымъ образомъ изъ законовѣдовъ, къ которымъ присоединилась и невѣжественная масса народа.. Когда Мутаваккиль вступилъ на престолъ, положеніе различныхъ партій было таково: раціоналисты были направляющей силой государства, они занимали всѣ видныя и связанныя съ вліяніемъ мѣста., Раціонализмъ былъ господствующей вѣрой среди образованнаго, мыслящаго и вліятельнаго класса общества.. Желая сдѣлаться идоломъ простонародья и духовнаго класса, Мутаваккиль однимъ эдиктомъ покончилъ съ раціонализ-

[1]) L. Gauthier p. 32.

момъ; школы и университеты были закрыты; литература, наука и философія были запрещены, и раціоналисты были изгнаны изъ Багдада... Фанатичные законовѣды сдѣлались правящей силой государства...» [1]) Этотъ поворотъ политики прежде всего и рѣзче всего отозвался на мутазелитахъ, которые потеряли милость при дворѣ. Какъ это часто случается, вчерашняя истина сегодня уже болѣе не была истиной: былъ опубликованъ эдиктъ, провозглашающій догматъ несотвореннаго Корана и дѣлающій этотъ догматъ обязательнымъ для всѣхъ и каждаго. Возможно, что Мутаваккиль поступилъ такъ не безъ задней мысли, подкладкою которой были только личные интересы, но надо сознаться, что онъ поступилъ довольно мудро и своевременно. Рѣшеніе его не было простымъ капризомъ, и оно было не изъ тѣхъ, которыя могутъ быть отмѣнены хотя бы уже на другой день «Дѣло здѣсь гораздо серьезнѣе: истинную причину пораженія мутазелитовъ должно искать въ самой сущности ислама, какъ ее понимала—и съ основаніемъ—народная вѣра Масса не была въ состояніи слѣдить за спорами ученыхъ: она однако чувствовала, что приверженцы несотвореннаго Корана поддерживали обсолютную цѣнность ихъ религіи, и что такимъ образомъ они имѣли на своей сторонѣ право; она узнавала своего Аллаха и Аллаха Мухаммеда не въ Богѣ мутазелитовъ, сущностью котораго была справедливость, но въ Богѣ православія, Всемогущемъ, которыи не связанъ никакимъ другимъ правиломъ кромѣ собственнаго каприза. Къ несчастью, толпа не была неправа. Законъ ислама заключаетъ въ себѣ прекрасныя нравственныя предписанія, и, что еще лучше, умѣетъ проводить ихъ на практикѣ и энергично побуждать къ ихъ соблюденію Но со всѣмъ тѣмъ, это не этическая религія. Слава мутазелитовъ въ томъ, что они пытались возвысить исламъ до этого характера. Но ихъ попытка столкнулась съ самаго начала... съ совершенно уже тогда установившимся и совершенно неизмѣннымъ характеромъ ислама» [2]) Кромѣ того, нѣкоторые изъ современниковъ первыхъ аббасидовъ такъ воодушевились принципами греческой философіи, что, проявляя усердіе не по разуму, хотѣли непремѣнно согласовать ея принципы съ принципами ислама. Происхожденіе массы толковъ, на которые разбились мутазелиты и нѣкоторые добровольцы, работавшіе подъ этой выгодной въ свое время фирмой,—было первымъ результатомъ этихъ попытокъ. Другимъ результатомъ, которыи надо признать гораздо болѣе важнымъ, было образованіе различныхъ братствъ и орденовъ, чему не мало способствовалъ и суфизмъ, зародившійся чуть не одновременно съ исламомъ. Эти братства и ихъ ритуалъ были совер-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam pp. 402—407.

[2]) A Kuenen. La rel. universelle et rel. nationale pp 37, 38.

шенно противны духу ислама, но правители часто пользовались ими въ качествѣ политическаго оружія и этимъ конечно усиливали ихъ Распространеніе дервишескихъ собратствъ и орденовъ имѣло своимъ результатомъ весьма важное обстоятельство,—«суевѣріе мало по мало замѣнило религію» [1]. Коранъ предписываетъ поклоненіе только Богу, но мусульмане стали поклоняться святымъ и шейхамъ и ихъ могиламъ. Святыми же считались всѣ основатели братствъ и толковъ. Кромѣ того, «при жизни сумасшедшіе, слабоумные, идіоты, шелудивые люди, покрытые рубищами, язвами и нечистотами, считаются святыми и друзьями Бога!.. Могущество этихъ святыхъ равно могуществу Бога: безплодныя женщины приходятъ выпрашивать у нихъ дѣтей, молодыя дѣвушки—мужей, старцы долголѣтія, несчастные—благополучія» [2]) Слѣдовательно, эти святые, эти шейхи и главы братствъ, которые знаютъ будущее, и которые могутъ измѣнить даже неизмѣнные законы человѣческой судьбы, имѣютъ власть больше, чѣмъ самъ Пророкъ Этотъ культъ святыхъ положительно измѣнилъ мусульманскую религію и ввелъ въ нее настоящее идолопоклонство, то идолопоклонство, которое исламъ только что сразилъ и уничтожилъ Кромѣ того, слѣпая дисциплина этихъ братствъ, требующая строгаго и безпрекословнаго исполненія приказаній старшихъ какъ бы дики и безсмысленны ни были эти приказанія, совершенно уничтожили у мусульманъ всякій духъ инициативы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сплотили ихъ такъ, что, въ случаѣ надобности или по указанію шейха, они могутъ служить какъ живымъ барьеромъ, такъ и живымъ тараномъ.

Одною изъ видныхъ жертвъ Мутаваккиля былъ Абу Юсуфъ Якубъ ибнъ Исхакъ аль-Кинди, болѣе извѣстный просто подъ именемъ Аль Кинди и прозванный философомъ по преимуществу. Время его рожденія точнымъ образомъ не установлено Происходилъ онъ изъ арабской фамиліи Кинда и среди своихъ предковъ насчитывалъ много принцевъ Аравіи Отецъ Аль Кинди, Исхакъ бинъ ас-Сабахъ былъ губернаторомъ Куфы при халифахъ Аль Махди, Аль Хади и Гарунѣ.

Аль Кинди учился въ Бассорѣ и Багдадѣ и во времена халифовъ Мамуна и Мутасима прославился гибкостью своего генія и глубиною своего знанія, которое по истинѣ было всеобъемлюще: онъ оставилъ до двухсотъ сочиненій по философіи, математикѣ астрономіи, медицинѣ, политикѣ, музыкѣ и т. п.. Такъ какъ, при своей разносторонней образованности, онъ еще былъ знакомъ съ

---

[1]) Benattar. L' esprit libéral du Coran p. 60

[2]) Idem. p. 63.

языками грековъ, персовъ и индусовъ. то халифъ Мамунъ поручитъ ему перевести на арабскій языкъ сочиненія Аристотеля и другихъ греческихъ мыслителей. Умеръ онъ въ 864 году, пережившій на нѣсколько лѣтъ халифа Мутаваккиля, который преслѣдовалъ его за его мутазелитскія мнѣнія и конфисковалъ у него всю его научную библіотеку.

Во всякомъ случаѣ существованіе мутазелитовъ имѣло свои блестящія страницы, и во время халифата трехъ аббасидовъ доктрина мутазелитовъ была государственной религіей.

Если правленіе Мутаваккиля было неблагопріятно для мутазелитовъ, все же ихъ дѣло нельзя было еще считать совершенно проиграннымъ, такъ какъ никакой эдиктъ, неся съ тобою немилость, не могъ убить идеи, разъ она была жизненна. А таковою, до извѣстной степени, она была, такъ какъ вообще періодъ мутазелитовъ можно назвать борьбою раціонализма съ неподвижной, мало говорящей уму и сердцу догматикой Но только до извѣстной степени. Смерть Мутаваккиля и восшествіе на престолъ халифата Мустансира еще разъ дали побѣду раціоналистамъ. Но на этотъ разъ успѣхъ ихъ былъ кратковременнымъ, такъ какъ за время немилости мутазелиты ослабѣли а ихъ противники, наоборотъ, окрѣпли и усилились Вновь усиленныя гоненія на мутазелитовъ начались при халифѣ Мутазидѣ билла, который безжалостно преслѣдовалъ раціоналистовъ Будучи вынуждены уйти въ Канръ, они и тамъ не нашли для себя успокоенія Какъ сами мутазелиты, учредивши свою инквизацію, въ періодъ своей славы не брезговали проводить свои идеи при помощи меча и пытки, такъ и имъ пришлось испытать на себѣ тѣ же пріемы, примѣненные къ нимъ реакціей Борьба партій почти не прекращалась, а лишь затихала порою на короткіе промежутки въ ожиданіи подкрѣпленій Она тянулась долгое время съ неравнымъ успѣхомъ, пока не восторжествовалъ духъ реакціи въ лицѣ Аль Ашари.

Аль Ашари съ большимъ искусствомъ воспользовался тѣмъ же оружіемъ которымъ такъ сильны были мутазелиты,—греческой философіей. Кромѣ того, то обстоятельство. что раньше онъ самъ былъ мутазелитомъ, помогало ему наносить мѣткіе удары въ тѣ именно мѣста, слабость которыхъ ему была хорошо извѣстна.

«Аль Ашари не впалъ однако въ крайность теологовъ—приверженцевъ буквальнаго и односторонняго толкованія Ученіе, авторомъ котораго онъ является, занимаетъ какъ разъ среднее мѣсто во всѣхъ догматическихъ вопросахъ, являющихся основными,—благодаря геніальнымъ отличіямъ» [1]). Надо была многое

[1]) L. Gauthier. La philosophie musulmane p 37.

примирить и надо было внести въ жизнь успокоеніе, а та борьба мнѣній, въ которой Аль Ашари былъ такимъ виднымъ дѣйствующимъ лицомъ, оставило въ смущеніи многіе умы. Это смущеніе не пропало со всѣмъ, и отсутствіе устойчивости чувствуется въ «Книгѣ Твореніа», авторомъ которой былъ Мутаххаръ бинъ Таиръ аль Макдиси. Онъ написалъ книгу въ 355 г., т. е. уже послѣ смерти Аль Ашари.

Одинъ изъ боевыхъ вопросовъ, дебатировавшихся въ то время, а именно о пользѣ творенія, авторъ книги излагаетъ такъ:

«Унитаріанцы держатся различныхъ мнѣній о значеніи сотворенія міра, такъ какъ Богъ сотворилъ его не для того, чтобы извлечь изъ этого какую-нибудь выгоду, и не для того, чтобы устранить зло; а кто дѣйствуетъ безъ пользы и не для охраны противъ вреда есть безумецъ, а не мудрецъ. Мусульмане говорятъ. это такъ. если на авторѣ акта могутъ отозваться его выгоды или неудобства; но, такъ какъ Богъ не имѣетъ нужды ограждать себя отъ добра или зла, то Онъ не безумецъ и не дѣйствуетъ безъ пользы. Доказательство установило, что Богъ мудръ, а не безуменъ, слѣдовательно, невозможно, чтобы мудрый сдѣлалъ что либо безполезное Значитъ, его твореніе не лишено мудрости, хотя мы и не постигаемъ ея ясно, потому что мы знаемъ, что мудрый дѣлаетъ только то, что мудро» [1]) Даваемое толкованіе, а такихъ мѣстъ въ книгѣ много, едва ли способно удовлетворить мало мальски требовательный умъ

Доктринѣ Аль Ашари впослѣдствіи должно было посчастливиться и сдѣлаться ученіемъ православнаго ислама, но «первоначально оно не удовлетворило ни современныхъ ортодоксалистовъ, ни въ особенности рационалистовъ. мутазельтовъ, или философовъ. А философы въ истинномъ смыслѣ слова дѣствительно появились въ лонѣ ислама..» [2]). Мутазелиты обыкновенно брали за исходную точку догматъ и болѣе или менѣе свободно толковали его: какъ ни тонки и глубоки могли быть иногда ихъ споры, какъ ни важны порою были позаимствованія, сдѣланныя ими у греческой философіи, но все же они заслуживаютъ только имени богослововъ, а не философовъ. Напротивъ. тѣ мыслители, къ которымъ мы теперь переходимъ, хотя и были подобно первымъ мусульманами, но исходную точку своихъ разсужденій брали въ самой греческой философіи. Лишь для того, чтобы отвѣчать на слишкомъ щедро сыпавшіяся на нихъ со стороны ашаритовъ обвиненія въ ереси, они занимаются неблагодарнымъ дѣломъ примиренія философскихъ доктринъ съ догматами ислама. Поэтому они вполнѣ и исключительно заслужива-

---

[1]) Cl Huart. Sur les variations des dogmes de l'islamisme p. 2, 3.

[2]) L Gauthier, La philosophie musulmane pp. 43—46.

ютъ греческаго имени-философовъ, которое имъ даютъ мусульмане; ихъ называютъ также арабскими перипатетиками Арабскіе философы признали въ Аристотелѣ—какъ въ отношеніи сущности доктрины, такъ и въ отношеніи формы—авторитетъ, не имѣющій себѣ равнаго. Они неустанно переводили и комментировали его; они составляли сочиненія подъ заглавіемъ и по плану его сочиненій, истолковывая ихъ, они присвоили себѣ большую часть его теорій

«Мы имѣемъ передъ собою, съ одной стороны, философовъ, достойныхъ этого имени, которые въ общемъ не являются арабами, ни мусульманами; съ другой стороны, арабскихъ мыслителей и мусульманъ, которые занимаются теологіей, но не являются философами въ настоящемъ значеніи этого слова И, въ сущности, выраженія «мусульманская философія» и «арабская философія» не подходятъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ Тѣмъ не менѣе, это приходится сдѣлать, такъ какъ по настоящему нельзя понять однихъ независимо отъ другихъ... Другого термина, который могъ бы подойти и къ тѣмъ и къ другимъ, не подобрать» [1]).

Наиболѣе выдающимися философами первыхъ временъ являются Аль Кинди, о которомъ мы сказали уже выше, и Аль Фараби, живший въ X вѣкѣ нашей эры.

Оба они разсматривали философію Аристотеля, какъ обсолютную истину, и не стремились къ большему, чѣмъ дать ея ясное и вѣрное объясненіе. Въ этихъ толкованіяхъ и объясненіяхъ конечно не могъ не сказаться индивидуальный умъ каждаго, получились разные оттѣнки.

Абу Насиръ Мухаммедъ бинъ Мухаммедъ Турханъ аль-Фараби, прозванный такъ отъ своего родного города Фараба, въ Трансоксаніи, былъ выдающимся физикомъ, математикомъ и философомъ. Онъ долгое время жилъ и трудился при дворѣ Сайфуд-доулэ въ Алеппо.

Онъ считался наиболѣе ученымъ и тонкимъ изъ всѣхъ комментаторовъ Аристотеля: современники и послѣдователи единогласно признали его вторымъ учителемъ. Послѣ Аль Кинди онъ былъ первымъ, который сознательно отнесся къ философіи, т. е сталъ разбираться въ философскихъ доктринахъ, а не принималъ ихъ за безусловную истину, какъ до него дѣлали философствующіе теологи, наивно разсуждавшіе, что, разъ философія есть истина, то ее и надо принимать цѣликомъ, какъ Коранъ.

Онъ оставилъ много сочиненій, такъ много, что его разносторонность легко можетъ возбудить подозрѣніе въ поверхностности. Въ энциклопедіи знанія (Ихса-уль-улюмъ) онъ даетъ общій

---

[1]) L Gauthier. La philosophie musulmane p. 43—46.

обзоръ всѣхъ наукъ. Это сочиненіе раздѣлено на пять частей по разнообразнымъ отраслямъ знанія, а именно: языкознаніе, логика, математика, естественныя науки, политическая и соціальная экономія. Другое знаменитое сочиненіе Аль Фараби—его комментарій на Органонъ Аристотеля Его «Тенденціи философіи Платона и Аристотеля», его трактатъ объ этикѣ, озаглавленный «Ас-спират-уль-Фазила», и другой—о политикѣ, названный «Ассіясат-аль-мединійя», который составляетъ часть болѣе обширнаго сочиненія, носящаго имя «Мабади-уль-маджадатъ», показываютъ гибкую природу его ума [1]). Дѣйствительно, задача, которую онъ взялъ на себя, была не изъ легкихъ. Будучи въ сущности неоплатоникомъ, онъ считалъ, что лишь пересказываетъ доктрины Платона и Аристотеля Положеніе его затруднялось еще тѣмъ, что онъ былъ набожнымъ мусульманиномъ, добросовѣстно относящимся ко всей космографической и эсхатологической мудрости правовѣрнаго ислама. Перо, Таблицы, Тронъ и всѣ чины ангельскіе у него комбинируются съ системой Плотина! Чтобы какъ-нибудь сохранить эту позицію, надо было склониться къ мистицизму, что онъ и сдѣлалъ. И, въ самомъ дѣлѣ, «кто, кромѣ мистика, могъ бы собрать воедино эманаціи Плотина, идеи Платона, сферы Аристотеля и семи-ярусныя небеса Мухаммеда» [2]).

Умеръ онъ въ Дамаскѣ въ 339 (950) году.

Конецъ X вѣка былъ господствомъ правовѣрія, и водворившаяся вновь власть теологовъ проявлялась съ самымъ строгимъ и непримиримымъ формализмомъ. Такое положеніе дѣла естественно не могло не вызвать реакціи, и оно дѣйствительно вызвало ее. Однимъ изъ мирныхъ проявленій этой реакціи было соединеніе небольшой группы мыслителей въ Братство, которое, вкусивъ знанія и оцѣнивъ его значеніе, поставило своей цѣлью поддерживать свѣтъ науки среди мусульманъ, дабы остановить движеніе исламизма назадъ, къ невѣжеству и фанатизму, словомъ, чтобы спасти соціальное зданіе, въ значительной степени потерпѣвшее отъ испытаній времени, отъ дальнѣйшаго разрушенія. Это была воспитательная кампанія, въ которую должна была вступить новая философія.

Эти лица называли себя «ихван-ус-сафа», т е. Чистыми Братьями. Такое общество Чистыхъ Братьевъ было учреждено въ Бассорѣ, тогдашнемъ убѣжищѣ раціонализма и умственной дѣятельности. Въ это общество допускались только люди съ серьезнымъ характеромъ и самой строгой нравственности. Для проникновенія въ общество, повидимому, было необходимо лишь за-

---

[1]) Ameer Ali Spirit of islam p. 349.

[2]) D Macdonald. Muslim theology p 164

явленіе о готовности преданнымъ образомъ служить дѣлу науки и человѣчества. Дѣятельность общества была пропаганда при помощи клубовъ, новѣйшее примѣненіе которой въ послѣдніе годы мы видѣли у младотурокъ.

Если не самое ученіе, то по крайней мѣрѣ поведеніе Чистыхъ Братьевъ было облечено нѣкоторой таинственностью: входило ли это въ ихъ программу, какъ обязательное условіе, или же это было вызвано только тѣмъ суровымъ режимомъ, который существовалъ тогда,—съ достаточною полнотою не выяснено. Тѣ частичныя свѣдѣнія, которыя дошли до насъ, заставляютъ предполагать скорѣе первое Фатимиды, среди которыхъ—и въ особенности съ ортодоксальной точки зрѣнія - было много еретиковъ и невѣрующихъ, въ то же время насчитывали въ своей средѣ много людей просвѣщенныхъ и стремившихся къ просвѣщенію; и у фатимидовъ была съ Чистыми Братьями связь, равно какъ и у этихъ послѣднихъ было какое то общеніе съ исмаилитскими сектами. «Методы, которымъ слѣдовали вожди Братства, совершенно точно совпадаютъ съ методами исмаилитскихъ миссіонеровъ.. Кромѣ того, у нихъ есть присловья и условныя фразы—совершенно тѣ же, которыя были потомъ въ употребленіи у асасиновъ (или убійцъ) Надо припомнить, что асасины вовсе не были разбойничьими шайками.. Какъ восточная, такъ и западная вѣтвь были привержены къ знанію.. Когда монголы овладѣли Аламутомъ, они нашли тамъ массу всякихъ рукописей и научныхъ инструментовъ. Тогда возможно, что возвышенный эклектизмъ Чистыхъ Братьевъ былъ истинной доктриной фатимидовъ, асасиновъ, карматитовъ и друзовъ» [1]) И это, по моему мнѣнію, можно допустить: въ основныхъ идеяхъ исмаилизма въ его крайнемъ развитіи (и конечно рѣчь не можетъ итти объ основаніи секты) вѣроятно есть кое что заимствованное у Чистыхъ Братьевъ. Въ исмаилизмѣ есть что то, не могущее не влечь къ себѣ пытливый умъ; есть моменты, гдѣ идея пантеизма сходится съ идеей атеизма такъ близко и тѣсно, что ихъ трудно различить. Если позаимствованіе было дѣйствительно сдѣлано, приходится только изумиться, какъ мирная проповѣдь обратилась въ суровый и ничѣмъ не примиримый фанатизмъ.

Чистые Братья собирались вмѣстѣ у главы общества, котораго звали Заидъ ибнъ Рифаа, и обсуждали философскіе и этическіе вопросы съ возможной для того времени широтой и разносторонностью взгляда. У нихъ было предположеніе открыть отдѣленія общества во всѣхъ городахъ халифата, гдѣ только возможно было найти группу мыслящихъ людей, желающихъ и способныхъ работать примѣнительно къ ихъ научному методу; однако

[1]) D. Macdonald. Muslim theology p 167.

нѣтъ точныхъ данныхъ, которыя позволяли бы сказать, что культурное движеніе перешло за Багдадъ. Слѣды общества въ Багдадѣ имѣются.

Это филантропическое и научное движеніе велось нѣсколькими лицами, которыя, вмѣстѣ съ Заидомъ, были жизнью и душою братства. Ихъ система была эклектическая, въ высшемъ и истиннѣйшемъ значеніи этого слова. Они не пренебрегали никакой областью мысли и «срывали цвѣты со всякой долины». Несмотря на мистицизмъ, который слегка окрасилъ ихъ философскія воззрѣнія, ихъ взглядъ на соціальную и политическую проблемы былъ въ высшей степени практиченъ и человѣченъ.

Результатомъ трудовъ Чистыхъ Братьевъ является общій сводъ современныхъ знаній въ 51 отдѣльномъ трактатѣ: это составляетъ популярную энциклопедію всѣхъ существовавшихъ въ то время наукъ и философіи, какъ они себѣ ихъ представляли. Авторовъ этихъ трактатовъ. которые извѣстны подъ названіемъ «рисаил-и-ихванъ-ус-сафа», было по меньшей мѣрѣ десять.

«Религіозная идея Чистыхъ Братьевъ была очень близка къ идеямъ Аль Фараби и Ибнъ Сина,—вселенная была эманаціей Бога, но не прямо: Первичная Абсолютная Причина произвела Дѣятельный разумъ: отъ него произошла Абстрактная Душа, отъ которой возникла первичная матерія, протоплазма всѣхъ матеріальныхъ сущностей; Дѣятельный Разумъ отлилъ эту первичную матерію и сдѣлалъ ее способной принимать виды и формы, откуда и были созданы сферы и планеты. Ихъ мораль основана на этомъ самомъ понятіи первичной абсолютной причины, которая неразрывной цѣпью связана съ нижайшимъ изъ ея твореній. Абстрактная душа, индивидуализированная въ человѣчествѣ, всегда силится достигнуть чистоты жизни, самодисциплины, умственнаго ученія, цѣли Совершенства—уйти назадъ, къ источнику, отъ котораго она произошла... Это есть возвращеніе (маадъ), о которомъ училъ Пророкъ, это есть миръ и покой, о которомъ часто повторяется въ Писаніи. Этому то и учили Чистые Братья» [1]).

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Аль Фараби, въ 980 году, близъ Бухары, родился глубочайшій изъ мыслителей XI вѣка и величайшій изъ мусульманскихъ философовъ: это былъ Ибнъ Сина, или въ европейской передѣлкѣ Авиценна

Еще ребенкомъ онъ удивлялъ всѣхъ своими дарованіями, такъ, въ девять лѣтъ онъ зналъ наизусть весь Коранъ, а въ 18 лѣтъ былъ уже выдающимся врачомъ. Онъ много путешествовалъ по Туркестану и Персіи. Про него, какъ и про многихъ, можно сказать, что онъ владѣлъ всѣми знаніями своего времени: онъ

[1]) Ameer Ali Spirit of islam. p. 400.

былъ поэтомъ, политикомъ, математикомъ, врачомъ, философомъ. Эта разносторонность—черта, общая почти всѣмъ представителямъ этой школы. Объемистыя сочиненія его свидѣтельствуютъ о его плодовитости и необыкновенной дѣятельности его ума.

Ибнъ Сина заявляетъ, что онъ много позаимствовалъ у Аль Фараби, въ особенности что касается логики. «Нѣкоторыя теоріи, неопредѣленныя и нерѣшительныя у Аристотеля, пріобрѣли у него замѣчательную опредѣленность. Его класификація наукъ, въ особенности его логика, теорія бытія, души, разума—показываютъ строгость метода и представляются съ такой ясностью, какая отсутствуетъ у греческаго учителя» [1]).

Онъ не далъ самостоятельной философской системы. Хотя онъ и много занимался философіей, но вообще интересовался отвлеченными предметами лишь постольку, поскольку того требовало современное теченіе мусульманской религіозной мысли. Безспорно однако, что онъ былъ передовымъ умомъ своего вѣка, и, несмотря на преслѣдованія, которыя ему пришлось вытерпѣть отъ фанатизма и обиженныхъ самолюбій, онъ сдѣлалъ умственный вкладъ въ сокровищницу будущихъ вѣковъ. Не давши собственной системы, онъ систематизировалъ философію Аристотеля, заполнивъ въ его отрывочной психологіи «пустоту между Богомъ и человѣкомъ».

«Ибнъ Сина съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергъ обвиненіе въ невѣріи, возбужденное противъ него фанатиками или врагами, завидовавшими его славѣ, и одинъ изъ величайшихъ поэтовъ—мистиковъ ислама, Санаи, правовѣріе котораго, хотя и оспариваемое его личными врагами, не составляетъ болѣе вопроса, выразилъ свое почтеніе къ Ибнъ Сина въ своей безсмертной поэмѣ» [2]).

Главнѣйшіе пункты борьбы между философами и теологами ясно обозначаются: это—вопросъ о вѣчности міра и вопросъ о дѣятельномъ разумѣ.

Трудно допустить, что у Ибнъ Сина была задняя мысль уничтожить мусульманскія вѣрованія... Онъ хотѣлъ только очистить, возвысить религію ислама—такую, какъ ее понимали ортодоксалисты его времени. Поэтому онъ сдѣлалъ извѣстныя уступки мусульманскимъ вѣрованіямъ... Своимъ различеніемъ возможнаго дѣйствительнаго и необходимаго онъ пытается спасти догматъ сотворенія, истолковывая его. Міръ онъ помѣщаетъ въ категорію возможнаго и показываетъ, что онъ могъ бы быть весьма отличнымъ отъ того, каковъ онъ есть въ дѣйствительности; слѣдовательно, онъ случаенъ, хотя и вѣченъ, какъ того повели-

[1]) L. Gauthier. La philosophie musulmane p. 48.
[2]) Ameer Ali. Spirit of islam, p. 398.

тельно требуетъ доктрина перипатетиковъ; и, наконецъ, внѣ времени, онъ имѣетъ причину логическую и метафизическую, Существо, равнымъ образомъ вѣчное, но въ то же время необходимое, т. е. Бога..» [1])

Такъ какъ въ мірѣ ислама не могла бы ужиться философія, не дающая отвѣтовъ на нѣкоторые религіозные вопросы, то одною изъ задачъ арабскихъ философовъ и было дать міру полную теорію единства Космоса, которая удовлетворяла бы не только мысль, но и религіозное чувство. «И съ этой цѣлью они старались примирить этическую и духовную сторону науки съ ея философской стороной Отсюда развитіе теоріи двухъ разумовъ: Пассивнаго Разума, или Абстрактной Души, въ соприкосновеніи съ матерьяльными формами и черезъ нихъ подверженнаго измѣненію и смерти: и Активнаго Разума, общающагося съ неизмѣняемымъ и потому остающагося также безъ перемѣны. Посредствомъ терпѣливой дисциплины сердца и души человѣкъ можетъ возвыситься до соединенія съ этимъ Высшимъ Разумомъ. Но требуемая дисциплина была постольку же нравственной и духовной, поскольку и умственной» [2]). Ибнъ Сина былъ наиболѣе яркимъ выразителемъ этихъ идей.

Кромѣ другихъ сочиненій, Ибнъ Сина оставилъ книгу, названную имъ «Тайнами восточной мудрости» Въ ней приводится вышеизложенная мысль. «Доктрина, которая излагается тамъ подъ формой аллегорій, часто темныхъ, но порою прекрасныхъ, есть не что иное, какъ мистицизмъ суфи съ амальгамой аристотелевской теоріи Дѣятельнаго Разума... Существенная цѣль этой философіи — научить посвященныхъ, какимъ образомъ—при помощи аскетизма и размышленія—нашей душѣ удается сбросить низшую часть человѣческой природы, всецѣло поглотиться въ лонѣ божественнаго разума и, слѣдовательно, пользоваться высшимъ блаженствомъ. Но для нѣкоторыхъ изъ этихъ философовъ, болѣе раціоналистовъ, для Ибнъ Рошда, для Ибнъ Баджа, о которыхъ мы скажемъ дальше, единенія съ божественнымъ разумомъ достигаютъ лишь при помощи знанія и непрерывнаго упражненія въ умозаключеніи, и аскетизмъ сводится только къ лишенію себя излишняго, къ обузданію страстей, однимъ словомъ—къ сдерживанію всѣхъ чувственныхъ способностей, безпорядочные порывы которыхъ, нарушая совершенное равновѣсіе человѣческихъ способностей, могли бы отвлечь душу отъ умозрительной науки. По мнѣнію другихъ, болѣе проникнутыхъ суфизмомъ, болѣе доступныхъ мечтаніямъ восточнаго мистицизма, знаніе, въ соединеніи съ добродѣтелью, несомнѣнно

---

[1]) L. Gauthier La philosophie musulmane p 50.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam p. 395.

составляетъ—для тѣхъ, кто не удостоенъ милости, предназначенной для святыхъ и пророковъ—необходимую подготовку для воспріятія абсолютной истины; но то знаніе, которое даетъ наука, основанная на разсужденіи, остается всегда отрывочнымъ и неполнымъ. Лишь въ экстазѣ оно можетъ преобразиться въ длительное сознаніе. Чтобы получить подобное сознаніе, душа должна сбросить съ себя послѣдніе остатки множественности, которые еще имѣются въ ней вслѣдствіе ея общенія съ чувственнымъ міромъ и тѣломъ. Итакъ, нужно, чтобы мудрый, достигшій высочайшей степени умозрительнаго знанія, отказался и отъ этого знанія и отъ себя самого. Онъ долженъ подчиниться долгой и трудной тренировкѣ, ведущей—при помощи поста, самомученія, заглушенія всѣхъ чувствъ—къ исключительному созерцанію идеи Бога, къ уничтоженію не только всякаго чувственнаго представленія, но и всякой косвенности, всякой двойственности, къ конечному поглощенію собственной индивидуальности въ лонѣ божественнаго Единства. Это ученіе не отказываетъ разуму во всей цѣнности, и онъ остается господствующимъ въ области умозрительнаго знанія; но оно допускаетъ, поверхъ знанія и разума, болѣе ясный и болѣе совершенный способъ понятія, простое сознаніе, внѣвременное, равносильное абсолютной истинѣ. Такова доктрина, общая—въ разныхъ степеняхъ и съ извѣстными оттѣнками—Ибнъ Сина, Аль Газали и Ибнъ Туфаилю». [1])

Благодаря относительной легкости языка, вліяніе сочиненій Ибнъ Сина на читателей было громадно. Это не могло пройти ему даромъ, и правовѣрное мусульманство усмотрѣло въ его ученіи ересь и предало его проклятію.

Здѣсь мы переходимъ къ другому великому мыслителю ислама—Аль Газали. Упомянемъ еще только о той характеристикѣ Ибнъ Сина, которую ему даетъ Шахрастани, характеризуя его ученіе

«Ибнъ Сина провозглашаетъ индивидуальное существованіе человѣческой души и доказываетъ, что она удержитъ эту индивидуальность послѣ разлученія ея съ матеріальнымъ тѣломъ; но что радости и страданія будущаго существованія будутъ чисто духовными—въ зависимости отъ того, использовалъ человѣкъ или нѣтъ свою умственную, нравственную и физическую силу для достиженія Совершенства Онъ также доказываетъ необходимость для человѣчества пророческой миссіи Пророкъ излагаетъ людямъ божественные законы, объясняетъ имъ этическія требованія божества и человѣчества въ притчахъ, доступныхъ для пониманія простого народа, кладетъ основы раз-

---

[1]) L. Gauthier La philosophie musulmane pp. 52—56.

ственнаго и соціальнаго развитія и является истиннымъ вѣстникомъ Бога на землѣ» [1]).

Аль Газали процвѣталъ въ концѣ XI вѣка. Подобно Ибнъ Сина и Аль Фараби, онъ былъ родомъ изъ Персіи, изъ города Туса

Многія сочиненія Аль Газали отличаются весьма субъективнымъ характеромъ. Излагая извѣстный вопросъ, онъ подробно останавливается на личныхъ переживаніяхъ, такъ что многія мѣста могутъ быть названы автобіографіей, весьма богатой психологическимъ анализомъ. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что послѣ ознакомленія со всѣми религіозными сектами и философскими школами и основательнаго изученія ихъ, причемъ изученія почти практическаго, насколько и гдѣ это возможно, онъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ онѣ ложны, и успокоеніе своей измученной душѣ онъ нашелъ только въ аскетизмѣ суфи. Онъ говоритъ, что ему были извѣстны слова Пророка, который сказалъ, что всякое дитя родилось въ міръ со знаніемъ истины, и тогда ему захотѣлось узнать, что такое истина. Одиннадцать лѣтъ онъ прожилъ въ уединеніи и возвысился почти до мистическаго экстаза, но въ это время получилъ предложеніе занять профессорскую кафедру въ Багдадѣ. Какъ ему ни трудно было покидать свое уединеніе, но требованіе было слишкомъ настойчиво, и онъ не счелъ себя въ правѣ отказать. Отправившись на защиту правовѣрія, онъ, послѣ продолжительнаго покоя въ уединеніи, сразу попалъ въ сумятицу самыхъ жаркихъ философскихъ и религіозныхъ споровъ.

Большинство авторовъ считаетъ, что Газали былъ скептикомъ, и что онъ хотѣлъ принизить разумъ на служеніе вѣрѣ и возродить пошатнувшійся исламъ на развалинахъ философіи. Хотя въ философіи Газали и не нашелъ того свѣта, котораго искалъ, но во всякомъ случаѣ, хотя онъ и написалъ сочиненіе «Разрушеніе (или опроверженіе) философовъ», его не приходится обвинять въ разрушеніи философіи только ради разрушенія. Онъ философію могъ признать только въ томъ случаѣ, если бы она въ совершенствѣ выполнила роль служанки религіи, такъ какъ эту роль онъ считалъ почти ея единственной Но никогда разумъ не можетъ ни отвѣтить на всѣ вопросы, ни раскрыть всѣхъ загадокъ жизни,- и Газали увидѣлъ, что философія не отвѣчаетъ его нуждамъ. Все же онъ никогда не отывается о философіи и о наукѣ въ ихъ сферѣ непочтительно. Его постоянное увѣщаніе, подкрѣпляемое его личнымъ, всю жизнь почти тянувшимся примѣромъ, таково, что тотъ, кто хочетъ понять ихъ и

---

[2]) Loc. cit. in Ameer Ali Spirit of islam. p 396.

опровергнуть, долженъ первоначально основательно изучить ихъ, «что поступать иначе и злоупотреблять тѣмъ, чего мы не знаемъ, ведетъ лишь къ тому, что мы навлекаемъ презрѣніе и на себя и на то дѣло, которое отстаиваемъ» [1]. Собственную область за разумомъ онъ признаетъ и многое строитъ на его принципахъ, такъ какъ мудрость цѣнитъ гораздо выше, чѣмъ простое вѣрованіе, а слѣпой догматизмъ называетъ «немудрымъ другомъ ислама» [2]

Самъ Газали говоритъ, что онъ дѣйствительно былъ скептикомъ, но только въ теченіе промежутка времени не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Это была почти абсолютный скептицизмъ, приближающійся къ атеизму. Онъ дѣлаетъ ясное и систематическое изложеніе причинъ, которыя привели его къ полному сомнѣнію; какъ, признавъ сначала доводы разума, онъ потомъ отвергъ ихъ на томъ основаніи, что логичность ихъ, можетъ быть, только кажущаяся, и что здѣсь можетъ быть та же ошибка, какъ и въ доказательствахъ, доставляемыхъ намъ нашими ощущеніями. Далѣе ему показалось, что истина можетъ быть постигнута только въ мистическомъ экстазѣ, но и здѣсь онъ не нашелъ полнаго удовлетворенія, пока Богу не было угодно исцѣлить его отъ этой болѣзни сомнѣнія, проливъ свѣтъ въ его сердце. Онъ вспомнилъ, какъ Пророкъ объяснялъ слова Корана: «Когда Богъ захочетъ кого направить, Онъ открываетъ его сердце для ислама» (сура VI, ст. 126),– это значитъ, что Богъ проливаетъ свѣтъ въ сердце. Такимъ образомъ разумъ и сердце, просвѣтленные свыше, должны дѣлать правильные выводы. Благодаря этому божественному откровенію, а не при помощи разсужденій, онъ навсегда открылъ вѣру въ принципахъ разума Онъ добавляетъ, что это онъ долженъ былъ сдѣлать сразу, а не проводить время въ безполезныхъ исканіяхъ, но уже «того, кто ищетъ даже то, что не слѣдуетъ искать, никто не заподозритъ въ небрежности при поискахъ того, что должно искать».

Хотя Газали и не остался скептикомъ въ абсолютномъ значеніи этого слова, тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ—и иначе не могло быть– неотрицаемыя скептическія тенденціи.

Православные послѣдователи каляма заимствовали у древнихъ греческихъ школъ для нуждъ своей политики – теорію пустоты и атомовъ. Подобно тому, какъ пространство, по этой теоріи, заполнено атомами, которые раздѣляются другъ отъ друга абсолютно пустыми промежутками, и время состоитъ изъ малыхъ недѣлимыхъ моментовъ, раздѣленныхъ интервалами покоя. Богъ создаетъ атомы и событія и также разрушаетъ ихъ—по мѣрѣ того, какъ это становится Ему угодно Такъ какъ атомъ не

[1]) D. Macdonald. Muslim theology p. 223.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam p. 412.

можетъ занимать одновременно два мѣста, или событіе не можетъ длиться два момента подрядъ, то изъ этого должно заключить, что вселенная существуетъ только благодаря непрерывному творенію... Въ природѣ нѣтъ законовъ: все въ каждый моментъ зависитъ отъ всегда свободной воли Бога... Газали, который самъ критиковалъ гипотезу атомовъ, не смущается подобной системой [1]).

Разслѣдовавъ и найдя, что философія не отвѣчаетъ въ должной степени тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней можетъ предъявить религія, онъ съ необыкновеннымъ жаромъ посвятилъ себя разрушенію раціонализма, представленнаго перипатетической школой Аль Фараби и Ибнъ Сина, и онъ выполнилъ эту работу разрушенія съ безподобной энергіей. Здѣсь онъ уже сталъ исключительно на точку зрѣнія теологіи, и нападки его на философію были жестоки.

Всѣхъ философовъ онъ раздѣляетъ на три группы:

1) «Дахри» (матеріалисты), которые вѣрятъ въ вѣчность матеріи и отрицаютъ существованіе Творца.

2) физики или натуралисты (деисты), которые вѣрятъ въ существованіе Творца, но думаютъ, что человѣческая душа немедленно послѣ разлученія съ тѣломъ перестаетъ существовать. И тѣ и другіе, по его мнѣнію, были невѣрными.

3) Теисты (Платонъ и Аристотель),—«эти совершенно отвергли доктрины первыхъ двухъ, и Богъ черезъ это спасъ истинно вѣрующаго отъ битвы. Но они должны быть объявлены невѣрными, а вмѣстѣ съ ними и мусульманскіе философы, которые слѣдовали имъ, въ особенности Аль Фараби и Ибнъ Сина, потому что ихъ философія такъ смутна, что вы не можете отличить истину отъ лжи такъ, чтобы отвергнуть послѣднюю. Насколько мы можемъ открыть изъ писаній этихъ двухъ людей, знаніе можетъ быть раздѣлено на три части: относительно одной группы мы должны высказаться, какъ о невѣріи, относительно другой, какъ о ереси, и относительно третьей намъ не нужно ничего говорить» [2]). По мнѣнію Газали, «гибельныя ошибки теистовъ заключались въ томъ, что взгляды ихъ были метафизическими. Три изъ ихъ положеній дѣлаютъ ихъ невѣрными: 1) они отвергаютъ тѣлесное воскресеніе и физическое послѣ него наказаніе, говоря, что наказанія въ будущемъ мірѣ будутъ только духовныя. Что тамъ будутъ духовныя наказанія, Газали это допускаетъ, но говоритъ, что тамъ будутъ также и физическія. 2) Они утверждаютъ, что Богъ знаетъ только общее, но не частности. 3) Они утверждаютъ, что міръ существуетъ отъ вѣчно-

---

[1]) L. Gauthier La philosophie musulmane pp. 63, 64.

[2]) Loc cit. in Ameer Ali' Spirit of islam p. 412.

сти и до вѣчности. Когда они отрицаютъ аттрибуты Бога и утверждаютъ, что Онъ знаетъ Своею сущностью, а не чѣмъ то, къ этой сущности прибавленнымъ, они только еретики, а не невѣрные» [1]).

Тѣмъ не менѣе, несмотря на многія свои полемическія сочиненія, внѣ вопросовъ чистой полемики, Газали отличался примирительнымъ духомъ «Особое произведеніе подъ заглавіемъ «Критерій различенія между исламомъ и ересью» посвятилъ онъ идеѣ терпимости. Въ немъ онъ возвѣщаетъ міру ислама слѣдующее ученіе: признаніе правовѣрнымъ основывается на соглашеніи относительно главнѣйшихъ основъ религіи, и отклоненія въ догматическихъ и обрядовыхъ особенностяхъ—хотя бы это было даже отверженіе признаннаго суннитскимъ исламомъ халифата, стало быть, и шіитскій расколъ – не могутъ служить основаніемъ для признанія кого еретикомъ. «Ты долженъ сдерживать языкъ свой по отношенію къ людямъ, обращающимся къ киблѣ». То, что онъ поминалъ это старое наставленіе своимъ единовѣрцамъ, что онъ придавалъ ему важное значеніе и вербовалъ для него сторонниковъ—въ этомъ его большая заслуга въ исторіи ислама. Этимъ, какъ мы только что видѣли, онъ не проповѣдывалъ никакой новой идеи, но училъ только возврату къ духу старыхъ временъ. Но онъ пробудилъ этотъ духъ послѣ того, какъ ему измѣнили, и обогатилъ его мыслями, которыя возрастилъ въ немъ суфизмъ» [2]).

Никогда еще среди ортодоксалистовъ не было діалектика такого закала, какъ Аль Газали. Благодаря ему, побѣда окончательно осталась за ашаритами, и вмѣстѣ съ тѣмъ философія понесла такое пораженіе, послѣ котораго уже не могла оправиться. На Востокѣ она не могла уже болѣе оставаться, и она эмигрировала на Западъ ислама, и тамъ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, возобновила борьбу съ ашаризмомъ и въ теченіе всего XII вѣка успѣхъ не покидалъ ея

На Западѣ Аль Газали при жизни не имѣлъ такого успѣха, какъ на Востокѣ, и его книга, названная «Воскрешеніе знаній и вѣры», вызвала гоненія въ Испаніи, гдѣ она была обречена на сожженіе. Какъ это часто бываетъ, осужденіе это послужило къ популярности книги, и въ массу проникли тѣ идеи, которыя безъ этого подчеркиванія, можетъ быть, остались бы незамѣченными, такъ какъ онѣ были сложны. Газали объ этомъ осужденіи узналъ случайно отъ вернувшихся изъ Испаніи сородичей и былъ весьма этимъ огорченъ. Но осужденіе это по-

---

[1]) D. Macdonald. Muslim theology p. 222.

[2]) И. Гольдціэръ Лекціи объ исламѣ стр 169, 170.

служило къ вящшему торжеству его идей, какъ мы можемъ видѣть изъ исторіи альморавидовъ и альмохадовъ.

Династія альморавидовъ (или марабутовъ) владѣла Испаніей и частью Сѣверной Африки съ 448 по 541 годъ Основателемъ ея былъ Абу Бакръ, а послѣднимъ, шестымъ халифомъ-Исхакъ. При жизни послѣдняго, въ 524 году, часть Сѣверной Африки уже была завоевана альмохадами (или муваххидами). династія которыхъ правила съ 524 по 667 годъ.

Въ первой половинѣ пятаго столѣтія нѣкто Яхья ибнъ Ибрагимъ, вождь племени Лемтуна, кочевавшаго около Сенегала, отправился для совершенія паломничества въ Мекку. То, что ему пришлось увидать по дорогѣ, убѣдило его въ томъ, что его племя стоитъ на пути гибели, такъ какъ слишкомъ удалилось отъ истиннаго ислама. И онъ задумалъ найти человѣка, годнаго для роли проповѣдника. Такого онъ нашелъ въ лицѣ Абдулла ибнъ Ясина, «который былъ большой знатокъ закона, до тонкости изучившій правила и постановленія Малика и его учениковъ, и былъ твердо убѣжденъ, что отъ того, какъ исполняются предписанныя колѣнопреклоненія во время молитвы и омовеніе передъ нею, отъ вѣрнаго взиманія налога въ пользу бѣдныхъ, отъ соблюденія правилъ при убоѣ назначенныхъ для пищи животныхъ и т. п. зависитъ спасеніе человѣчества» 1) Онъ возмущался жизнью тѣхъ, среди кого ему приходилось проповѣдывать, но самъ онъ не былъ лучше другихъ,—онъ лишь умѣло обходилъ законъ и кромѣ того былъ ханжа

Такъ какъ проповѣдь его была стѣснительна для дикаго почти народа, то сначала она особеннаго успѣха не имѣла. Наконецъ, онъ съ нѣсколькими своими приверженцами, въ томъ числѣ двумя вождями племени Лемтуна-Яхьей и Абу Бакромъ, удалился на островъ Сенегалъ и построилъ себѣ тамъ рибатъ, или родъ укрѣпленнаго монастыря. Когда приверженцевъ у него набралось до тысячи человѣкъ, а это уже была сила, онъ началъ совершать благочестивые набѣги на сосѣднія племена и обращалъ ихъ въ свою вѣру. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ настолько усилился, что уже пошелъ священной войной на жителей Марокко... Въ рукахъ Абдуллы осталось лишь духовное главенство, предводительствовалъ же въ священной войнѣ сначала Яхья, а потомъ Абу Бакръ, положившій начало династіи альморавидовъ.

Альморавиды были суровые фанатики, своей цѣлью поставившіе защищать исламъ отъ евреевъ и христіанъ: но при послѣднихъ государяхъ династіи междоусобія ослабили ихъ силу, и они перестали быть страшными для христіанъ, да и мусульма-

---

1) А Мюллеръ. Исторія ислама т IV, стр. 195.

намъ уже не подъ силу стало выдерживать фанатичный гнетъ надъ всякой попыткой мышленія. «Въ правленіе шестого альморавидского государя Али среди мароккскихъ берберовъ появился новый пророкъ, юный Мухаммедъ ибнъ Тумартъ, который выдалъ себя за махди и требовалъ очищенія мусульманскихъ вѣрованій отъ наслоившагося антропоморфизма» 1) Былъ онъ или не былъ ученикомъ Аль Газали, но во всякомъ случаѣ съ его ученіемъ онъ былъ знакомъ, и оно оказало на него громадное вліяніе. Кромѣ того онъ, будто бы, вызбался отомстить за несправедливость, причиненную Аль Газали сожженіемъ его сочиненія «Воскрешеніе наукъ и вѣры» 2).

Въ началѣ своей общественной дѣятельности, говоритъ Мюллеръ, Мухаммедъ ибнъ Тумартъ такъ обманывалъ своихъ сторонниковъ ложными чудесами, что его можно причислить къ самымъ большимъ обманщикамъ всѣхъ временъ, и ему можно смѣло удѣлить почетное мѣсто рядомъ съ фатимидомъ Убейдуллой... Къ ашаритскому ученію, которое онъ сначала сталъ громко проповѣдывать въ Триполи, онъ присовокупилъ лишь одинъ шіитскій догматъ о непогрѣшимости имама, происходящаго изъ рода Али, тайно надѣясь, въ удобный моментъ поддѣлавъ родословную алидовъ, провозгласить себя этимъ имамомъ. 3) Это возможно, но, съ другой стороны, нельзя отрицать того, что въ странѣ, гдѣ началась проповѣдь Ибнъ Тумарта, исламъ былъ сильно испорченъ, и проповѣдь его первоначально была совершенно искренней, какъ и проповѣдь Мухаммеда, и лишь стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ позволило ему значительно расширить свою игру, пользуясь для этого всѣми дозволенными и недозволенными, съ точки зрѣнія морали, средствами. Какъ бы тамъ ни было, онъ сталъ проповѣдывать исповѣданіе строгаго единства Бога, и церковная партія, въ лицѣ маликитовъ, оказалась еретиками въ глазахъ нафанатизированной толпы. Онъ сурово возставалъ противъ антропоморфизма ханбалитовъ, ученіе которыхъ было преобладающимъ въ сѣверной Африкѣ, и доказывалъ, что всѣ заключающія въ себѣ идею антропоморфизма мѣста Корана должны быть толкуемы иносказательно, и что прямое ихъ толкованіе есть не что иное, какъ невѣріе. Это былъ слишкомъ смѣлый шагъ, и Ибнъ Тумаръ былъ изгнанъ изъ Триполи. Черезъ нѣкоторое время онъ снова вернулся и продолжалъ свою проповѣдь Принужденный вновь спасаться бѣгствомъ, онъ объявилъ себя шерифомъ, т. е. потомкомъ Али, и принялъ присягу въ качествѣ махди, посланнаго для ис-

---

1) А. Крымскій. Статья «альморавиды» въ Нов. Энцикл. слов.
2) Conde. Domination des arabes en Espagne v. II p 323.
3) А. Мюллеръ. Исторія ислама. т. IV, стр. 228, 229.

требленія невѣрныхъ и возстановленія царства Божія на землѣ. Это было въ 515 году [1]).

Изъ своихъ приверженцевъ онъ организовалъ при себѣ верховый совѣтъ изъ десяти старѣйшинъ, при посредствѣ которыхъ онъ и сносился съ общиной муваххидовъ.

Легко можетъ быть, говоритъ Макдональдъ, что онъ, подобно фатимидамъ, еще имѣлъ и тайное ученіе или изложеніе тѣхъ простыхъ принциповъ, которые были предназначены для народной массы. У его послѣдователей имѣются уже ясные слѣды этого. Какъ философы—аристотеліанцы, такъ и выдающіеся суфи были связаны съ движеніемъ муваххидовъ [2]).

Проповѣдь Ибнъ Тумарта имѣла успѣхъ,—противъ альморавидовъ была объявлена священная война: успѣхъ былъ быстръ и громаденъ. Альморавиды было уничтожены, и тѣ области, которыми они владѣли, съ присоединеніемъ еще другихъ, перешли во власть альмохадовъ.

Умеръ Ибнъ Тумартъ въ 524 году, оставивъ завершеніе своего дѣла своимъ послѣдователямъ.

Громадный успѣхъ движенія былъ отчасти обязанъ тому обстоятельству, что оно было національнымъ: Ибнъ Тумартъ былъ берберъ, и его голосъ былъ внушителенъ для берберовъ. «Онъ перевелъ для нихъ Коранъ на берберскій языкъ; призывъ къ молитвѣ дѣлался по—берберски; всѣ служители церкви должны были знать этотъ языкъ; его собственныя богословскія писанія обращались какъ на арабскомъ, такъ и на берберскомъ языкахъ» [3]). Вторая причина успѣха заключалась въ томъ, что въ движеніи принимали участіе лучшіе просвѣщенные умы. Первый государь династіи, «Абдуль Муминъ славенъ не только какъ завоеватель, но и какъ сторонникъ широкихъ научныхъ интересовъ, которые при господствѣ тупыхъ альморавидовъ подверглись гоненію. Еще славнѣе въ этомъ отношеніи его преемникъ халифъ Юсуфъ Абу Якубъ (1163—1184), при дворѣ котораго жили Ибнъ Рошдъ и Ибнъ Туфайль» [4]). Къ нимъ мы теперь и перейдемъ, удѣливъ предварительно нѣсколько словъ другому философу, котораго нельзя обойти молчаніемъ.

Абу Бакръ Мухаммѣдъ ибнъ Яхья, въ общежитіи называемый Ибнъ Баджа (имя, которое европейскими учеными было передѣлано въ Авенпэсъ)—первый философъ—перипатетикъ, дос-

---

[1]) А Мюллеръ Исторія ислама т. IV, стр. 239.
[2]) Macdonald Muslim theology p. 248.
[3]) Idem p. 249.
[4]) А. Крымскій Статья „альморавиды" въ Нов. Энц. Словарѣ.

тойный упоминанія, который появился въ Андалузіи. Онъ родился въ Сарагоссѣ въ концѣ XI вѣка, жилъ нѣкоторое время въ Севильѣ, а затѣмъ перебрался въ Африку, гдѣ занималъ высокое положеніе при дворѣ альморавидскихъ правителей.

Онъ былъ не только выдающимся физикомъ, математикомъ и астрономомъ, но и первокласснымъ музыкантомъ, т е. общая многимъ арабскимъ ученымъ разносторонность образованія не была чужда и ему.

«Для Ибнъ Баджа, какъ для всякаго, задачей философа было—какъ занять и поддерживать сносное положеніе въ свѣтѣ, состоящемъ въ значительной части изъ философскихъ невѣждъ и религіозныхъ фанатиковъ. Эта проблема имѣла двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю. Внутренняя и болѣе благородная была—рѣшить, какъ подобный умъ могъ бы возвыситься до истиннаго пониманія вещей и такимъ образомъ достигнуть вѣчной жизни, въ которой индивидуальный духъ теряется въ Дѣятельномъ Разумѣ... Другая болѣе низкая, была—какъ представить свои взгляды и приспособить свою жизнь такимъ образомъ, чтобы и взгляды и жизнь были возможны въ мусульманскомъ обществѣ» [1]. Обладая въ достаточной степени, помимо другихъ талантовъ, и качествами лукаваго царедворца, онъ для себя лично довольно удачно разрѣшилъ практическую сторону задачи.

«Поглощенный дѣлами этого міра. Ибнъ Баджа писалъ лишь небольшіе, наскоро составленные трактаты, почти всѣ неполные, и которыми онъ, по собственному его заявленію, не былъ удовлетворенъ» [2]. Многія изъ его сочиненій дошли до насъ во всей полнотѣ.

Ибнъ Баджа былъ прямымъ ученикомъ Аль Фараби (хотя лично его, конечно, не зналъ) и дѣйствовалъ противъ тенденціи —одновременно скептической и мистической—Аль Газали, противъ котораго онъ защищалъ права умозрительной науки. Онъ рѣзко высказывался противъ мистицизма и требовалъ широкой дороги для примѣненія разума». Онъ училъ, что величайшая радость и наибольшее приближеніе къ истинѣ могутъ быть достигнуты въ мысли, а не въ чувственныхъ экстазахъ мистицизма; что разумъ есть высочайшій элементъ въ существѣ человѣка, единственный безсмертный, когда онъ соединяется съ Активнымъ Разумомъ, составляющихъ все то, что осталось отъ Бога. Подняться такимъ образомъ человѣческій разумъ можетъ только при помощи постояннаго упражненія своихъ функцій [3].

Онъ высказываетъ также эпикурейскую тенденцію о госу-

---

[1]) Macdonald Muslim theology. p 250

[2]) L. Gauthier La philosophie musulmane. p. 66.

[3]) Macdnald. Muslim theology. p 251

дарствѣ, какъ необходимомъ злѣ. Приходитъ онъ къ этому такимъ путемъ: разъ цѣль жизни человѣка составляетъ стремленіе къ соединенію съ Активнымъ Разумомъ, то человѣкъ долженъ жить во всѣхъ отношеніяхъ раціонально, чтобы для него былъ ясенъ каждый его шагъ и каждое дѣйствіе; общественная жизнь мѣшаетъ этой сосредоточенности; поэтому лучше жить въ уединеніи или соединяясь въ небольшія братства и упражняться въ познаніи и саморазвитіи.

Ибнъ Баджа своимъ ученіемъ произвелъ въ западномъ исламѣ новое философское движеніе, и проповѣдываемыя имъ доктрины, въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи Ибнъ Туфайлемъ и Ибнъ Сина, приняли имя аверроизма и панпсихизма.

Ибнъ Баджа умеръ въ Фецѣ въ 1138 году, и есть предположеніе, что онъ былъ отравленъ.

Абу Бакръ Мухаммедъ ибнъ Абдулъ Маликъ ибнъ Туфайль аль-Кайси родился въ началѣ XII вѣка въ Годиксѣ, маленькомъ городкѣ Андалузіи, въ провинціи Гренады. Это былъ человѣкъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ: онъ прославился какъ физикъ, математикъ, философъ и поэтъ, и пользовался большимъ почетомъ при дворѣ въ первыя два царствованія альмохадской династіи. Онъ былъ одновременно и врачомъ и министромъ альмохадскаго государя Абу Якубъ Юсуфа, съ 1163 по 1184 годъ. Умеръ онъ въ Марокко въ 1185 году.

«Ибнъ Туфайль очевидно не надѣялся, что народную массу когда нибудь можно привести къ истинѣ. Чтобы обуздать въ человѣкѣ дикаго звѣря, нужна религія, и массы должны быть предоставлены направленію этой религіей. Для философа стараться научить ихъ лучшему—значить подвергать себя опасности, а ихъ лишать того немногаго, что они имѣютъ» [1]).

Ибнъ Туфайль является наиболѣе мистичнымъ изъ всѣхъ западныхъ перипатетиковъ. Хотя онъ, согласно съ Ибнъ Баджой, провозглашаетъ полезность умозрительнаго знанія и практическихъ добродѣтелей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заимствуетъ у Аль Газали и Ибнъ Сина, которыхъ онъ, по его словамъ, пытается примирить [2]) всю практику восточнаго аскетизма, подготовленія къ эстазу, самоистязаніе, продолжительную неподвижность индійскихъ факировъ, вращеніе дервишей. Все это нужно для того, чтобы въ постоянномъ очищеніи ума и тѣла и въ неустанныхъ поискахъ абсолютнаго единства въ окружающемъ его индивидуальномъ множествѣ—найти дорогу, чтобы затеряться въ этомъ вѣчномъ и единомъ духѣ, который для него

[1]) D. Macdonald. Muslim theology. p. 253.
[2]) L. Gauthier. La philosophie musulmane. p. 67.

является божественнымъ. Тогда, наконецъ, онъ приходитъ въ экстазъ и достигаетъ того, чего не видѣли очи, и не слышали уши. Изъ этого видно, что «въ своихъ методахъ Ибнъ Туфайль существенно приближается къ Аль Газали, но разница между ними та, что Газали былъ теологъ и въ своемъ экстазѣ видѣлъ Аллаха, и Ибнъ Туфаль былъ философъ и въ своемъ экстазѣ видѣлъ Дѣятельный Разумъ и его цѣпь причинъ, достигающую человѣка и отъ человѣка возвращающуюся къ нему» [1]).

Воззрѣнія Ибнъ Туфайля рѣзко выражены въ его философскомъ романѣ «Хайи ибнъ Язканъ».

Въ этомъ романѣ Ибнъ Туфайль изображаетъ два острова одинъ обитаемый, другой необитаемый. На обитаемомъ островѣ имѣется нѣкоторый народъ, живущій опредѣленной жизнью и сдерживаемый нѣкоторой религіей наградъ и наказаній. Народъ, жизнь и религія—условные. Два человѣка изъ этого народа, по именамъ Саламанъ и Асаль, возвысились до возможнаго уровня самоуправленія. Саламанъ примѣняется внѣшнимъ образомъ къ народной религіи и правитъ народомъ. Асаль, стараясь еще болѣе усовершенствоваться въ уединеніи, отправляется на другой островъ. Но тамъ онъ находитъ человѣка, Хайи ибнъ Язкана, который отъ самаго рожденія жилъ въ одиночествѣ. По одному преданію, появленіе его на свѣтъ было самозарожденіемъ, такъ какъ у него не было ни отца, ни матери; по другому, онъ родился отъ тайнаго брака одной принцессы на сосѣднемъ островѣ. Она не могла его оставить при себѣ, и этотъ новый Моисей въ осмоленномъ ящикѣ былъ ввѣренъ волнамъ, которыя и прибили его къ необитаемому острову. Чудесное начало требуетъ и чудеснаго продолженія. Ребенокъ погибъ бы отъ голода если бы его не нашла газель и не вскормила своимъ молокомъ. На этомъ конечно ея материнскія заботы должны были окончиться. Ребенокъ былъ предоставленъ самому себѣ. Послѣдовательно, благодаря врожденнымъ и не испорченнымъ никакими посторонними вліяніями силамъ ума, онъ развился до высшаго философскаго уровня и достигъ вѣдѣнія Божества. Онъ прошелъ черезъ всѣ степени знанія. Ему пришлось самому дойти до того, какъ устроить себѣ жилище, чтобы укрыться отъ непогоды, и какъ одѣваться. Онъ научился приручать животныхъ и употреблять ихъ на нѣкоторыя работы. Отъ этого онъ переходитъ къ размышленіямъ и дѣлаетъ различные выводы, пока наконецъ вселенная не открывается передъ нимъ въ достаточной ясности. И теперь онъ находитъ, что его философія, выработанная такимъ путемъ, безъ посредства пророка или безъ

---

[1]) D. Macdonald. p. 253.

помощи откровенія свыше, и очищенная религія Асаля—одно и то же.

Разсказанная Асалемъ исторія другого народа, пребывающаго въ темнотѣ на другомъ островѣ, волнуетъ его душу: ему хочется подѣлиться съ несчастнымъ народомъ тѣми знаніями, которыхъ онъ достигъ, и которыя доставили ему удовлетвореніе, и онъ отправляется туда въ качествѣ миссіонера. Но вскорѣ онъ познаетъ, что система Мухаммеда была единственно истинной для большихъ массъ, и что онѣ могутъ быть направляемы только при помощи чувственной аллегоріи и конкретныхъ вещей. И онъ вновь удаляется на свой островъ, чтобы продолжать свою прежнюю одинокую жизнь

«Если это есть критика конечности историческаго откровенія, это вмѣстѣ съ тѣмъ есть и защита отношенія муваххидовъ къ народу и философамъ. По милости Абу Якуба, Ибнъ Туфайль практически былъ способенъ жить на островѣ и развивать себя науками. Точно также и Абу Якубъ могъ быть просвѣщеннымъ, но практичнымъ Саламаномъ. Смыслъ, очевидно, тотъ, что они потерпѣли неудачу и должны были потерпѣть неудачу» [1]).

Абдулъ Валидъ Мухаммедъ ибнъ Ахмедъ ибнъ Рошдъ (или въ европейской передѣлкѣ Аверроэсъ) родился въ 520 (1126) году въ Кордовѣ, гдѣ его семья въ теченіе долгаго времени занимала выдающееся положеніе. Его дѣдъ былъ казы-уль-казатъ всей Андалузіи при альморавидахъ.

Ибнъ Рошдъ сталъ очень рано интересоваться наукой, получая образованіе подъ руководствомъ такихъ корифеевъ своего времени, какими были Аль Араби, Ибнъ Туфайль и Ибнъ Заръ. Онъ былъ первоклассным юристомъ, но посвятилъ себя главнымъ образомъ медицинѣ, математикѣ и философіи.

Представленный Ибнъ Туфайлемъ въ 548 году Абу Якубъ Юсуфу, онъ съ величайшей милостью былъ принятъ этимъ государемъ. Въ 1169—70 годахъ онъ занималъ должность казія въ Севильѣ, а въ 1182 году въ Кордовѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ восшествія на престолъ альмохадовъ Якуба аль Мансура, Ибнъ Рошдъ пользовался вниманіемъ и почтеніемъ этого монарха, но когда вспыхнулъ берберскій фанатизмъ, онъ былъ одною изъ первыхъ жертвъ, павшихъ подъ яростью законовѣдовъ и муллъ, которыхъ онъ оскорблялъ своими философскими сочиненіями, и которые завидовали его генію и его учености.

Ибнъ Рошдъ былъ безспорно однимъ изъ величайшихъ ученыхъ и философовъ, которыхъ произвелъ арабскій міръ, и,

---

[1]) D. Macdonald. Muslim theology p. 254.

по словамъ Мунка, однимъ изъ глубочайшихъ комментаторовъ сочиненій Аристотеля, къ которому онъ питалъ величайшее почтеніе и считалъ его человѣкомъ, которому Богъ изъ всѣхъ людей далъ достигнуть высочайшей вершины совершенства, и смотрѣлъ на него, какъ на основателя и совершенствователя научнаго знанія. Онъ былъ названъ послѣднимъ изъ великихъ аристотеліанцевъ.

Ибнъ Рошдъ поддерживалъ мнѣніе, что величайшее усиліе человѣка должно быть направлено на достиженіе совершенства, т. е. на полное отожествленіе съ Дѣятельнымъ Міровымъ Разумомъ, что это совершенство можетъ быть достигнуто только при помощи занятій и разсужденія и при помощи оставленія всяческихъ желаній, которыя принадлежатъ къ низшимъ способностямъ души, въ особенности же чувствъ,—но не при помощи одного безплоднаго размышленія. «Онъ считалъ, что истина можетъ быть найдена только въ знаніи. Нѣкоторые должны постичь ее; по крайней мѣрѣ всегда долженъ быть хоть одинъ такой. Если вещь не видима никѣмъ, то самое существованіе ея напрасно, а это невозможно. Если кто нибудь одинъ по крайней мѣрѣ не знаетъ истины, то и она также существуетъ напрасно, а это еще болѣе невозможно. Такимъ путемъ Ибнъ Рошдъ говоритъ, что существованіе подразумѣваетъ познаваніе, и что, слѣдовательно, долженъ быть познающій. И онъ имѣетъ неограниченную вѣру въ такое познаніе истины, хотя и считаетъ это удѣломъ немногихъ избранныхъ» [1])

Онъ также поддерживалъ, что пророческія откровенія были необходимы для распространенія среди человѣчества вѣчныхъ истинъ, одинаково провозглашенныхъ религіей и философіей; что религія сама направляетъ свои исканія при помощи знанія; что она научаетъ истинѣ простымъ способомъ, доступнымъ пониманію народа; что одна философія способна схватить истинныя религіозныя доктрины при помощи толкованія, но что невѣжды постигаютъ лишь буквальное значеніе [2]).

Преклоняясь только передъ холоднымъ разумомъ, онъ отвергалъ всякій мистицизмъ, и это исключало почти всякую моральную систему [3]). «Въ вопросѣ о предопредѣленіи онъ держался мнѣнія, что человѣкъ не является ни абсолютнымъ господиномъ своихъ дѣйствій, ни связаннымъ какимъ то опредѣленнымъ и неизмѣннымъ рѣшеніемъ. Но истина, говоритъ Ибнъ Рошдъ, истина находится посрединѣ Наши дѣйствія отчасти зависятъ отъ нашей собственной свободной воли, отчасти—отъ

[1]) D. Macdonald Muslim theology p. 256.
[2]) Kurtz. Church history v II. p 101.
[3]) L. Gauthier. La philosophie musulmane p. 72.

внѣ насъ лежащахъ причинъ. Мы вольны желать и дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, но наша воля всегда ограничена и опредѣлена внѣшними причинами. Эти причины являются результатомъ общихъ законовъ природы, и послѣдовательность ихъ извѣстна только одному Богу. Это то, что на языкѣ теологовъ называется «каза» и «кадаръ» [4]). Для правовѣрныхъ теологовъ это было скорѣе отрицаніемъ всякаго предопредѣленія.

Ибнъ Рошдъ писалъ относительно согласованія религіи съ философіей и старался доказать, что такое согласованіе является вполнѣ возможнымъ. Положенія его таковы.

1) Философія согласуется съ религіей, и религія рекомендуетъ философію. Здѣсь онъ борется за свою собственную жизнь. Религія истина, она есть откровеніе отъ Бога; и философія истина, это—результаты, достигнутые человѣческой мыслью. Такъ какъ истина едина, то эти двѣ истины не могутъ противорѣчить одна другой, а должны представлять одно и то же. Далѣе, въ Коранѣ постоянно предлагается людямъ размышлять, разсуждать, изслѣдовать вещи; это обозначаетъ, что рекомендуется пользоваться разумомъ, что слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ, которые еще издревле были обозначены и выработаны древними. Слѣдовательно, мы должны изучать ихъ труды и далѣе слѣдовать по тому же самому пути, т. е. мы должны изучать философію.

2) Въ религіи есть двѣ вещи: буквальное значеніе и толкованіе по внутреннему смыслу. Если мы находимъ въ Коранѣ что либо, что, повидимому, внѣшнимъ образомъ противорѣчитъ результатамъ философіи, то мы должны быть вполнѣ увѣрены, что нѣчто имѣется подъ поверхностью. Мы должны искать возможное толкованіе этого мѣста, какой либо внутренній смыслъ; и конечно мы найдемъ его.

3) Пониманіе по буквальному смыслу есть обязанность толпы, и толкованіе есть обязанность ученыхъ Тѣ, которые не способны разсуждать философски, должны придерживаться буквальной истины различныхъ положеній въ Коранѣ. Въ образность они должны вѣрить такимъ именно образомъ, какъ она есть, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда совершенно очевидно, что мы имѣемъ лишь образъ. Съ другой стороны, философамъ должна быть предоставлена, по ихъ усмотрѣнію, свобода толкованія. Если они находятъ необходимымъ съ философской точки зрѣнія принять аллегорическое толкованіе какого нибудь мѣста или найти въ немъ иносказаніе, имъ должна быть предоставлена эта свобода. Не должно быть никакого догматическаго установленія относительно того, что можетъ быть толкуемо, и

---

[4]) Ameer Ali. Spirit of islam pp. 397, 398.

что не можетъ. По мнѣнію Ибнъ Рошда, ортодоксальные теологи иногда допускали толкованіе, когда должны были брать текстъ по положительному смыслу; иногда—наоборотъ. Онъ не обвиняетъ ихъ за это въ ереси, и они тоже должны предоставить ему подобную свободу.

4) Тѣмъ, которые знаютъ, не разрѣшается сообщать толкованіе толпѣ. Такъ Али сказалъ: «Говорите народу о томъ, что онъ понимаетъ, или вы хотите, чтобы они изобличили во лжи Бога и Его Пророка?» Есть различные классы вѣрующихъ, и къ каждому изъ нихъ должно относиться примѣнительно къ его умственнымъ способностямъ. Этимъ Ибнъ Рошдъ хотѣлъ отгородить вѣру толпы отъ всякаго общенія съ ученіемъ философовъ... [1]).

Ренанъ говоритъ: «нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать нашему предположенію, что Ибнъ Рошдъ былъ искреннимъ послѣдователемъ исламизма, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе, какъ мало ирраціональнаго и сверхъестественнаго элемента заключается въ основныхъ догматахъ этой религіи, и какъ близко эта религія подходитъ къ чистѣйшему деизму» [2]). Тѣмъ не менѣе, Ибнъ Рошдъ утверждалъ, что правовѣріе удѣлило слишкомъ много вниманія буквѣ и слишкомъ мало духу, и что ложныя толкованія вывели принципы, которыхъ въ дѣйствительности не находится въ религіи. Самъ онъ претендовалъ на званіе добраго мусульманина, но это исповѣданіе и строгое соблюденіе внѣшнихъ формъ культа все же не спасли его отъ подозрѣнія: «онъ былъ обвиненъ въ проповѣди философіи и древнихъ наукъ въ ущербъ религіи». Этому обвиненію не мало способствовало его сочиненіе «Опроверженіе Опроверженія философовъ», которое онъ написалъ въ отвѣтъ на «Опроверженіе философовъ» Аль Газали. Онъ былъ лишенъ почестей и изгнанъ халифомъ Аль Мансуромъ въ Люцету, близъ Кордовы. Въ своей немилости ему пришлось не мало вытерпѣть отъ оскорбленій ортодоксалистовъ. Онъ бѣжалъ въ Африку, и его собственность была конфискована. Но вскорѣ новымъ декретомъ изгнаніе было отмѣнено, и Ибнъ Рошдъ возвращенъ ко двору въ Марокко, гдѣ онъ и умеръ въ 595 году. Послѣдніе дни были лучшимъ періодомъ жизни ученаго. «Поворотъ въ судьбѣ Ибнъ Рошда объясняется тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое произвели его религіозно-философскіе взгляды на его современниковъ, особенно на самого халифа, внезапно повернувшагося въ сторону

---

[1]) E. Sell. Faith of islam. pp. 258—260.

[2]) Averroes et l' averroisme. p. 163.

философіи, отрѣшившейся отъ пути мусульманскаго «правовѣрнаго богословія» [1]).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о философѣ, котораго мы пока пропустили, такъ какъ онъ стоялъ отдѣльно. Это — Абу Абдулла Мухаммедъ бинъ Мухаммедъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Шейха Сэнуси. Онъ родился въ 1428 и умеръ въ 1490 году. Онъ оставилъ три философскихъ трактата: Акика большая, Акика средняя и Акика малая. Послѣднее сочиненіе можетъ быть разсматриваемо, какъ руководство схоластической философіи, трактующее о вопросахъ религіозной метафизики: о существованіи Бога, Его аттрибутахъ и о сотвореніи міра.

Сэнуси начинаетъ теоріей сужденія, которое онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «сужденіе есть утвержденіе или отрицаніе какой либо вещи. Это утвержденіе или отрицаніе происходитъ изъ догмата, или изъ опыта, или изъ разума Поэтому то сужденіе раздѣляется на три вида: догматическое, экспериментальное и раціональное» [2]) Минуя первые два вида, Шейхъ Сэнуси говоритъ о сужденіи раціональномъ и опредѣляетъ его такъ: «оно распространяется на вещи, существованіе или отрицаніе которыхъ познаетъ разумъ, не опираясь ни на опытъ, ни на авторитетъ опредѣленнаго правила.. Раціональное сужденіе заключается въ трехъ категоріяхъ: необходимость, невозможность и возможность, т. е. имѣются вещи необходимыя, невозможныя и возможныя» [3]) Въ отношеніи Бога необходимыми вещами являются двадцать аттрибутовъ, и первый изъ нихъ есть существованіе Бога. «Доказательство существованія Бога, это—сотвореніе міра». Но послѣ этого категорическаго заявленія онъ прибавляетъ: «по необходимости приходится заключить, что міръ нуждался въ Творцѣ; если бы допустить, что онъ не нуждался въ Творцѣ, и что онъ произошелъ самъ по себѣ, то допустили бы совмѣстное существованіе двухъ непримиримыхъ вещей: равенства и превосходства безъ причины» [4]).

Изъ существованія міра слѣдуетъ, что Богъ есть разумная и конечная причина. «Дѣйствіе вѣчнаго могущества подчинено волѣ Бога въ отношеніи производимаго дѣйствія; а хотѣніе Бога по отношенію къ этому дѣйствію подчинено знанію этого дѣйствія» [5]). Такимъ же образомъ Сэнуси устанавливаетъ, что

---

[1]) Г. Генкель. Ст. „Аверроэсъ" въ Нов. Энц. Слов.
[2]) G. Delphin. La philosophie du cheikh Senoussi p. 9.
[3]) Idem. p. 10.
[4]) Idem. p. 18.
[5]) Idem. p. 18.

Богъ обладаетъ разумомъ и жизнью. «Вѣдь могущество, воля и знаніе подчинены жизни, потому что она является условіемъ ихъ, и потому что вещь, подчиненная условію. не могла бы существовать безъ осуществленія этого условія. Слѣдовательно, существованіе всякой созданной вещи, какова бы она ни была, предполагаетъ у ея творца существованіе этихъ четырехъ атрибутовъ» [1])

Шейхъ Сэнуси делеко опередилъ свой вѣкъ, «и нѣсколько разъ онъ приводитъ насъ къ порогу современной философіи» [2]).

Конецъ XII вѣка былъ въ то же время и концомъ мусульманской философіи. Въ Испаніи въ особенности начались гоненія на философію, сочиненія философовъ предавались уничтоженію, и во многихъ городахъ запылали костры, пламя которыхъ поддерживалось руками благочестиваго невѣжества или фанатизма.

Особенностью, общею всей мусульманской философіи въ большей или меньшей степени, является то, что добросовѣстные и порою глубоко вдумчивые почитатели Аристотеля тратили массу усилій на то, чтобы раціонализировать исламъ. Это конечно совершенно понятно; такъ какъ они были мусульманами и хотѣли очистить исламъ отъ тѣхъ искусственныхъ нарощеній, которыми его испортило и въ значительной степени нравственно понизило неумѣлое или заинтересованное благочестіе традиціонистовъ и духовныхъ законовѣдовъ. Мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ выбраться изъ подъ гнета буквы, мы видимъ рядъ блестящихъ успѣховъ и, въ концѣ концовъ, постоянное пораженіе. Уже въ позднѣйшее сравнительно время суфизмъ, служившій нѣкоторымъ противовѣсомъ крайнихъ доктринъ фатализма, сдѣлалъ громадные успѣхи. «Въ особахъ Шаха Аббаса и Акбара суфизмъ занималъ троны персіи и Индіи. Но наступила реакція, и, послѣ преслѣдованія, суфи были изгнаны изъ Персіи въ 1797 году» [3]).

Одною изъ сильныхъ причинъ неудачъ философовъ было то, что «правовѣріе, противъ котораго они боролись, было логическимъ развитіемъ основаній ислама, и эти основанія было заложены слишкомъ сильно, чтобы ихъ могла сдвинуть какая-нибудь сила кромѣ духовной» [4])

Всякое движеніе, всякій успѣхъ требуетъ жертвъ, и мусульманская философія принесла эти жертвы, и онѣ были небезплод-

---

[1]) F Delphin La philosophie du cheikh Senoussi p 19.
[2]) Idem p. 20
[3]) Hannes Islam as a missionary religion p. 73
[4]) E. Sell Faith of islam p. 288.

ными. «Мусульманская философія пала подъ преслѣдованіями фанатизма какъ На Западѣ, такъ и на Востокѣ, лишь послѣ того, какъ выполнила свою роль; роль, которой она сама не сознавала, но которая совершенно ясно представляется нашимъ взорамъ. Мусульмане получили изъ слабѣющихъ рукъ Греціи драгоцѣнную поклажу эллинской философіи. Они по своему использовали ее. Перенося ее черезъ свою огромную имперію, черезъ Марокко, Египетъ, Испанію—они передали ее христіанамъ Запада. И тогда какъ геній исламизма, послѣ выполненія этой задачи, вошелъ въ покой святилищъ и навсегда отказался отъ свободныхъ умозаключеній, на христіанскомъ Западѣ комментаріи Аверроэса, оживляя жаръ схоластическихъ разсужденій, приготовляли умы къ обновленію Возрожденія и къ великолѣпному расцвѣту новѣйшей философіи» [1]).

Успокоился ли геній ислама окончательно, или, набравъ незамѣтно силы въ покояхъ святилищъ, онъ снова выйдетъ на борьбу,—можетъ сказать только будущее. Но надо помнить, что міръ исламизма еще далекъ отъ своего законченнаго сформированія. Міръ ислама находится въ броженіи, которое никогда не умирало, чему лишнимъ примѣромъ можетъ служить исторія Персіи и Индіи,и которое не можетъ умереть. Въ той или другой формѣ борьба должна возродиться, и именно форма, въ которую эта борьба отольется, должна предрѣшить ея исходъ.

«Желаніе обращаться съ наукой, какъ со служанкой, не свойственно исключительно одному исламизму; оно присуще всѣмъ религіямъ. Ни одна изъ нихъ не благопріятствуетъ независимости разума... Борьба, долженствующая выяснить, вѣра или разумъ возьметъ верхъ въ направленіи человѣчества, скоро сдѣлается болѣе энергичной, такъ какъ теперь мусульмане находятся въ непрерывномъ общеніи съ Европой. И тогда, подъ угрозой исчезнуть навсегда, исламизмъ долженъ будетъ сосредоточиться исключительно на направленіи душъ, предоставивъ умамъ полную свободу» [2]).

---

[1]) I. Gauthier La philosophie musulmane p 76

[2]) O Houdas. L'islamisme p 15.

СЕКТЫ ИСЛАМА.

Подобно христіанству, исламизму не суждено было сохраниться единой и нераздѣльной религіей. Хотя Богъ вѣщалъ устами Мухаммеда въ Коранѣ:

«Сохроняйте религію эту и не распадайтесь на секты» (сура 42-я ст. 11) и

«Не будьте въ числѣ тѣхъ. которые раздѣлили религію свою и разбились на секты, изъ которыхъ каждая находитъ себѣ удовлетвореніе въ доставшейся ей долѣ» (сура 30-я, ст. 30),— но Мухаммедъ опасался, что это то именно и случится: онъ говорилъ съ сокрушеніемъ о томъ, что мусульманская нація разобьется на 73 секты, изъ которыхъ одна лишь будетъ находиться на правильномъ пути, а всѣ остальныя пойдутъ на пути погибели. Почему именно 73 секты? Потому что евреи, такъ утверждалъ Мухаммедъ, разбились на 71 секту, а христіане на 72. Пророчество его сбылось болѣе чѣмъ полностью.

Здѣсь мы попытаемся сдѣлать обзоръ наиболѣе крупныхъ сектъ изъ тѣхъ, ученіе которыхъ сдѣлалось болѣе или менѣе извѣстнымъ. Перечислить ихъ всѣ—нѣтъ возможности, и для насъ это не представило бы интереса, такъ какъ многія секты имѣютъ лишь значеніе историческаго факта: отъ нихъ давно уже не осталось слѣда, но онѣ были! Частью это были мертворожденныя дѣти, частью тѣ, которыя родятся лишь затѣмъ, чтобы вскорѣ умереть. Были, правда среди нихъ и такія, которыя замерли преждевременно, какъ недосказанная мысль среди напряженнаго вниманія слушателей...

Всѣ секты могутъ быть раздѣлены на ортодоксальныя, еретическія (съ точки зрѣнія первыхъ) и промежуточныя между ними. Мы займемся преимущественно второй категоріей, сдѣлавъ лишь краткое упоминаніе о прочихъ, съ которыми намъ уже пришлось познакомиться въ предыдущихъ томахъ.

Сунниты.

Всѣ ортодоксальные мусульмане, т. е. приверженцы Книги, сунны и Иджма, должны принадлежать къ одной изъ четырехъ школъ или мазхабовъ. всякій воленъ въ своемъ выборѣ, и никто

не въ правѣ считать, что школа, къ которой онъ принадлежитъ является болѣе ортодоксальной, чѣмъ всякая другая. Этого отнюдь нѣтъ, всѣ онѣ въ этомъ отношеніи одинаковы, хотя и представлены далеко не равнымъ числомъ послѣдователей. Различіе между ученіями всѣхъ этихъ школъ заключается въ ритуальной сторонѣ по преимуществу или въ нѣкоторыхъ подробностяхъ догматическаго характера, не имѣющихъ капитальной важности. Различіе это произошло въ силу того, что основатели этихъ школъ, оставившіе имъ свои имена, шли въ своемъ стремленіи къ истинѣ, т. е. познанію божественнаго Слова, разными путями, и каждый изъ нихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ оставилъ свой индивидуальный слѣдъ.

Хотя эти школы являются столько же религіозными, сколько и юридическими, но четырехъ имамовъ нельзя считать законодателями: каждый изъ нихъ явился лишь истолкователемъ вѣчнаго закона—Корана. Толкуя божественныя слова, они не всегда одинаковымъ образомъ понимали ихъ; кромѣ того, исходя часто въ своихъ разсужденіяхъ изъ положенія, что «Пророкъ долженъ думать такъ» (и это очевидно, потому что имъ такое толкованіе представлялось наиболѣе правильнымъ или просто наиболѣе нужнымъ въ данномъ случаѣ), они приписывали порою Мухаммеду то, чего мы тщетно стали бы искать въ Коранѣ. Но это—общая участь всѣхъ основателей религій,—ихъ память часто омрачается благочестивой клеветой.

Раньше (см. т. I) мы говорили уже объ особенностяхъ ученія каждой изъ этихъ школъ и здѣсь ограничимся лишь немногими словами. Система, въ главнѣйшихъ чертахъ, была у всѣхъ одна, но примѣненіе ея было различно. Всѣ четыре имама совершенно согласны между собою въ своихъ конечныхъ выводахъ относительно основныхъ вопросовъ вѣры, и высказанное ими такимъ образомъ мнѣніе является Иджма, т. е. обязательнымъ для мусульманской націи, откуда и вытекаетъ необходимость принадлежать къ одной изъ четырехъ школъ.

Четыре имама заслуженно занимаютъ отводимое имъ высокое мѣсто, и всѣ они считаются абсолютными муджтахидами.

Школа Абу-Ханифы.

Абу Ханифа анъ-Нуманъ ибнъ-Сабитъ родился въ 80-мъ году геджры. Будучи персомъ по національности, онъ воспитывался въ шіитской школѣ законовѣдѣнія и первое юридическое образованіе получилъ отъ имама Джафаръ-ас-Садыка, и въ своихъ сочиненіяхъ онъ постоянно ссылался на своего учителя, какъ на неоспоримый авторитетъ. Однако нѣкоторые пункты въ ученіи шіитовъ ему казались неправильными, и продолжая оста-

ваться алидомъ, онъ отдѣлился отъ шіитской секты, чтобы основать свою школу. Въ настоящее время его школа насчитываетъ наибольшее число послѣдователей.

Абу-Ханифа былъ теоретикомъ-идеалистомъ: онъ не столько смотрѣлъ на удобство примѣненія созданныхъ имъ юридическихъ нормъ, сколько на сжатость и гибкость ихъ формулировки. Это была попытка построить на научныхъ принципахъ систему, которая бы давала отвѣтъ на всякій теоретическій вопросъ. Главнѣйшими орудіями его при созданіи этой системы были сужденіе, Коранъ и Сунна.

Въ своихъ трудахъ Абу-Ханифа, повидимому, поставилъ девизомъ, что буква убиваетъ, а смыслъ живитъ. Онъ всегда заставлялъ работать свой разумъ, не поддаваясь впечатлѣнію внѣшняго значенія словъ, а заглядывая далеко въ глубину того смысла, который представляло или могло представлять ихъ сочетаніе. Вслѣдствіе этого его ученіе является болѣе гибкимъ, и это даетъ возможность получить болѣе либеральныя законодательныя положенія.

Онъ предпочиталъ пользоваться не Сунной, а первымъ источникомъ—Кораномъ: онъ бралъ оттуда непосредственно тексты и развивалъ изъ нихъ детали. Часто онъ дѣлалъ такое примѣненіе стараго закона, о которомъ первый законодатель вѣроятно и не мечталъ даже, но которое—по своей логичности, по своей жизненности—могло считаться прямымъ назначеніемъ этого закона Это была своего рода юридическая фикція: теоретически какъ будто соблюдался старый законъ, но на дѣлѣ онъ былъ замѣненъ совершенно другимъ. Поэтому то съ равнымъ до извѣстной степени правомъ какъ Абу Ханифа могъ утверждать что онъ слѣдуетъ божественному закону, такъ и его противники говорить, что онъ слѣдуетъ просто на просто своему собственному мнѣнію.

Другой принципъ, выработанный Абу Ханифой, отличается еще болѣе значительной свободой Это было—«считать лучшимъ», поступать въ извѣстномъ случаѣ такъ, хотя бы законъ и говорилъ совершенно другое. Этотъ принципъ не былъ его созданіемъ,—его создала сама жизнь, и онъ уже примѣнялся, не будучи еще надлежащимъ образомъ оформленъ. Когда границы государства значительно расширились, и заключенными въ нихъ оказались самыя различныя народности, очевидно общій законъ не могъ быть примѣняемъ вездѣ въ полной мѣрѣ одинаково, допускались многочисленныя исключенія, оправдываемыя необходимостью «примѣненія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ». Это то примѣненіе къ обстоятельствамъ Абу Ханифа и возвелъ въ постоянный принципъ, передѣлавъ его вышесказаннымъ образомъ. Передѣлка эта въ сущности была далеко не такъ невинна, какъ это могло бы показаться на первый взглядъ, и многочисленные

враги и соревнователи Абу-Ханифы не замедлили обрушиться на него за это. Его школа пережила тяжелыя минуты, но выжила, и этимъ она обязана конечно не придворной лести, какъ то хотѣли видѣть политическіе противники, но ея неоспоримыя достоинства. Конечно вліяніе при дворѣ аббасидовъ сослужило свою пользу. но, не будь достоинствъ, это вліяніе не могло бы просуществовать долго.

Теоретическое происхожденіе системы сдѣлало ее совершенной съ философской стороны,—строгая безъ педантизма, она была опредѣленна, не будучи въ то же время лишена гибкости. Такъ какъ Абу Ханифа, никогда не занимавшій судебныхъ должностей и окончившій свои дни въ багдадской тюрьмѣ именно за отказъ принять мѣсто судьи, былъ совершенно незнакомъ съ практической жизнью, и законъ его носилъ идеальный характеръ. Въ этомъ была и слабая и сильная сторона, и эта послѣдняя была вторымъ достоинствомъ системы, и цѣлое поколѣніе талантливыхъ практиковъ богато разработало всѣ ея детали.

Наиболѣе славными учениками Абу Ханифы являются имамъ Абу Юсуфъ и Мухаммедъ аш-Шайбанъ. которые и сдѣлали практическіе выводы изъ доктрины Абу Ханифы, такъ что въ сущности они являются основателями той практической школы, которая теперь объединяетъ, подъ именемъ ханефитовъ, почти четвертую часть всѣхъ мусульманъ міра

Постоянное примѣненіе частнаго сужденія заставило Шахрастани назвать ханефитовъ «людьми разсужденія», въ отличіе отъ другихъ школъ, почти отвергающихъ такой методъ.

Школа ибнъ-Малика.

Основателемъ второй ортодоксальной школы былъ Абу Абдулла ибнъ-Маликъ ибнъ-Анасъ, который умеръ въ 179-мъ году, во время правленія Гарунъ ар-Рашида.

Особенностью системы ибнъ-Малика было то. что онъ считалъ, что Коранъ можетъ и долженъ быть толкуемъ исключительно при помощи кораническаго же текста. Но и къ Суннѣ онъ относился почти съ такимъ же почтеніемъ. какъ къ Корану. Такимъ онъ былъ въ первое время, но потомъ необходимость заставила его признать и другіе источники права Это было неизбѣжно, такъ какъ система его была специально разсчитана на практическое примѣненіе. и для этого она должна была опираться на мединское право, а оно, въ свою очередь, было основано на Коранѣ, Суннѣ и рѣшеніяхъ четырехъ первыхъ халифовъ.

Ближайшей цѣлью ибнъ-Малика было систематизировать всѣ циркулировавшія въ Мединѣ преданія и изъ нихъ, совокупно съ мѣстнымъ правомъ, создать законодательство, которое об-

нимало бы всѣ жизненные запросы. Значительная часть составленнаго имъ сборника занята судебными рѣшеніями и мнѣніями Спутниковъ Пророка, въ силу чего его законодательная система была охарактеризована, какъ историкотрадиціонная. Для непосредственнаго примѣненія въ свое время эта система обладала незамѣнимымъ преимуществомъ передъ системой Абу Ханифы, такъ какъ въ ней были отвѣты не въ общей формѣ и не на теоретическіе вопросы, а, напротивъ, ясные отвѣты на практическіе вопросы жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта именно полнота и опредѣленность въ данный періодъ уже впередъ обрекали систему на очень ограниченное примѣненіе въ будущемъ: жизнь ушла впередъ, и система сдѣлалась въ значительной степени устарѣвшей.

Благоговѣніе ибнъ-Малика передъ преданіями переходило всѣ разумные предѣлы, и онъ считалъ себя достойнымъ вѣчнаго наказанія за то, что иногда ему приходилось рѣшать вопросы на основаніи частнаго сужденія. За это онъ получилъ прозвище «защитника преданій». Такъ какъ, въ противоположность Абу Ханифѣ, онъ былъ юристомъ практикомъ, то безъ принятія сужденія по аналогіи онъ не могъ бы построить своей системы, но для него сужденіе не только не играло главной роли, но онъ смотрѣлъ на него, какъ на неизбѣжное зло, какъ на крайнее средство, которое можно примѣнять лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Подобно Абу Ханифѣ, и онъ признавалъ принципъ общественной пользы, заставлявшей дѣлать исключеніе изъ опредѣленнаго закона.

Школа аш-Шафи.

Абу Абдулла бинъ-Идрисъ аш-Шафи родился въ годъ смерти имама Абу Ханифы и умеръ въ 204-мъ году, во время халифата Аль-Мамуна.

Система аш-Шафи занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между системами Абу Ханифы и ибнъ-Малика. Онъ придавалъ громадное значеніе преданіямъ и онъ является истиннымъ создателемъ знанія, называемаго «усуль», и которое имѣетъ предметомъ установить правила, при помощи которыхъ изъ Корана и Сунны выводятъ общія теоріи мусульманскаго права. Въ этомъ отношеніи онъ систематизировалъ работу своихъ предшественниковъ. Но оцѣнивая по справедливости важность преданій, онъ, подобно ибнъ Малику, не видѣлъ въ нихъ единственнаго спасенія; вмѣстѣ съ тѣмъ признавая частное сужденіе, онъ не удѣлялъ ему такого большого мѣста, какъ Абу Ханифа.

Признавая, какъ и другіе, первоисточниками Коранъ и

Сунну, онъ пользовался ими нѣсколько иначе. Почерпаемые изъ Корана и Сунны принципы права подраздѣлялись въ зависимости отъ того, содержались ли они опредѣленно въ Коранѣ или Суннѣ, или же только ясно въ нихъ подразумѣвались. Базой его ученія являлась грамматика. По мнѣнію аш-Шафи, самыя буквы алфавита имѣли вліяніе на смыслъ текста! Всѣ эти тонкости ему были нужны для того, чтобы прійти къ извѣстнымъ выводамъ,—разъ это сдѣлано, о нихъ можно забыть.

Хотя преданіямъ онъ и не придавалъ такого исключительнаго значенія, какъ ибнъ-Маликъ, но почтеніе къ нимъ питалъ едва ли еще не большее.

Онъ неоднократно повторялъ своимъ ученикамъ: «если вамъ случится встрѣтить преданіе, говорящее одну вещь, а мое рѣшеніе будетъ говорить о противоположномъ, то слѣдуйте преданію и не слушайте меня». Это заявленіе имѣетъ важность въ томъ, что онъ, въ качествѣ великаго имама и абсолютнаго муджтахида, могъ признать преданіе сомнительнымъ, т. е. дать перевѣсъ собственному мнѣнію, которому и должны бы были слѣдовать его ученики. Признанное подлиннымъ преданіе онъ считалъ равнымъ Корану божественнымъ авторитетомъ. И Коранъ и Сунна были откровеніемъ, лишь слегка отличнымъ по формѣ: въ Коранѣ въ откровеніи были даны самыя слова, а въ Суннѣ только общая мысль. И если откровеніе Сунны слѣдовало за откровеніемъ Корана и противорѣчило какому нибудь мѣсту въ немъ, то письменный законъ Корана отвергался устнымъ закономъ Преданія.

Начавъ съ Корана и Сунны, аш-Шафи вскорѣ долженъ былъ прибавить къ нимъ Иджма и Кіясъ. Разсужденіе его было таково: «законы Корана и Сунны ограниченны, возможные же случаи не ограниченны. то же. что ограниченно, не можетъ заключать въ себѣ того, что неограниченно». Такое разсужденіе было встрѣчено съ негодованіемъ извѣстной частью мусульманъ. Но это прошло, и въ настоящее время судья обязанъ пользоваться всѣми четырьмя источниками права

Чистые традиціонисты были противъ этого: они ничего не хотѣли признавать кромѣ закона Бога и Его Пророка. У нихъ не было недостатка въ приверженцахъ, такъ какъ народной массѣ простыя преданія были яснѣе и понятнѣе, чѣмъ тонкія юридическія разсужденія.

Вскорѣ во главѣ этихъ традиціонистовъ сталъ Дауд-аз-Захари, родившійся незадолго до смерти аш-Шафи Онъ основалъ свою школу, изъ ученія которой сужденіе по аналогіи было совершенно выкинуто, а Иджма, въ качествѣ источника права, допускалась лишь съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Особенностью его ученія было еще то, что онъ отрицалъ для учениковъ обя-

зательство слѣдовать непремѣнно своему учителю.—они могутъ изслѣдовать доказательства и сдѣлать свое собственное заключеніе, нисколько не заботясь о томъ, чтобы оно соотвѣтствовало взглядамъ учителя. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отрицанія суждения по аналогіи было то, что Коранъ и Сунна должны были быть принимаемы въ положительномъ смыслѣ. Въ концѣ концовъ аз-Захири увидалъ, что его система была не больше, какъ шагомъ назадъ, и понемногу онъ долженъ былъ обратиться и къ другимъ источникамъ права. Захириты не считались еретиками, такъ какъ для этого не было достаточныхъ основаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они и не были признанной ортодоксальной школой, и послѣдователи этого ученія не могли быть назначаемы въ судьи.

Можетъ быть, аш-Шафи пошелъ бы въ своихъ выводахъ далѣе, если бы поле дѣйствія было свободно, но въ его время большимъ распространеніемъ пользовалось ученіе мутазелитовъ-раціоналистовъ ислама Было увлеченіе философіей, чуждыя идеи были принесены на арабскую почву, но она оказалась подходящей для нихъ, и онѣ получили пышное развитіе. Еще небольшой шагъ впередъ, и Шафи рисковалъ затеряться въ толпѣ тѣхъ, кто въ его глазахъ являлся еретиками, отрицающими вѣчное существованіе Корана. Онъ совершенно отринулъ схоластическую науку и требовалъ выставленія къ позорному столбу тѣхъ, кто ею занимается.

Школа ибнъ-Ханбала.

Четвертая ортодоксальная школа была основана ибнъ-Ханбаломъ Въ сущности было бы правильнѣе сказать, что она только носитъ его имя, а была основана не имъ, а его учениками уже послѣ его смерти. Онъ родился въ Багдадѣ въ 164-мъ году и умеръ тамъ же въ 241-мъ. Его ученіе было довольно узко и почти сводилось къ антропоморфизму въ довольно грубой формѣ Онъ явился однимъ изъ орудій ортодоксальной реакціи противъ раціональнаго ислама

Все ученіе ибнъ-Ханбала основано на Преданіи, въ которомъ онъ находитъ единственное толкованіе для объясненія текстовъ Корана, признавая разсужденіе недостаточнымъ для этого. Съ этой, и только съ этой стороны школа Ханбала приближается до извѣстной степени къ школѣ Малика, такъ какъ для Малика Богъ не былъ простымъ человѣческимъ существомъ, возсѣдающимъ на небесахъ, какъ считалъ ибн-Ханбалъ.

Теологическіе споры, которые были особенно живы во время Ханбала, грозили раздѣлить исламизмъ, и было необходимо остановить эту разнузданность, возвратившись насколько воз-

можно болѣе къ первоначальной вѣрѣ. Такъ какъ вскорѣ это реакціонное движеніе миновало, то и порожденная имъ система получила цѣнность почти только историческую, такъ какъ въ настоящее время она едва насчитываетъ 6—7 милліоновъ послѣдователей. Даже во время своего возникновенія своимъ относительнымъ успѣхомъ она была обязана не столько своему ученію, сколько личности учителя, который, твердо стоя на своей точкѣ зрѣнія, былъ посаженъ могущественными противниками въ тюрьму, гдѣ и подвергался различнымъ мученіямъ.

Если мы попытаемся вывести логическое заключеніе изъ ученій ортодоксальныхъ школъ, то мы увидимъ, что, съ одной стороны, Коранъ является вѣчнымъ словомъ Бога, совершеннѣйшимъ закономъ для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, который восполнилъ и исправилъ всѣ бывшія до него откровенія; съ другой стороны, когда требованія жизни заставили систематизировать этотъ совершеннѣйшій законъ примѣнительно къ существующимъ потребностямъ, было признано, что Коранъ, усиленный дополняющей его Сунной, не всегда являлся достаточнымъ, чтобы отвѣтить на жизненные запросы. Теоретически заключая въ себѣ все, практически онъ заставлялъ ощущать недостатокъ многаго, такъ какъ «ограниченное не могло вмѣщать въ себѣ неограниченнаго». Роковая формула была произнесена. Широкое примѣненіе новаго принципа заключало въ себѣ не мало угрожающаго для ислама, и сразу же былъ придуманъ коррективъ: не выходить въ своихъ сужденіяхъ изъ рамокъ того, что только что было признано ограниченнымъ. Получился заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, и весь укладъ жизни является пригнаннымъ къ ограниченному количеству каноническихъ постановленій.

Для провозгласителей великихъ идей самыми злыми врагами порою бываютъ ихъ ревностные послѣдователи: желаніе развить теорію своего учителя часто приводитъ къ извращенію, т. е., когда дѣло касается вопросовъ религіознаго характера, къ ереси. Исламизмъ въ этомъ отношеніи представляетъ едва ли не самый яркій примѣръ.

Дальше мы разсмотримъ ученіе тѣхъ сектъ, которыя по справедливости считаются еретическими, а съ ними попутно скажемъ нѣсколько словъ и о сектахъ, которыя, не будучи въ собственномъ смыслѣ еретическими, все же отшатнулись отъ строгаго православія.

ШИИТЫ.

Глава первая.

Есть различныя секты, настолько удалившіяся отъ основного ученія ислама, что получили названіе ересей. Хотя онѣ доставили мусульманамъ много хлопотъ, но все же ни одна изъ нихъ не имѣла для общей судьбы религіи такого гибельнаго значенія, какъ шіизмъ, раздѣлившій мусульманскій міръ на двѣ части.

Термины «шіитъ» или «шійя» собственно обозначаютъ «приверженцы, послѣдователи», но спеціальнымъ образомъ этимъ терминомъ обозначаются послѣдователи Али, или алиды.

Шіизмъ является государственной религіей Персіи. Хотя въ 1736 году Надиръ Шахъ и объявилъ государственной религіей суннизмъ, но основатель каджарской династіи вновь возстановилъ временно изгнанную религію. «Мы имѣемъ теперь и въ печатномъ видѣ замѣтки суннитскаго теолога Абдулла бинъ Хусайнъ ас-Сувейди (род. въ 1104—1192 г.), представляющія интересный современный документъ относительно созваннаго Надиръ Шахомъ собора изъ теологовъ обоихъ лагерей. На соборѣ былъ выработанъ компромиссъ, помощью котораго шіитство должно было быть присоединено къ четыремъ ортодоксальнымъ толкамъ суннитскаго ислама, какъ пятый правовѣрный мазхабъ. По смыслу этого компромисса можно было бы ожидать, что и въ священной области Мекки, рядомъ съ имѣющимися уже тамъ спеціальными мѣстами (макамъ) для четырехъ ортодоксальныхъ обрядовъ, былъ бы устроенъ еще и пятый макамъ для обряда «джафари», подлежащаго отнынѣ признанію правовѣрнымъ: высшая форма внѣдренія шіитства въ систему ортодоксіи. Но все это вскорѣ оказалось утопіей. Взаимная наслѣдственная ненависть теологовъ обѣихъ сектъ отбила у нихъ всякое желаніе и послѣ смерти Шаха работать надъ осуществленіемъ стремленій его къ религіозной терпимости» [1]).

По поводу объединенія шіизма съ суннизмомъ былъ обнародованъ слѣдующій эдиктъ:

---

[1]) И. Гольдціэръ. Лекція объ исламѣ стр 271.

«Всѣмъ тѣмъ, которые занимаютъ высокое положеніе, первосвященнику, губернаторамъ, учителямъ закона и ученымъ шахской резиденціи въ Исфагани, всѣмъ, возвеличеннымъ милостью шаха,—да вѣдомо будетъ, что, когда наши знамена, сопровождаемыя побѣдой, соединились въ Шовалъ Магамъ, въ нѣсколькихъ собраніяхъ было установлено, что впредь—по древнему обычаю, установленному и утвержденному въ религіи Ханифы и Джафара и переданному нашими предшественниками,—мы будемъ признавать халифовъ во всемъ. что будетъ угодно Богу, за наслѣдниковъ главы посланниковъ, и мы будемъ произносить имена ихъ всѣхъ четырехъ—всюду, гдѣ это случится —съ величайшимъ почтеніемъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ частяхъ этого государства, во время призыва къ молитвѣ, и когда держатся стоя, чтобы молиться, произносятъ слова: «Али, другъ Бога»—по обычаю шіитовъ и противно обычаю правовѣрныхъ; это противно религіи и находится въ противорѣчіи съ признанными и существующими условіями. Болѣе того, міру очевидно, что вождь вѣрныхъ, побѣдоносный, левъ Бога, избранъ, любимъ и покровительствуемъ Богомъ славы; его положеніе и его интересы при дворѣ единства не могутъ быть возвышены вульгарнымъ свидѣтельствомъ; и полнолуніе его власти не можетъ понести ущерба, если эти слова не будутъ произноситься. Они имѣютъ досадныя послѣдствія для двухъ сектъ, которыя одинаково признаютъ главу и пророка двухъ міровъ, потому что вслѣдствіе этого различія между ними происходитъ вражда, которая непріятна и пророку и вождямъ вѣрныхъ. Посему. какъ только станутъ вѣдомы указанія этого почненнаго эдикта, будетъ приказано всѣмъ мусульманамъ всѣхъ классовъ, высокихъ и низкихъ, тѣмъ, которые призываютъ къ молитвѣ въ городѣ и въ провинціяхъ, и въ сосѣднихъ странахъ, чтобы впередъ эти слова болѣе не произносились, какъ противныя ортодоксальному обычаю. Губернаторы въ собраніяхъ также имѣютъ привычку говорить послѣ фатихи и такбира—«да живетъ вѣки царь, отъ котораго приходитъ къ намъ все, что мы имѣемъ» Такъ какъ такбиръ безсиленъ и недѣйствителенъ для продленія жизни смертнаго человѣка, то мы категорически приказываемъ, чтобы всякій ханъ или владѣтель знамени говорилъ такъ: «возблагодаримъ истиннаго царя за всѣ его благодѣянія». Впредь всѣ должны будутъ соблюдать это новое правило и эти письменныя приказанія, всякій, кто уклонится отъ этого, навлечетъ на себя неудовольствіе царя царей. Написано въ мѣсяцѣ Сафарѣ 1149 года» [1]).

Первой еретической сектой была секта *хариджитовъ* или *хавариджей*.

---

[1]) Fraser. Histoire de Nadir Shah p. 123

Происхожденіе этой секты, какъ и происхожденіе враждебнаго ей шіизма, было обязано чисто политическимъ причинамъ. Чтобы уяснить себѣ эти причины, мы должны окинуть взглядомъ то, что послѣдовало вскорѣ за смертью Мухаммеда.

Нѣкоторые считаютъ совершенно ошибочнымъ мнѣніе, что Мухаммедъ не назначилъ никого въ качествѣ своего непосредственнаго замѣстителя. Мнѣніе это основано на томъ, что «при возвращеніи съ прощальнаго паломничества Мухаммедъ прибылъ въ мѣсто Гадыръ Хумъ, спѣшился и приказалъ расчистить мѣсто подъ деревьями. Потомъ онъ приказалъ принести всѣ верблюжьи сѣдла, которыя и собрали въ кучу. Онъ сдѣлалъ знакъ муэззину, и тотъ громкимъ голосомъ произнесъ призывъ къ молитвѣ. Толпа собралась, и Пророкъ влѣзъ на сѣдла. По его приказанію, Али также поднялся туда и держался справа отъ него. Пророкъ возблагодарилъ Бога за его благодѣянія и далъ людямъ слѣдующіе совѣты:

«Скоро уже я умру, такъ какъ Всевышній призываетъ меня, но еще не насталъ срокъ, чтобы я васъ покинулъ. Я оставлю вамъ двѣ вещи, и, если вы будете постоянно придерживаться ихъ, онѣ удержатъ васъ на истинномъ пути: это—Книга Бога и мое семейство. И то и другое неразрывно связано между собою до того дня, когда они соединятся со мною на берегу Кавсара».

Потомъ онъ прибавилъ:

«Не ближе ли Пророкъ къ вѣрующимъ, чѣмъ ихъ собственныя души?

— Да, о, Пророкъ! отвѣтила толпа.

«Если я къ вамъ ближе, продолжалъ онъ, чѣмъ ваша собственная душа, то и Али также къ вамъ ближе, чѣмъ ваша собственная душа: для того, кому я другъ, Али также другъ. О, Боже! будь другомъ его друзьямъ и врагомъ его врагамъ; помоги тѣмъ, кто помогаетъ ему, и разрушь надежды тѣхъ, которые предаютъ его».

«Послѣ этого онъ спустился и отправился въ свою палатку, сказавъ Али, чтобы тотъ оставался въ своей. Онъ приказалъ вѣрующимъ отправиться къ палаткѣ Али и принести ему поздравленіе, и, когда мужчины окончили, женщины, по приказанію Пророка, также принесли ему поздравленіе. Среди вѣрующихъ находился Омаръ, который сказалъ: браво, Али! ты сдѣлался моимъ господиномъ и господиномъ вѣрующихъ обоего пола».

Такъ передаетъ ибнъ-Халдунъ. Другой историкъ разсказываетъ о томъ, что однажды Мухаммедъ приказалъ каждому арабу избрать себѣ брата. Онъ соединилъ узами братства Абу Бакра и Омара, Усмана и Абдуррахмана-ибнъ-Оуфа, и такъ продолжалъ для всѣхъ мухаджировъ. Тогда Али опустилъ голову и

поднялся, чтобы уйти. Мухаммедъ спросилъ его, куда онъ идетъ. Али отвѣтилъ ему:

— Для каждаго мухаджира ты избралъ брата, и ты даже не произнесъ моего имени.

— Я оставилъ тебя послѣднимъ, отвѣтилъ Пророкъ, чтобы назначить тебя своимъ братомъ Такъ мнѣ приказалъ Гавріилъ. Подойди, Али, заключимъ союзъ братства, чтобы впредь мы были съ тобою—на дѣлѣ и истинно—какъ два брата».

Онъ прибавилъ также Али: «ты для меня, какъ Ааронъ для Моисея, но послѣ меня не будетъ пророковъ» [1]).

Съ другой стороны, это опровергается назначеніемъ Абу Бакра имамомъ во время болѣзни Мухаммеда (т. е. руководителемъ общей молитвы) Наконецъ, Абу Бакръ былъ избранъ халифомъ, и никто не настаивалъ на правахъ Али, изъ чего можно заключить, что слова Мухаммеда были истолкованы, если дѣйствительно они были произнесены, не какъ указаніе на необходимость избрать Али халифомъ.

Но шіиты, стараясь всячески доказать, что права Али были нарушены. не ограничаются приведеніемъ многочисленныхъ преданій,—они, безъ достаточнаго на то основанія, утверждаютъ, что въ пересмотрѣнномъ Усманомъ Коранѣ были пропущены нѣкоторые стихи, благопріятные притязаніямъ Али:

«О, вѣрующіе, вѣруйте въ два свѣта (т. е. Мухаммеда и Али).

«Али изъ числа благочестивыхъ; Мы воздадимъ ему должное въ день суда; Мы знаемъ о несправедливости, оказанной ему. Мы почтимъ его превыше всей этой фамиліи. Онъ и его фамилія много страдаютъ. Ихъ врагъ (т. е. Муавія)—глава грѣшниковъ.

«Мы возвѣстимъ тебѣ о родѣ праведныхъ людей, людей, которые не будутъ противиться нашимъ приказаніямъ. Мое милосердіе и миръ съ ними, живы они или нѣтъ.

«Что касается тѣхъ, которые идутъ по ихъ пути, милость моя на нихъ; истинно, жилище ихъ будетъ въ раю» [2]).

Смерть Мухаммеда поставила вопросъ ребромъ и вызвала споры о томъ, кто долженъ быть назначенъ халифомъ. Хашимиты утверждали, что халифатъ долженъ перейти къ Али—по назначенію и по наслѣдству. Другіе корайшиты настаивали на необходимости приступить къ избранію. Или голосъ первыхъ былъ слишкомъ слабъ, или онѣ сомнѣвались въ своихъ правахъ, во всякомъ случаѣ они настаивали слишкомъ слабо. Вѣрнѣе признать послѣднее, такъ какъ едва ли бы кто-нибудь рѣшился нарушить волю Пророка такъ быстро послѣ его смерти. Поэтому,

---

[1]) A. L. M. Nicolas Le Bab. pp. 84 85.

[2]) E. Sell The Faith of islam p. 14.

несмотря на присутствіе партіи хашимитовъ, можно сказать, что серьозно никто на правахъ Али не настаивалъ, и онъ самъ однимъ изъ первыхъ призналъ избраніе Абу Бакра и выразилъ ему почтеніе. Что онъ не былъ доволенъ этимъ въ душѣ, и что онъ предпочелъ бы видѣть на престолѣ халифата себя, это внѣ сомнѣній: но что именно заставило его отказаться отъ искательства своихъ правъ—желаніе ли избѣжать неизбѣжнаго въ этомъ случаѣ кровопролитія, неувѣренность ли въ необходимой поддержкѣ, или сознаніе того, что, хотя онъ и является достойнымъ халифата, какъ и нѣкоторые другіе, но все же исключительныхъ правъ на него не имѣетъ? На все это можно отвѣчать конечно лишь гадательно. Дальнѣйшая исторія показала, что приверженцевъ у Али было вовсе уже не такъ много.

Вотъ что пишетъ одинъ шіитскій авторъ: [1])

«Славные сподвижники Пророка видя, что Али обиженъ, и у него похищены его права, неоднакратно уговаривали его предъявить свои требованія; они говорили ему:

— Какъ, несмотря на завѣдомую храбрость и блестящія способности, ты терпишь, что другіе вырываютъ у тебя халифатъ и наносятъ тѣмъ ущербъ и вѣрѣ и закону? И ты спокойно сидишь дома?

— Если вы рѣшили посвятить себя на дѣло Бога и помочь мнѣ, приходите завтра ко мнѣ съ обритами головами и съ обнаженными мечами на плечахъ, чтобы мы съ непреклоннымъ мужествомъ могли биться за дѣло Бога и за наши собственныя права.

« Его спутники, бывшіе прекраснѣйшими людьми своего времени, были совершенно готовы на словахъ, и они такъ были полны надежды и довѣрія, что объявили себя готовыми умереть за того, передъ кѣмъ они считали себя ничтожествомъ. Но когда дошло до дѣла, и они были подвергнуты испытанію, всѣ ихъ претензіи оказались пустыми, и сдѣлалось очевиднымъ, что преданность ихъ была только на словахъ, а не на дѣлѣ. Четверо изъ нихъ однако повиновались приказанію Али. Трое изъ нихъ сбрили немного волосъ на вискахъ, а остальное спрятали подъ тюрбаномъ; а Сальманъ, обрившій всю голову, принесъ мечъ подъ плащемъ Когда Али увидалъ это онъ сказалъ:

— Какъ можете вы, пожалѣвшіе волосъ на головѣ, принести въ жертву жизнь, имущество, женъ и дѣтей? Причина, почему я молча сижу у себя дома и переношу всѣ эти оскорбленія и пренебреженіе, между тѣмъ, какъ другіе захватываютъ себѣ халифатъ, заключается въ томъ, что у меня нѣтъ друга, на котораго бы я могъ положиться, и ни въ одномъ изъ окружающихъ

[1]) Tarih-i-djadid, trad. E. Browne, pp. 248, 249.

меня я не вижу преданности и постоянства. На словахъ они всегда готовы, но, когда доходитъ до дѣла, они бѣгутъ и не хотятъ пожертвовать даже волосами на своей головѣ».

Но внѣшнимъ образомъ Али былъ вполнѣ лойяленъ, и первые два халифа, Абу Бакръ и Омаръ, всегда встрѣчали въ немъ нравственную поддержку. Дѣло измѣнилось съ занятіемъ халифата Усманомъ, выборъ котораго былъ скорѣе данью почтенія къ памяти Пророка, чѣмъ оцѣнкой личныхъ качествъ его ближайшаго сотрудника. Къ тому же онъ былъ очень старъ. Почему онъ одержалъ перевѣсъ надъ Али, если тотъ дѣйствительно имѣлъ такія серьозныя права? И была ли какая-нибудь необходимость для Усмана поддѣлывать Коранъ? Вотъ что говоритъ по этому поводу Сэлль: [1]).

«Въ общемъ сама очевидность, повидимому, противъ притязаній шіитовъ. Али и его послѣдователи были могущественной группой во время халифата Усмана; они должны были знать очень хорошо, сказалъ ли что нибудь Пророкъ относительно Али. И не легко повѣрить тому, что при всемъ своемъ могуществѣ они позволили Усману уничтожить эти (говорящіе объ Али) стихи въ Коранѣ. Наконецъ, когда Али сдѣлался халифомъ, онъ могъ бы, если бы хотѣлъ этого, предъявить свою копію Корана. Страсти, разгорѣвшіяся вслѣдствіе гражданской войны, были ужъ столь сильны, что подобное дѣйствіе едва ли могло значительно увеличить ихъ и угрожать опасностью дальнѣйшему существованію этого халифата Дѣйствительность такова, что культъ Али, весьма любопытная и интересная фаза развитія религіозной мысли, появился гораздо позже».

Отличаясь слабохактерностью, Усманъ уже въ скоромъ времени совершенно подпалъ подъ вліяніе знатныхъ мекканцевъ, бывшихъ враговъ Мухаммеда. Онъ самымъ широкимъ образомъ примѣнялъ систему протекціонизма, даже не стараясь какъ либо замаскировать ее. Все управленіе страной находилось въ сущности въ рукахъ двоюроднаго брата престарѣлаго халифа — Мервана, а самъ онъ былъ не больше, какъ почетный хранитель титула

Марванъ былъ сыномъ Хишама, который былъ изгнанъ Мухаммедомъ за то, что выдалъ государственную тайну, и при первыхъ двухъ халифахъ запрещеніе поддерживалось. Усманъ, напротивъ, не только вернулъ немедленно своего дядю изъ изгнанія, но подарилъ ему сто тысячъ серебряныхъ монетъ и кусокъ принадлежащей государству земли. Что касается его сына Марвана, то онъ приблизилъ его къ себѣ, сдѣлалъ его своимъ личнымъ секретаремъ и женилъ его на одной изъ своихъ дочерей.

---

[1]) E Sell. Essays on islam. p. 240

Муавія, сынъ Абу Суфіана, былъ назначенъ губернаторомъ Сиріи, а Абдулла ибнъ-Саадъ—правителемъ Египта. Выборъ этихъ лицъ не можетъ не вызывать нѣкотораго удивленія, такъ какъ семья перваго славилась своей непримиримой ненавистью къ Пророку, а второй, бывши нѣкоторое время секретаремъ Пророка, произвольно измѣнялъ диктуемыя ему откровенія; онъ былъ уличенъ въ этомъ, бѣжалъ и вновь обратился въ идолопоклонство; и лишь незадолго передъ назначеніемъ исламизмъ вновь принялъ въ свое лоно этого достойнаго сына.

Валидъ былъ сдѣланъ губернаторомъ Куфы. Отецъ этого послѣдняго также былъ извѣстенъ своей враждой къ Мухаммеду, котораго онъ однажды едва не убилъ. Поведеніе Валида было не малымъ смущеніемъ для мусульманъ: онъ часто приходилъ въ мечеть пьяный и просилъ у молящихся вина для того, чтобы опохмелиться. Таковъ былъ руководитель молитвы.

Оставивъ въ сторонѣ нравственныя качества, должно признать, что среди этихъ лицъ Муавія отличался и необыкновенной энергіей и богатыми административными способностями. Страна управлялась имъ образцово, и онъ сумѣлъ сплотить населеніе и организовать сильное войско, которое потомъ и сослужило ему службу

Такъ какъ всѣ эти лица были избранниками самого халифа, то летѣвшія со всѣхъ сторонъ въ Мединy жалобы не только оставались безъ удовлетворенія, но даже безъ какого либо отвѣта Едва ли въ этомъ можно винить всецѣло халифа: будучи слабымъ, онъ едва ли сознательно хотѣлъ быть преступнымъ. Вѣрнѣе предполагать, что не всѣ жалобы, проходя черезъ руки Марвана, достигали до халифа.

Наконецъ, въ Мединy явилась громадная депутація изъ 12000 человѣкъ съ Мухаммедомъ, сыномъ халифа Абу Бакра, во главѣ. Они первоначально обратились за совѣтомъ къ Али, и тотъ согласился быть передъ халифомъ выразителемъ ихъ мнѣнія.

Вотъ что Али говорилъ Усману. [1])

«Тѣ, которые находятся за мною, просили меня быть ихъ посланникомъ и поручили мнѣ передать тебѣ то, что они имѣютъ сказать. И беру въ свидѣтели Бога! я не знаю, что сказать, потому что я не знаю ни одной вещи, которой и ты не зналъ бы, и я не могу указать тебѣ ничего, что тебѣ не было бы извѣстно Ты знаешь все, что я знаю, и я не научился ничему большему, чтобы быть въ состояніи передать это тебѣ Ты видѣлъ то, что я видѣлъ, и ты слышалъ то, что я слышалъ. У

[1]) Nahadj-oul-Bélagué, loc. cit. A. L. M Nicolas Le Bab pp 109 -111.

тебя съ Пророкомъ были такіе же разговоры, какіе я имѣлъ съ нимъ. Ни сынъ Кохафэ (т. е. Абу Бакръ), ни сынъ Аль-Хаттаба (т. е. Омаръ) не были болѣе тебя достойны дѣла Бога, потому что твое родство съ Пророкомъ черезъ женъ ближе, чѣмъ ихъ родство: ты былъ его зятемъ, а они не были. О, Боже! О, Боже! Итакъ, храни себя самъ. Клянусь Богомъ, нѣтъ надобности исцѣлять тебя отъ слѣпоты, которой ты не страдаешь, нѣтъ причинъ, чтобы выводить тебя изъ невѣдѣнія, которое никогда не было твоимъ достояніемъ. Дорога ясна, знамена ислама подняты.

«Знай же, что любимый слуга Бога, это — справедливый имамъ, который никогда не покидалъ праваго пути, и который направляетъ людей. Это онъ поддерживаетъ признанные законы и отвергаетъ нововведенія. Законы же, нравы, пріятные Богу, явны и опредѣлены ясными знаками; то же самое и относительно опасныхъ нововведеній.

«Знай также, что человѣкъ, презираемый Богомъ, есть имамъ, который обратился въ тирана, который теряетъ путь, и который сбиваетъ съ него тѣхъ, которые за нимъ слѣдуютъ, который оставляетъ въ забвеніи традиціонные законы и позволяетъ возникать нововведеніямъ, которыя онъ долженъ бы былъ уничтожать.

«Я слышалъ самъ, какъ Пророкъ говорилъ: «въ день суда придетъ имамъ, который былъ лишь тираномъ, и никто не поможетъ ему, никто не будетъ просить для него прощенія у Бога; онъ будетъ брошенъ въ огонь ада, и онъ будетъ долго повертываться тамъ, какъ мельничный жерновъ, чтобы, въ концѣ концовъ, быть прикованнымъ въ самой глубинѣ проклятаго мѣста».

«Заклинаю тебя Богомъ, не будь среди тѣхъ, кто долженъ быть убитъ, потому что сказано:

«Въ этой націи будетъ убитъ имамъ, и черезъ его посредство откроются двери вражды и убійства. И кровь будетъ течь до дня суда, и истина будетъ скрыта, заблужденіе распространится, и постоянные раздоры установятся въ этой націи. Тогда они уже больше не будутъ различать истины отъ лжи и будутъ погружены въ потемки и ослѣпленіе, собравшіяся какъ волны океана».

«Приведя этотъ хадисъ, Али прибавилъ: «не подчиняйся всему, что говоритъ Мерванъ ибнъ-аль-Хакимъ, и не возлагай на себя отвѣтственность за то, что онъ дѣлаетъ. Берегись! возможно, что, сдѣлавшись старымъ, ты уже не въ состояніи избавиться отъ его владычества; тогда онъ можетъ тебя обманывать и вести тебя по такой дорогѣ, какую ему укажетъ его фантазія».

Но Усманъ остался непреклоннымъ, и, видя, что больше ничего не остается дѣлать, Али рекомендовалъ депутаціи разойтись.

Когда они возвращались домой, имъ совершенно случайно удалось перехватить приказъ, посланный Усманомъ Муавіи—убить всѣхъ жалобщиковъ. Приказъ этотъ конечно былъ напи-Марваномъ, но на немъ была печать Усмана, а, слѣдовательно, и отвѣтственность за все ложилась на него. Возмущенные этимъ предательствомъ, они немедленно же вернулись въ Медину и убили Усмана. Однако это не совершилось такъ просто: почти цѣлый мѣсяцъ длилась осада укрѣпленнаго дома халифа, и были убиты всѣ его защитники [1]).

Если разсматривать дѣло безпристрастно и не становясь на точку зрѣнія шіитовъ, роль, которую игралъ Али во время этой осады, представляется довольно двухсмысленной. Внѣшнимъ образомъ онъ, какъ будто бы, старался устроить примиреніе и защитить Усмана, но въ искренности этого можно сомнѣваться, такъ какъ Али въ данный моментъ имѣлъ вліяніе на толпу, и вѣроятно было бы возможно ограничиться лишь низложеніемъ халифа, не убивая его. Но вышло не такъ, и результаты этого не замедлили сказаться, и съ этого момента исламъ ясно раздѣляется на двѣ партіи: начинается династическая борьба, которая съ вѣками переходитъ въ религіозную ненависть.

Когда Усманъ былъ убитъ, многіе совершенно открыто говорили, что во власти Али было спасти престарѣлаго халифа; говорили даже болѣе того,—что самъ Али участвовалъ въ убійствѣ. Справедливы ли были эти обвиненія, но ихъ было во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы возмутиться противъ него, и корайшиты обвинили его въ убійствѣ и требовали возмездія за пролитую кровь [2]). Конечно это былъ лишь предлогъ, а на дѣлѣ мекканцы хотѣли воспользоваться смутнымъ временемъ, чтобы свергнуть мединское иго, которое они считали униженіемъ для себя.

По смерти Усмана, Али почти единогласно былъ избранъ имамомъ. Такимъ образомъ сбылись его завѣтныя мечты,—онъ былъ у власти. Онъ просто и съ достоинствомъ принялъ предложенное ему званіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ заявилъ о своей готовности передать его болѣе достойному, если бы нація указала на такового. Не надо забывать однако, что со смерти Пророка прошло уже болѣе 24 лѣтъ, и за это время жизнь не помолодила Али. Если онъ, все время мечтая о своихъ правахъ, чувство-

---

[1]) Ameer Ali. The spirit of islam pp. 465-468

[2]) Nicolas. Op. c. 113. D. B. Macdonald. Muslim theolog p. 21.

валъ себя окрыленнымъ лучшими намѣреніями, годы сказались, и съ первыхъ же шаговъ Али почувствовалъ тяжесть принятой на себя задачи: если около него и образовалась сильная партія, то и враговъ его ненависть сплотила въ могущественную группу. Еще пока продолжалась осада дома Усмана, планы мекканцевъ выяснились: не менѣе Али они желали, чтобы халифатъ перешелъ къ дому Омайя, и конечно не религіозное рвеніе руководило ими, такъ какъ ихъ исламъ былъ довольно сомнительнаго качества, а политическія цѣли. Съ избраніемъ халифа, вражда не замерла.

Былъ ли Али слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ, не хватало ли ему извѣстнаго административнаго такта, только дѣйствія его были далеки отъ того, чтобы улучшить положеніе: немилость его, обрушившаяся на ставленниковъ прежняго халифа, еще больше увеличила озлобленіе противъ него.

Кандидатами на престолъ халифата считали себя также два спутника: Зубаиръ и Тальха. Когда надежды ихъ не оправдались, они просили Али назначить ихъ губернаторами въ Бассору и Куфу; потерпѣвъ неудачу и въ этомъ, они открыто возмутились противъ Али Во всѣхъ своихъ планахъ и дѣйствіяхъ они были самымъ энергичнымъ образомъ поддерживаемы Айшей. Мать правовѣрныхъ вела искусную политическую интригу. Она была вѣрна своей ненависти къ Али. она не могла ему простить того, что онъ позволилъ себя усомниться въ ея супружеской вѣрности Пророку. Когда началось возстаніе, она сопровождала отрядъ на верблюдѣ.

Али не хотѣлъ проливать крови, и онъ первоначально послалъ Абдуллу-ибнъ-Аббаса переговорить съ возставшими и убѣдить ихъ не прибѣгать къ оружію для рѣшенія спора, но уговоры были безполезны, а около Худайбы произошла битва. Оба вождя—Зубаиръ и Тальха—были убиты, а Айша взята въ плѣнъ. Али сдѣлалъ ей нѣкоторое внушеніе, но тѣмъ не менѣе ей не причинили никакого вреда, и она съ почетнымъ эскортомъ была отправлена въ Медину. Эта битва извѣстна въ исторіи подъ названіемъ «Дня верблюда».

Только лишь былъ подавленъ этотъ мятежъ, какъ Али получилъ свѣдѣнія о томъ, что Муавія, которому онъ сообщилъ о смѣщеніи его, поднялъ противъ него Сирію. Это была съ его стороны месть за немилость. Здѣсь уже не было мѣста для какихъ бы то ни было переговоровъ. и Али началъ съ нимъ войну. Хотя у Муавіи и было хорошее войско, но обстоятельства не благопріятствовали ему, и онъ потерялъ всѣ первыя сраженія, такъ что, когда наступило время рѣшительнаго сраженія, у него не было прежней увѣренности.

Обыкновенно бой при Сиффинѣ называютъ нерѣшитель-

нымъ. Это опредѣленіе неправильно: онъ былъ нерѣшителенъ по результатамъ, но это была недоконченная побѣда Али, недоконченная не по его винѣ. Муавіи грозило полное уничтоженіе, и онъ не могъ разсчитывать на милость Али. Чтобы спастись, онъ прибѣгъ къ вѣроломной хитрости, и разсчеты его оказались правильными. Послѣдствія были громадны, и по справедливости этотъ моментъ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ важныхъ въ исторіи ранняго ислама.

Онъ приказалъ нѣсколькимъ изъ своихъ людей поднять на копья Кораны, выйти впередъ и кричать: «пусть перестанетъ литься кровь вѣрныхъ: если сирійская армія будетъ уничножена, кто будетъ защищать границу противъ грековъ? Если иракская армія будетъ уничтожена, кто будетъ защищать границу противъ турокъ и персовъ? Пусть Книга Бога рѣшитъ споръ между нами!»

Али прекрасно зналъ своего противника и чуялъ въ этой продѣлкѣ простое предательство, но большая часть его войска отказалась продолжать бой, требуя, чтобы споръ былъ рѣшенъ третейскимъ судомъ. Такимъ образомъ сраженіе было прекращено, и почти выигранная побѣда хитростью была вырвана изъ рукъ Али.

Третейскій судъ состоялся въ Умат-уль-Джандалъ. Противъ желанія Али, его представителемъ былъ назначенъ Абу Мухаммедъ аль-Ашари, въ душѣ враждебно настроенный противъ него и стоявшій далеко не на высотѣ порученной ему задачи. Представителемъ противной стороны былъ Амру-бинъ-аль-Ассъ. Дипломатическая побѣда оказалась на сторонѣ Муавіи: Амру заставилъ Абу Мусу согласиться на рѣшеніе, что для блага мусульманскаго міра у Али долженъ быть отнятъ халифатъ, а у Муавіи—губернаторство Сиріи. Тогда Абу Муса взошелъ на кафедру и торжественно провозгласилъ низложеніе Али. И лишь когда Амру, въ свою очередь, взошелъ на каферду и заявилъ, что онъ принялъ низложеніе Али и назначилъ на его мѣсто Муавію. представитель Али понялъ, въ какую ловушку онъ попалъ, но было уже поздно. Однако предательство было слишкомъ очевидно, и фатимиды, т. е. приверженцы дома Пророка, отказались признать это рѣшеніе дѣйствительнымъ и обязательнымъ для себя. Обѣ партіи разошлись, поклявшись въ непримиримой ненависти другъ къ другу. Тѣ же самыя лица, которыя заставили Али согласиться на третейскій судъ, потомъ обрушились на него за то, что онъ послушался ихъ, и отдѣлились отъ него въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Это и были первые хавариджи. Правильнѣе сказать, что послѣ битвы при Сиффинѣ и третейскаго разбирательства мусульмане раздѣлились на нѣ-

сколько политическихъ партій, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовало и религіозное раздѣленіе. Партіи эти были:

1) шіиты (алиды или фатимиды),

2) язидиты, или приверженцы сына Муавіи-Язида,

3) хариджиты или ибадиты.

4) Что касается четвертой группы, т. е. всѣхъ, не вошедшихъ въ три первыя группы, она еще не получила ясной физіогноміи, и лишь условно мы можемъ назвать ее суннитами.

Духовное разобщеніе имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что образовалось множество различныхъ толковъ и школъ: иногда разногласія были религіознаго характера, иногда юридическаго. Толковъ было безконечное множество, такъ какъ каждая большая школа давала ихъ нѣсколько. Бенаттаръ [1]) перечисляетъ ихъ 85, причемъ беретъ лишь только тѣ, ученіе которыхъ хорошо извѣстно. О нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ приходилось говорить въ предыдущихъ томахъ, а съ иными мы познакомимся дальше. Большинство этихъ толковъ было недолговѣчно, и часто они не переживали своего основателя, вліяніемъ котораго только и держались. Причины возникновенія сектъ часто были совершенно случайны, и порою назначеніемъ ихъ было только скрыть какой нибудь рискованный политическій шагъ.

Амиръ Али называетъ хавариджей «кальвинистами ислама» [2]) Ихъ доктрины темны и мрачны, суровы и фанатичны. Они являются самыми строгими предопредѣленцами, это—ульра—джабариты. Они не признаютъ имамата ни одного изъ халифовъ, слѣдовавшихъ за Омаромъ, и отличаются непримиримой ненавистью къ Али. Для нихъ имамами были ихъ собственные вожди Отъ другихъ суннитовъ, поскольку ихъ можно назвать суннитами, они отличаются тѣмъ, что не признаютъ необходимости быть свободнымъ человѣкомъ или корайшитомъ для того, чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ халифы. Нѣкоторые изъ нихъ даже не видятъ непремѣнной необходимости въ имамѣ, - они лишь допускаютъ его. Одни изъ нихъ считаютъ, что онъ долженъ быть выбираемъ лишь на время общественнаго смятенія; другіе, напротивъ, признаютъ это необходимымъ во время мира. [3]).

Шахрастани раздѣляетъ хавариджей на пять главныхъ группъ:

1) *Азарика*, или послѣдователи Абу Рашидъ Нафэ ибнъ-Азрака. Это самая фанатичная секта, которая учитъ, что всѣ кромѣ нея осуждены на гибель; что невѣрнымъ не должно да-

---

[1]) C. Benattar L'esprit libéral du Coran. pp. 32, 33.

[2]) Ameer Ali The spirit of islam. pp. 326, 327.

[3]) D B Magdonald. Muslim theology p. 57.

вать пощады, и что невѣрными являются всѣ кромѣ нихъ. Тогда какъ всѣ мусульмане считаютъ, что дѣти рождаются мусульманами, по ихъ мнѣнію, дѣти невѣрныхъ рождаются уже невѣрными. Они были уничтожены Хаджаджемъ-ибнъ Юсуфомъ. Ихъ непримиримый фанатизмъ возродился, спустя 900 лѣтъ, въ движеніи вагабитовъ.

2) *Ибадиты,* или послѣдователи Абдулла-ибнъ-Ибада, современника халифа Марвана II. Иногда это имя дается вообще всѣмъ хариджатамъ. Они были менѣе фанатичны и были непримиримыми врагами азарика

3) *Нэджат-азарія,* или послѣдователи Нэджатъ-ибнъ-Амира. Ихъ ученіе почти ничѣмъ не отличалось отъ предыдущихъ.

4) *Аджардія,* или послѣдователи Абдулъ Керима ибнъ-Аджрада.

5) *Суфар-уз-зіадія.*

Согласившись, хотя бы и вынужденно, на третейское разбирательство спора между собой и Муавіей, Али совершилъ громадную ошибку Это была ошибка военачальника, который отказался безъ разумной причины отъ почти одержанной имъ побѣды,—для переговоровъ время могло найтись послѣ. Это была ошибка главы государства, который позволилъ своимъ подданнымъ возстать противъ себя. Это была ошибка духовнаго главы, который своимъ согласіемъ какъ бы признавалъ сомнительность своихъ правъ на халифатъ. Помимо всего этого, третейское разбирательство было незаконно, такъ какъ воины Али не являлись на то уполномоченными всей націи. Въ общемъ это была слабость съ его стороны, и за эту слабость онъ заплатилъ дорогой цѣной. Немного времени прошло послѣ этого, и Али былъ убитъ въ Куфѣ въ то время. когда онъ совершалъ молитву въ мечети. Эта смерть дала Муавіи возможность соединить въ своихъ рукахъ власть надъ Сиріей и Хэджасомъ. Однако Куфа не хотѣла признавать его главенства, и тамъ былъ выбранъ халифомъ Хасанъ, старшій сынъ Али. Всѣ историки согласны относительно того, что, оказавъ лишь слабое сопротивленіе напавшему на него Муавіи, Хасанъ отрекся отъ своихъ правъ въ пользу Муавіи, который, такимъ образомъ, получивъ власть изъ рукъ законнаго халифа, долженъ былъ быть признанъ всѣми. Послѣ этого Хасанъ удалился въ Медину, прожилъ тамъ восемь лѣтъ и былъ отравленъ Муавіей. Нѣкоторые отвергаютъ это. «Въ Мединѣ онъ предался чувственности, говоритъ Поль де-Ласи Джонстонъ, которая заслужила ему имя «Разводника», и послѣ восьми лѣтъ этой позорной жизни онъ былъ отравленъ одною изъ своихъ женъ Исторія, которая возлагаетъ вину этого преступленія на Муавію, можетъ быть отвергнута, какъ клевета». [1])

[1]) P. de Lacy Djohnstone Muhammed and his power p 190.

Однако первая версія является болѣе принятой, и кромѣ того одна изъ женъ Хасана могла быть исполнительницей плана Муавіи. На совѣсти Муавіи лежитъ столько доказанныхъ преступленій, что ошибку въ цифрѣ едва ли можно считать клеветой

Когда Хасанъ удалился въ Медину, оффиціально сложивъ съ себя званіе халифа, это не мало способствовало увеличенію силы Муавіи, который мало по малу приводилъ въ исполненіе планы своего отца—сдѣлаться владыкой мекканскаго государства.

Подъ именемъ Муавіи I онъ занялъ престолъ халифата, начавъ собою линію Омайядовъ. По отзывамъ историковъ, жалость была чужда его сердцу, онъ не зналъ, что такое милосердіе, и самыя низкія преступленія въ его глазахъ были простымъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей,—излюбленными же среди нихъ были мечъ наемнаго убійцы и ядъ. Если можно сомнѣваться относительно отравленія имъ Хасана, то подготовка убійства Хусайна лежитъ внѣ сомнѣнія. Боясь могущихъ возникнуть послѣ его смерти споровъ, онъ хотѣлъ обезпечить наслѣдство своему сыну Язиду. Таковъ былъ человѣкъ, занявшій при помощи кровопролитія и темныхъ преступленій престолъ халифата. На это слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ это помогаетъ отчасти объяснить ту глубокую ненависть, которую шіиты перенесли съ династіи омайядовъ на всѣхъ, кто признавалъ ихъ истинными халифами

Хусайнъ, считавшій себя имѣющимъ право на этотъ престолъ, открыто не признавалъ Муавіи, и, когда мусульмане Куфы обратились къ нему съ просьбой освободить ихъ отъ нечестиваго тирана, онъ съ радостью отвѣтилъ на ихъ призывъ.

Разсѣянные небольшими группами, безъ руководителей, шіиты были вынуждены первое время скрывать свои чувства и свои надежды, иначе имъ грозила священная война со стороны приверженцевъ халифата: въ глазахъ этихъ послѣднихъ, не допускавшихъ раздѣленія верховной, духовной и временной власти, они были лишь еретиками, тогда какъ приверженцы халифата были истинными, правовѣрными мусульманами, хотя и управлялись халифами, которые иногда мало чѣмъ отличались отъ язычниковъ. Можетъ быть, именно нечестіе Омайядовъ и заставило искать выхода изъ ненормальнаго положенія и рельефно выдвинуло права дома Али. [1]).

Итакъ, Хусайнъ рѣшился отстаивать права своего дома. Его увѣрили, что весь Иракъ готовъ подняться ради него, и онъ рѣшился со своей семьей и небольшой горстью приверженцевъ отправиться въ Куфу. Путешествіе совершилось

---

[1]) O. Houdas. L'islamisme p 235

безъ всякихъ приключеній до самыхъ предѣловъ Ирака, гдѣ Хусайнъ долженъ былъ встрѣтить сильную армію, съ которой и долженъ итти дальше. Но вмѣсто арміи онъ встрѣтилъ предательство. Первоначально не увидалъ никого и долженъ былъ остановиться со своимъ караваномъ около Кербелы, на западномъ берегу Тигра, чтобы ожидать, такъ какъ подвигаться одному дальше было безцѣльно рисковать собственной жизнью и тѣмъ дѣломъ, защитникомъ котораго онъ являлся. Вскорѣ подозрѣнія его, что ему готовится какая то засада, перешли въ грустную увѣренность, такъ такъ онъ увидалъ себя окруженнымъ отрядомъ омайядскихъ войскъ, которыя отрѣзали его отъ воды. Когда въ намѣреніяхъ отряда не оставалось никакого сомнѣнія, Хусайнъ вступилъ въ переговоры съ его начальникомъ и предложилъ ему окончить это невыносимое положеніе однимъ изъ трехъ способовъ: позволить ему вернуться въ Медину, или быть назначеннымъ въ какой-нибудь гарнизонъ на турецкой границѣ или же быть отведеннымъ въ присутствіе халифа. Въ этомъ ему было отказано. Когда онъ предложилъ убить его и ограничиться этимъ, не трогая женщинъ и дѣтей, ему отвѣтили, что онъ напрасно старается пробудить въ ихъ сердцахъ жалость. [1]).

Въ ночь, предшествовавшую битвѣ при Кербела, Хусайнъ успокаивалъ жалобы своей сестры Фатимы, говоря: «наша вѣра въ одномъ Богѣ. Все сущее на землѣ должно погибнуть и возвратиться къ своему Создателю. Мой отецъ, моя мать, мой братъ были лучше меня, и въ Пророкѣ примѣръ для каждаго мусульманина». Онъ уговаривалъ своихъ друзей и свою семью обезпечить себѣ спасеніе своевременнымъ бѣгствомъ, но всѣ единодушно отказались бѣжать или пережить любимаго господина. ихъ мужество было подкрѣплено горячей молитвой и обѣщаніемъ рая Въ утро рокового дня онъ сѣлъ на лошадь, держа въ одной рукѣ мечъ, а въ другой—Коранъ. славная группа мучениковъ состояла лишь изъ 32 конныхъ и сорока пѣшихъ... Непріятель, которыи не могъ побѣдить въ единоборствѣ. засыпалъ ихъ стрѣлами, и люди и лошади постепенно падали мертвыми. На время молитвы съ обѣихъ сторонъ было заключено перемиріе: и наконецъ битва окончилась со смертью послѣдняго изъ спутниковъ Хусаина... [2]).

Эта драма дѣлаетъ понятнымъ тотъ фанатизмъ, который шиты выказываютъ при ежегодномъ воспоминаніи мученической кончины Али и Хусайна. Надо слышать, какіе неистовые вопли испускаетъ толпа во время священныхъ процессій или во вре-

---

[1]) Ameer Ali The spirit of islam. p. 273.

[2]) E. Gibbon Decline and fall of the Roman Empire v V. p. 287.

мя чтенія описанія смерти Хусайна, чтобы понять, какъ глубока та пропасть, которая легла между шіитами и суннитами.

За исключеніемъ однаго больного ребенка, котораго сестрѣ Хусайна Зайнабъ удалось спасти отъ гибели, никто изъ членовъ мужскаго пола семьи Хусайна не уцѣлѣлъ. Ребенокъ этотъ, по имени Али, а впослѣдствіи извѣстный подъ прозвищемъ Зайнуль-Абидинъ (т. е. украшеніе благочестивыхъ), былъ сыномъ Хусайна и дочери Іездегирда, послѣдняго сассанидскаго царя Персіи По правамъ своей матери ребенокъ являлся претендентомъ на престолъ Персіи, а по правамъ отца онъ былъ представителемъ дома Али.

Кербельская рѣзня потрясла исламъ и заставила его задуматься надъ изувѣрствомъ Омайядскаго двора въ Дамаскѣ. Однако около ста лѣтъ продержались Омайяды, и они сдѣлали все, чтобы раздѣлить исламъ,—для нихъ не было ничего святого: Медина была разграблена, мужчины убиты или отправлены въ изгнаніе, женщины обезчещены, самая мечеть Пророка была обращена въ конюшню, и дорогія для мусульманъ могилы были разрушены. Халифы издѣвались надъ религіей, и одинъ изъ нихъ запретилъ даже паломникамъ посѣщать могилу пророка въ Мединѣ. Но въ лицѣ Абдулла Аб-уль-Аббаса Саффа омайяды нашли своего мстителя. Разставляя сами неодократно ловушки, на этотъ разъ они попали въ нее сами. Аббасиды предложили имъ окончательно примириться, и по этому поводу былъ устроенъ банкетъ, на которомъ всѣ омайяды, въ числ 81 члена, были убиты—за исключеніемъ одного, которому удалось бѣжать въ Испанію. [1]).

Какъ бы ни было событіе само по себѣ значительно и исторически очевидно, мусульмане не могутъ обойтись безъ того, чтобы не разукрасить его легендами, которыя порою достигаютъ совершенно обратной цѣли.

Авторъ Тарих-и-джадидъ пишетъ: «Они (шіиты) говорятъ также въ своихъ книгахъ, что въ день Ашура (10 мухаррема) полдень длился 72 часа, совершенно не замѣчая того, что человѣкъ со смысломъ и въ здравомъ умѣ долженъ разсмѣяться надъ такимъ увѣреніемъ. Вѣдь всякому разумному существу совершенно ясно, что, если полуденное время въ этотъ день дѣйствительно продолжалось 72 часа, то весь міровой порядокъ былъ бы разрушенъ, и всѣ люди неминуемо замѣтили бы это и припомнили бы въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ. Во вторыхъ, и это ясно даже для всякаго простяка, если бы арабское солнце свѣтило непрерывно 72 часа, то песокъ на равнинѣ сдѣлался бы какъ огонь, и кровь закипѣла бы въ жилахъ, и ни одно живое существо не могло бы остаться въ живыхъ. Въ—третьихъ, люди науки доказали, что всякій лишенный сна въ тече-

[1]) Ameer Ali. The Spirit of islam pp. 275.

ніе 72 часовъ _ неизбѣжно долженъ умереть, въ особенности же если онъ въ теченіе этого времени еще не принимаетъ пищи. Какъ же въ такомъ случаѣ конное и пѣшее войско, отягченное снаряженіемъ и оружіемъ, могло сражаться въ теченіе 72 часовъ въ сухой аравійской пустынѣ—безъ ѣды, сна и воды? Никакой человѣкъ не можетъ сдѣлать этого. И это не были имамы, святая природа которыхъ можетъ одарить ихъ чудесной силой выносливости». 1).

---

[1]) Tarih-ı-djadid. Trad. E- Browne. pp. 195, 196.

Глава вторая.

По многимъ причинамъ Персія приняла сторону Али въ загорѣвшейся междуусобной войнѣ ислама. Царствующую династію связали съ домомъ Али узы свойства: когда Персія, послѣ отчаяннаго сопротивленія, пала подъ натискомъ арабовъ, носителей новой религіи, шахъ Іездегирдъ III былъ убитъ въ битвѣ при Нехавендѣ, а взятая въ плѣнъ дочь его сдѣлалась женою Хусайна [1]).

Однако для арабовъ было еще преждевременно торжествовать полную побѣду: Персія не была еще окончательно завоевана, она была только сдавлена могучимъ натискомъ завоевателей, чуждыхъ персамъ по нравамъ, религіи и языку. Реакція была неизбѣжна, и она наступила. Нѣсколько вѣковъ прошло прежде, чѣмъ исламъ восторжествовалъ въ Персіи. Но это торжество явилось лишь сомнительной побѣдой, такъ какъ, въ свою очередь, надъ исламомъ восторжествовало духовенство, создавшееся постепенно и, надо признать, съ большимъ трудомъ. Оффиціальной причиной образованія несуществующаго въ исламѣ института была необходимость имѣть контингентъ лицъ, могущихъ читать и толковать Коранъ. Съ точки зрѣнія православнаго ислама это было большой ересью. Получивъ безконтрольную власть толкованія Корана, духовенство пользовалось этой властью какъ хотѣло и не всегда для божественныхъ цѣлей.

Когда послѣ смерти сына Али Хусайна исламъ раздѣлился на нѣсколько партій, и одна раздирала другую, персы, по своей ненависти къ арабамъ, приняли сторону алидовъ, являющихся теперь потомками прежней царствовавшей династіи. Кромѣ того, «еще при жизни смотрѣли на Али, какъ на нѣчто большее, чѣмъ простой намѣстникъ Пророка: его уже почитали наравнѣ съ Мухаммедомъ, а нѣкоторые ставили его даже выше его двоюроднаго брата» [2]). Это обстоятельство и рѣшило судьбу религіи въ Персіи.

---

[1]) Nicolas. Le Bab. p. 118.

[2]) Idem p. 120.

Здѣсь мы должны познакомиться съ самымъ животрепещущимъ вопросомъ, а именно о халифатѣ и имаматѣ. Это ученіе составляетъ особую часть Общественнаго Права [1]).

«Суннитскій міръ считаетъ догматомъ вѣры, что долженъ быть халифъ, оффиціальная глава ихъ религіозной политики и наслѣдникъ ихъ Пророка. Во временныхъ дѣлахъ тотъ, кто носитъ это званіе, теоретически является государемъ всего ислама; въ духовныхъ дѣлахъ онъ ихъ высшій религіозный авторитетъ. Но практически временная юрисдикція халифа въ теченіе многихъ вѣковъ была ограничена тѣми странами, которыя онъ былъ въ состояніи удерживать силою оружія; что же касается духовныхъ дѣлъ, онъ не проявлялъ какой бы то ни было непосредственной власти. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ для мусульманъ нѣчто, въ чемъ они нуждаются, и что они обязаны почитать; и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ умѣлыхъ рукахъ и въ нужный моментъ халифатъ еще разъ можетъ сдѣлаться какъ орудіемъ добра, такъ и зла, для всемірной почти силы ислама» [2]).

Халифатомъ называется власть, которой облечено лицо, замѣщающее Пророка въ его двойной миссіи—защищать вѣру и управлять міромъ.

Назначеніе такого лица обязательно, хотя нѣкоторые сектанты (хариджиты) считаютъ это только позволеннымъ; иные же считаютъ это обязательнымъ только по отношенію къ Богу. И то и другое мнѣніе, съ точки зрѣнія суннитовъ, является ересью.

Нѣкоторые, признавая халифатъ обязательнымъ, спорятъ о характерѣ этой обязательности Иные считаютъ, что она вытекаетъ изъ требованій разума. Такова теорія мутазелитовъ. Они говорятъ, что разумъ требуетъ отъ человѣка подчиненія болѣе разумному, чтобы избѣжать бѣдъ и уладить могущіе возникнуть въ обществѣ споры и раздоры; безъ этого народъ обратился бы въ толпу анархистовъ или въ стадо безъ пастуха.

Другая теорія, проведенная Абуль-Хасаномъ аль-Ашари и принятая потомъ всѣми ортодоксалистами, стоитъ за обязательность въ силу закона. Доказательство этой теоріи заключаются въ томъ, что разумъ не говоритъ о необходимости назначенія халифа, а лишь о необходимости воздерживаться отъ раздоровъ и сохранять порядокъ. Велѣніе же закона ясно, такъ какъ Богъ сказалъ: «о, вѣрующіе! повинуйтесь Богу и повинуйтесь Пророку и тѣмъ изъ васъ, въ рукахъ которыхъ находится власть». Власть же находится въ рукахъ правящихъ халифовъ. Пророкъ

---

[1]) Al-Mawerdi. Al-ahkam as-soulthaniya. Trad par Comte L Ostrorog. v. I pp 91—195.

[2]) W. Blunt. The future of islam p. 91.

сказалъ: «держатели власти будутъ управлять вами послѣ меня. Среди нихъ будутъ добрые, которые съ добротой будутъ управлять вами, и среди нихъ будутъ дурные, которые будутъ управлять вами недостойнымъ образомъ Слушайте ихъ и повинуйтесь имъ во всемъ. что согласно съ закономъ. Если они ведутъ себя хорошо, то заслуга будетъ какъ для нихъ, такъ и для васъ. Если они ведутъ себя дурно, заслуга будетъ для васъ, а для нихъ—порицаніе».

Такимъ образомъ, проявленіе власти является обязательнымъ, и это обязательство есть фарз-уль-кэфанэ: когда нашлось лицо, удовлетворящее требуемымъ условіямъ, обязательство отпадаетъ для массы. Если такого лица очевиднымъ образомъ не находится, то мусульманская нація должна раздѣлиться на двѣ группы: на тѣхъ. кто имѣетъ право быть выбраннымъ, и на тѣхъ, кто имѣетъ право выбирать На тѣхъ, кто не удовлетворяетъ тѣмъ или другимъ условіямъ, не лежитъ отвѣтственности за промедленіе въ выборѣ халифа для націи.

Условія, которымъ должны удовлетворять избиратели, слѣдующія.

1) справедливость—въ полномъ объемѣ—какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ.

2) знаніе тѣхъ условій. которымъ долженъ отвѣчать избираемый въ халифы, т е. быть знакомымъ съ богословіемъ и законовѣдѣніемъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, которая необходима въ данномъ случаѣ.

3) здравый умъ, безъ чего не представляется возможнымъ выборъ достойнаго человѣка.

Избиратели, живущіе въ городѣ, гдѣ пребываетъ халифъ, не пользуются никакими привилегіями въ сравненіи съ провинціальными выборщиками, но обычай тѣмъ не менѣе даетъ имъ преимущественное право избранія, такъ какъ они первые узнаютъ о смерти халифа.

Избираемые должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) справедливость—въ полномъ смыслѣ слова.

2) знанія, достаточныя для того, чтобы сдѣлать иджтихадъ.

3) совершенное обладаніе зрѣніемъ, слухомъ и даромъ слова и отсутствіе всякихъ органическихъ пороковъ.

4) здравый умъ, что необходимо для управленія подданными и дѣлами

5) мужество и умѣнье вести священную войну, чтобы быть въ состояніи защитить землю ислама отъ вторженія непріятеля

6) принадлежность къ роду Корайша

7) свободное состояніе

Назначеніе халифа или «заключеніе договора халифата» можетъ имѣть мѣсто однимъ изъ двухъ способовъ.

1) по выбору націи или
2) по назначенію предшествовавшаго халифа.

При выборѣ является вопросъ, какое число выборщиковъ можетъ быть признано достаточнымъ для дѣйствительности выбора. По мнѣнію однихъ, всѣ правоспособные выборщики всѣхъ провинцій должны присутствовать чтобы халифъ былъ выбранъ дѣйствительно общимъ согласіемъ всей націи. Однако эта теорія опровергается избраніемъ Абу Бакра: при его выборѣ участвовали лишь мѣстные избиратели, и прибытія другихъ не дожидались

Другіе считаютъ число пять достаточнымъ для дѣйствительности избранія. Въ подтвержденіе этой теоріи приводится избраніе Абу Бакра т. е. Пять человѣкъ признали его власть, и народъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Это были: 1) Омаръ ибнъ-аль-Хаттабъ, 2) Абу Обэйда ибнъ-аль-Джерра, 3) Усэндъ-ибнъ-Худаиръ, 4) Бэширъ-ибнъ-Саадъ и 5) вольноотпущенникъ Салимъ.

Второй прецедентъ заключается въ томъ, что Омаръ составилъ соборъ изъ шести лицъ, чтобы одно изъ нихъ было выбрано халифомъ съ единогласнаго рѣшенія пяти остальныхъ. Это —теорія законовѣдовъ Басры.

По мнѣнію законовѣдовъ Куфы, для дѣйствительности избранія халифа достаточно трехъ лицъ. Такова теорія мутазелитовъ. Это является какъ бы собраніемъ судьи и двухъ свидѣтелей: судья одинъ постановляетъ рѣшеніе, а двухъ свидѣтелей достаточно, чтобы засвидѣтельствовать фактъ.

Еще другіе говорятъ, что халифа можетъ выбрать одно лицо, что также основано на прецедентѣ Аббасъ сказалъ Али: «протяни руку, чтобы я могъ засвидѣтельствовать тебѣ почтеніе, и нація скажетъ: дядя Пророка Божія засвидѣтельствовалъ почтеніе его двоюродному брату, и не найдется двухъ человѣкъ, которые бы воспротивились тебѣ». Эти законовѣды говорятъ, что подобный договоръ дѣйствителенъ какъ рѣшеніе, постановленное единоличнымъ судьей

Противъ всего этого возражаютъ шіиты, говоря, что для того, чтобы нація, а въ особенности отдѣльныя лица могли вручить кому-либо власть, необходимо, чтобы они были облечены сами подобнымъ правомъ, а этого нѣтъ; что если судья произноситъ рѣшеніе, и оно является законнымъ, то именно потому, что онъ облеченъ соотвѣтственной властью. И, говорятъ они, лишь Богу принадлежитъ право вручать халифатъ, указывая для того избранника. Суннпты на это возражаютъ, что нація не вручаетъ халифатъ, исходящій отъ Бога, а лишь своимъ избраніемъ и заявленіемъ почтенія свидѣтельствуетъ о началѣ его отправленія.

Когда правоспособные выборщики собрались для избранія, они должны разслѣдовать состояніе тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть выбраны; когда голосованіемъ указанъ болѣе достойный, они предлагаютъ ему халифатъ. Если это лицо принимаетъ предложеніе, они выражаютъ ему почтеніе, какъ халифу: этимъ заключается контрактъ, и вся нація дѣлается безвозвратно связанной его силою и обязана подчиниться избранному халифу. Если же выбранное лицо отказывается, то настаивать нельзя, ибо контрактъ долженъ быть заключенъ безъ принужденія, а по обоюдному согласію двухъ сторонъ Въ такомъ случаѣ выбираютъ кого-нибудь другого.

Когда два лица соединяютъ въ себѣ всѣ требуемыя условія въ одинаковой степени, то избираютъ старшаго годами. Если одно лицо болѣе учено, а другое болѣе мужественно, то при избраніи надо принимать во вниманіе обстоятельства времени: первое будетъ предпочтительно избрано въ мирное, а второе въ военное время или когда націю угрожаетъ внѣшній врагъ, или въ странѣ возникаютъ неурядицы.

Если принимается рѣшеніе выбрать одно изъ двухъ опредѣленныхъ лицъ, и если они начинаютъ оспаривать другъ у друга власть, то, по мнѣнію немногихъ, оба они являются недостойными избранія и должны быть отстранены: однако большинство не видитъ въ этомъ препятствія къ избранію одного изъ нихъ. Въ этомъ случаѣ, если оба обладаютъ равными достоинствами, по мнѣнію однихъ, надо бросить жребій; и, по мнѣнію другихъ, голосованіемъ выяснить, кто изъ нихъ является болѣе угоднымъ націи

Если послѣ избранія халифа является лицо, болѣе достойное избранія, чѣмъ онъ, заключенный договоръ не можетъ быть расторгнутъ. Но если избиратели засвидѣтельствовали свое почтеніе нѣкоторому лицу, хотя и знали о существованіи болѣе достойнаго, слѣдуетъ различать. если избраніе находитъ какое либо извиненіе, какъ отсутствіе болѣе достойнаго лица, или его болѣзнь, или объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что менѣе достойное лицо тѣмъ не менѣе было угоднѣе народу и пользовалось большимъ авторитетомъ,—контрактъ сохраняетъ свою силу Если же почтеніе было засвидѣтельствовано менѣе достойному безъ достаточнаго извиненія, то, по мнѣнію мутазелитовъ, договоръ халифата не можетъ считаться окончательно и дѣйствительнымъ образомъ заключеннымъ. Это же мнѣніе поддержали и сдѣлали его еще болѣе категоричнымъ и шіиты—для доказательства, что лишь Али имѣлъ право на халифатъ, такъ какъ «послѣ Пророка онъ былъ лучшимъ изъ людей». Сунниты отрицаютъ это, говоря, что важно то, чтобы менѣе достойное лицо отвѣчало всѣмъ требуемымъ условіямъ: разъ это соблюдено, то болѣе ничего и не тре-

буется,—искать въ этомъ случаѣ болѣе достойнаго, это—уже избытокъ рвенія.

Если только одно лицо совмѣщаетъ въ себѣ всѣ требуемыя условія, оно тѣмъ самымъ является предназначеннымъ для полученія халифата, и другое уже не можетъ быть избрано. Нѣкоторые считаютъ, что въ этомъ случаѣ даже нѣтъ надобности въ избраніи. По мнѣнію большинства однако, это необходимо, чтобы существовавшее въ принципѣ право на халифатъ было утверждено внѣшнимъ образомъ. Это основывается на томъ, что халифатъ есть контрактъ и не можетъ быть заключенъ безъ предварительно сдѣланнаго предложенія.

Когда договоръ халифата заключенъ съ двумя различными лицами въ двухъ разныхъ провинціяхъ, это двойное заключеніе не имѣетъ силы, такъ какъ не разрѣшается, чтобы нація имѣла одновременно двухъ халифовъ Въ этомъ случаѣ является вопросъ, который изъ двухъ халифовъ долженъ быть признанъ законнымъ? Одни говорятъ, что тотъ, который былъ выбранъ въ провинціи, гдѣ умеръ предшествовавшій халифъ, потому что жители этой провинціи являются болѣе спеціальнымъ образомъ компетентными для заключенія договора халифата, что они имѣютъ болѣе правъ на выполненіе этой обязанности, и что жители изъ всѣхъ другихъ провинцій должны передать имъ полномочія на избраніе халифа, а равнымъ образомъ признать власть того, кому будетъ засвидѣтельствовано, въ качествѣ халифа, почтеніе; все это для того, чтобы избраніе не затягивалось и не давало мѣста спорамъ и разгорающимся страстямъ. Къ этому надо прибавить еще одно немаловажное обстоятельство, что халифъ всегда можетъ назначить себѣ замѣстителя, о чемъ жители отдаленныхъ провинцій могутъ и не знать.

Другіе законовѣды держатся такого мнѣнія, что оба эти халифа, въ интересахъ общественнаго спокойствія и для предупрежденія безпорядковъ, должны отказаться отъ халифата, взаимно уступая его одинъ другому и предоставляя избирателямъ право вновь избрать или одного изъ нихъ или же какое либо новое лицо.

Третьи, наконецъ, чтобы скорѣе положить конецъ всякимъ спорамъ и соперничеству, совѣтуютъ въ этомъ случаѣ рѣшить споръ жребіемъ.

Наиболѣе правильной считается та система по которой истиннымъ халифомъ признается тотъ, съ которымъ договоръ былъ заключенъ ранѣе. Итакъ, если избранный первымъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ требуемыя условія, избранный вторымъ долженъ отречься отъ своихъ правъ въ пользу перваго и заявить ему о своемъ повиновеніи При одновременномъ заключеніи контрактовъ, оба они ничтожны, и должно приступить къ выборамъ

новаго халифа—одного изъ этихъ двухъ лицъ, или же третьяго лица.

Пока не выяснен вопросъ о первенствѣ, ни тотъ ни другой не могутъ примѣнять свои права. Если въ это время они начинаютъ оспаривать другъ у друга власть, заявляя о своемъ первенствѣ, ни тотъ, ни другой не должны быть поддерживаемы, такъ какъ они спорятъ изъ за того, что имъ еще не принадлежитъ, а принадлежитъ мусульманской націи. По тѣмъ же самымъ причинамъ, если одинъ изъ соревнователей прекращаетъ споръ, отрекаясь въ пользу другого, халифатъ, въ силу этого отреченія, не переходитъ къ этому другому, пока не доказаны права его первенства Если одинъ изъ двухъ признаетъ за другимъ право первенства, онъ лишается своего права, но другой этого права еще не пріобрѣтаетъ, такъ какъ право признанія принадлежитъ только націи Если одинъ изъ соревнователей, совмѣстно съ какимъ нибудь постороннимъ лицомъ, свидѣтельствуетъ въ пользу первенства другого, свидѣтельство считается дѣйствительнымъ въ томъ случаѣ, когда составляющія его выраженія содержатъ въ себѣ сомнѣніе, существовавшее относительно факта первенства во время спора Если же сомнѣніе не выражено, то свидѣтельство не пріемлемо, такъ какъ ему противорѣчитъ прежнее заявленіе

Если сомнѣніе относительно первенства не разсѣявается послѣ разслѣдованія, и фактъ не можетъ быть законнымъ образомъ установленъ въ пользу того или другого, то вопросъ не можетъ рѣшаться метаніемъ жребія, такъ какъ подобнымъ путемъ не можетъ быть заключенъ контрактъ, и такъ какъ халифатъ не является чѣмъ то недѣлимымъ, для овладѣнія чѣмъ слѣдуетъ бросить жребій. Въ этомъ случаѣ просто оба контракта являются ничтожными, и долженъ быть заключенъ новый—съ однимъ ли изъ двухъ соревнователей, или съ третьимъ лицомъ.

Такова теорія, отъ которой практика значительно отличается, ибо одновременно съ аббасидскими халифами существовали и кордовскіе омаяды, и тѣ и другіе считались законными, такъ какъ государство было слишкомъ велико для того, чтобы находиться подъ управленіемъ одного человѣка. Кромѣ того, въ настоящее время существуетъ три халифата: турецкій султанъ, марокскій султанъ и персидскій шахъ. Хотя большинство суннитовъ и считаютъ, что имамъ долженъ быть непремѣнно корайшитомъ, но турецкіе султаны уже со времени Салима I, отца Солимана Великолѣпнаго (или правильнѣе Законодателя), приняли титулъ халифа Они основываютъ свое право на этотъ титулъ на отказѣ отъ халифата и имамата послѣдняго аббасидскаго халифа Египта въ пользу Салима... Хотя имаматъ и недѣлимъ, по ученію тѣхъ же суннитовъ, но два халифата теперь существуютъ рядомъ. Такъ какъ

турецкій султанъ является хранителемъ священныхъ мѣстъ и держателемъ знаковъ халифата—знамени, меча и плаща Пророка, онъ имѣетъ болѣе, чѣмъ другіе, правъ на это званіе. [1])

Этотъ пунктъ настолько важенъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе

Суннитскіе богословы, подробно разработавшіе вопросъ, считаютъ, что за османскими султанами имѣется много правъ на халифатъ

«Домъ Османа владѣетъ халифатомъ.

1) по праву меча, т. е. вслѣдствіе фактическаго овладѣнія королевскимъ титуломъ. Доказывалось, что такъ какъ халифатъ есть необходимость (и это допускаютъ всѣ правовѣрные мусульмане), то также необходимо было, чтобы фактическій носитель титула былъ признанъ законнымъ халифомъ, пока не явится претендентъ съ лучшими правами Итакъ, первое качество претендента заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ предъявить свои права, и второе въ томъ, что онъ долженъ былъ имѣть поддержку въ партіи, и Салимъ одновременно заявилъ свои права на халифатъ и поддерживалъ свои претензіи во главѣ арміи. Онъ бросилъ міру вызовъ—произвести соперника, и соперника не явилось, ни одного, по крайней мѣрѣ такого, котораго признала бы ханефитская школа, потому что мароккскаго султана она никогда не признавала, а послѣдній отпрыскъ аббасидовъ отказался отъ своихъ правъ. Въ поддержаніе предположенія, что мечъ можетъ дать право, ханефиты приводили примѣръ Муавіи, который такимъ именно образомъ установилъ свои права противъ фамиліи Али, и Абуль Аббаса, который точно такимъ же образомъ установилъ ихъ противъ Муавіи.

2) по праву выбора, т. е. санкціи законнаго числа избирателей. Доказывалось, что, такъ какъ столица была перенесена изъ Медины въ Дамаскъ, изъ Дамаска въ Багдадъ, изъ Багдада въ Каиръ, то еще разъ она законнымъ образомъ перенесена изъ Каира въ Константинополь. Салимъ привезъ съ собою въ св. Софію нѣкоторыхъ улемовъ изъ мечети Ахзаръ въ Каирѣ, и они совмѣстно съ турецкими улемами, избрали его или утвердили его избраніе. Форма избранія поддерживается до сего времени въ Константинополѣ при облеченіи этимъ правомъ; и каждый новый султанъ изъ дома Османа, при наслѣдованіи временной верховной власти въ Турціи, долженъ ожидать признанія себя халифомъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ изъ рукъ уле-

---

[1]) Ameer Ali The spirit of islam p. 291. D. B. Macdonald Muslim theology p 56.

мовъ должностной мечъ. Обыкновенно эта церемонія совершается въ мечети Айюба.

3) по назначенію. Султанъ Салимъ, какъ только что было сказано, получилъ отъ Мутаваккиля, потомка аббасидовъ и носящаго титулъ халифа, полную уступку халифскихъ правъ этой фамиліи. Фактъ, въ этихъ предѣлахъ, является историческимъ, и единственный недостатокъ въ аргументаціи, повидимому, надо усматривать въ томъ, что Мутаваккиль не имѣлъ права располагать въ пользу другого своимъ титуломъ, который принадлежалъ ему лишь по праву рожденія... Какъ на прецедентъ подобнаго назначенія ханефитскіе богословы указываютъ на актъ Абу Бакра, который на смертномъ одрѣ рекомендовалъ избрать Омаего наслѣдникомъ по халифату.

4) по охранѣ двухъ священныхъ городовъ, т. е. Мекки и Іерусалима, но главнымъ образомъ Мекки. Нѣкоторые улемы раньше поддерживали, и конечно это является общимъ мнѣніемъ въ настоящее время, что господство надъ Хэджасомъ уже само по себѣ даетъ достаточное право на титулъ халифа. Такъ несомнѣнно считалось въ первые вѣка ислама, и многія кровавыя войны того времени велись за право охраны Дома Бога. Однако связь Хэджаса съ имперіей халифовъ нарушалась слишкомъ часто, чтобы считать это вполнѣ дѣйствительнымъ аргументомъ Въ X вѣкѣ онъ былъ во власти еретиковъ карматитовъ, въ XIII—во власти имамовъ Саны, и въ теченіе семи лѣтъ XIX столѣтія во власти ваггабитовъ. Но фактическое господство въ то время Салима надъ Харемейномъ, т. е. двумя священными городами, было однимъ изъ доводовъ въ пользу Салима; и это снова появилось въ числѣ доводовъ касательно халифскихъ правъ его потомковъ.

5) по владѣнію аламатами, или священными реликвіями. Этотъ послѣдній доводъ назначается болѣе для простого народа, чѣмъ для ученыхъ; но все же его нельзя совершенно обойти молчаніемъ, такъ какъ въ настоящее время онъ оказываетъ огромное вліяніе на невѣжественную массу мусульманъ Утверждается, и таково въ настоящее время благочестивое вѣрованіе, что при разграбленіи Багдада въ 1258 году, нѣкоторыя реликвіи Пророка и его Спутниковъ были спасены и перенесены въ Каиръ, а оттуда перенесены Салимомъ въ Константинополь. Онѣ разсматривались какъ знаки императорскаго званія, и считалось, что обладаніе ими даетъ право на халифское наслѣдіе. Они состояли изъ плаща Пророка, носимаго его воинами какъ знамя, изъ нѣсколькихъ волосъ изъ его бороды и изъ меча Омара. Простолюдины вѣруютъ, что они и до сего времени сохраняются въ мечети Айюба; и хотя улемы уже не настаиваютъ болѣе на ихъ

подлинности, но все же иногда на нихъ ссылаются, какъ на дополнительное свидѣтельство правъ султана» [1]).

Таково самое распространенное мнѣніе. Оговоримся однако, что въ позднѣйшемъ изслѣдованіи проф. Бартольдъ опровергаетъ передачу халифата и, на основаніи новыхъ источниковъ, приходитъ къ выводу, что египетскій халифатъ прекратился самъ собою, по смерти Мутаваккиля. [2]).

Заключеніе договора халифата въ силу указанія предшествовавшаго халифа также основано на прецедентѣ и принято общимъ согласіемъ націи, т. е. сдѣлалось Иджма. Такъ, Абу Бакръ завѣщалъ халифатъ Омару, и нація признала это рѣшеніе.

Если халифъ желаетъ указать своего замѣстителя, онъ можетъ выбрать какое—либо лицо, соотвѣтствующее требуемымъ качествамъ и не приходящееся ему ни отцомъ, ни сыномъ; и одинъ, безъ предварительнаго совѣщанія съ націей, онъ можетъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Нѣкоторые законовѣды оспариваютъ это, говоря, что подобное единоличное назначеніе должно быть сдѣлано непремѣнно съ согласія націи Но, повидимому, первое мнѣніе болѣе правильно, такъ какъ халифъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, имѣетъ право располагать халифатомъ.

Если халифъ располагаетъ халифатомъ въ пользу своего отца или сына, то мнѣнія въ этомъ случаѣ расходятся.

1) Одни не допускаютъ этого, такъ какъ подобное назначеніе есть свидѣтельство о способностяхъ и сужденіе о достоинствѣ, а сужденіе или свидѣтельство въ дѣлѣ отца или сына всегда можетъ быть заподозрѣно въ искренности.

2) Другіе разрѣшаютъ это на томъ основаніи, что распоряженія верховной власти превыше соображеній родства, и халифъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ неискренности: разъ онъ справедливъ, то онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ справедливъ Поэтому нѣтъ никакой разницы. указываетъ ли онъ на постороннее лицо или на своего родственника

3) Третьи, допуская извѣстное пристрастіе со стороны халифа, разрѣшаютъ передачу халифата въ пользу отца, но не въ пользу сына. Это основывается на томъ, что обыкновенно дѣти кажутся болѣе близкими, чѣмъ родители; поэтому, разъ халифъ дѣлаетъ предпочтеніе отца передъ сыномъ, онъ долженъ на это имѣть основательныя причины.

Что касается возможности назначенія другихъ родственниковъ, то здѣсь не встрѣчается никакого препятствія, такъ какъ въ этомъ отношеніи они разсматриваются наравнѣ съ посторонними лицами.

---

[1]) W. Blunt The future of islam. pp. 67—70.

[2]) Халифъ и султанъ Міръ Ислама, т I. № 3, стр. 384-387.

Когда такимъ образомъ халифъ отказалъ халифатъ въ пользу какого либо достоинаго лица, вступленіе контракта въ силу зависитъ отъ принятія предложенія этимъ лицомъ. Время, когда согласіе должно быть дано, по мнѣнію однихъ, должно слѣдовать немедленно за смертью назначившаго хальфа; по мнѣнію другихъ болѣе правильному, до его смерти, чтобы съ момента смерти къ новому кандидату сразу уже перешли всѣ права, которыя принципіально были вручены ему уже раньше Это мнѣніе находитъ себѣ поддержку еще въ томъ соображеніи, что халифъ долженъ знать, согласенъ ли намѣченный имъ человѣкъ принять предложеніе, такъ какъ, въ случаѣ его отказа, онъ можетъ выдвинуть кандидатомъ другого

Послѣ назначенія и принятія согласія намѣченнымъ имъ кандидатомъ халифъ не можетъ ужъ измѣнить своего рѣшенія, если только не наступило какого-нибудь измѣненія въ состояніи назначеннаго имъ лица. Если бы, въ подобномъ случаѣ, халифъ назначилъ другого, это второе назначеніе было бы недѣйствительнымъ, и даже въ томъ случаѣ, когда первый кандидатъ, чтобы избѣжать споровъ, отказывается отъ своихъ правъ. Это, повторяемъ, въ томъ случаѣ, когда онъ уже предварительно далъ свое согласіе; въ противномъ случаѣ, это возможно, такъ какъ договоръ халифата еще не считается окончательно заключеннымъ.

Кандидатъ долженъ отвѣчать всѣмъ требуемымъ условіямъ въ моментъ назначенія, а не тогда, когда къ нему дѣйствительно переходитъ власть, если при назначеніи онъ не отвѣчалъ всѣмъ условіямъ, онъ не можетъ сдѣлаться халифомъ, хотя бы въ моментъ смерти передающаго власть халифа всѣ условія были соблюдены,— необходимо, чтобы избиратели снова засвидѣтельствовали ему, въ качествѣ халифа, свое почтеніе.

Халифатомъ нельзя располагать въ пользу безвѣстно отсутствующаго, т е. когда даже неизвѣстно, живъ ли отсутствующій, и въ какомъ состояніи онъ находится. если живъ; но это можетъ быть сдѣлано въ пользу отсутствующаго и находящагося въ опредѣленномъ, изьѣстномъ всѣмъ мѣстѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ разрѣшеніе дается лишь при условіи его возвращенія. Если передающій власть халифъ умираетъ ранѣе возвращенія намѣченнаго имъ кандидата, избиратели должны вызвать этого послѣдняго для принятія власти. Если отсутствіе его является слишкомъ продолжительнымъ, и это можетъ вызвать нарушеніе нормальнаго хода жизни, до его прибытія назначается временный замѣститель, и ему свидѣтельствуютъ почтеніе не въ качествѣ халифа, а въ качествѣ замѣстителя халифа. Административные акты, совершенные имъ до прибытія халифа, дѣйствительны, совершенные же послѣ его прибытія недѣйствительны.

Намѣченный замѣститель не можетъ до смерти халифа передать свои права третьему лицу, такъ какъ эти права еще не утверждены за нимъ окончательно.

Въ случаѣ отреченія халифа, халифатъ переходитъ къ намѣченному замѣстителю, такъ какъ отреченіе юридически разсматривается, какъ смерть.

Халифъ можетъ указать въ качествѣ возможныхъ замѣстителей двухъ или нѣсколькихъ лицъ, и избиратели должны рѣшить въ пользу одного изъ нихъ Такъ, Омаръ указалъ шесть лицъ Вотъ что передаетъ Ибнъ-Аббасъ

«Однажды я засталъ Омара опечаленнымъ, и онъ мнѣ сказалъ

— Не знаю, на какомъ рѣшеніи остановиться .. Порою я рѣшаюсь, а потомъ снова отказываюсь отъ своего рѣшенія.

Я сказалъ:

— Какого ты мнѣнія объ Али?

Онъ сказалъ мнѣ:

— Конечно, онъ достоинъ халифата... Но въ этомъ человѣкѣ много наивности, и, по моему мнѣнію, если бы онъ получилъ власть, то онъ увлекъ бы васъ на хорошую дорогу, которую вы знаете.

Я сказалъ:

— А почему бы не Усманъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Если бы я сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ, онъ навѣрное посадилъ бы сына Абу-Муаиза на шею народа: потомъ арабы потеряли бы къ нему уваженіе и не кончили бы, пока не перерѣзали бы ему шею. Клянусь Богомъ! если бы я это сдѣлалъ, и онъ это сдѣлалъ бы; если бы онъ это сдѣлалъ, и они это сдѣлали бы!

Я сказалъ

— А Тальха?

Онъ отвѣтилъ·

— Тальха - честолюбецъ Зная его честолюбіе, Богъ не захотѣлъ бы дать ему власть надъ націей Мухаммеда (да распространитъ на него Богъ благословленіе и спасеніе).

Я сказалъ

— А Зобаиръ?

Онъ отвѣтилъ:

— Онъ—храбрый человѣкъ. Но въ садахъ, на рынкѣ онъ только и дѣлаетъ, что справляется о цѣнѣ всякой вещи.. Развѣ такой человѣкъ долженъ управлять дѣлами мусульманской общины?

Я сказалъ тогда·

— А Саадъ ибнъ-Абу-Ваккасъ?

Онъ отвѣтилъ:

— О немъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ способенъ вести эскадронъ, но управлять государствомъ—не его дѣло.

Наконецъ я сказалъ:

— Ну, Абдуррахманъ-ибнъ-Ауфъ (или Ауфъ)?

Онъ сказалъ:

Тотъ, кого ты назвалъ, прекрасный человѣкъ, но только онъ немного слабъ. Клянусь Богомъ, сынъ Аббаса! лишь тотъ можетъ подходить, кто крѣпокъ безъ грубости, мягокъ безъ слабости, экономенъ безъ жадности и щедръ безъ расточительности".

Когда Омаръ былъ на смертномъ одрѣ, послѣ полученной имъ раны, онъ назначилъ этихъ лицъ, и они собрались послѣ его смерти

Преданія говорятъ еще, что Омаръ (а иные приписываютъ это Мухаммеду) при назначеніи этихъ лицъ прибавилъ: «Надо, чтобы эти шесть лицъ собрались послѣ моей смерти и рѣшили единогласно, кто долженъ быть выбранъ моимъ замѣстителемъ Если пятеро изъ нихъ согласятся относительно одного имени, а шестой отказывается преклониться, онъ долженъ быть преданъ смерти. Если четверо согласны, и двое отказываются признать сдѣланный такимъ образомъ выборъ, они должны быть казнены. Если же голоса раздѣлятся пополамъ, надо признать кандидата изъ той группы, въ которую входитъ Абдуррахманъ».

По предложенію Абдуррахмана, трое изъ этихъ лицъ уступили свои голоса тремъ другимъ, а сами удалились Это были Зобаиръ, Тальха и Саадъ. Потомъ Абдуррахманъ предложилъ одному изъ оставшихся выйти, чтобы произнести рѣшеніе. Такъ какъ Али и Усманъ молчали, онъ самъ попросилъ ихъ разрѣшенія быть судьей, и они согласились. Такимъ образомъ, осталось лишь двое Ознакомившись съ настроеніемъ народа, Абдуррахманъ вернулся и сказалъ чтобы оба они обязались, въ случаѣ выбора, дѣйствовать по Корану и Преданію, и чтобы невыбранный оказалъ повиновеніе своему счастливому сопернику. Получивъ это обѣщаніе, онъ засвидѣтельствовалъ почтеніе Усману, какъ халифу.

Это рѣшеніе было скрѣплено нацеи и сдѣлалось нормой для будущихъ выборовъ. число членовъ—выборщиковъ должно быть ограничено, хотя цифра и не опредѣляется строго Тѣ, кто не указаны въ числѣ возможныхъ замѣстителей, не могутъ быть выбраны Но, въ случаѣ отреченія выбраннаго, онъ можетъ назначить себѣ замѣстителя внѣ кандидатовъ—своихъ бывшихъ товарищей.

Съ разрѣшенія халифа, избиратели могутъ произвести выборы среди намѣченныхъ кандидатовъ при жизни назначившаго ихъ халифа. Безъ его разрѣшенія это можетъ быть сдѣлано въ

томъ случаѣ. когда онъ сдѣлался безнодежно боленъ или совершенно впалъ въ дѣтство.

Халифъ имѣетъ право назначить нѣсколько человѣкъ, которые должны послѣдовательно замѣнять другъ друга въ случаѣ смерти предыдущаго, и въ этомъ случаѣ халифатъ переходитъ отъ одного къ другому въ указанномъ порядкѣ. Въ данномъ случаѣ къ халифату примѣняется то же правило, что и къ военному командованію

Когда халифъ выбранъ или назначенъ, вся мусульманская нація должна быть оповѣщена о томъ, но нѣтъ надобности, чтобы каждый зналъ халифа въ лицо или даже по имени. Первое является прямо физически невозможнымъ, такъ какъ для этого всему населенію страны пришлось бы являться въ столицу халифата для знакомства съ халифомъ.

Первоначально при обращеніи къ халифамъ говорили: «замѣститель Пророка Бога», но потомъ стали употреблять терминъ «повелитель правовѣрныхъ», который сохранился и до сихъ поръ.

Общественные интересы, охрана которыхъ поручена халифу, суть слѣдующіе:

1) Поддержаніе догматовъ. Въ случаѣ возникновенія ереси или уклоненія вѣрующихъ съ истиннаго пути, халифъ долженъ представить заблудшимъ доказательства правой вѣры, въ случаѣ надобности, подвергнуть ихъ заслуженному наказанію, чтобы религія охранялась отъ нападокъ, и нація отъ заблужденія.

2) Приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній и разбирательство жалобъ.

3) Охрана жизни, чести и имущества подданныхъ въ странѣ ислама.

4) Примѣненіе уголовныхъ мѣръ, чтобы тѣмъ внушить почтеніе къ божественному закону

5) Охрана границъ—принятіемъ предупредительныхъ мѣръ и отраженіемъ нападенія. Онъ долженъ охранять страну ислама отъ вторженія въ нее враговъ

6) Священная война противъ невѣрныхъ, которые упорствуютъ въ желаніи сохранить свою вѣру, и противъ отступниковъ, которые, принявъ исламъ, вновь отказались отъ него

7) Сборъ податей и налоговъ и законное ихъ распредѣленіе на различныя нужды.

8) Уплата жалованья и всего, что должно выплачиваться казной.

9) Назначеніе достойныхъ довѣрія и умныхъ людей на административные и финансовые посты.

10) Личное участіе въ дѣлахъ, непрерывное наблюденіе за

ихъ ходомъ. Халифъ не долженъ довѣрять кому либо заботу правленія государствомъ цѣликомъ, чтобы самому предаться удовольствіямъ или благочестивой практикѣ, такъ какъ иногда и вѣрный человѣкъ предастъ, и искренній человѣкъ обманываетъ. Онъ долженъ быть справедливымъ судьей и не давать страстямъ руководить собою. Халифъ есть пастырь, отвѣтственный передъ Богомъ за порученное стадо.

Когда все это соблюдается халифомъ, нація должна выполнять по отношенію къ нему два обязательства: покорность и содѣйствіе И это до тѣхъ поръ, пока его состояніе не измѣнится въ такой степени, что сдѣлаетъ его достойнымъ низложенія. Это можетъ случиться при нравственномъ порокѣ, уничтожающемъ въ немъ качество справедливаго, или при физическомъ порокѣ.

Нравственный порокъ, поражающій его качество справедливаго, есть нечестіе, которое можетъ быть двухъ родовъ:

1) нечестіе, въ силу котораго онъ повинуется своимъ страстямъ,

2) нечестіе, вслѣдствіе котораго онъ дѣлается добычей сомнѣнія.

Нечестіе перваго рода проявляется внѣшнимъ образомъ и состоитъ въ совершеніи запрещенныхъ дѣйствій, въ сочувствіи достойнымъ порицанія проступкамъ. Это является препятствіемъ какъ для заключенія договора халифата, такъ и для продолженія его.

Разъ нечестіе проявляется въ лицѣ того, съ кѣмъ заключенъ договоръ халифата, это лицо тѣмъ самымъ лишается своей власти халифа, которая можетъ вернуться къ нему лишь по заключеніи новаго контракта По другому мнѣнію, нечестіе само по себѣ не лишаетъ власти халифа, но оно служитъ поводомъ, чтобы нація лишила его этой власти.

Нечестіе второго рода заключается въ догматическихъ рѣшеніяхъ, противныхъ правовѣрію.

Одни законовѣды считаютъ, что подобное нечестіе является какъ препятствіемъ для заключенія контракта халифата, такъ и для продолженія его. По мнѣнію другихъ, это не служитъ препятствіемъ.

Что касается пороковъ тѣлесныхъ, то они раздѣляются на три категоріи:

I. Пороки чувствъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на три группы:

1) пороки, являющіеся препятствіемъ для выполненія обязанностей халифа,

2) пороки, не являющіеся такимъ препятствіемъ

3) пороки, дѣйствіе которыхъ спорно.

II. Пороки членовъ и

III пороки свободнаго дѣйствія.

I. Къ первой группѣ первой категоріи относится два порока:

а) потеря разума и

б) потеря зрѣнія.

Потеря разума можетъ быть временной и дающей полную надежду на исцѣленіе, какъ, напримѣръ, потеря сознанія. Такая потеря разума не является препятствіемъ для халифата, такъ какъ Пророку неоднократно случалось терять сознаніе

Или же потеря разума можетъ быть окончательной и не подающей надежды на исцѣленіе, какъ, напримѣръ, безуміе въ собственномъ смыслѣ или сумасшествіе. Но и безуміе въ собственномъ смыслѣ подраздѣляется на полное и безпрерывное, которое является препятствіемъ для халифата, и временное. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ должно различать, какихъ періодовъ больше если темныхъ, то это является препятствіемъ для халифата—какъ при его заключеніи, такъ и при продолженіи; если болѣе свѣтлыхъ періодовъ, то это служитъ препятствіемъ для заключенія халифата, но не для его продолженія. Относительно этого второго пункта не всѣ законовѣды держатся одинаковаго мнѣнія

Потеря зрѣнія служитъ препятствіемъ какъ для заключенія, такъ и для продолженія халифата Слабость зрѣнія не служитъ препятствіемъ. Близорукость служитъ препятствіемъ лишь въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ очень сильную степень, т. е. когда страдающій ею совершенно не можетъ различить тѣхъ кто проходитъ передъ нимъ.

Вторая группа заключаетъ пороки чувствъ, которые не вліяютъ на дѣйствительность халифата. Такихъ два: порокъ обонянія и порокъ вкуса.

Третья группа пороковъ чувствъ даетъ мѣсто для споровъ. Это—глухота и нѣмота. Эти пороки являются безусловнымъ препятствіемъ для заключенія халифата, такъ какъ при ихъ наличности не соблюдается одно изъ основныхъ качествъ. Когда они являются во время отправленія халифата, то, по мнѣнію однихъ, они являются препятствіемъ и, по мнѣнію другихъ, не являются. Третьи, наконецъ, говорятъ, что они не служатъ препятствіемъ въ томъ случаѣ, если халифъ умѣетъ писать

Косноязычіе и тугоухость не служатъ препятствіемъ для продолженія халифата. Что же касается заключенія халифата, то возможность этого зависитъ отъ степени развитія этихъ пороковъ.

II. Что касается пороковъ членовъ, они раздѣляются на четыре класса:

1) Первые не являются препятствіемъ ни для заключенія,

ни для продолженія халифата. Это тѣ, присутствіе которыхъ не причиняетъ ущерба ни умственнымъ способностямъ, ни способностямъ дѣйствія и не представляютъ внѣшняго уродства, какъ напримѣръ, sectio virgae et testium; или увѣчье уха, которое равнымъ образомъ можно скрыть, и которое не вліяетъ на умственныя способности.

2) Второй классъ этихъ пороковъ составляютъ тѣ, которые служатъ препятствіемъ какъ для заключенія, такъ и для продолженія халифата Таковы, напримѣръ, потеря рукъ или ногъ.

3) Третій классъ составляютъ тѣ, которые служатъ препятствіемъ для заключенія халифата, но вліяніе которыхъ на продолженіе его оспаривается Таковы тѣ, которые частично лишаютъ возможности дѣйствовать или двигаться, напримѣръ, потеря одной руки или одной ноги.

4) Четвертый классъ составляютъ тѣ пороки, которые не служатъ препятствіемъ для продолженія халифата, но относительно вліянія которыхъ на возможность заключенія халифата законовѣды высказываются различно Таковы потеря носа или глаза.

III. Пороки свободы дѣйствія могутъ явиться результатомъ запрещенія или насилія.

Говорится, что существуетъ запрещеніе, когда халифъ подпадаетъ совершенно подъ вліяніе одного изъ своихъ подчиненныхъ, хотя тотъ внѣшнимъ образомъ и не выказываетъ неповиновенія. Подобное дѣйствіе само по себѣ не является причиной для уничтоженія халифата: если дѣйствія этого лица сообразованы съ религіей и справедливостью и клонятся къ благу націи, халифъ можетъ оставить ему свободу дѣйствій. Если же дѣйствія эти не согласны съ религіей и справедливостью и явно клонятся къ ущербу націи, то халифъ долженъ найти себѣ защитника, который бы избавилъ его отъ узурпатора.

Насиліе имѣетъ мѣсто тогда, когда халифъ попадаетъ въ плѣнъ къ побѣдоносному непріятелю и не въ состояніи освободиться. Такое состояніе является безусловно препятствіемъ для заключенія халифата, разъ дѣло идетъ о кандидатѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ фактически не можетъ принять въ свое завѣдываніе дѣла мусульманской общины. Результатъ будетъ одинаковъ, попадаетъ ли халифъ или кандидатъ въ руки невѣрныхъ или въ руки схизматиковъ. Въ подобныхъ случаяхъ нація можетъ избрать другого кандидата.

Если подобное насиліе совершается послѣ заключенія халифата, то вся мусульманская нація должна подняться на выручку халифа, и онъ продолжаетъ оставаться халифомъ, если есть надежда освободить его; если этой надежды нѣтъ, то онъ ли-

шается халифата, и, если онъ не можетъ назначить себѣ преемника, нація должна приступить къ выборамъ новаго халифа.

Если послѣ этого халифъ получаетъ свободу, его власть уже не можетъ возвратиться къ нему.

Халифъ назначаетъ министровъ, губернаторовъ, судей, сборщиковъ или, въ извѣстныхъ предѣлахъ, даетъ власть высшимъ чиновникамъ избирать низшихъ.

Таково ученіе о халифатѣ. Халифъ, такимъ образомъ, является духовнымъ главой мусульманской націи—имамомъ ея и государемъ—халифомъ въ собственномъ смыслѣ.

«Духовный суверенитетъ султана, какъ халифа всѣхъ мусульманъ, былъ признанъ Россіей при заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата (1774) и изъяснительной конвенціи къ нему (1779), причемъ соотвѣтствующіе пункты обоихъ договоровъ были отмѣнены договоромъ о присоединеніи Крыма къ Россіи (1783)» [1]).

Окинемъ теперь бѣглымъ взглядомъ общую исторію халифата. «Ортодоксальные мусульманскіе писатели признаютъ четыре различныхъ фазы, которыя принимала должность халифа, и четыре различныхъ періода исторіи халифата...

«Первая историческая фаза отмѣчается, какъ чисто теократическая, и въ ней халифъ, или наслѣдникъ Мухаммеда, былъ святымъ, священникомъ и королемъ и до извѣстной степени былъ вдохновляемъ. Она длилась лишь тридцать лѣтъ и представлена четырьмя великими халифами—Абу Бакромъ, Омаромъ, Усманомъ и Али.

«Вторая фаза, которая длилась приблизительно 600 лѣтъ, есть время арабской монархіи, во время которой халифатъ принялъ форму наслѣдственной временной власти. Представители ея не являются ни святыми, ни богословами, и они стоятъ на совершенно иномъ положеніи, чѣмъ ихъ предшественники. Они начинаются съ Муавіи ибнъ-Омайя, основателя омайядской династіи, и кончаются съ Мустасимомъ Билла, послѣднимъ аббасидскимъ султаномъ.

«Третій періодъ есть фаза временнаго междуцарствія, во время котораго, приблизительно въ теченіе 300 лѣтъ, халифъ не пользовался правами государя и пребывалъ лишь въ Каирѣ въ качествѣ духовнаго главы, какъ бы теперь мы сказали-шейхъ-уль-ислама Временная власть ислама, которая теоретически считается продолжающейся, не прерываясь даже въ этотъ періодъ, тогда была ввѣрена египетскимъ султанамъ мамлюками и другими мусульманскими принцами.

---

[1]) В. Бартольдъ. Халифъ и султанъ. Міръ Ислама, т. I. № 3, стр 400.

«Послѣдняя фаза, это—османскій, или оттоманскій, халифатъ....

«Религіозные писатели единодушны въ осужденіи Муавіи за его возмущеніе противъ Али; и, хотя его наслѣдованіе Али принимается за законное, однако они ставятъ его совершенно на иной уровень, чѣмъ предшествовавшихъ ему четырехъ халифовъ. Въ Муавіи они видятъ исполненіе предсказанія ихъ Пророка, который возвѣстилъ, что въ теченіе тридцати лѣтъ исламъ будетъ управляться имамомъ, а затѣмъ королемъ. И въ самомъ дѣлѣ, Муавія является типомъ всѣхъ послѣдующихъ мусульманскихъ императоровъ. По каноническому закону, глава государства есть въ то же время и глава религіи; но Муавія пересталъ лично исполнять религіозныя функціи. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, онъ поручилъ ихъ другимъ и не руководилъ молитвой и не читалъ проповѣди; онъ не стремился быть ни самымъ лучшимъ, ни самымъ ученымъ человѣкомъ въ исламѣ, какъ былъ Абу Бакръ и другіе. Сверхъ того онъ ввелъ систему династическаго наслѣдства въ халифатъ, еще при жизни назначивъ своимъ преемникомъ своего сына Іезида. Это измѣненіе, выгодное въ политическомъ отношеніи, разсматривается, какъ религіозное нарушеніе. Послѣ этого какъ омайяды, такъ потомъ и аббасиды, не были въ дѣйствительности избранными, такъ какъ наслѣдовали по праву рожденія, а не по народному голосованію .

«Въ третій періодъ исторіи халифата вся временная власть была изъята отъ халифовъ. Исламъ, по разрушеніи арабской монархіи, разложился на группу отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое управлялось своимъ беемъ или султаномъ, который въ качествѣ временнаго правителя былъ также и главою религіи въ собственныхъ владѣніяхъ. Монголы, принявшіе исламизмъ, образовали мусульманскую имперію на востокѣ; турки-сельджуки, смѣненные оттоманами, царствовали въ Малой Азіи; берберійскія государства имѣли своихъ собственныхъ правителей; а Египетъ управлялся странной династіей рабовъ—султановъ Мамлюковъ.

«Нигдѣ не было видно временнаго главы ислама, и уже болѣе не было слышно имени халифа, какъ царствующаго государя. Только номинальное наслѣдованіе Пророка смутнымъ образомъ поддерживалось въ Каирѣ, куда спаслись члены фамиліи Аббаса, уцѣлѣвшіе отъ избіенія ихъ дома въ Багдадѣ» [1])

Переходя къ ученію шіитовъ, мы должны обратить вниманіе на то, что они держатся взгляда, что завѣщанное Мухамме-

---

[1]) W. Blunt. The future of islam. pp. 53, 54, 61, 62, 64, 65.

домъ духовное наслѣдство перешло къ Али и его потомкамъ, а признанные суннитами халифы являются узурпаторами.

Что бы это заявленіе имѣло какую-нибудь цѣнность, оно должно быть основано на чемъ-нибудь.

Они отрицаютъ власть народа на избраніе духовнаго главы. «Имаматъ, по ученію Шахрастани, есть свѣтъ, который послѣдовательно переходитъ отъ одного къ другому и дѣлается пророчествомъ. Имамы суть пророки и божественные люди Божество есть свѣтъ въ пророчествѣ, и оно есть свѣтъ въ имаматѣ, и міръ никогда не остается лишеннымъ этихъ знаменій и свѣтовъ» [1])

Для имамитовъ власть имама есть власть Бога, его слово есть слово Бога и Пророка, и приказаніямъ его обязательно повиноваться Они говорятъ, что Богъ называетъ имамовъ Своимъ словомъ, Своими руками, Своими знаменіями, Своей тайной. Приказанія и запрещенія имамовъ, а равно и ихъ дѣйствія Онъ признаетъ Своими, поэтому приказанія имамовъ являются божественными Какъ посредники между Богомъ и людьми, они занимаютъ гораздо болѣе высокое мѣсто, чѣмъ пророки. Имамъ есть верховный глава, намѣстникъ Бога. Не достаточно обладать непогрѣшимой Книгой,—нуженъ еще и непогрѣшимой руководитель. Таково общее вѣрованіе шиитовъ относительно имама и его правъ, но относительно преемственности имамовъ, какъ мы увидимъ дальше, мнѣнія раздѣляются. Имамъ долженъ быть совершеннымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. лучшимъ изъ людей, такъ какъ «Богу было бы неугодно, чтобы руководителемъ совѣсти оказался недостойный человѣкъ; человѣческій же выборъ подверженъ ошибкамъ. Если бы имама пришлось выбирать, то это было бы извращеніемъ нравственности» [2])

Такъ какъ Али былъ лучшимъ изъ людей, то исключительно онъ и могъ быть назначенъ халифомъ и имамомъ, что еще подтверждается и выборомъ самого Пророка, котораго въ этомъ отношеніи направлялъ архангелъ Гавріилъ. Таково доказательство, которое шіиты приводятъ въ подтвержденіе своей теоріи имамата

Нѣсколько далѣе мы опять вернемся къ этому вопросу, здѣсь же укажемъ лишь на то, что, по общему вѣрованію, земля никогда не остается безъ живущаго имама, хотя бы и скрытаго. По странному, едва ли поддающемуся объясненію, вѣрованію шіитовъ, имамъ содержитъ въ себѣ частицу Бога [3]).

---

[1]) E. Sell Essays on islam. p 48. Ameer Ali. The spirit of islam p 290.

[2]) Ameer Ali. Idem p 290

[3]) E. Sell. Idem p. 56.

Глава третья.

Шахрастани раздѣляетъ шиитовъ на слѣдующія секты: 1) зандія. 2) исмаилія, 3) имамія или асна-ашарія, 4) кайсанія, 5) хашимія и 6) галлія (или гуллатъ).

Каждая изъ этихъ сектъ отличается своими особенностями, такъ что о каждой приходится сказать нѣсколько словъ отдѣльно

Секта *зандія*, это—послѣдователи Занда, сына Али II, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Зайн-уль-Абидина, сына Хусайна.

Они утверждаютъ, что имаматъ перешелъ отъ Али къ Хасану, отъ Хасана къ Хусайну, отъ Хусайна къ Али II, а отъ этого послѣдняго къ Занду, а не, какъ по мнѣнію большинства, къ Мухаммеду-аль-Бакиру. Въ своихъ доктринахъ они совершенно приближаются къ суннитамъ. Они считаютъ, что нація имѣетъ право выбрать себѣ духовнаго главу изъ потомковъ Пророка Такимъ образомъ они соединяютъ принципъ избранія, (доктрина суннитовъ), съ принципомъ, который предоставляетъ имаматъ лишь членамъ дома Пророка (доктрина шиитовъ) Они признаютъ имаматъ первыхъ трехъ халифовъ, такъ какъ по ихъ ученію. при наличности болѣе достойнаго, халифомъ можетъ быть избранъ и менѣе достойный, разъ онъ самъ по себѣ удовлетворяетъ требуемымъ качествамъ. Шиты другихъ сектъ, въ особенности имамиты, не очень лестнаго мнѣнія объ этой сектѣ и послѣдователей ея зовутъ «рафавизъ», т. е. иновѣрцами. Кромѣ того, зандія говорятъ, что выборъ имама основывается исключительно на нуждѣ, такъ какъ люди не могутъ обойтись безъ подобнаго руководителя. [1]).

Другою особенностью ученія этой секты является то, что къ требуемымъ отъ имама качествамъ, т. е. правдивости, благочестія, знанія и безгрѣшности, они прибавляютъ еще мужество, которое онъ долженъ имѣть для того, чтобы силою оружія при-

---

[1]) D. B Macdonald. Muslim theology. p. 57. Ameer Ali. Op c. pp 292, 293.

обрѣсти себѣ право на имаматъ. Таково было мнѣніе Занда, который пробовалъ оружіемъ доказать свои права, но былъ убитъ. Такова же была и участь его сына—Яхьи.

По ученію секты зандія, послѣ смерти Яхьи имаматъ перешелъ къ другому члену дома, а именно къ Мухаммеду-ибнъ-Абдулла, принявшему титулъ Махди Онъ возсталъ противъ аббасида Аль-Мансура и былъ убитъ въ Мединѣ. Ему наслѣдовалъ его братъ Ибрагимъ, равнымъ образомъ погибшій въ борьбѣ съ аббасидами, слѣдующій братъ Иса подвергся пожизненному тюремному заключенію.

По ученію одной вѣтви секты зандія, имаматъ перешелъ отъ Ибрагима къ Идрису, основателю династіи идрисидовъ въ Мавританіи и въ Фецѣ. Послѣ паденія идрисидовъ, зандія распались, но члены этой секты и теперь еще встрѣчаются въ Азіи и Африкѣ.

Шахрастани говоритъ, что зандія раздѣлились на четыре главныя под-секты: [1]).

1) *Джурудія*, которая поддерживала права Мухаммеда-ибнъ Абдулла

2) *Сулэймания*, названная такъ по имени основателя Сулэймана-ибнъ-Джариса, считала, что имаматъ зависитъ отъ согласія народа. Кромѣ того, послѣдователи этой секты признавали за имаматомъ не столько религіозное, сколько административно-судебное значеніе. Въ качествѣ руководителя сознаній—они умъ считали вполнѣ достаточнымъ. Они учили также, что если имамъ ученъ, то ему нѣтъ надобности непремѣнно быть муджтахидомъ.

3) *Салэхія*, подобно сулэймания, признавали имаматъ двухъ первыхъ халифовъ.

4) *Табарія*.

Секта *исмаилія*, иначе называемая *сабіунъ* (т. е. семерники, потому что они признаютъ лишь семь первыхъ имамовъ, но седьмымъ у нихъ является сынъ шестого имама Исмаила, который умеръ ранѣе отца) считала, что послѣ смерти имама Джафара-ас-Садыка имаматъ перешелъ къ сыну Исмаила Мухаммеду (прозванному аль-Мактумъ, т. е. скрытый), а не къ сыну Джафара Муса-аль-Казыму, какъ вѣруютъ остальные

Названіе сабіунъ имъ даютъ еще потому, что они проповѣдывали ученіе «о семи»: такъ, пророковъ было семь: Адамъ, Ной, Авраамъ. Моисей, Іисусъ, Мухаммедъ и Исмаилъ, или точнѣе Мухаммедъ, сынъ Исмаила У каждаго изъ этихъ пророковъ былъ помощникъ, и помощникомъ Исмаила былъ Абдулла-ибнъ-Маймунъ.. Между каждыми двумя пророками было шесть има-

---

[1]) Ameer Ali. The Spirit of islam p. 294.

мовъ, и иначе не могло быть, такъ какъ міръ не можетъ и никогда не могъ оставаться безъ имама. Эти имамы не дѣлали откровеній,—они были лишь указателями уже открытой истины. Такимъ образомъ получается семь серій по семи имамовъ: первый и потомъ каждый седьмой въ серіи имѣютъ высшее званіе —пророка. Послѣдній изъ 49 имамовъ, Мухаммедъ-ибнъ-Исмаилъ есть величайшій и послѣдній изъ пророковъ. а роль Абдуллы-ибнъ-Маймуна заключается въ приготовленіи ему пути и вообще въ помощи ему. Съ этого момента приверженцы этой системы перестаютъ быть мусульманами, такъ какъ для мусульманъ послѣднимъ и величайшимъ пророкомъ является Мухаммедъ, и послѣ него уже не должно быть пророковъ. [1]).

Мухаммеду аль-Мактуму, по ученію секты, наслѣдовалъ Джафаръ-аль-Мусаддакъ, сынъ котораго Мухаммедъ аль-Хабибъ былъ послѣднимъ изъ неоткрывшихся имамовъ.

Его сынъ Абу Мухаммедъ Абдулла былъ основателемъ фатимидской династіи, которая въ теченіе 300 лѣтъ царила въ Сѣверной Африкѣ. Онъ былъ заключенъ въ тюрьму аббасидскимъ халифомъ Мутазидъ-билла-Саффа II-мъ, но убѣжалъ и появился въ теперешней Триполитаніи—подъ именемъ Убаид-улла и Махди. Масса послѣдователей дала ему возможность захватить въ свои руки значительную часть Сѣверной Африки.

Современникъ имама Джафара-ас-Садыка Абдулла-ибнъ-Маймунъ аль Каддахъ, выдавая себя за приверженца секты и играя въ ней видную роль, «на самомъ дѣлѣ былъ матеріалистическимъ тенстомъ, а иногда просто апологетомъ нечестія. По словамъ Мирхонда, египетскіе фатимиды заимствовали не мало изъ тенстическаго ученія Абдуллы-ибнъ Маймуна. Его послѣдователи получили названіе батини, т. е приверженцы скрытаго смысла».[2]).

Повидимому, Абдулла-ибнъ-Маймунъ училъ о вѣчности матеріи Онъ училъ также, что «Богъ нераздѣленъ со Своими проявленіями; что нельзя сказать относительно Него независимо, существуетъ Онъ или не существуетъ, вездѣсущъ Онъ или нѣтъ, потому что утвержденіе по отношенію къ Нему подобныхъ вещей есть допущеніе нѣкотораго подобія между Нимъ и Его твореніями, что Первая Причина была результатомъ приказанія или простого акта воли, Принципа, который былъ скрытъ въ Вѣчности и назывался Разумомъ, онъ произвелъ подчиненный принципъ, называемый Душой, и отношенія между ними таковы же, какъ между отцомъ и ребенкомъ; что существеннымъ качествомъ этого принципа является Жизнь, подобно тому, какъ Знаніе есть

---

[1]) D. B. Macdonald Muslim theology. pp. 42, 43.

[2]) Ameer Ali. The spirit of islam. p. 303.

существенное качество Разума. Этотъ второй Принципъ образовалъ Пресущую Матерію, существеннымъ качествомъ которой является пассивность, а потомъ Онъ создалъ Время и Пространство, элементы, планеты, астральныя тѣла и всѣ другіе предметы въ твореніи; что вслѣдствіе непрестаннаго желанія со стороны Второго Принципа подняться до уровня перваго созданнаго Принципа онъ проявился въ матеріи въ формѣ человѣческихъ существъ; что стремленіе всѣхъ человѣческихъ душъ есть овладѣніе Созидательнымъ Принципомъ или Мудростью; что пророки суть воплощенія или проявленія этого принципа, чтобы помочь человѣческой душѣ бороться съ Матеріей; что вслѣдствіе этого пророки называются «натыкъ» или говорящіе апостолы, что ихъ семь подобно планетамъ; что прогрессъ міра заключается въ циклахъ, и что послѣднимъ этапомъ будетъ Воскресеніе, когда санкція положительной религіи и закона будетъ отброшена, потому что движеніе небесъ и правила религіи имѣютъ то назначеніе, чтобы Душа могла достигнуть Совершенства, а ея Совершенство состоитъ въ достиженіи степеней Разума, и въ ея соединеніи или ассимиляціи съ нимъ въ дѣйствительности, и что Великое Воскресеніе то, когда всѣ вещи, небеса, элементы и органическія субстанціи будутъ растворены, и земля будетъ измѣнена, и небеса будутъ закрыты, какъ написанная книга, и что доброе будетъ отдѣлено отъ дурного, и послушные отъ непослушныхъ, и добрые будутъ погружены во Всемірную Душу, а злые соединятся съ принципомъ зла; такъ съ начала движенія до его окончанія (по мнѣнію Абдулла-ибнъ-Маймуна) есть начальный этапъ, и что съ прекращеніемъ движенія или дѣятельности до слія-нія ея съ безконечностью есть этапъ Совершенства; что всѣ правила закона и религія имѣютъ свою мѣру.. что каждая буква и слово имѣютъ два значенія, потому что каждое откровеніе имѣетъ толкованіе, и все видимое имѣетъ свой противовѣсъ въ невидимомъ мірѣ; что знаніе истины не можетъ быть пріобрѣтено разумомъ, но обученіемъ. » [1]).

Ученикъ Абдуллы еще дальше развилъ это ученіе, говоря, что Воскресеніе обозначаетъ прибытіе откровенія имама, что въ религіи допускается обманъ... что всѣ правила Корана имѣютъ таиный смыслъ, что религія должна заключаться не въ обрядностяхъ, а во внутреннихъ чувствахъ, что постъ есть лишь принятіе таины Имама, что закетъ есть уплата десятины безгрѣшному имаму и т. д.

На этомъ мы пока и остановимся, такъ какъ настоящій очеркъ показываетъ, что это ученіе имѣетъ очень мало общаго съ чистымъ шизмомъ,— оно является сомнительной нравствен-

[1]) Idem. p. 304.

ности философіей на религіозной почвѣ. Къ этому предмету мы вернемся дальше, когда будемъ говорить о суфизмѣ и друзахъ. Лишь умѣренныхъ исмаилія можно считать шіитами, другіе же принадлежатъ къ великой сектѣ раскола лишь по имени.

Къ исмалитамъ нѣсколько приближается секта *карматитовъ*, которая теперь не существуетъ въ видѣ одной большой группы, но послѣдователи которой понемногу разбросаны повсюду. Вотъ что объ этой сектѣ говоритъ Сэль: [1])

«Карматиты—секта, которая съ остервенѣлой враждой относилась къ мухаммеданамъ, впервые вызвала волненія въ 278 году геджры, въ концѣ правленія аль-Мутамада. Происхожденіе ея хорошо неизвѣстно, но, по обще распространенному мнѣнію, нѣкій Кармата (такъ иные называли его) пришелъ изъ Сузистана въ сосѣднія съ Куфой селенія Тамъ онъ выказывалъ притворную святость и строгость жизни, говоря, что Богъ приказалъ ему молиться пятьдесятъ разъ въ день. Такимъ образомъ онъ разсчитывалъ склонить народъ къ повиновенію нѣкоторому имаму изъ фамиліи Мухаммеда. Онъ продолжалъ такой образъ жизни, пока около него не собралась сильная партія. Изъ своихъ послѣдователей онъ выбралъ 12 апостоловъ, чтобы управлять остальными и проповѣдывать его доктрины. Но губернаторъ провинціи, находя, что люди пренебрегаютъ своимъ дѣломъ и, въ частности, своими супружескими обязанностями—для того, чтобы прочитывать эти пятьдесятъ молитвъ въ день, схватилъ Кармату, заключилъ его въ тюрьму и поклялся, что онъ долженъ умереть. Это услыхала одна дѣвушка, принадлежавшая губернатору, сжалившись надъ узникомъ, она ночью взяла ключъ отъ тюрьмы изъ подъ подушки своего господина, выпустила узника и положила ключъ опять на мѣсто. На слѣдующее утро губернаторъ увидалъ, что птичка упорхнула. Это происшествіе, сдѣлавшись широко извѣстнымъ, вызвало восторгъ: его послѣдователи стали увѣрять, что Богъ взялъ его на небо. Послѣ этого онъ появился въ другой провинціи и объявилъ массѣ собравшагося около него народа, что ни у кого нѣтъ силы причинить ему какой нибудь вредъ, несмотря на это, мужество оставило его, и онъ удалился въ Сирію,—больше о немъ ничего не было слышно. Его секта между тѣмъ все росла и росла, претендуя на то, что глава ея выказалъ себя настоящимъ пророкомъ и оставилъ имъ новый законъ, въ которомъ онъ измѣнилъ церемоніи и форму молитвъ, бывшихъ въ употребленіи у мусульманъ, и ввелъ новый видъ поста, что онъ также разрѣшилъ пить вино и освободилъ ихъ отъ многихъ вещей, приказанныхъ въ Коранѣ. Правила Корана они обратили въ алле-

[1]) Sale Preliminary Discourse. pp. 143, 144.

горію, уча, что молитва была лишь символомъ повиновенія ихъ имаму, а постъ—символомъ молчанія; свои догматы они скрывали отъ постороннихъ; прелюбодѣяніе они считали грѣхомъ невѣрія; суровая отвѣтственность падала на тѣхъ, кто открывалъ эти тайны или не оказывалъ строгаго повиновенія своему вождю Говорятъ, что они составили книгу, въ которой между прочимъ написано. «Во имя всемилостивѣйшаго Бога! Аль-Фарраджъ ибнъ-Усманъ, изъ города Насрана, говоритъ, что Христосъ явился ему въ человѣческомъ видѣ и сказалъ. «ты—приглашеніе, ты доказательство, ты—верблюдъ, ты—звѣрь, ты—Іоаннъ, сынъ Захаріи, ты—Святой духъ». Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ карматиты подъ главенствомъ различныхъ лицъ, причиняли много безпокойства халифамъ и ихъ мухаммеданскимъ подданнымъ, производя безпорядки и грабежи въ Сиріи, Халдеѣ. Аравіи и Месопотаміи, и наконецъ создали значительное государство, владычество котораго достигло своего зенита въ правленіе Абу-Захара, прославившагося взятіемъ Мекки и тѣми безчинствами, которыя онъ совершилъ въ храмѣ; но вскорѣ государство пало и обратилось въ ничтожество».

Секты *кайсанія и хашимія*. которыя теперь уже совершенно не существуютъ, своимъ возникновеніемъ были обязаны политическимъ вліяніямъ: что касается ихъ ученія, то это были шіитскія доктрины съ значительной примѣсью ученія маговъ.

Секта *галяя*, относимая Ибнъ-Халдуномъ и Шахрастани [1]) къ шіитамъ, является, по мнѣнію Амира Али, послѣдователями гностиковъ, но лишь на мусульманскій ладъ Въ ученіи различныхъ развѣтвленіи этой секты отразилось вліяніе различныхъ христіанскихъ ересей. Христа они замѣнили Мухаммедомъ или Али. *Нусарія*, вѣрили въ божественность Али *Исхакія*, *Нуманія и Хитабія* были антропоморфистами, вѣрили въ воплощеніе и въ переселеніе душъ Нѣкоторые изъ нихъ считали Мухаммеда, Фатиму и Али, Хасана и Хусаина соединеннымъ божествомъ въ пяти лицахъ. Повидимому къ этой же группѣ надо отнести и существующихъ нъ настоящее время «панджтэни», обитающихъ въ предѣлахъ Памировъ.

Къ оправданію обожанія Али служатъ два хадиса: «Я городъ знанія, и Али—его дверь», и второй о томъ, что Али есть точка буквѣ Б въ формулѣ «бисмилля». [2]). Было бы слишкомъ долго слѣдить за причудливымъ полетомъ фантазіи шіитскихъ богослововъ, поэтому ограничимся конечнымъ выводомъ. Такъ какъ въ городъ знанія можно проникнуть посредствомъ двери,

---

[1]) Ameer Ali. The spirit of islam. p. 314

[2]) Nicolas. Le Bab p. 121, 131.

то, не будь этой двери, какое значеніе можетъ имѣть городъ? Вторая система сводится къ тому, что безъ точки (т. е. Али) нѣтъ буквы Б, и формула ислама не существуетъ, другими словами, что ислама нѣтъ безъ Али

Къ сектамъ ислама шіитскаго толка до извѣстной степени можно отнести секту *али—иллахія*, которая представлена нѣкоторыми курдскими племенами, ютящимися въ сѣверной части Азербейджана около схожденія трехъ границъ. Въ этой сектѣ, повидимому, приходится видѣть лишь вѣтвь секты галлія, ученіе которой смѣшано съ ученіемъ друзовъ Въ сущности лишь нѣкоторыя формальности позволяютъ относить ее къ мусульманамъ. Въ ученіи ея положительно не приходится видѣть ничего оригинальнаго, это—смѣсь всего понемногу, и, если группа населенія, исповѣдывающая эту религію имѣетъ нѣкоторое единство, причины его надо видѣть въ племенныхъ, а отнюдь не религіозныхъ соображеніяхъ

Имамія или *аснаа—ашарія* (т е «двѣнадцатники» или послѣдователи 12 имамовъ) является самой распространенной сектой шіитовъ По одному преданію, Мухаммедъ по именамъ предсказалъ всѣхъ 12 имамовъ, которые слѣдовали въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Али—халифъ, обыкновенно называемый «Мурташа», т. е. избранный, Асад-улла, т е Левъ Бога или Аль-Гаибъ, т. е. Побѣдоносный. Онъ былъ убитъ въ Куфѣ въ 40 году, павъ отъ руки Ибнъ-Мульджама.

2) Хасанъ (аль-муджтаба, т е. одобренный), умеръ въ Мединѣ, или былъ отравленъ по приказанію Муавіи (см. выше). Нѣкоторыми дата его смерти относится къ 44, а другими къ 48 году.

3) Хусайнъ—мученикъ Кербала, убитъ въ 60 году.

4) Али II, по прозвищу Зайнъ-уль-Абидинъ, т. е украшеніе благочестивыхъ въ 94 году отравленъ Валидомъ.

5) Мухаммедъ аль-Бакыръ (объяснитель тайнъ), въ 113 году отравленъ Ибрагимомъ-ибнъ-Валидомъ.

6) Джафаръ-ас-Садыкъ (Справедливый), старшій сынъ Мухаммеда-аль-Бакыра. Онъ былъ ученымъ, законовѣдомъ и писателемъ. Его умственныя достоинства и нравственныя качества были признаны всѣми, и даже его враги отдавали ему справедливую дань поклоненія. Онъ былъ учителемъ имама Абу Ханифы и имѣлъ громадное вліяніе на него Въ 148 году онъ былъ отравленъ по приказанію ал Мансура.

7) Абуль Хасанъ Муса аль-Казимъ, сына Джафара, который назывался также Аль-абдъ-ас-салихъ, т, е святой слуга, за свое благочестіе. Его нравственное вліяніе казалось опаснымъ

для аббасидовъ, и Гарунъ ар-Рашидъ заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ или былъ убитъ по приказанію халифа въ 183 году.

8) Абдуль Хасанъ Али III ар-Реза былъ первоклассным поэтомъ, ученымъ, философомъ. Хотя онъ и состоялъ въ свойствѣ съ аббасидами, но это его не спасло: по приказанію халифа Аль-Мамуна онъ былъ отравленъ въ Тусѣ и погребенъ въ Мешедѣ въ 202 году. Благодаря нахожденію въ Мешедѣ могилы имама, онъ сдѣлался однимъ изъ святыхъ мѣстъ шіитскаго міра, и громадныя толпы богомольцевъ каждый годъ тянутся туда со всей Персіи, изъ Индіи, Россіи и Бухары, принося значительный доходъ мешедскому духовенству.

9) Абу Джафаръ Мухаммедъ, прозванный аль-Джаввадъ и Таки—за щедрость и благочестіе Племянникъ халифа аль-Мамуна, онъ женился на его дочери, и такимъ образомъ родственныя связи были укрѣплены. Это однако не помѣшало халифу аль-Мутасиму отравить его въ 220 году.

10) Али IV, Наки, т. е. чистый, не избѣгъ участи своихъ предшественниковъ и былъ отравленъ въ 260 году.

11) Абу Мухаммедъ аль-Хасанъ ибнъ-Аскари, по прозвищу Хади, т. е направляющій Онъ отличался благочестіемъ и былъ выдающимся поэтомъ и литераторомъ. Онъ умеръ въ 260 году, какъ говорятъ, отравленный халифомъ Мутаваккилемъ. Какъ мы видимъ, ни одинъ изъ одиннадцати имамовъ не окончилъ жизнь естественнымъ путемъ. Что то роковое было въ этомъ, какъ будто патентъ на имаматъ содержалъ въ себѣ осужденіе на смерть—лишь безъ означенія времени ея совершенія.

12) Мухаммедъ аль-Махди, который исчезъ въ 265 году. По вѣрованію шіитовъ, этотъ послѣдній имамъ исчезъ въ возрастѣ 12 лѣтъ; онъ продолжаетъ жить, и они страстно ждутъ его появленія, такъ какъ онъ долженъ возстановить вселенскій халифатъ Сунниты же вѣрятъ, что Махди, послѣдній имамъ, еще не родился, и что онъ появится незадолго до Іисуса Христа, передъ днемъ страшнаго суда.

Если внимательно вдуматься не въ оффиціальную вѣру въ Махди, а въ то, какъ о немъ думаетъ народная масса, то можно будетъ замѣтить, что въ немъ помимо Мессіи видятъ еще немного и народнаго героя, что имѣетъ очень много общаго съ легендами о Потокѣ—богатырѣ, Маркѣ—кралевичѣ или Фридрихѣ Барбароссѣ.

У Имама Махди имѣется нѣсколько именъ, самыми распространенными изъ которыхъ являются: «гаибъ», т. е. отсутствующій, «мунтазаръ», т. е. ожидаемый и «каимъ», т. е. живущій. Съ нимъ связано много легендъ, съ которыми необходимо познакомиться, безъ чего будетъ трудно понять ученіе нѣкоторыхъ

сектъ, получившихъ свое начало въ лонѣ шизма. Такъ, существуетъ вѣра, что имамъ Махди живетъ въ одномъ изъ двухъ таинственныхъ городовъ Джабулька или Джабульса. «Табари воспроизводитъ легенду относительно горы Кафа, которая окружаетъ земной дискъ, и на окраинахъ ея помѣщаются два города—на западѣ» (Абульфеда) [1].

Джабарса—городъ въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ востока. Ибнъ Аббасъ (да будетъ Господь доволенъ имъ) говоритъ: «На отдаленнѣйшемъ востокѣ находится городъ, названіе котораго Джабарсъ, и который населенъ потомками Самуда. И на отдаленнѣйшемъ западѣ есть городъ, имя котораго Джабалькъ, и который населенъ потомками Ада. И въ томъ и въ другомъ имѣются остатки этихъ народовъ Евреи говорятъ, что дѣти Моисея (да будемъ миръ надъ нимъ) бѣжали въ битвѣ съ Бахтъ-Нассаромъ (Навуходоносоромъ), и Богъ (да прославится Онъ) приказалъ имъ направиться къ Джабарсу и тамъ остановиться. И въ этомъ мѣстѣ они пребываютъ, и никто не можетъ прійти къ нимъ или установить ихъ число Еще (сообщается) со словъ Ибнъ-Аббаса (да будетъ Господь доволенъ имъ), что Пророкъ (да смилостивится надъ нимъ Господь и даруетъ ему миръ) въ ночь своего путешествія на небо сказалъ Гавріилу (да будетъ миръ надъ нимъ) «я хочу видѣть народъ, относительно котораго Богъ сказалъ: «среди народа Моисеева нашлось небольшое количество людей, которые берутъ своимъ вожатымъ истину и поступаютъ согласно справедливости» (Сура 7-я, ст. 159).

— Между тобою и ими, сказалъ Гавріилъ (да будетъ миръ надъ нимъ) разстояніе шести лѣтъ пути: шесть лѣтъ надо пройти туда и шесть лѣтъ надо для того, чтобы вернуться; и между тобою и ими находится рѣка изъ песку, которая течетъ съ быстротою пущенной изъ лука стрѣлы и не останавливается за исключеніемъ субботы; но проси у твоего Господа

Тогда Пророкъ молился, и Гавріилъ сказалъ аминь! И Богъ открылъ тогда Гавріилу «дай ему то, что онъ проситъ». Тогда онъ сѣлъ на Барака, тотъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и вотъ! онъ уже среди народа. Онъ привѣтствовалъ этихъ людей, и они спросили его:

— Кто ты?

Онъ отвѣтилъ имъ на это.

— Я—неученый пророкъ.

Они сказали:

— Истинно, ты тотъ, о которомъ Моисей далъ благія вѣсти.

---

[1]) Nicolas. Le Bab Loc. cit Al-Kazwini. pp. 17, 18. pp. 289—301.

и, истинно, ангелы взяли бы твой народъ за руку, если бы не его грѣхи.

Я видѣлъ ихъ могилы передъ дверями ихъ жилищъ, сказалъ Пророкъ, и я спросилъ ихъ:

Зачѣмъ это?

Они отвѣтили:

— Чтобы мы могли день и ночь помнить о смерти: если бы мы не сдѣлали этого, то мы вспоминали бы о ней только иногда.

Тогда онъ сказалъ

— Какимъ образомъ происходитъ, что я вижу всѣ ваши строенія равными (по высотѣ)?

Они отвѣтили:

— Это затѣмъ, чтобы ни одинъ не могъ подсматривать за другимъ, и чтобы ни одинъ не могъ быть отличнымъ отъ другого.

Тогда онъ сказалъ.

— Какимъ образомъ я не вижу царя или судьи среди васъ?

Они сказали:

— Мы справедливы по отношенію другъ къ другу и даемъ то, что должны другъ другу, и поэтому мы не нуждаемся въ томъ, чтобы кто либо возстановлялъ справедливость среди насъ.

Тогда онъ сказалъ:

— Почему ваши улицы пусты?

Они отвѣтили:

— Мы всѣ сѣемъ и всѣ жнемъ, и каждый изъ насъ беретъ для себя то, что для него достаточно, и остальное оставляетъ своему брату

Тогда онъ сказалъ:

— Почему я вижу этихъ людей смѣющимися?

Они отвѣтили:

— Одинъ изъ нихъ умеръ

Онъ сказалъ

— Почему же они тогда смѣются?

Они отвѣтили:

— Они радуются, потому что онъ былъ взятъ въ вѣрѣ въ Единство.

Онъ сказалъ:

— Что дѣлается съ этими, - они плачутъ?

Они отвѣтили:

— У нихъ родился ребенокъ, и они не знаютъ, въ какой вѣрѣ онъ будетъ взятъ у нихъ.

Онъ сказалъ

— Скажите мнѣ, что вы дѣлаете, когда у васъ родится мальчикъ?

Они сказали:

— Мы постимся въ теченіе мѣсяца въ благодарность Богу.

Онъ сказалъ.

— А если у васъ родится дѣвочка?

Они отвѣтили:

— Тогда мы постимся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ благодарность Богу, потому что Моисей сказалъ намъ, что покорность по поводу дѣвочки имѣетъ большую заслугу, чѣмъ покорность по отношенію къ рожденію мальчика.

Они сказали.

— Совершаете ли вы прелюбодѣяніе?

Они отвѣтили:

— Если бы кто-нибудь совершилъ подобную вещь, то не побьетъ ли его камнями небо сверху, и не поглотитъ ли его земля снизу?

Онъ сказалъ:

— Занимаетесь ли вы лихоимствомъ?

Они отвѣтили:

— Только тотъ беретъ лихву, кто не вѣритъ въ божественное принятіе мѣръ.

Онъ сказалъ

— Бываете ли вы больны?

Они отвѣтили.

— Мы не грѣшимъ и не бываемъ больны: люди бываютъ поражаемы болѣзнями лишь въ качествѣ искупленія за грѣхи.

Онъ сказалъ:

— Есть ли у васъ дикіе звѣри и пресмыкающіяся?

Они отвѣтили:

— Да, мы проходимъ среди нихъ, и они проходятъ среди насъ, но они насъ не трогаютъ

Тогда Пророкъ предложилъ имъ (принять) свой законъ, и они его спросили.

— Какъ же мы будемъ поступать относительно паломничества, разъ между нами лежитъ такое громадное разстояніе?

Тогда Пророкъ помолился, и—говоритъ Ибнъ Аббасъ—земля свернулась для нихъ такъ, что тѣ изъ нихъ, которые хотѣли совершить паломничество, могли это сдѣлать вмѣстѣ съ (прочимъ) человѣческимъ родомъ

И когда (говоритъ онъ)было утро, Пророкъ разсказалъ это всѣмъ присутствовавшимъ Въ числѣ нихъ былъ Абу Бакръ (да будетъ доволенъ имъ Господь), и онъ сказалъ: «истинно хорошо народу Моисея, и Богъ (да прославится Онъ) зналъ, что находится въ ихъ сердцахъ, и сдѣлалъ откровеніе: «одни изъ созданныхъ нами людей стоятъ на пути правомъ и отличаются справедливостью» (Сура 7-я, ст. 180). И Абу Бакръ постился въ

теченіе мѣсяца и отпустилъ на свободу раба, потому что Богъ не отдалъ предпочтенія церкви Моисея передъ церковью Мухаммеда (да смилостивится надъ нимъ Господь и даруетъ ему миръ)».

Таковы города Джабулька и Джабульса, въ одномъ изъ которыхъ пребываетъ имамъ Махди. До своего появленія онъ долженъ оставаться невидимымъ и недоступнымъ для массы своихъ послѣдователей. Однако въ первое время онъ имѣлъ непосредственное сношеніе съ немногими избранными, которые и служили связующимъ звеномъ между нимъ и массой вѣрующихъ. Эти посредники назывались «абвабъ», т. е. дверями, черезъ которыя они приближались къ вѣчной истинѣ. Это были Абу Амръ Усманъ ибнъ Саидъ, Абу Джафаръ Мухаммедъ ибнъ-Усманъ, Хусайнъ ибнъ-Рухъ Ноу-бахти и Абуль-Хасанъ Али ибнъ Мухаммедъ Самари. Въ теченіе 69 лѣтъ эти лица послѣдовательно были посредниками въ сообщеніяхъ съ имамомъ, и этотъ періодъ называется «гаибат-и-сагра», т е малое исчезновеніе. Передъ смертью послѣдняго, Абуль Хасана, вѣрующіе просили его назначить замѣстителя, но онъ отказался, сказавъ, то «Богъ имѣетъ свои намѣренія, которыя Онъ долженъ выполнить» Съ этого момента съ имамомъ прекратилось всякое сообщеніе Этотъ періодъ называется «гайбатъ-и-кубра», т. е. большимъ исчезновеніемъ. [1]). Это очень важный моментъ въ ученіи шиитовъ, и далѣе, когда мы будемъ разбирать ученіе Баба, онъ поможетъ разъяснить многое. Пока же скажемъ нѣсколько словъ о махди.

Какъ почти все въ исламѣ, идея махдизма заимствована, такъ какъ она является не чѣмъ инымъ, какъ приспособленнымъ къ исламизму мессіанствомъ. Какъ религія древнихъ персовъ, такъ еврейство и христіанство учили о томъ, что передъ кончиной міра на землю долженъ явиться великій пророкъ, который спасетъ родъ человѣческій Мусульмане, допуская, что этимъ великимъ пророкомъ будетъ Іисусъ Христосъ, все же не могутъ предоставить ему главную роль, которая и оставлена на долю Махди, т. е. истинно направляемаго.

Основной идеей исламизма является, что человѣкъ не можетъ самъ найти истинный путь,—у него едва хватаетъ силъ нѣкоторое время итти прямо, послѣ того какъ онъ получилъ истинное направленіе. Для этого время отъ времени и посылаются на землю пророки, черезъ которыхъ Богъ открываетъ, что нужно дѣлать. Пророкъ силенъ не своими личными качествами, а присутствіемъ Бога въ немъ. Всякій Пророкъ есть махди, но въ частности этотъ эпитетъ примѣняется къ тому, прибытія котораго ожидаетъ мусульманскій міръ.

---

[1]) E Sell Essays on islam p 50.

Коранъ не упоминаетъ о махди, но о немъ говорятъ преданія, хотя и безъ достаточной опредѣленности. Пророкъ сказалъ: «хотя бы даже всего одинъ день остался для существованія міра, Богъ воздвигнетъ человѣка изъ моего народа и изъ моей фамиліи, и онъ наполнитъ землю справедливостью такъ же, какъ она была исполнена несправедливости». Тѣ, кто вѣрили въ подлинность этого преданія, должны были считать, что махди будетъ потомкомъ Фатимы, т. е. иначе говоря Али. Такъ какъ въ другой редакціи приведенное преданіе упоминаетъ о томъ, что появленію махди будутъ предшествовать гоненія на его родъ, исторія слагалась такъ, что пророчество оказывалось правильнымъ, и на алидовъ не прекращались гоненія со стороны омайядовъ. Въ глазахъ благочестивыхъ фанатиковъ это было новымъ подтвержденіемъ правъ алидовъ, но, не будучи въ силахъ вступить въ борьбу съ узурпаторами, почти всѣ они удалились въ завоеванную незадолго передъ тѣмъ Персію.

Когда разгорѣлась вражда между алидами и омайядами, Персія, въ лицѣ своихъ мусульманъ, легко поднялась на защиту первыхъ, такъ какъ помимо того, что дѣти Али были внуками Пророка, сынъ Али породнился съ сассанидами и имѣлъ права престолонаслѣдія. Если у персовъ не было никакихъ причинъ вступаться за того или другого въ религіозной борьбѣ, то они считали себя обязанными выступить въ качествѣ защитниковъ династіи

Послѣ убіенія Али, Хасана и Хусайна возможными продолжителями рода остались Али, десятилѣтній сынъ Хусайна, и другой сынъ Али Мухаммедъ, жившій въ Меккѣ и не желавшій принимать никакого участія въ раздорахъ изъ за духовнаго наслѣдства. Къ этому послѣднему и обратились взоры всѣхъ алидовъ. Одинъ честолюбецъ, по имени Мухтаръ, поднялся отъ его имени и принялъ титулъ «намѣстника махди». Здѣсь, повидимому, это слово было произнесено въ первый разъ. Мухтаръ началъ съ ереси и провозгласилъ догматъ измѣняемости Бога. Кромѣ того, онъ не гнушался прибѣгать къ «совершенію чудесъ»—въ родѣ пусканія голубей во время битвы: предварительно онъ совершалъ моленіе, прося Бога послать на помощь воинамъ ангеловъ въ видѣ птицъ,—и ангелы являлись. Передъ солдатами онъ приказывалъ носить какое то старое кресло, которое, по его словамъ, принадлежало Али, и говорилъ, что оно для мусульманъ то же самое, что ковчегъ завѣта былъ для евреевъ. [1])

Несмотря на всѣ свои хитрости, Мухтаръ погибъ, и Мухаммедъ, который раньше не рѣшался противостать ему, остался въ

---

[1]) Darmesteter. Le Mahdi. p. 30 et ss.

глазахъ послѣдователей Мухтара истиннымъ Махди. Когда онъ умеръ, многіе не хотѣли вѣрить его смерти и говорили, что онъ еще долженъ вернуться. Современные поэты слагали въ его честь стихи и говорили, что онъ спитъ около Медины, въ долинѣ Радва, гдѣ текутъ вода и медъ, дожидаясь того дня, когда ему придется показаться во главѣ своихъ всадниковъ, предшествуемыхъ знаменемъ.

Тѣмъ временемъ подросъ Али (Зайн-уль-Абидинъ), и взоры алидовъ перенеслись на него.

Затѣмъ наступилъ смутный періодъ, политическое положеніе до невозможности запуталось, и слабыя партіи вступали въ тайные союзы, впередъ уже учитывая свой обманъ,—политика ничѣмъ не отличалась отъ современной. Аббасидамъ удалось свергнуть омайядовъ лишь благодаря тому, что они увѣрили народъ въ томъ, что они преслѣдуютъ общія съ алидами цѣли: пали омайяды, и алиды въ лицѣ аббасидовъ нажили себѣ новыхъ враговъ, которые оказались для нихъ не менѣе опасными, чѣмъ прежніе. Отчаяніе начало овладѣвать ими, и, чтобы ихъ цѣли не были совершенно забыты и не лишились сторонниковъ, имъ приходилось прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ: съ этого момента начинаетъ появляться цѣлая серія махди, одинъ за другимъ, и всѣ они находятъ насильственную смерть, погибая въ слишкомъ неравной борьбѣ Имамы гибнутъ одинъ за другимъ отъ яда, и съ двѣнадцатымъ имамомъ навсегда прекратилась прямая линія ихъ, т. е. далѣе уже было безполезно ожидать махди. Прійти къ такому заключенію было равносильно отказу отъ всѣхъ своихъ прежнихъ стремленій, а это было не въ интересахъ алидовъ Отсюда вытекала логическая необходимость сохранить двѣнадцатаго имама живымъ, итакъ: онъ не умеръ, а только скрылся и въ нужное время появится опять. Но прошли вѣка, появилось множество лже-махди, а настоящаго все еще нѣтъ, однако мусульмане не отчаиваются и ждутъ его прибытія. Лишь этимъ напряженнымъ ожиданіемъ и можно объяснить себѣ ту готовность, съ которой они всегда отзывались на зовъ всякаго самозванца, появлявшагося подъ именемъ Махди то въ Азіи, то въ Африкѣ.

Одно приписываемое Мухаммеду преданіе говоритъ, что «тотъ, кто не вѣритъ въ Махди, невѣрный». Пророкъ говорилъ еще:... «Махди будетъ царствовать надъ арабами... У него будетъ такое же имя, какъ мое имя, и имя его отца будетъ такое же, какъ имя моего отца... Онъ освободитъ міръ отъ язычества, потому что съ нашей (фамили) помощью Бога докончитъ дѣло, начатое черезъ насъ... Всѣ мусульмане должны будутъ собраться около него, хотя бы для этого имъ пришлось карабкаться по снѣгу... Онъ прочно утвердитъ исламизмъ на землѣ, проживетъ

семь лѣтъ и потомъ умретъ.. У него будетъ блестящій лобъ, орлиный носъ..» [1])

Шіиты учатъ, что Махди, скрытый отъ глазъ вѣрныхъ, покидаетъ иногда свою таинственную резиденцію и разъѣзжаетъ по всей землѣ со своими министрами. Такъ какъ въ высшей степени спасительно обращать свое лицо въ ту сторону, гдѣ находится Махди, то персидскій календарь даетъ указанія—по мѣсяцамъ и днямъ—, въ какихъ странахъ свѣта онъ находится. [2]). Онъ есть «сахибъ-уз-заманъ» т е. господинъ времени. При своихъ перемѣщеніяхъ, оставаясь невидимымъ (и это не мало содѣйствуетъ его престижу), Махди можетъ творить чудеса и осыпать благодѣяніями вѣрующихъ. Въ Персіи повсюду встрѣчаются священныя пещеры, чудесные источники,—не есть ли это явный слѣдъ пути невидимаго Махди? При такимъ вѣрованіяхъ, когда религія роднится съ суевѣріемъ, приближается порою къ шаманству, массу очень легко фанатизировать, и чернь, совершенно лишенная всякаго понятія о религіи, въ своихъ проявленіяхъ кажется фанатически религіозной; образованный же классъ, невольно тяготясь массой ненужныхъ и лишенныхъ всякаго смысла аттрибутовъ религіи, сдѣлался къ ней совершенно равнодушнымъ. Къ тому же вся Персія настолько пропитана ложью, что даже считающіе себя религіозными люди не задумываются обманывать даже Бога, продѣлывая различные трюки въ дѣлахъ благотворительности.

Въ первомъ томѣ мы уже говорили о той фабрикаціи хадисовъ, которая производилась въ первые вѣка геджры. И дѣйствительно, для поддѣлки нельзя найти болѣе удобнаго матеріала. Хадису можно не вѣрить, можно выражать сомнѣніе въ его подлинности, можно рекомендовать воздержаніе отъ примѣненія изложеннаго въ немъ приказанія или запрещенія, но очень трудно, почти невозможно сказать, что онъ ложенъ: развѣ не могло случиться того, что Пророкъ кому-нибудь одному сказалъ то, чего не слыхали другіе? Если никто не слыхалъ, это еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы обвинять во лжи того, кто слышалъ. Едва ли не львиная доля всѣхъ искусственныхъ хадисовъ приходится на долю шіитовъ, и все это дѣлалось исключительно изъ политическихъ видовъ. Когда ничего изъ этого не вышло, борьба была оставлена, и расколовшемуся исламу не приходилось болѣе думать о продолженіи борьбы, а оставалось жить отдѣльной другъ отъ друга жизнью, то неисчислимое множество истинныхъ и ложныхъ хадисовъ оказалось довольно неудобнымъ грузомъ: это былъ такой хаосъ, въ которомъ

---

[1]) Comte de Castries. Moulay Ismail pp. 79, 80.

[2]) Nicolas. Le Bab pp. 155.

даже опытные богословы не могли путемъ разобраться. Часто оказывалось, что хадисы, годные въ политическомъ отношеніи, совершенно не подходили съ религіозной точки зрѣнія, и это вызвало необходимость примѣненія критической оцѣнки и разборки хадисовъ Тогда то (здѣсь мы кончаемъ необходимое отступленіе и возвращаемся къ предмету) секта асна-ашарія и раздѣлилась на двѣ большихъ части: *усули*, т. е. послѣдователи основъ и *ахбари*, т. е. послѣдователи преданій Они совершенно одинаково смотрятъ на существенный вопросъ шіизма—объ имаматѣ, и различіе между ними заключается въ признаніи или непризнаніи духовной власти муджтахидовъ, которые считаютъ себя представителями имамовъ

Усули совершенно отрицаютъ власть этихъ толкователей закона на основаніи собственнаго сужденія. Они считаютъ, что законъ достаточно ясенъ, а человѣкъ обладаетъ разумомъ. этотъ разумъ позволяетъ ему пользоваться закономъ примѣнительно къ прогрессу человѣчества. Они говорятъ, что ни въ коемъ случаѣ не должно подчиняться сужденію людей, которые сами по себѣ являются погрѣшимыми, и которые имѣютъ всѣ интересы, чтобы держать массу въ невѣдѣніи По ихъ мнѣнію, божественное откровеніе новое не имѣло цѣли въ трудно понимаемыхъ выраженіяхъ скрывать волю божества. Откровеніе черезъ Пророка было обращено непосредственно къ человѣчеству, чтобы оно повиновалось,—здѣсь нѣтъ мѣста ни для законодателя, ни для жреца или священника Они считаютъ также, что нѣтъ никакой надобности видѣть въ Суннѣ источникъ права такъ какъ Богъ сказалъ:

«Нынѣ сдѣлалъ я совершенной религію вашу и завершилъ благодѣянія свои для васъ.» (сура 5-я, ст. 5)

«Мы посылали ихъ съ чудесами и книгами. И тебѣ также мы дали книгу для того, чтобы ты объяснилъ людямъ то, что имъ было послано. и чтобы они поразмыслили» (сура 16-я ст 46).

А разъ Коранъ содержитъ въ себѣ всѣ исламическія правила, говорятъ они, то самое лучшее—отбросить Сунну. [1]).

Ахбари, напротивъ, рабски слѣдуетъ толкованію муджтахидовъ.

Усули не придаютъ самостоятельнаго значенія преданіямъ: разсматривая ихъ лишь какъ дополненіе къ изложеннымъ въ Коранѣ правиламъ, они принимаютъ то, что строго согласуется съ Кораномъ, все же остальное отбрасываютъ, какъ апокрифическое. Конечно критическая оцѣнка теперь уже не имѣетъ мѣста,—преданія разъ на всегда раздѣлены на пріемлемыя и непріемлемыя. Усули такъ раздѣляютъ ихъ:

---

[1]) Tradition comme Source du droit mnsulman p 25. Riad Ghali.

1) *сахихъ* или подлинныя, имѣющія опредѣленный иснадъ.

2) *хасанъ* или хорошія, хотя и не отличающіяся такой категоричностью, какъ первыя, но все же принятыя имамами.

3) *мусилъ* или крѣпкія, это тѣ, которыя сообщены лицами, хоть и не принадлежащими къ сектѣ, но заслуживающими полнаго довѣрія Эти три вида преданій принимаются сектой усули.

4) *заифъ* или слабыя, не отвѣчающія выше сказанным условіямъ, и усули не принимаютъ ихъ (Подр. см т. I, Сунна и Кіясъ)

Принятые шиитами сборники преданій суть слѣдующіе:

1) Кафи-Абу Джафара Мухаммеда (329)

2) Факихъ-Шейха Али (381)

3) Тахзибъ-Шейха Абу Джафара Мухаммеда (466)

4) Истибсаръ-его же

5) Наджм-ул-балагатъ-Сэид-Рази (406)

Ахбари признаютъ всѣ преданія, не подвергая ихъ критической оцѣнкѣ: лишь бы было упомянуто имя Пророка или какого нибудь изъ имамовъ, и это совершенно достаточно для того, чтобы признать преданіе правильнымъ. При такой снисходительной системѣ принятія истины, масса преданій, мало примиримыхъ съ общимъ духомъ ученія или завѣдомо ложныхъ, принята за истинныя. Вся темная масса и мало образованные муллы слѣдуютъ этому ученію, которое для нихъ имѣетъ то преимущество, что, преподнося имъ все готовое, освобождаетъ ихъ отъ всякой умственной работы Усули же представлены лучшими духовными силами, и всѣ ученые вышли именно изъ этой школы.

Когда рѣчь идетъ о пользованіи Преданіемъ, шииты говорятъ. «какъ примирить съ ученіемъ суннитовъ слова Пророка—«все, что къ вамъ приходитъ отъ меня, сравните съ Кораномъ: если это съ нимъ согласно, то это сказалъ я: если же это ему противорѣчитъ, то это не мои слова Какимъ образомъ я могъ бы противорѣчить книгѣ Бога съ помощью которой Онъ самъ просвѣтилъ меня?» Какъ примирить видимое противорѣчіе, которое являетъ ученіе суннитовъ? Съ одной стороны говоритъ, что мы должны слѣдовать правиламъ Бога, находящимся въ Коранѣ съ другой—правиламъ Пророка, находящимся въ Суннѣ, и, наконецъ считать, что Сунна есть комментарій Корана? Мы должны вывести заключеніе, что Коранъ содержитъ правила, между тѣмъ какъ Сунна учитъ насъ примѣнять ихъ на практикѣ, сообщая намъ примѣръ Пророка, или спеціализируетъ ихъ его комментаріями». Суннитъ отвѣчаютъ, что въ повиновеніи Богу подразумѣвается между прочимъ и подражаніе примѣру Проро-

ка; что же касается толкованія Корана, то кому же лучше толковать его, какъ не тому, черезъ кого онъ былъ открытъ? [1])

Формула исповѣданія вѣры читается шіитами отлично отъ суннитской тѣмъ, что къ словамъ—«нѣтъ бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ Пророкъ (нэби) Его»—они прибавляютъ: «и Али Его вэли».

Вэли есть лицо, сопровождающее Пророка, истолковывающее его слова, это—его министръ «Что точно обозначаетъ «вэли», что обозначаетъ «вэлаэтъ»? Здѣсь нельзя разсчитывать на полученіе точнаго и окончательнаго отвѣта, мы находимся среди персовъ, а ихъ способъ мышленія слишкомъ тонокъ, чтобы они не изслѣдовали проблему со всѣхъ сторонъ Словомъ, въ концѣ концовъ мы приходимъ къ такимъ выводамъ, которые покажутся легко понятными тѣмъ, кто знакомъ съ этимъ народомъ: Мухаммедъ въ одно и тоже время нэби и вэли, а нубуввэтъ выше вэлаэта Ничуть, отвѣчаютъ суфи,—Мухаммедъ только нэби и, слѣдовательно, гораздо ниже Али, который есть вэли. И не это даже, перебиваютъ ихъ другіе суфи,—оба они нэби и оба вэли. Качество вэли выше качества нэби; итакъ, Мухаммедъ является нэби раньше, чѣмъ вэли, и Али есть вэли предпочтительно передъ нэби. Примутъ участіе еще другіе, перемѣнятъ слова проблемы, но рѣшеніе почти всегда остается тѣмъ же, я хочу сказать, превосходство вэлаэта надъ нубуввэтомъ» [2])

И дальше говорится:

«. Въ виду этого Али является не только наслѣдникомъ земныхъ благъ Пророка, онъ- его законный замѣститель на его тронѣ, онъ прежде всего его участникъ въ откровеніи, хранитель таинъ его и тайны Бога. Абу Бакръ, Омаръ и Усманъ являются святотатцами, клеветниками и клятвопреступниками; не признавая вэлаэта Али, они силою или хитростью воспротивились божьему дѣлу, и главнымъ образомъ въ силу этого они являются достоинными ада. Они клялись соблюдать исламъ, и они отвергли и осмѣяли его. Такимъ образомъ, они являются отщепенцами, апостатами и лжецами». [3])

Шіиты глубоко убѣждены въ томъ, что текстъ Корана былъ измѣненъ съ цѣлью уничтожить тѣ мѣста, въ которыхъ ясно говорилось объ Али и правахъ его дома Характерной чертой является тотъ культъ, который шіиты оказываютъ двоюродному брату и зятю Мухаммеда-Али, которому придается почти боже-

[1]) Riad Ghali La tradition comme source du droit musulman. p 22

[2]) Nicolas Le Bab. p. 135.

[3]) Nicolas. Le Bab p. 136.

ственный характеръ. Для нѣкоторыхъ онъ стоитъ выше даже, чѣмъ Пророкъ; и это не взирая на то, что, по ихъ вѣрованію, Мухаммедъ уже съ начала своей миссіи былъ предохраненъ отъ всякаго грѣха, такъ какъ былъ предназначенъ къ пророческому ученію. Этого одного уже достаточно, чтобы сдѣлать суннитовъ и шіитовъ непримиримыми врагами другъ друга: и дѣйствительно, они ненавидятъ другъ друга не менѣе, чѣмъ невѣрныхъ. Попытки обоготворенія Али были сдѣланы еще при его жизни нѣкіимъ Абдулла-бинъ-Саба, принявшимъ исламизмъ евреемъ,— это было съ ужасомъ отвергнуто Али и его послѣдователями. Онъ приказывалъ рубить головы тѣмъ, кто проповѣдывалъ такую вѣру, но «катящіяся головы кричали: Али, ты—Богъ!» [1]).

Къ шіитскимъ сектамъ должно отнести еще секту «шейхи», о которой мы скажемъ подробнѣе, когда будемъ говорить о Бабѣ. Основателемъ ея былъ Шэйхъ Ахмадъ (1753—1826) Онъ глубоко вѣрилъ въ Али и благоговѣлъ передъ памятью двѣнадцати имамовъ Основнымъ пунктомъ его ученія было, что Богъ не раздѣленъ съ вселенной, которая происходитъ отъ Него, и что всѣ избранники Бога, всѣ имамы и всѣ справедливые люди суть олицетворенія божественныхъ аттрибутовъ. Въ силу этого онъ считалъ, что 12 имамовъ были олицетвореніемъ двѣнадцати главныхъ аттрибутовъ Бога, что, слѣдовательно, они были вѣчны. Среди имамовъ Али занимаетъ высочайшее мѣсто, такъ какъ онъ выше ангеловъ, пророковъ и даже самого Мухаммеда.

Секта шэйхи раздѣлилась надвое. одна развилась въ бабизмъ, а другая продолжала существовать независимо и была враждебна новому ученію

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шэйхи очень близки къ чистымъ шіитамъ. Между тѣмъ какъ символъ вѣры этихъ послѣднихъ состоитъ изъ пяти членовъ, а именно: 1) единство, 2) справедливость Бога, 3) пророчество, 4) имаматъ и 5) воскресеніе,—шэйхи отбрасываютъ второй членъ, говоря, что пѣтъ основаній одинъ изъ аттрибутовъ Бога выдѣлять особо, и пятый, говоря, что воскресеніе есть естественное слѣдствіе справедливости и пророчества Къ оставшимся тремъ членамъ они прибавляютъ новый, смыслъ котораго таковъ: всегда среди вѣрующихъ имѣется одинъ совершенный человѣкъ, который можетъ быть посредникомъ между скрытымъ имамомъ и людьми. [2])

---

[1]) Riad Ghali Tradition comme source du droit mus. p. 29 O. Houdas l'islamism. p. 238. S Guyard. La civilisation musulmane. p 40. Darmes teter. Le Mahdi p. 25.

[2]) E. Sell. Essays on islam. pp. 51, 54.

Чтобы закончить, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о политической исторіи ранняго шіизма. Можетъ быть, говоритъ Амиръ Али [1]), приверженцы правъ Али и сторонники избранія халифа не дошли бы до полнаго разрыва, если бы сынъ Хусайна былъ избранъ халифомъ, но звѣрства омайядовъ сдѣлали примиреніе невозможнымъ. Титулъ «амир-уль-муамининъ» (т. е повелитель правовѣрныхъ) былъ похищенъ у тѣхъ, кто могъ бы имѣть право на него. Омайяды и фатимиды, въ лицѣ ихъ приверженцевъ, окончательно раздѣлились. Для фатимидовъ лица, занимавшія дамасскій престолъ, не были законными наслѣдниками Пророка, и они выдвинули своихъ — наслѣдственныхъ имамовъ изъ линіи Мухаммеда.

Время дѣлало свое дѣло. омайяды притѣсняли фатимидовъ, и покорность этихъ послѣднихъ съ каждымъ новымъ халифомъ увеличивала число ихъ сторонниковъ, и возмущеніе противъ злодѣйской династіи росло все болѣе и болѣе Имамы были духовными вождями народа, но не хотѣли или не рѣшались вырвать изъ рукъ узурпаторовъ земную власть

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока аббасиды [2]), въ лицѣ Мухаммед-ибнъ-Али, не задумали завладѣть престоломъ халифата Вмѣстѣ съ тѣмъ они старались доказать и свои права на имаматъ, говоря, что, по смерти Хусайна въ Кербела, духовное главенство не было передано его сыну Али (Зайн-уль-Абидину), но Мухаммеду-ибнъ-аль-Ханафія, сыну халифа Али отъ другой матери, на которой онъ женился послѣ смерти Фатимы; что послѣ его смерти право это перешло къ его сыну Хашиму, который формально передалъ его Мухаммеду. Далеко не всѣ однако держались такого взгляда и придавали значеніе этимъ разсужденіямъ. Тѣ, кто вѣрили, открыто встали на сторону Мухаммеда; тѣмъ же, которые не вѣрили, агенты Мухаммеда говорили, что онъ хлопочетъ о возстановленіи правъ фатимидовъ. И они получили помощь отъ приверженцевъ Али, не подозрѣвавшихъ еще предательства. Онъ склонилъ на свою сторону также и персовъ, которые, по правамъ родства, были естественными приверженцами фатимидовъ: имъ онъ обѣщалъ скорое освобожденіе отъ ненавистнаго арабскаго господства.

---

[1]) Ameer Ali. The spirit of islam p 276 et ss.

[2]) У Аль-Аббаса, дяди Пророка, было четверо сыновей: Абдулла (ибнъ Аббасъ (ум 67), Фазлъ, Убайдулла и Кайтанъ. У Абдуллы былъ сынъ Али, который умеръ въ 117 году У него былъ Мухаммедъ, умершій въ 125 году; его сыновья были: Ибрагимъ, Абдулла Абуль Аббасъ (ас-Саффа и Абдулла Абу Джафаръ (аль-Мансуръ).

Въ 125 году онъ умеръ, назначивъ своими наслѣдниками (послѣдовательно) сыновей Ибрагима, Абдулла Абуль Аббаса ас-Саффа и Абдулла Абу Джафара аль-Мансура.

Броженіе вспыхнуло въ Хорасанѣ, гдѣ Мухаммедъ заблаговременно привлекъ на свою сторону іеменитовъ, обѣщая имъ поддержку противъ ихъ враговъ—потомковъ Мозара. Между враждебными партіями произошла схватка, и это было сигналомъ для начала общаго возстанія: оффиціальнымъ его объясненіемъ было отстаиваніе правъ алидовъ противъ узурпаторовъ омайядовъ. Предлогъ былъ вполнѣ умѣстенъ, такъ какъ незадолго передъ этимъ, по приказанію халифа Марвана, былъ убитъ внукъ имама Али Зайн-уль-Абидина Яхья, и трупъ его былъ повѣшенъ на висѣлицѣ Всѣ приверженцы его въ знакъ печали надѣли черныя одежды и поклялись отомстить за его смерть.

Въ 127 году Ибрагимъ, заступившій Мухаммеда въ качествѣ главы аббасидовъ, былъ убитъ Марваномъ. Передъ смертью онъ успѣлъ передать своему второму брату документы-завѣщаніе отца, по которому Абдулла Абуль Аббасъ дѣлался главою аббасидовъ. И новый глава, предводительствуя цѣлымъ Хорасаномъ, двинулся на Иракъ Когда отрядъ уже приближался къ цѣли, поднялась и Куфа по призыву Хасана ибнъ-Катаба, офицера Абу Муслима, который былъ главнокомандующимъ всѣхъ силъ Абдулла Абуль Аббаса. Этотъ послѣдній съ братомъ тайкомъ пробрался въ Куфу и сталъ выжидать событій. Ихъ представителемъ въ городѣ былъ нѣкій Абу Сальма, которому было приказано оказать повиновеніе. Этотъ послѣдній, не понимая хорошенько своей роли, такъ какъ онъ былъ лишь слегка посвященъ въ дѣло, послалъ тайное сообщеніе имаму Джафаръ-асъ Садыку, самъ же, раньше чѣмъ отъ того пришелъ отвѣтъ, призналъ Абдулла Абуль Аббаса халифомъ.

Онъ сдѣлалъ объявленіе, все еще дѣйствуя повидимому въ пользу алидовъ, что всѣ въ ближайшую пятницу должны собраться для выбора халифа По предложенію Абу Сальма, халифомъ былъ избранъ Абдулла Абуль Аббасъ, и всѣ присутствующіе принесли ему клятву вѣрности и засвидѣтельствовали ему почтеніе въ качествѣ халифа Онъ поднялся на кафедру, произнесъ краткую хутбу, и съ этихъ поръ онъ фактически сталъ халифомъ и имамомъ мусульманъ. Такимъ образомъ алиды сыграли въ руку своимъ врагамъ, и тутъ они поняли, что ждать больше нечего.

Абу Муслимъ, который во всемъ этомъ дѣлѣ значительно помогъ Абдуллѣ, былъ подозрителенъ аббасидамъ, и при слѣдующемъ же халифѣ была найдена подходящая причина, чтобы обвинить его въ ереси и казнить. Съ этихъ поръ и начались уже почти непрерывныя преслѣдованія шіитовъ, какъ бы для

напоминанія имъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя были пережиты ихъ первыми имамами. И ежегодно празднества во время мѣсяца мухаррама посвящены прославленію памяти Али и Хусайна. Такъ какъ, въ глазахъ шіитовъ, Али наравнѣ съ Мухаммедомъ былъ избранникомъ Божіимъ, это убійство принимаетъ въ ихъ глазахъ совершенно особенное значеніе, и ничто не можетъ вырвать изъ исторіи тѣхъ страницъ, которыя бездонной пропастью встали между суннитами и шіитами.

МУТАЗЕЛИТЫ.

Секта мутазелитовъ, появленіе которой открывало, повидимому, самые широкіе горизонты исламизму и вмѣстѣ съ тѣмъ давало ему возможность объединиться, первоначально шествовала побѣдоносно, и благочестивое невѣжество падало ницъ, сраженное невѣдомымъ для него оружіемъ-философіей Однако успѣхъ былъ непродолжителенъ: вмѣсто того, чтобы разумно пользоваться своей силой, секта раздробилась, началось сведеніе личныхъ счетовъ, соревнованіе заставило забыть первоначальныя идеи, во главѣ школъ появлялись иногда люди, у которыхъ иногда хватало силъ лишь на то, чтобы скомпрометировать то ученіе, выразителями котораго они себя называли Одинъ за другимъ они были разбиты, они погибли подъ ударами своего же оружія, направленнаго противъ нихъ рукой, поднявшеюся изъ ихъ же среды.

Хотя существованіе секты и было непродолжительно, но невозможно обойти ее молчаніемъ, такъ какъ она дала могучій толчокъ развитію исламизма, и, можетъ быть, современное движеніе въ Индіи, окрещенное именемъ «новаго ислама» вновь возродитъ славный періодъ ея лучшихъ дней.

Очень нелегко указать точное мѣсто, по праву принадлежащее этой сектѣ среди другихъ. Взятое въ общихъ чертахъ, и чуть чуть сглаженное, ея ученіе могло бы быть вполнѣ приемлемо ортодоксалистами. но многочисленныя группы, составлявшія ее, взятыя сами по себѣ. по справедливости могутъ занять все протяженіе—отъ самаго строгаго православія и до самой крайней ереси. Это даетъ возможность какъ суннитамъ, такъ шіитамъ въ извѣстныхъ частяхъ относить ее къ себѣ. Но будетъ правильнѣе согласиться съ этимъ лишь условно и частично.

Всѣ главнѣйшіе пункты ученія ислама подверглись философской критикѣ мутазелитовъ: ученіе объ аттрибутахъ, о предопредѣленіи, о будущей судьбѣ человѣка Когда мутазелиты освѣтили по своему различные вопросы, ортодоксальная церковь *чувствовала*, что это не такъ, но не *могла понять*, почему это не такъ. Такъ какъ молчаніе съ ея стороны было бы равносильно признанію въ полномъ пораженіи, надо было говорить, отвѣчать,

опровергать, доказывать. Для мутазелитовъ было мало такихъ отвѣтовъ, какими довольствовалась толпа, какъ: «это должно быть такъ, потому что иное положеніе грозило бы жизни исламизма, а этого конечно не можетъ желать Богъ» Кромѣ этого, ортодоксальная церковь должна была отвѣчать еще потому, что народная масса, видя ее безмолвной, все болѣе и болѣе начинала сочуствовать мутазелитамъ, въ особенности послѣ того, какъ нѣкоторые видные ученые покинули православіе, чтобы примкнуть къ противному лагерю.

Изъ этихъ споровъ и разсужденій и развилось схоластическое богословіе или «наука слова» (ильмъ-уль-калямъ, или, какъ иногда сокращенно говорится, калямъ), которое существовало и ранѣе, но уже слишкомъ мало давало чувствовать свое существованіе

Ибнъ Халдунъ [1]) такъ опредѣляетъ науку каляма: «схоластическое богословіе есть знаніе, дающее средства подтвердить догматы вѣры раціональными доводами и опровергнуть еретиковъ, которые—въ области вѣрованія—уклоняются отъ доктринъ первыхъ мусульманъ и суннитовъ, и отъ тайны этихъ догматовъ вѣры, которая есть ученіе объ Единствѣ». Тарифатъ опредѣляетъ это такъ «это знаніе, въ которомъ разсуждаютъ о сущности Бога, Его аттрибутахъ и условіяхъ возможныхъ вещей—по канонамъ ислама, - чтобы опровергнуть метафизику философовъ». Греческая философія, бывшая косвенной причиной громаднаго религознаго броженія. проникла въ Аравію совершенно случайный образомъ. Нѣкій Джорджисъ бинъ-Джибраиль, врачъ несторіянинъ. удачно вылѣчилъ внезапно заболѣвшаго халифа Аль-Мансура. Тотъ въ благодарность за это приблизилъ его къ себѣ, и результатомъ ихъ сближенія было то, что Джорджисъ принялъ отъ халифа порученіе перевести на арабскій языкъ труды греческихъ философовъ Съ этихъ поръ началась эра просвѣщенія. Аль Мамунъ, въ бытность свою правителемъ Хорасана, выписалъ туда цѣлую когорту ученыхъ разныхъ національностей Его халифатъ былъ расцвѣтомъ греческой философіи въ Аравіи, - Багдадъ сдѣлался сокровищницей всякихъ знаній и мѣстомъ собранія ученыхъ, которые приглашались изъ разныхъ странъ и пользовались громаднымъ почетомъ. Аль Мамунъ былъ меценатомъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова Мало по малу всѣ греческіе философы были переведены на арабскій языкъ

Правъ ли Ренанъ, говоря, что предпочтеніе, оказанное арабами Аристотелю, было случайно, или же истина на сторонѣ Мунка, считающаго этотъ выборъ вполнѣ сознательнымъ, но

---

[1]) Galland Mo'tazélites pp. 13—17.

фактъ остается неизмѣннымъ: Аристотель сдѣлался главнымъ учителемъ арабовъ.

Но лишь для очень немногихъ сравнительно философія представляла интересъ сама по себѣ, для большинства ея роль была чисто прикладная къ религіи. Правда, были и такіе ярые поклонники ея, что провозгласили ее единственной наукой, заслуживающей изученія, и единственной пищей, годной для здороваго ума, тогда какъ религія лишь лекарство для больныхъ. Для большинства же мутазелитовъ, къ которымъ мы возвращаемся, повторяемъ, она была лишь прикладной наукой, и использована она была хорошо. Были случаи, что иные не совсѣмъ ясно представляли себѣ различіе между физикой и метафизикой, но это были лишь посредственные умы.

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать одну важную оговорку: если греческая философія имѣла громадное вліяніе на развитіе ученія мутазелитовъ, все же было бы большой ошибкой видѣть въ этой философіи начало ученія, - начало его относится ко времени, когда о греческой философіи еще не было слышно въ Аравіи, и когда сами мутазелиты еще не вышли на сцену.

Не мутазелитамъ принадлежалъ первый шагъ, а *кадаритамъ*, сектѣ, которую если нельзя назвать родоначальницей мутазелитовъ, слѣдуетъ считать предтечей ихъ.

Кадариты отрицали предопредѣленіе, и ихъ ученіе было признано еретическимъ—не столько потому, что оно противорѣчило Корану, сколько потому, что оно расходилось съ принятымъ суннитами догматомъ. Выше намъ приходилось говорить уже о томъ, что для Мухаммеда этотъ вопросъ былъ теменъ, и онъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы много говорить о томъ, что превышало его понятіе,—онъ рѣшилъ вопросъ просто: онъ запретилъ говорить объ этомъ. И до его смерти вопросъ поневолѣ замалчивался, но послѣ этого онъ неизбѣжно долженъ былъ появиться на сцену, что дѣйствительно и не замедлило случиться. Для тѣхъ, кто въ Коранѣ—помимо того, что онъ—слово Бога—хотѣлъ найти еще и понятный для человѣческаго ума смыслъ, было надъ чѣмъ задуматься: съ одной стороны, Богъ послалъ Мухаммеда, чтобы проповѣдывать всѣмъ людямъ и всѣхъ призывать къ спасенію, съ другой, Богъ, совершенно независимо отъ этой проповѣди, направляетъ людей по истинному или ложному пути, и послѣднее для того, чтобы было чѣмъ наполнить адъ. Для видящихъ въ Коранѣ слово Бога отъ этого вѣетъ ужасомъ могилы; пропадаетъ всякая надежда, и разумъ невольно протестуетъ: если это такъ, то это—произволъ, а произволъ есть несправедливость; идея несправедливости неприми-

рима съ понятіемъ Божества; слѣдовательно, это не такъ Другими словами, у человѣка должна быть свободная воля. 1).

Повторяемъ поэтому, что кадариты провозгласили ересь не противъ Корана. среди текстовъ котораго можно не мало найти какъ за, такъ и противъ предопредѣленія, а противъ произвольно принятой суннитами доктрины И даже ортодоксальные мусульмане далеко не всѣ одинаково смотрятъ на предопредѣленіе: одни болѣе другіе менѣе категоричны. Чтобы смягчить нѣсколько предопредѣленіе, но не отказываться отъ него, богословы изобрѣли особый терминъ «пріобрѣтеніе акта»: акты сотворены Богомъ, но человѣкъ имѣетъ способность пріобрѣтать ихъ. Тогда, значитъ, у него есть свободная воля? Нѣтъ, такъ какъ и само «пріобрѣтеніе» является предопредѣленнымъ. Суровая теорія И изъ этого для многихъ выходитъ то, что они вѣрятъ (т е по крайней мѣрѣ обязаны это дѣлать) въ доктрину о предопредѣленіи, но склонны сомнѣваться въ самомъ предопредѣленіи

И ересь кадаритовъ была лишь результатомъ логическихъ выводовъ,—*поэтому не приходится удивляться*, что эта идея нашла себѣ сочувствіе у мутазелитовъ. Итакъ, кадариты проповѣдывали свободу воли. Вотъ какъ Джорджани въ комментаріи къ Мавакифу опредѣляетъ это ученіе. «кадариты это тѣ, которые считаютъ, что человѣкъ творитъ свои акты, и не вѣрятъ, что невѣріе и акты неповиновенія были предопредѣлены Богомъ» Основателемъ этой секты былъ Маба̀дъ ибнъ-Халидъ аль-Джохани Онъ былъ ученикомъ Хасана-аль-Басри, сына Занда-ибнъ-Сабита. собирателя Корана Онъ признавалъ совершенную свободу дѣйствій человѣка. Подобныя же идеи проповѣдывалъ и Ата-бинъ Ясаръ. Ихъ поддерживалъ общій ихъ ученикъ Абу Марванъ аль-Димашки Такая проповѣдь. идущая въ разрѣзъ съ ортодоксальнымъ ученіемъ, неминуемо должна была вызвать противодѣйствіе Выразителями этого противодѣйствія была школа *джабаритовъ*. или предопредѣленцевъ По ихъ ученію, всѣ дѣйствія человѣка были лишь результатомъ принужденія или «джабара»

Выступивъ противниками кадаритовъ, секта джабаритовъ ударилась въ противоположную крайность, и ее постигла судьба, общая почти всѣмъ сектамъ,—она раздробилась. Это раздробленіе существовало въ принципѣ съ самаго начала по той простой причинѣ, что не всѣ тѣ, которымъ докрина кадаритовъ казалась слишкомъ свободомыслящей, готовы были принять вмѣсто ея доктрину кадаритовъ во всей ея безнадежной суровости. Умѣренные изъ нихъ допускали, что, хотя дѣйствія и созданы Богомъ, но человѣкъ пріобрѣтаетъ ихъ и является отвѣтствен-

---

[1]) Galland Mo'tazélites pp 35, 36

нымъ за зло, совершенное имъ, равнымъ образомъ какъ и пріобрѣтаетъ право на награду за добрые поступки Крайніе же джабариты все это отвергали. Такъ какъ Коранъ въ равной мѣрѣ могъ служить для подтвержденія какъ той, такъ и другой системы, то и было мѣсто для законныхъ, такъ сказать, разногласій, хотя никакое мнѣніе не могло быть названо ересью съ точки зрѣнія противниковъ. Когда же каждая группа пыталась занять исключительное положеніе, отношенія между ними обострились, и въ наступившей съ кадаритами борьбѣ пало не мало людей, которые боролись подъ знаменемъ джабаризма, но по своимъ взглядамъ отличались отъ сильной партіи

Къ крайнимъ джабаритамъ должно отнести секту *джахмитовъ*, послѣдователей Джахма-ибнъ-Сафвана, который вѣрилъ также въ то, что рай и адъ должны современемъ уничтожиться, и что, въ концѣ концовъ, останется только одинъ Богъ По его мнѣнію, слова Корана, говорящія объ адѣ и раѣ, должны быть понимаемы только аллегорически

Къ умѣреннымъ джабаритамъ принадлежали наджриты и дерариты *Наджриты* были послѣдователями Хасана ибнъ-Мухаммеда ан-Наджара, который училъ, что Богъ сотворилъ дѣйствія людей какъ хорошія, такъ и дурныя, и что человѣкъ пріобрѣлъ ихъ; и также, что сила человѣка имѣла нѣкоторое вліяніе на дѣйствіе, которое онъ называлъ пріобрѣтеніемъ *Дерариты* были учениками Дерара-ибнъ-Амру, который равнымъ образомъ училъ, что дѣйствія были сотворены Богомъ, но что человѣкъ дѣйствительно пріобрѣлъ ихъ

Отъ джабаритовъ же произошла и секта *мурджитовъ*, т. е. «откладывающихъ свой судъ до произнесенія его Богомъ въ день страшнаго суда» Они представляли собою столько же религіозную секту, сколько политическую группу, происхожденіе которой было вызвано борьбой алидовъ съ омаіядами они не хотѣли поддерживать ни тѣхъ, ни другихъ, и поэтому пустили въ обращеніе теорію, что судить недостойнаго халифа, разъ онъ не погрѣшилъ въ своемъ качествѣ мусульманина, принадлежитъ только Богу. (Подр. см. въ Т. II).

Къ крайнимъ предопредѣленцамъ относились также и *хариджиты*, о которыхъ мы говорили выше, и происхожденіе которыхъ въ сущности ничего общаго не имѣло съ джабаритами.

Споры между джабаритами и кадаритами были горячи, и велико было волненіе въ мусульманскомъ мірѣ. Кадариты подвергались сильнымъ преслѣдованіямъ. Мабадъ-аль-Джохани былъ повѣшенъ въ 80 г. по приказу Абдуль-Малика. Абу Марванъ былъ распятъ на воротахъ своего родного города Дамаска, по приказанію халифа Хишама.

Но идеи не умирали и продолжали жить послѣ смерти тѣхъ,

кто ихъ пустилъ въ обращеніе. Прошло немного времени, и вновь люди, исповѣдывавшіе эти идеи, объединились въ цѣлыя группы. Не всѣ онѣ учили одинаково, но между всѣми ними было много общаго, и онѣ были извѣстны подъ общимъ именемъ *мутазелитовъ* или мутазила Это уже не были прежніе кадариты, хотя съ этими послѣдними у нихъ было много общаго.

О происхожденіи мутазелитовъ разсказываютъ такъ. Однажды когда Хасанъ аль-Басри училъ въ мечети Бассоры, кто то пришелъ къ нему и сказалъ. «Имамъ вѣры! одна современная секта (*вандиты*, подраздѣленіе хариджитовъ) считаетъ невѣрными и обреченными на погибель тѣхъ, которые совершили большіе грѣхи. Другая (мурджиты) считаетъ, что дѣла не составляютъ существенной части вѣры; по ихъ толкованію, дурныя дѣйствія не вредятъ, если существуетъ вѣра. равнымъ образомъ, какъ добрыя дѣла, сопровождаемыя невѣжествомъ, безполезны. Каково твое мнѣніе относительно этого?» [1]).

Между тѣмъ какъ Хасанъ обдумывалъ свой отвѣтъ, поднялся одинъ изъ его учениковъ, Абу Хазайфа Василь бинъ-Ата аль-Газзаль, и сказалъ: «я считаю, что вѣрующій, совершившій большой грѣхъ, не находится ни въ числѣ вѣрныхъ, ни в числѣ невѣрныхъ, но онъ принадлежитъ къ категоріи, которая занимаетъ среднее мѣсто между вѣрными и невѣрными. Ихъ не должно считать невѣрными, потому что они остаются вѣрующими и пребываютъ въ смѣшанномъ состояніи».

Сказавъ эти слова, Василь поднялся и отошелъ въ уголъ мечети, чтобы объяснить своимъ товарищамъ свое поведеніе Онъ такъ объяснилъ имъ «смѣшанное состояніе»: «совершающій смертный грѣхъ не можетъ быть разсматриваемъ ни какъ вѣрный, ни какъ невѣрный, а онъ занимаетъ мѣсто между ними. Слово вѣрный есть похвальный терминъ, а тотъ, кто совершилъ грѣхъ, не достоинъ похвалы. Онъ совершилъ несправедливость, это правда, но не слѣдуетъ забывать также, что въ его жизни имѣются и акты справедливости, и о нихъ слѣдуетъ вспомнить Кромѣ того, онъ не разъ конечно произнесъ свидѣтельство, что нѣтъ бога кромѣ Бога, и что Мухаммедъ Пророкъ Его. Если авторъ грѣха умираетъ безъ раскаянія, онъ достоинъ вѣчнаго ада, но даже и въ самомъ аду его наказаніе будетъ менѣе, чѣмъ наказаніе невѣрнаго въ собственномъ смыслѣ».

Въ это время Хасанъ произнесъ слова: «Василь отдѣлился (итазала) отъ насъ», откуда и произошло имя мутазила, т е. отдѣлившійся. Такимъ образомъ былъ объявленъ расколъ, и Василь былъ его учителемъ. Онъ родился въ 80 и умеръ въ 131 году.

---

[1]) Galland. Mo'tazélites p. 40.

Разныя мнѣнія высказывались относительно того, было ли дано имя «мутазила» немедленно или потомъ, а также и относительно того, сами ли сектанты приняли его, или оно имъ было дано,—но этотъ вопросъ для насъ существеннаго значенія не имѣетъ.

Доктрина мутазелитовъ. Такъ какъ сочиненій мутазелитовъ почти не сохранилось. ибо подобныя сочиненія подвергались уничтоженію во время религіозной борьбы, объ ихъ ученіи можно узнать лишь то, что о нихъ писали ихъ религіозные противники; это обстоятельство заставляетъ относиться къ сдѣланной ими оцѣнкѣ нѣсколько осторожно. [1]). Лучшимъ авторомъ въ этомъ отношеніи является Шахрастани.

Отправной точной доктрины мутазелитовъ является отрицаніе предопредѣленія и вѣчнаго осужденія вѣрующаго грѣшника. Они воспользовались либеральными идеями своихъ предшественниковъ, и разсужденіе, критическое отношеніе ко всему, что до сего времени признавалось какъ незыблемое и не подлежащее обсужденію, сдѣлалась ихъ второй жизнью. При этомъ доктрина ихъ сдѣлалась ясной, приняла рельефныя очертанія. Введеніе греческой философіи додѣлало остальное. Нѣкоторые изъ мутазелитовъ съ такой жадностью набросились на философію, что положительно забыли о всемъ остальномъ.

Между мутазелитами и ортодоксалистами завязалась отчаянная борьба Эти послѣдніе доходили до абсурда, отрицая самыя явныя вещи, разъ только онѣ исходили отъ мутазелитовъ. Такой способъ борьбы конечно не могъ быть дѣйствителенъ съ сильнымъ противникомъ, и чтобы понять превосходство хорошаго оружія. имъ пришлось принять много жестокихъ ударовъ.

Изъ ученія кадаритовъ мутазелиты заимствовали идею свободной воли, но они прибавили къ этому многое другое. «Богъ единъ и не можетъ имѣть аттрибутовъ. Догматъ единства заставилъ ихъ признавать, что Коранъ есть Книга чисто человѣческая и естественный продуктъ человѣческихъ способностей. Вообще его слѣдуетъ толковать аллегорически и его не должно считать пріобщающимся къ божественной сущности. Антропоморфическое воспріятіе Божества было для нихъ ненавистно. Чудо было невозможно; для достиженія необходимаго для спасенія знанія нѣтъ непремѣнной нужды въ Откровеніи,—человѣкъ можетъ достигнуть этого только при помощи своего разума. Онъ совершенно свободенъ въ собственныхъ дѣйствіяхъ, способенъ какъ на похвальное дѣйствіе, такъ и на проступокъ. Всѣ вѣрующіе находятся въ абсолютной необходимости совершать

[1]) Idem. p. 44.

добро и противиться злу. Вещь, которую не слѣдуетъ даже дѣлать предметомъ спора, есть справедливость Бога... Мухаммедъ не избѣгъ ихъ критики По ихъ мнѣнію, Пророкъ былъ мужемъ слишкомъ многихъ женщинъ, и конечно ему должно было предпочесть одного изъ его современниковъ, Абу Дзарра, который отличался большей воздержностью и благочестіемъ». [1]). Относительно халифата мутазелиты учили, что халифъ долженъ быть назначаемъ: по мнѣнію однихъ, въ силу требованій разума; по мнѣнію другихъ, отчасти въ силу требованій разума, а отчасти ради соблюденія традицій. [2])

Идеи мутазелитовъ вызвали цѣлую революцію, въ особенности когда нѣкоторые выдающіеся ученые и нѣкоторые халифы стали открыто ихъ раздѣлять. Было время, когда звѣзда мутазелитовъ сіяла очень высоко.

Мутазелиты подраздѣлились на большое количество сектъ или школъ. изъ которыхъ многія заслуживаютъ отдѣльнаго упоминанія. Предварительно однако разсмотримъ въ общихъ чертахъ главныя идеи ученія, которыя общи почти всѣмъ, и которыя были первоначально выражены Василемъ.

Хотя ни Коранъ, ни Сунна опредѣленнымъ образомъ не говорятъ о качествахъ или вѣчныхъ аттрибутахъ Бога, но тѣмъ не менѣе одна секта очень энергично поддерживала ихъ существованіе. Это была секта *сифатитовъ*, которые были главными противниками мутазелитовъ. Этой сектѣ также недоставало единства, и вскорѣ уже послѣ ея происхожденія она была представлена нѣсколькими болѣе или менѣе значительными группами, которыя впослѣдствіи вылились въ слѣдующія:

Ашариты—главнѣйшая секта, появленіе которой было роковымъ для мутазелитовъ Основателемъ ея былъ Абуль Хасанъ аль-Ашари, первоначально придерживавшійся ученія мутазелитовъ, но потомъ отрекшійся отъ своей ереси. Отвѣчая на главные спорные пункты ученія мутазелитовъ, ашариты учатъ, что: 1) Богъ имѣетъ аттрибуты, отдѣльные отъ Его сущности, но такъ, что устраняетъ всякую возможность сравненія Его съ сотвореннымъ существами; 2) Богъ опредѣлилъ до вѣчности все—какъ хорошее, такъ и дурное, но у человѣка есть сила «пріобрѣтать» дѣйствія, совершенствоваться при божественной помощи; вмѣстѣ съ тѣмъ судьба человѣка рѣшена еще до сотворенія міра; 3) судьба вѣрнаго, совершившаго смертный грѣхъ и умершаго безъ покаянія, находится въ рукахъ Бога: Онъ можетъ совершенно помиловать его или простить послѣ наказанія, 4) Сло-

---

[1]) Galland. Mo'tazélites pp47, 48.

[2]) D. B. Macdonald. Muslim. theology p. 57.

во Бога вѣчно, но слова Корана сотворены; книга сотворена. сущность ея вѣчна [1]).

Мушабахиты, или уподобители, были антропоморфистами грубаго типа. Образовавшись изъ секты сифатитовъ, они признавали нѣкоторые изъ божественныхъ аттрибутовъ отдѣльно отъ сущности Бога, но. чѣмъ они отличались отъ сифатитовъ, это— уподобленіемъ божественныхъ качествъ качествамъ сотворенныхъ существъ

Керамиты, или послѣдователи Мухаммеда ибнъ-Карима, иначе называемые *муджасэмитами*, т. е. корпоралистами Въ своемъ антропоморфизмѣ они пошли еще дальше мушабахитовъ, такъ какъ не только допускали сходство Бога съ сотвореннымъ существами, но считали Его тѣлеснымъ Правда, что болѣе умѣренные изъ нихъ, примѣняя къ Богу слово «тѣло», хотѣли выразить мысль, что Онъ есть самобытное существо.

По ученію объ аттрибутахъ, къ сифатитамъ должны быть отнесены также джабариты и мурджиты.

Мутазелиты выступили въ качествѣ оппонентовъ. «Если Богъ всемогущъ. говорили они, какъ примирить Его всемогущество съ существованіемъ зла? Ортодоксалисты старались примирить эту двойственность, утверждая, что зло существуетъ лишь въ низшемъ мірѣ чувствъ; что въ сущности, если оно и существуетъ, оно имѣетъ благотворное вліяніе и содѣйствуетъ гармоніи вселенной; что все хорошо и спасительно, но лишь въ различныхъ степеняхъ. . Такое рѣшеніе не могло удовлетворить мутазелитовъ. Если зло хорошо и спасительно, говорили они,—тогда зачѣмъ же бороться противъ него? Поэтому то они и требовали отъ человѣка полной свободы въ его дѣйствіяхъ и старались помѣстить природу Бога внѣ всякаго общенія со зломъ. Человѣкъ воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, училъ Василь бинъ Ата, и утверждать противное, значило бы дурныя дѣйствія приписывать Богу, что противорѣчило бы понятію о справедливости Бога «Допуская нѣкоторую степень предопредѣленія въ физической области, въ нравственной мутазелиты совершенно отрицали его. Чтобы рѣзче провести идею единства, Василь говорилъ, что «допущеніе наряду съ Богомъ вѣчнаго аттрибута есть допущеніе двухъ Боговъ». И лишь вѣчность считалась отличительнымъ аттрибутомъ Бога [2]).

Эти же идеи раздѣлялись однимъ изъ самыхъ горячихъ учениковъ Василя, Амръ-бинъ-Убандомъ, который, по словамъ Масуди, былъ самымъ выдающимся мутазелитомъ. Относительно даты его смерти нѣтъ точныхъ указаній: одни относятъ это

---

[1]) Sale. P. D pp. 231, 232

[2]) Galland. Mo'tazélites pp. 53 -57

событіе къ 144—145 году; другіе къ 270 или даже 276-му. Однако послѣднія цифры надо считать явно ошибочными такъ какъ Амръ пользовался славой во время правленія халифа Аль-Мансура (ум. 158 г.).

Ученикомъ Василя былъ также Усманъ-бинъ-Халидъ ат-Тавиль, который, въ свою очередь, сдѣлался учителемъ Абуль-Худайля.

Масуди такъ характеризуетъ ученіе мутазелитовъ о справедливости Бога.

«Богъ, говорятъ они, не любитъ зла; Онъ не является авторомъ человѣческихъ дѣйствій; люди совершаютъ добро, которое имъ приказано дѣлать, и избѣгаютъ зла, совершать которое имъ запрещено, при помощи силы, которую Богъ имъ далъ, и Онъ запрещаетъ лишь то, что Ему ненавистно. Всякое доброе человѣческое дѣйствіе исходитъ отъ Него, но Онъ не при чемъ въ дурныхъ дѣйствіяхъ, запрещенныхъ Имъ. Онъ не налагаетъ на Своихъ обожателей тяжести свыше ихъ силъ и спрашиваетъ съ нихъ лишь то, что они могутъ дать. Способность дѣлать или не дѣлать существуетъ въ нихъ лишь въ силу того могущества, которое Богъ сообщилъ имъ, которымъ обладаетъ исключительно, которое Онъ уничтожаетъ или поддерживаетъ по Своей волѣ. Если бы Онъ захотѣлъ, Онъ принудилъ бы человѣка повиноваться Ему. Онъ необходимо предохранилъ бы Его отъ всякаго акта неповиновенія; Онъ могъ это сдѣлать, и если Онъ не хотѣлъ этого, то лишь затѣмъ, чтобы не уничтожать искушенія и испытанія, которымъ подверженъ человѣкъ» [1]).

Если доктрина объ аттрибутахъ вызвала шумъ среди ортодоксальныхъ мусульманъ, то ученіе о Коранѣ и его происхожденіи, грозившее сдвинуть съ мѣста основы ислама, разрѣшилось самымъ суровымъ преслѣдованіемъ.

Мы здѣсь не будемъ повторять того, что было подробно разсмотрѣно въ части, посвященной Корану, и ограничимся лишь нѣсколькими словами. Тогда какъ ортодоксальные мусульмане смотрѣли на Коранъ, какъ на вѣчную, несотворенную книгу, мутазелиты видѣли въ немъ человѣческое твореніе, то тѣмъ не менѣе относились къ нему съ величайшимъ почтеніемъ; кромѣ того, самъ Коранъ являлся въ ихъ рукахъ могучимъ орудіемъ противъ ортодоксалистовъ. Ортодоксалисты считали мутазелитовъ еретиками за ихъ взглядъ на Коранъ; для мутазелитовъ же признаніе Корана вѣчнымъ равнялось признанію второго божества наравнѣ съ Богомъ. Таково было взаимоотношеніе партій, которыя съ одинаковой легкостью называли другъ друга богохульниками. Первымъ выступилъ съ ученіемъ о сотвореніи Корана Ма-

[1]) Loc. cit. Galland. Mo'tazélites. p. 66.

здаръ. Доказательства, приводимыя противъ вѣчности Корана, заключались въ слѣдующемъ:

1) онъ написанъ по-арабски, спустился, читается, слушается. Онъ раздѣленъ на части, и нѣкоторые стихи отмѣнены другими.

2) событія описаны въ немъ въ прошедшемъ времени: если бы онъ былъ вѣченъ, то было бы употреблено будущее время.

3) онъ содержитъ приказанія и запрещенія. если онъ вѣченъ, то къ кому же были обращены эти приказанія и убѣжденія?

4) если онъ существовалъ отъ вѣчности, то онъ долженъ существовать и до вѣчности, и въ такомъ случаѣ въ будущей жизни обязательно исполнять его предписанія и внѣшніе обряды религіи.

5) если Коранъ вѣченъ, то въ такомъ случаѣ оказывается два вѣчныхъ, т. е. Богъ и Коранъ.

6) одно изъ доказательствъ ортодоксалистовъ заключается въ томъ, что люди не могутъ произвести ничего подобнаго,—напротивъ, люди могутъ произвести книгу, равную этой по краснорѣчію и изяществу стиля. [1])

Другіе представители школы пытались выступить въ качествѣ примирителей и высказали мнѣніе, что существуютъ два Корана: одинъ вѣчный — Слово Бога, и другой сотворенный— книга Мухаммеда. Впослѣдствіи почти такое же мнѣніе высказалъ Газали. Бухари также охотно готовъ былъ признать это.

Доктрина мутазелитовъ нанесла Корану сильный ударъ,— въ 211 г. халифъ Аль-Мамунъ объявилъ ученіе мутазелитовъ официіальной религіей, и изданнымъ въ слѣдующемъ году эдиктомъ онъ всѣмъ и каждому приказалъ признавать сотвореніе Корана. Началось преслѣдованіе тѣхъ, кто не хотѣлъ примкнуть къ этому ученію. Въ Багдадѣ былъ учрежденъ инквизиціонный трибуналъ, передъ которымъ появился между прочимъ и Ибнъ-Ханбалъ съ нѣкоторыми другими. Такъ какъ онъ упорствовалъ въ ереси православія, то и былъ осужденъ на смерть. но случившаяся въ это время смерть Аль-Мамуна спасла ему жизнь. Халифъ же Мутаваккиль уничтожилъ ересь и вновь возвѣстилъ всѣмъ вѣрующимъ, что Коранъ вѣченъ.

Нападки мутазелитовъ на Коранъ не ограничивались только его происхожденіемъ, онѣ коснулись и того, что онъ содержалъ въ себѣ, т. е самаго ученія. Такъ, напримѣръ, ортодоксальная доктрина говоритъ о мученіяхъ могилы. объ ужасномъ допросѣ Мункара и Накира, и мутазелиты отрицаютъ это. Ортодоксалисты считаютъ, что душа живетъ съ тѣломъ до дня по-

---

[1]) E Sell. The faith of islam. p. 212.

слѣдняго суда,—мутазелиты говорятъ, что лишь душа живетъ послѣ смерти, а тѣла будутъ воскрешены лишь для страшнаго суда. Равнымъ образомъ, въ вѣсахъ, которые будутъ фигурировать на страшномъ судѣ, мутазелиты видятъ только аллегорію. Не болѣе, чѣмъ аллегорія, для нихъ и мостъ Сыратъ, Арафъ и Кавсаръ

Что касается рая, то первые мутазелиты понимали его въ положительномъ смыслѣ, но слѣдующіе видѣли въ немъ уже аллегорію, и это послѣднее мнѣніе сдѣлалось господствующимъ мнѣніемъ секты

Ортодоксальное ученіе говоритъ, что люди увидятъ Бога въ день суда,—мутазелиты же не имѣли на этотъ счетъ согласнаго мнѣнія, и съ ихъ взглядами на этотъ предметъ мы познакомимся дальше.

Относительно мученій ада. ортодоксальная доктрина говоритъ, что вѣрующій, какъ бы грѣшенъ онъ ни былъ, не останется въ аду вѣчно: мутазелиты же считали, въ громадномъ большинствѣ, что нераскаявшійся грѣшникъ подвергнется вѣчнымъ мученіямъ. Часть мутазелитовъ приняла ученіе Василя относительно «смѣшаннаго состоянія», часть не раздѣлила этого мнѣнія.

Вопросъ мірозданія также былъ подвергнутъ обсужденію. Мутазелиты отвергали ортодоксальную теорію творенія міра, что сохраненіе его есть продолжающееся твореніе, происходящее не въ силу особыхъ, въ матерію заложенныхъ, законовъ, а исключительно по волѣ Бога Мутазелиты не вѣрили въ этотъ лишенный основанія произволъ и говорили, что всякая вещь получаетъ добро отъ Божества, но лишь не въ равной мѣрѣ.

Такъ какъ Коранъ является одновременно и нравственнымъ кодексомъ, то неизбѣжно и нравственные вопросы были затронуты. Для ортодоксалистовъ Коранъ есть путеводитель во всей жизни. и лишь онъ даетъ имъ возможность различить добро и зло; мутазелиты говорятъ, что для этого различенія можно вполнѣ обойтись и безъ Корана. не прибѣгая къ помощи откровенія, человѣкъ способенъ прійти къ познанію Бога при помощи своего разума. Въ человѣкѣ заложенъ естественный законъ, который указываетъ ему на его обязанности и заставляетъ его выполнять ихъ, подъ угрозой наказанія за невыполненіе. Этотъ законъ велитъ обращаться человѣку къ добру, истинѣ и справедливости, и избѣгать зла и лжи. Ложь дурна, но, если она является вынужденной, то за нее нельзя порицать

Между прочимъ, въ правленіе аль-Мамуна мутазелиты выступили съ проповѣдью моногами, что, яко бы, ясно указывалось изъ развитія кораническихъ принциповъ. Однако эта доктрина была по душѣ не особенно многимъ, и она не нашла се-

бѣ широкаго распространенія. Нѣкоторые искренніе мутазелиты были приверженцами моногаміи.. Разводъ они признавали лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и то предпочтительно по судебному рѣшенію. [1])

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ сектамъ мутазелитовъ.

Наззамиты Ибрагимъ бинъ-Сайяръ ан-Наззамъ былъ однимъ изъ видныхъ мутазелитовъ и главою школы, принявшей его имя. Онъ былъ первымъ, кто внесъ въ «науку слова» идеи греческой философіи, пользуясь ими какъ доводами при рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ Такъ какъ основнымъ качествомъ Бога является справедливость, то Онъ не можетъ быть авторомъ зла, и вѣрить въ противное значило бы отрицать Его божественную природу. Наконецъ, онъ прямо провозгласилъ, что у Бога нѣтъ власти для совершенія зла. «Невозможно представить себѣ что-нибудь болѣе высокое, чѣмъ божественные планы Если бы могло существовать что нибудь болѣе прекрасное и болѣе совершенное, чѣмъ сотворенное Имъ, Онъ сотворилъ бы это. Въ будущей жизни Богъ не можетъ ни уменьшить, ни увеличить награду тѣхъ, которые отправятся въ рай, и наказаніе тѣхъ, которые отправятся въ адъ» Ортодоксалисты возражали на это, обвиняя Наззама въ томъ, что онъ изъ Бога сдѣлалъ существо, подчиненное принужденію, тогда какъ «Его дѣйствія были просто опредѣлены. Лишь тотъ могущественъ, кто имѣетъ выборъ между дѣйствіемъ и опущеніемъ его». Наззамъ отвѣчалъ на это. «если я допускаю опредѣленіе въ могуществѣ, вы также должны признать его въ дѣйствіи. потому что, говоря, что Богъ въ принципѣ имѣетъ выборъ между существованіемъ и не-существованіемъ хорошей вещи, вы утверждаете, что фактически Онъ выбираетъ ея существованіе» [2]).

Наззамъ отказывался признать волю особымъ аттрибутомъ Бога, такъ какъ «признаніе за Богомъ воли было бы признаніемъ того, что Онъ долженъ ею пользоваться. А тогда естественно явилось бы стремленіе приписать Ему всѣ проявленія, добрыя и дурныя. Это значило бы дѣлать Его рабомъ своей воли».

Отрицая вмѣстѣ съ прочими мутазелитами божественное происхожденіе Корана, Наззамъ высказывалъ, что эта книга до извѣстной степени является чудомъ, такъ какъ послѣ появленія Мухаммеда никто не могъ уже произвести что-нибудь равное по стилю; но, прибавлялъ онъ, это отнюдь не значитъ, что такой возможности не можетъ представиться въ будущемъ.

Когда поднялся вопросъ объ участи людей, въ будущей

---

[1]) Ameer Ali. The spirit of islam. pp. 190, 192, 204.

[2]) Galland Motazélites p. 58.

жизни, Наззамъ высказалъ мысль, что, такъ какъ Богъ справедливъ, то Онъ и дастъ ту награду или то наказаніе, какія заслужилъ человѣкъ,—ни больше, ни меньше. Интересна была его теорія сотворенія міра. «Онъ допускалъ сотвореніе міра тѣмъ именно образомъ, какъ это указано въ Коранѣ, но Богъ, говоритъ онъ, сотворилъ вещи сразу: минералы, животныхъ, растенія и человѣка. Но всѣ вещи не проявились съ самаго начала, такъ какъ часть ихъ Богъ скрылъ.. Такимъ образомъ, неправильно утверждать, что сотвореніе перваго человѣка предшествовало сотворенію его дѣтей. Всѣ они были въ Адамѣ, но они лишь послѣдовательно, поколѣніями, появляются на свѣтъ. Никакое новое твореніе невозможно»[1])

По ученію Наззама, воля человѣка лежитъ внѣ матеріи, чѣмъ онъ и отличается отъ неодушевленныхъ предметовъ Онъ можетъ поднять камень и отбросить его отъ себя,—эта сила исходитъ отъ человѣка, это есть проявленіе его воли; но камень неизбѣжно упадетъ на землю вслѣдствіе присущей матеріи силы, которую она получила отъ Создателя.. Тѣло есть лишь внѣшняя форма духа и души, которые одни составляютъ истинную природу человѣку. Тѣло просто на просто является инструментомъ души, ея работникомъ. Тѣло и душа суть одна и та же вещь.. «На подобіе атомистовъ, Наззамъ считаетъ душу тѣлесной Она то же для тѣла, говоритъ онъ, что для розы ея ароматъ, для молока—масло и т. п Душѣ именно принадлежатъ аттрибуты знанія, мудрости, жизни, силы, воли» Онъ допускаетъ безконечную дѣлимость тѣлъ. Вкусъ, цвѣтъ, запахъ, по его мнѣнію, также являются тѣлами. «Всѣ дѣйствія человѣка--какъ матеріальныя, такъ и духовныя, сводятся къ измѣненіямъ. Такъ, напримѣръ, покой у человѣка есть движеніе остановки, знанія и акты воли — движенія души. Подъ движеніемъ не должно подразумѣвать перемѣщеніе, но лишь измѣненіе состоянія»[2]).

Заложенный въ человѣкѣ естественный законъ служитъ ему руководителемъ въ жизни: направляетъ его къ добру и удерживаетъ отъ зла; передатчиками этого закона являются чувства и разумъ

Нельзя обойти молчаніемъ его взгляда на кражу. онъ считалъ кражу предосудительнымъ поступкомъ и заслуживающимъ наказанія лишь въ томъ случаѣ, если предметомъ кражи была сумма не менѣе 200 дирахмъ, а кража, напримѣръ, 199 драхмъ не считалась безнравственной! Эта идея совершенно не вяжется съ общимъ духомъ его ученія, и нѣтъ никакой возможности

---

[1]) Idem. p. 93

[2]) Galland. Mo'tazélites p. 95.

объяснить ее какъ-нибудь разумно, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не объ отвѣтственности, а именно о нравственности поступка.

Въ числѣ учениковъ Наззама слѣдуетъ отмѣтить слѣдующихъ.

Аль-Каби (ум. 317 или 319 г.), одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ комментаторовъ Корана, совершенно раздѣлялъ мнѣніе своего учителя относительно божественной воли Онъ не только отрицалъ возможность видѣть въ будущей жизни Бога тѣлесными очами, но не допускалъ даже духовнаго видѣнія.

Аль-Асвари нѣсколько развилъ теорію своего учителя. «Богъ, говорилъ онъ, не можетъ создать того, что Онъ объявилъ несуществующимъ, и относительно чего Онъ знаетъ, что этого нѣтъ. Но не такъ для человѣка, который имѣетъ возможность дѣйствовать. Онъ можетъ колебаться между двумя предметами, но онъ въ состояніи рѣшиться одинаково какъ на тотъ, такъ и на другой» [1]).

Абу Джафаръ аль-Искафи говорилъ, что Богъ не можетъ причинить зла тѣмъ, кого Онъ снабдилъ разумомъ, такъ какъ разумъ есть созданіе Творца. Но иначе происходитъ съ тѣми, кто лишенъ разума, какъ дѣти или безумные.

Джафаръ бинъ-Мубаширъ возсталъ противъ ученія своего учителя о дозволенной кражѣ: кража хотя бы одного хлѣбнаго зерна, говорилъ онъ, дѣлаетъ ея автора нечестивцемъ; искать въ Коранѣ все, что запрещено и позволено, напрасный трудъ, такъ какъ тамъ нельзя найти отвѣта на это, запрещеніе употреблять спиртные напитки не можетъ быть основываемо на Коранѣ.

Бишриты. Бишръ аль-Мутамиръ, подобно Абу Джафару аль-Искафи, считалъ, что Богъ не можетъ причинить зла людямъ, одареннымъ разумомъ. «По его мнѣнію, если человѣкъ не дѣйствуетъ въ полномъ разумѣ и съ полнымъ сознаніемъ дѣла, онъ не отвѣтственъ за свои акты. Такимъ образомъ, Богъ не можетъ наказать малолѣтняго ребенка, не обладающаго разумомъ, не совершая этимъ вопіющей несправедливости» [2]).

Его ученіе расходилось съ Наззамомъ въ томъ отношеніи, что, по его мнѣнію, Богъ не всегда является обязаннымъ дѣлать то, что есть лучшее. Такимъ образомъ, всегда возможно предполагать міръ, лучшій существующаго. Богъ лишь былъ обязанъ дать человѣку свободную волю, и болѣе ничего. Это Онъ и сдѣлалъ. Упрекъ Бога въ томъ, что всѣхъ людей Онъ не сдѣлалъ вѣрующими, есть хула, такъ какъ Онъ нисколько не былъ обязанъ дѣлать этого

Онъ считаетъ также, что, если человѣкъ, совершившій смерт-

---

[1]) Galland Mo'tazélites p 59

[2]) Idem. 59.

ный грѣхъ, раскаявается и потомъ опять впадаетъ въ него, то Богъ подвергнетъ его наказанію которое онъ заслужилъ за первый грѣхъ... Вслѣдствіе свободной воли человѣкъ принимаетъ откровеніе или отказывается отъ него. Онъ имѣетъ полный выборъ въ этомъ отношеніи, и Богъ не можетъ принудить его къ чему бы то ни было. Богъ предоставляетъ человѣку это откровеніе устами пророковъ; отъ человѣка зависитъ дѣйствовать какъ ему заблагоразсудится. Вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ является отвѣтственнымъ за свои поступки только въ томъ случаѣ, когда онъ дѣйствовалъ въ состояніи совершеннаго здоровья и полной свободы; слѣдовательно, нѣтъ отвѣтственности для больного или раба.

Онъ также выдвинулъ впередъ вопросъ о границахъ между волею человѣка и самопроизвольностью акта: человѣкъ бросаетъ камень; и камень летитъ дальше, чѣмъ того хотѣлъ человѣкъ. Можно ли обвинять въ убійствѣ человѣка, который хотѣлъ лишь ранить, но когда послѣдствіемъ плохо разсчитаннаго удара была смерть?

Худайлиты. Абу Худайль аль-Аллафъ аль Басри, также основавшій школу, отличался особенно тонкимъ умѣньемъ передавать идеи греческой философіи. «Для него всякій аттрибутъ Бога является въ то же время и Его сущностью. Богъ всевѣдущъ въ силу знанія, но знаніе вмѣстѣ съ тѣмъ есть Его сущность. Онъ всемогущъ въ силу своего всемогущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ всемогущество является Его сущностью, и т. д. для всѣхъ аттрибутовъ. Божественная сущность едина, и аттрибуты суть лишь отношенія, способы, подъ которыми она проявляется. Однимъ словомъ, они—лишь выраженіе того, что содержится въ понятіи сущности. Это было признаніе сущности аттрибутами и аттрибутовъ—сущностью. Слѣдовательно, не должно разсматривать божественные аттрибуты, какъ идеи, сопряженныя съ божественной сущностью... Божественная воля, въ его опредѣленіи, есть способъ знанія. Богъ хочетъ того, что Онъ знаетъ за хорошее...» [2])

За свою теорію свободной воли Абу Худайль получилъ прозвище «джабарита того свѣта», такъ какъ онъ допускалъ, что въ этомъ мірѣ человѣкъ совершенно свободенъ, но въ будущей жизни эта свобода прекращается. Все приходитъ къ этому въ силу неизбѣжнаго непреложнаго закона.

Что касается загробной жизни, то онъ считалъ, что въ будущемъ и рай и адъ должны быть уничтожены, а поэтому о вѣч-

---

[1]) Galland. Mo'tazèlites p. 63.
[2]) Idem. p. 62.

ныхъ мученіяхъ грѣшниковъ и не можетъ быть никакой рѣчи. Жертвы за умершихъ, по его мнѣнію, безполезны, такъ какъ со смертью прекратилось всякое движеніе (т. е. возможность проявлять свободную волю), и насталъ абсолютный покой, т. е. что человѣкъ уже не имѣетъ власти измѣнить что-либо, и Богъ даетъ ему то, что онъ заслужилъ.

Онъ отрицалъ необходимость Откровенія, такъ какъ Откровеніе имѣетъ своей цѣлью заставить человѣка познать истиннаго Бога, а человѣкъ до познанія Бога можетъ дойти собственными силами: для этого ему достаточно собственнаго разума У человѣка есть сознаніе, что онъ долженъ исполнять извѣстныя вещи, и что неисполненіе ихъ должно вести за собою наказаніе, какъ возстановитель нарушеннаго нравственнаго равновѣсія.

Маздариты. Черезъ нѣкоторое время послѣ образованія секты мутазелитовъ первоначальная идея мало по малу измѣнилась, и Абу Муса бинъ-Сахибъ аль-Маздаръ, въ противоположность Василю и Наззаму, сталъ утверждать, что «Богъ имѣетъ власть творить зло, и что Онъ способенъ на несправедливость и ложь, не переставая быть Богомъ. Тѣ, кто увѣряютъ, что нѣтъ бога кромѣ Бога, суть невѣрные, достойные ада» [1]) Это было уже немного слишкомъ, и его насмѣшливо спрашивали, не для него ли одного Богъ сотворилъ рай. Но онъ на это не далъ отвѣта.

Онъ называетъ невѣрными тѣхъ, кто говоритъ, что люди за гробомъ увидятъ Бога.

Джубаиты Абу Али Мухаммедъ ибнъ-Абдуль Ваххабъ аль Джуббаи, отрицая аттрибуты, какъ о нихъ учатъ ортодоксалисты, допускалъ въ Богѣ извѣстныя состоянія, которыя могутъ быть познаны совокупно съ божественной сущностью.

Онъ отрицалъ возможность видѣть Бога тѣлесными глазами, такъ какъ Онъ не есть тѣло и не имѣетъ формы.

По его мнѣнію, не раскаявшійся въ грѣхѣ вѣрующій, долженъ подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ въ аду Вѣру въ чудесную силу святыхъ онъ объявилъ въ высшей степени безнравственной.

Хашимиты. Сынъ Джуббаи, Абу Хашимъ также стоялъ во главѣ школы. Его ученіе отличалось тѣмъ, что онъ признавалъ аттрибуты, которые, по его мнѣнію, не были ни божественной сущностью, ни чѣмъ либо, лежащимъ внѣ этой божественной сущности: это—условія или акты, которые познаютъ лишь съ

---

[1]) Galland. Mo'tazèlites p 62.

сущностью, опредѣленіемъ которой они служатъ, но которые, взятые сами по себѣ, не являются ни существующими, ни несуществующими, и про которые нельзя сказать, что ихъ знаютъ, или что ихъ не знаютъ» [1]).

Подобно отцу и другимъ, онъ отрицалъ возможность видѣть Бога тѣлесными глазами.

Онъ не считалъ дѣйствительнымъ раскаяніе въ одномъ грѣхѣ, если продолжали совершать другой, т. е. что исправленіе должно быть абсолютнымъ. Кромѣ того, раскаяніе должно послѣдовать въ то время, когда еще имѣется возможность совершить грѣхъ или преступленіе. раскаяніе пойманнаго уже вора безполезно.

Хашимиты не допускали, что Богъ сотворилъ невѣрнаго, такъ какъ, говорили они. невѣрный состоитъ изъ человѣка и невѣрія, но Богъ не могъ сотворить невѣрія.

Джахидиты. Однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ учениковъ Наззама былъ Амръ-ибнъ-Бакръ аль-Джахизъ. Онъ училъ, что для того, чтобы по праву занять въ ряду вѣрующихъ мѣсто, достаточно вѣрить, что Богъ есть Богъ, и Мухаммедъ Его Пророкъ, и кромѣ этого нѣтъ никакихъ обязательствъ. Черезъ много столѣтій эта доктрина во всей своей суровой простотѣ была воскрешена вагабитами.

Подобно Худайлю, онъ не признавалъ въ Богѣ аттрибута воли и отрицалъ возможность видѣть Его тѣлесными глазами.

Онъ отрицалъ вѣчныя мученія для кого бы то ни было.

Единственнымъ міровымъ двигателемъ онъ признавалъ законъ необходимости. Всѣ акты человѣка являются слѣдствіемъ этого закона, и вся его свобода сводится лишь къ сознанію своихъ дѣйствій; воля есть лишь способъ знанія.

Кромѣ сущности онъ не признавалъ другой дѣйствительности.

Хайятиты, или послѣдователи Ахмада ибнъ-Ханта, который въ сущности принадлежалъ къ наззамитамъ, но только значительно приправилъ ихъ ученіе идеями греческой философіи. Особенностью его ученія является то, что онъ признавалъ Христа вѣчнымъ воплощеннымъ Словомъ, и говорилъ, что Христосъ будетъ судить людей въ день страшнаго суда; что существуетъ два Бога,—одинъ вѣчный, Создатель, и другой не-вѣчный—Христосъ. Въ этомъ отношеніи онъ приближался къ ереси Арія. Такимъ образомъ, это ученіе является единственной мусульманской сектой, которая признаетъ божественность Христа.

---

[1]) Galland. Mo'tazélites. p. 64

Ибнъ Хаитъ признавалъ родъ переселенія душъ. По его мнѣнію, въ другомъ мірѣ Богъ можетъ быть видимъ лишь духовнымъ взоромъ, да и то люди увидятъ не самого Бога, а лишь Міровой Разумъ, который можно будетъ наблюдать глазами сердца.

Совершенно того же ученія придерживался и Фазль-аль-Худаби.

Томаниты. Томама бинъ аль-Ашрасъ считалъ, что мученія грѣшниковъ въ аду будутъ вѣчными Евреи и христіане въ день суда будутъ уничтожены вмѣстѣ съ животными, поэтому для нихъ не приходится искать мѣста ни въ раю, ни въ аду.

Онъ считалъ такъ. что твореніе является лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ божественной природы, и, слѣдовательно, міръ вѣченъ, какъ Богъ.

Муаммаръ бинъ-Аббадъ приписывалъ твореніе акту божественной воли, но говорилъ, что Богъ сотворилъ лишь тѣла. а событія, не являются дѣломъ Творца. «Событія производятся тѣлами: или естественнымъ путемъ, какъ солнце, производящее свѣтъ, или огонь—обжогъ и теплоту, или съ участіемъ воли, какъ всѣ одушевленныя существа, производящія дѣйствія всякаго рода Формы всего существующаго, вслѣдствіе присущей имъ силы, постепенно выходили изъ міровой матеріи, творенія Создателя» [1])

Онъ отрицалъ личнаго Бога и отрицалъ въ Богѣ всѣ атрибуты, даже знаніе.

Ибнъ-Абдуль-Куддусъ ас-Салихи считалъ, что мертвые сохраняютъ за могилой свои чувства, и, слѣдовательно, будутъ наблюдать Бога тѣлесными очами

Хишамъ бинъ-Амръ аль-Гути считалъ, что всякіе разговоры о будущей жизни по меньшей мѣрѣ безполезны, такъ какъ никто не можетъ сказать ничего опредѣленнаго относительно существованія рая и ада.

Какъ выше уже было сказано, одно время ученіе мутазелитовъ пользовалось настолько большимъ вліяніемъ, что сдѣлалось оффиціальной религіей мусульманскаго государства: не быть мутазелитомъ значило не быть мусульманиномъ.

Мутазелиты торжествовали, но торжество ихъ было непродолжительно. Ортодоксалисты поняли, что философія, которую они первоначально предали анаѳемѣ, сама по себѣ не только не вредна, но, наоборотъ, является могущественнымъ орудіемъ въ

---

[1]) Galland Mo'tazélites p. 96.

умѣлыхъ рукахъ, и они стали прибѣгать къ той же діалектикѣ, что и мутазелиты. Силы сразу уравнялись, отчасти благодаря тому, что это произошло во время халифата Мутаваккиля, который отказался отъ мутазелитской ереси и вновь провозгласилъ ученіе о вѣчности Корана. Вскорѣ началось правильное преслѣдованіе мутазелитовъ, и многіе изъ нихъ были казнены. Правленіе Мутаваккиля было настоящей чисткой вѣры: уничтожая еретиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подвергали всякимъ стѣсненіямъ евреевъ и христіанъ.

Можетъ быть, идеи все же оказались бы сильнѣе преслѣдованія, если бы сектѣ не былъ нанесенъ тяжелый ударъ, нанесенъ человѣкомъ, на котораго гонимая секта возлагала всѣ свои надежды. Это былъ Абуль Хасанъ Али бинъ-Исмаилъ аль-Ашари, ученикъ аль-Джуббаи.

Про обращеніе его разсказываютъ такъ. Однажды онъ предложилъ своему учителю разрѣшить судьбу трехъ братьевъ, представшихъ предъ Богомъ по окончаніи земной жизни.

«Одинъ изъ нихъ жилъ въ повиновеніи, должномъ по отношенію къ Богу; другой въ вѣчномъ возмущеніи противъ Его приказаній, и третій умеръ въ возрастѣ ранняго дѣтства.

— Первый, отвѣтилъ Джуббаи, будетъ вознагражденъ на небѣ, второй наказанъ адомъ, и третій не будетъ ни вознагражденъ, ни наказанъ.

«Но, возразилъ Ашари, — не могъ ли бы третій сказать: «о, Господи! Если ты позволилъ бы мнѣ жить дольше, то вмѣстѣ съ моимъ братомъ я могъ бы войти въ Твое благословенное жилище, и былъ бы тамъ счастливъ?».

«Джуббаи возразилъ, что Богъ отвѣтилъ бы на это: «Я зналъ, что, если бы твоя жизнь продолжалась, ты сдѣлался бы злымъ, слѣдовательно, достойнымъ ада»

«Въ такомъ случаѣ, настаивалъ Ашари, второй скажетъ: «Господи! почему ты не взялъ мою жизнь въ дѣтствѣ, какъ у моего брата? Я не заслужилъ бы тогда наказанія за свои грѣхи и не былъ бы ввергнутъ въ вѣчное пламя».

«Джуббаи, видя, что его ученикъ загналъ его въ уголъ, сказалъ ему: «твои разсужденія, это—искушеніе сатаны».

«Нисколько, отвѣтилъ Ашари, — но оселъ ученаго остановился по срединѣ моста, и я считаю нашъ споръ оконченнымъ» [1]).

Съ этими словами онъ разстался со своимъ учителемъ и съ этого времени все больше и больше сталъ отдаляться отъ ученія мутазелитовъ.

«Въ одну изъ пятницъ, когда онъ находился въ одной изъ мечетей Бассоры, окруженный своими учениками, онъ вдругъ

---

[1]) Galland. Mo'tazélites p 121.

вскричалъ: «всѣ, которые меня знаютъ, знаютъ, кто я такой; тѣмъ же, которые не знаютъ этого, я скажу, что я—аль-Ашари; раньше я училъ, что Коранъ былъ созданъ. что не существуетъ аттрибутовъ Бога, что наши глаза не увидятъ Бога, и что вслѣдствіе свободной воли мы совершаемъ дурныя дѣйствія. Но теперь я вернулся къ истинѣ. Я отрекаюсь отъ своихъ ошибокъ и обязуюсь опровергнуть мутазелитовъ и выставить ихъ на позоръ всѣмъ.. И при упоминаніи каждой доктрины, которую онъ исповѣдывалъ раньше, онъ срывалъ съ себя какую-нибудь часть одежды, говоря. «я отбрасываю эту вѣру, какъ отбрасываю эту одежду»! Сначала полетѣлъ тюрбанъ, потомъ плащъ и т. д. Это произвело необычайный эффектъ среди впечатлительныхъ слушателей. и слава аль-Ашари быстро распространилась среди народа, признаннымъ вождемъ котораго онъ вскорѣ и сдѣлался [1]).

Съ этихъ поръ всѣ свои знанія Аль-Ашари отдалъ на служеніе своимъ прежнимъ противникамъ—ортодоксалистамъ, и для мутазелитовъ не было болѣе страшнаго врага, такъ какъ ему прекрасно были извѣстны всѣ слабыя стороны ихъ ученія Аль-Ашари не былъ строгимъ ортодоксалистомъ, и ригористы ислама считали его еретикомъ; тѣмъ не менѣе пришлось на многое закрыть глаза отчасти за оказанную имъ правовѣрію услугу, а отчасти изъ опасенія, что результатомъ борьбы или даже полемики съ нимъ могъ явиться новый расколъ Такимъ образомъ ортодоксальный исламъ одержалъ громадную нравственную побѣду; это не прекратило однако религіозныхъ преслѣдованій, которыя отличались особенной жестокостью въ правленіе халифа аль-Кадыра

Послѣ нанесеннаго ей удара секта не могла уже оправиться и вернуть себѣ прежнюю силу, она лишь поддерживала существованіе, пока не нашла новаго и на этотъ разъ уже послѣдняго врага въ лицѣ аль-Газали

Своими выступленіями Ашари безспорно оказалъ услугу ортодоксальному исламу, но можно очень и очень спорить относительно того, не была ли бы эта услуга еще больше, если бы онъ ограничился примиреніемъ идей мутазелитовъ съ идеями ортодоксалистовъ Нѣкоторые представители секты совершили грубыя ошибки, впали въ неоправдываемыя ереси, сошли съ того пути, который былъ первоначально намѣченъ; все это такъ, но это не можетъ уничтожить тѣхъ идей, которыя были провозглашены лучшими людьми секты.

Секта исчезла, но она не пропала безслѣдно: она заставила

---

[1]) Galland. Mo'tazélites. p. 121. Ameer Ali. The spirit of islam. p. 429.

оторваться отъ слѣпого преклоненія передъ буквой Корана, она пыталась сдѣлать доктрины ислама понятными для разума. Пыталась, говоримъ мы, потому что она не достигла этого, и это пунктъ, въ которомъ по справедливости можно упрекнуть мутазелитовъ,— они слишкомъ увлеклись академическими разсужденіями, провозглашаемыя ими идеи были не всегда доступны для массы, а это, при ихъ новизнѣ, было обязательнымъ условіемъ успѣшности ихъ распространенія. То же, что было понятно для массы, было объявлено ересью А между тѣмъ, говоритъ Амиръ Али, «является хорошо извѣстнымъ фактомъ, что главные ученые мутазелитской школы получили свое образованіе при фатимидахъ, и едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что умѣренные мутазелиты были выразителями взглядовъ Али и наиболѣе либеральныхъ изъ имамовъ его линіи, а вѣроятно и самого Мухаммеда. Тщательное сравненіе мутазелитскихъ доктринъ покажетъ, что онѣ или слово въ слово явились повтореніемъ мыслей раннихъ фатимидовъ, или же были измѣненіями этихъ доктринъ, вызванными требованіями развивающагося общества и отчасти, можетъ быть, изученіемъ греческой и александрійской философіи»[1]) Къ этому отзыву слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ Амиръ Али самъ называетъ себя мутазелитомъ. Мюръ же называетъ мутазелитское движеніе «извращеніемъ ислама» и говорилъ, что «если бы Пророкъ опять вернулся на зе́млю, онъ едва ли бы узналъ свою религію»[2]).

Что касается связи мутазелитовъ съ фатимидами, мы укажемъ на это въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) Ameer Ali The spirit of islam p 204.
[2]) W. Muir. Annals of the early Chalıphate p 451.

МИСТИЦИЗМЪ и СУФИЗМЪ.

Суфизмъ (или тасаввуфъ) лежитъ въ основѣ ученія почти всѣхъ дервишескихъ орденовъ ислама, поэтому съ нимъ необходимо познакомиться до перехода къ обозрѣнію монашествующаго ислама.

Насколько документальныя данныя позволяютъ проникнуть въ глубину вѣковъ, суфизмъ немногимъ моложе религіи Мухаммеда, и происхожденіе его относится уже къ первому вѣку геджры. И, можетъ быть, было бы даже правильнѣе сказать, что въ это время мистическія идеи, существовавшія со временъ глубочайшей древности, впервые были перенесены на почву исламизма.

Чѣмъ было вызвано его появленіе? Можетъ быть, онъ явился «реакціей тяжести суроваго закона и утомительныхъ обрядностей, смутнымъ протестомъ человѣческой души, тоскующей по болѣе чистой вѣрѣ» [1]) Будучи первоначально чистымъ мистицизмомъ, можетъ быть, это ученіе или это духовное стремленіе было вліяніемъ христіанскаго общенія и служило для уравновѣшенія крайнихъ доктринъ фатализма, выводимыхъ изъ Корана? Но постепенно оно выродилось въ грубый пантеизмъ [2]). Этотъ пантеизмъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развитія ученія въ томъ направленіи, которое ему было дано, и суфи объявляютъ, что, если допускать единство Бога, то твореніе является частью Его [3]).

Аль-Кашайри такъ говоритъ о различныхъ суфи [4]).

«Знай, что послѣ смерти Апостола Бога наиболѣе славные изъ мусульманъ не имѣли никакого отличительнаго имени, за исключеніемъ указывающаго на ихъ сопутствіе Апостолу; поэтому они назывались «Спутниками» И когда люди второго періода пришли въ соприкосновеніе съ ними, тѣ изъ нихъ, которые

---

[1]) E. Sell The faith of islam p 122.

[2]) C R. Haines. Islam as a missionary religion p. 75. S. Guyard La civilisation musulmane p. 44.

[3]) D. B. Macdonald Muslim theology. p. 178.

[4]) E. Browne. Litterary History of Persia v. I pp. 297, 298.

имѣли общеніе со Спутниками, получили названіе «Послѣдователей», что они считали самымъ славнымъ титуломъ. Затѣмъ слѣдующіе за ними были названы «Послѣдователями Послѣдователей». Послѣ этого люди раздѣлились, получились отличныя одна отъ другой степени, и избранники человѣческаго рода, которые усиленно занимались религіозными вопросами, стали зваться «аскетами» и «благочестивыми». Тогда появились ереси, послѣдовали споры между различными сектами, изъ которыхъ каждая заявляла, что имѣетъ аскетовъ, и избранники народа Преданія (т. е. сунниты), сердца которыхъ уповали на Господа, и которые охраняли ихъ отъ несчастій нерадивости, сдѣлались извѣстны подъ именемъ «суфи», и это имя стало вообще примѣняться къ этимъ великимъ людямъ немного ранѣе конца второго вѣка геджры».

Изъ этихъ словъ видно, что первоначально имя суфи давалось вообще благочестивымъ людямъ, и къ этому опредѣленію подходитъ опредѣленіе суфи Дзунъ-Нуна, который сказалъ: «суфи, это—люди, которые предпочли Бога всему, и за это Богъ предпочелъ ихъ всему» [1]).

Относительно происхожденія суфи, объединившихся потомъ въ общей доктринѣ пантеизма, существуетъ нѣсколько теорій; Браунъ приводитъ объясненіе каждой изъ нихъ. [2]). Приблизительно онѣ могутъ быть резюмированы такъ:

1) Мнѣніе умѣренныхъ суфи и богослововъ съ философскимъ мышленіемъ, какъ Газали, было, что суфизмъ является тайнымъ ученіемъ самого Пророка.

2) Вторая теорія разсматриваетъ суфизмъ, какъ реакцію арійскаго ума противъ насильно навязанной ему семитической религіи Однако суфизмъ не можетъ разсматриваться, какъ національное движеніе, такъ какъ не мало суфи было и среди арабовъ, и именно среди арабовъ и были первые суфи. Если ученіе развилось особенно въ Персіи, оно обязано этимъ, можетъ быть, дѣйствительно особенностямъ арійскаго ума, который и на исламъ, хотя бы самый ортодоксальный, положилъ нѣкоторую печать, на что намъ выше приходилось уже неоднократно обращать вниманіе.

3) Третья теорія приписываетъ происхожденіе суфизма вліянію нео-платонической философіи Здѣсь также слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что общность идей дѣйствительно велика, но нѣкоторые ученые ставятъ вопросъ, что не нео-платоники ли, напротивъ, заимствовали первоначально нѣкоторыя идеи Востока, а потомъ вернули ихъ обратно?

---

[1]) F. Halland Davis. The Persian Mystics p. 20.

[2]) E Browne Litterary History of Persia. v. I. pp. 418-421.

4) Четвертая теорія есть теорія независимаго происхожденія. Если это послѣднее мнѣніе основательно, то суфизмъ является самороднымъ движеніемъ, и, въ такомъ случаѣ, существованіе суфизма наряду съ нео-платонической философіей можетъ быть объяснено не позаимствованіемъ, а параллельностью мысли,—это любопытный фактъ, но въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго

Но, каково бы ни было истинное происхожденіе суфизма, онъ не можетъ разсматриваться, какъ секта, какъ система, какъ законченное ученіе: суфи отрицаютъ общепринятыя религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ суфи были среди лицъ, исповѣдавшихъ различныя религіи, принадлежавшихъ къ различнымъ сектамъ Суфизмъ есть способъ практиковать религію, и этотъ способъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы стать выше тѣхъ ограниченій, которыя религія накладываетъ на человѣка. У всѣхъ суфи общая цѣль—единеніе съ Богомъ или единеніе въ Богѣ, но стремиться къ достиженію этой цѣли каждый можетъ по своему.

« Суфизмъ есть религія Любви, безъ символа и догматовъ... любви въ мужчинахъ и женщинахъ Свѣта Бога, а не свѣтильниковъ, черезъ которые Онъ проливаетъ этотъ свѣтъ, потому что человѣческія тѣла должны обратиться въ прахъ, людская память, людскія желанія исчезаютъ. Но любовь къ Всеблагому, къ Всепрекрасному остается, и, когда это найдено въ земной любви, это—Богъ, нашедшій самого Себя въ васъ, и вы себя—въ Немъ. Это высшее ученіе суфизма, религія любви» [1])

«Чистая, можно сказать возвышенная, сторона этого прекраснаго идеализма всецѣло основана на ученіи Мухаммеда и дала славныя темы поэтамъ ислама. Идиллія этой всемірной божественной любви, которая проникаетъ природу отъ самаго низшаго типа творенія до высочайшаго, воспѣтая въ звучныхъ строфахъ и восхищающихъ словахъ Джалаль-Уд-дина, Санаи и Аттара, разсматривается суфи съ уваженіемъ, развѣ немного уступающимъ уваженію къ Корану» [2]).

Но не будемъ увлекаться этими восторженными отзывами: языкъ мистиковъ обладаетъ тою особенностью, что ему можно придать всякое толкованіе, и защитникъ всякаго взгляда на суфи въ ихъ собственныхъ словахъ можетъ найти достаточное подтвержденіе своихъ мыслей Вернемся къ ихъ исторіи.

Самыми ранними мистиками считаютъ Рабію-аль-Адавія (ум. 135 г. геджры), которая жила въ Палестинѣ, и Абу Хашима (ум. 150 г.)

---

[1]) F. Hadland Davis. Persian Mystics. pp. 27, 33.
[2]) Ameer Ali. The spirit of islam. p. 118.

Рабія уже проповѣдывала превосходство божественной любви, но ея проповѣдь еще была чужда тонкостей ученія будущихъ суфи Она учила лишь, что «Богъ одинъ достоинъ любви, и что надо пожертвовать всѣмъ въ этомъ мірѣ, въ надеждѣ соединиться съ Нимъ когда-нибудь навѣки Эти стремленія слишкомъ походили на идеи нео-платониковъ относительно соединенія человѣческаго интеллекта съ Міровымъ Разумомъ, исходящимъ отъ Божества, чтобы не увлечь гностиковъ, столь обильныхъ среди персовъ» [1]).

Про Рабію передаютъ слѣдующее: «Однажды, когда она была больна, ее посѣтили Хасанъ изъ Басры и Шакикъ изъ Балха. Первый сказалъ, что «вѣра того не искренна, кто не переноситъ съ терпѣніемъ наказаній Бога» Шакикъ, желая еще усилить это, сказалъ: «вѣра того неискренна, кто не находитъ удовольствія въ наказаніяхъ Бога». Но Рабія отвѣтила, что «вѣра того неискренна, кто, въ созерцаніи Бога, не забываетъ о Его наказаніяхъ» .. Про нее разсказываютъ также, что однажды ее спросили: «ненавидишь ли ты дьявола?»—Нѣтъ, отвѣтила она. Спросили. «почему нѣтъ?—Потому что, отвѣтила она,—моя любовь къ Богу не оставляетъ мнѣ времени для того, чтобы ненавидѣть его Я видѣла во снѣ Пророка Бога, продолжала она, и онъ спросилъ меня: «о, Рабія! любишь ли ты меня?»—О, Апостолъ Бога! отвѣчала я,- кто же есть такой, который не любилъ бы тебя? Но любовь къ Богу такъ овладѣла каждой частицей моего существа, что во мнѣ совершенно не осталось мѣста. для того, чтобы любить или ненавидѣть кого-нибудь другого» [2]. Рабія не вѣрила въ земное супружество. Она такъ говорила по этому поводу: «Узы супружества спустились на меня. Я не принадлежу себѣ, но Богу, и не должна быть невѣрной Ему» [3])

Рабія не была единственной женщиной, предавшейся созерцательной жизни и жившей надеждами на потустороннюю любовь Въ числѣ подобныхъ ей женщинъ указываютъ еще Айшу, дочь Джафара-ас-Садыка, которая умерла въ 145 г Фатиму изъ Нишапура, которая умерла въ 223 году, и Нафису—современницу Аш-Шафи, основателя ортодоксальной школы, носящей его имя. До сихъ поръ ея могила въ Каирѣ является мѣстомъ благочестивыхъ паломничествъ. Съ особымъ уваженіемъ къ ея памяти относятся шіиты, такъ какъ она происходила изъ рода имама Хасана, сына Али. [4]) Когда въ серединѣ прошлаго столѣ-

---

[1]) S. Guyard La civilisation musulmane. p. 43.
[2]) E Browne. Litterary history of Persia. v. I. pp 299, 300.
[3]) F H. Davis. Persian mystics. p. 15.
[4]) D. B Macdonald. Muslim theology. p. 173.

тія, мистическая Персія еще разъ сдѣлала попытку возродиться въ лицѣ Баба, какой яркій образчикъ женщины-мистика мы находимъ въ Куррат-уль-Айнъ, въ расцвѣтѣ молодости и красоты сошедшей въ могилу, опираясь на руку палача, и не проронившей ни одной жалобы!

Дѣйствительнымъ основателемъ суфизма называютъ Абу Саида бинъ Абуль Хайра, жившаго въ концѣ второго вѣка геджры. Его ученики носили одежду изъ шерсти («суфъ») и поэтому получили прозвище «суфи». Такая теорія происхожденія имени представляется самой вѣроятной. Но, какъ учили они, дѣло святого человѣка не состоитъ только въ томъ, чтобы питаться однимъ хлѣбомъ и носить шерстяную одежду, но въ познаніи Бога и въ покорности Его волѣ. Надо стараться достичь этого, но не слѣдуетъ забывать того, что никогда не достигнетъ небесъ тотъ, кто самъ себя считаетъ достойнымъ ихъ, и что нѣтъ грѣха больше, чѣмъ это самообольщеніе.

По другому мнѣнію, основателемъ теософическаго суфизма былъ Дзун-Нунъ аль-Мисри, который былъ ученикомъ имама ибнъ-Малика. Его ученіе было записано Джунаидомъ и открыто проповѣдывалось Аш-Шибли. [1]).

Въ третьемъ вѣкѣ геджры были учреждены двѣ вѣтви: одна подъ руководствомъ Бустами (или Бистами), который умеръ въ 261 году, и другая подъ руководствомъ Джунаида, умершаго въ 297 году.

Джунаидъ говоритъ, что его система ничѣмъ не отличается отъ ортодоксальнаго ислама, такъ какъ она основана на догматахъ Торы, Корана и Сунны, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ для мертваго тѣла безполезны пища и питье, такъ всякіе законы и формы излишни для сердца, наполненнаго любовью къ Богу: но что можетъ сдѣлать религія для человѣка, сердце котораго полно любовью къ земному?

Онъ пользовался славой одного изъ ученѣйшихъ богослововъ своего времени. Онъ уже познался жизнь аскета, но вполнѣ этой жизни предались нѣкоторые его ученики и въ особенности Аш-Шибли (ум 334 гг.) Къ этой же группѣ относится, повидимому, Абу Талибъ альМекки (ум 336 гг.). Онъ уже началъ проповѣдовать теорію Единства такъ, какъ его понимаютъ суфи [2]),

Какъ мы уже сказали, сходство ученія суфи съ нео-платонической философіей было въ особенности привлекательно для шіитовъ. Въ конечныхъ выводахъ, при противоположности формулъ, ученія были одинаковы: какъ нео-платоники дошли до того, что вселенная есть Богъ, такъ и пантеизмъ суфи выразился въ формулѣ—Богъ есть вселенная.

Тогда какъ среди суннитовъ суфизмъ получилъ болѣе или

[1]) E. Browne Litterary history of Persia. v. I p 298.

[2]) D. B. Macdonald. Muslim theology p. 176

менѣе широкое распространеніе лишь со времени Газали, въ Персіи это ученіе распространилось очень быстро и широкой волной охватило всю страну До Газали распространеніе умѣреннымъ идеямъ суфизма давали исключительно мутазелиты. Но если у мутазелитовъ и у суфи было много общихъ идеи, то въ примѣненіи ихъ была громадная разница· какъ мутазелиты пользовались философіей для того, чтобы рациональнымъ образомъ объяснить различные догматическіе вопросы такъ зачастую суфи тѣми же самыми идеями пользовались для того, чтобы набросить на все тайну Все существующее въ мірѣ, кромѣ Бога, было для нихъ небытіемъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражалось Бытіе.

Газали, родившійся въ Тусѣ въ 450 г, съ молодыхъ лѣтъ уже высказалъ себя выдающимся ученымъ, притомъ самымъ разностороннимъ умомъ Въ 484 году онъ былъ призванъ въ Богдадъ для занятія кафедры богословія: онъ долго отказывался, но его убѣдили тѣмъ, что онъ не имѣетъ права лишать мусульманъ своихъ знаній. Онъ согласился и пробылъ въ Багдадѣ около десяти лѣтъ, послѣ чего почти бѣжалъ оттуда. Онъ возвратился въ Тусъ и до самой смерти, послѣдовавшей въ 505 году, почти не покидалъ своего роднаго города Въэлегическихъ одахъ, сложенныхъ въ его память, о немъ говорилось, какъ о знаменитѣйшемъ изъ выдающихся людей, замѣнить котораго никто не можетъ [1]). Для многихъ бѣгство Газали было совершенной загадкой, такъ какъ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, а слава величайшаго ученаго уже давно была его достояніемъ; но его не удовлетворяла ни эта слава, ни религія, которой онъ училъ Этотъ періодъ былъ мучительнѣйшимъ періодомъ его жизни, которая, какъ онъ самъ говорилъ, была сплошнымъ исканіемъ Онъ пережилъ все: колебаніе, сомнѣнія, отрицаніе, невѣріе,—но гдѣ была истина? «Всѣ вокругъ него искали эту истину, но самымъ различнымъ образомъ Въ числѣ этихъ искателей были и суфи, съ ученіемъ которыхъ въ общихъ чертахъ онъ былъ уже знакомъ съ юныхъ лѣтъ. Не найдя удовлетворительнаго отвѣта на свои исканія въ православіи ислама и въ философіи, онъ принялся за болѣе тщательное изученіе суфизма» [2]) Но, чтобы понять суфизмъ, его надо было не изучать, но чувствовать, а для этого самому надо было сдѣлаться суфи, жить ихъ жизнью Такъ и поступилъ Газали, основавшій даже для суфи монастырь въ Тусѣ.

Какъ мы видѣли выше, происхожденіе шизма было обязано гораздо болѣе политическимъ, чѣмъ религіознымъ причинамъ, и

---

[1]) Barbier de Meynard Dictionnaire de la Perse p 397.
[2]) D B Macdonald. Muslim theology pp. 216 - 226.

суфизмъ также сталъ служить политическимъ цѣлямъ, доказывая схожденіе Божества въ Али и его потомковъ—имамовъ

Суфи болѣе чѣмъ индифферентно относились къ религіи,—для нихъ исламъ былъ лишь формой, въ которую они облекали свои идеи: если эти идеи не укладывались въ рамки кораническаго ученія, этп ихъ нисколько не смущало, и они раздвигали или измѣняли эти рамки, а то, что совершенно не подходило къ ихъ теоріямъ, они просто на просто отбрасывали.

Ученіе о происхожденіи человѣка у нихъ было совершенно особенное. соединеніе души съ тѣломъ и изгнаніе ихъ въ здѣшній міръ было предрѣшено Богомъ, по причинамъ, лишь Ему извѣстнымъ Тѣло является для души, существовавшей раньше его, лишь темницей, изъ которой она постоянно стремится вырватся, и смерть тѣла есть возвращеніе души къ блаженному состоянію, соединенію съ Божествомъ «Когда суфи говоритъ, что Богъ и онъ суть одно. это не значитъ, что божественное входитъ въ человѣческое. какъ бы мѣшаясь съ нимъ, или что двѣ сущности составляютъ одно, но что Богъ и душа—одно въ томъ смыслѣ, что все, что существуетъ, есть Богъ, и ничто не существуетъ отдѣльно отъ Него Основываясь на текстѣ Корана. «И когда подошелъ онъ къ пылающему кусту, былъ гласъ: о, Моисей! истинно говорю. я Господь твой; сними обувь твою, ты въ священной долинѣ Това» (Сура 20-я, ст. 11, 12), они говорятъ. что если горящій кустъ можетъ назвать себя Богомъ, то тѣмъ болѣе это возможно для человѣка» [1]).

Итакъ, надо стремиться освободить душу изъ темницы и не жалѣть ни о чемъ земномъ, которое является лишь слабымъ отзвукомъ вѣчнаго, небеснаго

Въ одномъ стихотвореніи изъ Дивана Шамс-и-Табризъ эта мысль проводится:

Все, что видишь ты имѣетъ
Прототипъ свой въ мірѣ томъ.
Пусть постигло форму тлѣнье,
Онъ живетъ нетлѣнный въ немъ.
Ты увидѣлъ образъ чудный,
Чуткимъ слухомъ звукъ поймалъ;
Не печался, что навѣки
Въ мірѣ слѣдъ отъ нихъ пропалъ.
Вѣдь родникъ не умираетъ
И ручей водой поитъ.
И обоимъ нѣтъ имъ тлѣнья,
Что жъ тебя тоска томитъ?
Назови фонтаномъ душу,

---

[1]) E Sell. Essays on islam p. 5.

Міръ ручьями назови:
Пока бьетъ вода фонтана,
Отъ него текутъ ручьи.
Позабудь же о печали,
Не услада ль та вода?
И не бойся, что изсякнетъ,—
То не будетъ никогда.

Сотвореніе міра объясняется, какъ желаніе Бога, «скрытаго сокровища», проявить Себя, и Богъ проявляется во всякой вещи совершенно такъ же, какъ изображеніе солнца бываетъ видно въ водѣ.

Но всѣ вещи—лишь Небытіе, и существованіе ихъ призрачное, тогда какъ Бытіе остается скрытымъ, и видѣть его нельзя. (Сура 7-я, ст 139) Лишь Богъ видитъ какъ небытіе, такъ и отраженное въ немъ Бытіе, видитъ самого Себя.

«Вліяніе божественнаго на человѣческое называется «фаизъ», т. е исхожденіе, истеченіе И это является или результатомъ «нида», т. е. призыва, или «джазбъ», т. е. привлеченія. Эти исхожденія изливаются отъ Бога каждый моментъ, призывая душу и привлекая ее къ Нему»[1]. Эта теорія основывается на кораническомъ текстѣ: «когда я образую его и вдуну въ него душу» (Сура 15-я, ст 29)

Въ основаніи системы суфи лежитъ преданіе: «Я былъ скрытымъ сокровищемъ, и Я пожелалъ быть узнаннымъ, и Я произвелъ твореніе съ тѣмъ, чтобы Меня могли познать». Это былъ отвѣтъ Бога на вопросъ Давида: «о, Господи! зачѣмъ Ты сотворилъ человѣческій родъ?» Такимъ образомъ, міръ есть не что иное, какъ переходъ Бога изъ внутренняго во внѣшнее проявленіе. «Это становится проявленіемъ Его, произведеннымъ разумомъ, который есть единственное средство, при помощи котораго человѣкъ можетъ достигнуть истиннаго идеала и окончательнаго стремленія, совершеннаго познанія Бога. Но человѣкъ произошелъ изъ этого разума, который произвелъ вселенную, и къ нему же онъ долженъ вернуться. Это есть «нузуль», т е. схожденіе, и «аруджъ», т. е. восхожденіе, и это обнимаетъ собою всю жизнь суфи»[2]).

Суфи признаютъ пять міровъ, которымъ даются различныя названія; самыми распространенными изъ нихъ являются слѣдующія:

1) Плоскость Абсолютнаго Невидимаго,
2) Относительно Невидимый Міръ,

---

[1]) E. Sell Essays on Islam p. 6.
[2]) Idem.. p. 7.

3) Міръ подобій,
4) Видимый Міръ и
5) Міръ Человѣка.

Иногда эти пять міровъ сводятся къ тремъ, а именно. Невидимому, Промежуточному и Видимому; или даже къ двумъ: Невидимому и Видимому.[1])

Всѣ эти міры. вмѣстѣ взятые, составляютъ одинъ кругъ, и всей задачей жизни суфи является стремленіе возвратиться къ точкѣ отправленія въ здѣшній міръ, и завершить такимъ образомъ общій циклъ, полный кругъ. Задача, слѣдовательно, является извѣстной, но какъ ее выполнить? Какъ пройти ту дорогу («тарикатъ»), которая намѣчена, и какъ найти ее, такъ какъ извѣстно лишь ея существованіе, но ея самой не видно? Чтобы облегчить себѣ задачу, люди соединяются въ группы и выбираютъ себѣ духовнаго руководителя, называемаго «пиромъ» (т. е. старцемъ) и которому они должны безусловно и слѣпо повиноваться его разумъ уже приблизилъ его къ Богу, и рука, которой онъ указываетъ имъ путь, есть десница Бога

Составленныя такимъ образомъ группы (братства, ордена) не всегда имѣли постоянное мѣстопребываніе, такъ какъ. въ особенности въ первое время, входящіе въ ихъ составъ суфи значительную часть своего времени проводили въ странствованіяхъ. Различныя обстоятельства, главнѣйшія изъ которыхъ попутно будутъ выясняться при дальнѣйшемъ изложеніи, показали необходимость имѣть пристанища, родъ монастырей или обителей, а иногда родъ гостиницъ (завія и такія).

Самые древніе изъ подобныхъ монастыреи были въ Дамаскѣ въ 150 г. и въ Хорасанѣ около 200 года [2]).

Итакъ, прежде чѣмъ выступить въ дорогу, надо отрѣшиться отъ всего земного и смотрѣть на міръ, какъ на Небытіе. «Однажды Джалаль-Уд-динъ, излагая свои взгляды, сказалъ. «ты ничего не видишь, если только не видишь въ томъ Бога». Одинъ дервишъ выступилъ впередъ и сказалъ. что употребленіе термина «въ (томъ)» указываетъ на вмѣстилище. и изъ этого можно было бы заключить, что Богъ такимъ образомъ можетъ быть объятъ, между тѣмъ какъ Онъ необъятенъ. На это замѣчаніе Джалалъ отвѣтилъ: «Міръ божественныхъ аттрибутовъ есть вмѣстилище міра божественной сущности, но эти два міра въ сущности являются однимъ: первый изъ нихъ—не Онъ и второй—не иной, чѣмъ Онъ Эти, невидимому, двѣ вещи являются одной. Гдѣ же тутъ противорѣчіе въ употребленныхъ терминахъ? Богъ обнимаетъ внѣшнее и внутреннее. Если мы не можемъ сказать, что Онъ—

---

[1]) F. H. Davis Persian Mystics pp. 20, 21.
[2]) D B. Macdonald. Muslim theology p. 177.

внутренній, то онъ не включаетъ внутреннее; но онъ обнимаетъ все, и всѣ вещи въ немъ имѣютъ свое бытіе Въ такомъ случаѣ, Онъ и вмѣстилище также и обнимаетъ всѣ существованія, какъ говоритъ Коранъ: «Онъ обнимаетъ всѣ вещи». Дервишъ замолчалъ и сдѣлался послушнымъ ученикомъ»[1]). Исторія умалчиваетъ, почему онъ замолчалъ: потому ли, что онъ понялъ, или же потому, что не понялъ. Во всякомъ случаѣ подобное разсужденіе, а это типичное разсужденіе суфи, не отличается избыткомъ ясности.

Когда всѣ творенія включены въ категорію Небытія, совершенный человѣкъ долженъ стараться возвыситься до состоянія «случайнаго бытія», и, пока онъ пребываетъ въ этомъ состояніи, ему еще нѣкоторое время нужны для руководства законы и религія. Но это состояніе не является идеаломъ, и человѣкъ не долженъ останавливаться на этомъ. это еще только начало трудной дороги. Онъ долженъ стараться потомъ подняться до состоянія дѣйствительнаго Бытія. и въ этомъ состояніи онъ становится совершенно свободнымъ отъ всякихъ ограниченій нравственнаго или религіознаго характера. Онъ уже приблизился до извѣстной степени къ Богу, такъ какое значеніе для него могутъ имѣть тѣ законы и догматы, которые придуманы лишь для некультурнаго, темнаго ума? Что добро, и что зло? Не все ли это равно для него теперь, и онъ относится и къ тому и къ другому совершенно одинаково онъ знаетъ, что и то и другое производитъ различные эффекты, но и то и другое является въ сущности однимъ и тѣмъ же, т. е. Небытіемъ, отъ котораго онъ уже удалился.

«Чувства и разумъ не могутъ постигнуть феномены, поэтому они должны быть невѣдомыми въ пользу «внутренняго свѣта». Эта способность называется «сауръ». Эта та способность, которая совмѣстно съ разумомъ даетъ человѣку возможность постигать скрытыя тайны. Она называется также «глазами сердца», или внутреннимъ чувствомъ. Глаза сердца видятъ то, чего не могутъ постигнуть ни разумъ, ни чувства. Какъ всякая способность, и эта должна быть развиваема, и сю должно пользоваться для того, чтобы пріобрѣсти познаніе Бога, внѣ котораго нѣтъ дѣйствительнаго бытія»[2])

Раньше объясненія дальнѣйшаго, надо познакомиться съ космогоніей суфи, иначе мы окажемся въ лабиринтѣ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Всѣ творенія Бога раздѣлены суфи на двѣ категоріи: замѣчаемый міръ, т. е. матеріальный или видимый для всѣхъ, и

---

[1]) E Sell. Essays on islam. p 8.

[2]) Idem. p. 9.

воспринимаемый, т. е. невидимый, духовный міръ, и также міръ приказанія, называемый такъ потому, что онъ былъ сотворенъ по слову «Будь» [1]).

Первой созданной вещью былъ «Первичный Элементъ», называемый нѣкоторыми Первичнымъ Понятіемъ, который по слову «будь!» божественной властью былъ выведенъ изъ хаотическаго океана Небытія; это была простая и блестящая субстанція, называемая Первичнымъ Понятіемъ, а также «Свѣтомъ Мухаммеда». Но «небесныя и земныя таины принадлежатъ Богу» (Сура 16-я, ст. 79), и никто не можетъ сказать, какъ это произошло. Первичный элементъ имѣетъ еще много другихъ названій, какъ: Перо, Духъ Мухаммеда, Созидательный Духъ, Міровой Разумъ. Онъ есть совершенство мудрости и находится то близко къ Богу, то въ поискахъ Его Ничто. за исключеніемъ Первичнаго Элемента, не можетъ прямо приблизиться къ Нему или получить благодать непосредственно отъ Него Черезъ Первичный Элементъ Богъ «приказываетъ» твореніе. Такъ, Перо записываетъ приказанія Бога.

Такимъ образомъ также произошли разумы, души, элементы, небеса и звѣзды. Тогда изъ этихъ простыхъ натуръ произошли: минеральное, растительное и животное царства. Въ подтвержденіе этого суфи приводятъ текстъ Корана. «Нунъ Клянусь перомъ и тѣмъ, что пишутъ они» (Сура 68-я, ст 1) Они говорятъ, что Нунъ обозначаетъ міръ власти, Перо-Первичный Элементъ, и «то, что они пишутъ» относится къ простымъ натурамъ. Они пишутъ постоянно, потому что «если бы даже было море чернилъ, его не хватило бы для того, чтобы записать слова Бога» (Сура 18-я, ст. 109) [2]).

Твореніе ни на минуту не прекращается, вселенная поддерживается движеніями или толчками проникающаго духа, ежеминутно уничтожаемаго и вновь возсоздаваемаго

Послѣдняя цѣль и стремленіе всего есть человѣкъ, который создался наконецъ въ силу процесса эволюціи

Въ Маснави мы находимъ эту мысль, очень красиво выраженную·

Бездушной матеріей умеръ,—возсталъ я цвѣткомъ,
А умеръ цвѣтокъ, возродилось животное въ немъ.
Я умеръ животнымъ, и вотъ, человѣкомъ я сталъ, —
Бояться ли мнѣ, что со смертью я сдѣлаюсь малъ?
Придетъ день, и тлѣнный окончитъ здѣсь жизнь человѣкъ,

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. p. 9.
[2]) Idem p. 10.

И ангеломъ вновь я возстану, съ крылами какъ
снѣгъ
Когда же постигнетъ и ангела тлѣнье,—опять
Возстану я тѣмъ, что уму невозможно понять!
Пусть въ Небытіе я вернусь, пусть! Радъ я тому,—
Оно вѣдь взываетъ «Мы всѣ возвратимся къ Нему!

Человѣкъ только тогда можетъ сдѣлаться совершеннымъ, когда онъ пріобрѣлъ понятіе, но понятіе было Первичнымъ Элементомъ; такимъ образомъ, это начало и конецъ, первое и послѣднее, и мистическій кругъ дѣлается совершенно полнымъ, замыкается. Если бы человѣкъ захотѣлъ и могъ сдѣлаться совершеннымъ, онъ долженъ подняться до Первичнаго Элемента и выполнить слова. «отъ Него было происхожденіе, и къ Нему возвращеніе». Это и есть цѣль и стремленіе путешествія странника—суфи

Суфи говорятъ, что человѣкъ пользуется исключительной привилегіей выказывать божественные аттрибуты, и эта функція одинаково выполняется какъ хорошими, такъ и плохими людьми, подобно тому какъ солнце отражается и въ мутной и въ ясной водѣ. Эта привилегія ясно указана, по словамъ суфи, текстомъ Корана: «Мы предложили небу, землѣ, горамъ укрыть вѣру, но они отказались обременить себя ею, они дрожали отъ страха при мысли получить ее Человѣкъ же принялъ на себя обязательство это, но сдѣлался несправедливымъ и неразумнымъ» (Сура 33-я, ст. 71).

Совершенно такъ же, какъ вселенная есть зеркало Бога, сердце человѣка есть зеркало вселенной Чтобы познать Бога или познать истину, надо глядѣть въ собственное сердце: въ немъ онъ найдетъ путеводный свѣточъ, который поможетъ ему избавиться отъ грѣха и заблужденія и пріобрѣсти святость и мудрость.

«Функціей Первичнаго Элемента является получать отъ Бога и пересылать полученное міру: въ этомъ соединяется миссія святости и пророчества. Нѣкоторые считаютъ, что каждая изъ этихъ функцій Первичнаго Элемента нуждается въ особомъ выполнителѣ, и что Мухаммедъ есть пророческій выполнитель, а Махди, послѣдній изъ имамовъ, будетъ выполнителемъ миссіи святости. Другіе говорятъ, что Первичный Элементъ и Мухаммедъ—одно и то же, и что, слѣдовательно, обѣ должности совмѣщаются въ немъ Эта идея проливаетъ свѣтъ на выраженія, въ которыхъ пророкамъ и имамамъ придается почти божественный характеръ.

«Ученика великаго мистика Баязида (Абу Язида) спросили однажды, кто больше, Богъ или его учитель. Онъ отвѣтилъ: «я

знаю лишь моего учителя, я не знаю никого кромѣ него, и онъ больше всѣхъ». На подобный же вопросъ другой ученикъ отвѣтилъ: «между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой разницы Такъ какъ Богъ не проходитъ по міру осязаемыхъ продметовъ, пророки являются его замѣстителями Если ты предполагаешь, что эти замѣстители и тотъ, кого они замѣщаютъ, двѣ различныя вещи, ты ошибаешься». 1)

Основываясь на преданіяхъ. «я былъ уже пророкомъ, когда Адамъ былъ еще между землей и глиной» и «нѣтъ пророка послѣ меня» - суфи считаютъ. что Мухаммедъ былъ пророкомъ еще прежде творенія. и что онъ до сихъ поръ продолжаетъ удерживать за собою эту пророческую должность. Отожествленіе Мухаммеда съ Первичнымъ Элементомъ объясняетъ имена, даваемыя ему иногда, какъ: Міровой Разумъ, Великій Духъ, Истина Человѣчества, Обладатель луча свѣта отъ величія самого Бога.

Такъ какъ человѣкъ произошелъ первоначально отъ Первичнаго Элемента, суфи стараются вернуться къ нему, такъ какъ именно Первичной Элементъ является точкой отправленія ихъ въ здѣшній міръ, той точкой гдѣ сходятся «нузуль» и «аруджъ». Нузуль, находящійся на одной сторонѣ круга, заключаетъ въ себѣ весь процессъ развитія – до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не становится обладателемъ разумныхъ силъ. Съ другой стороны круга находится аруджъ. обнимающій собою каждый этапъ отъ перваго проблеска разумныхъ силъ человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не поглощается окончательно Первичнымъ Элементомъ Это есть происхожденіе и возвращеніе человѣка. Вся продолжительность восхожденія называется «тарикатъ», или дорога, проходя этапы которой путникъ пріобрѣтаетъ все возрастающее знаніе мистическихъ догматовъ суфизма Передъ тѣмъ какъ отправиться въ дорогу, путникъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы сердце его было проникнуто чувствомъ гуманности и сдѣлалось чуждымъ всякихъ связей, соединяющихъ его съ землей. На это, по словамъ суфи, указываетъ стихъ Корана: «когда Я создалъ его, вдунулъ въ него духъ» (Сура 15, ст. 29). Слова: «когда я создалъ (или образовалъ) его» относятся къ способности освободиться отъ всякихъ качествъ и всякихъ склонностей Слова: «вдунулъ духъ въ него» относятся къ дару духа гуманности. Эти дары могутъ быть даны человѣку въ среднемъ или въ старческомъ возрастѣ.

Если человѣкъ, который желаетъ пріобрѣсти истину, отличается дѣйствительнымъ рвеніемъ и старается контролировать свои желанія, онъ называется «талибъ», или ищущій

«Онъ старается подняться отъ зародыша, который содер-

---

1) E Sell. Essays on islam. p. 13.

житъ въ себѣ, Первичнаго Элемента, съ низшаго положенія къ божественному свѣту, къ высокому и возвышенному. На это, будто бы, указываютъ стихи Корана

«Мы создали человѣка по самому прекрасному образцу; а затѣмъ низвергнемъ его до самой низшей ступени лѣстницы; кромѣ тѣхъ, которые увѣруютъ и будутъ творить благія дѣла, ибо таковые будутъ имѣть награду совершенную». (Сура 95-я, ст. 4—6).

«Если талибъ чувствуетъ, что его влечетъ впередъ, онъ дѣлается «маджзубъ», т. е. привлекаемый. Тутъ онъ становится «мюридовъ» или ученикомъ, подчинивши себя пиру, или духовному наставнику, голосъ котораго для него замѣняетъ вполнѣ божественное откровеніе Корана. Безропотно и безпрекословно онъ долженъ выполнять все, что ему прикажетъ пиръ, и онъ не долженъ думать о будущемъ, ни оглядываться на прошедшее. Поэтому онъ называется еще «сыномъ настоящаго времени».

«Отреченіе должно быть полнымъ, такъ какъ только оно очищаетъ дорогу для воспріятія истины, что нѣтъ иного существованія, кромѣ бытія Бога. Жизнь и удовольствія скрываютъ истину изъ глазъ человѣка. Отъ нихъ должно отречься прежде видѣнія Единаго Видимаго. Это есть переходъ отъ отрицанія къ утвержденію, отъ невѣжества къ знанію Начальный этапъ теперь пройденъ, и человѣкъ дѣлается «саликъ», или путникъ, и теперь всѣ его помышленія и все его время отдано дорогѣ, продолженію этого мистическаго путешествія Онъ долженъ дѣлать это до тѣхъ поръ, пока онъ не совершитъ восхожденія по кругу и не прибудетъ къ совершенному этапу.

«Важнымъ условіемъ при отправленіи въ путешествіе являются размышленія о милости Бога и отреченіе отъ разума, который не можетъ различить истиннаго свѣта». [1]).

Лишь при выполненіи этого человѣкъ достигаетъ истиннаго знанія о томъ, что проходитъ черезъ мысль человѣка. Суфи никогда не долженъ забывать конечной цѣли своего путешествія —достичь небеснаго свѣта, къ которому онъ и долженъ стремиться, пока не достигнетъ совершеннаго знанія въ единеніи съ Богомъ, и послѣ смерти уничтожится, растворившись въ божественномъ существѣ. [2]).

Этаповъ мистическаго путешествія, этого паломничества суфи [3]), восемь, (т. е. на одинъ больше, чѣмъ у св. Августина), и они носятъ слѣдующія названія, которыя служатъ ихъ характеристикой: служба, любовь, отвлеченіе, знаніе, экстазъ, истина,

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. pp. 14, 15

[2]) J W. H. Stobart. Islam. p. 201.

[3]) P. de Lacy Johnston Muhammed and his power.p. 228.

единеніе, уничтоженіе (соотвѣтственно имъ соотвѣтствуютъ названія: абудіятъ, ишкъ, зухдъ, марифатъ, вуджудъ или халь, хакихатъ, васль, фана).

«Не легко по первому взгляду на поэзію суфи сказать, къ какому этапу она относится; обыкновенно тамъ заключаются идеи, относящіеся ко всѣмъ, хотя и не въ систематическомъ порядкѣ. Вообще говоря, самымъ сроднымъ для поэтовъ этапомъ является второй, и они находятъ наслажденіе въ описаніяхъ Бога и человѣка, Возлюбленнаго и Любовника... Хвала женщинѣ и вину воспѣвается Низами, Саади, Хафизомъ и другими поэтами; но все это должно быть понимаемо аллегорически Суфи ищетъ типа небесной любви и находитъ его въ земной любви и идеализированная земная любовь кажется ему самымъ близкимъ подобіемъ высочайшей любви, любви души къ Богу Это есть ключъ къ Знанію, или духовное знаніе и основаніе высочайшей жизни: человѣкъ слѣпъ и не видитъ таинственныхъ проявленій жизни, пока его внутреннее око не сдѣлается проницательнымъ при помощи любви» [1]).

Въ подтверженіе своего основнаго догмата—стремленія познать Бога—суфи цитируютъ стихъ.

«Когда Богъ сказалъ ангеламъ. «Я хочу поставить намѣна землѣ», тѣ отвѣчали. «неужели ты пошлешь туда существо, которое вызоветъ смятеніе, прольетъ кровь. въ то время, когда мы воздаемъ хвалы тебѣ, славословимъ и чествуемъ твою святость?»—«Я знаю», отвѣчалъ Господь, «то, чего вы не знаете». (Сура 2-я, ст. 28).

Они говорятъ, что этотъ стихъ можетъ служить доказательствомъ того, что, хотя громадная масса человѣческаго рода совершаетъ чудовищныя порою вещи, нѣкоторые получаютъ божественный свѣтъ и достигаютъ познанія Бога Ими приводится также текстъ: «тамъ они встрѣтили одного изъ нашихъ служителей, котораго мы одарили благодать и просвѣтили мудростью» (Сура 18-я, ст 64)

Для суфи земная любовь символизируетъ небесную, винный погребокъ обращается въ храмъ, опьяненіе есть смущеніе, причиненное видомъ Божества. Подъ виномъ обыкновенно разумѣютъ любовь Бога, и винная лавка является самымъ превосходнымъ наставникомъ, пользующимся напрочнѣйшей духовной привязанностью своихъ мюридовъ—клентовъ. Дальше фантазія суфи въ локонахъ возлюбленной заставляетъ видѣть аттрибуты Бога въ природѣ или хвалы наставника, которыя призываютъ къ нему его учениковъ. Подобное аллегорическое объясненіе дается и многимъ другимъ словамъ, часто употребляемымъ въ

---

[1]) E Sell. Essays on islam pp. 16, 17.

поэзіи суфіевъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что суфіи очень часто даютъ неправильное толкованіе словамъ поэтовъ, потому что не всѣ ихъ поэмы мистическаго характера. Иногда они употребляли аллегорическія выраженія для того, чтобы замаскировать то, что безъ этого благочестивымъ мусульманамъ показалось бы ересью самаго грубаго типа. Это своего рода ловцы человѣковъ: толпа никогда не будетъ привлечена неприкрытымъ невѣріемъ, но вѣрой ее можно увести куда угодно. пріобрѣсти на нее вліяніе и развратить ее. Иногда же дѣло было еще проще, и тѣ слова, которымъ нѣкоторые желали придать мистическое значеніе. были просто на просто выраженіемъ жизнерадостнаго настроенія, мало имѣющаго общаго съ чѣмъ нибудь небеснымъ Было бы непростительной ошибкой придавать духовное значеніе всѣмъ стихамъ Хафиза, который по справедливости можетъ быть названъ персидскимъ Анакреономъ.

Обыкновенный мусульманинъ, съ будничной вѣрой, будь онъ даже ученый богословъ. лишенъ возможности вступить на мистическій путь и отправиться въ духовное паломничество суфіи. онъ еще слишкомъ отсталъ. онъ связанъ религіозными догматами, онъ признаетъ еще обязательность нравственныхъ законовъ, словомъ. онъ блуждаетъ въ потемкахъ и не можетъ охватить всей идеи мистическаго Единства. Онъ связанъ еще и всякими другими вѣрованіями, которыхъ онъ слѣпо придерживается лишь потому, что такъ дѣлали его предшественники. Суфіи пріобрѣтаетъ знаніе божественныхъ вещей прямымъ внушеніемъ, а не путемъ обычнаго богословскаго обученія, не при помощи схоластическихъ методовъ, говорящихъ о качественныхъ, количественныхъ и относительныхъ аттрибутахъ. Онъ очищаетъ свою душу отъ всѣхъ чувственныхъ формъ и образовъ, а также отъ всѣхъ умственныхъ воспріятій.

Даже созерцаніе внѣшнихъ твореній природы не проливаетъ свѣта. Всѣ призрачные феномены, которые скрываютъ истину. должны быть отброшены Въ Гулшан-и-разъ читаемъ: «Хотя Его дѣла проявились изъ Его сущности, Его сущность не проявилась изъ Его дѣлъ; свѣтъ Его сущности не содержится въ феноменахъ, потому что слава Его величія необъятна» [2])

Суфіи идутъ еще дальше и отрицаютъ всякое внѣшнее религіозное откровеніе, и религіозное безразличіе является какъ бы основнымъ догматомъ суфизма Въ Маснави разсказывается, что однажды Моисей услышалъ молитву одного пастуха, который молился такъ: «О, Боже! покажись мнѣ, гдѣ Ты? Чтобы я могъ сдѣлаться Твоимъ слугой, почистить Твою обувь, причесать

---

[1]) E Sell Faith of islam p. 124

[2]) E Sell. Essays on islam p 19

Твои волосы и принести Тебѣ молока». Моисей высказалъ пастуху порицаніе за его безсмысленную молитву. Тотъ устыдился и убѣжалъ. Тогда Богъ высказалъ порицаніе Моисею, сказавъ ему: «каждому народу я указалъ разные пути для прославленія Меня. Не о словахъ я забочусь, а о заключающейся въ нихъ мысли. Различны пути благочестія, но всѣ они пріемлются, разъ они искренни».

Эту мысль мы можемъ найти и въ четверостишіяхъ Умара Хайяма:

Въ кельѣ одинокой, въ церкви, въ синагогѣ
Адомъ, раемъ грезятъ, думая о Богѣ.
Но никто, кому извѣстны таины Божества,
Въ сердце ихъ не кинулъ мыслей тѣхъ слова.

Джалалъ-уд-динъ Руми говоритъ:

Не говори, что вѣра эта лживости полна:
И въ лжи сверкаетъ истина, влечетъ сердца она
Не говори, что призракъ все здѣсь, заблужденье.
Безъ тѣни истинности въ мірѣ нѣтъ творенья.
Безумецъ тотъ, кто скажетъ: въ мірѣ истина все сплошь!
Одинъ забавникъ вѣрить можетъ, что въ немъ есть только ложь!

Въ исканіи Бога нѣтъ никакого стѣсненія, и даже идолопоклонство разрѣшается. Въ Гульшан-и-разъ имѣются такіе стихи:

Каждый атомъ въ мірѣ этомъ—Бога проявленье,
Все же идоломъ должно быть что-нибудь въ твореньѣ.
Если бъ только мусульмане истину познали,
Они идоламъ навѣрно поклонятьсяя бъ стали
Если бъ только зналъ язычникъ, что такое идолъ,
Онъ религіи не эту вѣрно бъ форму придалъ.

Язычникъ, говорятъ суфи, видитъ въ идолѣ лишь видимое созданіе, и только поэтому онъ можетъ считаться язычникомъ. Бога нельзя найти—ни на крестѣ, какъ говорятъ христіане, ни въ пагодахъ идоловъ, какъ говорятъ язычники, ни около Каабы, которой поклоняются мусульмане,—Его можно найти лишь въ сердцѣ, и когда тамъ человѣкъ познаетъ Его, онъ весь какъ бы растворяется передъ божественнымъ видѣніемъ.

Когда изъ ума вышли всѣ впечатлѣнія внѣшнихъ феноменовъ, всѣ имена и слова отброшены въ сторону, сердце отражаетъ каждую новосозданную форму и освѣщено божественной славой. Если сердце очистилось отъ «пятна бытія», то оно истинно находится съ Богомъ. Тогда все хорошо, и виденъ внутренній свѣтъ, свѣтъ и жизнь найдены, увѣренность занимаетъ мѣсто сомнѣнія, и любовь навѣки овладѣваетъ сердцемъ человѣка.

Въ Маснави говорится: «Слуга Бога есть тѣнь Его здѣсь на землѣ, умершій для этого міра, но живущій во второмъ рожденіи. Прикрѣпляйся къ поламъ Его: въ Немъ вѣдь спасеніе для души, чтобы освободиться отъ несчастій въ будущемъ» [1]).

Какъ всякій атомъ въ мірѣ стремится къ тому мѣсту, гдѣ онъ произошелъ, такъ къ этому стремится и человѣкъ Для этого онъ долженъ знать свое происхожденіе, долженъ очиститься отъ всякой мысли о себѣ, и тогда онъ, направляющійся къ вѣчности путникъ, будетъ переходить отъ этапа къ этапу, и его путешествіе будетъ однимъ долгимъ откровеніемъ,—оно поведетъ его изъ лабиринта Случайнаго Бытія къ Необходимому или Дѣйствительному Бытію, прочь отъ темноты и порока. Онъ видитъ не только себя, но и всѣ феномены, оньяненные виномъ божественной любви,—начиная съ неба и ангеловъ. Небеса и ангелы, узнаемъ мы изъ космогоніи суфи, были сотворены раньше человѣка, и они были болѣе ранними проявленіями Первичнаго Элемента. Проявленія Первичнаго Элемента, это—Міровая Любовь Дѣйствіе любви достигло наконецъ человѣка, но лишь тѣ, которые находятъ въ себѣ способность самоотреченія, способны вполнѣ осуществить ее Но не всѣ способны достичь этого, такъ какъ нѣкоторые пріобрѣтаютъ лишь философскую мудрость, нѣкоторые становятся религіозными въ обыкновенномъ смыслѣ и слѣдуютъ традиціоннымъ системамъ. Нѣкоторые же оньяняются божественной любовью. Таковы истинные путники, и въ нихъ дѣйствіе увеличивается, пока они не освобождаются отъ всякихъ догматовъ и всякихъ обрядовъ, а иногда и самаго существованія»[2]).

Этого блаженнаго состоянія путникъ можетъ достигнуть при помощи пира, мюридомъ котораго онъ дѣлается постепенно путь длиненъ, и въ него можно пуститься лишь послѣ предварительной подготовки. Путешествіе должно быть начато съ перваго этапа, т. е со «службы». Путникъ дѣлается какъ бы слугой, «абидомъ». Первая и основная его обязанность исполнять все, что ему приказываетъ пиръ, не добиваясь разъясненія причинъ приказанія или запрещенія.

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. p. 23.

[2]) Idem. p. 24.

Въ Гульшан-и-разъ находимъ:

Для человѣка честь—въ умѣньѣ подчиняться,
А честь его не въ томъ, чтобъ волен похвалиться.

Это повиновеніе вполнѣ естественно, такъ какъ нѣкоторое время путникъ еще нуждается въ руководствѣ закона, пока не достигнетъ дальнѣйшаго развитія Тогда онъ можетъ освободить себя отъ тяжести закона и совершенно забыть о немъ

Слѣдующимъ этапомъ является «любовь» Путникъ, по словамъ Джалаль-уд-дина, долженъ «любить того, кого любили всѣ пророки, и любовью къ кому жили и двигались». Чтобы совершенно и вполнѣ достигнуть этой любви, надо сдѣлать полное отвлеченіе отъ времени и пространства По мѣрѣ того, какъ эта любовь дѣлается глубже и проникаетъ душу, внѣшнія вещи все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе Уже внѣшнія формы религіи и обычая не связываютъ путника, потому что истинное повиновеніе пиру заключается теперь именно въ отреченіи отъ всѣхъ этихъ формъ Пропадаетъ всякое различіе между религіями, такъ какъ пропадаетъ всякая нужда въ религіи. Такъ поетъ Хозровъ восклицаетъ: «любовь есть предметъ моего поклоненія,—что мнѣ за нужда въ исламѣ?» [1]).

Высшая степень этого состоянія достигается, когда душа погружается въ Возлюбленнаго, когда воедино сливаются Я и Ты. Шамсъ-уд-динъ Табризи говоритъ, что нечего искать Бога, потому что Богъ это онъ самъ.

Какая послѣ этого можетъ быть уже надобность въ религіи? Научившись такимъ образомъ удалять всякую форму и смотрѣть впередъ на истинное, съ своей точки зрѣнія, единеніе съ Богомъ, путникъ можетъ передвинуться на слѣдующій этапъ, на которомъ онъ дѣлается «захидомъ» (т. е. отвлеченнымъ)

Его обязанность теперь и легка и трудна одновременно: она заключается исключительно въ созерцаніи и молчаніи. Онъ не долженъ отвѣчать ни на какую земную любовь, потому что «любящій Бога долженъ быть молчаливъ». Ничто личное не должно разстраивать созерцанія, этого привлеченія путника къ Богу, стремленія его души къ Богу, и никакія земныя дѣла уже не должны интересовать человѣка. Онъ долженъ теперь отрѣшиться совершенно отъ всего земного Даже чтеніе Корана должно быть оставлено. «Пусть въ созерцаніи онъ повторяетъ только слово «Аллахъ, Аллахъ» такъ часто, что оно уже невольно само выходитъ съ его губъ. Потомъ, переставая произносить, пусть онъ повторяетъ это слово мысленно, пока онъ не забудетъ слова, сохранивши въ

---

[1]) E. Sell. Faith of islam p. 131.

сердцѣ только смыслъ его. Тогда Богъ, просвѣтитъ его умъ [1]). Эта практика называется «зикромъ» и основана на словахъ Корана: «вѣрующіе! часто повторяйте имя Божіе и вспоминайте Его утромъ и вечеромъ» (Сура 33-я, ст 41) Иногда зикръ совершается каждымъ въ отдѣльности (хафи), иногда всѣми вмѣстѣ (джелаа). Въ послѣднемъ случаѣ это часто сопровождается различными церемоніями и обрядами, напоминая собою радѣнія нашихъ сектантовъ Ортодоксальные мусульмане возстаютъ противъ этого.

Путникъ не имѣетъ собственнаго дѣйствительнаго существованія, и лишь черезъ сообщенное ему знаніе существованія Бога онъ можетъ познать Его

Когда Богъ началъ твореніе, чтобы проявить Себя, то первой сотворенной вещью былъ Разумъ (или Логосъ), изъ котораго произошла Мировая Душа, совокупность всѣхъ божественныхъ аттрибутовъ. Тогда свѣтъ божественныхъ идеи засіялъ надъ тьмой Небытія, и каждый его атомъ отразилъ въ себѣ атомъ божественныхъ аттрибутовъ

И еще задолго до сотворенія міра, говорятъ суфи, между Міровой Душой и собраннымъ міромъ духовъ, или частичныхъ душъ, былъ заключенъ родъ договора Къ каждому духу, составляющему часть ея, Мировая Душа обратилась съ вопросомъ: «Не съ Господомъ ли твоимъ ты?» Т. е связанъ съ нимъ торжественнымъ договоромъ. И всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили сіи: «да»[3]).

При твореніи, небеса и ангелы отразили аттрибуты милости, и адъ и дьяволы—аттрибуты ужаса и гнѣва. Наконецъ была сотворена и душа человѣка, которая отражаетъ въ себѣ всѣ аттрибуты—милости и ужаса. Такимъ образомъ, человѣкъ является микрокосмомъ, маленькимъ воспроизведеніемъ вселенной Съ одной стороны, онъ сіяетъ, озаряемый свѣтомъ аттрибутовъ милости, съ другой, онъ теменъ благодаря мрачности аттрибутовъ ужаса, которыя отражаются въ небытіи его существа Созданный, такимъ образомъ, съ задатками наполовину для возвышенія и наполовину для паденія, человѣкъ имѣетъ силу отказаться отъ зла и выбрать добро.

Всѣ феномены вселенной, до человѣка включительно, не имѣютъ собственнаго дѣйствительнаго существованія; каждый моментъ они возобновляются, черезъ Разумъ, проявленіемъ Божества. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока не настаетъ опредѣленный срокъ. Когда этотъ срокъ наступитъ, то все уничтожится, и «Богъ сдѣлается наслѣдникомъ всего».

---

[1]) E. Sell Faith of islam. p. 123

[2]) Idem p. 124.

Въ состояніи «знанія» путникъ долженъ понять, что между верховной властью Бога надъ всѣмъ и свободной волей человѣка нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія, а лишь кажущееся.

Это состояніе ведетъ его къ новому—«халь», или экстазу, который является прямымъ результатомъ божественнаго знанія. Это состояніе опредѣляется, какъ «незамѣтно и внезапно возникающее въ сердцѣ, подобно печали или страху, желанію или радости, и которое прекращается, какъ только начинаютъ проявляться естественныя склонности души», т. е. когда человѣкъ забываетъ о томъ, что онъ отрекся уже отъ всего, и что ничто земное не должно его трогать «Счастливъ тотъ мигъ, говорится въ Гульшан-и-разъ, когда мы забываемъ себя, и когда мы въ одно и то же время и богачи и бѣдняки».

Разсказываютъ, что одинъ извѣстный мистикъ былъ приведенъ въ присутствіе халифа Гарун-ар-Рашида, который спросилъ его: «какъ велико твое отреченіе?» Тотъ отвѣтилъ. «твое больше».—Какъ это? спросилъ халифъ.—«Потому что я отрекаюсь только отъ этого міра, а ты отрекаешься отъ будущаго» [1]).

Впервые доктрина экстаза была высказана, повидимому, египетскимъ суфи Дзун-Нуномъ

Для человѣка, опьяненнаго виномъ божественной любви рай обыкновенныхъ вѣрующихъ является лишь болѣе или менѣе заманчивой вещью, но, въ качествѣ таковой, онъ болѣе не представляется для него желательнымъ: онъ только послужилъ бы препятствіемъ къ полному самоуничтоженію и былъ бы въ дурномъ согласіи съ крайней бѣдностью, къ которой долженъ стремиться суфи. Пока адъ или рай еще занимаютъ человѣка, волнуютъ его душу или вызываютъ въ ней какіе нибудь образы, душа его не можетъ проникнуть тайны, и эта тайна продолжаетъ существовать Человѣкъ не долженъ забывать, что «всѣ земные предметы, какъ бы дороги и прекрасны ни были они, являются лишь свѣтильниками, черезъ которые сіяетъ свѣтъ Бога» [2]).

Потому что истина не достается легко, и открытіе ея доступно не для всякаго, не слѣдуетъ отчаиваться и не слѣдуетъ говорить, что она—вымыселъ Она можетъ быть постигнута только въ экстазѣ Слѣдовательно, онъ ведетъ къ слѣдующему этапу «истинѣ». Нѣкоторые называютъ этотъ этапъ также этапомъ святости, такъ какъ этого состоянія достигаютъ святые и пророки. Но въ особенности это является состояніемъ Мухаммеда, который является одновременно и пророкомъ и святымъ; что касается всѣхъ остальныхъ пророковъ, то они являются лишь частями того цѣлаго, которое представляетъ онъ.

---

[1]) E. Sell Faith of islam p. 126.

[2]) F. H. Davis Persian mystics. p. 23.

Слѣдующимъ этапомъ является «васль», т. е. единеніе съ Богомъ Другими словами, въ этомъ состояніи суфи не дѣлаетъ различія между Богомъ и собой

Мансуръ-Халладжъ, ученикъ аль-Джунаида, былъ, по приказанію халифа аль-Муктадира, обезглавленъ въ 309 году за то, что онъ называлъ себя Богомъ. Еще раньше его Баязид аль-Бустами говорилъ, что «онъ—бездонное море, безъ начала и конца, что онъ—тронъ Бога, что онъ Авраамъ, Моисей, Іисусъ» [1]. Въ памяти позднѣйшихъ суфи онъ является святымъ и мученикомъ «Для суфи своего времени и настоящаго онъ былъ и есть святой патронъ. Въ своей жизни и смерти онъ представляетъ для нихъ духъ возмущенія противъ догматической схоластики и формализма. Позднѣе даже такой великій ученый мухаммеданской церкви, какъ Газали, защищалъ его и поддерживалъ его православіе, хотя и сожалѣлъ о его неосторожныхъ фразахъ» [2]. Во время суда надъ Халладжемъ одинъ изъ богословъ отказался подписать фэтву, провозглашающую его невѣрнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, случай этотъ не былъ достаточно ясенъ. Но, говоритъ Макдональдъ, «его популярность среди населенія Багдада, почтеніе къ нему возрасли до опасныхъ размѣровъ Онъ могъ имѣть свои планы, какъ персидскій націоналистъ; онъ могъ и просто быть какимъ-нибудь слабоумнымъ святошей.. Но времена тогда были не тѣ, чтобы правительство могло въ Багдадѣ рисковать чѣмъ-нибудь Аль-Муктадиръ былъ халифомъ, и въ его слабыхъ рукахъ халифатъ скользилъ къ паденію. Фатимиды господствовали въ Сѣверной Африкѣ, карматиты держали Сирію и Аравію и угрожали самому Багдаду... Персія кишѣла лжепророками и націоналистами всякихъ оттѣнковъ Спустя 13 лѣтъ Ибнъ-аль Шамальгани былъ казненъ въ Багдадѣ по одинаковымъ соображеніямъ . Мы можемъ закончить словами Ибнъ-Халикана. «Долго разсказывать исторію Халладжа; судьба его хорошо извѣстна; и Богу извѣстны всѣ тайныя вещи». [3]

Что касается Баязида, то про него въ четвертой книгѣ Маснави разсказана слѣдующая, не совсѣмъ обыкновенная исторія.

«Святой удивилъ однажды своихъ учениковъ словами: «Вотъ, я самъ всемогущій Богъ! Нѣтъ другого бога кромѣ меня.—поклоняйтесь мнѣ!» Ученики, думая, что ихъ учитель не пришелъ въ себя, сказали ему, когда окончился его странный экстазъ, то, что онъ произнесъ. Баязидъ отвѣтилъ имъ: «Если

---

[1]) Klein. The religion of islam p 234.

[2]) D B Macdonald Muslim theology. p. 183.

[3]) Idem. pp. 184, 185.

я повторю это опять, то убейте меня» Тогда его ученики отточили свои ножи Въ другой разъ Баязидъ воскликнулъ: «Въ моей одеждѣ нѣтъ ничего кромѣ Бога, будете ли вы искать его на землѣ или на небѣ» Ученики, ужаснувшись этихъ словъ, сразу погрузили свои ножи въ тѣло Баязида. Но лезвея ножей повернулись противъ ихъ собственныхъ горлъ, и они умерли. Онъ объяснилъ немногимъ своимъ ученикамъ, которые не ударили его, что экстазъ, который онъ испыталъ, уничтожилъ его,—его форма уничтожилась, онъ былъ простымъ зеркаломъ. Ученики, которые наносили ему удары, увидали въ зеркалѣ свои собственныя лица и такимъ образомъ ранили самихъ себя, а не Баязида, душа котораго оставила зеркало своего тѣла и сдѣлалась единой съ возлюбленнымъ» [1].

Но, если суфи называетъ себя въ экстазѣ Богомъ, то, съ точки зрѣнія ему подобныхъ, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго или ненормальнаго. Богъ есть міръ, а, такъ какъ суфи въ этомъ этапѣ отожествляется съ божественной сущностью, то и можетъ назвать себя Богомъ. Теперь онъ уже не знаетъ отдѣльнаго существованія, остается лишь дѣйствительное Бытіе, и въ душу суфи входитъ Богъ, наполняя ее своей красотой. Въ Гульшани—разъ говорится, что «въ славѣ божественной истины нѣтъ дѣйствительности, въ этой славѣ нѣтъ ни Я, ни Мы, ни Ты,—и Я, и Мы, и Ты, и Онъ—одна и та же вещь, потому что въ Единствѣ нѣтъ никакого различія» [2]

Это состояніе суфи описывается иногда, какъ два тѣла, имѣющія одну душу, или какъ одно тѣло, имѣющее двѣ души. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ единеніе полно.

Шамсъ-эд-динъ восклицаетъ. «счастливъ тотъ мигъ, когда мы сидѣли въ дворцѣ,—Я и Ты—съ двумя формами, съ двумя лицами, но съ одной душой—Я и Ты».

Эта же мысль выражена у Хозрова:

Я сталъ Тобой, Ты—мною сталъ,
Ты—духъ, и тѣло имъ полно;
Такъ кто бы намъ теперь сказалъ,
Что мы съ тобою не одно?

Стихи Корана: «ты же, душа, будь покойна, возвратись къ Господу, удовлетворенная наградой своей и угодная Ему, и среди служителей моихъ входи въ рай мой» (Сура 89-я, ст. 27-30) —толкуются суфи въ томъ смыслѣ, что Богъ и благость Его

---

[1]) F. H. Davis. Persian mystics. pp. 16, 17.
[2]) E. Sell. Essays on islam p 30.

присутствія находятся въ сердцѣ вѣрующаго. Это поддерживается еще преданіемъ: «сердца вѣрующихъ суть тронъ Бога».

Красивѣе всѣхъ мысль единенія съ Богомъ выражена, пожалуй, у Мансура Халладжа.

Я тотъ, кто мной любимъ, и Я—любимый мною:
Мы—двѣ души, но лишь подъ формою одною.
Меня увидѣлъ ты,—Его твой видитъ глазъ;
Его увидѣлъ ты,—обоихъ видишь насъ!

Джалаль-уд-динъ Руми передаетъ слѣдующую исторію.—«Нѣкто постучалъ въ дверь возлюбленнаго и голосъ оттуда сказалъ. «кто тамъ? не молотильщикъ ли это?» Тогда онъ отвѣтилъ: «это я». Гоюсъ отвѣчалъ. «этотъ домъ не можетъ вмѣстить Меня и Тебя». И дверь оставалась запертой. Любовникъ удалился въ пустыню и проводилъ время въ одиночествѣ, постясь и молясь Прошелъ годъ, и онъ снова возвратился и постучался въ дверь «Кто тамъ?» сказалъ голосъ. Любовникъ отвѣтилъ. «это ты». Тогда дверь отворилась» [1].

Любимой иллюстраціей, служащей для объясненія единенія съ Богомъ, служитъ нѣсколько свѣчъ: каждая изъ нихъ даетъ свой свѣтъ, но свѣтъ ихъ всѣхъ не можетъ быть раздѣленъ на отдѣльныя части,—распространяется лишь одинъ свѣтъ. Это—языкъ, свойственный мистикамъ всѣхъ странъ и временъ.

Слѣдующимъ и послѣднимъ этапомъ путешествія къ вѣчности является «фана», т. е. уничтоженіе. На спеціальномъ языкѣ это есть не что иное, какъ «питье вина, освобожденнаго отъ всякихъ феноменальныхъ качествъ, и смываніе письма, описывающаго отдѣльное бытіе».

Когда это сдѣлано, то путникъ въ состояніи сказать: «теперь ни Я не существуетъ во мнѣ, ни я самъ не существую». Чтобы засіять свѣтомъ божественнаго дня, человѣкъ долженъ сжечь ночь своего отдѣльнаго существованія Не пройдя черезъ этотъ этапъ уничтоженія ни одна душа не можетъ достичь небесъ Тѣ, которые ищутъ присутствія Бога, говорятъ суфи,—и, какъ только Онъ появится, уничтожаются, не напоминаютъ ли того комара, который жаловался Соломону на сильный вѣтеръ? Когда Соломонъ приказалъ вѣтру явиться, чтобы разсудить его съ комаромъ, и тотъ явился, комаръ моментально исчезъ. Такимъ образомъ, самоуничтоженіе является единственнымъ путемъ къ вѣчной жизни, въ которой «познающій и познаваемый дѣлаются однимъ и тѣмъ же, и не остается пятна личности».

Тутъ уже всѣ религіи, всѣ законы становятся вещью прош-

---

[1]) E Sell. Faith of islam p 129.

лаго они имѣли лишь временное примѣненіе, и теперь ихъ нѣтъ болѣе Въ этомъ этапѣ нѣтъ даже нужды произносить догматъ единства. Истинный свѣтъ достигается не принятіемъ догмата, но самоуничноженіемъ «въ темномъ мракѣ ночи Небытія».

Ищущій -послѣ всѣхъ своихъ поисковъ, путникъ—послѣ перипетій своего утомительнаго путешествія приходитъ за завѣсу и находитъ тамъ... ничто! Таковъ результатъ всѣхъ его стараній и трудовъ. Но кругъ замкнутъ, и такимъ образомъ начало соединяется съ концомъ, и человѣкъ возвращается въ нормальный элементъ, изъ котораго онъ произошелъ первоначально.

Оригинально ученіе суфи о днѣ страшнаго суда Они вѣрятъ, что всѣ мысли людей воплотятся въ вѣчную форму совершенно такимъ же образомъ, какъ идея архитектора воплощается въ зданіе.

Результаты софизма для исламизма были отрицательны, такъ какъ система не обладаетъ возрождающей силой и, не давая ничего взамѣнъ уничтожаемаго ею, она лишь вноситъ разладъ между духовной и мірской жизнью. Нѣкоторые принципы, высокіе сами по себѣ, были примѣняемы совершенно не достойнымъ ихъ образомъ «Въ совершенно уравновѣшенныхъ умахъ мистицизмъ принимаетъ форму благороднаго типа идеалистической философіи, но общая масса человѣческаго рода просто на просто распускаетъ свой умъ, занимаясь тайнами божественной Сущности и нашими отношеніями къ ней. Каждый невѣжественный и лѣнивый экземпляръ человѣчества, который, пренебрегая истиннымъ знаніемъ, покинулъ поля истинной философіи и погрузился въ область мистицизма, хотѣлъ бы такимъ образомъ выдать себя за человѣка науки . Не будучи религіей, грубый мистицизмъ одерживаетъ надъ нею верхъ, сбиваетъ умъ и разстатываетъ основы нравственности» [1])

Внѣшнее и весьма распространенное зло мистицизма, главнымъ образомъ въ Персіи, это опьяненіе себя опіемъ или гашишемъ и тому подобными препаратами—для того, чтобы, не проходя длиннаго и утомительнаго пути мистическаго паломничества, непосредственно достигнуть экстаза.

Скажемъ, чтобы закончить этотъ очеркъ, нѣсколько словъ о знаменитыхъ поэтахъ -мистикахъ Персіи: Джалаль-уд-динѣ Руми и Шамс-и-Табризи.

Джалаль-уд-динъ Руми родился въ Балхѣ въ 604 году. Вслѣдствіе какой то ссоры съ дворомъ правителя, отецъ Джа-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p 418.

лаля Баха-уд-динъ былъ вынужденъ покинуть Балхъ и поселиться въ Нишапурѣ.

Здѣсь знаменитый суфи Фаридъ-уд-динъ Аттаръ познакомился съ юношей и уже успѣлъ оцѣнить въ немъ молодой талантъ. Послѣ разрушенія Балха, семья Джалаля перебралась въ Конію, гдѣ поэтъ и получилъ прозвище „руми", т. е турокъ.

На Востокѣ всѣ чѣмъ либо выдающіеся люди непремѣнно должны быть окружены легендами; поэтому не будемъ удивляться тому, что уже въ шестилѣтнемъ возрастѣ Джалаль имѣлъ видѣнія и совершалъ полеты въ небесныя страны.

Послѣ смерти отца онъ занялъ профессорскую кафедру и основалъ орденъ дервишей, извѣстныхъ подъ именемъ «мавляви». Онъ разрѣшилъ музыку и различные танцы. Когда его спросили, почему онъ ввелъ пѣніе и танцы на похоронахъ, что совершенно расходится съ обычаемъ, Джалаль отвѣчалъ: «когда человѣческій духъ послѣ годовъ заключенія въ клѣткѣ или тюрьмѣ тѣла, наконецъ дѣлается свободнымъ и направляетъ свой полетъ къ Источнику, отъ котораго онъ произошелъ, не является ли это достаточной причиной для радости, благодарности и пѣнія?»

Джалаль былъ упорный оптимистъ. Въ его словахъ и въ его поэзіи еще больше наблюдается почти постоянный экстазъ. Упрекъ, который можно сдѣлать его поэзіи, это—значительная небрежность Но это отчасти объясняется религіозными танцами, извѣстными подъ именемъ Риза-Кули. Въ домѣ Мавляви былъ столбъ, и, когда Джалаль «погружался въ океанъ любви», онъ обыкновенно вращался около этого столба, на что имѣются указанія и въ его поэзіи Очень часто во время подобнаго вращенія онъ диктовалъ кому-нибудь изъ присутствующихъ свои стихи. Въ это время онъ призывалъ къ себѣ Душу и Свѣтъ. Почти къ аналогичному способу прибѣгаютъ и наши хлысты или «христы», добивающіеся того, чтобы на нихъ «накатило».

Джалаль былъ дважды женатъ, и его вторая жена пережила его. Отличительной чертой его характера была любовь къ маленькимъ дѣтямъ, которыя платили ему тѣмъ же

Характерно отмѣтить то, что Джалаль, подобно Санаи и Аттару, былъ суннитомъ: онъ съ большой похвалой отзывался о первыхъ двухъ халифахъ и былъ врагомъ мутазелитовъ и философствующихъ[1]), и вообще никогда не было случая подвергать сомнѣнію его православіе.[2])

Онъ умеръ въ Коніи въ 672 году, оставивъ обширное завѣщаніе своему сыну Баха-уд-Дину Валаду Смерть его оплакивали не одни мусульмане къ которымъ онъ до послѣднихъ дней

---

[1]) E Browne Litterary history of islam. v 1. p. 437.
[2]) Ameer Ali. Spirit of islam p 392.

своей жизни принадлежалъ, по обрядовой внѣшности по крайней мѣрѣ [1])

Шамс-и-Табризъ, т. е. Солнце Табриза, былъ близкимъ другомъ Джалаля,—это не была выдуманная Джалалемъ личность, какъ долгое время существовало мнѣніе, и онъ имѣлъ на поэта большое вліяніе. Нѣкоторые считаютъ, и повидимому правильно, что помимо дружбы ихъ связывали еще болѣе нѣжныя чувства: такъ, когда Шамсъ бѣжалъ въ Табризъ, Джалаль послѣдовалъ за нимъ и вернулъ его Потомъ Шамсъ уѣхалъ въ Дамаскъ, и съ этого момента онъ совершенно теряется изъ виду. Говорятъ, но это лишь предположеніе, что онъ умеръ насильственной смертью [2]).

Говоря о поэтахъ мистикахъ, нельзя обойти молчаніемъ Умара Хайяма, который былъ товарищемъ по нишапурской школѣ всесильнаго Низамъ-уль-Мулька, министра Альпъ Арслана и Маликъ-Шаха, и также основателя секты Убійцъ Хасана-бинъ-Сабаха. Умаръ отказался отъ заманчиваго предложенія своего могущественнаго друга, предлагавшаго ему службу при дворѣ Султана, и удовольствовался скромной пенсіей, «широко разсѣявая выгоды знанія и молясь за долголѣтіе и благоденствіе своего друга».

Начало его карьеры было дѣйствительно строго научнымъ, и Маликъ Шахъ высоко цѣнилъ его математическія и астрономическія познанія. Ему между прочимъ, совмѣстно съ другими, было поручено исправленіе календаря, что онъ и выполнилъ самымъ блестящимъ образомъ Однако съ научными его сочиненіями, главнымъ образомъ по астрономіи и алгебрѣ, европейцы знакомы гораздо меньше, чѣмъ съ его поэзіей. Здѣсь же насъ интересуетъ именно эта сторона.

Было бы довольно большой ошибкой считать, что Рубаіятъ (четверостишія), это—весь талантъ Умара: это былъ очень широкій и разносторонній умъ. «Его краткая поэма представляетъ специальный интересъ для изслѣдователя человѣческой мысли и жизни, потому что она показываетъ, какъ человѣкъ, ученый по своему времени, не нашелъ продолжительнаго утѣшенія въ научныхъ изслѣдованіяхъ, ни отдыха въ пантеизмѣ суфи, ни удовлетворенія въ суровомъ символѣ своихъ ортодоксальныхъ мусульманскихъ друзей, ни мира даже въ циническомъ отрицаніи всякаго религіознаго вѣрованія» [3]).

Онъ не былъ суфи, хотя позднѣйшіе суфи много заимствовали изъ его рѣчи и искренно считали его своимъ; правда, что нѣкоторыя изъ его или изъ приписываемыхъ ему четверостишій содержатъ доктрины суфи Была однако большая разница. Суфи

---

[1]) F H Davis Persian mystics pp. 33, 34, 36, 39

[2]) Idem pp. 36, 37.

[3]) E. Sell Faith of islam p 140.

въ своемъ аллегорическомъ языкѣ скрывали извѣстныя вѣрованія.—Умаръ же не вѣрилъ ни во что, и его поэзія, это—сплошная сатира, съ презрѣніемъ кидающая вызовъ всему, это—презрѣніе къ самому себѣ, и въ немъ звучатъ иногда ноты глубокой тоски, которую онъ никакъ не можетъ залить виномъ.

Въ поэзіи невѣрія не можетъ быть свѣта, она можетъ тронуть на минуту душу своей формой, но не въ ней можно найти покой. Изъ его поэзіи невольно хочется сдѣлать выводъ, что если онъ не былъ утонченнымъ распутникомъ—нравственнымъ и умственнымъ,—то онъ по крайней мѣрѣ хотѣлъ такимъ казаться. У него была выдержка, и, разъ надѣвши на себя этотъ плащъ, онъ не снималъ уже его. Онъ высмѣивалъ исламъ, замѣчая, что, если въ раю обѣщаны гури и вино, то нѣтъ никакого основанія запрещать пользоваться этимъ въ здѣшнемъ мірѣ,—и онъ снималъ съ себя этотъ запретъ. И можно быть увѣреннымъ, что здѣсь Умаръ говорилъ не о мистическомъ винѣ, а о «сокѣ гроздьевъ»: правда, самъ онъ не находилъ истины, но усиленно проповѣдывалъ, что для мудрыхъ лучшее занятіе—пить виноградный сокъ, лаская лѣнивой рукой кудри земныхъ гурій.

Ведя болѣе чѣмъ разсѣянный образъ жизни, онъ въ объясненіе этого говоритъ, что онъ лишь искреннѣе другихъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ то, что другіе только хотѣли бы дѣлать. Друзья его пробовали неоднократно уговаривать его бросить эту жизнь,—не разставаясь съ чашей, онъ слушалъ и дремалъ. Однажды онъ привелъ въ немалое смущеніе муллъ, искусно воспользовавшись стихомъ Корана. «убивайте ихъ, гдѣ бы они ни встрѣтились» (Сура 2-я, ст. 187) Муллы ему говорили, что вино—врагъ добра. Онъ не задумываясь отвѣтилъ имъ: «если это такъ, то я долженъ выпить кровь этого врага,—таково велѣніе Господа».

Было бы напрасно искать въ поэзіи Умара какую-нибудь систему. Онъ не давалъ своей системы по тому бы хотя соображенію, что, по его мнѣнію, всѣ системы вмѣстѣ взятыя, не стоили чары хорошаго вина.

Въ мою задачу здѣсь не входитъ дѣлать обзоръ мистической поэзіи Главнѣйшими образцами ея являются. Маснави-Джалаля и Диванъ-Шамс-и-Табризи.

Никольсонъ, во вступленіи къ переводу Дивана, такъ опредѣляетъ характеръ Маснави и Дивана.

«Одно (т. е. Маснави), это—величественная рѣка, спокойная и глубокая, по богатымъ и разнообразнымъ странамъ извилинами спускающаяся къ необозримому океану; другое, это—пѣнящійся потокъ, который то выскакиваетъ, то ныряетъ въ эфирномъ одиночествѣ холмовъ».

ДЕРВИШЕСКІЕ ОРДЕНА [1]).

Самыми дѣятельными элементами, противящимися введенію всякаго прогресса и цивилизаціи въ мусульманскихъ странахъ, являются улемы и дервиши. Первые говорятъ во имя вѣчнаго и неизмѣнно священнаго закона; вторые слѣдуютъ во всемъ своимъ духовнымъ руководителямъ, которые для нихъ являются олицетвореніемъ истины.

Борясь противъ общаго врага, они и другъ для друга являются врагами, быть можетъ, еще болѣе непримиримыми, чѣмъ ихъ общій внѣшній врагъ: ортодоксальные мусульмане смотрятъ на дервишей съ большимъ неодобреніемъ, что однако не мѣшаетъ тѣмъ процвѣтать и считать ортодоксальныхъ мусульманъ невѣрными [2])

Въ своей ненависти къ прогрессу дервиши гораздо прямѣе и искреннѣе улемовъ: единственный возможный для существованія ислама порядокъ они видятъ въ возстановленіи перваго халифата, они хотятъ возрожденія объединеннаго теократическаго государства,—для этого же долженъ быть истинный имамъ и халифъ. Эта проповѣдь является основой дѣятельности дервишескихъ орденовъ

Идея прогресса въ европейской цивилизаціи заключается громадная опасность для исламизма, и они стараются устроить барьеръ между этой цивилизаціей и развращающимся мусульманствомъ, склоннымъ порою принимать эту цивилизацію или по крайней мѣрѣ не оказывать ей активнаго сопротивленія. Такимъ образомъ, дервишескіе ордена являются главными дѣяте-

---

[1]) Главными пособіями при составленіи этого очерка мнѣ служили: Chatelier. Les confréries musulmanes pp. 1—295 и E. Sell. Essays on islam pp. 99—145.

[2]) E Sell Faith of islam. p. 134 Zwemer Muhammeda World of today p. 53.

лями панисламистскаго движенія, и то и дѣло они совершаютъ свои выступленія, которыми было особенно богато истекшее столѣтіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ иногда достигается совершенно обратное, и вмѣсто чистоты ислама, къ которой стремились, дервиши создали ереси мистическаго и пантеистическаго характера [1]).

Агенты дервишескихъ одреновъ разсѣяны среди всего мусульманскаго міра: они имѣются среди всѣхъ классовъ населенія, и для ихъ проповѣди открыты какъ двери хижины, такъ и двери дворца.

Подобное явленіе не можетъ не интересовать насъ не только со стороны внутренней дѣятельности исламизма, но и со стороны его взаимоотношенія съ христіанскимъ міромъ: если бы исламизмъ могъ существовать совершенно независимо, интересъ этотъ имѣлъ бы чисто отвлеченный характеръ; жизнь сдвигаетъ насъ съ мусульманскимъ міромъ, и враждебное его отношеніе къ намъ не можетъ быть для насъ совершенно безразличнымъ.

Причины, почему прошлое столѣтіе было такимъ рѣзкимъ выразителемъ движенія, ясны. До XIX вѣка исламъ былъ почти изгнанъ изъ Европы, за исключеніемъ Балканскаго полуострова, но былъ еще могущественъ въ Азіи и Африкѣ. Это было болѣе или менѣе установившимся положеніемъ, и религіозное рвеніе мусульманъ успокоилось. Но съ начала тринадцатаго вѣка геджры положеніе сильно измѣнилось, и мусульманскій міръ получилъ цѣлый рядъ ударовъ со всѣхъ сторонъ [2]) Христіанскія націи кусокъ за кускомъ отрывали отъ мусульманскихъ странъ, и то, что въ настоящее время происходитъ въ Триполи, обѣщаетъ возобновленіе этого движенія съ удвоенной силой.

Мусульманскія колоніи достаточно уже показали христіанскимъ народамъ, что ихъ флаги могутъ развѣваться на завоеванной или захваченной территоріи, но въ сердцахъ новыхъ подданныхъ нѣтъ любви къ нимъ, а есть лишь ненависть и страхъ. То тамъ, то здѣсь вспыхивающія по временамъ возстанія наглядно показываютъ, что иногда наступаетъ такой моментъ, когда ненависть совершенно поглощаетъ страхъ. И эта ненависть поддерживается и питается различными религіозными орденами Если они и дремлютъ цѣлыми столѣтіями, то они не лишены способности пробуждаться иногда. Такъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые ордена, которые давно уже, повидимому, утратили свое значеніе въ качествѣ органовъ пропаганды и существовали скорѣе какъ философскія школы, вновь возродились. Находились энергичные люди, горячіе проповѣдники, кото-

---

[1]) D. B. Macdonald. Muslim theology p. 61.

[2]) Chatelier p. 10.

рые умѣли собрать около себя разрозненныхъ послѣдователей ученія прежняго ордена и сплотить ихъ, придать имъ организацію, указать имъ дѣятельность и сдѣлать ее единообразной Самымъ яркимъ примѣромъ такого возрожденія можетъ служить орденъ сэнусія

Изъ этого можно видѣть, что сила орденовъ, умѣло примѣненная и использованная, громадна Не слѣдуетъ однако преувеличивать этой силы чрезмѣрно, такъ какъ едва ли не большая часть ея уходитъ на безполезную работу,—на преодолѣніе внутренняго сопротивленія Что бы лучше уяснить себѣ это, надо знать, что въ глазахъ дервишей фанатиковъ извѣстныя группы мусульманъ, цѣлыя мусульманскія страны, которыя никогда не сомнѣвались въ своемъ правовѣріи, являются невѣрными Ортодоксальные мусульмане видятъ для себя самихъ въ этихъ орденахъ опасность и стараются бороться съ ними

Такъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, султанъ Мухаммедъ IV пытался, хотя и безуспѣшно, какъ показало будущее, уничтожить ордена мавлявія хельватія, джальватія и шамсія. Равнымъ образомъ, когда султанъ Махмудъ въ 1826 года уничтожилъ янычаровъ, онъ хотѣлъ заодно покончить и съ орденомъ бекташія, но и его попытка не имѣла успѣха Преслѣдованія и гоненія ничего не сдѣлали, и многочисленные ордена существуютъ въ настоящее время въ Азіи, Африкѣ и Европѣ

Сила дервишей заключается въ томъ, что имъ нечего терять Таковы они въ массѣ, хотя и среди нихъ попадаются люди, стремящіеся использовать свое вліяніе въ политическихъ цѣляхъ. Какъ общее правило можно сказать, что среди низшихъ классовъ населенія вліяніе дервишей громадно, а высшіе боятся ихъ

Величайшими врагами дервишескихъ орденовъ являются улемы, которые, вполнѣ естественно, стараются поддержать свой престижъ. Дервиши упрекаютъ улемовъ, что они являются лишь усердными слугами времени, тѣ, въ свою очередь, называютъ дервишей еретиками и распространителями безнравственныхъ принциповъ. Однако масса, которую нисколько не занимаютъ отвлеченныя теологическія разсужденія, душою склоняется на сторону дервишей. Массу эту не смущаетъ музыка, пѣніе и танцы, и она смотритъ на дервишей, какъ на избранниковъ Бога, любимцевъ неба, и, въ крайнемъ случаѣ, она снисходительно относится къ этому. Для массы привлекательнымъ является также то, что въ орденѣ можно достигнуть извѣстныхъ степеней, не будучи образованнымъ, тогда какъ улемомъ нельзя сдѣлаться безъ образованія, а это является не малымъ преимуществомъ. [1]).

---

[1]) E. Sell. Op. cit pp. 103, 104

Въ особенности этотъ антагонизмъ силенъ въ Хэджасѣ, гдѣ, благодаря обычно высокопоставленнымъ улемовъ и шерифовъ, т. е потомковъ Пророка, для дервишскихъ орденовъ создались совершенно специальныя условія. И эти лица открыто враждебны орденамъ, которые при подобныхъ условіяхъ не могли бы совершенно существовать, если бы не находили поддержки въ населеніи Было бы ошибкой всю враждебность улемовъ къ орденамъ объяснять исключительно религіознымъ рвеніемъ,—пропаганда дервишей среди богомольцевъ отнимаетъ у улемовъ часть милостыни, которая должна бы была попасть къ нимъ цѣликомъ Помимо того, пришлые учителя иногда роняютъ ихъ престижъ. Для того, чтобы всячески противодѣйствовать пропагандѣ дервишей, улемы, при поддержкѣ шерифовъ, сговорились въ качествѣ хранителей и толкователей священнаго закона Они составили особый совѣтъ изъ муфтіевъ четырехъ ортодоксальныхъ школъ, проповѣдниковъ и учителей большой мечети, хранителя ключа Каабы, шейха муэззиновъ большой мечети и шеховъ каравановъ Медины. всякій шейхъ, который желаетъ основать орденъ или братство въ странѣ, долженъ передъ этимъ совѣтомъ доказать свое православіе и получить утвержденіе устава ордена. Будучи заинтересованными, эти судьи часто находятъ ереси тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и слѣда Что касается правительственной власти, то она допускаетъ ордена съ тѣмъ, чтобы они не вмѣшивались во внутреннія дѣла государства. Таковъ принципъ, но на практикѣ бывали исключенія, и Абдулъ Гамидъ широко пользовался услугами орденовъ для своихъ тайныхъ цѣлей. Въ Турціи ордена иногда подвергались преслѣдованіямъ, но въ самой Аравіи примѣненіе такихъ мѣръ рискованно, такъ какъ полудикое населеніе смотритъ на улемовъ далеко не ласковыми глазами. Будучи независимыми въ отношеніи внутренней организаціи, всѣ ордена въ Хэджасѣ поставлены въ административномъ отношеніи въ общую зависимость отъ шейх-ут-туруковъ, т. е. шейховъ «путей» (тарикатъ) Первоначально подобная мѣра была примѣнена въ Египтѣ, а потомъ перенесена въ Мекку, Медину и Джедду, а также и нѣкоторые другіе города. Разница съ Египтомъ та, что тамъ власть одного шейха распространялась на всю страну, а въ Аравіи въ каждомъ городѣ имѣется отдѣльный шейхъ. Назначеніе его—служить посредникомъ между правительственными властями и религіозными орденами въ такихъ вопросахъ, какъ ихъ участіе въ публичныхъ церемоніяхъ, разрѣшеніе проповѣди, управленіе вакуфными имуществами, признаніе ихъ начальствующихъ лицъ. Лишь благодаря выбору этихъ лицъ среди пользующихся уваженіемъ массы положеніе ихъ сдѣлалось очень высокимъ: нѣкоторые мукаддимы не замедлили признать духовное господство этихъ шейховъ, и эти по-

слѣдніе, имѣя своей обязанностью лишь утверждать мукаддимовъ, они на самомъ дѣлѣ стали ихъ назначать, т. е. сдѣлались дѣйствительной властью. Далѣе у нихъ явились провинціальные наибы, подъ именемъ шейх-уль-сэджджада. Тѣ, которые были недовольны такимъ порядкомъ вещей, изолировались, не признавая власть шейх-ут-турука, и этимъ самымъ они отказались отъ всякаго политическаго вліянія въ странѣ, что и было цѣлью турецкаго правительства. Однимъ блестящимъ исключеніемъ изъ этого правила является орденъ сэнусія, который сумѣлъ отстоять свою независимость, но о немъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ зависимости отъ шейх-ут-туруковъ въ Хэджасѣ находится свыше двадцати орденовъ, о главнѣйшихъ изъ которыхъ мы дальше и будемъ говорить. [1]).

Организація орденовъ Устройство орденовъ почти вездѣ одинаково. Глава ордена есть духовный наслѣдникъ его основателя и называется шейхомъ. Власть его неограниченна

Обыкновенно *шейхъ* проживаетъ въ одномъ изъ монастырей (завія), принадлежащихъ ордену Къ нему относятся съ величайшимъ почтеніемъ, и безусловное повиновеніе ему является основаніемъ системы. Шейхъ является, въ глазахъ учениковъ, почти Богомъ, онъ выше всего, о чемъ онъ постоянно и заявляетъ имъ, не теряя никогда случая освѣжить это въ ихъ памяти. Для многихъ это почтеніе обращается въ настоящій культъ шейха: у дервиша нѣтъ личной жизни, онъ живетъ волей своего шейха.

Въ большинствѣ случаевъ шейхъ самъ назначаетъ себѣ замѣстителя Шейхъ является центральной властью ордена, и въ этой власти заключается едва ли не главная сила духовныхъ конгрегацій. Въ зависимости отъ различныхъ условій, шейхи имѣютъ для своего представительства *наибовъ*, которымъ уже подчиняются мукаддимы.

Иногда же *мукаддимы* находятся въ непосредственномъ подчиненіи у шейха У нихъ имѣются специальныя обязанности. Въ каждомъ монастырѣ имѣется такой мукаддимъ (настоятель, приоръ), на обязанности котораго лежитъ завѣдываніе всѣми дѣлами подъ общимъ указаніемъ шейха. Такъ какъ мукаддимъ является представителемъ шейха, ученики должны безусловно повиноваться ему, и они не имѣютъ права предпринимать что-нибудь безъ его вѣдома. [2])

Мукаддимъ является лицомъ большого вліянія, и выборъ его дѣлается весьма тщательно. Обыкновенно онъ назначается изъ братьевъ ордена. Помимо завѣдыванія монастырскими дѣла-

---

[1]) Chatelier Op cit pp. 1—8.
[2]) E Sell. Op. cit p. 104

ми мукаддимы ставятся во главѣ различныхъ миссіонерскихъ предпріятій. Въ Турціи Константинопольскій муфтій имѣетъ право утверждать назначеніе этихъ людей, а Шейхъ-уль-исламъ устранять ихъ отъ занимаемой должности. Одинъ разъ или дважды въ годъ мукаддимы собираются вмѣстѣ, чтобы обсудить различные вопросы, касающіеся дѣлъ ордена. Съ этихъ собраній шейхъ отправляетъ братьямъ ордена пастырскія посланія. Онъ благословляетъ также амулеты, которые потомъ продаются. Тутъ же обсуждается вопросъ относительно принятія новыхъ членовъ въ орденъ Когда всѣ дѣла разсмотрѣны, члены собранія, носящаго названіе «хазратъ». т е. присутствіе, расходятся, получивъ благословеніе шейха. По возвращеніи домой, каждый мукаддимъ собираетъ братьевъ, а потомъ даетъ отчетъ о собраніи и читаетъ обращенное къ нимъ посланіе При этомъ онъ обыкновенно устраиваетъ имъ угощеніе Послѣ этого всѣ братья, одинъ за другимъ. привѣтствуютъ мукаддима и дѣлаютъ ему приношенія Это собраніе братьевъ также носитъ названіе «джалалль». или «славное».

Изъ числа *ихванъ*, т. е братьевъ, избирается нѣсколько человѣкъ въ качествѣ помощниковъ мукаддима. Они называются *вэкилями*, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить за чистотою въ монастырѣ и за всею денежною отчетностью, и *ракабами*, т. е. курьерами для выполненія почтовой службы.

Въ зависимости отъ величины общины, мукаддимъ имѣетъ еще другихъ помощниковъ въ лицѣ *чаушей*, или руководителей, *маддаха*, или уставщика; *кассада*, или пѣвца элегій; *аллама*, или знаменоносца; *саккаха*, или водоноса.

Всѣ эти должности выполняются братьями и въ ихъ глазахъ являются чуть ли не религіознымъ дѣломъ.

Остальные члены, принадлежащіе къ общинѣ, называются ихванъ, или братья. или *асхабъ*, т е. товарищи. Имѣется нѣсколько степеней этого братства или товарищества.

1) асхаб-уль-фэтва. т е. товарищи по рѣшенію;
2) асхаб-уль-бисатъ, т. е. товарищи по ковру;
3) асхаб уль-ашадъ. т е. товарищи по рвенію;
4) асхаб-уль-иэдъ, т е товарищи руки.

Но все это вмѣщаетъ въ себѣ общій терминъ *дервишъ*. По отношенію же къ духовному руководителю-пиру они называются *мюридами*, или учениками [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подъ именемъ дервиша разумѣется просто нищій, но это уже производное по аналогіи значеніе, ибо дервишъ является странствующимъ монахомъ, давшимъ обѣтъ нищенства

Братья должны отречься отъ міра, совершать религіозныя

[1]) E Sell. op. cit p 105.

уединенія, возможно большее время бодрствовать, поститься, и, равнымъ образомъ, на ихъ обязанности лежитъ выполненіе зіарата, хадія и зикра.

Зіаратъ есть религіозное посѣщеніе различныхъ мѣстъ съ цѣлью сбора денегъ на монастырь или на дѣла ордена. Обыкновенно сборъ совершается муккадимомъ черезъ чауша, который не особенно стѣсняется съ тѣми, кому жалко разставаться съ своими деньгами. Въ странахъ, находящихся подъ европейскимъ протекторатомъ, религіозному рвенію въ этомъ отношеніи положены извѣстныя границы, но въ другихъ мѣстахъ эти сборы тяжелымъ бременемъ ложатся на народъ.

Хадія есть искупительное приношеніе за грѣхи, совершаемое братьями. Грѣхомъ считается нарушеніе какого нибудь правила ордена или небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ.

Зикръ есть главнѣйшая часть ежедневной жизни члена ордена. Зикровъ множество, такъ какъ не только въ каждомъ орденѣ имѣется свой зикръ, но иногда даже въ одномъ орденѣ они различаются по братствамъ Зикръ можетъ совершаться громкимъ голосомъ, и тогда онъ называется *джали*, или мысленно, и тогда ему даютъ названіе тайнаго, *хафи*.

Зикр-и-джали совершается такъ. Сначала, сидя въ обыкновенной позѣ, братья повторяютъ слово «Аллахъ»; то же дѣлаютъ они принимая молитвенную позу; затѣмъ, подгибая ноги, они вновь тихимъ голосомъ говорятъ: «Аллахъ». Потомъ, особеннымъ образомъ растягивая слова, они произносятъ: «нѣтъ бога кромѣ Бога». Все это вмѣстѣ называется *зарбъ* и при каждомъ случаѣ повторяется сотни разъ.

Въ *зикр-и-хафи* это произносится мысленно. Но даже при произношеніи мысленнаго зикра дервишъ долженъ какъ бы повышать и понижать голосъ, и это искусство дается не сразу... Говорится, что зикръ производитъ единеніе сердца и языка при произнесеніи имени Бога. Подобнымъ зикру упражненіемъ является произнесеніе тасбиха, тавхида и такбира. Это основывается на томъ, что Пророкъ, будто бы, сказалъ, что тотъ, кто произноситъ тасбихъ сто разъ утромъ и сто разъ вечеромъ, заслуживаетъ прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ.

Непрестанно упражняясь въ этихъ благочестивыхъ занятіяхъ, дервиши пріобрѣтаютъ силу, которая подчиняетъ имъ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное сосредоточеніе мысли на однихъ и тѣхъ же словахъ должно вызывать какое то полусонное состояніе ума и ослаблять личную волю, что дѣлаетъ для дервиша болѣе легкимъ его подчиненіе волѣ старшихъ. Все разсчитано на совершенное уничтоженіе личности, и вся воля ордена сосредоточивается въ шейхѣ. [1]).

[1]) E. Sell op. cit. pp. 112—113.

Помимо вышеперечисленныхъ членовъ ордена, имѣются еще члены—соревнователи, или свѣтскіе члены ордена. Они не живутъ въ монастыряхъ, но имѣютъ на это право Лишь въ случаѣ нужды они прибѣгаютъ къ помощи, защитѣ или покровительству общины Для того, чтобы дать возможность опознать себя, они пользуются условными знаками или словами. Такъ какъ зачастую только совершенно случайные и внѣшніе мотивы заставляютъ ихъ вступать въ орденъ, отъ нихъ не требуется строгаго исполненія религіозныхъ обязанностей или зикра ордена.

Относительно установленія зикра существуетъ преданіе. Однажды Пророкъ собралъ своихъ любимыхъ учениковъ: Али бинъ-Абу Талиба, Абу Бакра ас-Сидыка, Омара ибнъ-аль-Хаттаба, Усмана ибнъ-Авфана и Анаса ибнъ-Малика (хотя относительно трехъ послѣднихъ существуетъ нѣкоторое сомнѣніе), чтобы научить ихъ новой молитвѣ, зикру Онъ заключилъ съ ними духовный договоръ и открылъ имъ силу этихъ молитвъ Основаніемъ для этого служитъ стихъ Корана: «вѣрующіе! вспоминайте имя Божіе и повторяйте его утромъ и вечеромъ» (Сура 33-я, ст. 41). Комментаторы не сходятся въ толкованіи этого стиха. Одни считаютъ, что слова должны быть повторяемы безконечное число разъ, другіе говорятъ, что они должны повторяться часто. Относительно подробностей преданія расходятся Одни говорятъ, что Пророкъ оставилъ открытой дверь комнаты, въ которой онъ былъ со своими учениками, другіе говорятъ, что онъ ее закрылъ, но что комната была освѣщена, третьи, наконецъ, говорятъ, что они дѣйствовали въ совершенной темнотѣ Отсюда три различныя школы, и каждая желаетъ согласоваться съ преданіемъ, которому она наиболѣе придаетъ вѣры Одни совершаютъ свои церемоніи открыто, другіе облекаютъ ихъ тайной, причемъ нѣкоторые ордена, напримѣръ хельватія, принимаютъ эту мѣру въ самой строгой степени [1]).

Основатели орденовъ были вполнѣ ортодоксальными мусульманами. они придерживались строго не только Корана, но и Сунны. Это можно сказать примѣнительно ко всѣмъ древнимъ орденамъ. Что касается основателей болѣе позднихъ орденовъ, то они обыкновенно слѣдовали ученію какого-нибудь знаменитаго богослова, который, въ свою очередь, основывался на ученіи первыхъ мусульманъ. Такъ какъ такое ученіе является слѣдованіемъ по правому пути, то шейхъ постепенно и ведетъ своихъ мюридовъ къ познанію истины Это даетъ имъ основаніе говорить, что цѣлью основанія ордена является прославленіе Бога, распространеніе ислама и спасеніе людей. Шейхи считаютъ себя

[1]) Chatelier. op cit. pp. 71, 72 Тафсир-и-мэвакибъ, т III, стр 356.

въ силахъ привести своихъ учениковъ къ состоянію духовнаго совершенства или по крайней мѣрѣ приблизить ихъ къ нему. Всякое новшество въ области догматовъ разсматривается какъ ересь, и гордость ордена заключается въ томъ, что онъ можетъ указать послѣдовательную передачу своего вѣрованія, восходя до первыхъ дней исламизма.

Если орденъ помогаетъ человѣку достигнуть степеней совершенства, то онъ дѣлаетъ это лишь въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ личнымъ склонностямъ каждаго.

Высшею степенью является *гаусъ*. Это—человѣкъ, который, благодаря высшей святости и вліянію своихъ заслугъ, способенъ быть носителемъ грѣховъ вѣрующихъ, отнюдь вмѣстѣ съ тѣмъ не компрометируя своего личнаго спасенія Поэтому онъ иногда называется гаус-уль-алэмъ, т е убѣжище міра или защитникъ міра.

Слѣдующей степенью святости является *кутбъ*, что соотвѣтствуетъ значенію «ось». Изъ наименованія можно заключить, что этотъ святой является центромъ вліянія, около котораго обращается дѣйствительное величіе міра. Онъ достигъ такой степени святости, что отражаетъ на вѣрующихъ сердце самого Пророка Существуетъ мнѣніе, что иногда кутбъ появляется въ мірѣ но люди не знаютъ этого У него есть излюбленныя мѣста, гдѣ онъ появлялся, какъ крыша Каабы, одни изъ воротъ стараго Каира и нѣкоторыя другія. Пространство для него не существуетъ, и онъ перемѣщается въ немъ внѣ времени: поэтому кутбъ, какъ бы, одновременно можетъ находиться въ различныхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, мѣстахъ

Автадомъ (столбы) называется святой человѣкъ, пользующійся вліяніемъ въ странѣ Это имя, въ равной степени, примѣняется въ мистическомъ значеніи къ тѣмъ, кто позналъ Бога. Такихъ автадовъ четверо.

Затѣмъ слѣдуетъ *хайяръ*, или человѣкъ превосходства Такихъ семь, и они все время проводятъ въ движеніи, распространяя всюду свѣтъ ислама.

Затѣмъ идутъ *абдалы*, т е измѣненные Ихъ сердца такъ очищены, что въ нихъ не остается никакого порока, и поэтому говорится, что «они измѣнились» Во вниманіе къ ихъ заслугамъ Богъ сохраняетъ и осыпаетъ благодѣяніями міръ. Такихъ семьдесятъ: сорокъ изъ нихъ пребываютъ въ Сиріи и тридцать въ различныхъ мѣстахъ Когда одинъ изъ нихъ умираетъ, Богъ назначаетъ ему замѣстителя, но никто не знаетъ, кто эти абдалы, ни гдѣ они находятся, такъ какъ это извѣстно лишь Богу.

Далѣе слѣдуетъ *наджибъ*, который является ближайшимъ помощникомъ мукаддима, и потомъ *накибъ*, или начальникъ.

Вали (или *вэли*)—другъ Бога—есть титулъ, который дается

святому человѣку послѣ его смерти То высокое почтеніе, которое оказывается этимъ людямъ или ихъ памяти, находитъ себѣ основаніе въ текстѣ Корана: «друзья Бога найдутъ себѣ убѣжище отъ всякаго страха. и печаль не постигаетъ ихъ» (Сура 10-я, ст. 63) Считается, что вали имѣютъ силу совершать чудеса (См. т II).

Эти различные классы святыхъ людей существуютъ для того, чтобы доказать подлинность Корана и правдивость Пророка. Говорится также, что они оказываютъ вліяніе на событія міра, и эту великую силу они пріобрѣтаютъ тщательнымъ соблюденіемъ Сунны и полнымъ самоотреченіемъ [1]).

Шейхи, или Великіе Мастеры орденовъ, очень искусны въ обращеніи новыхъ лицъ, примѣняя къ каждому наиболѣе подходящую для него систему,

Всѣ должны безусловно повиноваться шейху, держать въ тайнѣ дѣла ордена и исполнять его правила. Это является общимъ для всѣхъ орденовъ, но подробности ученія и дисциплина каждаго ордена мѣняются. Религіозно-настроенному ученику рекомендуется соблюдать малѣйшія подробности обрядовъ культа; суевѣрному даются талисманы; мистикъ находитъ удовлетвореніе въ религіозномъ экстазѣ, къ которому ведетъ его его благочестивая практика; ученый и философъ очарованы религіозными размышленіями надъ тѣмъ, что открывается для нихъ; слабый и притѣсняемый въ лицѣ ордена находитъ себѣ могущественную поддержку.

Лишь послѣ долгаго испытанія новичокъ принимается въ орденъ и медленно достигаетъ различныхъ его степеней. Церемонія пріема различна въ различныхъ орденахъ, но все же имѣется и много общаго Желающій вступить въ орденъ долженъ приготовиться къ принятію въ число его членовъ молитвой, постомъ, религіознымъ уединеніемъ и подачей милостыни. Когда въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ въ общихъ чертахъ обученъ всему, что отнынѣ должно будетъ составлять его обязанность, два брата приводятъ его въ собраніе дервишей, а потомъ къ мукаддиму или шейху, если этотъ послѣдній находится въ данномъ мѣстѣ.Онъ клянется, что будетъ исполнять всѣ правила ордена и безусловно повиноваться своимъ духовнымъ начальникамъ. Затѣмъ онъ произноситъ полное исповѣданіе вѣры ислама и повторяетъ названія семи аттрибутовъ Бога. Тогда онъ принимается въ орденъ, и его начинаютъ обучать зикру. Послѣ этого все собраніе прочитываетъ Фатиху, т. е. открывающую суру Корана, и каждый даетъ новичку братскій поцѣлуй.

---

[1]) E Sell op. sit pp. 108, 109

Въ нѣкоторыхъ орденахъ церемонія эта оканчивается очень быстро, тогда какъ въ другихъ она растягивается на долгое время, причемъ новичокъ подвергается самому унизительному обращенію, чтобы въ немъ выработался духъ покорности; словомъ, «въ рукахъ шейха онъ словно тѣло покойнаго въ рукахъ омывающаго его». Ему объясняютъ, что шейхъ - избранникъ Бога и что Богъ говоритъ его устами; что онъ не долженъ отвергать ничего изъ того, что говоритъ ему шейхъ, подобно тому, какъ больной не долженъ отвергать ничего изъ того, что даетъ ему докторъ.

Иногда шейхъ беретъ голову подготовляемаго, шепчетъ ему на ухо: «нѣтъ бога кромѣ Бога», и тотъ долженъ повторить это 101, 151 или 301 разъ Это называется *талькинъ* Послѣ этого новичокъ удаляется, долго въ одиночествѣ предается размышленію, пока не впадаетъ въ дремотное состояніе. Это состояніе называется *хильватъ* Но это уже переносное значеніе, такъ какъ по настоящему слово относится къ уединенію, въ которомъ является подобное состояніе Онъ долженъ разсказывать свои сны шейху Такъ продолжается нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, и только тогда новичокъ становится *мюридомъ*, т. е. чающій, въ подготовительномъ состояніи ему даютъ наименованіе *тальмизъ*.

Послѣ мюрида онъ дѣлается *факиромъ*, т. е. бѣднякомъ въ мистическомъ значеніи этого слова Въ этой степени онъ учитъ, что не имѣетъ ничего, и онъ не замѣчаетъ даже своего существованія Тутъ онъ вступаетъ на дорогу—*тарикъ*, имѣетъ видѣнія и иногда необыкновенныя сверхъестественныя откровенія.

Такимъ образомъ онъ обращается въ «путника»—*саликъ*— на мистической дорогѣ.

Многіе достигаютъ высшихъ степеней и дѣлаются *маджзубъ* т. е. привлекаемыми, другими словами, они привлекаются Богомъ и вдохновляются Жизнь такихъ дѣлается уже не матеріальной, а совершенно духовной, и они больше не нуждаются во внѣшнихъ обрядностяхъ религіи. Наконецъ, онъ такъ погружается въ созерцаніе Бога, что переходитъ въ состояніе *тавхиди*, т. е. единства, единенія съ Богомъ, отожествляется съ Нимъ и теряетъ всякое чувство отдѣльнаго существованія Лишь очень немногіе изъ дервишей достигаютъ этого высшаго состоянія. [1]).

Различныхъ религіозныхъ орденовъ очень много. Первый былъ основанъ въ первомъ вѣкѣ геджры, а послѣдній (изъ крупныхъ, такъ какъ мелкіе возникаютъ постоянно) въ 1293 году геджры. Говорятъ, что первымъ халифъ Абу Бакръ призвалъ

---

[1]) E Sell. op. cit. pp 110-112.

вѣрующихъ къ совмѣстной жизни. Познакомившись съ общимъ характеромъ орденовъ, мы можемъ перейти теперь къ болѣе близкому знакомству съ нѣкоторыми изъ нихъ, которые въ религіозномъ или политическомъ отношеніи играютъ болѣе или менѣе значительную роль въ мусульманскомъ мірѣ. Почти всѣ ордена называются по имени ихъ основателей.

Сидикія.

Сидикія—орденъ, получившій свое названіе отъ слова «сидикъ», т. е. вѣрный, которое было прозвищемъ Абу Бакра.

Въ настоящее время орденъ существуетъ въ Аравіи, Египтѣ и отчасти въ Алжирѣ.

Возведеніе ордена къ первымъ днямъ исламизма едва ли можно доказывать серьезнымъ образомъ; но что, восходя въ глубину вѣковъ, тамъ можно было найти извѣстныя идеи, которыя впослѣдствіи были облечены въ форму ученія различныхъ орденовъ, это несомнѣнно.

Выше намъ приходилось уже говорить о томъ, что раннія группировки мусульманъ были обязаны, съ одной стороны, политическимъ вліяніямъ, заставлявшимъ иногда забывать о чистой религіи, съ другой, были сдерживающимъ началомъ на пути всякихъ нововведеній.

Орденъ сидикія дѣйствительно древній, и установить его происхожденіе точнымъ образомъ не такъ легко, что дѣлаетъ до извѣстной степени возможнымъ примѣненіе къ нему теоріи «апостольской преемственности». Можно сомнѣваться, но категорическимъ образомъ этого благочестиваго обмана разоблачить нельзя за недостаткомъ значительныхъ для этого данныхъ.

Особенностью ордена является то, что никогда, повидимому, у него не было строгаго единства ни въ организаціи, ни въ формулировкѣ доктринъ. [2]).

Основнымъ принципомъ его является глубокое созерцаніе личности и добродѣтелей Пророка Результатомъ этого созерцанія бываетъ явленіе Пророка дервишамъ въ затруднительныхъ случаяхъ, а также и въ моменты экстаза. Какъ велика радость этого, говорятъ дервиши. можно узнать лишь по опыту. Однако этотъ основной принципъ примѣняется не вездѣ одинаково: являясь мистическими экстатиками въ Египтѣ, въ Аравіи послѣдователи ордена сидикія не отличаются ничѣмъ особеннымъ отъ правовѣрныхъ суннитовъ, и въ ихъ ученіи нельзя найти и слѣдовъ какого либо отдѣльнаго философскаго направленія. Иногда члены другихъ орденовъ, по политическимъ соображеніямъ, объ-

---

[2]) Chatelier. op cit. p 249.

являютъ себя принадлежащими къ сидикія, но продолжаютъ выполнять практику своего ордена.

Строго говоря, сидикія не могутъ быть названы ни орденомъ, ни школой, и упоминаемъ мы о нихъ лишь потому, что имя ихъ фигурируетъ въ числѣ другихъ орденовъ.

Увайсія.

Орденъ, извѣстный подъ именемъ увайсія, не распространился за предѣлы Аравіи.

О возникновеніи его разсказываютъ такъ. Въ 37-мъ году геджры одинъ затворникъ, по имени Увансъ-аль-Карамъ, возвѣстилъ, что ему во снѣ явился архангелъ Гавріилъ и объявилъ необходимость установленія ордена на самыхъ строгихъ аскетическихъ началахъ.

Почтеніе Уванса къ Пророку было такъ велико, что онъ вырвалъ себѣ зубы, потому что въ битвѣ при Оходѣ Мухаммедъ лишился двухъ зубовъ; своихъ послѣдователей онъ убѣдилъ поступить такъ же. Пророкъ, передаютъ преданія, весьма уважалъ Уванса и приказалъ, чтобы ему былъ данъ его собственный плащъ. Онъ былъ сдѣланъ изъ шерсти, съ воротникомъ и длинными рукавами, спускающимися до колѣнъ.

Говорятъ, что этотъ плащъ и по настоящее время сохраняется въ Константинополѣ потомкомъ Уванса, и однажды въ годъ его выносятъ въ процессіи. Фасонъ этого плаща послужилъ образцомъ для плащей дервишескихъ орденовъ [1].

Альванія.

Это былъ первый орденъ, имѣвшій специальныя правила и отдѣльныя религіозныя упражненія. Онъ былъ основанъ въ 149 году геджры шейхомъ Альваномъ Абу-Хашимомъ аль-Куфи. Онъ первый оформилъ правила для принятія новыхъ членовъ въ орденъ и установилъ обязанности духовныхъ наставниковъ и мюридовъ.

Уставъ ордена сохранился цѣликомъ со времени шеиха Альвана въ нѣкоторыхъ группахъ, но сами онѣ частью уже поглощены другими орденами.

Въ XII вѣкѣ геджры была попытка возстановить старый орденъ подъ тѣмъ же именемъ, но она не имѣла успѣха.

Бистамія.

Бистамія или бустамія—орденъ, основанный персомъ Абу

[1]) E. Sell op cit p. 116

Язидомъ (Баязидомъ) аль-Бистами въ 261 году Ученіе ордена есть ученіе суфи, каковымъ и былъ его основатель.

Не только послѣдователи этого ордена, но и многіе другіе считаютъ Абу Язида святымъ. Онъ дѣйствительно отличался аскетической жизнью.

Этотъ орденъ конечно съ православіемъ имѣлъ очень мало общаго Не приходится удивляться тому, что Бистами, будучи суфи, говорилъ своимъ ученикамъ: «да прославлюсь я! я выше всѣхъ вещей» [1])

Онъ оставилъ много сочиненій, и именно по его книгамъ аль-Газали познакомился со всѣми тонкостями суфизма. Самъ Газали, хотя и основалъ монастырь въ Тусѣ, но послѣ его смерти не составилось отдѣльнаго ордена. [2]).

Кадырія.

Орденъ кадирія былъ основанъ въ 561 году геджры Абдулъ Кадыромъ Джилани (или Гиляни), и онъ является однимъ изъ самыхъ многочисленныхъ и почитаемыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и однимъ изъ самыхъ древнихъ.

Внѣшнимъ отличительнымъ знакомъ дервишей этого ордена является бѣлый тюрбанъ; знамена ордена также бѣлаго цвѣта

Послѣдователей этого ордена, въ главной массѣ, можно найти въ Турціи, въ Сѣверной Индіи и Алжирѣ; болѣе мелкія группы попадаются въ Суданѣ.

Въ Индіи главный контингентъ братьевъ ордена составляютъ бѣдняки, которые болѣе извѣстны подъ именемъ «би-нава». т е. безъ пищи Другая вѣтвь, пользующаяся въ Индіи большимъ вліяніемъ есть кадирія—*акбарія*, хотя послѣдователи этой и представляютъ отличную отъ другихъ группу Группа основана шейхомъ Аль-Акбаръ Махи-уд-динъ ибнъ-аль-Арби аль-Хатими въ концѣ шестого вѣка въ Панджабѣ Но они болѣе извѣстны, какъ проповѣдники новыхъ доктринъ: *арбія* и *хатимія*. Подъ именемъ Шейха Садду, аль-Акбаръ является героемъ многихъ мѣстныхъ легендъ. [3]).

Въ началѣ XIX вѣка нашей эры орденъ выказалъ усиленную дѣятельность, что, можетъ быть, стояло въ связи съ вагабитскимъ движеніемъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія не мало обращеній суданскихъ язычниковъ въ исламизмъ было обязано мирной пропагандѣ именно этого ордена.

Орденъ былъ счастливъ въ выборѣ своихъ начальствующихъ

---

[1]) E. Sell op. cit p. 104.

[2]) D. B Macdonald. Muslim theology p. 225.

[3]) Chatelier. op. cit pp. 37, 38.

членовъ, среди которыхъ онъ одно время считали и шейха Ас-Сэнуси.

Основатель ордена, Абдулъ Кадыръ изображается человѣкомъ широкаго ума и съ доступнымъ чувствамъ сердцемъ. «Его орденъ былъ основанъ не только для того, чтобы мистическимъ ученіемъ исправлять испорченную нравственность мусульманъ, но также для того, что бы облегчать несчастія людей, успокоить обиженнаго и милостыней помочь дѣйствительно бѣдному». [1] Это милосердіе придало ордену рѣзко выраженный филантропическій характеръ Съ теченіемъ времени цѣль основателя забылась, но память объ этомъ живетъ, и зачастую нищіе просятъ подаяніе во имя шейха Абдулъ Кадыра. Широкое распространеніе ордена обязано главнымъ образомъ личнымъ качествамъ основателя, а не своей доктринѣ, которая ничѣмъ не отличается отъ ученія многихъ другихъ орденовъ.

Абдулъ Кадыръ умеръ въ Багдадѣ въ 561 году, къ которому относятъ основаніе ордена, оставивъ послѣ себя многочисленное потомство, среди котораго только сыновей было 27. Старшій изъ нихъ, Сиди Абд-ар-Разакъ заступилъ мѣсто отца въ качествѣ главы ордена и построилъ около могилы отца мечеть, теперь уже разрушившуюся. Тамъ же былъ устроенъ и главный монастырь ордена, управленіе которымъ переходило наслѣдственно въ старшей линіи. Такъ какъ еще при жизни Абдулъ Кадыра нѣкоторые изъ его сыновей отправились съ проповѣдью въ Аравію, Африку, Индію и Туркестанъ, то ихъ потомки, утвердившіеся въ этихъ странахъ, мало по малу перестали признавать власть багдадскаго шейха и образовали самостоятельные ордена. Такъ какъ доктрины оставались тѣми же самыми, то теперь этотъ орденъ и является однимъ изъ самыхъ распространенныхъ, хотя и существуетъ подъ различными именами Что касается Сѣверной Африки, тамъ монастыри существуютъ независимо, не поддерживая связи съ шейхомъ. Египетскіе братья подчиняются шейх-ус-сэджджада Каира, а онъ самъ признаетъ лишь власть шейха ут-турукъ [2]

Одному изъ мукаддимомъ ордена приписываютъ слова: «если бы Богъ не послалъ Мухаммеда въ качествѣ печати пророковъ, Онъ тогда послалъ бы Абдулъ Кадыра, который по своимъ добродѣтелямъ и милосердію болѣе всѣхъ людей походитъ на Іисуса Христа».

Главнѣйшей доктриной ордена является необходимость стремленія приходить въ мистическій экстазъ, опредѣляемый шейхомъ Сэнуси, какъ «уничтоженіе личности человѣка черезъ поглощеніе

---

[1]) E Sell. op. cit p 117

[2]) Chabbier op cit. pp. 34 – 36.

въ существѣ Бога» Опирающійся на эту доктрину ритуалъ является системой мистическаго упражненія Главнѣйшимъ упражненіемъ благочестиваго характера является зикръ.

Обыкновенно въ каждомъ орденѣ существуетъ два зикра, изъ которыхъ одинъ читается спеціально по праздникамъ. Праздничный зикръ, состоящій изъ основной формулы ислама: «нѣтъ бога кромѣ Бога» обязательно читается каждую пятницу въ мечети въ собраніи всѣхъ братьевъ. По будничнымъ днямъ собраніе лишь рекомендуется, но не является обязательнымъ. За зикромъ слѣдуетъ *хизбъ*, потомъ читаются нѣкоторыя другія молитвы Все это совершается подъ акомпаниментъ музыки, состоящей изъ барабана и флейты, и пѣнія. Собранія эти могутъ быть явными и тайными, въ зависимости отъ страны, гдѣ это происходитъ. Но, если нѣкоторыя церемоніи сохраняются въ секретѣ, самый зикръ никогда не считается тайной, и узнать его формулу очень легко. Менѣе охотно нѣкоторые изъ орденовъ сообщаютъ тѣ изъ именъ Бога, особенная сила которыхъ была возвѣщена въ откровеніи шеиху Но эти имена даже и членамъ ордена сообщаются не сразу, и это совершенно основательно: чѣмъ больше они ждутъ, тѣмъ охотнѣе вѣрятъ въ таинственную силу этихъ именъ. Мукаддимы по одному сообщаютъ ихъ ученикамъ, по мѣрѣ ихъ ознакомленія съ ученіемъ ордена

Зикръ не является единственнымъ для всего ордена, такъ какъ для новичковъ онъ одинъ, для братьевъ—другой. Кромѣ того, онъ иногда нѣсколько варіируется по монастырямъ. Въ нѣкоторыхъ орденахъ единообразіе болѣе велико, но нигдѣ оно не бываетъ абсолютно. Чѣмъ болѣе зикровъ повторяется въ теченіе дня, тѣмъ лучше, такъ какъ, по словамъ Абдулъ Кадыра, счастье—въ забвеніи существованія [1]).

Самъ Абдулъ Кадыръ достигъ въ этомъ отношеніи высокой степени совершенства. Ему иногда даютъ имя кутб-уль-кутубъ, т. е. святой святыхъ, и гаусъ-аль-азамъ, т. е. величайшій защитникъ. Говорятъ, что душа его витаетъ теперь между небомъ и землей, и что Богъ всегда исполняетъ его молитву за кого бы то ни было Ни одинъ святой не можетъ сравниться съ нимъ въ силѣ совершенія чудесъ

Будничный зикръ этого ордена очень длиненъ, но первоначально новичокъ долженъ только къ пяти ежедневнымъ обязательнымъ молитвамъ прибавлять: «нѣтъ бога кромѣ Бога», повторяя это 165 разъ. Таковъ зикръ въ Багдадѣ Въ Алжирѣ онъ замѣненъ другой формулой: сто разъ повторяется «да проститъ Богъ» и сто разъ «о, Боже! распространи свои благодѣянія на нашего господина Мухаммеда, неграмотнаго Пророка». Въ Египтѣ

---

[1]) Chatelier op cit. pp. 22 - 29

ограничиваются повтореніемъ 50 разъ послѣдняго воззванія, къ которому прибавляются имена аттрибутовъ Бога: «о, живой» сто разъ, «о, неизмѣнныи» сто разъ, и т. д.

Дальнѣйшая практика заключается въ повтореніи Фатихи съ намѣреніемъ, что награда за это должна пойти Пророку и и шейху Абдулъ Кадыру; въ повтореніи 121 раза словъ: «о, Боже! благослови нашего Господина Мухаммеда и его семейство», потомъ 121 разъ»: слава Богу! Хвала Богу! Нѣтъ бога кромѣ Него. Богъ великъ. Нѣтъ силы кромѣ какъ въ Высочаишемъ»; потомъ 121 разъ слова: «о, шейхъ Абдулъ Кадыръ», далѣе, сто разъ суру 36-ю, потомъ 41 разъ суру 72-ю, потомъ 121 разъ суру 110-ю; потомъ восемь разъ Фатиху, потомъ одинъ разъ суру 112-ю, и, наконецъ, трижды: «о, Боже! благослови Пророка» [1]).

Значительная часть дня должна быть посящена молитвѣ. Молитва бываетъ или *вирдъ* или *хизбъ*.

Вирдъ (что собственно значитъ приступъ, прибытіе) въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ краткаго воззванія, формулированнаго или основателемъ ордена или кѣмъ либо изъ его послѣдователей. Иногда бываетъ нѣсколько вирдовъ въ одномъ орденѣ. Произнесеніе ихъ считается божественнымъ дѣломъ, благочестивымъ актомъ. Разрѣшается читать вирды другихъ орденовъ, но свои считается болѣе дѣйствительнымъ для направленія дервиша по правому пути

Хизбъ есть родъ богослуженія, состоящаго преимущественно изъ чтенія стиховъ Корана, какъ это приведено выше.

Ни вирдъ. ни хизбъ не являются обязательными, но они тѣмъ не менѣе весьма распространены, и установленный шейхомъ хизбъ читается при всякомъ собраніи братьевъ.

При чтеніи зикра дервишъ быстро раскачивается верхней частью туловища Это чисто физическое воздѣйствіе на нервную систему совокупно съ упорнымъ сосредоточеніемъ мысли на Богѣ нерѣдко производитъ истерію на религіозной почвѣ. и болѣзненные припадки почитаются за единеніе съ Богомъ. Несомнѣнно, что находящійся въ такомъ состояніи рефлективно продолжаетъ свою мозговую работу и свои мысли принимаетъ за видѣнія, что конечно не мало способствуетъ усиленію вѣры.

Послѣ молитвы часто бываетъ чтеніе религіозныхъ поэмъ или же мистическихъ стихотвореній. въ которыхъ зачастую воспѣвается тѣлесная любовь. Говорятъ. что дервиши предаются даже различнымъ эксцессамъ подъ вліяніемъ всего слышаннаго и прочитаннаго.

Вотъ что говоритъ о зикрѣ одинъ мусульманскій авторъ: «если зикръ языка является искреннимъ, онъ сливается съ зикромъ

---

[1]) E Sell op cit p. 118.

сердца, и произносящій его слышитъ, какъ изъ его сердца имена возносятся къ Богу, но онъ не слышитъ того, что произносятъ его уста Если вѣрующій произноситъ зикръ устами и смотритъ на Бога сердцемъ, ему кажется, что онъ подымается надъ всѣми вещами. Частое повтореніе этихъ зикровъ приводитъ вѣрующаго въ состояніе полнаго экстаза онъ больше не слышитъ и не видитъ, но ему кажется, что весь міръ слышитъ зикръ его сердца» [1])

Такимъ образомъ, истерія вполнѣ можетъ быть принята за общеніе съ Богомъ.

Орденъ кадирія является однимъ изъ наиболѣе вѣротерпимыхъ Онъ поощряетъ сношенія съ правителями и высокопоставленными лицами: онъ поощряетъ ихъ милосердіе и ищетъ ихъ помощи

Шейхъ пользуется неограниченной властью. Во время наставленія новичка шейхъ беретъ его руку въ свою и говоритъ: «во имя Бога, Милостиваго, Милосерднаго! Я вѣрю въ Бога, въ Его ангеловъ, въ Его книги, въ Его пророковъ, въ день суда, въ Его рѣшенія, въ Его милости, въ Его наказанія и въ воскресеніе отъ смерти». На это новичокъ отвѣчаетъ: «я мусульманинъ, и я крѣпокъ въ моемъ поклоненіи и въ моей вѣрѣ. Я очищаюсь искреннимъ раскаяніемъ отъ всѣхъ моихъ грѣховъ. Я отвергаю всякую ересь. Нѣтъ бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ Его слуга и апостолъ. Отъ него я получаю принятіе въ этотъ орденъ. Я даю клятву вѣрности. Я обязуюсь повиноваться божественнымъ законамъ, дѣлать все какъ бы въ виду Бога, принимать то, что Ему будетъ угодно послать мнѣ, и благодарить его за смятеніе, которое можетъ охватить меня» [2]).

За этимъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ вопросовъ: если отвѣты на нихъ получаются удовлетворительные, то новичокъ принимается въ орденъ.

Съ теченіемъ времени орденъ распался на множество группъ, которыя, какъ мы уже сказали, не поддерживаютъ даже связи съ Багдадомъ. Существуетъ одна чисто внѣшняя связь, это— генеалогическія таблицы шейха Абдулъ Кадыра, которыя изготовляются на пергаментѣ въ центральномъ монастырѣ, продаются богомольцамъ, и тѣ за извѣстное вознагражденіе добиваются приложенія печати шейха. Послѣ этого реликвія уносится въ монастырь и хранится тамъ.

Та группа, которая наиболѣе сохранилась отъ первональнаго ордена, не выходитъ за предѣлы Турціи, но и тамъ даже она уже раздробилась: приверженцевъ ордена много, но нѣтъ

---

[1]) Chatelier op cit p 32.
[2]) E. Sell op. cit p. 118

связи между ними. Обстоятельства сложились такъ, что шейхъ играетъ лишь второстепенную роль, тогда какъ главная перешла къ хранителю могилы шейха Абдулъ Кадыра. Въ распоряженіи этого послѣдняго находятся громадныя вакуфныя имущества и капиталы, составившіеся изъ пожертвованій богомольцевъ, совершающихъ благочестивые визиты къ могилѣ основателя ордена.

Въ Меккѣ имѣется восемь монастырей и два въ Джеддѣ. Кромѣ монастырей, по всему Хэджасу разбросано множество принадлежащихъ ордену убѣжищъ [2])

Рифайя.

Рифайя, или орденъ воющихъ дервишей, основанъ въ 576 (или 578) году Ахмедомъ ар-Рифаи изъ Багдада. который считался замѣчательнымъ богословомъ своего времени и былъ племянникомъ и ученикомъ Абдулъ Кадыра аль-Джилани, съ проповѣдью ученія котораго онъ отправился въ Иракъ Араби. Вскорѣ онъ основалъ собственный орденъ, догматическая доктрина котораго отъ доктрины кадирія отличается только тѣмъ, что шейху приписывается миссія, равная миссіи Пророка Себя онъ объявилъ носителемъ такой миссіи и подъ своимъ именемъ объединилъ своихъ учениковъ. Къ этой школѣ примыкаютъ нѣкорыя вѣтви *бадавія*.

Если Абдулъ Кадыръ, въ глазахъ своихъ послѣдователей, былъ только святымъ, ар-Рифаи былъ хранителемъ божественнаго проявленія: глубокое почтеніе къ первому обратилось въ культъ ко второму.

Рифайя допускали, что ихъ шейхъ получилъ свою миссію прямо въ экстазѣ. Рифаи довелъ практику экстатиковъ до крайнихъ предѣловъ, сдѣлавъ ее очень сходной съ фокусами индійскихъ факировъ: глотаніе скорпіоновъ и змѣй или горячихъ углей, лежаніе на пылающихъ угольяхъ—и теперь еще составляютъ особенность религіозной практики рифайя дервишей. [2]). Они тушатъ огни собственными тѣлами.

Знамена и тюрбаны этого ордена чернаго цвѣта. и европейцы въ Африкѣ, завидѣвшіе группу черныхъ тюрбановъ. невольно задерживаются около нихъ въ ожиданіи ихъ религіозныхъ упражненій. Но едва ли пріятно смотрѣть на нихъ. Имъ ничего не стоитъ прокалывать себѣ руки и щеки, а иногда грудь и животъ, ножами и дротиками. Въ этомъ отношеніи они сходны съ *айсава*, но въ идеѣ этой практики заключается различіе: тогда какъ айваса видятъ въ развитіи патологическихъ явленій свое

---

[1]) Chatelier op cit p 41—47.
[2]) Chatelier. Op. cit pp. 203 ,204.

прямое назначеніе въ качествѣ членовъ ордена, для рифайя это является воздаваніемъ почестей своему шейху, это—празднество въ его память Такъ какъ у рифайя эти мистическія безумства не являются обязательными, то и охотниковъ на ихъ выполненіе находится гораздо меньше.

Зикръ во время хазрата совершается такъ Первое время они произносятъ формулу. «нѣтъ силы и могущества, какъ въ Богѣ», и при этомъ раскачиваютъ голову взадъ и впередъ. Затѣмъ они составляютъ цѣпь, кладя руки на плечи. Все ускоряющимся темпомъ они то откидываются всѣ назадъ, то вновь сбѣгаются впередъ, выкрикая при этомъ «нѣтъ бога кромѣ Бога», и слова этой формулы обращаются въ какой то однообразный дикій вой. Всѣ понемногу начинаютъ приходить въ экстазъ Нѣкоторые падаютъ въ изнеможеніи, другіе бросаются на ранѣе приготовленныхъ змѣй и костры и кричатъ при этомъ: «о, Рифаи!».

Хотя между этимъ орденомъ и кадирія имѣется много общаго но мѣста ихъ въ исламѣ совершенно различны. Тогда какъ кадирія является однимъ изъ наиболѣе популярныхъ орденовъ, рифайя, за исключеніемъ Турціи, пользуется извѣстностью лишь въ странахъ съ арабской рѣчью

До конца седьмого вѣка орденъ былъ нераздѣленъ, потомъ раздоры многочисленнаго потомства Рифаи раздробили его. въ Египтѣ образовалось братство *шаббанія*. въ Иракѣ—*казрунія* Затѣмъ появились. *саадія*, *хабибія*, *джандалія* и др. Наиболѣе вѣрными основному ордену и сохранившими его имя остались вѣтви въ Сиріи и Аравіи Въ свою очередь вновь образовавшіяся братства раздробились на еще болѣе мелкія Изъ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить *рифайя-сайядія*, сдѣлавшихся довольно могущественными въ Турціи, въ особенности когда во главѣ ихъ стоялъ знаменитый шейхъ Абуль-Худа. пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на Абдулъ Гамида.

Въ Египтѣ выдѣлилась вѣтвь *ананія*. [1]).

Орденъ весьма фанатиченъ и отличается сильною ненавистью къ европейцамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ турецкаго (т е. сирійскаго) братства всталъ шейхъ Абуль Худа Его положеніе при Султанѣ позволяло ему вліять и на хэджасскихъ рифайя Расположеніе шейховъ этихъ братствъ было достигнуто богатыми подарками и другими знаками султанской милости, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать изъ нихъ преданныхъ слугъ и слѣпыхъ исполнителей воли Султана. Когда Абдулъ Гамидъ особенно рѣзко повелъ политику панисламизма, они были одними изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ пропаганды среди паломниковъ.

---

[1]) Chatelier. or. cit pp. 204—208

Чистія.

Этотъ орденъ былъ основанъ въ 636 году Мухи-уд-диномъ аль-Чисти, который былъ ученикомъ Абдулъ Кадыра Джилани. Главный контингентъ членовъ этого ордена состоитъ изъ шіитовъ.

Чистія совершаютъ свой зикръ громогласно и подъ музыку.

Орденъ этотъ, существующій почти исключительно въ Индіи, является вѣтвью ордена кадирія.

Шаделія.

Орденъ шаделія или *шазилія* былъ основанъ въ 665 году Абу Хасаномъ аль-Шадели Въ немъ есть кое что общее съ орденомъ хельватія.

Основатель ордена принадлежалъ къ захудалой шерифской фамиліи въ Марокко, неподалеку отъ Цеуты До него въ этой части Африки существовало очень немного религіозныхъ братствъ. Самымъ вліятельнымъ былъ орденъ *мадаія*, основанный въ шестомъ вѣкѣ Абу Мадіаномъ аль-Андалузи, который былъ ученикомъ Абдулъ Кадыра Джилани. По возвращеніи въ Марокко, Абу Мадіанъ основалъ свой орденъ, по ученію сходный съ кадирія, но одновременно много заимствовавшій и отъ мистика аль-Джунаида Преемникъ Абу Мадіана былъ убитъ, и его замѣстилъ Абуль Хасанъ. Онъ былъ еще молодъ и отправился въ Египетъ, чтобы завершить свое образованіе. Предварительно онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Тунисѣ, гдѣ, какъ и въ Египтѣ, велъ аскетическій образъ жизни это доставило ему славу среди народа и враждебно настроило противъ него улемовъ. Тогда онъ принялся за ученіе и скоро сдѣлался учителемъ своихъ враговъ, —всѣ оффиціальные улемы перешли на его сторону. Изъ Каира его ученіе разошлось по всему свѣту Не меньше его вліяніе было и въ Меккѣ, гдѣ улемы также признали его духовную власть, какъ учителя.

Онъ не проповѣдывалъ отдѣльной доктрины — догматической или ритуальной,—и орденъ его имени создался уже послѣ его смерти. Онъ умеръ внезапно, у него не было наслѣдника, а замѣстителя онъ не успѣлъ назначить Точнымъ образомъ не извѣстно даже мѣсто его могилы. Такимъ образомъ, приверженцы его остались безъ руководителя. Ученики пытались объединиться, но изъ этого ничего не вышло,—не было опредѣленной и ясно выраженной доктрины, которая была бы доступна для массы, и эта послѣдняя дѣйствительно уже въ скоромъ времени выдѣлилась изъ образованной учениками Абуль Хасана группы. Въ

началѣ восьмого вѣка шерифская фамилія Египта Уфа отдѣлилась отъ шаделія и образовала свой орденъ *уфайя*.

Орденъ шаделія однако не могъ уничтожиться безслѣдно, такъ какъ слава его основателя была слишкомъ велика, и Мухаммедъ Уфа былъ избранъ шейхомъ Съ тѣхъ поръ духовная власть наслѣдственно переходитъ въ его родѣ Но и этотъ возсозданный орденъ постигла общая почти всѣмъ орденамъ участь. — онъ сталъ дробиться: лишь одна группа, болѣе вѣрная первоначальному ученію, сохранила свое имя шаделія. Эта группа наиболѣе представлена въ Хэджасѣ [1]), тогда какъ остальныя разсѣяны немного повсюду: въ Египтѣ, Алжирѣ, Сиріи, Турціи и Аравіи; въ небольшомъ количествѣ имѣются онѣ и въ Индіи

Почти всѣ новѣйшіе ордена придерживаются этого ученія. Къ такимъ отчасти могутъ быть отнесены *бэккайя*—въ Тимбукту, *керзайя*—въ Туатѣ, *айсава*, *арусія*, *джазулія*, *саруклія*, *рашидія*, *деркава*, *акарія*, *мелалія*, *моршидія*.

Какъ мы замѣтили, у шаделія имѣется много общаго съ хельватія, но есть и различія въ подробностяхъ доктрины. Общій характеръ всѣхъ принадлежащихъ къ этому ордену братствъ— допущеніе принципа таинственнаго пути (тарикатъ) и договора, открывающаго входъ на этотъ путь. Такимъ образомъ, послѣднія соединены въ группы и связаны обѣтомъ покорности своему духовному начальству, по приказанію котораго онѣ выполняютъ извѣстные обряды.

Въ чистомъ орденѣ шаделія преобладаетъ философская доктрина, тогда какъ другіе болѣе цѣнятъ его основателя въ качествѣ мистика и провидца, чѣмъ какъ учителя и философа; и главное отличіе шаделія отъ другихъ заключается въ томъ, что ихъ группа представляетъ болѣе философскую школу, чѣмъ религіозный орденъ, и въ дѣлѣ духовнаго воспитанія роль его громадна.

Шаделія, при всей своей разбросанности, отличаются большимъ единствомъ дѣйствія, чѣмъ другіе ордена. Духовное наслѣдство Шадели заключается въ нѣсколькихъ нравственно-богословскихъ трактатахъ; примѣненіе его доктрины является обязательнымъ для членовъ ордена вслѣдствіе чего личность шейховъ или мукаддимовъ не можетъ особенно влять на политическій характеръ братствъ.

Доктрины Шадели имѣли много общаго съ суфизмомъ; чтобы внѣшнимъ образомъ отмѣтить это сходство, Шадели приняли ношеніе исключительно бѣлыхъ одеждъ изъ шерсти. Шейхи передаютъ свои одежды своимъ ученикамъ въ знакъ соединяющей ихъ духовной связи. Это основывается на томъ, что во

[1]) Chatelier. or. cit. pp 77—83.

время своего путешествія на небо Мухаммедъ былъ введенъ архангеломъ Гавріиломъ въ блестящій дворецъ, въ которомъ находился сундукъ съ цвѣтными одеждами Пророкъ взялъ себѣ нѣсколько и, поносивъ ихъ немного, передалъ своимъ любимымъ ученикамъ

Въ главнѣйшихъ чертахъ доктрина шаделія сводится къ слѣдующему: возвысить свои стремленія, съ жаромъ посвятить себя служенію Богу и строго соблюдать основы божественнаго закона, т. е. общей мистицизму тенденціи; нравственная чистота достигалась убѣжденной вѣрой, а не обрядовой практикой

Шаделія, а равно и образованный классъ, находящійся подъ вліяніемъ этого ордена, олицетворяютъ умѣренную оппозицію европейской цивилизаціи—въ силу рациональнаго мышленія, а не въ силу слѣпого фанатизма. Чистая доктрина шаделія, и это надо признать, укрѣпляетъ исламъ именно тамъ, гдѣ всего больше опасность отъ европейской цивилизаціи,—въ образованныхъ классахъ.

Приблизительно можно сказать, что изъ первоначальнаго ордена шаделія произошли три различныхъ группы:

1) шерифскія братства, которыя должно считать въ числѣ мистиковъ,

2) независимыя братства, лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ доктрины уклонившіяся отъ первоначальнаго ученія, и

3) школа мистической философіи, которая имѣетъ особенно много приверженцевъ среди улемовъ и образованнаго класса Хэджаса.

Въ Хэджасѣ шаделія имѣетъ много монастырей и убѣжищъ, но они не играютъ тамъ значительной роли Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ вѣтвью *рашидія*.

Это братство было основано въ десятомъ вѣкѣ хеджры Сиди Ахмадомъ ар-Рашидомъ и раздѣлилось на нѣсколько вѣтвей, распространенныхъ главнымъ образомъ въ Марокко, Оранѣ и Алжирѣ. Сиди Ахмадъ разослалъ въ разныя стороны своихъ многочисленныхъ дѣтей для проповѣди своей доктрины. Одни изъ нихъ, по преданію, учредились, въ Египтѣ. Во всякомъ случаѣ, среди учениковъ Сиди Ахмада бинъ Идриса, учителя Шейха Сэнуси, находился египтянинъ по имени Сиди Ибрагимъ ар-Рашиди, который происходилъ. повидимому, отъ основателя ордена рашидія. Онъ послѣдовалъ за своимъ учителемъ въ Саабію и не желая, послѣ его смерти, принимать участія въ спорахъ между Мухаммедъ Усманомъ аль-Эмиргани и шейхомъ Сэнуси, вернулся въ свою родную страну. До тѣхъ поръ онъ сообразовался съ ученіемъ *идрисія*, но, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, онъ не замедлилъ вернуться къ доктринамъ шаделія и задумалъ воскресить правила рашидія въ Египтѣ. Однако тамъ

онъ успѣха не имѣлъ,—все свелось къ устройству одного монастыря около Люксора.

Видя неуспѣхъ. онъ вернулся къ Мекку, гдѣ начало было не особенно счастливо Происками улемовъ онъ былъ обвиненъ въ ереси, но передъ спеціальнымъ трибуналомъ онъ блестяще опровергъ это обвиненіе. Это сразу создало ему извѣстный престижъ, и къ нему со всѣхъ сторонъ начали стекаться пожертвованія для постройки монастырей Вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ популярныхъ шейховъ Мекки. Не будучи точнымъ воспроизведеніемъ первой доктрины, новый орденъ имѣлъ съ ней много общаго и, по смерти основателя въ 1291 году, принялъ его имя

Это братство, вмѣстѣ съ *эмиранія* и *сэнусія*, представляютъ школу Сиди Ахмада бинъ-Идриса, самую могущественную въ современномъ исламѣ Что въ этомъ отношеніи даетъ нѣкоторое преимущество рашидія и во всякомъ случаѣ заставляетъ обратить на нихъ вниманіе, это то обстоятельство, что далеко не всѣмъ мусульманамъ нравятся непримиримыя доктрины сэнусія, а поведеніе потомковъ Эмиргани значительно вредитъ ихъ престижу. Такимъ образомъ, къ тѣмъ качествамъ, которыя даютъ ордену рашидія право на извѣстное вліяніе, присоединились еще случайныя обстоятельства, представляющія для него немаловажныя выгоды.

Другое шаделійское братство, *моршидія*, было распущено въ 1304 году, послѣ восьмилѣтняго своего существованія. Орденъ былъ основанъ Али ибнъ-Якубомъ аль-Муршиди аль-Санди Онъ былъ блестящимъ ораторомъ и не замедлилъ собрать около себя обширную аудиторію. Необыкновенный успѣхъ заставилъ его отказаться отъ роли простого учителя, и онъ основалъ орденъ, которому и далъ свое имя Ревностные ученики распускали слухи о его чудесахъ: хотя никто и не впдѣлъ. но это не мѣшало многимъ искренно вѣрить въ нихъ. Эта слава вскружила ему голову, и онъ попросту зарвался; ученіе его перешло въ чистый суфизмъ, и онъ въ концѣ концовъ объявилъ себя воплощеніемъ божественнаго существа. Послѣ краткаго періода смущенія, всѣ отшатнулись отъ него, и шейхъ былъ схваченъ и приведенъ передъ трибуналъ улемовъ Онъ и не думалъ защищаться, а, напротивъ, поддерживалъ свое ученіе. Онъ былъ единогласно осужденъ, и послѣ трехдневнаго публичнаго надруганія его бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и былъ уморенъ голодомъ [1]).

Мавлявія.

Мавлявія, иначе орденъ танцующихъ дервишей, является

[1]) Chatelier op cit pp. 84—99.

самымъ популярнымъ орденомъ въ Турціи Дервиши мавлявіи славятся своей музыкой и мистическими танцами, которые главнымъ образомъ состоятъ въ быстромъ вращеніи Говорятъ, что это должно изображать вращеніе сферъ, а также круговое движеніе души, порожденное вибраціями ея любви къ Богу.

Они совершаютъ свои молитвы въ молчаніи, стоя и поворачиваясь съ востока на западъ

Орденъ былъ основанъ знаменитымъ поэтомъ мистикомъ Мавлана Джалаль уд-диномъ Руми въ концѣ седьмого вѣка геджры, и всѣ шейхи ордена являются потомками основателя.

Что касается настоящей физіономіи ордена, то можно сказать, что онъ соединяетъ въ себѣ строгую религіозную практику, политическую услужливость правительственной власти и довольно свободныя церемоніи, въ которыхъ развѣ лишь при очень сильномъ воображеніи можно увидѣть что-либо религіозное.

Накшбандія.

Орденъ накшбандія былъ основанъ въ концѣ восьмого вѣка геджры, и онъ является очень крупной и важной группой, распространенной главнымъ образомъ въ Турціи и Азіи. Подобно кадирія, хельватія и шаделія, онъ является однимъ изъ основныхъ орденовъ ислама

Основалъ его Пиръ аль-Ходжа Мухаммедъ Баха-уд динъ, который считался продолжателемъ ученія почитаемаго шіитами имама Али Риза Онъ родился въ 719 году въ Бухарѣ, которая въ то время была крупнѣйшимъ религіознымъ центромъ Средней Азіи. Начавъ съ изученія арабской литературы, онъ потомъ посвятилъ себя исключительно ознакомленію съ различными доктринами мистицизма, и въ этой отрасли онъ сталъ пользоваться заслуженной славой Онъ открылъ курсъ и скоро уже имѣлъ множество учениковъ, такъ какъ, помимо широкихъ и разносторонніхъ знаній, природное краснорѣчіе и пылкій темпераментъ давали ему возможность пользоваться ими наиболѣе продуктивнымъ образомъ: онъ былъ столько же ученый профессоръ, сколько и вдохновенный проповѣдникъ

Его пантеистическій мистицизмъ нѣсколько напоминалъ ученіе Баязида аль-Бистами, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя его до извѣстной степени сближали съ сектой *исмаилія* Отъ этой послѣдней онъ заимствовалъ ученіе о внутреннемъ духѣ. Что касается самаго имени «накшбандъ», то оно примѣняется къ мистическимъ картинамъ небесной жизни, заимствованнымъ у исмаилія Баха уд диномъ. Цѣлью основанія ордена Баха ставилъ возвращеніе ислама къ его первоначальной чистотѣ. Подобная мысль была вполнѣ естественна послѣ нѣсколькихъ вѣ-

ковъ почти непрерывнаго раздора и такого дробленія ислама, который минутами начиналъ угрожать самому существованію религіи.

Несмотря на эклектизмъ системы накшбандія, православіе ордена не было никогда оспариваемо ни одной изъ четырехъ ортодоксальныхъ школъ. Среди его послѣдователей можно найти не мало ученыхъ и людей, занимающихъ высокое положеніе. Начальныя степени ученія ордена очень близко подходятъ къ ученію Абу Бакра, что, въ связи съ высокимъ положеніемъ многихъ его членовъ, создаетъ ему исключительно высокое положеніе среди другихъ орденовъ

Накшбандія имѣютъ лишь конечную цѣль пантеистическаго освященія и допускаютъ одновременно какъ физическіе, такъ и моральные методы, могущіе вести къ этому Кромѣ того, они проповѣдываютъ двойную систему. *батинія*, т. е. приверженцевъ внутренняго, скрытаго смысла, и *захирія*, или приверженцевъ внѣшняго. Батинія, въ свою очередь, подраздѣляются на два класса.

Исходной точкой ученія первыхъ является положеніе, что человѣкъ постоянно находится передъ очами Бога, и они наблюдаютъ за своимъ сердцемъ стараясь изгнать изъ него все мірское; чтобы сдѣлать это легче, они должны погрузиться въ созерцаніи божества, совершенно отрѣшаясь отъ собственнаго существа Правило этого класса можно охарактеризовать, какъ стремленіе къ нравственному очищенію и къ экстатическому созерцанію. Второй классъ батинія прибѣгаетъ къ методамъ болѣе физіологическимъ —они должны погрузиться въ духѣ своего шейха. Для этого, говоритъ шейхъ Сэнуси, надо запечатлѣть въ умѣ образъ своего шейха и считать его какъ бы своимъ правымъ плечомъ, потомъ провести отъ плеча къ сердцу линію, назначеніе которой дать дорогу духу шейха, чтобы онъ могъ овладѣть этимъ органомъ. Этотъ актъ долженъ возобновляться до тѣхъ поръ пока духовный глава, котораго вызываютъ такимъ образомъ, не поглотитъ вызывающаго во всемъ объемѣ его существа. Чтобы сдѣлать это объясненіе болѣе понятнымъ, надо сказать что оно примѣняется къ извѣстной формѣ истеріи, которая такъ распространена среди дервишей. Все это дополняется молчаливымъ (въ большинствѣ случаевъ) зикромъ.

Захирія совершаютъ молитву вслухъ Во время зикра они закрываютъ глаза, сжимаютъ губы, прикладываютъ языкъ къ небу, а руки складываютъ на ляжкахъ въ обыкновенной молитвенной позѣ Тогда, какъ объясняетъ шейхъ Сэнуси, они удерживаютъ дыханіе и суровымъ голосомъ произносятъ: «нѣтъ бога кромѣ Бога», подымая голову отъ половины тѣла и приводя ее въ естественное положеніе; потомъ поворачиваютъ голову направо

и налѣво, повторяя тѣ же слова. Производится это несчетное число разъ. Потомъ, поворачивая голову направо и задерживая дыханіе, произносятъ: «Мухаммедъ Пророкъ Бога» и «о, Божество! Ты моя цѣль, я вѣрю въ Тебя и умоляю Тебя» Послѣ этого дѣлаютъ передышку, а затѣмъ повторяютъ то же снова и снова

Обыкновенно зикръ во время собраній ограничивается помимо добавочныхъ молитвъ хизба и вирда, повтореніемъ формулы «нѣтъ бога кромѣ Бога» Что отличаетъ накшбандія отъ другихъ дервишей, это низкій басъ, которымъ они повторяютъ свои молитвы голосъ выходитъ какъ бы изъ глубины ихъ внутренностей Всѣ свои физическія и нравственныя силы они сосредоточиваютъ на произнесеніи молитвы; при этомъ также удерживается дыханіе. Это въ концѣ концовъ приводитъ къ тому же состоянію, котораго ищутъ и батинія Каждое воззваніе должно быть дѣлаемо безъ передыха Практикой достигается искусство дѣлать многократное повтореніе формулы безъ передыха. Все это есть лишь механическое средство для вызова извѣстнаго патологическаго состоянія Въ нѣкоторыхъ братствахъ зикръ сопровождается бѣшеной пляской. дервиши кружатся съ развѣвающимися волосами и испускаютъ дикіе вопли. У насъ въ Туркестанѣ можно видѣть эти танцы, нѣсколько напоминающіе практику айсава и рифайя

Все это позволяетъ считать доктрину накшбандія мистическимъ ученіемъ всѣхъ оттѣнковъ, которое и сближаетъ его съ другими орденами. Всего же болѣе общаго это ученіе имѣетъ съ ученіемъ суфи, за исключеніемъ высшей корректности частной жизни, чѣмъ не можетъ похвалиться большинство суфи Они съ суровой критикой относятся къ тѣмъ эксцессамъ, которымъ предаются дервиши другихъ орденовъ.

Исходя изъ пантеистическаго освященія, накшбандія, и въ особенности батинія, создали цѣлую мистическую теорію, которая до извѣстной степени не лишена доли научнаго интереса; во всякомъ случаѣ въ своихъ исканіяхъ, можетъ быть не всегда сознательныхъ. опредѣленія законовъ психической силы, они опередили ученыхъ Запада Они допускаютъ существованіе души и, чтобы развить ея силу, они предаются упражненію силы воли. Существуетъ цѣлая система послѣдовательныхъ практикъ, которыя помогаютъ достиженію желаемаго результата. Сама по себѣ эта практика не представляетъ ничего особеннаго, но результатомъ ея иногда бываетъ дѣйствительно исключительное могущество концентраціи воли. Однимъ изъ феноменовъ этой послѣдней является внушеніе на разстояніи: естественный результатъ естественныхъ силъ, но чудо—въ глазахъ толпы. И совершающій подобное чудо дервишъ естественно представляетъ-

ся одареннымъ сверхъестественной силой, что и даетъ имъ нѣкоторое право на званіе владыкъ духовнаго міра. Время отъ времени появляющіеся и у насъ въ Туркестанѣ ишаны, если не принадлежатъ къ ордену накшбандія, безусловно являются близкими его подражателями—съ тою разницею, что они съ болѣе легкой совѣстью прибѣгаютъ къ шарлатанству, чѣмъ чистые накшбандія.

Чтобы резюмировать, скажемъ, что вліяніе накшбандія основано на широкой приспособляемости ихъ мистической теоріи, ихъ личной честности и приписываемой имъ въ нѣкоторыхъ странахъ сверхъестественной силѣ, т. е причины ихъ вліянія состоятъ изъ обстоятельствъ какъ дѣйствительныхъ, такъ и мнимыхъ.

По своей доктринѣ и религіозному ритуалу накшбандія является однимъ изъ наиболѣе сложныхъ орденовъ, и нѣкоторыя особенности доктрины представляютъ исключительный интересъ, такъ какъ ничего подобнаго мы не находимъ въ ученіи другихъ орденовъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ накшбандія развиваютъ теорію внутренней души до того, что допускаютъ нѣкоторое переселеніе душъ.

Особенность представляютъ правила принятія въ орденъ: шейхъ не рѣшаетъ самъ, можетъ ли новичокъ быть принятъ,—рѣшеніе этого онъ предоставляетъ судьбѣ, голосъ которой въ этомъ случаѣ онъ узнаетъ при помощи гаданія на четкахъ. При утвердительномъ отвѣтѣ, новичокъ принимается; въ противномъ случаѣ, принятіе откладывается на болѣе или менѣе продолжительное время, иногда же послѣ этого кандидатъ уже совершенно не допускается къ новому испытанію.

По правиламъ ордена, молитва должна быть общей, поэтому хазратъ посѣщается по возможности всѣми учениками. Обязательство общей молитвы заставляетъ послѣдователей ордена жить группами, и естественнымъ слѣдствіемъ этого явилось множество монастырей. въ Турціи и въ Средней Азіи ихъ можно считать крупными сотнями, если не тысячами.

Одной изъ особенностей общей молитвы является чтеніе Суры 112-й до 1001 раза. Счетъ ведется по камешкамъ, которые раздѣляются между присутствующими: по мѣрѣ чтенія каждый выбрасываетъ по камешку впередъ, и когда всѣ они вновь собираются по срединѣ, молитва считается оконченной Таковъ зикръ въ Средней Азіи. Въ Индіи размѣщеніе камешковъ нѣсколько отличается отъ этого Нѣкоторые изъ дервишей, находя обычную практику вызыванія экстаза слишкомъ продолжительной, прибѣгаютъ къ опію или бенгу, хотя это и запрещено правилами ордена. Но справедливость требуетъ сказать, что къ этому прибѣгаютъ лишь худшіе.

Какъ выше было сказано, намѣреніемъ Баха было приведеніе ислама къ первоначальной чистотѣ: не онъ былъ первый на этомъ неблагодарномъ поприщѣ, и неудача его въ этомъ не могла никого удивить—результаты его дѣйствія, какъ во всѣхъ почти подобныхъ случаяхъ, имѣли лишь нѣкоторый частичный успѣхъ Однимъ изъ главныхъ препятствій для широкаго успѣха было то, что мусульмане изъ послѣдователей Мухаммеда обратились въ суннитовъ и шиитовъ. Хотя моментъ былъ выбранъ благопріятный, такъ какъ нашествіе монголовъ отчасти ослабила взаимную вражду сектъ Нашествіе Тимур-Ленга на Туркестанъ (теперешній) и принятіе имъ исламизма было благопріятно для попытки Баха уд-дина. Это съ чисто религіозной точки зрѣнія; но затрудненія расоваго характера были еще значительнѣе Покоренные таджики съ презрѣніемъ и ненавистью смотрѣли на своихъ побѣдителей, а тѣ, въ свою очередь, не давали себѣ труда скрывать своихъ чувствъ къ побѣжденнымъ, и общая религія не привела ихъ къ взаимной любви. Помимо того, было еще много различныхъ обстоятельствъ, которыя не позволяли ужиться въ тѣсномъ единеніи осѣдлымъ жителямъ и кочевникамъ. Связь между ними была чисто искусственная Такова была среда, въ которой Баха уд-дину пришлось начать свою проповѣдь. Въ силу, можетъ быть, того обстоятельства, что онъ хотѣлъ привлечь обѣ партіи, онъ придалъ своему ученію такую форму, что и сунниты могли его считать своимъ, и шииты съ удовольствіемъ находили, что онъ поддерживаетъ ихъ тенденцію. Его вдохновеніе было по истинѣ дипломатическимъ. Такимъ образомъ, онъ до нѣкоторой степени устранилъ религіозную рознь, но съ вопросомъ національности онъ уже конечно ничего не могъ подѣлать Попытки его достигнуть примиренія и въ этомъ отношеніи не только не имѣли успѣха, но вызвали къ нему вражду со стороны таджиковъ, такъ что онъ долженъ былъ покинуть Бухару

Немилость таджиковъ вызвала усиленный приливъ прозелитовъ противной партіи, и вліяніе его между турко-татарскими племенами стало быстро расти, и число его приверженцевъ достигло очень почтенной цифры, когда въ 792 году онъ умеръ.

Въ это время орденъ былъ представленъ въ Самаркандѣ, Балхѣ, Гератѣ, Мервѣ, Хивѣ и въ восточной части Ирана. При первыхъ преемникахъ Баха уд-дина орденъ продолжалъ распространяться въ Азіи и въ Турецкой Имперіи, гдѣ это движеніе временно было остановлено побѣдой Тимур-Ленга надъ Баязидомъ (въ 805 году), бывшимъ въ то время главой ордена. Съ восшествіемъ на престолъ Мухаммеда, къ накшбандія вернулось прежнее вліяніе, и духовная аристократія очень охотно замѣщала его ряды. Вскорѣ орденъ распался на двѣ части: Западную,

главенство надъ которой осталось за Наср-уд-диномъ аль-Ташканди, и Восточную, обнимавшую Бухару и сосѣднія владѣнія, и бразды правленія которой принялъ Султанъ уд-динъ аль-Кашгари, при которомъ насталъ блестящій періодъ существованія ордена

Съ конца IX вѣка борьба между татарскими племенами и монгольскими владыками приняла рѣзкій характеръ, и эти послѣдніе потеряли Туркестанъ, Самаркандъ и Бухару. Черезъ нѣкоторое время Баберъ пытался отвоевать наслѣдіе своего дѣда, но послѣ ряда успѣховъ и неудачъ, счастье отвернулось отъ него, и онъ былъ изгнанъ даже изъ своего Коканда, которымъ и ограничивались его владѣнія Онъ бросился въ Афганистанъ, такъ какъ нужно было куда нибудь спасаться, и вскорѣ Кандагаръ сдѣлался его столицей. Здѣсь исторія идетъ такими быстрыми шагами, что подробное слѣдованіе за Бабером увело бы насъ слишкомъ далеко. Онъ потерялъ Афганистанъ и вновь, хотя и не надолго, овладѣлъ Бухарой Послѣ этого, отказавшись окончательно отъ завоеванія Бухары, онъ отправился походомъ на Индію и въ 933 году основалъ Дэлійскую Имперію. [1]).

Баберъ, первый изъ «великихъ моголовъ», сдѣлалъ первое нашествіе на Панджабъ еще до послѣдняго завоеванія Бухары. Въ 933 году онъ разбилъ войска Доулэтъ Хана и разрушилъ Лагоръ Затѣмъ онъ вернулся въ Афганистанъ, гдѣ резиденція его была перенесена въ Кабулъ Черезъ два года, послѣ неудачи въ Бухарѣ, онъ вновь возвратился въ Индію и встрѣтился въ бою съ Ибрагимомъ Лоди: онъ разбилъ его на голову, несмотря на то, что Ибрагимъ располагалъ 100000-нымъ войскомъ и 1000 слоновъ, а у него было всего на всего 12000 человѣкъ Баберъ занялъ Дэли и Агру и началъ собою династію Моголовъ. [2])

Но возвращаемся къ предмету Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ послѣ основанія ордена накшбандія, онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ, а окончательный исходъ монголовъ изъ Среднеи Азіи еще болѣе способствовалъ его благосостоянію: всѣ владѣтели независимыхъ государствъ, образовавшихся тогда, принадлежали къ турко татарамъ, и съ ихъ стороны не было ни въ чемъ отказа ордену, щедро лились пожертвованія, строились убѣжища и монастыри, воздвигались мечети Если потомъ орденъ и раздѣлился, это не была схизма, а лишь дробленіе организаціи. Болѣе позднее время повлекло новыя дробленія, и въ этомъ случаѣ уже замѣчалась нѣкоторая разница въ обрядахъ. Центромъ

---

[1]) Chatelier. or. cit. pp 130—152

[2]) J D. Rees. Epochs of Indian History. The Muhammadans. pp. 87, 88.

первоначальнаго ордена осталась Бухара, гдѣ находится почитаемый всѣми мусульманами Азіи мавзолей Баха уд-дина Въ настоящее время вся Средняя Азія отъ Каспійскаго моря до Китайскаго Туркестана, часть Персіи, Афганистана и Индіи являются сферой дѣятельности этого ордена.

Западная часть ордена, т е Турція очень быстро раздробилась на большое количество подраздѣленій, но въ началѣ XIII вѣка всѣ они вновь болѣе или менѣе сплотились, это была неизбѣжная реакція европейскихъ нашествій на Турцію. Это единеніе было достигнуто Зія уд-диномъ Халидомъ, который уже въ молодомъ возрастѣ обратилъ на себя вниманіе своими проповѣдями, и онъ былъ избранъ шейхомъ. Онъ умеръ въ 1242 году, успѣвъ объединить подраздѣленія ордена, находившіяся въ Европѣ и въ Азіятской Турціи. Возможно, что онъ вернулъ бы всему ордену его первоначальное единство, если бы его такъ сравнительно быстро не унесла смерть Онъ началъ съ того, что объединилъ правило ордена, въ которое въ разныхъ мѣстахъ уже успѣли вкрасться измѣненія. Во всѣхъ братствахъ Турціи онъ установилъ молчаливый зикръ, и это осталось до настоящаго времени. Что же касается единства организаціи, то онъ добился ея своимъ личнымъ вліяніемъ, но она очень немного пережила его. Снова западная часть ордена накшбандія, извѣстная подъ общимъ именемъ *муджеддія-халидія*, разбилась на отдѣльныя группы Въ настоящее время главнѣйшими изъ нихъ являются три: константинопольская, алеппская и дамасская.

Въ Аравіи и Африкѣ имѣется всего нѣсколько монастырей ордена, но тамъ онъ почти не пользуется никакимъ вліяніемъ. Въ Индіи имѣется вѣтвь ордена, извѣстная подъ именемъ *сулеймания*, по имени шейха Бэкиръ Сулеймана. Онъ былъ мукаддимомъ монастыря въ Куфѣ и былъ посланъ для пропаганды въ Индію. Встрѣтивъ тамъ значительный успѣхъ, онъ отдѣлился отъ ордена и объявилъ себя независимымъ. Въ Меккѣ эта вѣтвь имѣетъ всего два монастыря, изъ чего можно заключить, что въ Хэджасѣ роль ордена накшбандія совершенно второстепенная [1]).

Календарія

Календарія, или орденъ странствующихъ дервишей, былъ основанъ въ 724 году Абу Юсуфомъ аль-Календари, который нѣкоторое время былъ членомъ ордена чистія Этотъ орденъ извѣстенъ въ Хэджасѣ также подъ именемъ *меламія* (т. е. отверженные)

Уставъ этого ордена обязываетъ его членовъ къ милосердію,

---

[1]) Chatelier op. cit pp. 153 – 160.

находиться вѣчно въ движеніи и не собирать для себя богатства. По своему ученію, члены этого ордена—суфи, иначе сказать, строго опредѣленнаго ученія у нихъ нѣтъ. Принимая всякое ученіе, они часто совращались въ ереси. Отношеніе ихъ къ правильно установленной власти часто бывало искренно враждебно, и это вызвало преслѣдованіе ихъ. Можетъ быть, этому своему поведенію они главнымъ образомъ обязаны кличкой меламія.

Орденъ распространенъ въ Индіи, гдѣ онъ впервые и былъ основанъ, въ Персіи и Турціи. Опредѣлить число послѣдователей ордена въ Персіи не легко, такъ какъ тамъ общее имя календера дается положительно всѣмъ странствующимъ дервишамъ. Въ Турціи они болѣе извѣстны подъ именемъ *хамзайя*, отъ шейха Хамзы, который принесъ въ Турцію это ученіе въ X вѣкѣ. Шейхъ Хамза держался совершенно независимо, и, когда эта независимость ученія перешла въ открытую ересь, онъ былъ казненъ (969 года). Послѣ его казни орденъ подвергся всяческимъ стѣсненіямъ, и значеніе его сильно пало, но сломить его окончательно не могли никакія нападки. Въ настоящее время онъ существуетъ секретно, такъ какъ въ началѣ XIII вѣка онъ былъ оффиціально закрытъ по распоряженію властей. Это тайное существованіе ордена дало основаніе называть его членовъ мусульманскими масонами Какъ бы для того, чтобы поддержать это совершенно случайное сходство, у нихъ въ употребленіи существуютъ различные мистическіе знаки, состоящіе главнымъ образомъ изъ группировокъ треугольниковъ. Ихъ не слѣдуетъ однако смѣшивать съ масонскими организаціями политическаго характера, существующими въ Египтѣ (Капрская ложа) и Сиріи.

Въ настоящее время меламія уже давно оставили древнія правила ордена они болѣе не считаютъ для себя обязательнымъ вѣчное странствованіе и отреченіе отъ всего мірского. Они предаются лишь мистическому экстазу и почти ничѣмъ не отличаются отъ другихъ подобныхъ орденовъ [1]).

Ихъ зикръ состоитъ изъ молитвы за основателя ордена, затѣмъ читаются Фатиха стихъ трона три раза, сура 83-я три раза, сура 12-я десять разъ, наконецъ, дважды читается дарудъ, т. е. молитва за Пророка и его семейство [2]).

Бекташія.

Этотъ орденъ былъ основанъ Хаджи Бекташемъ въ 759 году, и онъ пользуется извѣстностью въ Турціи благодаря своей тѣсной связи съ янычарами. Когда султанъ Орханъ учредилъ яны-

[1]) Chatelier op. cit. pp 121

[2]) E Sell. op. cit p 254 - 256.

чаровъ (или «новыя войска»), онъ искалъ для этого дѣйствія религіозной санкціи. Шейхъ ордена бекташія благословилъ войска, положивъ на голову одного изъ солдатъ рукавъ своего плаща, такъ что онъ свѣсился вдоль по его спинѣ, и сказалъ «милиція, которую вы только что создали, должна быть названа эни-чэри, ихъ лица должны быть прекрасны и сіяющи, ихъ оружіе страшно, и мечъ остеръ. Они будутъ побѣдоносны во всѣхъ битвахъ и всегда будутъ возвращаться тріумфаторами». Въ память этой сцены янычары носили бѣлый головной уборъ изъ фетра съ кускомъ той же матеріи, падающимъ на спину Эти войска были тѣсно связаны съ орденомъ, и возможно, что это именно возбудило враждебность султана Махмуда къ нимъ [1]) Въ 1826 году онъ уничтожилъ янычаръ и заодно хотѣлъ покончить съ орденомъ бекташія: глава ордена и вмѣстѣ съ нимъ два его помощника были преданы публичной казни, было объявлено уничтоженіе ордена, многіе монастыри были разрушены и дервиши были обязаны измѣнить свой костюмъ,—но орденъ все это пережилъ и до сихъ поръ является могущественнымъ У этихъ людей не было недостатка въ мужествѣ Одинъ изъ нихъ остановилъ султана Махмуда у Галатскихъ воротъ, схвативъ за поводъ его коня, и сказалъ: «Невѣрный падишахъ! ты все еще недоволенъ своими чудовищными дѣяніями? За все свое безбожіе ты дашь Богу отвѣтъ Ты разрушаешь установленія твоихъ братьевъ, ты унижаешь исламъ и привлекаешь мщеніе Пророка на себя и на насъ» Султанъ приказалъ своей стражѣ отбросить этого «безумца» «Я безумецъ! воскликнулъ дервишъ, —это ты и твои недостойные совѣтники потеряли свой разумъ» Дервишъ на другой день былъ казненъ, и, говорятъ, на слѣдующую ночь надъ его могилой былъ виденъ легкій свѣтъ Нынѣ этотъ дервишъ почитается какъ святой.

И въ настоящее время, по традиціи, орденъ пользуется большой популярностью среди военныхъ, многіе изъ которыхъ состоятъ его членами, и среди нихъ можно встрѣтить какъ офицеровъ стараго закала, такъ и новыхъ, окончившихъ свое образованіе въ Германіи. Думаю, что это фактъ очень характерный.

Символомъ ордена является мистическій поясъ, который семь разъ надѣвается и семь разъ снимается При каждой послѣдовательной операціи дервишъ произноситъ слѣдующія слова:

1) Я связываю жадность и развязываю щедрость.
2) Я связываю скупость и развязываю благочестіе.
3) Я связываю гнѣвъ и развязываю смиреніе
4) Я связываю невѣжество и развязываю страхъ Божій
5) Я связываю страсть и развязываю любовь къ Богу.

---

[1]) E Sell op. cit p 102.

6) Я связываю голодъ и развязываю духовное удовлетвореніе.

7) Я связываю вліяніе Сатаны и развязываю вліяніе Божества

Ихъ тайныя доктрины предоставляютъ любопытную смѣсь пантеизма и матеріализма. «каждая человѣческая душа есть частица Божества. которое существуетъ лишь въ человѣкѣ. Вѣчная душа, обслуживаемая тлѣнными посредниками, постоянно мѣняетъ свое пребываніе, не покидая земли Нравственность состоитъ въ наслажденіи добромъ на землѣ безъ причиненія ущерба другому. Законно все, что не причиняетъ зла. Мудрый человѣкъ тотъ, который размѣряетъ свои удовольствія, потому что радость есть знаніе, имѣющее степени, мало по малу открываемыя посвящаемому. Созерцаніе есть лучшая изъ всѣхъ радостей, потому что оно принадлежитъ къ небесному видѣнію» [1]).

Баккайя.

Болѣе поздніе по возникновенію ордена, которыхъ особенно много въ Африкѣ. въ значительной мѣрѣ являются отвѣтвленіями ордена шаделія.

Къ такимъ относятся, между прочимъ, и баккайя, основанный въ 960 году Ахмадомъ аль-Бакаи Орденъ пользуется вліяніемъ къ югу отъ Марокко. Доктрина его есть повтореніе доктрины шаделія съ нѣкоторыми не представляющими интереса измѣненіями.

Шайхія.

Этотъ орденъ былъ основанъ въ 1013 году и пользуется вліяніемъ въ южной части Алжира. По своему характеру это скорѣе политическое братство, чѣмъ религіозный орденъ.

Карзазія.

Этотъ орденъ былъ основанъ въ 1016 году однимъ изъ мукаддимовъ ордена шаделія, который принадлежалъ къ правящей въ Марокко фамиліи.

Онъ училъ своихъ послѣдователей отбросить разумъ, такъ какъ онъ только вводитъ въ заблужденіе, имѣть полное довѣріе къ своему шейху, смѣло встрѣчать смерть и всегда быть готовымъ сражаться за дѣло Бога.

Руководители ордена стали вести аскетическую жизнь и

---

[1]) E. Sell. op. cit. pp. 121, 101, 102, 122.

добровольно сдѣлались бѣдняками. За это къ нимъ относились съ большимъ уваженіемъ.

Мукаддимы этого ордена не назначаются шейхомъ, а избираются членами [1]).

Хансалія.

Орденъ хансалія былъ основанъ въ 1114 году Сандомъ бинъ-Юсуфомъ аль-Хансали, родомъ изъ Марокко.

Совершивъ паломничество въ Мекку, Хансали нѣкоторое время изучалъ науки въ Каирскомъ университетѣ, но тяжести обратнаго пути такъ подѣйствовали на него, что онъ все забылъ. Онъ сталъ вести аскетическій образъ жизни, и, предаваясь благочестивый практикѣ, онъ долгое время провелъ у гробницы одного святого,—и память вернулась къ нему

Этотъ орденъ пользуется значительнымъ вліяніемъ среди берберовъ Атласскихъ горъ.

Въ зикръ ордена входитъ часть поэмы, посвященной 99 именамъ Бога.

У послѣдователей ордена большое пристрастіе къ амулетамъ, въ таинственную силу которыхъ они вѣрятъ.

Въ Алжирѣ имѣется нѣсколько монастырей этого ордена [2]).

Тиджанія.

Орденъ тиджанія основанъ въ 1196 году Ахмадомъ бинъ-Мухтаръ ат-Тиджани, который нѣкоторое время изучалъ науки въ университетѣ Феца. Въ 1186 году онъ совершилъ паломничество въ Мекку, гдѣ положительно изумилъ богослововъ своимъ образованіемъ и своими познаніями. Черезъ пять лѣтъ онъ возвратился въ Фецъ, и въ немъ мало по малу начала зарождаться идея основанія ордена Такъ какъ сдѣлать это въ Фецѣ было по политическимъ соображеніямъ неудобно, то онъ передвинулся къ югу. Въ нужное время онъ возвѣстилъ небольшой группѣ послѣдователей, что Пророкъ указалъ ему основать орденъ, отличный отъ другихъ. Началась живѣйшая пропаганда, и скоро орденъ сдѣлался исключительно могущественнымъ въ Триполи, Тунисѣ, Сахарѣ, Западномъ Суданѣ и даже въ Тимбукту. Главный монастырь ордена находился въ Фецѣ подъ покровительствомъ мароккскаго султана.

Орденъ велъ пропаганду какъ словомъ, такъ и мечомъ, и

---

[1]) E. Sell op cit. p. 122.

[2]) Idem. pp. 123, 124

былъ весьма фанатиченъ: даже кадирія, въ его глазахъ, были слишкомъ вѣротерпимымъ орденомъ

Подъ руководствомъ Хаджи Умара, одного изъ мукаддимовъ, орденъ широко раздвинулъ границы своего вліянія. И по настоящее время онъ обладаетъ значительной силой, хотя занятіе Африки европейцами значительно уронило политическое его значеніе. Кромѣ того, приблизительно 35 лѣтъ тому назадъ, орденъ распался на двѣ части вслѣдствіе раздоровъ изъ-за духовнаго наслѣдства Это дробленіе вызвало нѣкоторое охлажденіе среди зарубежныхъ братьевъ, и они въ значительномъ числѣ вышли изъ ордена. Кромѣ того, въ глазахъ многихъ, орденъ компрометировалъ себя тѣмъ, что выказывалъ симпатіи французамъ (вѣтвь Айнъ-Махи, другая же, томасинъ, была скорѣе враждебна имъ). Къ причинамъ ослабленія вліянія ордена надо отнести еще быстрое развитіе ордена сэнусія, который совмѣстно съ орденомъ деркава отнималъ у тиджанія сферу дѣятельности. Орденъ все болѣе и болѣе дробился, и въ настоящее время онъ представленъ лишь отдѣльными, совершенно независимыми другъ отъ друга группами: лишь хэджасская вѣтвь держится болѣе или менѣе дружно, хотя и тамъ дѣло не обходилось безъ вредящаго положенію соперничества. [1]).

Наравнѣ съ кадирія этотъ орденъ сдѣлалъ больше всѣхъ другихъ для распространенія ислама въ Африкѣ, но теперь его вліяніе совершенно ничтожно.

Рахманія.

Орденъ рахманія былъ основанъ въ 1268 году Мухаммедомъ бинъ-Абд-ур-Рахманомъ бинъ-Кобрейнъ, родомъ изъ Марокко Подобно многимъ шейхамъ, и онъ обучался въ Каирѣ.

Этотъ орденъ есть въ сущности вѣтвь хельватія, отъ котораго отдѣлился орденъ *хафнавія*, выдѣлившій, въ свою очередь, рахманія и *дердирія*.

Основанный Рахманомъ орденъ пользуется главнымъ вліяніемъ въ Суданѣ. Въ Алжирѣ онъ имѣетъ свыше 200 монастырей, около тысячи мукаддимовъ и ста тысячъ членовъ. Въ Хэджасѣ его вліяніе также довольно значительно.

Улемы, устрашенные вліяніемъ ордена, хотѣли обвинить его основателя въ ереси, но это имъ не удалось, и ихъ неудача имѣла результатомъ новое усиленіе ордена.

Въ главномъ монастырѣ братья ордена день и ночь посмѣнно повторяютъ имя Божіе.

Орденъ принималъ дѣятельное участіе въ алжирскомъ воз-

---

[1]) E. Sell. Op. cit. pp. 124, 125. Chatelier. op. cit. pp. 195—201

станіи 1871 года. Въ настоящее время онъ совершенно раздробился. Въ Хэджасѣ, во время царствованія Абдулъ Гамида, особымъ вліяніемъ пользовалось меккапское братство ордена, служившее освѣдомительнымъ бюро Ильдиза

Сэнусія.

Орденъ сэнусія былъ основанъ въ 1253 году Сиди Мухаммедомъ бинъ Сидъ Али бинъ Сэнуси

Своими размѣрами и вліяніемъ этотъ орденъ значительно превосходитъ всѣ другіе, и съ нимъ европейскому вліянію приходится считаться самымъ серьезнымъ образомъ

Шейхъ Сэнуси происходилъ изъ благороднаго рода и считалъ себя потомкомъ халифа Али. Онъ родился въ Алжирѣ, гдѣ и прожилъ до 30 лѣтъ. Потомъ онъ отправился въ Фецъ и тамъ приблизительно въ теченіе семи лѣтъ изучалъ мусульманское право у самыхъ лучшихъ учителей Ему были извѣстны также философія и тайны ордена шаделія. Въ Алжиръ онъ возвратился передъ самымъ занятіемъ его французами.

Онъ странствовалъ по странѣ въ качествѣ религіознаго учителя и успѣлъ многихъ ознакомить со своими взглядами.

Вскорѣ онъ отправился въ Мекку и вездѣ, гдѣ только было возможно, онъ пользовался по дорогѣ случаемъ поговорить съ учеными людьми. Такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность ознакомиться съ ученіемъ нѣсколькихъ орденовъ

Онъ остановился было въ Каирѣ, чтобы тамъ въ университетѣ пополнить свои знанія, но у него вышелъ какой то споръ съ улемами,—онъ былъ обвиненъ въ ереси, и его изгнали изъ университета По его же словамъ дѣло произошло совсѣмъ не такъ Однажды онъ совершалъ омовеніе передъ молитвой въ прилежащей къ университету мечети и увидѣлъ человѣка, который казался бѣднымъ простолюдиномъ. Человѣкъ этотъ показался ему иностранцемъ Вдругъ онъ сказалъ «почему ты такъ смотришь на меня, Сэнуси?»—Какимъ образомъ ты знаешь мое имя? спросилъ удивленный Сэнуси — «Я кутбъ времени», отвѣтилъ тотъ.—Въ такомъ случаѣ, сказалъ Сэнуси, тебя то я и ищу. Незнакомецъ отвѣтилъ ему на это. «тебѣ нечего дѣлать со мной, ступай въ Мекку»

Та или другая причина ухода изъ Каира была истинной, особенной важности не имѣетъ, главное въ томъ, что онъ ушелъ оттуда и докончилъ свой продолжительный путь въ Мекку.

Такъ какъ у него была, повидимому, природная склонность къ жизни дервиша, то, по прибытіи въ Мекку, онъ всталъ подъ духовное руководство шейха Ахмада бинъ-Идриса, шейха ордена кадирія. Вслѣдствіе мѣстныхъ раздоровъ, перечислять кото

рые здѣсь было бы слишкомъ долго, шейхъ Ахмадъ былъ принужденъ покинуть Мекку Сэнуси послѣдовалъ за нимъ и послѣ его смерти въ 1249 году заявилъ свои права на духовное наслѣдство послѣ своего учителя.

Часть членовъ ордена признала его, часть—нѣтъ Результатомъ этого было раздѣленіе ордена: шейхъ Сэнуси, вернувшійся уже въ Хэджасъ, выдѣлился и основалъ собственный орденъ, который и назвалъ «*тарикат-и-мухамедія*», т. е. путь Мухаммеда, но уже вскорѣ это названіе перешло въ Сэнусія.

До 1259 года онъ оставался въ Іеменѣ и велъ дѣятельную пропаганду, которая была очень непріятна для другихъ орденовъ, такъ какъ подрывала ихъ вліяніе. Вторично ему пришлось удалиться изъ Хэджаса не совсѣмъ по своей волѣ

Видя свою дѣятельность стѣсненной, шейхъ Сэнуси однажды объявилъ своимъ ученикамъ, что Мухаммедъ явился ему во снѣ и приказалъ покинуть Мекку, а учениковъ размѣстить по монастырямъ въ разныхъ странахъ Это и было постепенно приводимо въ исполненіе: монастыри были основаны въ Аравіи, Египтѣ, Суданѣ, Тунисѣ, Алжирѣ, Триполи, Сенегамбіи Послѣ этого онъ вернулся въ Хэджасъ тріумфаторомъ, и всѣ усилія улемовъ бороться съ нимъ были безсильны: его братство сдѣлалось всемогущимъ въ странѣ, обратившейся въ главный центръ пропаганды. Сила Сэнуси въ Хэджасѣ заключалась въ томъ, что духовную его власть признали почти всѣ кочевыя племена арабовъ, и вся страна фактически очутилась въ его рукахъ. Это единственный орденъ, который сумѣлъ уклониться отъ контроля шейхъ-ут-турука.

Распространеніе ордена происходило весьма быстро, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и его могущество Въ настоящее время число членовъ ордена опредѣляется въ 3—5—8 милліоновъ

Когда дѣло было налажено, шейхъ Сэнуси собралъ около себя значительное количество учениковъ, къ которымъ онъ примѣнялъ самую суровую дисциплину. Въ то же время онъ продолжалъ богословскія занятія, и самъ составилъ нѣсколько богословскихъ трактатовъ

Вліяніе не давалось даромъ,—ненависть улемовъ къ новому ордену все увеличивалась и увеличивалась, и между улемами Мекки, Каира и Константинополя образовался союзъ, который и принудилъ Сэнуси покинуть сферу ихъ вліянія. Это было въ 1272 году.

Въ оазисѣ Джарбубъ (или Джагбубъ), на полдорогѣ между Египтомъ и Триполи, онъ основалъ монастырь, который и сдѣлался главной квартирой ордена Мѣсто было выбрано очень хорошо, и, въ случаѣ надобности, шейхъ могъ оказывать продолжительное сопротивленіе. Въ настоящее время значеніе Джарбу-

ба пало, и онъ явился главнымъ образомъ университетомъ ордена; при жизни же Шеиха онъ былъ какъ бы миссіонерской школой, откуда сотни проповѣдниковъ расходились ежегодно во всѣ концы міра.

Орденъ сэнусія есть болѣе, чѣмъ простая организація для реформированія того, что его руководители считаютъ слабостью ислама: это-могущественная армія пропаганды войны съ европейской цивилизаціей, которая развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на исламъ. Джихадъ, т. е. священная война, сдѣлался однимъ изъ догматомъ ученія сэнусія Такъ, среди негровъ Африки эта пропаганда велась почти исключительно мечомъ; но что было возможно примѣнить къ дикарямъ, было невозможнымъ въ отношеніи цивилизованныхъ народовъ. и Сэнуси придалъ джихаду пассивную форму—удаленія отъ зла: если вѣрные не могутъ осилить невѣрныхъ, они должны удалиться изъ страны, чтобы не пятнать себя совмѣстнымъ съ ними пребываніемъ. Какъ вполнѣ понятно, въ Турціи подобная мысль не могла найти сочувствія, ибо примѣненіе ея заставило бы Турцію вычеркнуть свое имя изъ политической географіи.

Шейхъ Сэнуси умеръ въ Джарбубѣ въ 1276 году и тамъ же былъ похороненъ. И теперь его послѣдователи совершаютъ паломничество къ его могилѣ.

Личность Шейха Сэнуси безусловно заслуживаетъ вниманія: не опираясь ни на кого изъ сильныхъ міра, напротивъ, травимый улемами, онъ сумѣлъ создать сильную теократическую систему съ почти независимой политической властью. И это было сдѣлано частью на территоріи Оттоманской Имперіи, частью,— въ прилежащихъ къ ней странахъ.

Сэнуси усиленно боролся со всякими нововведеніями, со всякимъ проникновеніемъ европейско-христіанской цивилизаціи во взятую имъ подъ свое попеченіе страну, такъ какъ цѣлью его было возстановить первоначальный исламъ во всей его чистотѣ. Несомнѣнно, что онъ не остался безъ нѣкотораго вліянія вагабитскаго движенія, и съ вагабитами у него было много общаго. Но вагабиты были дикарями, а онъ широко образованнымъ человѣкомъ то, что вагабиты просто запрещали, говоря, что этого дѣлать нельзя, онъ облекалъ порою въ форму мистическаго ученія. Подобно вагабитамъ, Сэнуси былъ крайнимъ ригористомъ [1]): проповѣдуя строгій монотеизмъ, онъ отвергалъ рѣшительно все, что хотя бы чуть чуть не мирилось съ буквой Корана.

Ему наслѣдовалъ его сынъ, Али бинъ-Сэнуси, извѣстный среди мусульманъ болѣе подъ именемъ Шейхъ-аль-Махди. Онъ

---

[1]) D. B. Macdonald. Muslim theology. p. 62.

завѣдывалъ всей административной стороной ордена, а его братъ Мухаммедъ Шерифъ—религіознымъ обученіемъ. Не слѣдуетъ придавать значенія тому, что наиболѣе невѣжественные изъ послѣдователей ордена смотрѣли на него, какъ на обѣщаннаго Махди, хотя Шейхъ самъ и не старался использовать эту вѣру, все же она содѣйствовала усиленію вліянія ордена.

Время отъ времени въ Джарбубѣ собирался Великій Совѣтъ Ордена подъ предсѣдательствомъ шейха; ему помогали братъ съ двумя асистентами-визирями, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ спеціально дѣлами монастыря въ Джарбубѣ, а другой имѣлъ общее наблюденіе за всѣми монастырями.

Организація ордена весьма проста. Дервиши живутъ въ различныхъ монастыряхъ, во главѣ каждаго стоитъ мукаддимъ; всѣ они подчинены центральному монастырю въ Джарбубѣ.

Большинство братьевъ холосты, и каждую минуту они готовы отправиться, куда имъ прикажетъ шейхъ или выполнить его приказаніе. Въ центральномъ монастырѣ было не менѣе 400 братьевъ, и всѣ они были хорошо вооружены, и въ боевыхъ припасахъ не было недостатка; тамъ имѣлось даже нѣсколько пушекъ.

Однажды Шейха спросили, противъ кого это вооруженіе, противъ французовъ или противъ турокъ? Онъ отвѣтилъ, что не противъ кого, и что онъ лишь доканчиваетъ дѣло отца, уже давшее свои результаты.

Содержится орденъ на сборъ опредѣленно установленныхъ налоговъ на капиталъ, недвижимость и скотъ, и самъ орденъ всѣмъ этимъ владѣетъ въ изобили. Бѣдные братья, которые не могутъ уплачивать налога, употребляются вмѣсто этого на различныя работы, а также и для несенія почтовой службы, которая организована очень хорошо. Такъ какъ связь между центромъ и самыми отдаленными монастырями постоянно поддерживается, то шейхъ всегда освѣдомленъ обо всемъ.

Для иностранца добиться свиданія съ шейхомъ не очень легко, и всякій, кто добивается этой чести, предварительно подвергается продолжительному наблюденію.

Переписка между лицами ордена ведется полунамеками и условнымъ языкомъ, извѣстнымъ лишь старшимъ членамъ ордена, который, такимъ образомъ, ничѣмъ не рискуетъ, если письмо случайно попадетъ въ недоброжелательныя руки.

Мукаддимы ордена пользуются громаднымъ вліяніемъ не только въ самомъ монастырѣ, но и въ окрестной странѣ, населеніе которой является какъ бы вассалами ордена. Турецкія власти старались всячески избѣгать какихъ бы то ни было недоразумѣній съ дервишами.

Позднѣе центръ вліянія былъ перенесенъ въ оазисъ Ка-

фра на полуостровѣ Барка, который фактически сдѣлался владѣніемъ сэнусія, номинально принадлежа Турціи.

Вліяніе ордена на сѣверѣ Африки громадно, и Султанъ не рѣшался изгнать его съ самовольно занятой территоріи.

На ежегодномъ собраніи, которое раньше имѣло мѣсто въ Джарбубѣ, а потомъ въ Аль-Истатъ, Шейхъ совмѣстно съ мукаддимами разсматриваетъ дѣла ордена и намѣчаетъ программу будущей дѣятельности

Пропаганда ордена ведется такимъ образомъ, что онъ старается склонить на свою сторону верхи общества и дать образованіе массѣ, для чего онъ и открылъ въ разныхъ мѣстахъ множество школъ. Широкое гостепримство, которое оказывается въ монастыряхъ всѣмъ мусульманамъ, также не мало содѣйствуетъ популярности ордена Пропаганда мечомъ, ведшаяся лишь въ первое время, служила только вспомогательнымъ средствомъ: уведенные въ рабство язычники обращались въ исламизмъ, обучались, а потомъ въ качествѣ проповѣдниковъ возвращались къ своимъ сородичамъ, и далѣе уже цѣлыя племена обращались въ исламизмъ мирнымъ путемъ, выбивая европейскихъ миссіонеровъ съ позицій, которыя съ такимъ трудомъ были ими заняты. Для нихъ закрываются тѣ страны въ которыя они начали проникать, такъ какъ тамъ воцарился исламъ, а съ нимъ вмѣстѣ и тайна о всемъ тамъ происходящемъ. Косвеннымъ образомъ успѣху пропаганды содѣйствовало еще то обстоятельство, что вся почти торговля находилась въ рукахъ ордена. Такимъ образомъ государства Вадаи и Эннеди сдѣлались данниками Джарбуба, и въ теченіе тридцати лѣтъ вліяніе сэнусія въ этихъ языческихъ странахъ не осталось ни одного язычника. Вся область вокругъ озера Чадъ фактически находится подъ вліяніемъ ордена.

«Ненависть сэнуситовъ къ мусульманамъ, которые подчиняются политическому господству христіанскихъ государствъ, или которые захотѣли бы пойти на уступки западной цивилизаціи, такъ велика, что добрыхъ мусульманъ убѣждаютъ покинуть такія страны, какъ Турція и Египетъ Такое отношеніе очевидно вызываетъ отвѣтную вражду къ сэнуситамъ, и, чтобы избѣжать репрессалій, а также удалиться отъ дурныхъ вліяній, шейхъ перенесъ свою резиденцію изъ Джарбуба въ Кафру». [1]). Пребывая въ смежной съ Кафрой Джаффѣ, изолированный отъ внѣшняго міра, самъ шейхъ не чувствуетъ этого разобщенія и, благодаря прекрасно организованной почтѣ, слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ за предѣлами его страны: книги, журналы и газеты освѣдомляютъ его обо всемъ.

---

[1]) E. Sell. op. cit p. 136.

Теперь орденъ имѣетъ около двадцати монастырей въ Египтѣ и до сорока въ Триполи; имѣются также его монастыри въ Тунисѣ, Марокко, Сенегалѣ и Тимбукту; вліяніе ордена уже проникаетъ въ Нигерію.

Члены ордена по уставу имѣютъ право скрывать свою принадлежность къ нему, если имъ грозитъ опасность, могущая отозваться на дѣятельности ордена. Такъ, въ Тунисѣ они появлялись подъ именемъ дервишей кадирія

Въ Европѣ имѣется лишь одинъ монастырь—въ Константинополѣ. Въ Азіи орденъ имѣетъ нѣсколько монастырей, преимущественно въ Аравіи. Есть сэнусія на Малайскомъ архипелагѣ.

Сэнусія обладаютъ замѣчательной способностью подчинять себѣ другіе ордена, и ордена шаделія, тиджанія и кадирія находятся отъ него въ духовной зависимости. Это обстоятельство имѣетъ особенную важность въ политическомъ отношеніи Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что Шейхъ допускалъ въ своемъ орденѣ обряды другихъ орденовъ – до полнаго посвященія новичковъ; кромѣ того, можно поступить въ орденъ сэнусія, не порывая связи съ другимъ орденомъ До сорока различныхъ религіозныхъ группъ находится подъ вліяніемъ шейха сэнусія Секретные агенты ордена поступаютъ въ другіе ордена, и этимъ легко объясняется то обстоятельство, что ему хорошо извѣстны всѣ слабыя стороны каждаго ордена.

Сэнусія употребляютъ обыкновенныя четки и совершаютъ намазъ совершенно такъ же, какъ ортодоксальные мусульмане. Послѣ утренней молитвы они повторяютъ сорокъ разъ: «о, Боже! сохрани меня въ моментъ смерти и во время испытанія, которое слѣдуетъ за ней», потомъ сто разъ: «прошу прощенія у Бога», «нѣтъ бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ Пророкъ Его», затѣмъ сто разъ: «о, Боже! будь милостивъ къ нашему Мухаммеду, неграмотному Пророку, а также къ его семейству и Спутникамъ, и сохрани ихъ». Три послѣднія воззванія должны быть повторены трижды, что составляетъ въ общемъ 900 разъ. Музыка и танцы во время зикра строго запрещены для своихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это допускается для послѣдователей другихъ орденовъ, примкнувшихъ къ сэнусія. Лишь для крайнихъ эксцессовъ, какъ у айсава и сандія, совершенно нѣтъ мѣста.

Сэнусія говорятъ, что поклоняться должно только одному Богу, но не святымъ, которыхъ можно лишь чтить, они запрещаютъ посѣщать ихъ могилы.

Отъ братьевъ требуется отреченіе отъ міра и безусловное повиновеніе шейху; богатыя одежды, украшенія, золотые и серебряные сосуды воспрещаются, хотя женщинамъ разрѣшается носить украшенія въ умѣренномъ количествѣ; благородные ме-

таллы могутъ быть употребляемы лишь для украшенія мечей, когда они употребляются въ священной войнѣ. Кофе и табакъ строго воспрещены; чай можно пить, но только безъ рафинада, для очистки котораго идутъ кости животныхъ, убитыхъ безъ соблюденія обязательныхъ формальностей и, слѣдовательно, нечистыхъ. «Не разрѣшается общеніе съ евреями и христіанами Ихъ не должно привѣтствовать или вступать съ ними въ какія либо сношенія Всякій христіанинъ или еврей, если онъ не является васса́ломъ долженъ быть разсматриваемъ какъ врагъ.. Такимъ образомъ, по духу орденъ является абсолютно враждебнымъ всѣмъ не—мусульманскимъ народамъ. Члены ордена для разбора своихъ дѣлъ не должны обращаться къ чужимъ судамъ. Шейхъ является высшимъ судьей, и онъ одинъ имѣетъ право разбирать всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, возникающія между членами ордена» [1]) Онъ считается истиннымъ имамомъ

Таковъ орденъ сэнусія, воздвигшій гигантскій барьеръ между европейской цивилизаціей и мусульманскимъ міромъ Хотя, повидимому, вліяніе ордена должно все болѣе и болѣе падать въ силу завоеванія Африки европейскими націями, но можетъ быть, это лишь внѣшность Сэнусія всегда были дальновидными политиками: за сомнительныя успѣхъ борьбы съ какой-либо изъ европейскихъ державъ они не хотѣли рисковать всей своей будущностью. Они ограничивались и ограничиваются пока обструкціей теократическое государство созданное ими въ сердцѣ Африки, можетъ считаться почти неприступнымъ, и почти всѣ, пытавшіеся проникнуть туда, платились жизнью Правда, что это были лишь или единичныя лица или небольшія группы, но не слѣдуетъ увлекаться большая армія не въ состояніи проникнуть туда по очень многимъ причинамъ, вдаваться въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь совершенно нѣтъ мѣста

Исторія даетъ намъ нѣсколько примѣровъ того, какъ сэнусія умѣли удерживаться отъ искушенія Пруссія, во время послѣдней войны съ Франціей, пыталась убѣдить сэнусія начать проповѣдь священной войны противъ французовъ: Турція во время войны съ нами, искала ихъ содѣйствія; Италія хотѣла привлечь ихъ на свою сторону для дѣйствія противъ французовъ въ Тунисѣ: арабы просили помощи во время возстанія Араби-паши въ Египтѣ.—во всѣхъ случаяхъ сэнусія отвѣтили отказомъ. Та же участь, можетъ быть, и теперь постигнетъ искательства Турціи—поднять сэнусія противъ нападавшихъ на Триполи итальянцевъ Навѣрное это будетъ такъ, если только во главѣ арабовъ не встанутъ турецкіе офицеры, и если вмѣстѣ съ ними на театрѣ войны не явятся живущіе въ Константинополѣ шейхи, пользующіеся вліяніемъ. Но было бы громадной ошибкой заклю-

[1]) E. Sell op. cit. pp. 140, 141.

чать изъ этого, что сэнусія могутъ быть дружественны Франціи, Италіи или Англіи.—всѣ эти государства они ненавидятъ совершенно одинаковой и непримиримой ненавистью. Если сами сэнусія не принимали участія въ различныхъ возстаніяхъ, ихъ монастыри всегда были открыты для мятежниковъ. Какъ сами сэнусія говорятъ «турки и христіане принадлежатъ къ одной и той же категоріи (т. е. невѣрныхъ), и тѣхъ и другихъ мы уничтожимъ одновременно». [1]).

Хотя турецкій султанъ и считается халифомъ, но новѣйшая исторія Турціи слишкомъ мало способствовала не только увеличенію, но даже сохраненію его престижа, и эта фиктивная власть мало гдѣ признается за предѣлами Турціи Марокскій султанъ открыто оспариваетъ эту власть, считая себя истиннымъ халифомъ. Остальные мусульмане Африки были какъ стадо безъ пастуха, что и заставило Сэнуси главнымъ образомъ стремиться къ объединенію ихъ подъ своей эгидой а затѣмъ объявить всеіеіскій имаматъ. Часть этого плана уже можетъ считаться исполненной —попытка приведенія въ исполненіе второй есть лишь вопросъ времени Оно не наступитъ вѣроятно очень скоро, такъ какъ многіе ордена, совершенно не интересующіеся политической жизнью, не хотятъ видѣть себя поглощенными въ общей массѣ и противятся этому объединительному движенію. Всего этого можно не бояться, но этого надо ожидать и впередъ учесть возможные результаты подобной попытки. Между прочимъ Макдональдъ считаетъ, что это время уже наступило. «Когда его (главы сэнусія) планы будутъ готовы, говоритъ онъ,—и это время пришло, новая глава откроется въ исторіи ислама, глава, которая заставитъ забыть даже недавній вулканическій взрывъ въ Китаѣ. Тогда для Оттоманскаго Султана настанетъ время показать, чего стоитъ онъ со своимъ халифатомъ Тогда ему придется рѣшить, соединить ли свою судьбу съ Махди стараго ислама, или же смѣло повернуться лицомъ къ новизнѣ и присоединить народъ Мухаммеда къ цивилизованному міру» [2]). По моему мнѣнію, для султана и халифа никогда не можетъ представиться такой альтернативы, и съ подобными мыслями онъ ни дня не могъ бы сохранить за собою престола. Этотъ поворотъ къ новизнѣ равносиленъ уничтоженію Турціи въ качествѣ мусульманскаго государства. Исторія послѣдняго царствованія отчасти показываетъ это. При Абдулъ Гамидѣ въ политикѣ сэнусія произошли нѣкоторыя измѣненія. Презирая въ душѣ турокъ по прежнему, они не отказывали султану въ моральной поддержкѣ и за это получили отъ него матеріальную. Такимъ образомъ, обѣ стороны

---

[1]) E Sell op. cit. p 144.

[2]) D B. Macdonald. Muslim theology p. 63

пользовались выгодами этого негласнаго союза. Поддержка Турціи значительно увеличила вліяніе сэнуси въ Триполи.

Что касается Аравіи, то смѣло можно сказать, что въ настоящее время она находится въ рукахъ сэнусія: ни турецкія власти и стоящія по городамъ войска, ни улемы и шерифы не представляютъ уже для ордена никакой опасности. Сэнусія знаютъ, что они господа положенія, но избѣгаютъ всякаго рѣзкаго жеста. Достаточно одного слова, и вся страна какъ одинъ человѣкъ подымется противъ оффиціальной власти, но, такъ какъ это движеніе не можетъ быть поддержано съ одинаковымъ успѣхомъ всюду, то сэнусія и не торопятся еще. Но мѣстныя возстанія не перестаютъ тревожить турокъ. [1])

Положеніе, занимаемое орденомъ, очень выгодно, и, что можетъ на первый взглядъ показаться очень страннымъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что сама Европа, которая должна бы была ослабить вліяніе сэнусія, будетъ содѣйствовать усиленію ихъ. Въ настоящее время расхватанная по кускамъ Африка представляетъ громадное черезполосное владѣніе многихъ хозяевъ, которые боятся и остерегаются другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ ждутъ случая урѣзать себѣ кусокъ земли у зазѣвавшагося сосѣда. Занимая въ общемъ лишь прибрежную полосу, европеицы, благодаря своимъ взаимнымъ отношеніямъ, лишены возможности съ должнымъ вниманіемъ относиться къ тому, что происходитъ внутри страны, а это, внѣ сомнѣнія, учитывается сэнусія. Географическая карта показывающая политическое дѣленіе Африки, вызываетъ въ нихъ лишь насмѣшливое сожалѣніе къ европейцамъ, можно проводить дипломатическія границы черезъ страны гдѣ никто никогда не былъ, можно заявлять о своемъ тамъ вліяніи, дѣло отъ этого нисколько не измѣняется: громадная Африка, расписанная между европейцами, далеко не находится въ ихъ власти, и, если очертить сферу ихъ дѣйствительнаго, а не дипломатическаго вліянія, то получится, за небольшими исключеніями, кромка по берегу, а остальное находится во власти невидимаго врага, которыи позволилъ захватить свою землю, который самъ спрятался куда то, но который время отъ времени даетъ себя чувствовать

Хельватія.

Орденъ хельватія менѣе извѣстенъ, чѣмъ другіе, но онъ пользуется не меньшимъ вліяніемъ. Названіе его происходитъ отъ слова «хильватъ», т. е. религіозное уединеніе (или состояніе эк-

[1]) E. Sell op. cit. pp. 127—145. Chatelier. op. cit. pp 257—297.

стаза, въ которое въ этомъ уединеніи приходятъ). Быть можетъ, орденъ явился примѣромъ подражанія христіанскимъ отшельникамъ. Первоначально примѣры были единичными, потомъ подобное отшельничество значительно распространилось, сдѣлавшись одною изъ формъ религіозной практики. Духовныя главы орденовъ не замедлили перенять этотъ обычай и сдѣлали его обязательнымъ для братьевъ: какъ извѣстно, изнуреніе плоти въ связи съ непрестанными думами о Богѣ способствуетъ появленію видѣній. Подобныхъ аскетовъ было не мало среди персидскихъ суфи, въ особенности среди послѣдователей Джунаида. Три изъ нихъ, а именно: Ибрагимъ аз-Захидъ, Мухаммедъ аль-Хельвати и Умаръ-аль-Хельвати—старались формулировать свои доктрины и создать отдѣльный орденъ, но у нихъ не было правильной іерархической организаціи. Наконецъ, по смерти послѣдняго шейха они приняли свое имя хельватія.

Первое время орденъ былъ распространенъ въ Ираклѣ, Курдистанѣ и сосѣднихъ странахъ, а потомъ онъ проникъ въ Турцію, Сирію и Аравію. Связь между ними поддерживалась слабо, и, если бы не общее имя, ихъ можно было бы принять за отдѣльные ордена, такъ какъ на ученіи ихъ были уже замѣтны слѣды постороннихъ вліяній.

Орденъ проникъ также и въ Африку. Въ XII вѣкѣ геджры египетская группа ордена отдѣлилась отъ другихъ и приняла имя *бакрія*, по имени своего основателя Сиди Мустафа аль-Бакри, который былъ профессоромъ въ каирскомъ университетѣ. Однако новый орденъ не пережилъ своего основателя: его смерть вызвала споры изъ-за духовнаго наслѣдства, и всѣ послѣдователи раздѣлились между тремя претендентами, и такимъ образомъ образовались три новыхъ ордена, по именамъ своихъ шейховъ принявшіе названія *хафшавія*, *шерквія* и *сламанія*. Прошло очень немного времени, и эти ордена, въ свою очередь, отдѣлили новыя вѣтви, а именно: *дердирія*, *рахманія*, *савія*, *лассія*, *меселлямія*. Все это вскорѣ раздробилось на еще болѣе мелкія группы, такъ что въ значительной группѣ орденъ хельватія почти не существуетъ. Общимъ для всѣхъ является лишь сохранившаяся въ главныхъ чертахъ доктрина основателя. Лишь вѣтвь *рахманія* совершенно отдѣлилась.

Въ Хэджасѣ хельватія имѣютъ двоякое происхожденіе: одни болѣе близки къ азіятскимъ братствамъ ордена, другіе—къ египетскимъ бакрія. Въ Хэджасѣ у нихъ имѣется значительное количество монастырей. Эти монастыри почти не имѣютъ убѣжищъ, такъ какъ уставъ ордена запрещаетъ заботу о земныхъ благахъ, и орденъ вслѣдствіе этого почти не располагаетъ вакуфами. Главное назначеніе монастырей—служить центрами обученія.

Порою орденъ ведетъ пропаганду, но число его послѣдователей довольно ограниченно. Быть можетъ, это происходитъ въ силу того, что ученіе его слишкомъ тонко для массы чтобы понять это ученіе, надо быть основательно знакомымъ съ богословіемъ и мистическими теоріями Члены его вербуются главнымъ образомъ среди религіозной аристократіи Мекки и среди пришлыхъ аскетовъ. избирающихъ мѣстомъ жительства священную страну, чтобы удалиться отъ всякаго общенія съ невѣрными.

Благодаря своимъ строгимъ правиламъ, хельватія считается однимъ изъ главныхъ орденовъ ислама принадлежать къ нему считается большой честью, и въ орденѣ числится не мало улемовъ. Правда, что они не особенно изнуряютъ себя тщательнымъ выполненіемъ устава ордена, но слава ордена тѣмъ не менѣе придаетъ имъ извѣстный ореолъ благочестія. Вліяніе ордена усиливается еще тѣмъ, что къ нему принадлежатъ шейхи ут-турукъ Джедды и Мекки и шейхъ-ус-сэджджада этого послѣдняго города.

Если политическое значеніе ордена въ странѣ не велико. зато его нравственное вліяніе на пріемниковъ по истинѣ громадно.

Доктрина ордена. какъ и доктрина кадирія.— поглощеніе личности человѣка въ существѣ Бога» Такъ какъ сразу этого достичь невозможно. то къ этому идутъ постепенно—путями психологическими и физіологическими.

Вѣрный. который ищетъ святости, начинаетъ со степени мюрида—ученика, потомъ дѣлается талибъ (или «талемидъ»)— стремящійся къ высшей степени, далѣе, маджзубъ—привлекаемый Богомъ: далѣе. мухаммеди—живущій лишь духовной жизнью. и, наконецъ, тавхиди—до такой степени поглощенный въ Богѣ, что утрачиваетъ всякое сознаніе своей личности

Это состояніе вызывается искусственно безконечнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ. сосредоточеніемъ на одной и той же мысли, самымъ строгимъ воздержаніемъ и лишеніемъ себя сна.

Для уединенія нѣтъ опредѣленнаго мѣста. всякое мѣсто хорошо для этого· отдѣльная комната въ домѣ келья въ монастырѣ, пустыня. лѣсъ или пещера Бывали случаи, что вѣрующіе стояли по шею въ морѣ Во время уединенія вѣрующій связанъ обѣтомъ молчанія, и лишь въ крайнемъ случаѣ. при помощи знаковъ или письма, онъ можетъ попросить, чтобы ему дали то, въ чемъ онъ нуждается. Въ теченіе дня полное воздержаніе, но ночью онъ можетъ ѣсть--столько, сколько строго необходимо для поддержанія жизни. Кромѣ воды единственнымъ напиткомъ является кофе безъ сахара, что дѣлается для облегченія бодрствованія. Ночью разрѣшается спать не болѣе 2– 3 часовъ; если же уединеніе длится всего два три дня, сонъ воспрещенъ совершенно. Во все время бодрствованія вѣрующій произноситъ

имена или названія аттрибутовъ Бога, повторяя каждое слово по нѣскольку десятковъ тысячъ разъ. Число это произвольно, и его назначаетъ мукаддимъ; въ нѣкоторыхъ же другихъ орденахъ для каждаго имени установленно опредѣленное число повтореній, въ зависимости отъ цифрового значенія составляющихъ слова буквъ. Такъ какъ слова произносятся безконечно, то братья хельватія для облегченія счета пользуются особыми четками въ 1000 зеренъ. Сопровождается произнесеніе словъ раскачиваніемъ тѣла и поклонами; при этомъ рекомендуется закрывать глаза.

Главная молитва во время хильватъ состоитъ въ повтореніи 20 тысячъ разъ слова «каюмъ» (неизмѣнный), или какого-нибудь другого, раскачивая и опуская голову и закрывая глаза. Быстрота чтенія не должна превосходить одного слова въ секунду, и такимъ образомъ подобная молитва длится 5—6 часовъ; чтобы произнести три слова, надо, слѣдовательно, употребить 15—18 часовъ въ день за все время уединенія. Помимо этого, своевременно должны быть выполнены пять намазовъ, а свободное отъ короткаго сна время занято специальными молитвами и чтеніемъ книгъ религіознаго содержанія.

Результаты такого режима не замедливаютъ сказываться.— нервная система искусственно расшатывается, мозгъ вѣчно занятъ одной и той же мыслью.

Начинаясь съ одного или нѣсколькихъ дней, потомъ срокъ уединенія обращается въ недѣли и даже мѣсяцы Конечно разсказы о томъ, что нѣкоторые отшельники за все это время совершенно не спятъ, относятся къ области легендъ, но крайнее истощеніе ихъ вполнѣ понятно

Въ этомъ подвигѣ они должны совершенствоваться очень медленно, таково правило ордена. Ученые члены ордена сравниваютъ посвященіе въ тайны съ ядомъ, который смертеленъ, если его принять сразу въ значительной дозѣ, но который прекрасно ассимилируется при послѣдовательныхъ и медленно увеличиваемыхъ пріемахъ.

Посвященіе въ таинство происходитъ въ такомъ порядкѣ. Въ теченіе двухъ трехъ лѣтъ новичокъ остается въ монастырѣ, гдѣ ему объясняютъ его обязанности по отношенію къ мукаддиму и братьямъ, и въ это время онъ прислуживаетъ имъ. Послѣ этого перваго испытанія онъ лишь обязанъ ежедневно прочитывать 21 разъ фатиху - до тѣхъ поръ, пока шейхъ не признаетъ его окончательно принадлежащимъ къ ордену. Это признаніе даетъ ему право на названіе мюрида. Съ этихъ поръ уже онъ вмѣстѣ съ другими присутствуетъ на зикрѣ. Когда мукаддимъ признаетъ его достаточно укрѣпившимся, онъ долженъ, по указанію этого послѣдняго и въ назначенные имъ сроки, прочесть 70000 разъ молитву о прощеніи и 70000 разъ молитву за Пророка.

Окончательное посвященіе, талькинъ, заключаетъ для мюрида этотъ подготовительный періодъ Онъ дѣлается тальмизомъ (талемидомъ) и можетъ начать свои уединенія. Многіе не доходятъ до этой степени и ограничиваются званіемъ мюрида. Для лицъ высокопоставленныхъ дѣлается не мало исключеній, и ихъ послушаніе сводится къ выполненію небольшого числа формальностей Тѣмъ же, кто желаетъ совершенствоваться дальше и итти къ окончательной цѣли разрѣшается уединеніе, но въ первое время очень краткое, начинается съ 12 часовъ. Постепенно этотъ срокъ увеличивается, причемъ мукаддимъ слѣдитъ, чтобы не было рѣзкихъ скачковъ Для нѣкоторыхъ самая большая продолжительность уединенія достигаетъ всего нѣсколькихъ дней, такъ какъ не всѣ одинаково способны переносить то чрезмѣрное возбужденіе, которое неминуемо вызывается этой практикой. Если то состояніе полуидіотизма, къ которому ведетъ долгая практика, разсматривается какъ печать Бога, очень быстрое разстройство умственныхъ способностей не почитается за посѣщеніе божественной благодати

Тѣхъ, которые дѣлаются тавхиди, т. е достигаютъ совершеннаго общенія съ Богомъ, сравнительно очень немного, но все же и ихъ достаточно, чтобы придать хильвату таинственное и устрашающее значеніе Къ тѣмъ, кто выполнилъ продолжительное уединеніе, относятся съ особымъ почтеніемъ если таковой и не достигъ цѣли, все же онъ болѣе или менѣе приближался къ ней. На всѣхъ такихъ лежитъ неизгладимая печать ихъ суровой религіозной практики блѣдные, исхудалые, съ ввалившимися и безумно блуждающими глазами, они могутъ быть узнаны изъ тысячи, и чѣмъ чаще и продолжительнѣе бываютъ уединенія, тѣмъ рѣзче та печать, которую они кладутъ.

Крайняя экзальтація можетъ служить характеристической чертой этого ордена, въ такомъ состояніи люди готовы итти куда угодно и на что угодно, и естественно, что орденъ этотъ является гнѣздомъ фанатизма Эта черта является общей для всѣхъ подраздѣленій ордена. Между ними имѣется нѣкоторое различіе въ зикрѣ и въ формѣ посвященія въ орденъ, но это существеннаго значенія не имѣетъ.

Въ число членовъ ордена принимаются и женщины, это было причиной многочисленныхъ нареканій на орденъ, что порою въ стѣнахъ его монастырей происходятъ самыя отчаянныя оргіи. Что подобные случаи бывали, объ этомъ не можетъ быть спора, но едва ли правильно дѣлать здѣсь какое-либо обобщеніе.

Посвященіе женщины въ орденъ связано съ маленькой подробностью, которая вскрываетъ одну изъ язвъ мусульманскаго міра.—презрѣніе къ женщинѣ. При посвященіи новичка шейхъ обыкновенно беретъ его руку въ свою, и этимъ заключается

актъ принятія: но какъ онъ можетъ взять руку женщины, нечистаго существа? Приходится совершать эту церемонію черезъ кусокъ матеріи; въ нѣкоторыхъ братствахъ и это считается недостаточнымъ, и требуется немедленно совершить омовеніе.

Выше было уже сказано, что хельватія облекаютъ всѣ свои церемоніи таинственностью, общія молитвы они совершаютъ въ темнотѣ и по возможности въ уединенныхъ мѣстахъ, и ихъ ночныя собранія кажутся всегда подозрительными властямъ, которымъ чудится страшная опасность тамъ, гдѣ часто ея совершенно нѣтъ Иногда же эти опасенія бываютъ основательны: сирійскимъ христіанамъ пришлось не мало пострадать отъ фанатизма хельватія Что касается Египта, тамъ ихъ дѣятельное участіе въ возстаніи Араби-паши не подлежитъ сомнѣнію они не только выставили значительное число вооруженныхъ людей, но и всѣми силами старались придать возстанію характеръ религіозной войны, чего на самомъ дѣлѣ совершенно не было И до сихъ поръ еще англо-египетское правительство находится подъ вѣчнымъ опасеніемъ новаго взрыва фанатизма, что тѣмъ болѣе опасно, что египетскіе хельватія находятся въ тѣсномъ общеніи съ махдистами Судана.

При общности доктрины раздробленность ордена не имѣетъ большого значенія, и для правильно организованныхъ правительствъ онъ представляетъ если не дѣйствительную опасность, то все же основательную причину серьезныхъ безпокойствъ[1]).

Айсава.

Орденъ аисава является достаточно извѣстнымъ не только въ мусульманскомъ мірѣ, но и далеко за его предѣлами Послѣдователи этого ордена не дѣлаютъ тайны изъ своей религіозной практики, и европейцы могутъ видѣть ихъ собранія повсюду въ Сѣверной Африкѣ и въ Сиріи

Начало ордена имѣетъ связь съ *шаделія-джазулія*, къ которому принадлежалъ его основатель Сиди Мухаммедъ бинъ-Аиса, марокскій шерифъ изъ фамиліи идриссидовъ Но вмѣсто духовнаго мистицизма шаделія, аисава примкнули къ школѣ восточнаго суфизма. Своими обрядами они напоминаютъ индійскихъ факировъ. Во время зикра не рѣдки припадки истерии, и вмѣсто словъ изъ горла дервишей вылетаютъ какіе то хриплые зловѣщіе звуки Все это сопровождается сгибаніемъ тѣла и быстрымъ вращеніемъ головы и производится подъ музыку. Когда экстазъ достигаетъ высшей степени, братья, по знаку шейха, начинаютъ наносить себѣ раны ножами или саблями; нѣкоторые грызутъ стекло, гло-

[1]) Chatelier op. cit. pp. 48 – 76

таютъ ядовитыхъ гадовъ, жуютъ колючіе листья кактуса. Это происходитъ до тѣхъ поръ, пока всѣ мало по малу не попадаютъ въ изнеможеніи.

Послѣдователи ордена допускаютъ родъ пантеистическаго воплощенія и считаютъ своего шейха болѣе, чѣмъ святымъ, а какъ бы хранителемъ божественнаго проявленія.

По ихъ ученію, эта божественная благодать можетъ переходить не наслѣдственно, а на избранныхъ; во время же зикра, когда всѣ пришли въ экстазъ, эта благодать почіетъ на всѣхъ. Такимъ образомъ, здѣсь порожденное зикромъ состояніе не есть только поглощеніе личности человѣка существомъ Бога, но и призваніе на себя божества, что едва ли не можетъ быть понято, какъ культъ самообожанія Тѣ эксцессы, которымъ предаются во время зикра братья, были бы не всѣмъ по силамъ, если бы имъ не помогало гипнотическое внушеніе шейха или мукаддима. Этимъ гипнотическимъ внушеніемъ объясняются нѣкоторыя явленія, какъ исцѣленіе болѣзней, исполненіе безусловнаго приказанія, переданнаго мысленно, и т. п., что въ глазахъ толпы является чудомъ.

Айсава цѣликомъ ушли въ практику и совершенно забыли религіозныя идеи, въ силу чего, пользуясь значительной извѣстностью въ мусульманскомъ мірѣ, для исламизма они не представляютъ почти ничего. Но и то вліяніе, которымъ они пользуются, подрывается различными шарлатанами, которые не прочь въ личныхъ интересахъ воспользоваться людской довѣрчивостью. Не малую тѣнь бросаютъ на орденъ тѣ безобразія, которыя происходятъ при участіи женщинъ въ собраніяхъ. Все это вмѣстѣ взятое вызываетъ въ мусульманахъ по отношенію къ ордену смѣшанное чувство суевѣрнаго уваженія и страха, сопровождаемаго презрѣніемъ. Все это даетъ ордену право лишь на извѣстность въ мусульманскомъ мірѣ, но отнюдь не на религіозное вліяніе.

Главная масса послѣдователей ордена находится въ Сѣверной Африкѣ, но отдѣльныя группы ихъ встрѣчаются также и въ Азіи [1]).

Таибія.

Это одинъ изъ новѣйшихъ орденовъ. Онъ былъ основанъ уже въ XII вѣкѣ геджры шерифомъ Мулай Абдулла, но свое имя онъ получилъ отъ его внука Мулай Таиба.

Хотя таибія и происходятъ отъ шаделія, но они исповѣды-

---

[1]) Chatelier. op. cit. pp. 99—105

ваютъ доктрину экстатическаго мистицизма, что сводится къ искусственному вызыванію нѣкотораго патологическаго состоянія.

Другое отличіе ихъ отъ шаделія заключается въ томъ, что они учатъ о наслѣдственной передачѣ благодати. Поэтому должность шейха передается изъ рода въ родъ въ одной семьѣ Хотя номинально всѣ братства признаютъ верховную власть шейха, но разногласія не миновали и этотъ орденъ.

Совершенно особенная физіономія этого ордена является слѣдствіемъ личности шерифовъ. Такъ, Сидъ Абд-ас-Салахъ бинъ-аль-Хаджи аль-Арби женился на англичанкѣ и мало по малу, подъ ея вліяніемъ, сдѣлался приверженцемъ европейской цивилизаціи. Ближайшимъ результатомъ этого было раздѣленіе ордена. Теперь онъ, повидимому, лишь доживаетъ и серьезной роли играть не можетъ. 1).

Деркава

Орденъ деркава, существующій въ Триполи, отдѣлился отъ шаделія и составляетъ теперь сильную и вліятельную въ политикѣ группу. Онъ имѣетъ своихъ представителей и въ Хэджасѣ. Другіе деркава сосредоточены въ Марокко, Алжирѣ и Тунисѣ. Чтобы дать полную оцѣнку этого ордена, пришлось бы прослѣдить всю исторію послѣдняго (Абдулъ Гамида) царствованія въ Турціи, но предѣлы очерка этого совершенно не допускаютъ.

Орденъ, или группа, былъ основанъ въ началѣ XIII вѣка геджры Мулаи аль-Арби аль-Деркави, который проповѣдывалъ самое полное пренебреженіе ко всему мірскому и совершенное воздержаніе отъ какихъ бы то ни было сношеній съ временными властями. У нѣкоторыхъ это равнодушіе не замедлило перейти во враждебность, и въ этомъ отношеніи деркава раздѣлились на двѣ группы. Съ другой стороны, произошло еще другое дѣленіе: на духовныхъ мистиковъ и экстатиковъ. Ни то, ни другое не вызвало однако дробленія ордена въ Марокко; въ Алжирѣ и Тунисѣ, напротивъ, произошло дробленіе на мелкія независимыя братства.

Въ числѣ непримиримыхъ, не идущихъ ни на какіе компромиссы, находится именно группа триполитанскихъ деркава, и они играютъ роль возбудителей среди сосѣднихъ племенъ; во всѣхъ мятежахъ они всегда были первыми участниками.

Алжирскіе деркава играютъ двойную роль: поддерживая лучшія отношенія съ европейцами, они въ то же время помогаютъ своимъ противъ этихъ европейцевъ. Кромѣ того, они, повидимому, поддерживаютъ сношенія съ шаделія и сэнусія.

---

[1]) Chatelier. op. cit pp. 106—108.

Роль триполитанскихъ деркава яснѣе.

Около 1236 года Мухаммедъ бинъ Хамза началъ проповѣдь въ Триполи. Около этого же времени онъ основалъ монастырь Мезрата, который открылъ нѣсколько отдѣленій. Однако дальнѣйшее движеніе было пріостановлено проповѣдью Сэнуси. Орденъ существовалъ лишь, но не жилъ, и такъ продолжалось до конца XIII вѣка, когда обстоятельства столкнули шейха ордена деркава Мухаммедъ Зафара съ Абдулъ Гамидомъ, въ то время еще не султаномъ.

Въ Хэджасѣ и въ Египтѣ Мухаммедъ Зафаръ встрѣчался съ лицами, которыя усиленно занимались политическими интригами за счетъ оттоманскаго принца Это знакомство повліяло на планы Мухаммедъ Зафара, онъ быстро ориентировался, и вмѣсто Триполи онъ очутился въ Константинополѣ, гдѣ былъ представленъ принцу Абдулъ Гамиду. Это было въ то время, когда черныя тучи носились надъ Турціей, и уже начинали слышаться слова, что Абдулъ Азизу не мѣсто на тронѣ Правда. Абдулъ Гамидъ не былъ наслѣдникомъ, но это не мѣшало ему питать честолюбивые замыслы, въ которыхъ его поддерживали улемы и шейхи. Среди этихъ послѣднихъ особымъ его вниманіемъ скоро сталъ пользоваться Мухаммедъ Зафаръ, предсказавшій ему скорое восшествіе на престолъ.

Завербовавъ въ свои орденъ Хайр-эд-дина пашу и Байрама-агу, начальника евнуховъ, шейхъ Зафаръ покинулъ Константинополь и направился въ Медину, гдѣ у него было много родственниковъ Въ это время произошло низложеніе султана Абдулъ Азиза, и на престолъ былъ возведенъ принцъ Мурадъ.

На новаго султана, у котораго уже были задатки душевной болѣзни, или во всякомъ случаѣ нервная система котораго была основательно расшатана, самоубійство или убійство Абдулъ Азиза такъ подѣйствовало, что болѣзнь его сразу приняла рѣзкій характеръ. Первоначально эту болѣзнь скрывали отъ народа, но, когда это сдѣлалось уже невозможнымъ, пришлось объявить истину, — послѣдовало новое низложеніе, и на престолѣ славной линіи Османовъ оказался Абдулъ Гамидъ.

Здѣсь, къ сожалѣнію, не мѣсто говорить объ этомъ политическомъ событіи, какъ того требовала бы его важность,—замѣтимъ лишь, что улемы въ этой исторіи принимали значительное участіе, и это какъ бы уже впередъ опредѣляло нѣкоторую зависимость Абдулъ Гамида отъ нихъ. Шейхъ Зафаръ сталъ пользоваться исключительнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ, куда онъ былъ вызванъ султаномъ, помѣстившимъ его въ Ильдизъ Кіоскѣ.

Прошлое царствованіе въ Турціи еще слишкомъ свѣжо въ памяти у всѣхъ, чтобы была надобность много говорить о томъ

вліяніи, какое оказывалъ на политику Шейхъ Зафаръ; этому не приходится удивляться, такъ какъ въ 1878 году Хайр-эд-динъ паша былъ сдѣланъ великимъ визиремъ, т. е. и Порта и Дворецъ стали находиться подъ давленіемъ ордена. Ободряемые въ Константинополѣ, братья шейха Зафара, шейхъ Хамза и шейхъ Сэнуси, начали въ Африкѣ открытую проповѣдь панисламизма. Султану не удалось сдѣлать изъ шейха Сэнуси свою игрушку, какъ у него было намѣреніе, но фактъ общенія съ нимъ уже характеренъ самъ по себѣ. Ближайшимъ результатомъ этого было объединеніе деркава *(маданія)* съ сэнусія—если не въ организаціи, то въ дѣйствіи.

Пріобрѣтая силу въ Константинополѣ, шейхъ Зафаръ уже сталъ совѣтывать султану время отъ времени вызывать туда нѣкоторыхъ шейховъ. Такъ былъ вызванъ Ибрагимъ бинъ-Азизъ ас-Сэнуси (который несмотря на свое прозвище, къ ордену сэнуситовъ не принадлежалъ), которому султанъ довѣрилъ деликатную миссію—склонить мароккскаго султана къ совмѣстной борьбѣ съ христіанами. Выборъ дипломата былъ не совсѣмъ удаченъ. Какъ султанъ, такъ, повидимому, и шейхъ Зафаръ были введены въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго вліянія Ибрагима при мароккскомъ дворѣ: онъ пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ въ Египтѣ, но не въ Марокко Кромѣ того Мулай Хасанъ не хотѣлъ рисковать, вступая въ открытый союзъ съ Абдулъ Гамидомъ, что могло повлечь для него самыя неожиданныя послѣдствія. Такимъ образомъ, не трудно понять, что миссія уже заранѣе была обречена на неуспѣхъ, что дѣйствительно и произошло. Этотъ неуспѣхъ не помѣшалъ однако тому, чтобы за Ибрагимомъ установилась слава дипломата, и даже онъ самъ, кажется, началъ серьезно вѣрить въ свои способности.

Какъ бы тамъ ни было, всѣ темныя интриги прошлаго царствованія не обходились безъ его участія, но онъ самъ, въ свою очередь, былъ направляемъ шейхомъ Зафаромъ, который, не взирая на неудачи, постигавшія его планы, все еще продолжалъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ, хотя уже и не такимъ, какъ въ самомъ началѣ Причину этого надо видѣть въ томъ, что съ теченіемъ времени Абдулъ Гамидъ, продолжая пользоваться услугами улемовъ и шейховъ, освободился отъ ихъ вліянія: у этихъ послѣднихъ остался ихъ прежній почетъ, но уже не сила Эти лица служили султану главнымъ образомъ для сношенія съ орденомъ сэнусія, роль котораго въ политикѣ султана была громадна.

Положеніе шейха деркава не замедлило конечно отозваться на развитіи ордена; къ нему почти примкнула вѣтвь ордена *шаделія-арусія*, центромъ которой также былъ Мезрата. Но еще въ

болѣе значительной степени выгодами положенія воспользовался орденъ сэнусія.

Орденъ деркава можетъ быть названъ по преимуществу политическимъ орденомъ, и шейхъ Зафаръ говорилъ, что для истинно вѣрующаго борьба противъ невѣрныхъ является столь же категоричной обязанностью, какъ и выполненіе религіозной практики. Опасность, которую орденъ могъ бы представить для европейской цивилизаціи, умѣряется лишь ограниченностью сферы его дѣйствія. Одно время онъ имѣлъ широкое распространеніе въ Хэджасѣ, но потомъ значительная часть его приверженцевъ перешла къ *рахманія* [1]).

Бадавія

Это орденъ, основанный Сидъ Ахмадомъ аль-Бадави, который принадлежалъ къ шерифской фамиліи родомъ изъ Хэджаса, но впослѣдствіи переселившейся въ Фецъ Орденъ извѣстенъ также подъ именемъ *ахмадія*.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія Сидъ Ахмада, его отецъ съ семействомъ вновь переселился въ Мекку. Уже въ раннемъ возрастѣ Сидъ Ахмадъ предавался практикѣ мистицизма, и, чтобы совершенно не имѣть никакихъ отвлеченій, онъ отказался жениться Постоянная суровая практика не огрубила однако его сердца, и онъ отличался большимъ милосердіемъ.

По смерти отца, въ 629 году, онъ покинулъ Хэджасъ и направился въ Сирію, чтобы тамъ усовершенствоваться въ наукахъ. Первоначально онъ былъ въ Багдадѣ и потомъ въ Умъ-Обэйда, въ монастырѣ Сидъ Ахмада ар-Рифаи

По возвращеніи изъ Сиріи, онъ три года пробылъ въ Меккѣ, предаваясь самой суровой практикѣ суфи, и однажды въ видѣніи ему явились шейхи Абдулъ Кадыръ аль-Джилани и Сидъ Ахмадъ ар-Рифаи и объявили ему, что онъ долженъ начать проповѣдь въ Египтѣ. Вскорѣ послѣ этого ему явился Мухаммедъ, и это окончательно убѣдило его въ томъ, что онъ долженъ сдѣлаться проповѣдникомъ. И онъ отправился въ Египетъ. Это было въ 633 году. Вскорѣ онъ переселился въ Каиръ, гдѣ пробылъ нѣкоторое время, а потомъ перебрался въ Танта, и тамъ остался до самой смерти, которая послѣдовала въ 675 году. Пригласилъ его туда шейхъ Дара ибнъ-Шуаибъ, у котораго онъ и помѣстился. Онъ велъ самую благочестивую жизнь, и понемногу около него собрались ученики. Такъ какъ обыкновенно собранія происходили на крышѣ дома, гдѣ Сидъ Ахмадъ проводилъ время въ созерцаніи неба, то и его приверженцы получили имя *саттавія* отъ «сатта»—крыша).

[1]) Chatelier op cit p. 108—124.

Между ними уже установилась связь: это не была еще школа или проповѣдь опредѣленнаго ученія,—это были лишь собесѣдованія, въ которыхъ Сидъ Ахмадъ старался развить теплую вѣру въ однихъ укрѣпить рвеніе другихъ Все это было еще въ общихъ чертахъ, въ намекахъ, онъ не формулировалъ своего ученія

Съ 643 года, когда Египетъ находился въ опасности, политика Бадави измѣнилась Пользуясь своимъ вліяніемъ среди феллаховъ, онъ послалъ къ нимъ своихъ учениковъ съ проповѣдью, приглашая ихъ немедленно взяться за оружіе, обѣщая вѣчное спасеніе за выполненіе священнаго долга Проповѣдь имѣла успѣхъ,—войска Людовика IX были разбиты Съ этого времени и можно считать возникновеніе ордена, въ основу котораго такимъ образомъ легло единеніе вѣрующихъ въ священной войнѣ. Орденъ быстро распространился, и къ смерти его основателя его вѣтви были уже въ Тунисѣ, Триполи, Сиріи, Іеменѣ и Меккѣ. Въ Египтѣ отдѣленія ордена были во всѣхъ городахъ

Въ послѣдніе годы своей жизни Бадави предоставилъ управленіе дѣлами ордена шейху Салахъ Абд-уль-Ахлю; другому своему ученику, Абдулъ Вахабу аль-Гаури, онъ поручилъ обученіе новичковъ. Правила пріема были очень строги: предварительно новичокъ выдерживалъ строгій и продолжительный постъ въ отдѣльной кельѣ. Немногіе могли выдержать это испытаніе, и вслѣдствіе этого число учениковъ стало увеличиваться очень медленно. Преемникъ Бадави, шейхъ Абд-уль-Ахъ отмѣнилъ это правило.

Уже за пятнадцать лѣтъ до своей смерти Бадави кончилъ свои проповѣди, и съ этого времени, если вѣрить историкамъ, находился въ постоянномъ экстазѣ и творилъ чудеса, къ которымъ, между прочимъ, относилось исцѣленіе больныхъ, которые были признаны безнадежными. Все это, или точнѣе вѣра во все это заставила массу видѣть въ немъ носителя божественной благодати. Если бы онъ оставилъ потомство, то безъ сомнѣнія іерархическое главенство стало бы переходить наслѣдственно: у него не было дѣтей, и преемникомъ его сдѣлался одинъ изъ его наиболѣе выдающихся учениковъ, который еще при жизни Бадави былъ его замѣстителемъ

Въ глазахъ своихъ послѣдователей, Бадави остался святымъ: онъ для нихъ то же, что Мухаммедъ для всѣхъ мусульманъ, и часто ихъ молитва заключалась въ воззваніи: «о, Бадави!» Почтеніе къ нему едва ли не переходило въ культъ, и культъ нѣсколько своеобразный, такъ какъ періодическія празднованія въ честь памяти святого порою переходили въ сатурналіи, причину которыхъ можно объяснить въ двухъ словахъ: среди послѣдователей Бадави существуетъ вѣра, что пребываніе у его могилы

исцѣляетъ отъ безплодія. Это были сборища, на которыя сама Астарта стала бы взирать благосклоннымъ окомъ. Съ проникновеніемъ въ Африку европейскаго вліянія, въ значительныхъ центрахъ уже не происходитъ подобныхъ оргій, которыя можно назвать половымъ безуміемъ на религіозной почвѣ. За исключеніемъ этой особенности, въ общихъ чертахъ доктрина ордена мало чѣмъ отличается отъ большинства другихъ.

Въ катехизисѣ бадавія отмѣчено многое, что является основными правилами ислама; что же касается пути, по которому послѣдователи Бадави идутъ къ познанію вѣчной истины, это—экстатическій мистицизмъ.

Особенностью ордена является одежда и милостыня. Одежда у бадавія не есть простой символъ, какъ въ другихъ орденахъ. но отличительный знакъ.

Выше было сказано о преемственной передачѣ одежды учителя ученикамъ для показанія связи между ними. Уже въ первые вѣка геджры нѣкоторые искренніе вѣрующіе сомнѣвались относительно факта ночного путешествія Мухаммеда, принимая это лишь за видѣніе; и ихъ послѣдователи передачу одежды считаютъ лишь фигуральной; для другихъ эта передача совершается дѣйствительно. и эту одежду дѣйствительно должно носить. По мнѣнію этихъ послѣднихъ, Пророкъ роздалъ свои одежды Абу Бакру, Али, Анасу и Омару; въ другой разъ онъ далъ черный плащъ Умъ-Халидъ; однажды Абдуррахманъ ибнъ-Ауфъ и Али въ награду отъ него получили по тюрбану. Въ первомъ случаѣ. говорятъ приверженцы бадавія, этотъ даръ одежды указываетъ на подобіе, т. е. носящій напоминаетъ святость того, кто ему далъ одежду; другая передача есть передача благословенія черезъ одежду, третья передача—передача воли: это—залогъ повиновенія приказаніямъ своего духовнаго главы. Бадавія приняли одежду подобія. Она установлена Бадави краснаго цвѣта, такъ какъ, говорятъ, предокъ Бадави, Али ибъ-Абу Талибъ получилъ отъ Пророка одежду именно этого цвѣта. Въ торжественныхъ случаяхъ бадавія носятъ красные тюрбаны. Обычай ношенія цвѣтныхъ тюрбановъ принятъ многими орденами, но у всякаго по возможности имѣется свой цвѣтъ.

Что касается милостыни, то она собирается въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, подъ различными названіями и въ неограниченномъ количествѣ: это-обще предписанная милостыня въ собственномъ смыслѣ (садака), или подарокъ при благочестивомъ посѣщеніи ученикомъ учителя (зіаратъ), или уплата, сдѣланная ученикомъ учителю за обученіе или по другому случаю (хэдія), или искупительная милостыня, своего рода выкупъ грѣха (гифаръ), или обѣтъ пожертвовать что либо при извѣстныхъ условіяхъ (вадэ). Все это частично существуетъ и въ другихъ

орденахъ, но тамъ не ведется систематической эксплуатаціи, какъ у бадавія. Печальнымъ результатомъ этой системы принудительной благотворительности явилось то, что всѣ выгодныя и доходныя мѣста въ администраціи ордена (а таковыми являются положительно всѣ—отъ шейха до подметальщика мечетей) продаются съ торговъ. Каждое должностное лицо, помимо того, что оно соберетъ лично, имѣетъ право еще на процентное отчисленіе изъ общихъ доходовъ.

Такая эксплуатація ведется преимущественно въ Египтѣ; что же касается бадавія другихъ мѣстъ, то они остались болѣе вѣрными первоначальнымъ правиламъ ордена.

Такое положеніе едва ли могло соотвѣтствовать видамъ основателя ордена: если онъ имѣлъ въ виду отрѣшеніе отъ земныхъ богатствъ, то видѣлъ необходимость въ этомъ одинаково для всѣхъ, а отнюдь не только для учениковъ въ пользу своихъ учителей и начальниковъ, т. е мукаддимовъ и шейха Завѣты учителя были скоро забыты: вліяніе, которое создалось при жизни Бадави, его преемниками было обращено на служеніе личнымъ интересамъ, и результаты этого не замедлили сказаться: съ одной стороны, началъ падать престижъ ордена, съ другой, среди группъ ордена началось корыстное соперничество.—новыхъ учениковъ почти не было, а старые выбывали Лишь въ X вѣкѣ орденъ началъ понемногу возрождаться благодаря установленію прочныхъ традицій. Этотъ періодъ возрожденія былъ очень кратокъ, и за нимъ наступило распаденіе ордена,—единственной связью между группами было признаніе общаго патроната Бадави.

Настоящее положеніе ордена напоминаетъ положеніе кадирія. Основной группой ордена является шамсія, представитель которой есть шейхъ-ус-сэджджада. Кромѣ этой, имѣется еще двѣнадцать группъ въ Египтѣ, а именно:

Меразка
Шенавія
Шуаибія
Халабія
Хамудія
Имбабія
Кэннасія
Сэллемія
Захидія
Мэнуфія
Тикіянія
Сафватія-санадкія.

Всѣ эти двѣнадцать группъ извѣстны подъ общимъ именемъ *бадавія-ахмадія.* Кромѣ имени у нихъ нѣтъ ничего общаго,

и каждая признаетъ лишь своего главу; это что касается внутренней организаціи; въ ученіи же почти нѣтъ никакой разницы. Суданскіе бадавія, въ свою очередь, независимы отъ египетскихъ; то же можно сказать о сирійскихъ и хэджасскихъ.

Такъ много обѣщавшій въ самомъ началѣ, теперь орденъ играетъ совершенно незначительную роль [1]).

Бейюмія.

Орденъ бейюмія былъ основанъ въ XII вѣкѣ Сидомъ Али ибнъ-аль-Хэджаси ибнъ-Мухаммедомъ, принадлежавшимъ къ шерифской фамиліи Хэджаса. Первоначально онъ принадлежалъ къ ордену хельватія, въ которомъ былъ виднымъ членомъ, потомъ перешелъ къ *бадавія-халябія*, гдѣ также очень быстро занялъ выдающееся положеніе, и вскорѣ уже подъ его руководствомъ совершался хазратъ въ большой мечети Каира. Онъ такъ умѣлъ разжечь сердца, что ученики притекали къ нему массами, что вызвало тревогу въ умахъ, и Сидъ Али былъ обвиненъ въ ереси. При помощи одного законовѣда онъ сумѣлъ отбросить это обвиненіе: онъ не только сталъ продолжать свою мистическую практику, но еще, по предложенію шейхъ-уль-ислама, занялъ кафедру въ университетѣ. Въ это время у него уже явилась мысль преобразовать орденъ бадавія, вернувъ его къ первоначальной чистотѣ доктрины.

Въ этомъ встрѣтилось странное затрудненіе: вліяніе его и слава были такъ велики, что на него никто не смотрѣлъ, какъ на обновителя старой доктрины, а какъ на инициатора; онъ безмолвно согласился съ этимъ и своему ученію далъ свое имя.

Кромѣ имени, отличіе отъ бадавія заключалось еще въ томъ, что патрономъ ордена они взяли своего святого. Правила были строже правилъ бадавія, что вполнѣ естественно при характерѣ реформы, который придавалъ ученію своего ордена аль-Бейюми.

Нѣкоторыя нововведенія придали религіозной практикѣ ордена своеобразную физіономію. Такъ, напримѣръ, при принятіи въ орденъ кромѣ рукопожатія, шейхъ надѣваетъ на шею новичка четки; хазратъ совершался нѣсколько отлично: бадавія при каждомъ наклоненіи тѣла оставляли руки вытянутыми, а бейюмія складывали ихъ на груди и при поднятіи тѣла опускали. Все это конечно было лишь внѣшностью, и доктрина оставалась неизмѣнной. Кромѣ того, чтобы показать нѣкоторую связь съ бадавія, Бейюми сохранилъ красный тюрбанъ.

Исторія ордена бейюмія была новымъ воспроизведеніемъ того, что случилось съ бадавія: дисциплина ослабла, и орденъ

[1]) Chatelier. or. cit. pp. 161—182

понемногу сталъ дробиться. Иностранныя вѣтви ордена наиболѣе сохранили свою чистоту, но зато онѣ совершенно отдѣлились. Однако не будемъ забѣгать впередъ.

Частыя посѣщенія Мекки дали Сиду Али возможность установить прочныя отношенія съ прибрежными племенами. Особенный успѣхъ его проповѣдь имѣла среди берберовъ, и онъ послалъ къ нимъ своего представителя, который основалъ нѣсколько монастырей.

Въ Меккѣ и Мединѣ значительная часть послѣдователей ордена бадавія примкнули къ новому ордену. При первыхъ преемникахъ Бейюми предѣлы ордена распространились до Іемена и Гадрамаута, а затѣмъ миссіонеры понесли свою проповѣдь въ Месопотамію и Индію. Этотъ славный періодъ существованія ордена былъ очень кратокъ По смерти третьяго шейха произошли споры между двумя претендентами, и орденъ раздѣлился: хэджасскія вѣтви послѣ этого отдѣлились отъ египетскихъ.

Въ городахъ Хэджаса всѣ бейюмія соединены подъ властью шейхъ ус-сэджджада, зависящаго отъ шейхъ-ут-турукъ; въ Хэджасѣ число ихъ значительно, и они сохранили древнія доктрины [1]).

Дусукія.

Орденъ дусукія имѣетъ много общаго съ бадавія и бейюмія и, подобно имъ, былъ основанъ въ Египтѣ. Его основателемъ былъ Сидъ-Ибрагимъ аль-Дусуки, принадлежавшій къ шерифской фамиліи Дусука. Онъ съ раннихъ лѣтъ усиленно предавался мистическимъ практикамъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность и въ самый разгаръ своей славы, во время одного экстаза, умеръ 43 лѣтъ отъ роду. Это произошло въ 776 году. Послѣ его смерти среди его приверженцевъ начались разсказы о его святости, о томъ, что уже въ раннемъ дѣтствѣ онъ творилъ чудеса. Народная масса всегда, и въ особенности на Востокѣ, склонна вѣрить во все необыкновенное, и эта вѣра сильна и опасна тѣмъ, что она не ищетъ доказательства, она не спрашиваетъ, почему и какъ? И славы Сидъ Ибрагима было достаточно, чтобы его почитатели сплотились въ орденъ подъ его именемъ.

Сидъ Ибрагимъ оставилъ нѣсколько богословскихъ сочиненій, но, какъ говорятъ преданія, богословіе не было основнымъ его занятіемъ, и что почти все свободное отъ молитвы время онъ искалъ экстаза, въ состояніи котораго хотѣлъ проникнуть въ тайны прошлаго и сдернуть завѣсу съ будущаго.

Объединившіеся около его имени послѣдователи—мистическіе экстатики и напоминаютъ нѣсколько хельватія. Особенностью

---

[1]) Chatelier op cit pp. 182—190.

ордена является предписанное почитаніе Сидъ Ибрагима, который въ ихъ глазахъ является какъ бы пророкомъ.

Правила ордена состоятъ главнымъ образомъ изъ широкихъ принциповъ морали и между прочимъ требуютъ воздаянія добромъ за зло. Если мы будемъ смотрѣть на дусукія, какъ на мусульманъ, то приходится сознаться, что это почти единственная въ своемъ родѣ проповѣдь; но для мистиковъ, которые отрѣшаются отъ всего земного и одинаково относятся какъ къ добру, такъ и къ злу, значеніе этого принципа сильно умѣряется.

Религіозная практика дусукія лишь немногими подробностями отличается отъ практики бадавія, а именно формой обычныхъ во время хазрата молитвъ, что касается внѣшнихъ признаковъ, то дусукія носятъ зеленый тюрбанъ.

Орденъ отличается рѣзкимъ фанатизмомъ, что не совсѣмъ мирится съ проповѣдью морали.

По смерти Сидъ Ибрагима, во главѣ вновь сформировавшагося ордена всталъ его братъ Шерифъ-эд-динъ Абуль Имранъ аль-Сидъ Муса, и въ теченіе трехъ поколѣній званіе шейха переходило наслѣдственно. Въ концѣ же IX вѣка орденъ дусукія раздробился на нѣсколько независимыхъ группъ.

Въ настоящее время въ Египтѣ основная группа ордена извѣстна подъ именемъ *брахама*. Кромѣ того существуютъ три главныя независимыя группы:

Шернубія,
Шавія и
Тухамія.

Дусукія имѣются въ Сиріи, Іеменѣ и Гадрамаутѣ Въ Хэджасѣ они имѣютъ лишь два монастыря—въ Меккѣ и Мединѣ. Эти группы ордена считаются самыми ревностными хранителями древнихъ традицій ислама [1]).

Саадія.

Орденъ саадія имѣетъ много общаго съ рифайя, вѣтвью котораго онъ и является, хотя и объявилъ себя независимымъ. Болѣе того, саадія пытаются доказывать, что ихъ орденъ является болѣе древнимъ, чѣмъ орденъ рифайя, такъ какъ онъ основанъ въ пятомъ вѣкѣ геджры Саадъ-эд-диномъ аль-Джебави, который на самомъ дѣлѣ родился лишь во второй половинѣ седьмого вѣка. Задача, такимъ образомъ, получается довольно неблагодарная, но масса лишена возможности разбираться въ этихъ цифрахъ, и новый орденъ, возведшій своего основателя въ святые, не имѣлъ недостатка въ послѣдователяхъ.

---

[1]) Chatelier. op cit. pp. 190 - 194.

Если Саадъ-эд-динъ къ концу жизни пріобрѣлъ репутацію святости, его молодость не обѣщала этого, такъ какъ за свою распущенную жизнь онъ даже былъ изгнанъ изъ родительскаго дома, и обстоятельства сложились такъ, что онъ сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ и въ теченіе долгаго ряда лѣтъ безнаказанно грабилъ караваны между Багдадомъ и Басрой. Но, говоритъ легенда, однажды ему явился Пророкъ въ сопровожденіи двухъ спутниковъ, коснулся его груди, вознесъ молитву о прощеніи, и раскаяніе проникло все существо Саада. Потомъ Мухаммедъ далъ ему, въ знакъ прощенія, какой то плодъ, помочивъ его предварительно своей слюной. Плодъ этотъ былъ поданъ ему однимъ изъ его спутниковъ. Съ этихъ поръ началась благочестивая жизнь Саада, такъ по крайней мѣрѣ ходятъ преданія Несмотря на свои прежніе грѣхи и злодѣянія, онъ сталъ пользоваться всеобщимъ почтеніемъ. Онъ жилъ аскетомъ въ строгомъ уединеніи, придерживаясь правила ордена рифайя, въ который онъ былъ принятъ. Дальше, онъ нѣкоторое время пробылъ въ Меккѣ, затѣмъ отправился въ родную страну и посѣлился въ Джаба, неподалеку отъ Дамаска. Понемногу около него стали собираться ученики. Братство начало распространяться, но уже вскорѣ начались раздоры, которыми былъ особенно богатъ десятый вѣкъ геджры, и ссоры между вѣтвями ордена переходили иногда въ кровавыя столкновенія. Все это не могло не отозваться на благосостояніи ордена.

Въ XI вѣкѣ раздоры немного затихли, и дѣла ордена немного поправились: отдѣленія его были въ Африкѣ, (Египетъ и Триполи), и въ Азіи—во всѣхъ странахъ къ западу отъ Персіи.

Уже при второмъ преемникѣ Саада египетская вѣтвь, объявила себя независимой. Триполитанская вѣтвь, съ средины XI вѣка геджры, начала утрачивать серьезное значеніе Около того же времени сирійская вѣтвь раздѣлилась на двѣ: *уфайя* и *селлемтія*. Другія, менѣе значительныя группы образовались въ Иракѣ и различныхъ провинціяхъ Аравіи.

Наиболѣе сохранившейся вѣтвью первоначальнаго ордена является египетская.

Несмотря на то, что орденъ не особенно богатъ приверженцами, онъ пользуется въ мусульманскомъ мірѣ значительнымъ вліяніемъ, которое сдѣлается понятнѣе послѣ нѣкотораго ознакомленія съ его доктриной.

Саадъ-эд-динъ долгое время оставался вѣренъ ученію ордена рифайя, въ которой онъ былъ принятъ по возвращеніи въ Сирію, но своимъ ученикамъ онъ завѣщалъ кое-какіе обряды, очень близко напоминающіе религіозную практику ордена айсава. Происходя отъ рифайя, саадія походятъ на нихъ, но между ними есть и различія.

Въ воспоминаніе прощенія Саада Пророкомъ, стихъ Корана со словами: «прости, Боже!» является основной формулой посвященія. Первая степень его, талькинъ, даруется не только рукопожатіемъ шейха, но и передачей плода, смоченнаго слюною шейха, какъ сдѣлалъ Пророкъ при передачѣ плода Сааду.

Такъ какъ послѣ удаленія Пророка Саадъ пришелъ въ экстазъ, то саадія ищутъ экстаза, преимущественно призывая имя Пророка.

Въ подраженіе основателю ордена, они совершаютъ продолжительныя уединенія въ дикихъ мѣстахъ Когда они предаются своимъ благочестивымъ упражненіямъ, они выкрикаютъ слово «другъ» (т. е. Саадъ) до тѣхъ поръ, пока ротъ ихъ не наполнится пѣной, съ блуждающими глазами, съ колеблющейся походкой, они кажутся пьяными; какъ безумные, они бѣгаютъ по горамъ Иначе говоря, экстазъ приводитъ къ очень рѣзкой формѣ истеріи.

Въ обязательныхъ и сверхдолжныхъ молитвахъ также имѣется нѣкоторая разница. Во-первыхъ, хазратъ должны совершаться въ темныхъ мѣстахъ; во-вторыхъ, къ формулѣ «нѣтъ бога кромѣ Бога», они прибавляютъ: «о, Саадъ-эд-динъ!» Кромѣ того, движенія головы производятся не взадъ и впередъ, а вправо и влѣво. Молитва сопровождается музыкой маленькихъ тамбуриновъ, къ которымъ иногда присоединяются большіе барабаны.

Посвященіе въ орденъ продолжительно и сложно. Первый періодъ его состоитъ въ ежедневномъ чтеніи 1000 разъ стиха: «прости, великій Боже!» Въ теченіе второго періода, продолжительность котораго опредѣляется шейхомъ, ученикъ долженъ отъ 75 до 100 тысячъ разъ повторить: «Прости, Боже! о, Боже Прощающій!» Потомъ столько же разъ должно быть призвано благословеніе Бога на Мухаммеда По выполненіи этого, ученикъ первоначально отдѣляется отъ міра, а потомъ уже начинается настоящее уединеніе хильватъ. Въ это время онъ долженъ, по указанію шейха, повторять двѣ серіи именъ Бога: число повтореній опредѣляется по числовому значенію составляющихъ слово буквъ. Въ первую серію входитъ также формула: «нѣтъ бога кромѣ Бога», которая должна быть повторена 100000 разъ.

Имена первой серіи повторяются:

Аллахъ	7884 раза
Онъ	44630 »
Истина	10092 »
Живой	93420 »
Владыка	10100 »

Имена второй серіи повторяются:

Единый	47760 разъ
Могущественный	77590 »

Вѣчный	47460 разъ
Питатель	53940 »
Защитникъ	5754 »
Раскрывающій руку	7759 »

Помимо этого, у саадія имѣется много спеціальныхъ молитвъ, напримѣръ, хизбъ, состоящій изъ 99 именъ Бога и прочитываемый часто передъ хазратъ, а также семидневный вирдъ, установленный Саадъ-эддиномъ:

въ субботу—стихъ о прощеніи	70000 разъ
въ воскресенье—первая часть молитвы за Пророка	70000 »
въ понедѣльникъ—формула единства	70000 »
во вторникъ—вся молитва за Пророка	70000 »
въ среду—салат-аль-муаззама	70000 »
въ четвергъ—сура Ясинъ и стихъ Трона	сколько возможно больше разъ

въ пятницу—сура Событіе и 99 именъ Бога сколько возможно больше разъ.

Другой вирдъ, установленный шейхомъ Мухаммедомъ-аль-Хузема, еще длиннѣе. Легенда говоритъ, что шейхъ былъ заключенъ въ тюрьму по обвиненію въ ереси; тамъ ему явился Пророкъ и обѣщалъ освободить его, если онъ въ теченіе недѣли каждый день будетъ совершать вирдъ, состоящій исключительно изъ стиховъ Корана.

Вирдъ этотъ состоитъ въ повтореніи:

въ пятницу—всѣхъ стиховъ Корана, гдѣ встрѣчаются слова «хвала Богу»,

въ субботу—всѣхъ стиховъ Корана, гдѣ встрѣчается слово «прости» или «прощеніе»,

въ воскресенье—всѣхъ стиховъ Корана, гдѣ встрѣчаются слова «слава Богу»,

въ понедѣльникъ—всѣхъ стиховъ Корана, гдѣ встрѣчаются слова «съ помощью Бога» или «мы уповаемъ на Бога»,

во вторникъ—всѣхъ стиховъ Корана, гдѣ встрѣчается слово «миръ»,

въ среду—всѣхъ стиховъ Корана, гдѣ встрѣчается слово «всевышній»,

въ четвергъ—всѣхъ стиховъ Корана, гдѣ встрѣчаются молитвы или воззванія.

Теперь рѣдко кто выполняетъ этотъ вирдъ, но раньше онъ былъ въ большомъ распространеніи.

Въ странахъ, куда проникло европейское вліяніе, сцены истерическаго экстаза вышли изъ употребленія, равно какъ и существовавшій прежде обычай «пріобщенія къ божественной благодати», который состоялъ въ томъ, что всѣ братья укладыв а

лись на улицахъ плотно одинъ къ другому, и шейхъ ѣхалъ верхомъ въ мечеть по этой живой мостовой! Братья должны были постомъ и молитвой приготовляться къ этому торжеству. Это называлось «дозэ». Хотя теперь этотъ обрядъ воспрещенъ, но все же вѣрующіе собираются къ дому шейха и бросаются ему подъ ноги, чтобы хотя онъ прошелъ по нимъ.

Невольно является вопросъ: если цѣлью этой церемоніи, въ понятіи фанатиковъ, было пріобщеніе къ божественной благодати, почему была выбрана такая уродливая и небезопасная форма? Это выражало скорѣе униженіе передъ шейхомъ, и только [1]).

Эмиганія.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ орденъ эмиганія, основанный въ XIII вѣкѣ геджры. Онъ былъ основанъ Мухаммедъ Усманомъ Эмиръ Гани. Орденъ этотъ, распространенный въ Аравіи и Суданѣ, въ послѣднее время находится во враждебныхъ отношеніяхъ съ орденомъ сэнусія.

Предки основателя ордена, изъ линіи Фатимы, въ давнее время переселились въ Туркестанъ. Когда они вернулись въ Мекку, раздоръ съ главнымъ шерифомъ принудилъ ихъ снова искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ, и они переселились въ Индію, гдѣ съ теченіемъ времени и заняли видное положеніе. Прошло еще нѣкоторое время, и семейство возвратилось въ Хэджасъ — въ Мекку и Таифъ, гдѣ жилъ Сидъ Мухаммедъ Абу Бакръ, отецъ основателя ордена эмиганія.

Уже въ раннемъ возрастѣ Мухаммедъ Усманъ выказывалъ замѣчательныя способности, и, будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ составилъ нѣсколько большихъ трудовъ. Знакомство съ суфизмомъ развило въ немъ вкусъ къ мистическому экстазу. Онъ былъ членомъ нѣсколькихъ орденовъ, между прочимъ накшбандія и кадирія. Потомъ онъ примкнулъ къ школѣ Сидъ Ахмада бинъ-Идриса, и, когда этотъ послѣдній былъ изгнанъ въ Саабію, Мухаммедъ Усманъ послѣдовалъ за нимъ. По смерти своего учителя, онъ явился соперникомъ шейха Сэнуси на управленіе орденомъ. Оба они вернулись въ Мекку.

Около большой мечети Мухаммедъ Усманъ построилъ монастырь, и къ нему собралось значительное число послѣдователей. Однако онъ не явился проповѣдникомъ доктрины своего учителя, а измѣнилъ ее и основалъ свой орденъ, въ основаніе котораго было взято ученіе накшбандія, кадирія, шаделія и джуандія, и которому онъ далъ свое имя.

Эмиганія принадлежатъ къ классу мистическихъ экстати-

---

[1]) Chatelier. op. cit. pp. 210 – 225.

ковъ, допускающихъ принципъ наслѣдственной передачи благодати, называемой у нихъ «тайной кольца». Орденъ имѣетъ въ виду какъ природу таинственнаго могущества, такъ и его проявленія, хотя они и не являются видимыми или осязаемыми, такъ какъ это есть духовное наслѣдство, завѣщанное Мухаммедомъ Усманомъ своимъ ученикамъ и своимъ потомкамъ. Это невидимое присутствіе благодати даетъ право ея носителямъ на уваженіе и щедрую милостыню, что въ крайнемъ случаѣ и можно принять за внѣшнее проявленіе благодати.

Практика ордена эмиранія не представляетъ интересныхъ особенностей. Въ будничномъ зикрѣ послѣ каждой молитвы они повторяютъ «нѣтъ бога кромѣ Бога» 100 разъ, «Аллахъ, Аллахъ» сто разъ, « Онъ, Онъ» сто разъ, «Неизмѣнный» сто разъ и молитву за Пророка 13 разъ.

Въ зикрѣ во время хазрата они произносятъ формулу тавхида очень быстро за исключеніемъ послѣдняго слова, которое они тянутъ, такъ что въ концѣ концовъ слышится только одно слово Аллахъ. При этомъ они раскачиваютъ голову вверхъ и внизъ, но движенія этого не ускоряютъ.

Однимъ изъ правилъ ордена является запрещеніе не только вступать въ другіе ордена, но даже присутствовать на ихъ собраніяхъ. Они должны также вѣрить въ святость шейха. Но это вѣрованіе не представляетъ затрудненій, разъ божественная благодать переходитъ наслѣдственно.

По какой то странной прихоти случая, въ число правилъ ордена включено запрещеніе бить кошекъ.

Членамъ ордена рекомендуется ѣсть лишь для поддержанія жизни, удаляться отъ міра, хранить молчаніе, размышлять надъ твореніями Бога и совершать молитвы помимо зикра.

Эмиранія является однимъ изъ немногихъ орденовъ, основатели которыхъ сами формулировали свое ученіе. Поддерживаемый шерифами Мекки противъ шейха Сэнуси, онъ успѣлъ составить себѣ сильную партію въ Хэджасѣ, т. е. въ Меккѣ, Мединѣ, Джеддѣ и Таифѣ. Роскошный образъ жизни, который онъ сталъ вести, возстановилъ противъ него улемовъ, и онъ удалился въ Таифъ, гдѣ въ 1268 году умеръ. Потомъ его прахъ былъ перенесенъ въ Мекку.

Значительно его вліяніе было также въ Суданѣ, куда онъ впервые прибылъ въ качествѣ эмиссара Сидъ Ахмадъ бинъ-Идриса. Среди прибрежныхъ жителей, которые почти всѣ уже принадлежали къ различнымъ орденамъ, его проповѣдь имѣла лишь очень слабый успѣхъ; зато онъ былъ громаднымъ у берберовъ и нубійцевъ,—вся Нубія примкнула къ ордену *идрисія*.

Въ Кардафанѣ онъ не встрѣтилъ особенно горячаго пріема и вернулся въ Саабію, откуда былъ начатъ его путь. Это

путешествіе помимо доставленія новыхъ прозелитовъ ордену идрисія, создало популярность Мухаммеду Усману. Онъ производилъ такое впечатлѣніе на толпу, что порою ему приходилось съ трудомъ сдерживать рвеніе новыхъ братьевъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ выражали желаніе бороться въ пользу братства.

Чтобы упрочить свою связь съ берберами, Мухаммедъ Усманъ въ ихъ странѣ заключилъ нѣсколько браковъ. Все это ему очень пригодилось въ то время, когда его орденъ твердо основался въ Хэджасѣ Тогда онъ послалъ къ берберамъ, въ качествѣ своего представителя, своего сына Сиди Хасана въ сѣверной части Кардафана, въ Донголѣ и во всей Нубіи онъ имѣлъ быстрый успѣхъ и основалъ тамъ много монастырей

Въ Іеменъ и Гадрамаутъ былъ посланъ другой сынъ шейха, Сиди Мухаммедъ Сирръ-уль-Хатэмъ Три другихъ сына оставались съ нимъ и помогали ему на мѣстѣ.

Такимъ образомъ, уже при жизни основателя орденъ былъ солидно организованъ По смерти Мухаммедъ Усмана, всѣ признали его преемникомъ его старшаго сына, Сиди Мухаммедъ Сирръ-уль-Хатэма, который къ этому времени вернулся въ Мекку. Его внезапная смерть, послѣдовавшая вскорѣ, дала просторъ семейнымъ раздорамъ, и орденъ подвергся серьезной опасности. Два брата Сирр-уль-Хатэма умерли раньше его, и осталось еще два: Сиди Джафаръ и Сиди Хашимъ. Они отказались признать права дѣтей своего старшаго брата, и орденъ раздѣлился: часть Хэджаса держала сторону Джафара, а часть—сторону старшаго его племянника—Абдулла-ать-Махджуба, во владѣніи котораго находился монастырь у священной мечети. Онъ по справедливости долженъ былъ считаться настоящимъ главой ордена По смерти Джафара почти всѣ примкнули къ нему, но Сиди Хашимъ, Сиди Абу Бакръ ибнъ-Джафаръ и еще нѣсколько простыхъ мукаддимовъ остались независимыми. Шейхъ не пользовался вліяніемъ, и главная вѣтвь стала распадаться, чтобы примкнуть частью къ шаделія, частью къ накшбандія.

Въ Суданѣ сыновья Сиди Ахмада образовали самостоятельныя группы.

Было бы слишкомъ долго слѣдить за всѣми перипетіями существованія ордена. Почти всѣ представители шейха, посылаемые изъ Мекки, объявляли себя независимыми, и главное ядро ордена все уменьшалось и уменьшалось; что же касается африканскихъ группъ, то онѣ плохо сопротивлялись ордену сэнусія въ борьбѣ за вліяніе. Потомки основателя ордена сдѣлались главами массы религіозныхъ группъ, на которыя они смотрѣли какъ на удѣлы своихъ фамилій.

Въ 1885 году нашей эры англо-египетское правительство сдѣлало было попытку воспользоваться службой шейха эмирга-

нія въ Донголѣ, но скоро должно было отказаться отъ этого, такъ какъ поняло двухсмысленную игру шейха. Послѣ этого шейхи различныхъ братствъ эмиграніи неоднократно предлагали свои услуги англичанамъ за выгодное вознагражденіе, но почти всегда подобныя сдѣлки разстраивались, иногда же, по выполненіи службы, шейхи не получали обѣщаннаго вознагражденія Такимъ образомъ, они несли и матеріальную и нравственную потерю, такъ какъ своими дѣйствіями скомпрометировали себя въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ Въ особенности эта продажа своихъ услугъ англичанамъ рѣзко отозвалась на отношеніи къ ордену въ Аравіи.

Если орденъ эмиграніи раздробился, то лица, стоявшія во главѣ его, не мало способствовали этому сами, поэтому теперь онъ не играетъ той роли, на которую могъ бы имѣть право. Вся исторія ордена, это-сплошная борьба партій [1]).

---

[1]) Chatelier. or. cit pp 226—248

ДРУЗЫ и ИСМАЛИТЫ.

Въ исторіи исламизма приходится встрѣчаться съ нѣкоторыми сектами, которыя имѣютъ между собою настолько много общаго, что ихъ иногда считаютъ за подраздѣленія одной и той же, но лишь носящія различныя названія. Однако до сихъ поръ не имѣется еще достаточно данныхъ, которыя позволили бы высказаться по этому вопросу категорически. Къ этой категоріи сектъ относятся: друзы, исмаилиты (или исмаилія), убійцы, назареи (или нусаири), и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія.

Обо всѣхъ этихъ сектахъ имѣются отдѣльныя, и довольно подробныя, изслѣдованія, при сравненіи которыхъ убѣждаешься, что дѣло въ сущности идетъ объ одномъ и томъ же, но только вопросъ освѣщается съ разныхъ сторонъ. Было бы слишкомъ смѣло настаивать, что это именно такъ, но продолжающіяся изслѣдованія въ этомъ направленіи подтверждаютъ гипотезу все болѣе и болѣе. Если эти секты и не одно и то же, то во всякомъ случаѣ между ними существуетъ самая тѣсная связь. 1) Чтобы не дѣлать безконечныхъ ссылокъ, указывая на сходство ихъ другъ съ другомъ, я нахожу болѣе удобнымъ разсмотрѣть ихъ ученія въ одномъ общемъ очеркѣ.

Если мы отбросимъ особености каждой секты и сдѣлаемъ оцѣнку общихъ чертъ доктрины, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ она должна бы была быть по идеѣ основателя, а не въ томъ, въ какой она въ силу многочисленныхъ и разнообразныхъ причинъ выродилась, мы найдемъ идеи антропоморфизма всѣхъ оттѣнковъ, перевоплощенія и переселенія душъ. Съ одной стороны, ереси христіанства, съ другой, религіи Индіи какъ бы были предназначены для того, чтобы время отъ времени оживлять въ Персіи природное расположеніе къ подобнымъ идеямъ; и чѣмъ эти идеи сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ больше приходится питать свой умъ утонченными философскими разсужденіями, чтобы всетаки въ концѣ концовъ остановить-

---

[1]) S. Guyard. La civilisation musulmane. p. 42.

ся передъ вѣчно неразгаданной загадкой,—тѣмъ онѣ милѣе для персидскаго ума, ума скорѣе мечтателя, чѣмъ мыслителя.

Выше уже достаточно было сказано о происхожденіи шіизма и дробленіи его на секты, и здѣсь мы не будемъ повторять этого,—обратимся непосредственно къ одной изъ этихъ сектъ, *исмаилія*, различныя вѣтви которой извѣстны также подъ именами: *батинія, сабіунъ, таалимія, фатимія, карматія, мюлахида, хашимія* [1]).

Образованіе секты было вызвано слѣдующими обстоятельствами. Шестой по счету имамъ, Джафаръ ас-Садыкъ, назначилъ своимъ преемникомъ сына Исмаила, а потомъ за его порочную жизнь лишилъ его этого духовнаго наслѣдства. Основательна или нѣтъ легенда о томъ, что Исмаилъ имѣлъ роковую приверженность къ вину, но она существуетъ. Его приверженцы говорятъ, что страсть къ вину не можетъ быть разсматриваема, какъ порокъ, а что просто Исмаилъ стоялъ выше этого и своими дѣйствіями хотѣлъ показать, что вино, запрещенное ученіемъ Мухаммеда, должно понимать, какъ аллегорическое названіе грѣховной гордости.

Какъ бы тамъ ни было, Исмаилъ умеръ раньше своего отца; и тотъ назначилъ своимъ преемникомъ второго своего сына Муса аль-Касима: часть шіитовъ согласилась съ этимъ назначеніемъ, а часть признала его неправильнымъ. Послѣдніе настаивали на томъ, что имамомъ долженъ быть Мухаммедъ, сынъ покойнаго Исмаила, на томъ основаніи, что имаматъ долженъ быть наслѣдственнымъ по прямой линіи, и что сдѣланное разъ назначеніе не можетъ быть отмѣняемо-ни юридически, ни нравственно, такъ какъ это назначеніе было лишь формальностью, указывающею на избранника, благодать къ которому переходитъ по божественному праву.

Такъ какъ согласія въ этомъ спорѣ не было достигнуто, то приверженцы Мухаммеда отдѣлились, образовавъ секту подъ именемъ исмаилія Мы говорили уже о нихъ въ качествѣ шіитской секты.

Имамъ Мухаммедъ былъ названъ «аль-Мактумъ», т. е. скрытый, и это же имя примѣняется къ пяти его преемникамъ.

Исмаилія сдѣлались главнымъ образомъ извѣстны благодаря своему эзотерическому ученію; какъ учащіе о толкованіи Корана по внутреннему смыслу, они получили имя «батинія».

Тайный смыслъ Корана, учили они, не можетъ быть доступенъ всякому, но лишь только посвященнымъ· откровеніе давалось черезъ пророковъ, а толкованіе этого откровенія приходило къ людямъ черезъ имамовъ. которые въ силу этого оказы-

---

[1]) E. Browne. Litterary history of Persia. p. 408.

вались хранителями всякаго знанія, которое они и могли открывать какъ непосредственно, такъ и черезъ посредство своихъ эмиссаровъ. Это было необходимо, такъ какъ люди, предоставленные самимъ себѣ, не сумѣли бы найти праваго пути. Такъ какъ имамы исмалитовъ были скрыты, то свои знанія они передавали черезъ спеціально избранныхъ для этого людей. Люди эти назывались *даи*, или агенты пропаганды, миссіонеры.

Такъ какъ открытая проповѣдь была сопряжена съ большимъ рискомъ, этимъ даи приходилось дѣйствовать съ крайней осторожностью и начинать обращеніе издалека. Обыкновенно они приходили въ страну, гдѣ предполагали начать свою проповѣдь, подъ видомъ купцовъ, ремесленниковъ и тому подобнаго званія людей.

Систему этихъ ловцовъ человѣковъ можно охарактеризовать въ двухъ словахъ: сначала они вселяли смущеніе въ тѣхъ, кого хотѣли обратить въ свою вѣру, а потомъ намекали, что они могутъ разрѣшить сомнѣнія, и что спасеніе только въ нихъ.

Общихъ пріемовъ у даи не было, съ каждымъ они дѣйствовали примѣнительно къ индивидуальнымъ качествамъ и склонностямъ. Но всегда они старались обратить на себя вниманіе своей благочестивой жизнью, щедрой благотворительностью, и это собирало около нихъ кругъ почитателей,—здѣсь то и начиналась ихъ работа.

Обыкновенно даи начиналъ съ того, что предлагалъ различные вопросы относительно темныхъ мѣстъ Корана—для того, чтобы показать, что человѣческій умъ слишкомъ слабъ для ихъ пониманія, такъ какъ иногда даже простыя обстоятельства жизни непонятны для человѣка.

«Если даи замѣчалъ, что лицо, къ которому онъ обращался, обладало умомъ и было привычно къ диспутамъ, онъ примѣнялся къ его мнѣніямъ, высказывалъ ему большое уваженіе и хвалилъ все, что то говорило. Если же лицо, къ которому онъ обращался, было простымъ невѣжественнымъ человѣкомъ, даи утверждалъ, что религія есть таинное знаніе, извѣстное лишь немногимъ, и что великое дѣленіе между мусульманами произошло именно благодаря тому, что они не признали въ имамахъ спеціальнаго знанія, которое Богъ далъ имъ. Что предписанія религіи сами по себѣ не имѣютъ большого значенія, если непонятнымъ остается ихъ тайный смыслъ.

«Постепенно ученикъ начиналъ видѣть, что многое въ жизни и въ религіи было загадкой для него, и что даи обладалъ знаніемъ, котораго не было у него. Сомнѣніе незамѣтнымъ образомъ закрадывалось въ его умъ, и онъ дѣлался все болѣе и болѣе чувствительнымъ къ вліянію даи, который теперь бралъ предметомъ обсужденій буквальный и аллегорическій смыслъ

стиховъ Корана. Тайный ихъ смыслъ былъ извѣстенъ имамамъ и былъ переданъ ими испытаннымъ учителямъ въ каждомъ поколѣніи.

«Когда вѣра новичка была уже въ достаточной степени поколеблена, и любопытство возбуждено, даи начиналъ предлагать вопросы, подобные слѣдующимъ: каковъ смыслъ бросанія камешковъ и бѣга между холмами Сафа и Марва? Почему женщина, которая опустила постъ и молитву, обязана выполнить постъ въ другое время, но не обязана исправлять опущенную молитву? Почему Богъ употребилъ семь дней на сотвореніе міра, хотя и одного часа Ему было достаточно для этого? Какъ можетъ быть истиннымъ то, что кожа осужденнаго на вѣчныя муки будетъ замѣнена новой кожей, или что новая кожа, которая не участвовала въ грѣхахъ прежней, будетъ мучиться въ огнѣ? (Сура 4-я, ст. 59). Кто такіе Гогъ и Магогъ, Харутъ и Марутъ? Что обозначаетъ семь дверей ада и восемь дверей рая? Каково значеніе словъ, «которыя быстро бѣгутъ и скрываются? (Сура 81-я, ст. 16). Каково значеніе буквъ Л, Л, М—въ началѣ нѣкоторыхъ суръ? Почему было сотворено семь небесъ, и почему первая глава Корана состоитъ изъ семи стиховъ? Почему брызнуло 12 струй, когда Моисей ударилъ жезломъ въ скалу? (Сура 2-я, ст. 57). Почему въ году 12 мѣсяцевъ (Сура 9-я, ст. 36)» [1]). Что обозначаетъ аксіома философовъ, что человѣкъ есть маленькій міръ, и что міръ есть увеличенный человѣкъ? Почему человѣкъ, въ противность всѣмъ другимъ животнымъ, долженъ держаться въ вертикальномъ положеніи? Зачѣмъ онъ имѣетъ десять пальцевъ на рукахъ и столько же на ногахъ? Почему четыре пальца руки имѣютъ по три сустава, тогда какъ большой палецъ имѣетъ ихъ лишь два? Почему человѣкъ имѣетъ 12 спинныхъ позвонковъ и семь шейныхъ? [2]) Было бы безполезно продолжать эти вопросы,—они всѣ въ одномъ родѣ Надо лишь представить себѣ тотъ душевный хаосъ, въ которомъ начинаетъ жить человѣкъ, слыша все это отъ человѣка, на котораго онъ началъ смотрѣть, какъ на кладезь всякой мудрости.

«Тутъ даи ввелъ ученика въ лабиринтъ философскихъ разсужденій; смутилъ его отвлеченными вопросами, касающимися духовнаго и матеріальнаго міра; и на основаніи текста—«имѣются на землѣ знаменія могущества Божія для тѣхъ, кто питаетъ твердую вѣру. И въ васъ самихъ то же самое: развѣ вы не видите этого?» (Сура 51-я, ст. 20, 21)—объявилъ, что вѣрующему надлежитъ употребить всѣ усилія для того, чтобы проникнуть во внутренній смыслъ этихъ вещей. Онъ упомянулъ так-

[1]) E. Sell. Essays on islam pp. 149, 150

[1]) E. Browne. Litterary history of Persia p. 412.

же стихъ: «мы будемъ проявлять знаменія наши на нихъ въ различныхъ странахъ до тѣхъ поръ, пока имъ не сдѣлается ясно, что это—истина» (Сура 41-я, ст. 53). Эти слова, сказалъ онъ, ясно показываютъ, что намѣреніе Бога—вести васъ къ мѣсту, гдѣ всѣ эти тайны дѣлаются явными, т. е. къ истинному имаму. Если вы со вниманіемъ относитесь къ его ученію, продолжалъ онъ, вы будете свободны отъ заблужденія, и высочайшія истины сдѣлаются совершенно ясными для васъ. Развѣ вы не видите, что вы не знали даже самихъ себя и не знаете также ничего другого? Не сказалъ ли Богъ: «кто ослѣпленъ въ этомъ мірѣ, тотъ также слѣпъ будетъ и въ другомъ; заблужденія его увеличатся, и онъ отступитъ отъ истиннаго пути» (Сура 17-я, ст. 74) [1]).

Все это конечно возбуждаетъ жажду знанія въ новичкѣ, но тутъ дай совершенно мѣняетъ тактику онъ дѣлается молчаливъ, предоставляя новичку самому разбираться въ сложной путаницѣ новыхъ впечатлѣній. Онъ прекрасно знаетъ, что это не по силамъ тому, но дальнѣйшія объясненія считаетъ еще преждевременными. Онъ предупреждалъ вѣдь, что истина открыта лишь очень немногимъ, и что легко и быстро получить ее нельзя. Онъ указываетъ, что на основаніи словъ Корана. «вспомните о томъ, что мы заключили договоръ съ пророками» (Сура 33-я, ст. 7)—дальнѣйшее можетъ быть открыто лишь при заключеніи договора съ имамомъ, т. е. послѣ обѣщанія вѣрности ему. Желающій заключить такой договоръ долженъ поклясться, что онъ не будетъ разоблачать тайнъ, не будетъ содѣйствовать врагамъ имама, будетъ слѣпо повиноваться ему въ лицѣ назначенныхъ имъ людей, не требуя объясненій причины даваемыхъ ему указаній.

Принимая клятву, дай говоритъ: «Обяжись же, помѣстивъ свою правую руку въ мою, и обѣщай мнѣ самыми неразрывными клятвами и увѣреніями, что ты никогда не выдашь нашей тайны, что ты не окажешь никому, кто бы онъ ни былъ, помощи противъ насъ, что ты не будешь ставить намъ западни, что ты всегда будешь говорить намъ только правду и что ты не соединишься противъ насъ ни съ кѣмъ изъ нашихъ враговъ» [2]).

Съ принесеніемъ клятвы ищущій вступаетъ во вторую степень, въ которой ему преподаютъ, что всѣ несчастія, испытываемыя исламомъ, явились слѣдствіемъ того, что люди не признали единственной истины—имама; и что одобреніе Бога не можетъ быть достигнуто соблюденіемъ предписаній ислама, если отъ имама не получено объясненія внутренняго ученія, внѣшнимъ символомъ котораго являются предписанія религіи.

---

[1]) E. Sell. Essays on islam p. 150.

[2]) E. Browne Litterary history of Persia. p. 413.

Въ третьей степени его поучаютъ о священномъ характерѣ цифры семь: семь имамовъ, семь планетъ, семь климатовъ, семь небесъ, семь дней недѣли, семь отверстій на лицѣ человѣка и т. д. Цифра семь играетъ въ жизни громадную роль, и тѣ, которые признаютъ 12 имамовъ, уклонились отъ истиннаго пути, ибо шесть послѣднихъ имамовъ, признаваемыхъ сектой имамія лишены всякаго духовнаго знанія и не достойны почтенія.

Въ четвертой степени новичка знакомятъ съ ученіемъ о семи пророкахъ: Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Христѣ, Мухаммедѣ и Мухаммедъ-аль-Хабибѣ, сынѣ Исмаила, въ которомъ соединились всѣ предшествовавшія знанія: у него ключи отъ всѣхъ тайнъ, и всѣ, кто ищетъ истины, должны слѣдовать за нимъ, т. е. сдѣлаться исмаилитами.

Каждый пророкъ имѣлъ спеціальнаго спутника, или визиря, иначе называемаго Уссъ или Асасъ, что значитъ основаніе. Такъ, у Адама былъ Сиѳъ. у Ноя—Симъ, у Авраама—Исмаилъ, у Моисея—Ааронъ, у Іисуса Христа—Симонъ Суфа, у Мухаммеда—Али. А у Мухаммеда, сына Исмаила, Абдулла ибнъ-Маймунъ. Между каждой парой пророковъ (натыкъ) приходили шесть имамовъ, такъ какъ міръ никогда не оставался и не могъ оставаться безъ имама. Эти имамы не дѣлали откровеній, а лишь направляли къ открытой уже истинѣ. Такимъ образомъ, получается семь серій по семи имамовъ, изъ которыхъ первый и затѣмъ каждый седьмой въ серіи имѣли высшее званіе пророковъ. Послѣдній и величайшій изъ нихъ—Мухаммедъ ибнъ—Исмаилъ, а Абдулла ибнъ-Маймунъ—его предтеча, долженствующій уготовать ему путь [1]).

До сихъ поръ ученіе исмаилитовъ представляло лишь особенности исламическаго ученія, но, когда они признали Мухаммеда, сына Исмаила, величайшимъ изъ Пророковъ, они перестали быть мусульманами, для которыхъ величайшимъ и послѣднимъ пророкомъ является Мухаммедъ.

Большинство доходитъ лишь до этой степени, но интересующій насъ здѣсь вопросъ касается именно дальнѣйшихъ степеней. Тутъ посвящаемому подробно излагается ученіе о семи пророческихъ періодахъ и объ отмѣнѣ каждымъ пророкомъ религіознаго ученія своего предшественника.

Въ этомъ отношеніи имѣется совершенно случайное внѣшнее сходство между исмаилизмомъ и бабизмомъ, но было бы ошибкой искать этого сходства глубже.

Въ пятой степени ищущій постигаетъ различныя тайны, относящіяся до употребленія чиселъ и аллегорическаго толкованія нравственныхъ велѣній и религіозныхъ церемоній. Въ этой

---

[1]) D. B. Macdonald. Muslim theology. p. 43.

степени также дается объясненіе того, что каждый имамъ имѣлъ двѣнадцать министровъ называемыхъ «худжатъ», т. е. доказательства, обязанностью которыхъ было учить людей. Въ человѣкѣ ихъ образомъ служатъ двѣнадцать спинныхъ позвонковъ, тогда какъ семь шейныхъ изображаютъ семь пророковъ и семь имамовъ каждаго пророческаго періода.

Въ шестой степени преподаются основы религіознаго вѣрованія: религіи слѣдовали одна за другой, но всѣ онѣ шли отъ Бога. Форма не имѣетъ большой важности, и мнѣнія философовъ выше мнѣнія пророковъ, въ особенности теперь, когда люди выросли до того, что могутъ вполнѣ обойтись безъ религіи откровенія. Такъ называемыя практическія обязанности исламизма вовсе не должны быть соблюдаемы, разъ понято аллегорическое ихъ значеніе.

Въ седьмой степени учится о томъ, что, наравнѣ съ другими пророками, Исмаилъ имѣлъ спутника въ лицѣ своего сына Мухаммеда. Здѣсь объясняется дуалистическое начало—Дающее и Принимающее: такъ, Богъ сотворилъ міръ своею волею, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу предопредѣленія, Перо записываетъ на Таблицѣ, и она сохраняетъ записанное. Все это должно доказывать, что въ мірѣ существуетъ дуалистическій принципъ, и что вѣра въ единство должна быть отброшена.

Восьмая степень посвящена на развитіе ученія о дуализмѣ, которое сводится къ тому, что два высшихъ существа управляютъ міромъ, и изъ нихъ одно являются Пресущимъ, а другое Послѣдующимъ. Но что эти два существа являются только однимъ существомъ, которое не можетъ быть опредѣлено ни именами, ни аттрибутами, и которому не должно поклоняться.

Далѣе объясняется, что Пророкъ признается таковымъ не въ силу совершаемыхъ имъ чудесъ, но въ силу своей способности создавать и внушать человѣческому роду систему—одновременно политическую, соціальную, религіозную и философскую... Послѣ этого объясняется аллегорическое значеніе воскресенія и загробной жизни[1]).

Наступаетъ девятая степень, которая и заканчиваетъ посвященіе ученика въ нигилизмъ,—больше нѣтъ ни Бога, ни религіи, ни закона. На тѣхъ основахъ, которыя раньше были преподаны ему, всякій можетъ построить философскую систему по своему вкусу. Однако въ большинствѣ случаевъ не получается да и не можетъ получиться никакой системы, ибо для системы нужна способность строгаго разсужденія, а человѣкъ уже эту способность утратилъ; его умъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ пріучаемый только все отвергать, не въ силахъ создать что-либо. Если

[1]) E. Browne. Litterary history of Persia. p. 414.

же тѣмъ не менѣе онъ пытается создать систему (и какая это неблагодарная задача послѣ введенія въ догматъ своего безвѣрія отрицанія всѣхъ системъ), онъ нахватываетъ отовсюду «подходящихъ» идей, нисколько не заботясь о цѣломъ и не смущаясь самоуничтожающей противорѣчивостью его.

Съ посвященнаго еще разъ берется клятва хранить строгое молчаніе обо всемъ, слѣпо повиноваться своимъ духовнымъ начальникамъ и внѣшнимъ образомъ выказывать совершенно одинаковую приверженность ко всѣмъ религіямъ: съ шіитами онъ долженъ оплакивать имама Али и его сыновей, съ суннитами—благословлять первыхъ халифовъ, съ огнепоклонниками—восторгаться солнцемъ и луной, съ евреями говорить объ ожидаемомъ Мессіи и злословить христіанъ, а христіанамъ сознаваться въ превосходствѣ ихъ ученія. Все это онъ долженъ дѣлать для того, чтобы вѣрнѣе найти дорогу къ сердцу людей и пытаться привести ихъ къ вѣрѣ въ величайшаго пророка Мухаммед-аль-Хабиба. Съ людьми невѣжественными ему не возбраняется прибѣгать ко всякимъ фокусамъ, выдавая ихъ за чудеса.

Въ концѣ третьяго вѣка геджры одинъ изъ подобныхъ дай-Абу Абдулла (ибнъ-Маймунъ) отправился въ Африку и тамъ пріобрѣлъ громадное вліяніе. Онъ былъ родомъ изъ Ахваза, и его отецъ Маймунъ Окулистъ былъ основателемъ секты *маймунія*, вѣтви *хаттабія*, принадлежавшей къ *галлія* и учившей, что имамы, а въ особенности Джафаръ-ас-Садыкъ, были воплощеніемъ божества.

Абдулла былъ горячій приверженецъ секты исмаилія и ярый проповѣдникъ ихъ ученія.

Чтобы дать яркую характеристику начала движенія, мнѣ остается лишь повторить слова, цитированныя въ другомъ мѣстѣ [1]).

«Застарѣлая ненависть къ арабамъ и исламу внушила, въ серединѣ третьяго вѣка геджры, нѣкоторому Абдулла-ибнъ-Маймуну, окулисту по профессіи и персу по происхожденію, проектъ—столь же удивительный по той смѣлости и геніальности, съ которою онъ былъ задуманъ, такъ и по той увѣренности и мужеству, съ которыми онъ былъ приведенъ въ исполненіе [2]). Чтобы связать вмѣстѣ въ одной ассоціаціи побѣжденнаго и побѣдителя; составить тайное общество, съ многочисленными степенями посвященія, свободныхъ мыслителей, которые въ религіи видѣли лишь узду для простого народа и для ханжей всѣхъ сектъ; воспользоваться вѣрующими для сверженія царства невѣрныхъ и

---

[1]) E. Browne. Literary history of Persia. p. 394, 395.
[2]) Goeje. Mémoire sur les Carmathes.

побѣдителей использовать для ниспроверженія ими же самими созданнаго государства; короче, составить себѣ партію — многочисленную, сплоченную и воспитанную въ повиновеніи, которая, въ свое время, дала бы тронъ если не ему лично, то по крайней мѣрѣ его потомкамъ. Такова была господствующая идея Абдуллы ибнъ-Маймуна. Какъ ни была причудлива и смѣла эта идея, онъ осуществилъ ее съ поражающимъ тактомъ, съ несравненной ловкостью и съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца» [1]).

Первоначально, когда онъ составилъ свой планъ, онъ отправился въ Мекку, гдѣ очень быстро сумѣлъ войти въ довѣріе къ паломникамъ, пришедшимъ изъ сѣверной Африки. Тѣ пригласили его съ собою посѣтить ихъ страну. Онъ такъ и сдѣлалъ. Передъ этимъ однако онъ провелъ еще нѣкоторое время въ Сиріи, гдѣ и обратилъ въ свою вѣру Хамдана или Кармата, который и явился основателемъ секты, давшей ей свое имя—*карматія*. Продолжителемъ его былъ Абдалъ

Новая секта была явно враждебна ортодоксальному и даже умѣренно—шитскому исламу, и въ особенности въ правленіе халифа аль-Мутамада исламу пришлось не мало пострадать отъ нея: святилище мусульманъ было поругано, и черный камень унесенъ изъ Каабы. При этомъ, говорятъ, было убито до 30000 мусульманъ. Двадцать два года черный камень былъ въ плѣну и потомъ возвращенъ и водворенъ на свое мѣсто

Въ теченіе около ста лѣтъ карматія или карматиты были ужасомъ аббасидскихъ халифовъ, такъ какъ секта распространилась по Месопотаміи, Хузистану, Сиріи, Бахрейну и Іемену. Къ чисто религіозной опасности прибавлялось еще то, что всѣ дороги въ странѣ были въ ихъ рукахъ, и халифскія войска неоднократно терпѣли отъ нихъ пораженія [2]). Караваны богомольцевъ подвергались разграбленію или же пропускались за дорогой выкупъ, а иногда дорога въ Мекку по цѣлымъ годамъ была совершенно закрыта.

Выше было говорено о томъ, какъ Карматъ пришелъ въ Куфу и началъ свою проповѣдь; былъ посаженъ въ тюрьму, бѣжалъ оттуда при помощи одной изъ наложницъ губернатора которая находила излишнимъ много говорить о подробностяхъ этого чудеснаго бѣгства; и какъ онъ скрылся въ Сирію. Хотя послѣ этого о немъ и не было слуховъ, но это не препятствовало росту секты

Каковы были подробности ученія Кармата, сказать трудно, такъ какъ основнымъ правиломъ ученія было храненіе тайны о

---

[1]) Dozy. Histoire des musulmans de l'Espagne v. III p. 8 et ss.

[2]) E. Browne. Litterary History of Persia. p. 402.

немъ. Скорѣе это было отрицаніе всякой религіи, замаскированное теистической философіей и привычными мусульманскому уху богословскими терминами; впрочемъ таковые были отчасти заимствованы и изъ другихъ религій.

Какъ ни мало общаго представляетъ, на первый взглядъ, эта секта съ фатимидами, но спеціальныя изслѣдованія [1]) достаточно убѣдительны и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи между ними тѣсной связи. Такъ, напримѣръ, черный камень былъ возвращенъ въ Мекку по приказанію третьяго фатимидскаго халифа. Фатимидскіе халифы признавались карматитами за высшую духовную власть, а для нѣкоторыхъ въ ихъ лицѣ олицетворялась и временная власть.

Сами по себѣ карматиты, являющіеся какъ бы низшей степенью исмаилитовъ, не могли бы представить большого интереса, но, будучи однимъ изъ звеньевъ цѣлой цѣпи сектъ извѣстнаго направленія, и они заслуживаютъ нѣсколько спеціальнаго вниманія.

Вернемся къ Абдулла ибнъ-Маймуну. Когда онъ увидалъ что племя кетама склонно послѣдовать его ученію, онъ объявилъ себя посланнымъ Махди, который вскорѣ долженъ явиться. Проповѣдь имѣла успѣхъ, и мало по малу около Абдуллы образовалась армія приверженцевъ. Онъ совершалъ разныя необыкновенныя вещи, которыя для толпы казались чудесами. Между прочимъ, одинъ мусульманскій авторъ объясняетъ его всевѣдѣніе хорошо организованнымъ голубиной почтой, которая и давала ему возможность знать все, что происходило вокругъ на довольно большомъ разстояніи [2]). Онъ началъ священную войну, бралъ городъ за городомъ и безпощадно избивалъ жителей. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не настало время для появленія Махди, имама Убандулла, сына Мухаммеда, прямого потомка алида Джафара, какъ говорилъ Абдулла, на самомъ же дѣлѣ это былъ Саидъ, сынъ Хусайна, дальняго родственника Абдуллы [3])

Абдулла вызвалъ имама Убандуллу изъ Сиріи въ Египетъ, но совершить это путешествіе было не такъ легко: халифъ узналъ о движеніи и, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность, по всему государству разослалъ примѣты бѣглеца съ приказомъ немедленно его арестовать. Переодѣтый Убаидулла благополучно добрался до Египта, но тамъ былъ арестованъ въ Сегельмессѣ и брошенъ въ тюрьму. Казалось, что грандіозный планъ готовъ былъ рушиться. Но Абдулла былъ не такой человѣкъ, чтобы отступить передъ подобными препятствіями. Пока,

---

[1]) Goeje. Mémoire sur les Carmathes.

[2]] E. Browne. Literary history of Persia p. 396.

[3]) А. Мюллеръ. Исторія ислама т. II, стр. 297.

такимъ образомъ, Махди отсутствовалъ, находясь въ заключаніи въ землѣ аглабитовъ, Абдулла намѣстникомъ его объявилъ Бога. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ на монетахъ вмѣсто имени правителя чеканились слова: «я принесъ свидѣтельство Богу, да разсѣятся враги Бога». На оружіи было вырѣзано: «оружіе для борьбы на пути Бога», и на бедрахъ коней стояло тавро: «царство принадлежитъ Богу» [1]). Абдулла отправилъ гонцовъ къ правителю Сегельмессы, но этотъ послѣдній приказалъ ихъ умертвить. Такой отвѣтъ естественно вызвалъ войну, въ которой побѣда осталась на сторонѣ Абдуллы, и Убаидулла, долго жданный Махди, былъ освобожденъ.

Онъ началъ свои дѣйствія съ того, что рѣшилъ удалить со сцены своего возможнаго соперника: Абдулла былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ, но все же убійца не хотѣлъ быть неблагодарнымъ, и самъ прочелъ надъ гробомъ убитаго заупокойныя молитвы. [2]).

Это было началомъ жестокостей Убандуллы. Нѣкоторые, не видя ничего кромѣ этихъ жестокостей, начали сомнѣваться въ немъ и требовали, чтобы онъ совершилъ чудо,—онъ не совершалъ чуда, но всѣмъ сомнѣвающимся онъ приказывалъ рубить головы, чтобы они уже не повторяли ему своихъ дезкихъ требованій. Но оставшихся въ живыхъ это убѣждало не вполнѣ, и въ народѣ противъ самозваннаго Махди начала копиться злоба. Ничто не оправдывало, что онъ Махди, и даже солнце, не жлая сообразоваться съ преданіями, по прежнему продолжало каждое утро восходить на востокѣ.

Построивъ городъ Махдію, Убандулла объявилъ египетскій халифатъ и открылъ собою линію фатимидскихъ халифовъ. Въ 359 году былъ основанъ Каиръ, и это было новымъ упроченіемъ династіи. Это было уже при четвертомъ фатимидскомъ халифѣ, противъ котораго перомъ и проповѣдью боролись аббасиды. Они объявили всюду, что выдающій себя за потомка Али на самомъ дѣлѣ происходитъ отъ одного мага и еврейки. Однажды богословы Каира предложили Аль-Муизу доказать свое происхожденіе. Схватившись за мечъ, онъ сказалъ: «вотъ мой предокъ» и, кинувъ имъ пригоршню золота, добавилъ: «а это-мои доказательства». [3]).

Въ 386 году на престолъ фатимидскаго халифата вступилъ Хакимъ-би-амр-Улла, шестой фатимидскій халифъ. Его правленіе можно безъ преувеличенія назвать непрерывнымъ рядомъ

---

[1]) Darmesteter. Le Mahdi p. 53.
[2]) Idem. p. 54.
[3]) Idem. p. 57.

жестокостей. Онъ преслѣдовалъ суннитовъ, и въ этомъ имени для него объединялись всѣ мусульмане, которые казались ему по чему-либо подозрительными. Христіане подвергались гоненіямъ: священниковъ засѣкали до смерти, церкви разрушали, а священные сосуды служили кубками во время пиршествъ халифа. Общей участи не избѣгли и евреи Были обнародованы эдикты, во многихъ отношеніяхъ ограничивающіе христіанъ и евреевъ, и это было сдѣлано съ единственной цѣлью унизить ихъ. Въ 400-мъ году былъ разрушенъ іерусалимскій храмъ Воскресенія.

Хакимъ представляетъ не плохой типъ халифа-язычника. При всей жестокости своихъ религіозныхъ преслѣдованій, къ религіи вообще онъ былъ болѣе чѣмъ равнодушенъ. Иногда онъ заставлялъ своихъ подданныхъ придерживаться шіитскихъ обрядовъ, иногда предоставлялъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу; временами онъ уничтожалъ общую молитву въ пятницу, отмѣнялъ празднованіе байрама, запрещалъ совершать паломничество въ Мекку. Онъ освобождалъ своихъ подданныхъ отъ уплаты закета, отмѣнялъ священную войну, считалъ ничтожными рѣшенія первыхъ трехъ халифовъ, память которыхъ онъ проклиналъ.

Когда ему бывало скучно, онъ придумывалъ какое-нибудь дикое развлеченіе, которое стоило сотенъ человѣческихъ жизней. Все это не могло не приводить въ ужасъ истинныхъ мусульманъ: всѣ фатимиды въ ихъ глазахъ были только гнусными еретиками, такъ какъ считали себя воплощеніями Божественнаго разума, но этотъ превысилъ уже всякую мѣру. Такъ какъ истина можетъ быть познана только черезъ имама, то они были носителями истины, ибо считали себя истинными имамами. Если прибавить къ этому ихъ ученіе о томъ, что всякому феномену въ здѣшнемъ мірѣ соотвѣтствуетъ какой-либо въ другомъ мірѣ, то станетъ яснымъ, что ученіе исмаилитовъ должно было прійтись имъ по душѣ.

Когда Хакимъ ближе познакомился съ исмалитами, онъ совершенно подпалъ подъ ихъ вліяніе. Одинъ даи секты исмаилія (батинія), по имени Дарази, ободрялъ Хакима въ его претензіяхъ на божественность. Въ 408 году онъ публично объявилъ объ этомъ, назвавъ Хакима творцомъ вселенной. Онъ написалъ книгу съ цѣлью доказать, что душа Адама перешла въ Али, а душа Али-въ Хакима. Такая проповѣдь создала Дарази завидное положеніе при дворѣ халифа-бога. Однако народная масса нашла такое ученіе нѣсколько крайнимъ и убила Дарази. Друзы отрицаютъ это убійство, говоря, что Дарази былъ посланъ Хакимомъ въ Сирію для проповѣди. [1]).

[1]) E. Sell. Fssays on islam. p. 159.

Вслѣдъ за Дарази явился Акрамъ, который также провозгласилъ божественность Хакима,-ему пришлось спасаться бѣгствомъ отъ разъяренной толпы, а всѣ его единомышленники были убиты.

Но явился Хамза и провозгласилъ ту же доктрину. Друзы его именно и считаютъ настоящимъ основателемъ своей религіи. хотя она и названа по имени другого. Онъ называлъ себя «хади» т. е. направляющимъ, и говорилъ: я-господинъ дня суда, черезъ меня непрерывно приходитъ все хорошее. Я уничтожаю всѣ предшествующіе законы и уничтожаю всѣхъ политеистовъ и и обольщенныхъ. Я уничтожаю всѣ киблы, я уничтожаю обѣ системы вѣрованія, т е. откровеніе или православный исламъ, преподанный Пророкомъ, и въ особенности буквальное объясненіе употребленныхъ въ Коранѣ словъ, и толкованіе, или аллегорическую систему, которую проповѣдывали Али и имамы его фамиліи. Я даю инструкціи учителямъ религіи. Я-владыка вѣка, владѣющій властью, руководитель людей, ведущій ихъ къ повиновенію всемилостивому Богу. [1])

Но, говоритъ Мюллеръ (Ист. Исл. 11, 339), «трудно сказать, что слѣдуетъ приписывать этому халифу лично, и что его исмаилитскимъ наставникамъ. Ибо при вступленіи на тронъ ему было всего одинадцать лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами, а при появленіи его первыхъ «безмысленныхъ» предписаній только шестнадцать».

Хакимъ утверждалъ, что онъ имѣлъ личное общеніе съ Богомъ, какъ Моисей на горѣ Синаѣ Когда онъ проходилъ по улицамъ, всѣ должны были падать ницъ и восклицать: «о ты, единый, дающій жизнь и смерть»,-если только не хотѣли лишиться головы.

Секта подъ покровительствомъ Хакима все росла и росла. Нѣсколько фанатиковъ, отправились въ Мекку и разбили черный камень.

Разсказываютъ, что однажды передъ Хакимомъ въ большомъ собраніи былъ прочитанъ стихъ. «Мы послали апостоловъ для того, чтобы имъ повиновались. Если поступавшіе несправедливо возвратятся къ тебѣ, если они попросятъ у Бога отпущенія грѣховъ своихъ, и Пророкъ заступится за нихъ, то они найдутъ Бога милосерднымъ къ себѣ, и онъ съ готовностью приметъ раскаяніе ихъ» (сура 4-я, ст. 67). Какой то ученый мусульманинъ, присутствовавшій при этомъ, прочелъ стихъ: «призывающіе наряду съ Богомъ другія божества не могли бы сотворить даже мухи, если бы собрались всѣ вмѣстѣ» (сура 22-я, ст. 72). Хакиму это не особенно понравилось, но онъ скрылъ

---

[1]) E Sell. Essays on islam. pp 159, 160.

неудовольствіе и далъ ученому подарокъ. Все же тотъ, по совѣту друзей, счелъ за лучшее скорѣе покинуть Каиръ.

Пребывая на положеніи божества, Хакимъ требовалъ особаго къ себѣ почтенія: считалось актомъ нечестія являться къ нему безъ зова, или заговаривать съ нимъ, не будучи спрошеннымъ, или въ рѣчи прибѣгать къ знакамъ руками или глазами. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ онъ ярко освѣщалъ свой дворецъ по ночамъ, а днемъ устраивалъ тамъ искусственную темноту.

Здѣсь не мѣсто разбирать административныя способности Хакима, которыя, будучи направлены по подобающему руслу, сдѣлали бы изъ него геніальнаго государя и, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, совершенно измѣнили бы судьбу ислама; но онъ размѣнялся на мелочь, погибъ самъ и погубилъ дѣло. Къ этой сторонѣ вопроса мы еще возвратимся въ своемъ мѣстѣ.

Хакимъ разрѣшилъ исмаилитамъ имѣть публичныя собранія, и на этихъ собраніяхъ подробно объяснились ихъ доктрины. Быть можетъ, подъ вліяніемъ ихъ фантастическаго ученія, пропитаннаго самымъ непримиримымъ фанатизмомъ, въ немъ еще болѣе развилась жажда крови, и онъ сталъ убивать людей сотнями, просто отъ скуки. Говорятъ, что на его совѣсти лежало не менѣе 18000 убійствъ Однажды онъ объявилъ, что женщины не должны показываться на улицѣ, и тѣхъ, которыя ослушивались этого приказанія, предавали смертной казни.

Чтобы уменьшить число женщинъ въ Каирѣ, онъ приказалъ треть города сжечь и разрушить, а жителей избить Женщины отомстили ему: въ 411 году онъ палъ отъ руки своей сестры [1]), или по крайней мѣрѣ отъ руки купленнаго ею убійцы. Тѣло его, куда то брошенное, не было найдено, что дало его послѣдователямъ возможность распускать слухи о томъ, что онъ не былъ убитъ, а исчезъ вслѣдствіе грѣховности своего народа и запретилъ искать его. Такъ закончилась жизнь человѣка, котораго друзы считаютъ божествомъ, ожидая его пришествія.

Связь друзовъ съ исмаилитами несомнѣнна Для приготовленія даи Хакимъ выстроилъ въ Каирѣ университетъ, гдѣ дважды въ недѣлю бывали собранія, на которыхъ совершался также пріемъ новыхъ членовъ. Университетъ этотъ описывается многими мусульманскими учеными, которые въ то время посѣтили его, и то разнообразіе знаній, которыя можно было почерпнуть тамъ, подборъ учителей и способъ преподаванія невольно наводятъ на мысль, что въ исторіи ислама произошло что то роковое. Онъ уже близился къ цивилизаціи, направляемый ру-

[1]) Gibbon. Decline and fall of Roman Empire v. VI. p. 29. А. Мюллеръ оспариваетъ это. Ист. Ислама II. 337, 241.

кой Хакима, но религіозный безумецъ убилъ можетъ быть геніальнаго государя, и приведенный въ ужасъ народъ не сумѣлъ отличить «божественной комедіи» отъ пути къ свѣту,—онъ изгналъ ересь, но вмѣстѣ съ нею потушилъ и свѣтъ: чтобы выгнать муху, онъ не нашелъ другого средства, какъ разрушить тотъ дворецъ, въ который она залетѣла...

Одно изъ этихъ собраній посѣтилъ Хасанъ-ибнъ-Сабахъ, впослѣдствіи основатель секты Убійцъ и самъ извѣстный подъ именемъ Великаго Мастера Убійцъ. Хасанъ былъ сыномъ одного ученаго богослова-шіита, жившаго въ персидскомъ городѣ Хоѣ. Въ числѣ своихъ друзей юности онъ считалъ знаменитаго министра Маликъ Шаха-Низамъ-уль-Мулька и не менѣе знаменитаго, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ, поэта Умара Хаяяма. Всѣ вмѣстѣ они учились въ Нишапурѣ, тогдашней столицѣ Хорасана. Исторія разсказываетъ, что три молодыхъ человѣка заключили между собою родъ договора, что кто изъ нихъ первымъ достигнетъ вліятельнаго положенія, долженъ это вліяніе употребить на пользу двухъ другихъ Низамъ-уль-Мулькъ, который съ теченіемъ времени сдѣлался министромъ Альпъ Арслана, а потомъ Маликъ Шаха, хотѣлъ первоначально выполнить это обязательство, и по его просьбѣ его прежній школьный товарищъ Хасанъ-бинъ-Сабахъ былъ назначенъ на одну административную должность во владѣніяхъ султана. Не будучи доволенъ медленностью своего движенія по службѣ, Хасанъ началъ вести интриги противъ своего благодѣтеля и наконецъ лишился его милости [1]). Въ своемъ Сіясатъ-Намэ Низамъ-уль-Мулькъ говоритъ, что крайніе исмаилиты и Убійцы не что иное, какъ продолжатели ученія Маздака,[2]) который проповѣдывалъ коммунизмъ и соціализмъ, лишь придавши своему ученію религіозный характеръ. Въ связи съ ересью манихеевъ, это ученіе не могло не внести своей лепты въ догматическое ученіе тѣхъ дикихъ сектъ, о которыхъ мы говоримъ.

Хасанъ прибылъ въ Каиръ во время правленія халифа аль-Мустансира, который принялъ его очень любезно, но вслѣдствіе интригъ онъ скоро лишился этой милости и попалъ въ тюрьму. По освобожденіи, онъ отправился въ Сирію, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ проповѣдывалъ ученіе исмаилитовъ и имѣлъ довольно много послѣдователей Изъ Сиріи онъ возвратился въ Персію, гдѣ нѣкоторое время проживалъ въ Исфагани, а потомъ въ Реѣ. Проекты Хасана были грандіозны, такъ какъ ему случалось въ интимной бесѣдѣ высказывать, что съ помощью

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. p 331. E. Sell. Faith of islam p 139. Malcolm. Hictoire de la Perse. v. II. p. 120.

[2]) E. Browne. Literary history of Persia p. 172.

двухъ или трехъ человѣкъ, на которыхъ можно положиться, онъ рискнулъ бы разрушить государство. Конечно все это были лишь слова, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока ему не удалось овладѣть крѣпостью Аламутъ, что значитъ «гнѣздо коршуна». Здѣсь онъ задумалъ создать себѣ вполнѣ независимое положеніе.

Впослѣдствіи къ Аламату онъ присоединилъ еще нѣсколько крѣпостей, главнѣйшей изъ которыхъ былъ Рудбаръ, находившійся, какъ и Аламутъ, неподалеку отъ Казвина.

Онъ потребовалъ отъ своихъ учениковъ, чтобы тайна ученія исмаилія держалась болѣе въ секретѣ, чѣмъ до сихъ поръ; при общеніи съ мусульманами онъ приказывалъ соблюдать всѣ обрядности исламизма, но въ душѣ никогда не забывать о скоромъ появленіи покорителя міра—Махди, существующаго теперь въ лицѣ фатимидскаго халифа въ Египтѣ.

Хасанъ строго запретилъ своимъ послѣдователямъ употребленіе вина и всячески внушалъ имъ самыя трезвыя и скромныя привычки; подавая въ этомъ примѣръ другимъ, онъ ото всѣхъ требовалъ исполненія своихъ предписаній, и, говорятъ, за непослушаніе двое изъ его сыновей поплатились своей жизнью, давъ отъ его руки...

Ученіе его было просто: вѣра въ единаго Бога, который въ различныя времена проявлялъ себя подъ различными человѣческими формами. Послѣднее Его проявленіе было въ Хакимѣ, который въ 411 году скрылся, чтобы испытать вѣру своихъ учениковъ, но что въ скоромъ времени онъ появится въ славѣ и восторжествуетъ надъ всѣми своими врагами [1]).

Хасанъ установилъ іерархію въ семь степеней и объявилъ себя шейхомъ. Первыя три степени соотвѣтственно назывались: *фидаи*, *рафикъ* и *даи*. Очень возможно, что знакомство крестоносцевъ съ этой сектой не осталось безъ вліянія на ихъ рыцарскіе ордена, если не видѣть въ этомъ просто случайнаго сходства [2]). Что же касается Кипрскаго университета, то онъ смѣло можетъ считаться прообразомъ масонскихъ ложъ Европы.

Не лишено интереса слѣдующее описаніе сцены переговоровъ крестоносцевъ съ посланцами Старца Горъ, подъ какимъ именемъ Хасанъ получилъ извѣстность въ Европѣ [3]).

«Посланцы Старца Горъ. Презрительное отношеніе къ ихъ угрозамъ.—Когда король (т. е. Людовикъ X) пребывалъ въ Акрѣ, пришли посланцы отъ Старца Горъ. Когда король вернулся отъ обѣдни, онъ приказалъ привести ихъ къ себѣ. Король усадилъ

[1]) Klein Religion of islam. p. 237.

[2]) Ameer Ali. Spirit of islam. p. 314.

[3]) Sir Frank Marsils. Joinville's Chronicle of the Crusade of st. Lewis. pp. 248—251.

ихъ такимъ образомъ, что впереди былъ эмиръ, хорошо одѣтый и вооруженный, а позади эмира ученикъ, хорошо вооруженный: онъ держалъ въ рукѣ три ножа, изъ которыхъ одинъ входилъ въ рукоятку другого; и эти ножи, въ случаѣ непринятія предложеній эмира, онъ долженъ былъ дать королю, какъ знакъ вызова. Позади ученика, державшаго три ножа, находился другой ученикъ, и у него въ рукахъ былъ саванъ, и этотъ саванъ онъ долженъ былъ дать королю для погребенія, если бы онъ отклонилъ требованія Старца Горъ.

«Король сказалъ, чтобы эмиръ высказалъ свое желаніе, и эмиръ представилъ свои вѣрительныя грамоты и сказалъ такъ: «Мой господинъ посылаетъ меня спросить, знаете ли вы его?» И король отвѣтилъ на это, что онъ не знаетъ его, такъ какъ никогда его не видалъ, но что онъ часто слышалъ разговоры о немъ.—«Разъ вы слышали разговоры о моемъ господинѣ, сказалъ эмиръ, я весьма удивленъ, что вы не послали ему столько изъ вашего имущества, чтобы сдѣлать его своимъ другомъ. Такъ изъ года въ годъ поступаютъ императоръ Германіи, король Венгріи и султанъ Вавилона, и другіе, потому что они знаютъ навѣрное, что могутъ сохранить свою жизнь, лишь пока это угодно моему господину. Если же это неудобно для васъ, то освободите его отъ дани, которую онъ платилъ Гостиницѣ и Храму, и онъ будетъ считать, что онъ поквитался съ вами». (Въ то время Старецъ Горъ платилъ дань Гостиницѣ и Храму, потому что Храмовники и Гостинники не боялись убійцъ, видя, что Старецъ ничего не могъ выиграть со смертью Мастера Храма или Гостинницы, такъ какъ онъ зналъ очень хорошо, что, если бы онъ приказалъ убить одного, другой, столь же хорошій, занялъ бы его мѣсто. Вслѣдствіе этого онъ не желалъ жертвовать своими убійцами въ дѣлѣ, гдѣ нечего было выиграть).

«Король отвѣтилъ эмиру, что онъ снова повидается съ нимъ послѣ полудня.

«Когда эмиръ возвратился, онъ увидалъ короля сидящимъ такъ, что съ одной стороны его былъ Мастеръ Гостиницы, а съ другой—Мастеръ Храма. Король сказалъ эмиру, чтобы онъ снова повторилъ то, что онъ говорилъ утромъ. Эмиръ возразилъ, что онъ намѣренъ повторить то, что онъ говорилъ, лишь въ присутствіи тѣхъ лицъ, которыя присутствовали утромъ. Тогда оба Мастера сказали: «мы приказываемъ вамъ повторить то, что вы говорили». Тотъ отвѣтилъ, что, разъ они приказываютъ, онъ сдѣлаетъ такъ. Тогда оба мастера сказали ему на языкѣ сараціновъ, что онъ долженъ прійти къ нимъ утромъ и говорить съ ними въ Гостиницѣ.

«Когда онъ пришелъ къ нимъ утромъ, оба Мастера сказали ему, что его господинъ весьма безразсуденъ, осмѣливаясь съ

подобными грубыми словами обращаться къ королю. И они приказали сказать ему дальше, что лишь честь короля, къ которому они явились посланцами, мѣшаетъ имъ бросить ихъ въ мутныя воды Акры—изъ презрѣнія къ ихъ господину». И мы приказываемъ вамъ вернуться къ своему господину, а черезъ двѣ недѣли опять прійти сюда и принести королю, отъ имени вашего господина, такія грамоты и такія драгоцѣнности, которыя могли бы удовлетворить его, чтобы онъ смилостивился надъ вами».

«Черезъ 15 дней посланцы Старца Горъ вернулись въ Акру и принесли королю рубашку Старца; и они сказали королю отъ имени Старца, что это обозначаетъ то, что какъ рубашка ближе всякаго другого одѣянія къ тѣлу, такъ и въ своей любви къ королю Старецъ отвелъ ему мѣсто ближе, чѣмъ всѣмъ другимъ королямъ. Старецъ прислалъ королю свое кольцо, которое было изъ чистаго золота, съ написаннымъ на немъ его именемъ; и онъ поручилъ сказать, что этимъ кольцомъ онъ обручился съ королемъ, желая, чтобы впредь они были какъ одинъ Въ числѣ другихъ драгоцѣнностей, которыя онъ прислалъ королю, былъ хрустальный слонъ, очень искусно сдѣланный; животное, называемое жирафомъ, изъ хрусталя же, различные сорта яблокъ изъ хрусталя и игры въ шашки и шахматы Всѣ эти вещи были обложены сѣрой амброй, а сѣрая амбра была соединена съ хрусталемъ изящно сдѣланными застежками изъ чистаго золота. И надо вамъ знать, что, когда посланцы открыли ящики, содержащіе эти вещи, казалось, что вся комната наполнилась бальзамомъ,—такъ нѣжно было благоуханіе, выходящее отъ туда.

«Король отослалъ посланцевъ къ Старцу Горъ и съ ними большое количество драгоцѣнностей, пурпурныхъ одеждъ, золотыхъ чашъ и серебряныхъ удилъ для лошадей; и съ посланцами король отправилъ брата Ива Бретонца, который зналъ языкъ сарациновъ И братъ Ивъ нашелъ что Старецъ Горъ не вѣруетъ въ Мухаммеда, но вѣрилъ въ законъ Али, который приходился дядей Мухаммеду.. Одинъ изъ пунктовъ ученія Али заключается въ томъ, что, когда человѣкъ находитъ смерть, исполняя приказаніе своего Господина, его душа переходитъ въ болѣе пріятное тѣло, чѣмъ раньше; поэтому Убійцы не задумываются бросаться въ объятія смерти, когда это приказываетъ ихъ господинъ...

«Братъ Ивъ нашелъ въ изголовьѣ постели Старца книгу, и въ этой книгѣ были написаны нѣкоторыя слова, которыя нашъ Господь сказалъ святому Петру. И братъ Ивъ сказалъ ему: «Ахъ, ради Бога, государь, читайте чаще эту книгу, потому что это очень хорошія слова». И старецъ сказалъ, что онъ читаетъ ее часто, «потому что нашъ господинъ св. Петръ, ска-

залъ онъ,—очень дорогъ мнѣ; вѣдь въ началѣ міра душа Авеля, когда онъ былъ убитъ, перешла въ тѣло Ноя, и, когда Ной умеръ, она возвратилась въ тѣло Авраама; и изъ тѣла Авраама, когда онъ умеръ, она перешла въ тѣло св. Петра—въ то время, когда Богъ пришелъ на землю».

«Когда братъ Ивъ услышалъ это, онъ доказалъ ему, что его вѣрованіе было неосновательно, и сталъ поучать его въ добрыхъ словахъ, но Старецъ не хотѣлъ слушать его. Обо всемъ этомъ братъ Ивъ передалъ королю, когда вернулся назадъ».

Итакъ, одною изъ первыхъ трехъ степеней были фидаи, т. е преданные, готовые на самопожертвованіе. Это и были Убійцы. Всѣ они, тщательно выбираемые, отличались мужествомъ, беззавѣтной храбростью и преданностью и не знали милосердія. Инструкція, данная имъ, была весьма проста: какъ Пророкъ уничтожилъ евреевъ въ Мединѣ, такъ и они должны были уничтожить всѣхъ враговъ истинной вѣры, т е. всѣхъ, кто не принадлежитъ къ сектѣ исмаилія.

Идея религіознаго убійства не была уже нова въ то время: какъ исламъ, такъ іудейство и христіанство одинаково богаты примѣрами этого. Но подобная идея не можетъ не вызвать отвращенія въ человѣкѣ, наполняя его сердце ужасомъ. И сектѣ Хасана приходится поставить въ упрекъ не идею, ему не принадлежащую, а слишкомъ широкое ея примѣненіе, введеніе въ нормальный законъ того, что еще при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и то только съ спеціальной точки зрѣнія, можетъ быть, могло бы найти себѣ какое-нибудь оправданіе.

Говорятъ, что Хасанъ, чтобы закалить мужество и внушить презрѣніе къ смерти, знакомилъ своихъ фидаевъ съ раемъ. Онъ одурманивалъ ихъ опіемъ и потомъ на нѣсколько дней помѣщалъ въ нѣкоторый садъ, до извѣстной степени соотвѣтствующій описанію рая Мухаммеда,—всего тамъ было въ изобиліи для удовлетворенія чувственныхъ удовольствій. Когда фидаи начинали входить во вкусъ такой жизни, очарованіе прекращалось: ихъ возвращали къ дѣйствительной жизни, но картина пержитаго была слишкомъ ярка, чтобы безслѣдно пропасть изъ ихъ глазъ, и это былъ безумный талисманъ ихъ храбрости. Они никогда не задумывались умереть по приказанію своего шейха, и христіане и мусульмане безъ счета пали подъ ударами ихъ ножей [1]). Можетъ быть, они получили свое названіе именно благодаря массѣ совершенныхъ ими религіозныхъ и политическихъ убійствъ; можетъ быть, какъ объясняютъ многіе авторы, французское слово «асасины», переводимое какъ «убійцы», было лишь

[1]) Gibbon. Decline and fall of Roman Empire. v. VI. p. 283. Malcolm. Histoire de la Perse. v. II. p. 127.

исковерканнымъ словомъ «хасани», т. е. принадлежащіе къ сектѣ Хасана, или «хашашіунъ», т. е. даватели хашиша Послѣднее, повидимому, является правдоподобнымъ объясненіемъ.

Разсказываютъ, что Султанъ Санджаръ, задумавшій уничтожить секту Хасана, раньше чѣмъ она значительно распространилась, уже приблизился на нѣсколько переходовъ къ Аламуту. «Проснувшись однажды утромъ, онъ замѣтилъ подлѣ своей постели кинжалъ, по самую рукоятку воткнутый въ землю, и въ изумленіи прочелъ слова, написанныя на привязанномъ къ рукояткѣ кинжала клочкѣ бумаги. «Берегись, Султанъ Санджаръ! если бы не уважали твоего характера, то рука, вонзившая этотъ кинжалъ въ твердую землю, съ большей легкостью могла бы вонзить его въ твою грудь». Говорятъ, что этотъ воинъ, никогда не знавшій страха на полѣ битвы, задрожалъ, прочитавши эти слова; и очевидно онъ отказался отъ предположеннаго нападенія» [1]).

Это показываетъ, съ какою легкостью вѣрные приверженцы Хасана умѣли приводить въ исполненіе его приказанія. Они всегда были готовы на все. «Когда однажды посланный Маликъ Шаха явился въ Аламутъ, Хасанъ приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ заколоть себя кинжаломъ, а другому—броситься въ пропасть Оба приказанія были немедленно исполнены. «Ступай, сказалъ онъ изумленному посланцу,—и передай своему господину, каковы люди, которые слѣдуютъ за мной» [2]).

Имя Старецъ Горъ, которое европейцы дали Хасану, произошло вѣроятно отъ названія «шейхъ-уль-джибаль», т. е. шейхъ горъ, подъ какимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ среди мусульманъ.

Онъ умеръ въ 508 году, а его наслѣдники сохранили власть до 654 года, когда были уничтожены Хулагу-ханомъ [3]).

Хасану наслѣдовалъ его сынъ—Кэхъ Бузургъ Умидъ. Султанъ Мухаммедъ выслалъ противъ него войско, но оно, послѣ безплодныхъ попытокъ овладѣть Аламутомъ и Рудбаромъ, принуждено было отступить. Было заключено перемиріе, которое вскорѣ было нарушено по той причинѣ, что въ Исфагани разъяренная толпа, которую не могли сдержать власти, разорвала на куски посланнаго Кэха. Такъ какъ шахъ затруднялся выдачей виновныхъ, то нѣсколько фидаевъ тайкомъ проникли въ городъ и тамъ убили болѣе 400 человѣкъ. Вновь возгорѣлась война,

---

[1]] Malcolm. Idem, v II. p 124, loc. cit. ex „Тарих-и-гузида“.

[2]) Тарих-и-гузида. Loc. cit. in Malcolm. Histoire de la Perse II p 127.

[3]) Sale. Preliminary Discourse p. 144.

длившаяся до самой смерти шаха и окончившаяся побѣдой Кэха, который овладѣлъ Гиляномъ. За Кэхомъ слѣдовалъ его сынъ Мухаммедъ, затѣмъ Хусайнъ ибнъ Насыръ, который былъ убитъ своими родственниками, возведшими на тронъ его сына Аллауд-дина Мухаммеда. Этотъ послѣдній отличался большой жестокостью. Во время его правленія начавшееся было гоненіе на его секту затихло благодаря слѣдующему обстоятельству, не безъ юмора разсказанному мусульманскимъ авторомъ [1]).

«Выдающійся богословъ Фахръ Рази возбудилъ подозрѣніе относительно своей склонности къ ученію секты исмаилитовъ. Чтобы уничтожить такое мнѣніе, онъ нашелъ удобнымъ съ кафедры высказать свой ужасъ къ этой сектѣ и ея догматамъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ произнесенія имъ анаѳемы, онъ съ изумленіемъ увидалъ, что въ его комнату вошелъ человѣкъ, который уже въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ однимъ изъ самыхъ внимательныхъ его слушателей. Онъ изумился еще болѣе, когда этотъ человѣкъ схватилъ его за бороду и приставилъ къ его груди кинжалъ, спрашивая, знаетъ ли тотъ, кто онъ такой. Весь дрожа, ученый отвѣтилъ:

— Я положительно не знаю, кто вы такой; и еще менѣе я могу отгадать, почему вы хотите посягнуть на мою жизнь.

— «Вы оскорбили секту Исмаила».

— Я былъ неправъ, отвѣтилъ ученый,—я раскаиваюсь въ этомъ и уже болѣе не сдѣлаю ничего подобнаго.

— «Поклянитесь святымъ пророкомъ относительно того, что вы сказали.

— Я клянусь имъ, отвѣтилъ тотъ.

— «Отлично, отвѣтилъ человѣкъ, выпуская его бороду. Я имѣлъ, продолжалъ онъ, специальное приказаніе не убивать васъ; въ противномъ случаѣ, мой кинжалъ обагрился бы уже кровью вашего сердца. Алла-уд-динъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и спросить васъ, хорошо ли вы знаете догматы той секты, которую вы дерзнули оскорбить. Онъ совѣтуетъ вамъ въ будущемъ вести себя болѣе осмотрительно И, такъ какъ онъ съ почтеніемъ относится къ вашему характеру, онъ посылаетъ вамъ этотъ кошелекъ, содержащій 360 золотыхъ. Вотъ кромѣ того приказъ, чтобы такая же сумма ежегодно выплачивалась вамъ однимъ изъ его агентовъ.

«Ученый взялъ деньги и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжалъ получать свою пенсію. Его ученики замѣтили лишь, что въ слѣдующія лекціи онъ тщательно воздерживался отъ упоминанія о послѣдователяхъ Исмаила Обыкновенно, когда ему по этому поводу дѣлали какія-либо замѣчанія, онъ отвѣчалъ съ лег-

[1]) Malcolm. Idem v. II pp. 133—135.

кой улыбкой, что убѣдительные и вѣсскіе доводы внушили ему, что самое лучшее, это—не входить ни въ какіе споры относительно принциповъ этой секты».

Послѣ продолжительнаго царствованія Алла-уд-дина, ему наслѣдовалъ его сынъ Джалаль-уд-динъ Хусайнъ, который умеръ въ 610 году. Ему наслѣдовалъ сынъ Алла-уд-динъ Мухаммедъ, который былъ полной противоположностью своего отца, отличившагося добрымъ и мягкимъ характеромъ. Онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ слугъ, и на тронъ вступилъ его сынъ Рукн-уд-динъ, котому и было суждено сдѣлаться плѣнникомъ Хулагу —хана, а вскорѣ и погибнуть подъ кинжалами его свиты.

Чаще всего послѣдователи Хасана извѣстны подъ именемъ асасиновъ, или убійцъ. но имъ даютъ также названія. восточныхъ исмаилитовъ, аламутитовъ, или мулахида Кухистана [1]).

Убійца не были простыми разбойниками, они были не чужды знанія, и, когда монголы разрушили ихъ горныя крѣпости. тамъ, въ особенности въ Аламутѣ, было найдено много не только манускриптовъ, но и всякаго рода инструментовъ [2]).

Хотя власть была вырвана изъ рукъ потомковъ Хасана, но едва-ли они всѣ были истреблены, такъ какъ есть много основаній предполагать, что глава секты исмаилія, въ качествѣ мирнаго британскаго подданнаго проживающій въ Бомбеѣ, принадлежитъ къ той же фамиліи [3]). Имя настоящаго главы Ага Султанъ Мухаммедъ Шахъ, но онъ болѣе извѣстенъ просто подъ именемъ Ага Хана, которое сдѣлалось наслѣдственнымъ титуломъ. По нѣкоторымъ, правда очень смутнымъ, даннымъ, онъ ведетъ свое происхожденіе отъ перваго имама Али. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что предокъ теперешняго Ага Хана, Мухаммедъ Ханъ, былъ утвержденъ въ должности главы персидскихъ исмаилитовъ Фатхъ Али Шахомъ, на одной изъ дочерей котораго онъ былъ женатъ. Измѣнившіяся политическія обстоятельства заставили его бѣжать въ Афганистанъ, а оттуда въ въ Индію, гдѣ онъ былъ радостно принятъ какъ мѣстными исмаилитами, такъ и англичанами, которымъ онъ оказалъ не мало услугъ въ ихъ войнахъ съ афганцами Послѣдователи Ага Хана въ настоящее время имѣются въ Индіи, Персіи, Бухарѣ, Афганистанѣ и нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Объ этихъ послѣднихъ мы скажемъ нѣсколько словъ дальше.

Перейдемъ теперь къ собственно *друзамъ*, которые находятся главнымъ образомъ въ Сиріи и на Ливанѣ Такъ какъ они скры-

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam p 311.

[2]) D. Macdonald. Muslim theology p. 169.

[3]] H. Yole The book of Marco Polo. Loc. cit. in Э. Реклю Земля и Люди т. IX, стр. 129.

ваютъ не только свои вѣрованія, но и свою принадлежность къ сектѣ, то ихъ численность не поддается строгому учету. По очень скромной оцѣнкѣ въ Ливанѣ слѣдуетъ считать отъ 45 до 50 тысячъ друзовъ.

Друзы отрицаютъ, что Дарази былъ убитъ въ Каирѣ, и говорятъ, что онъ отправился въ Сирію и обратилъ жителей Ливана въ вѣру своей секты. Но истиннымъ основателемъ секты считается Хамза

Основы религіи друзовъ заключаются въ слѣдующемъ

Богъ единъ, и Ему одному должно поклоняться. За то время, пока существуетъ міръ, Богъ нѣсколько разъ проявлялся въ человѣческой формѣ, и послѣднимъ изъ подобныхъ проявленій было проявленіе въ формѣ Хакима. Богъ столь высокъ, что для Него нѣтъ достойныхъ именъ на человѣческомъ языкѣ. Существованіе Его не можетъ прекратиться, и вѣчностью Своего единства Онъ отличается отъ всѣхъ существъ. Это единство не имѣетъ ни начала, ни конца. Вѣра въ это единство даетъ человѣку вѣчную жизнь, а невѣріе—вѣчную гибель.

Вѣрующіе раздѣляются на три класса:

1) тѣ, которые слѣдуютъ буквальному толкованію откровенія, т. е сунниты,

2) тѣ, которые слѣдуютъ аллегорическому толкованію, т. е. шіиты,

3) тѣ, которые исповѣдываютъ Бога въ своихъ сердцахъ, не облекая Его никакими аттрибутами.

Не должно быть ни сравненія Бога съ существами, ни приданія Ему аттрибутовъ. Въ этомъ отношеніи друзы близко подходятъ къ мутазелитамъ, съ которыми они сходны также и въ ученіи о свободной волѣ, но на этомъ сходство и останавливается.

Самъ Хамза училъ такъ: «Богъ не можетъ быть выраженъ ни какимъ либо именемъ, ни какимъ-либо аттрибутомъ. Я не могу говорить о немъ, какъ о Древнемъ, потому что этотъ созданъ, а Онъ—Богъ дающій существованіе. Онъ не Первый, что подразумѣваетъ отношеніе ко второму, и Онъ не Послѣдній, ибо это предполагаетъ предшествующаго. Мы не можемъ сказать, что Онъ имѣетъ душу или духъ, потому что это подразумѣваетъ подобіе съ созданными существами; мы не можемъ, въ примѣненіи къ Нему, говорить о тѣлѣ, формѣ, сущности, событіяхъ, потому что все это подразумѣваетъ отношеніе къ событіямъ, ко времени и пространству. Я не говорю, что Онъ есть вещь, потому что она подвержена тлѣнію. Я не говорю, что Онъ - не вещь, такъ какъ это означало бы небытіе. Онъ не стоитъ и не сидитъ Хотя божественная природа и не можетъ быть выражена въ словахъ, но, чтобы сдѣлать насъ способными видѣть завѣсу, за которой Онъ скрытъ, чтобы Ему можно было поклоняться подъ внѣшней и

явной нашимъ чувствамъ формой, Онъ проявляетъ себя въ человѣческой формѣ Хакима. Такимъ образомъ, слова и дѣйствія этой формы суть слова и дѣйствія самого Бога. Однако, дѣлая себя такимъ образомъ понятнымъ для людей, Богъ не перестаетъ быть безконечнымъ, непостигаемымъ»[1]).

Что касается Хакима, то ему приписывается появленіе въ десяти разныхъ лицахъ въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, причемъ онъ сохранялъ всегда свою божественно-человѣческую природу: онъ былъ невидѣннымъ, и лишь принимаемая имъ форма была какъ бы скрывающей его завѣсой. Эти десять появленій, которыхъ никто не можетъ указать, считаются дѣйствительнымъ фактомъ, и уже сами по себѣ служатъ достаточнымъ доказательствомъ превосходства Хакима надъ всѣми людьми.

Поступки и даже одежда Хакима имѣютъ для друзовъ тайный смыслъ. Онъ ѣздилъ на ослѣ, и это животное является у друзовъ эмблемой законодателя. Они говорятъ, что въ стихѣ: «конечно, наименѣе пріятный изъ голосовъ есть голосъ осла», подъ осломъ разумѣваются пророки, поддерживающіе тяжесть внѣшняго закона

Черное шерстяное платье, которое носилъ Хакимъ, обозначаетъ путь испытаній, черезъ который должны были пройти его послѣдователи.

Даже дикія сцены его неистовыхъ оргій, знаменуя, въ толкованіи друзовъ, побѣду мужчины надъ женщиной, показываютъ власть Хакима надъ невѣрными

Хакимъ есть владыка надъ всѣми имамами, и иногда его называли даже Аллахомъ. Хакимъ. т. е. правитель, есть имя, показывающее его верховную власть надъ всѣми пророками или законодателями прошедшихъ временъ, равнымъ образомъ надъ спутниками пророковъ и надъ имамами

О божественности Хакима, если вѣрить друзамъ, упоминается даже въ Коранѣ. Такъ стихъ: «самъ Богъ свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣтъ бога кромѣ Бога. Ангелы же и люди, одаренные знаніемъ и справедливостью, повторяютъ нѣтъ бога кромѣ Бога, всемогущаго и мудраго» (Сура 3-я, ст. 16) «Исламъ—религія Божія» (Сура 3-я, ст. 17)—выражаетъ, по ихъ мнѣнію, слова Мухаммеда, который говоритъ, что Господь (Хакимъ) есть Богъ; ангелы—хаджи и одаренные разумомъ и справедливостью люди—даи. Поэтому всякій истинный мусульманинъ долженъ признать Хакима Богомъ

«Существуетъ вѣра, что друзы поклоняются Хакиму подъ видомъ золотого тельца; но другіе говорятъ, что это употребляется не какъ предметъ поклоненія, но лишь какъ эмблема господст-

---

[1]) E. Sell. Essays on islam. p. 167.

вующихъ религій, замѣненныхъ ихъ системой. Нѣкоторые говорятъ, что они отвергаютъ идолопоклонство и сравниваютъ іудейство, христіанство и исламъ съ теленкомъ. Еще другіе говорятъ, что это изображать Иблиса, т. е. Дьявола, который есть соперникъ Хакима»[1]). Но, можетъ быть, это послѣднее мнѣніе есть лишь недоразумѣніе, и рѣчь въ дѣйствительности идетъ о Маликъ-Таусѣ іезидовъ, т. е. поклоняющихся дьяволу? При близкомъ сосѣдствѣ друзовъ съ іезидами допустить подобное смѣшеніе очень возможно. Даже болѣе, иногда смѣшеніе это происходитъ и не у наблюдателей, какъ въ данномъ случаѣ, а у самихъ исповѣдывающихъ вѣру, что мы отчасти и видимъ въ странностяхъ секты Али-илахи.

Іерархія друзовъ воспроизводитъ іерархію батинія. Пять главныхъ руководителей суть.

Міровой Разумъ, проявившійся въ Хамзѣ
Душа, проявившаяся въ Мухаммедѣ ибнъ-Исмаилѣ,
Слово, проявившееся въ Абу Абдулла Мухаммедѣ,
Предшествующее, проявившееся въ Абуль Хаиръ Салама,
Послѣдующее, проявившееся въ Абуль Хасанѣ.

Эти проявленія носятъ названіе «худудъ», или границы. Они также носятъ названіе Пяти Принциповъ, составляющихъ связь человѣка съ Богомъ, и названія ихъ въ этомъ случаѣ нѣсколько отличны, а именно: Міровой Разумъ, Міровая Душа, Первичная матерія, Пространство и Время. Міровой разумъ проявляется въ пророкахъ, Міровая Душа—въ асасахъ и первомъ имамѣ. Первичная матерія—въ имамахъ, Пространство въ худжатахъ и Время—въ даи.

Эти руководители или министры могутъ разсматриваться, какъ духовныя или какъ тѣлесныя существа: въ первомъ случаѣ они всегда носятъ одно и то же имя, во второмъ имя можетъ мѣняться въ зависимости отъ различныхъ эпохъ ихъ многочисленныхъ проявленій. Въ этой олицетворенной формѣ они имѣли своими противниками пятерыхъ министровъ заблужденія, которые, въ свою очередь, также были лишь олицетвореніемъ Мухаммеда, Абу Бакра, Усмана, Омара и Али; всѣ эти лица также были министрами заблужденія, потому что преподавали и излагали внѣшній законъ, а не его тайный смыслъ: слѣдствіемъ этого было уклоненіе людей отъ истиннаго пути, т. е. непризнаніе божественности Хакима. Люди сами конечно не могутъ достичь истины,—они нуждаются въ ученіи Мірового Разума, который время отъ времени, въ зависимости отъ надобности, воплощался въ говорящихъ пророкахъ (т. е. натыкахъ).

«Благодаря присутствію разума въ Хамзѣ, отъ этого по-

[1]) E. Sell. Essays on islam. p. 170.

слѣдняго исходитъ всякое знаніе. Со времени Адама онъ являлся въ міръ подъ семью различными формами. Онъ прежде всѣхъ міровъ былъ созданъ изъ свѣта Бога. Существуя прежде всѣхъ вещей, онъ переживаетъ ихъ всѣ. Періодъ между проявленіями называется «фитратъ», т е. перерывъ. Но, хотя и скрытый въ это время, онъ все же былъ живъ.

«Душа происходитъ отъ Разума и находится въ такомъ же отношеніи къ нему, какъ женщина къ мужчинѣ, но по отношенію къ другимъ министрамъ она имѣетъ рангъ мужчины. Въ лицѣ Исмаила она была намѣстникомъ Хамзы, имѣя власть надъ всѣми министрами и надъ всѣми вѣрующими. Душа въ своемъ проявленіи подъ видомъ Исмаила называется «муджтаба» или избранный. Говорится, что стихи: «Скажи. я ищу убѣжища у владыки людей, у Царя людей, у Бога людей» (сура 114-я, ст. 1-3) относятся къ Душѣ, потому что, такъ какъ низшіе министры произошли отъ союза Разума съ Душой. она находится по отношенію къ нимъ въ превосходномъ положеніи, и она является для нихъ какъ бы намѣстникомъ Хамзы... Въ одномъ изъ своихъ прежнихъ проявленій Душа являлась въ формѣ Іоанна Крестителя и въ немъ принесла свидѣтельство Мессіи Времени-совершенно такъ же, какъ въ своемъ послѣднемъ принесла свидѣтельство Хамзы, Мессіи другого періода» [1]).

Слово занимаетъ третье мѣсто въ іерархіи, такъ какъ является продуктомъ союза Души и Разума. Носитель его Абу Абдулла Мухаммедъ получилъ прозвище Риза и называется «Посломъ Власти», такъ какъ ему подчиняются всѣ низшіе министры, даи и прочіе Онъ называется также «крыломъ Бога» (сура 35-я, ст. 1)

Предшествующее-четвертый министръ, онъ носитъ названіе Праваго Крыла и происходитъ отъ Слова черезъ Душу.

Послѣдующее-пятый министръ, который называется также Лѣвымъ Крыломъ.

За пятью главными министрами слѣдуютъ: даи, маазунъ, мукассиръ.

О томъ, въ чемъ заключалась дѣятельность даи, мы уже сказали выше.

Маазунъ, т. е. «получившій разрѣшеніе» и въ данномъ случаѣ подразумѣвается: получившій разрѣшеніе на разрушеніе религіозныхъ вѣрованій людей и на приготовленіе ихъ къ принятію новыхъ.

Мукассиръ подчиненъ имъ обоимъ: онъ разрушаетъ стѣну сомнѣнія, онъ уноситъ всякое сомнѣніе представленіемъ истины.

У этихъ трехъ также имѣется аллегорическія имена. даи

---

[1]) E. Sell. Essays on islam pp. 171, 172.

называется «старанiемъ» вслѣдствiе его преданности священному дѣлу. Маазунъ называется «открывателемъ». такъ какъ онъ открываетъ дверь къ истинѣ. Мукассиръ называется «Призракомъ», такъ какъ своимъ разсужденiемъ онъ даетъ лишь призракъ истины, не открывая ея полностью.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ термины, попадающiеся въ священныхъ книгахъ друзовъ, но укажемъ на главнѣйшiе изъ нихъ, съ которыми мы уже отчасти успѣли ознакомиться.

Натыкъ—приносящiй откровенiе пророкъ

Сусъ или *Асасъ*—его спутникъ.

Въ периодъ дѣйствiя принесеннаго пророкомъ и объясненнаго его спутникомъ откровенiя слѣдуютъ одинъ за другимъ семь министровъ, называемыхъ *самитъ* (т. е. молчащiй), или *имамовъ*, какъ учатъ исмаилiя

У каждаго Самита имѣется двѣнадцать *худжатъ* (т. е доказательства), которые и передаютъ людямъ ученiе своего господина

Аккалы, т. е мудрѣйшiе, суть лица, которымъ открыты тайны ученiя.

Каждый Асасъ былъ назначаемъ раньше приходящимъ пророкомъ, чтобы объяснить тайный смыслъ его ученiя, такъ что оба они составляютъ одно цѣлое, что, по словамъ друзовъ, и явствуетъ изъ кораническаго текста: «и все Мы создали парами» (Сура 51-я, ст. 49) 1)

Друзы вѣрятъ въ переселенiе душъ, которыя, по ихъ понятiю, стали впервые существовать послѣ сотворенiя Разума, т. е Хамзы, и эти души были созданы изъ свѣта. Послѣ смерти душа друза переходитъ въ тѣло другого друза, а души политеистовъ въ тѣла другихъ политеистовъ. Число душъ опредѣлено отъ вѣка, и съ теченiемъ времени оно не можетъ быть ни увеличено, ни уменьшено. Это именно то количество душъ, которое Богъ вынулъ изъ спины Адама и, взявъ одну часть въ правую руку, сказалъ: эти для рая, и, взявъ другую часть въ лѣвую руку, сказалъ: эти для ада.

Для нѣкоторыхъ переселенiе душъ является дѣйствительнымъ, матерiальнымъ, другiе же понимаютъ это лишь въ духовномъ смыслѣ Но для большинства душа есть какъ бы «жидкость, переливаемая изъ сосуда въ сосудъ».

Въ зависимости отъ того, какую жизнь велъ человѣкъ, и душа его вновь появляется подъ разнообразными формами. Если человѣкъ, отказавшiйся отъ старыхъ вѣрованiй, т. е. сдѣлавшiйся друзомъ, передъ смертью дѣлается отступникомъ, душа его

---

1) E. Sell. Essays on islam p 174.

обращается въ первобытное состояніе, и она обречена на вѣчныя мученія въ аду на радость вѣрнымъ.

Друзы считаютъ, что человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей: Разума и Души, и это есть основа, дѣйствительный человѣкъ, и тѣла, и это—случайное, лишь внѣшняя форма, въ которую помѣщенъ истинный человѣкъ. Понятное дѣло, что нетлѣнная душа не можетъ пребывать вѣчно въ одной и той же формѣ, которая подвержена тлѣнію, и поэтому ей приходится мѣнять свое пребываніе Но это не есть участь всѣхъ душъ. Нѣкоторыя благочестивыя души перестали переселяться, т. е. искать себѣ новыхъ формъ для пребыванія на землѣ Это случилось съ прибытіемъ въ міръ Разума, пришедшаго въ лицѣ Хамзы, и теперь эти души просто ожидаютъ дня суда. Пока онѣ скрыты и вновь появятся вмѣстѣ съ истиннымъ имамомъ У этихъ душъ много именъ, какъ: высочайшій народъ, Священные Совѣты, Обитатели Арафа Здѣсь друзы отчасти прибликаются къ ученію ортодоксальныхъ мусульманъ о мірѣ небесныхъ душъ. (См. т. II, гл. 5).

Воскресеніе и послѣдній день обозначаютъ время, когда доктрина единства сдѣлается извѣстна всѣмъ людямъ, и когда всѣ другія религіи будутъ уничтожены, и когда безвозвратно будетъ рѣшена судьба вѣрующихъ и невѣрныхъ.

Относительно событій послѣдняго дня между друзами существовало разногласіе мнѣній. До смерти Хакима нѣкоторые считали, что день этотъ наступитъ еще при его жизни, и что Хакимъ въ этотъ день восторжествуетъ надъ всѣми врагами. Но Хакимъ умеръ, не дождавшись дня страшнаго суда, и его послѣдователямъ пришлось утѣшать себя надеждой на его возвращеніе, которое совершится тогда, когда, при помощи Хамзы, будетъ одержана полная побѣда. Онъ явится окруженный, словно завѣсой, безчисленнымъ множествомъ ангеловъ и херувимовъ. Онъ явится «подъ формой духовнаго воскресенія», и человѣчество, въ которое онъ явится такимъ образомъ, будетъ называться «Жилищемъ», или Святымъ Мѣстомъ, или Святилищемъ имамата, или Мѣстомъ Чистоты. Относительно этихъ терминовъ также нѣтъ полнаго согласія, и нѣкоторыми они примѣняются къ Хакиму, нѣкоторыми къ обновленному человѣчеству, и нѣкоторыми просто къ дворцу, въ которомъ Хакимъ будетъ жить. [1]).

Прибытіе на землю Хакима, по общему вѣрованію, должно предшествовать страшному суду и будетъ возвѣщено: молнія ударитъ въ Каабу, землетрясеніемъ будутъ разрушены дома въ Меккѣ и храмы въ Сиріи, враги Али будутъ обложены податью,

---

[1]) S. de Sacy. Exposé de la religion des Druses. v. II. p. 226.

и ихъ заставятъ носить тяжелыя свинцовыя серги, а христіанъ и евреевъ—желѣзныя; для отступниковъ же будутъ приготовлены стеклянныя серги, и онѣ будутъ горячи, какъ пламя, лѣтомъ, а зимою будутъ холодны, какъ ледъ. На отступникахъ будутъ надѣты одежды изъ свиной кожи.

Одинъ изъ апостоловъ хамзы училъ такъ:

«Когда вы увидите, что вѣра среди васъ дѣлается рѣдкой, и благочестивые люди терпятъ униженіе и осыпаются оскорбленіями; когда несмотря на усилія вѣрныхъ, религія сдѣлается предметомъ насмѣшки въ устахъ нечестивыхъ; когда съ нею будутъ обращаться, какъ съ обрѣзкомъ ногтя, который отбрасываютъ отъ себя: когда земля, при всей своей обширности, покажется слишкомъ тѣсной ученикамъ истины, которые не въ состояніи будутъ найти себѣ вѣрное убѣжище; тогда ожидайте, что вы скоро услышите крикъ, который будетъ сигналомъ вашей гибели, о, людскіе подонки! остатки обожателей тельца и идоловъ» [1]).

Хакимъ будетъ прославляемъ на всѣхъ языкахъ, и тѣ, кто до дня воскресенія увѣровали въ единство, въ имаматъ и духовную іерархію, получатъ въ удѣлъ вѣчную жизнь, а остальные будутъ обречены на вѣчныя муки.

Чтобы поддержать мужество гонимыхъ преслѣдователей Хакима, Хамза много говорилъ о его пришествіи, пользуясь для этого образнымъ языкомъ Такъ, онъ прежде всего предостерегалъ вѣрныхъ отъ мутноводной рѣки Танзиль (т. е. откровенія) и сладководнаго, но несущаго смерть потока Тавиль (т. е. толкованія); въ эти волны особенно легко попасть передъ пришествіемъ Хакима, такъ какъ этому времени будетъ предшествовать глубокая тьма

Судъ Хакима будетъ справедливъ, и Вѣсы будутъ безпристрастнымъ оцѣнщикомъ добрыхъ и злыхъ дѣлъ людей. Послѣ суда изъ вѣрующихъ составится новое царство, въ которомъ они будутъ различными правителями.

Хотя пророки, предшествуемые Сусами, и приносили новыя откровенія, но ученіе каждаго изъ нихъ не было полно, и это не было ученіе единства (т. е. единства въ значеніи друзовъ, иначе говоря единства Бога съ Хакимомъ). Въ подтвержденіе этого друзы приводятъ стихъ: «мы предложили небу, землѣ, горамъ укрыть вѣру, но они отказались обременить себя ею, они дрожали отъ страха при мысли получить ее» (Сура 33-я. ст. 71). Подъ небомъ здѣсь разумѣются пророки, подъ землей—Аса-

---

[1]) Idem. v. I. p. 229. Loc. cit. in. Darmesteter. Le Mahdi, p. 58.

сы, подъ горами—Худжаты. Всѣ они отбросили доктрину единства и проповѣдывали заблужденіе

Чтобы закончить этотъ коротенькій очеркъ, скажемъ, что религія друзовъ должна быть названа эволюціей ученія исмаилитовъ Ученіе Мухаммедъ-аль-Хабиба, основателя секты батинія, заключалось въ томъ, что всѣ предписанія закона имѣютъ внѣшнюю форму и внутреннее значеніе; всякое откровеніе, приносимое говорящимъ пророкомъ, должно быть толкуемо аллегорически Что касается Хакима, то онъ совершенно уничтожилъ внѣшнюю религію, т е. откровеніе, освободивъ своихъ послѣдователей отъ выполненія всѣхъ требованій ислама: затѣмъ, установивъ религію спеціальнаго единства (т е. себя съ Богомъ), онъ отбросилъ и аллегорическій смыслъ откровенія, признаваемый исмаилитами

«Мусульманское исповѣдываніе вѣры состоитъ изъ двухъ частей: «нѣтъ бога кромѣ Бога» и «Мухаммедъ Пророкъ Бога». Давая кабалистическое значеніе словамъ и буквамъ въ этомъ символѣ и устанавливая ихъ связь съ знаками Зодіака, планетами и мѣсяцами, батинія находятъ въ нихъ описаніе своей собственной іерархической системы Благодаря подобному же образу разсужденія Хамза въ нихъ также находитъ іерархію своей собственной системы и вслѣдствіе этого учитъ, что нѣтъ обязательства повторять эти слова въ ихъ прямомъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ мусульмане, ни даже придавать имъ аллегорическое значеніе, которое имъ приписываютъ батинія, но что въ нихъ надо болѣе видѣть мистическую форму, которую именно онъ давалъ имъ. и которая показываетъ «превосходство его религіи надъ религіей исмаилія» [1]).

Опровергая ученіе суннитовъ, т. е внѣшнюю религію, исмаилиты считаютъ до извѣстной степени правильнымъ ученіе шитовъ, послѣдователей Али, которому было передано все знаніе послѣ того. какъ религія ислама была сдѣлана совершенной (Сура 5-я, ст. 5.). Хакимъ же отвергъ и это. признавая духовную власть вести къ истинѣ только за истиннымъ имамомъ—Хамзой.

Не лишено интереса отношеніе друзовъ къ христіанству, которое по ихъ мнѣнію, было на вѣрномъ пути, но не довершило его признаніемъ божественности Хакима Въ уста Христа они вкладываютъ слова: «истинно говорю вамъ, если человѣкъ приметъ мое слово, онъ никогда не умретъ» и даютъ такое объясненіе: «слово» есть религія единства, потому что Слово соеди-

---

[1]) E. Sell Fssays on islam p. 179.

нено съ Мессіей, т. е. съ Хамзой. Когда же этотъ мессія пришелъ, христіане отказываются признать его. Слова Христа о трехдневномъ возсозданіи разрушеннаго храма они относятъ къ тремъ періодамъ времени: первый—появленіе пророка Іисуса, второй—вѣкъ Параклета подъ именемъ Мухаммеда, третій—пришествіе Хамзы.

Подобнымъ же образомъ объясняются многія мѣста въ Евангеліи, излагающемъ ученіе Христа, крестную смерть Котораго друзы отвергаютъ, какъ и мусульмане

Хамза и другіе апостолы друзовъ учили, что исламъ былъ истинной религіей для своего времени, такъ какъ люди еще не были подготовлены къ воспріятію истины, но что время его уже прошло.

Катехизисъ Хакима заключался въ слѣдующимъ.

1) Истина въ рѣчи, т. е друзы всегда должны быть правдивы въ своихъ словахъ по отношенію къ друзамъ, со всѣми другими ложь не только разрѣшается, но иногда даже бываетъ обязательна. Ложь по отношенію къ друзу должна быть строго наказуема.

2) Взаимная помощь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ-какъ въ матеріальной, такъ и въ нравственной области; въ случаѣ надобности надо умереть, защищая своихъ друзей съ мечомъ въ рукахъ.

3) Отреченіе отъ исповѣдываемыхъ прежде религій. Но передъ людьми, исповѣдывающими какую-либо религію, должно говорить съ почтеніемъ объ этой религіи. Такъ какъ друзамъ приходится имѣть всего больше дѣло съ мусульманами, то имъ усиленно рекомендуется дѣлать видъ, что Коранъ признается ими священной книгой. Если бы они стали отрицать ее, это потребовало бы по меньшей мѣрѣ объясненій, и представилась бы необходимость открыть тайны ученія, чего ни въ коемъ случаѣ не должно дѣлать.

4) Полное разобщеніе съ дурными и заблуждающимся людьми Эта заповѣдь переходитъ въ открытую безпощадную вражду тамъ, гдѣ это только возможно. Лучшей иллюстраціей этого могутъ служить убійцы Старца Горъ.

5) Вѣра въ божественность Хакима и безусловное подчиненіе его волѣ, хотя бы онъ безъ причины приказалъ убить собственнаго сына, и признаніе правильными всѣхъ его дѣйствій, такъ какъ эти дѣйствія являются дѣйствіями скрытаго въ немъ Бога.

Въ томъ, что не касается религіи, «друзы отличаются отъ своихъ сосѣдей большимъ прямодушіемъ, большимъ достоинствомъ въ манерахъ, болѣе прочной сердечностью, болѣе простой и откровенной рѣчью. Они вообще болѣе воздержны, одѣваются

со вкусомъ, но безъ тщеславнаго щегольства, скромны въ разговорѣ и почтительно величаютъ другъ друга титуломъ шейховъ: они считаютъ долгомъ быть лучшими, такъ какъ они избранные. Нигдѣ у восточныхъ народовъ женщины не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ у друзовъ; права ихъ въ бракѣ и по владѣнію имуществомъ дѣлаютъ ихъ равными мужчинамъ; по образованію же онѣ стоятъ вообще выше мужчинъ, такъ какъ всѣ умѣютъ по меньшей мѣрѣ читать и писать и составляютъ часть класса «ученыхъ» или посвященныхъ» [1]).

Религія друзовъ, или правильнѣе ихъ атеизмъ. облеченный въ форму религіи, является любопытнымъ фактомъ въ исторіи человѣческой мысли человѣкъ, страдающій манією религіознаго величія, объявилъ себя Богомъ, и тысячи людей поклонились и продолжаютъ поклоняться этому кровожадному чудовищу, «буйному помѣшанному, дѣлавшемуся то ханжей—мусульманиномъ, то самымъ отчаяннымъ атеистомъ» [2]), и онъ «до сихъ поръ остается одною изъ величайшихъ тайнъ, которыя встрѣчаются въ исторіи» [3]).

Говоря о друзахъ, нельзя не упомянуть о Хашимъ-ибнъ-Хакимѣ, извѣстномъ подъ именемъ Муккана, т. е. покрытаго

Живя приблизительно за 150 лѣтъ (при третьемъ аббасидскомъ халифѣ), онъ конечно не могъ имѣть съ друзами ничего общаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ его ученіе имѣетъ много общаго съ ихъ ученіемъ. Это можетъ, мнѣ кажется, служить доказательствомъ того, что идеи исмаилитовъ были широко распространены.

Можетъ быть не совсѣмъ случайную связь съ ними имѣютъ *и нусаири* (назарен или ансаріэ), поклоняющіеся Богу въ пяти лицахъ. Свое имя они получали отъ Мухаммеда бинъ-Нусаира, который жилъ во второй половинѣ третьяго вѣка геджры, такъ что основаніе секты является почти одновременнымъ съ возникновеніемъ ученія карматитовъ. Точная классификація нусаири представляетъ тѣмъ болѣе затрудненій, что среди нихъ чуть ли не въ каждомъ племени имѣются свои догматы, которые даютъ имъ нѣкоторое внѣшнее сходство какъ съ христіанами, такъ и съ мусульманами, хотя они не являются ни тѣми, ни другими. По крайней мѣрѣ отъ мусульманъ имъ довольно часто приходилось терпѣть жестокія гоненія. Основныя догматы ихъ религіи держатся въ глубокой тайнѣ, и въ каждой группѣ передаются отъ главы къ его преемнику.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что причиною этихъ

---

[1]) Э. Реклю. Земля и Люди т. IX, стр. 636.

[2]) Darmesteter. Le Mahdi p. 57.

[3]) D. B. Macdonald. Muslim theology p. 47.

различій является происхожденіе секты, которое является не общимъ, а скорѣе исскуственно объединеннымъ. Было ли это прямое развитіе ученія крайнихъ исмаилитовъ преломилось ли оно черезъ призму сабеизма и манихейской ереси, положили ли на него свою печать идеи, занесенныя изъ далекаго Индостана,-ученіе нусаири съ равнымъ правомъ даетъ возможность допустить любую изъ этихъ гипотезъ, не давая вмѣстѣ съ тѣмъ возможности категорически утверждать, что это такъ именно, а не иначе

Теперь нусаири сгруппированы главнымъ образомъ вдоль сѣверной границы Сиріи, и численность ихъ опредѣляется отъ 120 до 180 тысячъ душъ [1]). Объ этомъ народѣ или объ этой сектѣ до послѣдняго времени было извѣстно сравнительно очень мало, и лишь благодаря нѣкоему Сулейману-эффенди, перешедшему въ христіанство и опубликовавшему кое-какія свѣдѣнія объ этой религіи, къ которой онъ самъ долгое время принадлежалъ, на нее пролитъ нѣкоторый свѣтъ.

Нусаири вѣрятъ въ троицу, состоящую изъ слѣдующихъ трехъ лицъ Первичный метафизическій принципъ, называемый *мана*, т. е. Смыслъ и два лица, полученныя путемъ проявленія изъ перваго и обозначенныя именами *исмъ*, т. е имя, и *бабъ*, т. е. дверь.

Мана есть первообразъ божества, самая сущность Бога. Имя имѣетъ назначеніемъ представлять для людей божество въ конкретной формѣ это—его внѣшнее проявленіе, его форма, его слово. Дверь должна объяснять доктрину, живой эмблемой которой является имя [2]).

По вѣрованію нусаири, въ каждую эпоху Богъ воплощался въ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ человѣкъ являлся его внѣшнимъ проявленіемъ-исмъ, а другой—его сущностью, мана: Имя ведетъ къ познанію Смысла Поэтому они называются иногда: Имя—натыкъ, т. е говорящій пророкъ, а мана—Асасъ, т. е. основаніе Интересно отмѣтить то, что здѣсь обратная, чѣмъ у друзовъ, ихъ зависимость другъ отъ друга.

Такихъ воплощеній называемыхъ *кибабъ*, т е куполы, въ различныя эпохи—отъ Авеля до Али ибнъ Абу Талиба—было семь, и эти семь воплощеній на священномъ языкѣ нусаири обозначаются условно женскими именами: Сада, Мэй, Рэбабъ, Зайнабъ, Алія, Либна и Лейла. Всѣ религіозныя поэмы нусаири, имѣющія много общаго съ поэзіей суфи, являются обращеніемъ къ этимъ аллегорическимъ женщинамъ или къ небеснымъ свѣтиламъ, а также небу.

Говорится, что послѣднее воплощеніе имѣло мѣсто въ эпоху

---

[1]) Э. Реклю. Земля и Люди т IX, стр. 634.

[2]) M. C. Huart La poésie religieuse des Nosairis p. 6.

миссіи Мухаммеда: Мана проявилось въ лицѣ Али, Мухаммедъ былъ Исмъ, а Сальманъ Фарси-Бабъ.

Помимо этихъ воплощеній, есть еще проявленія божества подъ видомъ свѣтилъ и явленій природы. Въ этомъ послѣднемъ вѣрованіи нусаири раздѣлились на четыре секты:

1) обожатели Неба, которые извѣстны также подъ именемъ *шималія*, т. е сѣверныхъ нусаири. Въ Небѣ они видятъ олицетвореніе мана.

2) обожатели Луны, которымъ даютъ также имя *кэлазія*— отъ основателя секты, Мухаммедъ ибнъ-Келазо.

3) обожатели Зари и

4) обожатели Воздуха.

Для всѣхъ четырехъ сектъ безъ исключенія Солнце есть олицетвореніе Мухаммеда или Исмъ.

Далѣе, звѣзды, въ ихъ вѣрованіи, являются ангелами, а млечный путь состоитъ изъ душъ умершихъ вѣрныхъ.

Пять изъ семи (за исключеніемъ солнца и луны) планетъ называются *ятимъ*, или «неразлучники»: онѣ суть проявленія Сальмана, или Баба, а сами, въ свою очередь, произвели весь матеріальный міръ Иногда эти пять проявленій разсматриваются, какъ высшіе ангелы [1]).

Таковы общія черты религіи въ оцѣнкѣ человѣка, принадлежавшаго къ ней. Мнѣ кажется, будетъ не лишено нѣкотораго интереса провести параллель между этой оцѣнкой и оцѣнкой оффиціальнаго ортодоксальнаго ислама, что возможно сдѣлать благодаря существованію одной фэтвы, выданной Таки уд-диномъ бинъ-Таимія, на вопросъ, какъ слѣдуетъ относиться къ нусаири [2]).

Вопросъ, содержанія котораго мы коснемся лишь мелькомъ, такъ какъ онъ содержитъ много подробностей, которыя здѣсь не могутъ интересовать насъ, былъ формулированъ приблизительно такъ.

Что скажутъ сапды... по поводу нусаири, которые считаютъ дозволеннымъ вино, вѣрятъ въ переселеніе душъ, въ вѣчное существованіе матеріи, отрицаютъ воскресеніе мертвыхъ и загробную жизнь? Которые говорятъ, что пять молитвъ суть только аллегорическое обозначеніе пяти именъ: Али, Хасанъ, Хусайнъ, Мухсинъ и Фатима, и что повтореніе этихъ именъ вполнѣ замѣняетъ омовеніе и молитву? Что постъ есть символъ именъ тридцати мужчинъ и тридцати женщинъ, перечисленныхъ въ ихъ священныхъ книгахъ? Которые считаютъ Али творцомъ вселенной, Богомъ на небѣ и имамомъ на землѣ? Которые принимаются въ

[1]) M. C. Huart. La poésie religieuse des Nosairis. pp. 6—11.

[2]) M. St. Guyard Le Fetwa d'Ibn Taimiyya sur ler Nosairis. pp. 25 – 43.

секту лишь послѣ клятвы не открывать никому тайны относительно исмъ и мана? Которые въ словахъ Корана находятъ объясненіе воплощенія божества? Которые въ одной изъ своихъ религіозныхъ книгъ называютъ Али Богомъ, Мухаммеда—Покровомъ (исмъ), а Сальмана—Путемъ (бабъ)? Которые называютъ Омара сатаной, а Абу Бакра и Усмана подчиненными ему дьяволами? И эта проклятая религія охватываетъ большую часть Сиріи... Можно ли дѣлать то то и то то и поступать по отношенію къ нимъ такъ то и такъ то?

На это Ибнъ-Таймія далъ отвѣтъ, который въ немногихъ словахъ можно резюмировать такъ.

Описанные выше и называемые нусаири сектанты, какъ и другія вѣтви карматитовъ, являются болѣе невѣрными, чѣмъ евреи, христіане и даже идолопоклонники Они только прикидываются шіитами, но на самомъ дѣлѣ не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ Пророка, ни въ Книгу, ни въ будущую жизнь, ни въ какую предшествовавшую религію. Вмѣстѣ съ тѣмъ они пользуются Кораномъ, чтобы, придавая словамъ его тайный смыслъ, котораго онъ не имѣетъ, строятъ на немъ свои доктрины; но цѣль ихъ—отрицаніе ислама Они говорятъ, что молитвы символизируютъ знаніе ихъ тайнъ, обязательный постъ символизируетъ тайну, въ которой надо держать ихъ секретное ученіе, паломничество въ Мекку символизируетъ ихъ визиты шейхамъ Абу Бакра и Омара они называютъ двумя руками Абу Лахаба, а Али—величайшимъ пророкомъ Они убиваютъ мусульманъ, гдѣ только можно, и однажды захватили даже черный камень, который и продержали въ плѣну много лѣтъ... Ихъ вѣрованія хуже, чѣмъ вѣрованія евреевъ, христіанъ и индійскихъ язычниковъ. Они помогаютъ христіанамъ противъ мусульманъ.. Къ нусаири примѣняется много именъ, какъ то: мулахида, исманлія, карматія, батинія, *куррамія, мухаммаръ*. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ общи имъ всѣмъ, иныя примѣняются специально къ опредѣленнымъ сектамъ... Ихъ религія—простое невѣріе, такъ какъ въ дѣйствительности они не вѣрятъ ни въ пророковъ, ни въ священныя книги; и ихъ невѣріе укладывается одинаково удобно во всякую систему...

Послѣ этого долгаго вступленія, Ибнъ Таймія даетъ уже самый отвѣтъ на вопросы, гдѣ между прочимъ говорится, что съ нусаири нельзя вступать въ бракъ, что убитыя ими животныя нечисты, что ихъ одежды и сосуды уподобляются одеждамъ и сосудамъ огнепоклонниковъ и т. д Одно изъ самыхъ пріятныхъ для Бога дѣлъ, это—священная война противъ нусаири...

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о замѣчательной въ своемъ родѣ личности, извѣстной подъ именемъ Муканна, или «покрытаго пророка».

Онъ былъ основателемъ секты *сэфидджаманъ*, т. е носящихъ бѣлую одежду. Уроженецъ Мерва, онъ служилъ подъ начальствомъ Абу Муслима, бывшаго тогда правителемъ Хорассана и сыгравшаго такую важную роль въ возведеніи на престолъ халифата аббасидовъ.

Придя въ Мавераннахръ, иначе теперешнюю Бухару и часть Туркестана, онъ объявилъ себя пророкомъ

Своимъ именемъ аль-Муканна или аль-Баркаи онъ былъ обязанъ тому обстоятельству, что вѣчно ходилъ съ закрытымъ лицомъ Одни говорятъ, что лицо его было закрыто густымъ вуалемъ, по утвержденію другихъ, его покрывала какая то маска. Его приверженцы говорили, что онъ дѣлалъ это для того, чтобы не ослѣплять людей блескомъ своего лица; другіе приводили не менѣе вѣроятное объясненіе, что лицо его было изуродовано сабельнымъ ударомъ, полученнымъ на войнѣ, и результатомъ котораго была потеря одного глаза Будучи, повидимому, знакомъ съ магіей и различными окультными науками, онъ творилъ «чудеса». Особенно умѣло онъ пользовался свѣтовыми эффектами и однажды заставилъ подняться луну въ такое время, когда ея не должно было быть, за что и получилъ прозвище «дѣлатель луны».

У него дѣлалось все болѣе и болѣе приверженцевъ, и ему стало казаться не достаточнымъ довольствоваться только пророческой миссіей. Отъ намѣренія къ дѣлу былъ одинъ шагъ, и онъ объявилъ себя божествомъ, а, такъ какъ нѣтъ ничего, во что человѣкъ при желаніи не захотѣлъ бы вѣрить, нашлись охотники повѣрить и въ его божественность.

«Муканна написалъ письма во всѣ страны и роздалъ ихъ своимъ эмиссарамъ Въ этомъ письмѣ онъ писалъ: «Во имя Бога милостиваго, милосерднаго? Я Хашимъ. сынъ Хакима, сандъ сандовъ. Такому то, сыну такого то Слава Богу, кромѣ котораго нѣтъ другого, Богу Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Іисуса, Мухаммеда и Абу Муслима Подлинно, Муканнѣ принадлежитъ сила, владычество, слава и свидѣтельство. Присоединитесь ко мнѣ и знайте, что мнѣ принадлежитъ слава и достоинство Создателя, что мнѣ принадлежитъ царство. Кромѣ меня нѣтъ другого Бога, и всякій, кто за мною послѣдуетъ, будетъ въ раю, и кто не послѣдуетъ, попадетъ въ адъ» [1]).

Онъ училъ, что Богъ принялъ человѣческую форму уже съ тѣхъ поръ, какъ приказалъ ангеламъ поклониться первому человѣку, и что съ этого времени божественная природа переходила отъ пророка къ пророку, пока не перешла къ нему [2]) отъ Абу Муслима

[1]) Мух. Наршахи. Исторія Бухары. Пер Н. Лыкошина стр 86.
[2]) Ameer Ali Spirit of islam p 298.

Слава Муканны такъ быстро увеличивалась, что это уже не на шутку начало тревожить халифа, который и отправилъ противъ него свою армію. Вскорѣ халифъ и самъ прибылъ въ Нишапуръ для подавленія смуты. движеніе приняло такіе размѣры, что существовало опасеніе. какъ бы исламъ не исчезъ совершенно, вытѣсненный вѣрою Муканны [1]. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мусульмане воевали съ Муканной и его послѣдователями. Наконецъ, послѣ продолжительной осады крѣпости, Муканна увидалъ, что для него нѣтъ спасенія, и тогда «онъ далъ ядъ въ винѣ своему семейству и всѣмъ, бывшимъ съ нимъ въ крѣпости. Когда они умерли, онъ сжегъ ихъ тѣла вмѣстѣ со всѣми запасами одежды, провизіей и скотомъ Потомъ, чтобы предупредить обнаруженіе своего тѣла, онъ бросился въ пламя или, какъ говорятъ другіе, окунулся въ цилиндръ съ азотной кислотой или какимъ либо другимъ ѣдкимъ веществомъ, которое и уничтожило его совершенно, за исключеніемъ волосъ; такъ что, когда побѣдители вошли въ крѣпость, они не нашли тамъ живого существа за исключеніемъ одной жены Муканны, которая, заподозривъ его намѣренія, спряталась, а потомъ открыла все дѣло. Тѣмъ не менѣе выдумка произвела эффектъ среди его послѣдователей, на который и разсчитывалъ лжепророкъ, такъ какъ онъ обѣщалъ имъ, что его душа переселиться въ человѣка съ сѣдой головой, который будетъ ѣздить на сѣроватомъ животномъ. и что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвратился къ нимъ и отдастъ землю въ ихъ владѣніе» [2])

По сообщенію Наршахи, секта Муканны долго оставалась въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Бухары, жители которыхъ не имѣли свѣдѣній о самомъ Муканнѣ, но продолжали держаться его вѣры. Притворяясь мусульманами, послѣдователи Муканны скрывали отъ этихъ послѣднихъ свое ученіе,-они не молятся и не держатъ поста [3])

Муканна умеръ въ 162 или 163 году (по Наршахи, въ 167). Хотя едва ли многіе раздѣлятъ мнѣніе одного французскаго автора, что «при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и при болѣе серьозномъ политическомъ тактѣ, Муканна могъ бы сдѣлаться для человѣчества столь же значительной личностью, какъ Христосъ и Мухаммедъ» [4]) но все же это была личность, мимо которой нельзя пройти не останавливаясь.

Къ разновидностямъ секты исмаилія, помимо курдистанскихъ Али-илахи, о которыхъ мы мелькомъ упомянули выше,

---

[1]) Наршахи стр 87

[2]) Sale. Preliminary Discourse p 142.

[3]) Наршахи стр. 95, 96.

[4]) C. de Rialle Memoire sur l'Asie Centrale. p 52.

относятся и припамирскіе «панджтэни», къ которымъ, надо думать, ученіе было занесено съ Аму Дарьи, долина которой въ XII вѣкѣ христіанской эры была пріютомъ доктрины Муканны [1].

«Панджтэнъ» обозначаетъ собственно «пять тѣлъ, пять особъ», подъ чѣмъ разумѣется Мухаммедъ, Али, Фатима, Хасанъ и Хусайнъ. Въ настоящее время таджикъ, желая секретно показать, что онъ принадлежитъ къ этой сектѣ, показываетъ пять пальцевъ» [2]) Изображенія руки съ разставленными пальцами часто встрѣчаются высѣченными на скалахъ и камняхъ въ Шугнанѣ и Ваханѣ. [3])

Имя панджтэни, по словамъ путешественниковъ, даютъ себѣ сами сектанты. Ихъ доктрины еще не достаточно извѣстны для того, чтобы категорическимъ образомъ можно было сказать, къ какому именно изъ развѣтвленій секты исмаилія они должны быть отнесены. [4])

Населеніе припамирья и пригиндукушья очень разнообразно въ этническомъ отношеніи. [5]). Въ религіозномъ отношеніи оно подраздѣляется на суннитовъ, шіитовъ и, будемъ говорить, исмаилія или панджтэни Послѣдніе раздѣляются на группы, во главѣ которыхъ стоятъ пиры, или старцы, духовные наставники Впрочемъ пожилой возрастъ не является обязательнымъ условіемъ для назначенія пиромъ. [6]) «Пиръ является полнымъ хозяиномъ души и тѣла своего подчиненнаго; онъ полновластный руководитель сектанта въ его духовной, семейной и гражданской жизни.. Каждый послѣдователь секты обязанъ подчиняться какому-нибудь пиру» [7]). Трудно установить, когда въ

---

[1]) C. de Ralle Memoire sur l'Asie Centrale. p 52

[2]) А. Снѣсаревъ Религія и обычаи горцевъ западнаго Памира

[3]) Бар. А Черкасовъ. Рукописныя замѣтки

[4]) Тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются здѣсь, обязаны даннымъ, добытымъ гр. А Бобринскимъ, А. Снѣсаревымъ, А Семеновымъ и бар А. Черкасовымъ. Послѣдній въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ говоритъ между прочимъ: ученіе это несомнѣнно народилось изъ исмаилизма, но отошло отъ него такъ далеко, что я положительно считаю „панджтэнъ“ особою религіею, имѣющей съ мусульманствомъ столько жо общаго, какъ и персидскій бабизмъ, т. е. почти ничего

[5]) См. Биддельфъ. Народы, населяющіе Гиндукушъ.

[6]) Въ Сеистанѣ я познакомился съ однимъ пиромъ, которому было не болѣе 30 лѣтъ.

[7]) Гр. А. Бобринскій. Секта исмаилія въ русскихъ предѣлахъ стр. 2.

странѣ появились первые пиры, но во всякомъ случаѣ это было очень давно, такъ какъ самый знаменитый пиръ Шахъ Насыръ (или Шо Носыръ, по мѣстному произношенію), болѣе извѣстный подъ именемъ Насыръ Хосрова и ведущій свой родъ отъ имама Али ар-Риза, умеръ въ 1088 году христіанской эры. Біографическія свѣдѣнія, приводимыя въ книгѣ «Ишъаръ» (или «Диванъ-и-Насыръ Хосровъ»), не отличаются достаточной ясностью и оставляютъ много темныхъ и сомнительныхъ мѣстъ. Онъ учился въ Бухарѣ много путешествовалъ, во время путешествій проникся ученіемъ секты исмаилія и сдѣлался ревностнымъ его послѣдователемъ и проповѣдникомъ. Въ Бухарѣ онъ изучалъ не только мусульманское богословіе, но и ознакомился со священными писаніями Ветхаго и Новаго Завѣта Нѣкоторое время онъ жилъ при дворѣ восьмого фатимидскаго халифа Аль Мустансира Билла. Тамъ то онъ вѣроятно и проникся идеями исмаилизма. Въ ученіи Шаха Насыра перемѣшаны доктрины чистаго ислама, ученія Христа, секты исмаилитовъ и отчасти браманизма. Къ этому народъ отъ себя прибавилъ остатки огнепоклонства и фетишизма, и въ результатѣ получился странный конгломератъ, какимъ нынѣ, по видомости, представляется религія «панджтэнъ».

«Всѣ пиры равны между собою, каждый изъ нихъ сносится непосредственно съ Ага Ханомъ Черезъ годъ черезъ два посылаются ему подарки, главнымъ образомъ деньги. Для этого снаряжается кто либо изъ жителей, иногда же одинъ изъ помощниковъ пира» [1]). Обычный размѣръ пожертвованія—десятина: такъ выродился предписанный религіей Мухаммеда налогъ въ пользу бѣдныхъ «Эта предписываемая религіей обязанность выполняется съ необыкновенной добросовѣстностью. Не только каждая десятая мѣрка хлѣба, каждый десятый кусокъ вытканнаго холста, каждый десятый ягненокъ или теленокъ, но и каждое десятое дитя передается мюридомъ своему пиру. Посвященный ребенокъ впрочемъ воспитывается въ домѣ родителей и по достиженіи совершеннолѣтія обязанъ только выполнить назначенную пиромъ работу или дать ему корову, лошадь и т. п.» [2]). Иногда дѣти отсылаются также къ Ага Хану и остаются у него нѣкоторое время въ услуженіи.

Должность пира наслѣдственная, но «пиру наслѣдуетъ не обязательно его старшій, сынъ, а наиболѣе достойный. Не достаточно быть наслѣдникомъ пира, чтобы занять его мѣсто, необходимо согласіе общества подчиненныхъ умершаго пира и утвер-

---

[1]) Гр. А. Бобринскій Секта исмаилія въ русскихъ предѣлахъ стр. 9

[2]) Бар. А. Черкасовъ. Замѣтки.

жденіе его приговора Ага Ханомъ Когда прямыхъ наслѣдниковъ у пира санда нѣтъ, то жители имѣютъ право выбрать кого-нибудь изъ его родственниковъ и просить объ утвержденіи его Ага Ханомъ. Пиры въ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть не санды такъ, Ага Ханъ можетъ утверждать пиромъ не санда, а всѣми уважаемаго муллу, по просьбѣ жителей или просто по своему личному усмотрѣнію. Ага Ханъ въ правѣ смѣщать кого-угодно и когда ему угодно» [1]) Каждый пиръ имѣетъ своихъ помощниковъ, которые называются халифа Они служатъ посредниками между мюридами и ихъ пиромъ, который не имѣетъ возможности часто видѣть всю свою паству, иногда раскиданную на довольно большемъ пространствѣ Главная обязанность этихъ халифа—собирать подаянія, предназначенныя пиру, а также отчасти справлять нѣкоторыя требы Назначаются халифа пиромъ, который выбираетъ ихъ предпочтительно изъ сандовъ. Халифа зависитъ только отъ своего пира Онъ не имѣетъ права ни судить, ни дѣлить по наслѣдству, все это лежитъ на обязанности пира [2])

Раболѣпное почитаніе пира или ишана, какъ они называются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, является наиболѣе видной и сильной формой выполненія религіозно-обрядовой стороны. Это почитаніе есть, пожалуй, та же молитва, моментъ его религіознаго подъема [3]) Такое почтеніе пира является для его мюрида его религіозной обязанностью. Пиръ для мюрида—все на свѣтѣ, онъ —признанный при жизни святой, представитель передъ Богомъ всѣхъ своихъ мюридовъ, молитвенникъ за всю свою общину и за всю же общину исполнитель всѣхъ тѣхъ религіозныхъ обязанностей, которыя ему заблагоразсудится выполнить [4]).

Что касается нравственнаго облика сектантовъ, то первой ихъ заповѣдью является—не причинять другому зла и даже отвѣчать на сдѣланное зло добромъ. Они признаютъ, что «люди должны быть, какъ братья, другъ друга не обижать. Важно быть добрымъ, честнымъ. Обряды: посты, молитвы, праздники не важны Справлять ихъ не запрещается, но все это дѣлается только для вида. Воръ, который будетъ поститься и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать свое ремесло, поступаетъ одинаково скверно, какъ и воръ, промышляющій тѣмъ же, но безъ поста. Одинаково дурно поступаетъ человѣкъ, который, съ одной стороны, грѣшитъ, съ другой, молится, надѣясь безъ раскаянія, одной молитвой, отмолить грѣхи. Человѣкъ, который согрѣшилъ, долженъ прійти

[1]) Гр А. Бобринскій. Тамъ же, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр 10.
[3]) А Снѣсаревъ Горцы западнаго Памира.
[4]) Бар А. Черкасовъ. Замѣтки.

къ пиру, искренно раскаяться, помолиться съ пиромъ, и тогда только Богъ можетъ ему простить. Для того, чтобы человѣкъ не забывалъ совершеннаго имъ грѣха, чтобы удержать его отъ подобнаго же поступка въ будущемъ, пиръ накладываетъ на него извѣстную пеню, размѣръ который сообразуется съ совершеннымъ грѣхомъ [1]). Человѣкъ, который не пожелаетъ сознаться въ совершенномъ грѣхѣ, Богомъ не будетъ прощенъ, и грѣхъ всею тяжестью ляжетъ на немъ» [2]),

Въ чемъ собственно заключается религія горцевъ припамирья? Прежде всего, «ихъ религіозная мораль въ силу клятвъ, приносимыхъ ими своимъ пирамъ, не можетъ быть открыта людямъ другой вѣры. Ихъ религія—тайная, истины же, какъ стоящія выше обычнаго обще-человѣческаго пониманія, не могутъ быть сообщены постороннимъ. Виновный въ нарушеніи молчанія по этому предмету подвергается суровому наказанію» [3]).

«Когда Насыръ Хосровъ пришелъ въ горы, то засталъ здѣсь людей разной вѣры: шіитовъ и суннитовъ. Среди нихъ онъ началъ проповѣдь свою очень осторожно; ничего не отвергалъ изъ ихъ ученія, ничего не отрицалъ. ни молитвъ, ни постовъ, ни праздниковъ, ни рая, ни ада. Съ шіитами былъ шіитъ, съ суннитами—суннитъ. Говорилъ онъ о Богѣ, о добродѣтели, объ уваженіи къ старцамъ. Болѣе близкимъ своимъ ученикамъ понемногу открывалъ истинное ученіе своей секты. Признавая молитву онъ поясняетъ, что истинная молитва заключается въ томъ, чтобы хорошо говорить, говорить чистое, помнить всегда Бога и хорошо во всемъ поступать. Не отвергая праздниковъ, говорилъ, что истинный праздникъ для послѣдователей секты—посѣщеніе своего наставника—пира, бесѣда съ нимъ, хорошій поступокъ, совершенный человѣкомъ. Не отказываясь отъ постовъ, говорилъ, что Богъ требуетъ не воздержанія желудка, а воздержанія нравственнаго, что и есть истинный постъ. Не отрицая рая и ада, онъ говорилъ, что они обрѣтаются не гдѣ нибудь на небѣ, а находятся здѣсь на землѣ, въ душѣ каждаго человѣка, у кого рай, у кого адъ, отъ человѣка зависитъ имѣть въ душѣ то или другое» [4]).

Но не всѣ пиры говорятъ согласно о раѣ и адѣ. По сло-

---

[1]) А. Снѣсаревъ, напротивъ, указываетъ, что пени не допускаются, а пиръ или заставляетъ грѣшника пѣть священныя пѣсни или бьетъ его.

[3]) Гр. А Бобринскій. Тамъ же, стр. 16, 17.

[3]) А. Семеновъ. Шугнанскіе исмаилиты. Міръ ислама 1912 г., 523, 524

[4]) Гр. А. Бобринскій Тамъ же, стр. 13

вамъ иныхъ, и это говорится преимущественно для простого народа, не посвященнаго въ тайны религіи, «рай есть мѣсто спеціальнаго присутствія Бога и представляетъ собою прекрасный садъ, полный всякихъ прелестей и неизъяснимыхъ наслажденій». Въ немъ имѣются четыре рѣки: изъ масла, молока, меду и финиковаго сока. Ангелы, пери и души пророковъ и святыхъ населяютъ рай... «Адъ находится подъ землею и представляетъ собою мѣсто полное мрака, змѣй, ящерицъ, черепахъ и всякой нечисти вообще». Злые духи, какъ: альмасти, дзу, аждахоры— не живутъ въ аду, а заселяютъ землю, чтобы терзать людей. Души праведныхъ попадаютъ въ рай и души грѣшныхъ въ адъ не сразу, а послѣ долгаго кочеванія [1]).

По ученію горцевъ, «Богъ, стоящій во главѣ всего міра, не живетъ вездѣ и всюду, потому что много есть нечистыхъ мѣстъ, недостойныхъ Его пребыванія, но Онъ можетъ быть всюду, гдѣ захочетъ. Поэтому для Него не можетъ быть опредѣленныхъ угодныхъ Ему мѣстъ, гдѣ Ему было бы особенно пріятно принимать человѣческія молитвы. Поэтому у исмаилитовъ нѣтъ храмовъ».. Никогда не видавшіе Бога люди естественно стараются Его очеловѣчить, приписывая Ему члены человѣческого тѣла. Богъ есть Всеобщій Разумъ, и человѣкъ—его малый атомъ Первая созданная Богомъ Сущность—Разумъ есть основа всего, менѣе совершенная сущность, Душа есть жизнь, одушевляющая человѣка, животныхъ и растенія Міръ есть совокупность проявленій Разума и Души. Проявленіями этихъ двухъ началъ были пророки и имамы,—первые возвѣщаютъ человѣчеству божественные законы, а вторыя руководятъ людьми въ ихъ духовномъ совершенствованіи—примѣнительно къ ученію пророка... «Происхожденіе имама божественное, невѣдомое людямъ, не могущимъ постичъ тайны вочеловѣченія одного изъ божественныхъ началъ. Божественная единая душа имама, воплощающая элементы Всеобщей Души, переселяется изъ одной личности имама въ другую. Отсюда преемственность имамата, непрерывно руководящаго на землѣ чувствами и волею людей въ духѣ исповѣдываемой ими вѣры»... У имама имѣется ближайшій помощникъ—худжджатъ (т. е доказательство), являющійся воплощеніемъ души прежняго пророка; такимъ образомъ, единеніе Разума и Души на землѣ не прекращается. Міръ никогда не остается безъ имама и теперь такимъ имамомъ является Ага Ханъ. [2]).

Вѣра въ переселеніе душъ обща всѣмъ группамъ, но разные пиры объясняютъ это различно. «Послѣ смерти человѣкъ остается живъ своею душою, которая переходитъ въ другое жи-

---

[1]) А. Семеновъ стр. 542—544.

[2]) А Семеновъ. Тамъ же стр. 534—542.

вое существо: отъ добраго человѣка въ добраго человѣка, отъ дурного человѣка душа переходитъ въ какое-нибудь животное: въ собаку, лягушку, змѣю, корову, осла, лошадь Душа вѣчна, постоянно блуждаетъ Наказанная душа, попавшая въ животное, можетъ долго терзаться, переходя изъ животнаго въ животное, пока Богъ не смилостивится и не вернетъ душу обратно въ человѣка, что Онъ можетъ сдѣлать, когда Ему угодно .. Душа найдетъ покой, когда попадетъ въ хорошаго человѣка, хорошимъ же человѣкомъ мы считаемъ того, кто не много думаетъ, не путешествуетъ, а сидитъ спокойно дома, выбравъ для него хорошее, красивое мѣсто, кто хорошо ѣстъ и чисто одѣвается» [1]) По словамъ одного пира, «въ одномъ роду одна душа Душа отца переходитъ къ сыновьямъ, причемъ пиръ пояснилъ образно, какъ понять переходъ одной души, отца, къ сыновьямъ Въ домѣ горитъ нѣсколько огней, въ очагѣ большой огонь, въ свѣтильникахъ малые, но какъ въ очагѣ, такъ и въ свѣтильникахъ свѣтится одно и то же пламя, исходящее изъ отъ одного и того же огня. Вообще душа постоянно блуждаетъ. При смерти душа переходитъ въ землю, изъ земли въ траву, изъ травы въ животное, изъ животнаго опять въ человѣка» [2])

Повидимому, душа, заслужившая рай, переходитъ изъ одного человѣка въ другого, все лучшаго и лучшало, пока наконецъ, переселившись въ святого, не попадетъ въ рай. Душа, обреченная на мученія ада, попадаетъ туда тоже не сразу, а предварительно пройдя черезъ животный, растительный и минеральный міръ.

Главная книга припамирскихъ исмаилитовъ «Ваджх-уддинъ» (т. е. лицо вѣры) или «Калям-и-пиръ» (т е слово старца) переведена Насыръ Хосровомъ на языкъ Кухистана, а другими пирами и на другіе языки. Впослѣдствіи онъ составилъ по ней болѣе легкую для пониманія книгу, называемую «Ишъаръ», т. е. возвѣщеніе. Другія священныя книги исмаилитовъ суть «Хэфтъ-бабъ» и «Умм-уль-китабъ». Возможно, что эти книги не самостоятельныя, а только передѣлка книги «Ваджх-уд-динъ», или же одна изъ нихъ есть эта именно книга, но только подъ другимъ названіемъ.

Въ книгѣ «Калям-и-пиръ» установлены три праздника: Рамазанъ, Курбанъ и Ноурузъ. «По преданію исмаилитовъ, именемъ Рамазанъ назывался верблюдъ, принадлежавшій Али. Суннитскій пиръ Омаръ укралъ его у святого и съѣлъ, но на зовъ послѣдняго Рамазанъ отозвался изъ желудка Омара. За грѣхъ пира Али наложилъ на правовѣрныхъ обязанность поститься

---

[1]) Гр. А. Бобринскій. стр. 10, 11.
[2]) Тамъ же стр 15.

ежегодно въ теченіе мѣсяца, а въ память чуда установилъ праздникъ. Впослѣдствіи Исмаилъ, учившій нравственному воздержанію, постъ уничтожилъ». [1]). Праздникъ продолжается три дня. Столько же длится и Курбанъ, установленный въ память жертвоприношенія Авраама. Ноурузъ, или новый годъ (собственно, новый день), есть праздникъ наступленія весны. [2]).

На этомъ мы пока и закончимъ очеркъ тѣхъ сектъ, которыя лишь по недоразумѣнію называются мусульманскими.

---

[1]) А. Снѣсаревъ. Горцы Памира

[2]) Болѣе подробное описаніе этихъ и другихъ праздниковъ, а равно и обычаевъ припамирскихъ исмаилитовъ интересующіеся найдутъ у А. Семенова, стр 552 – 561.

ВАГАБИТЫ.

Аравія не всегда была мусульманской страной, и въ цѣломъ она не является мусульманской страной и теперь, такъ какъ въ Іеменѣ и Иракѣ имѣются христіане и евреи, въ Багдадѣ и Басрѣ—христіане. Тѣхъ же полуязычниковъ, которые населяютъ Гадрамаутъ и изъ всей религіи ислама знаютъ лишь имя Мухаммеда, едва ли можно назвать мусульманами. 1).

Всѣ четыре ортодоксальныхъ школы ислама представлены въ Аравіи. Въ турецкихъ провинціяхъ по преимуществу ханефиты, въ Іеменѣ—главнымъ образомъ шафеиты, внутри страны малекиты и ханбалиты; къ этимъ послѣднимъ практически принадлежатъ только вагабиты да послѣдователи ордена сэнусія.

Въ Аравіи имѣются и шіиты, которые находятся главнымъ образомъ на восточномъ берегу, и кромѣ того ихъ много въ Месопотаміи.

Вагабиты являются чисто арабской сектой.

Чтобы прослѣдить развитіе, а главнымъ образомъ происхожденіе вагабизма, надо вернуться за много вѣковъ назадъ, а именно къ битвѣ при Сиффинѣ, оказавшейся дипломатическимъ пораженіемъ халифа Али и столь чреватой послѣдствіями. Измѣнившіе Али войска получили названіе *хавариджей*, т. е. отдѣлившихся мятежниковъ. Первоначально это была только группа, отдѣлившаяся отъ общенія съ другими мусульманами, а впослѣдствіи ихъ имя сдѣлалось названіемъ секты. Они не были совершенно чужды проповѣди прозелитизма и дѣйствовали главнымъ образомъ въ Іеменѣ, Хэджасѣ и среди африканскихъ берберовъ. «Хавариджи являются кальвинистами ислама. Доктрины ихъ мрачны и печальны, суровы и фанатичны. Они самымъ строгимъ образомъ вѣрятъ въ предопредѣленіе. Они не признавали имамата халифовъ послѣ Омара: ихъ собственные вожди, по ихъ ученію, являлись законными имамами. Отъ другихъ суннитовъ

---

[1]) Rev. S. M. Zwemer. The Muhammedan World of to day. p. 102.

они отличались тѣмъ, что поддерживали мнѣніе, что для избранія имамомъ не надо быть ни корайшитомъ, ни свободнымъ человѣкомъ. Рабы и не—корайшиты могли избираться наряду съ корайшитами и людьми свободнаго состоянія.. Хавариджи, съ теченіемъ времени, раздѣлились на нѣсколько группъ, важнѣйшей изъ которыхъ была Азарика (послѣдователи Абду Рашида Нафэ ибнъ-Азрака). Это была въ высшей степени обособленная и фанатическая секта, которая всѣхъ кромѣ себя считаетъ обреченными на гибель, и всѣхъ этихъ должно обратить или на путь истины или уничтожить. Вѣрованіе всѣхъ мусульманъ, что всякій ребенокъ родится мусульманиномъ, отвергалось сектой азарика.. Секта просуществовала не долго и была разсѣяна Хаджаджъ-ибнъ-Юсуфомъ И черезъ девять столѣтій приблизительно всѣ ея кровавыя и безпощадныя доктрины возродились въ вагабизмѣ. Подобно своимъ древнимъ предшественникамъ, вагибиты считали всѣхъ другихъ мусульманъ невѣрными». [1]).

Возникновеніе ученія вагабитовъ относится къ восемнадцатому столѣтію, которое почти ничего не дало для распространенія исламизма, если не считать оживившейся миссіонерской дѣятельности среди китайскихъ мусульманъ и обращенія татарскихъ племенъ, а старый ислам», между тѣмъ, подъ компрометирующимъ его главенствомъ оттоманскаго халифа вырождался все болѣе и болѣе.

При единствѣ Бога, какъ Его понимали фанатики—мусульмане, поклоненіе святымъ, повсюду начавшее практиковаться, казалось имъ идолопоклонствомъ Шіиты и сунниты наперерывъ несли свое поклоненіе въ Кербелу и Мекку съ Мединой, помимо мѣстныхъ святыхъ, недостатка въ которыхъ не чувствовала почти никакая мѣстность.. Совершеніе хаджа сулило награду въ будущей жизни и прощеніе всѣхъ грѣховъ, и вотъ, купивъ индульгенцію, даже въ оградахъ священныхъ городовъ паломники не старались сдерживать своей грѣховной разнузданности. Чаша переполнилась и реакція должна была наступить, и дѣйствительно она наступила. [2]).

Абдулъ Вахабъ со своей сектой явился живымъ протестомъ противъ идолопоклонства и суевѣрій. Онъ не давалъ новаго ученія, онъ лишь предлагалъ вернуться къ чистому исламу прежнихъ дней. Какъ мы увидимъ дальше, полученные результаты далеко не соотвѣтствовали предпринятой задачѣ — переродить весь исламъ, извращенный современными мусульманами И было бы ошибкой взваливать всю вину на ближайшія къ Абдулъ Вахабу поколѣнія. Арабы—кочевники никогда не были особенно

---

[1]) Ameer Ali. Spirit of islam. pp. 326, 327, 328.

[2]) Zwemer. The Muhammedan World of to-day. pp.103,104.

привержены къ исламу, и, если бы не твердость правленія Абу Бакра и Омара, ученіе Пророка перестало бы существовать для нихъ... Они говорили: «Религія Мухаммеда никогда не предназначалась для насъ. Она предписываетъ омовенія, и у насъ нѣтъ воды; милостыню, и у насъ нѣтъ денегъ; постъ, но мы и такъ всегда постимся; поломничество, но вѣдь Богъ повсюду» [1]). Религіозное рвеніе было очень слабо въ Аравіи.

Мухаммедъ ибнъ-Абдулъ Вахабъ былъ основателемъ секты вагабитовъ. Онъ родился въ 1691 году въ селеніи Аіна въ Надждѣ, а умеръ въ 1787 году въ сильно преклонномъ возрастѣ. Хотя и извѣстные въ исторіи подъ именемъ вагабитовъ, сами послѣдователи ученія называютъ себя *муваххидами*, или унитаріями; имя же отца основателя секты дано имъ ихъ противниками.

Мухаммедъ былъ способный и богато одаренный юноша; пройдя курсъ арабской литературы, онъ сталъ изучать право, первоначально подъ руководствомъ одного учителя ханефитской школы, а потомъ получилъ тщательное религіозное образованіе по ханбалитскому толку. Онъ посѣтилъ Мекку, Басру и Багдадъ, потомъ нѣкоторое время со своимъ отцомъ жилъ въ Хорамэла. Въ концѣ концовъ, обладая солидными познаніями, онъ возвратился, послѣ смерти отца, въ свое родное селеніе Аіна и сдѣлался тамъ религіознымъ учителемъ. Ему было очень непріятно видѣть, что арабы такъ отклонились отъ того, что для него лично было неизмѣнными указаніями Пророка Ему казалось, что въ сильно развитомъ культѣ святыхъ совершенно растворилась идея единства. Причина была проста Между тѣмъ, какъ Коранъ и преданія Спутниковъ были въ небреженіи, всѣ придавали значеніе словамъ лицъ меньшаго авторитета и охотно слѣдовали законодательству четырехъ великихъ имамовъ [2]).

Представлялось обширное поле для дѣятельности. Мухаммедъ рѣшилъ реформировать церковь ислама и вернуть людей къ вѣрности Корану и Суннѣ въ передачѣ Спутниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія. что онъ пытался честно выполнить реформу, которая была строгимъ возвращеніемъ къ первобытному исламу, но только эта реформа была уже слишкомъ радикальна. Онъ совершенно не хотѣлъ принимать въ разсчетъ, что нѣкоторая цивилизація уже проникла въ Аравію, и что десять вѣковъ измѣнили характеръ осѣдлыхъ арабовъ[3]). Кромѣ того, какъ мы

---

[1]) Dozy. L'islamisme p 257,

[2]) E. Sell. Faith of islam p 171. Klein. Religion of islam. pp. 235, 236 Zwemer. Arabia, the cradle of islam. p 192. Haines. Islam as a missionary religion pp. 169, 170.

[3]) Zwemer. Arabia. p. 193.

увидимъ дальше, вагабиты не избѣгли общей участи: почти всѣ реформы въ исламѣ приводили къ образованію новыхъ династій, и первоначальная идея основателя забывалась И въ этомъ случаѣ реформа привела къ образованію сильнаго государства, которое одно время обнимало всю центральную Аравію отъ береговъ Персидскаго залива до Краснаго моря; потомъ же его границы свелись къ одному Наджду[1]).

Сунниты неизбѣжно должны были возстать противъ новой проповѣди, которая грозила подорвать авторитетъ четырехъ имамовъ-законовѣдовъ и богослововъ ортодоксальныхъ школъ.

Это однако не пугало Мухаммеда, потому что въ себѣ онъ видѣлъ продолжителя Абу Ханифы. Когда же онъ увидалъ, что его противники покрываются именемъ Абу Ханифы, чтобы опровергать его ученіе, онъ низложилъ Абу Ханифу, высказавъ мнѣніе, что лишь Спутники Пророка могли считаться достаточнымъ авторитетомъ въ области Преданія И для этого онъ рѣшилъ создать собственную школу. Въ выполненіи его задачи ему не мало помогло его основательное знакомство съ ученіемъ ибнъ-Ханбала.

Онъ говорилъ. «Мусульманскіе паломники поклоняются могилѣ Пророка и Али и другихъ святыхъ, въ святости окончившихъ свою жизнь. Они бѣгутъ туда, чтобы отдать дань своихъ горячихъ молитвъ. И этимъ они думаютъ удовлетворить свои духовныя и временныя нужды И отъ чего они ждутъ этой благости? Отъ стѣнъ, сдѣланныхъ изъ глины и камней, отъ лежащихъ въ гробницахъ тѣлъ. Но истинный путь спасенія заключается въ поклоненіи Тому, кто вѣчно существуетъ, въ обожаніи Его, Единаго, не имѣющаго сообщника или равнаго»[2]). Такая рѣзкая рѣчь не на всѣхъ произвела одинаковое впечатлѣніе. одни сразу приняли ученіе Мухаммеда Абдулъ Вахаба. въ другихъ же она возбудила вражду къ нему. Въ числѣ послѣднихъ былъ и губернаторъ Наджда. И онъ долженъ былъ бѣжать въ Дерайя и искать покровительства у Мухаммеда ибнъ-Сауда, довольно вліятельнаго вождя, который въ 1742 году обратился въ вагабизмъ. Это былъ суровый и непреклонный человѣкъ. «Какъ лишь вы овладѣете городомъ, говорилъ онъ.—убивайте всѣхъ мужчинъ Грабьте и расхищайте все, что хотите, но щадите женщинъ и не посягайте на ихъ скромность».

Путешественникъ Борхардтъ говоритъ, что правиломъ вагабитовъ было убивать всѣхъ враговъ, которыхъ они находили съ оружіемъ въ рукахъ. Въ день боя обыкновенно вождь давалъ бумагу каждому воину, это было какъ бы проходное свидѣтель-

---

[1]) D. B Macdonald. Muslim theology p. 60.

[2]) E. Sell Faith of islam p. 172.

ство на тотъ свѣтъ: это было письмо, адресованное ангелу Ридвану, казначею рая. Письмо это вкладывалось въ маленькій мѣшочекъ, который воинъ привѣшивалъ себѣ на затылокъ. Воины были убѣждены, что души тѣхъ, которые умираютъ въ сраженіи, должны отправиться прямо на небо, не подвергаясь въ гробу допросу ангеловъ Мункара и Накира. Вдовы и сироты всѣхъ павшихъ поддерживались оставшимися въ живыхъ. Ничто не могло сопротивляться людямъ, которые, пылая рвеніемъ къ тому, что они считали истиной, получали долю добычи, если оказывались побѣдителями, и которые шли прямо въ рай, если бывали убиты[1])

Когда Мухаммедъ ибнъ-Саудъ женился на дочери Мухаммеда ибнъ-Абдулъ Вахаба, два Мухаммеда составили тѣсное сообщество, въ которомъ семейные интересы соединились съ интересами реформатора Такимъ образомъ была основана вагабитская династія, которая правила въ Рэнядѣ[2]) Для той обстановки, въ которой находился Мухаммедъ ибнъ-Саудъ, онъ можетъ считаться великимъ человѣкомъ. Хотя онъ и находился во главѣ сильнаго военнаго правительства, онъ никогда не посягалъ на законную свободу своихъ подданныхъ. Правда, что и дѣлать это было бы довольно рискованно, такъ какъ въ глазахъ вагабитовъ, этихъ независимыхъ дѣтей суровой пустыни, никто не имѣлъ права на какое-нибудь особенное отношеніе къ себѣ. и воздаваемыя вождю почести имъ казались признакомъ низости и рабства. Во время боя они соглашались повиноваться, такъ какъ они сознавали, что это единственное средство обезпечить побѣду, но, какъ только оконченъ бой, каждый вновь получаетъ свободу дѣйствія и считаетъ себя равнымъ тому, кому еще минуту тому назадъ онъ повиновался безропотно Все это понималъ Мухаммедъ и не злоупотреблялъ своей безмолвно признанной властью. Онъ, кромѣ того, не только понялъ, но и вѣрно проводилъ въ жизнь великій принципъ отдѣленія въ государствѣ судебной отъ исполнительной власти. Вагабитскіе судьи его дней славились своимъ безпристрастіемъ. казна платила имъ хорошо, и они не нуждались во взяткахъ для покупки себѣ хлѣба. Повсюду были открыты школы, и учителя посылались даже къ бедуинамъ; хотя образо-

---

[1]) E Sell. Faith of islam. p. 178.

[2]) Вагабитская династія состояла изъ: Мухаммедъ и.-Саудъ, ум. 1765, Абд-уль-Азизъ, убитъ перомъ въ 1803 г, Саудъ и. Абд-уль-Азизъ, ум. 1814, Абдулла и. Саудъ, обезглавленъ 1818, Тюрки и. Саудъ, убитъ 1834, Файзуль, ум 1865, Саудъ, ум. 1874 Абдулла, съ которымъ въ сущности и окончилась въ 1886 г. вагабитская династія.

ваніе это и было только элементарнымъ, но все же слѣды его замѣтны и въ настоящее время въ Наджде и Ямама. Первымъ результатомъ вагабитскаго ученія было то, что вокругъ него выросла двойная стѣна, внутри выложенная фанатизмомъ секты, а снаружи ненавистью къ ней всего мусульманскаго міра; и эта стѣна закрыла доступъ для проникновенія на полуостровъ цивилизаціи [1]).

Побуждаемые религіознымъ рвеніемъ и политическимъ честолюбіемъ, а еще больше привлекаемые надеждой на грабежъ, вагабиты очень быстро овладѣли почти всей Аравіей и уже угрожали сосѣднимъ пашалыкамъ Турціи и Египта. Когда Мухаммедъ Абдулъ Вахабъ со своимъ сообщникомъ захотѣлъ оживить пламя ислама въ родной Аравіи, и былъ объявленъ джихадъ противъ всѣхъ невѣрныхъ, иначе говоря противъ всѣхъ не-вагабитовъ, то первое столкновеніе съ турками произошло въ 1792 году, когда шерифъ Мекки, приведенный въ отчаяніе успѣхами реформаторовъ, занялъ по отношенію къ нимъ враждебное положеніе. Съ 1801 года вагабиты явно начали показывать свои иконоборческія тенденціи, разграбивъ Неджэфъ, священный городъ шіитовъ и возстановивъ этимъ противъ себя какъ схизматиковъ—персовъ, такъ и ортодоксалистовъ—турокъ. Въ слѣдующемъ году они отогнали отъ себя симпатіи всего мусульманскаго міра, прервавъ ежегодное паломничество въ Мекку. Вскорѣ послѣ этого въ ихъ руки попалъ и самъ священный городъ, покинутый шерифомъ Галибомъ. Въ 1810 году была взята Медина, и святотатственное разрушеніе могилы Пророка возбудило противъ вагабитовъ негодованіе всѣхъ правовѣрныхъ. Это было при третьемъ правителѣ вагабитовъ, Саудѣ бинъ-Абдулъ-Азизѣ, который роздалъ своимъ солдатамъ не только награбленныя драгоцѣнности, но даже священныя реликвіи. Это время было зенитомъ славы вагабитовъ, но дальше звѣзда ихъ счастья начинаетъ закатываться. Разграбленіе Медины вызвало нападеніе на вагабитовъ турокъ и египтянъ. Въ октябрѣ 1811 года Тусонъ-паша былъ посланъ изъ Египта, въ январѣ слѣдующаго года онъ взялъ Медину, но при Бадрѣ его войска были разбиты. Въ то же время другая армія, подъ начальствомъ Мустафы-бея, подходила къ Меккѣ и завладѣла Таифомъ. Мехеммедъ Али паша двинулся изъ Египта съ третьей арміей и напалъ на вагабитовъ въ Тарабѣ. Эта армія также понесла пораженіе, несмотря на мужество, съ какимъ боролся находившійся подъ командой Мехеммеда Али Ибрагимъ-паша, шотландскій ренегатъ Томасъ Кейтъ, который и былъ убитъ. Хотя въ 1813 году Мекка и Медина были отвоеваны тур-

[1]) O. Houdas L'islamisme. p. 266. Zwemer. Muhammedan World. pp. 107, 108.

ками, но силъ у тѣхъ хватило лишь на то, чтобы удержать кое-какъ за собою эти города, предпринимать же какія-либо дѣйствія противъ вагабитовъ они не могли, и тѣ пользовались относительнымъ спокойствіемъ [1]).

Разрушенію подвергались почти всѣ гробницы святыхъ, которыхъ было не мало въ разныхъ городахъ Аравіи. Разрушеніе куполовъ мечетей и могилъ святыхъ было любимымъ занятіемъ вагабитовъ. «Когда это разрушаютъ, говорили они, —Богъ милостивъ къ тѣмъ, кто разрушаетъ, а не къ тѣмъ, кто построилъ ихъ»[2]). Четки и амулеты, шелковое платье и трубки были предаваемы огню, такъ какъ куреньс считалось смертельнымъ грѣхомъ.

По этому поводу Палыгрэвъ[3]) разсказываетъ интересную исторію. «Абдулъ Кэримъ сказалъ: «первый изъ большихъ грѣховъ есть возданіе божескихъ почестей человѣческимъ существамъ».—Конечно, отвѣтилъ я, — громадность этого грѣха внѣ всякихъ сомнѣній. Но, если есть первый то есть и второй,— какой онъ?—«Куренье постыднаго зелья», былъ отвѣтъ безъ размышленія.—А убійство, прелюбодѣяніе, лжесвидѣтельство? спросилъ я.—«Богъ милостивъ и исполненъ прощенія, отвѣтилъ мой другъ,—и это все—просто маленькіе грѣхи».

До того времени, пока Мекка не попала въ руки вагабитовъ, тамъ никогда не замѣчали никакой особенной наружной набожности, но въ это время было нѣчто невѣроятное: поклонники толпами стекались къ мечети; нѣкоторыхъ насильно гнали для совершенія положенныхъ молитвъ. Трубка сдѣлалась величайшей рѣдкостью, и одна женщина, захваченная за куреньемъ «постыднаго зелья», была посажена на осла и такъ провезена по всѣмъ улицамъ города; на затылкѣ у нея была привязана большая зеленая трубка. «Такимъ образомъ всѣ распущенные мужчины и женщины были свидѣтелями послѣдствій дурныхъ дѣяній».

Религіозное міровоззрѣніе вагабитовъ отличается отъ ученія ортодоксальныхъ мусульманъ въ слѣдующемъ:

1) Они не признаютъ догматическихъ рѣшеній четырехъ имамовъ, отрицаютъ *иджма*, т. е. единодушное рѣшеніе націи, и считаютъ за собою право частнаго сужденія въ толкованіи Корана.

2) Ихъ монотеизмъ абсолютенъ, и они въ высшей степени

---

[1]) Stobart. Islam. p. 202. Haines. Islam as a miss. rel. p. 171. Zwemer. Arabia. p. 196. E Sell. Faith of islam. p. 178.

[2]) E. Sell Fssays on islam p. 179.

[3]) Palgrave. Central and Eastern Arabia. v II. p. 10.

фаталисты, являясь крайними предопредѣленцами не хуже хавариджей. Молитвы во имя пророковъ или святыхъ не допускаются.

3) Несмотря на свое строгое понятіе единобожія, они являются носителями идей антропоморфизма, такъ какъ выраженія «дѣйствовать» «говорить» и т п по отношенію къ Богу они принимаютъ въ положительномъ смыслѣ

4) Тогда какъ ортодоксальные мусульмане считаютъ, что у Мухаммеда есть власть предстательствовать за вѣрныхъ передъ Богомъ во всякое время, вагабиты признаютъ за нимъ это право лишь въ день страшнаго суда.

5) Украшеніе могилъ и ихъ посѣщеніе ни въ коемъ случаѣ не должно имѣть мѣста.

6) Подобно шіитамъ, они обвиняютъ халифа Усмана въ томъ, что онъ выкинулъ изъ Корана нѣкоторыя мѣста

7) Въ календарномъ году они соблюдаютъ лишь четыре праздника, не признавая праздниковъ рекомендуемыхъ.

8) Они запрещаютъ употребленіе четокъ.

9) Они требуютъ, чтобы одежда была проста,—не должно носить ни шелка, ни украшеній.

10) Одуряющіе и опьяняющіе напитки воспрещены, равно какъ и табакъ, которому они приписываютъ сатанинское происхожденіе.

11) Мечети должны строиться какъ можно проще, безъ всякихъ украшеній и безъ куполовъ.

12) Джихадъ является основной доктриной секты [1]).

По своему характеру вагабизмъ является не только реакціонернымъ, но прямо ретроградным. Но, если бы доктрины вагабизма не были утрированы, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего явилось ханжество, весьма возможно, что сектѣ предстоялъ громадный успѣхъ и великая будущность, такъ какъ она должна была оживить духъ исламизма, сдѣлать его активнымъ и дать ему потерянное давно единство.

Эти пуритане—унитарии задумали вернуть исламу его первоначальную форму—какъ въ вѣрованіи, такъ и культѣ. Въ ихъ глазахъ, Мухаммедъ не имѣетъ права на какое-нибудь особенное поклоненіе. Правда, они признаютъ, что Богъ далъ ему особенную миссію, но, какъ только эта миссія была окончена, то Мухаммедъ сдѣлался лишь простымъ мусульманиномъ, какъ всѣ прочіе, и онъ долженъ былъ войти въ тѣ ряды, изъ которыхъ

[1]) E Sell. Faith of islam pp. 105, 48, 40, 95, 106, 107. D. B Macdonald. Muslim theology pp. 283 – 285. Zwemer. Arabia p. 193 Klein. Religion of islam p 237. Wollaston. Religion of Koran p. 22.

онъ вышелъ только для того, чтобы организовать войну противъ невѣрныхъ. Вопреки ихъ внѣшнему ригоризму, мусульманскіе пуритане нѣсколько своеобразно обращаются съ извѣстными религіозными принципами: если они запрещаютъ нѣкоторыя вещи, какъ употребленіе табаку и кофе, подъ тѣмъ предлогомъ, что они совершенно запрещены Кораномъ, они не задумываются отдавать деньги въ ростъ, даже за лихвенные проценты, хотя по этому поводу Коранъ высказывается еще яснѣе. Эта особенность впрочемъ объясняется довольно просто презираемые своими ортодоксальными единовѣрцами, порою преслѣдуемые ими, ваґабиты часто испытывали величайшія затрудненія въ заработкѣ насущнаго хлѣба. И вотъ пришлось прибѣгать къ мало рекомендуемымъ канонами правиламъ, чего они вѣроятно избѣжали бы при другихъ обстоятельствахъ. Помимо того, они часто уходили изъ Аравіи, чтобы на чужбинѣ достать то, въ чемъ оказывается имъ родная страна [1]).

Итакъ, удержавъ за собою обладаніе священными городами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ваґабиты были выгнаны оттуда турками, которые нанесли имъ окончательное пораженіе въ битвѣ при Бюсселѣ въ 1814 году. Взятый въ плѣнъ вождь ваґабитовъ Абдулла ибнъ-Саудъ былъ отвезенъ въ Константинополь и впослѣдствіи, въ 1818 году, казненъ; сыну его Тюрки удалось бѣжать въ Рэйядъ, гдѣ онъ потомъ былъ убитъ [2]).

На нѣкоторое время Наджд сдѣлался египетской провинціей, но въ 1824 году ваґабиты возстали подъ предводительствомъ Тюрки ибнъ-Сауда Возстаніе продолжалось довольно долго съ перемѣннымъ успѣхомъ Въ 1834 году ваґабиты потеряли своего вождя, и ему наслѣдовалъ его сынъ Файзуль, бывшій нѣкоторое время плѣнникомъ въ Каирѣ, и въ это время Наджд снова управлялся египтянами. Файзуль вырвался изъ заключенія и сдѣлался фактическимъ эмиромъ въ 1842 году. Въ 1865 году онъ умеръ, и наслѣдство его стали оспаривать два его сына: Абдулла и Саудъ; первый былъ ханжа, а второй сравнительно либеральный человѣкъ. Наконецъ Саудъ сдѣлался эмиромъ. Абдулла въ 1871 году вступилъ въ сношенія съ Мидхадъ-пашой, тогда генералъ-губернаторомъ Багдада, и былъ назначенъ каймакамомъ Наджда. Фактически занять этотъ постъ Абдуллѣ не удалось. Немного погодя Мидхадъ паша низложилъ всю фамилію и выпустилъ прокламацію, въ которой объявлялъ, что въ Наджд будетъ назначенъ турецкій губернаторъ Этотъ проектъ осуществить не удалось, такъ какъ въ 1872 году Саудъ вернулся въ Рэйядъ, гдѣ и оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ

---

[1]) O Houdas. L'islamisme p. 267.

[2]) Zwemer. Arabia p. 198. E. Sell Faish of islam p. 179.

1874 году. Тогда эмиромъ сдѣлался Абдулла. Мидхадъ паша хотѣлъ воспользоваться выгодой положенія, напомнилъ Абдуллѣ о полученной имъ въ тяжелую минуту нравственной поддержкѣ и предложилъ ему править отъ имени турецкаго правительства, но Абдулла отказался отъ этого предложенія, находя его невыгоднымъ для себя. Трудно сказать, выгадалъ ли онъ что-нибудь отъ это проблематической независимости, такъ какъ внѣ Рэйяда онъ не пользовался почти никакимъ вліяніемъ.

Въ настоящее время сила вагабитовъ въ Аравіи сводится на нѣтъ, но изъ этого не должно заключать, что новая вспышка фататизма, новая реформа не можетъ имѣть тамъ мѣста.

Вагабизмъ не сосредоточивается исключительно въ Аравіи, —онъ перешелъ въ Индію и на Малайскій архипелагъ. Былъ моментъ, когда онъ былъ радостно встрѣченъ въ Индіи, но потомъ, когда разглядѣли, какую политическую опасность онъ заключаетъ въ себѣ, къ нему сначали относиться очень опасливо. Такъ какъ основной доктриной этой секты является джихадъ, то конечно она не можетъ быть особенно пріятна для индійскаго правительства, которое едва успѣваетъ управляться съ мѣстными возстаніями, непрерывно и регулярно вспыхивающими въ разныхъ мѣстахъ, страннымъ образомъ противорѣча оффиціальнымъ заявленіямъ правительства о любви и преданности мѣстнаго населенія

Вождемъ вагабитскаго движенія въ Индіи былъ нѣкій Саидъ Ахмадъ, родившійся въ 1786 году. Первоначальную извѣстность онъ получилъ въ качествѣ бандита. Потомъ у него явилось желаніе изучать богословіе, и, наконецъ, онъ выступилъ въ качествѣ реформата. Вскорѣ уже онъ собралъ довольно много учениковъ, первоначально среди рахилла, а потомъ въ Калькуттѣ и Бомбеѣ. Своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ онъ избралъ Патну. Для поддержанія своей общины онъ взималъ опредѣленный налогъ съ торговыхъ прибылей. Его помощниками были четыре вице-регента и высшее духовное лицо, по имени Мухаммедъ Хусаинъ. Въ 1822 году онъ отправился на богомолье въ Мекку, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ. По возвращеніи, въ 1816 году, пропитанный вагабитскими идеями, онъ сталъ проповѣдывать джихадъ противъ сикховъ, за пораженіемъ которыхъ должно было слѣдовать пораженіе всѣхъ невѣрныхъ-отъ Афганистана до Китая. Къ нему очень скоро присоединились патаны и горцы сѣверо-западной границы Панджаба. Джихадъ былъ начатъ 21 декабря 1826 года, но столкновеніе съ храбрыми и дисциплинированными сикхами было безуспѣшно. Саидъ Ахмадъ, по видимому, не пріобрѣлъ даже довѣрія мусульманъ этой области, такъ

какъ мусульманскій губернаторъ Пешавера пытался отравить его.

Черезъ пять лѣтъ послѣ начала джихада вагабиты неожиданно подверглись нападенію сикховъ подъ предводительствомъ Ширъ Синга, и Саидъ Ахмедъ былъ убитъ. Это однако не сдѣлалось препятствіемъ для распространенія принциповъ вагабизма, такъ какъ ему посчастливилось оставить послѣ себя фанатическаго ученика

Этотъ ученикъ, Мухаммедъ Исмаилъ родился близъ Дэли въ 1781 году. Еще въ ранней юности онъ встрѣтился съ Саидъ Ахмадомъ, который вскорѣ уже пріобрѣлъ громадное вліяніе на своего новаго ученика. Однажды вечеромъ Мухаммедъ сказалъ своему учителю, что онъ никакъ не можетъ сосредоточиться во время молитвы. Саидъ взялъ его къ себѣ въ комнату и научилъ его сперва повторять молитвы за нимъ, а потомъ одному заканчивать ихъ Тотъ такъ и сдѣлалъ и получилъ черезъ нѣкоторое время способность совершенно сосредоточиваться въ созерцаніи Бога· такъ онъ оставался на молитвѣ до самаго утра. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался самымъ искреннимъ приверженцемъ своего духовнаго учителя. На публичныхъ диспутахъ, которые часто имѣли мѣсто, никто не могъ сравниться съ Исмаиломъ. Этотъ ярый проповѣдникъ вагабизма сохранилъ по себѣ память главнымъ образомъ благодаря большому труду «таквіят-уль-иманъ». который можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія доктрины вагабизма Онъ является, съ одной стороны, возмущеніемъ противъ позднѣйшихъ системъ преданія, но ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что вагабиты отрицаютъ Преданіе. Они признаютъ шесть сборниковъ хадисовъ, или мухаддисовъ. а именно. Бухари, Муслима, Абу Дауда, Тирмизи, Насаи и Ибнъ-Маджа Борхардтъ говоритъ: «Коранъ и Преданія Мухаммеда признаются, какъ основа, вмѣщающая въ себѣ законы; мнѣнія лучшихъ комментаторовъ уважаются, хотя и не обязательно слѣдовать имъ». Итакъ, значитъ, они признаютъ, во-первыхъ, основаніемъ вѣры Коранъ; во-вторыхъ, преданія, освященныя авторитетомъ Спутниковъ Пророка... Для вагабитовъ Мухаммедъ является совершеннѣйшимъ путеводителемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ. [1])

Когда Саидъ Ахмадъ умеръ, идея джихада не умерла вмѣстѣ съ нимъ Два изъ его вице-регентовъ-Инайятъ и Велайятъ Али-проповѣдывали его съ такимъ жаромъ, что съ 1850 по 1857 годъ противъ этихъ фанатиковъ было ведено 16 пограничныхъ войнъ. Колонія вагабитовъ Ситтана въ 1857 году была

---

[1]) E Sell Faith of islam pp. 176, 95. Haines. Islam as a missionary religion. p. 191.

разрушена англичанами, но вскорѣ они опять подняли голову, и полное разрушеніе, на этотъ разъ окончательное, послѣдовало лишь въ 1863 году.

Послѣдователи Ахмада проповѣдывали, что онъ былъ пророкъ, и что онъ не умеръ, и вербовали все новыхъ и новыхъ учениковъ, что все время поддерживало секту несмотря на кровопролитныя войны, уносившія много жертвъ.

Реформа Ахмада имѣла цѣлью очистить исламъ отъ индусскихъ наслоеній, образовавшихся за 800-лѣтнее тѣсное общеніе. Наслоенія эти выражались главнымъ образомъ въ языческихъ обрядахъ во время свадебъ, похоронъ, процессій и т. п., равно какъ въ поклоненіи святымъ и ангеламъ, что было, можетъ быть, и слѣдствіемъ шіитскаго вліянія.

Чтобы принудить правовѣрныхъ сражаться, Ахмадъ прибѣгалъ къ тѣмъ же мѣрамъ, что и его арабскій коллега. Апостолы Патны, неутомимые въ своемъ рвеніи и ведшіе примѣрную жизнь, пользовались удивительнымъ успѣхомъ: частью обращеній они были обязаны дѣйствительному религіозному пробужденію, частью -ненависти къ иностранцамъ. Фанатическія толпы были отправляемы въ лагерь возставшихъ, и наиболѣе обѣщающіе изъ новообращенныхъ выбирались и обучались для миссіонерства. Сэръ В. Хентеръ, [1]), весьма сочувственно отзывается объ этихъ миссіонерахъ, какъ о забывающихъ себя и людямъ духа, и они въ дѣйствительности и теперь таковы-какъ въ Дэли, такъ и въ другихъ мѣстахъ «Они не проповѣдываютъ предательство, говоритъ онъ,-но доктрины, которыя ведутъ къ нему. Несчастье въ томъ, что реформа ислама не можетъ быть отдѣлена отъ возмущенія противъ правящей власти: возвращеніе къ исламу Мухаммеда обозначаетъ возмущеніе противъ всего не-мусульманскаго. А разъ это такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые изъ самыхъ рьяныхъ миссіонеровъ взываютъ къ мятежнымъ истинктамъ своихъ слушателей».

Далѣе тотъ же авторъ говоритъ, что секта распространилась въ Индіи благодаря четыремъ факторамъ.

1) подпольной литературѣ,
2) главной квартирѣ секты въ Патнѣ,
3) миссіонерамъ и
4) лагерю мятежниковъ въ Бенгаліи.

Интересна исторія одного изъ обращенныхъ, нѣкоего Мунши Джафара. До 1856 года онъ былъ писцомъ и сочинителемъ прошеній. Потомъ онъ обратился въ вагабитскую вѣру. Полагая, что его профессія противна этой религіи, онъ присоединился къ возставшимъ въ 1857 году и вернулся къ своимъ занятіямъ

---

[1]) Sir. W. Hunter. Our Indian Mussulmans.

лишь послѣ паденія Дэли. Онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и осужденъ.

Вагабитскіе миссіонеры дѣйствуютъ въ Индіи и по настоящее время.

Вагабитское движеніе нашло для себя поле дѣйствія также на Малайскихъ островахъ. Нѣсколько хаджи, бывшихъ въ Меккѣ въ 1803 году, когда городъ былъ во владѣніи вагабитовъ, вернулись назадъ пропитанные фанатическимъ ученіемъ и образовали на Суматрѣ секту, извѣстную подъ именемъ *падрисъ*. Проповѣдь этой секты проста: соблюдать правила Корана и Преданія. Ослушникамъ же этого, почти единственнаго, приказанія грозитъ строгое наказаніе-вплоть до смертной казни... Объявленіе священной войны привело ихъ къ столкновенію съ голландцами, и ученію былъ нанесенъ смертельный ударъ... [1]).

Мы видимъ, что повсюду, гдѣ были вагабиты, вліяніе ихъ потеряно, ихъ былое могущество значительно уменьшилось; но они не уничтожены, и ихъ фанатизмъ такъ же непримиримъ, какъ и прежде.

Какъ уже было сказано, вагабизмъ далеко не является движеніемъ впередъ, такъ какъ представляетъ возвращеніе къ первоначальнымъ принципамъ,—возвращаясь назадъ, онъ еще крѣпче связываетъ узы ислама. Онъ не производитъ ничего новаго, онъ не предлагаетъ отдыха отъ той системы, которая на Коранъ и на Преданія смотритъ какъ на полный и совершенный законъ — соціальный и политическій, нравственный и религіозный. [2]).

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе нѣкоторые пункты доктрины вагабитовъ.

На выдающееся мѣсто вагабиты ставятъ доктрину единства. Правда, что и всѣ мусульманскія секты ставятъ эту доктрину на первое мѣсто, но вагабиты возстаютъ противъ практики, общей другимъ сектамъ, такъ какъ она, по ихъ мнѣнію, только затемняетъ доктрину Это то именно и приводило ихъ къ столкновенію съ другими мусульманами. Величайшимъ грѣхомъ считается *ширкъ*, т. е. многобожіе. Тотъ, кто исповѣдываетъ многобожіе, называется *мушрикъ*.

Всѣ мусульмане считаютъ христіанъ многобожниками, а вагабиты считаютъ таковыми же и всѣхъ мусульманъ, потому что они прибѣгаютъ къ посредничеству Пророка, молятся святымъ, посѣщаютъ могилы и совершаютъ другіе беззаконные поступки.

Таквіятъ-уль-иманъ [3]) говоритъ, что «въ религіи необходи-

---

[1]) Haines Islam as a missionary religion. p.p. 191-196.

[2]) E. Sell. Faith of islam. p 176.

[3]) Loc. cit. E. Sell. Faith of islam pp. 177—182.

мы двѣ вещи: знать Бога какъ Бога и Пророка какъ пророка». Двумя главными основаніями вѣры являются доктрина тавхида т. е. единства, и повиновеніе Преданію. Два великія заблужденія, которыхъ должно избѣгать, суть ширкъ и бидъа, т. е. нововведеніе, ересь.

Ширкъ бываетъ четырехъ родовъ:

1) ширкъ-уль-ильмъ, приписывающій знаніе инымъ, чѣмъ Богу.

2) ширкъ-ут-тасарруфъ, причисывающій власть другимъ, чѣмъ Богу.

3) ширкъ-уль-ибадатъ — поклоненіе созданіямъ и существамъ и

4) ширкъ-уль-адатъ — исполненіе церемоній, которыя влекутъ упованіе на другихъ, кромѣ Бога.

Первый видъ ширка, ширкъ-уль-ильмъ, поясняется положеніемъ, что пророки и святые люди знаютъ о тайныхъ вещахъ лишь столько, сколько это имъ открыто Богомъ. Такъ, нѣсколько дурныхъ людей выступили съ обвиненіемъ противъ Айши. Пророкъ былъ смущенъ въ душѣ, но не зналъ истины до тѣхъ поръ, пока Богъ не открылъ ея ему. Такимъ образомъ, приписывать подобную силу предсказателямъ, астрологамъ или святымъ есть многобожіе.

Второй видъ ширка, ширкъ-ут-тасарруфъ состоитъ въ предположеніи, что кто либо можетъ оказывать вліяніе на Бога. Тотъ, кто смотритъ на кого-либо, какъ на посредника съ Богомъ, совершаетъ ширкъ. «Что же касается тѣхъ, которые помимо Бога берутъ себѣ иныхъ покровителей, говоря: «мы будемъ имъ поклоняться лишь для того, чтобы они приблизили насъ къ Богу, то о предметѣ споровъ ихъ (съ правовѣрными) Господь обсудитъ и произнесетъ свой приговоръ» (Сура 39, ст. 4). Посредничество можетъ быть трехъ родовъ Напримѣръ, преступникъ находится передъ государемъ. Министръ заступается. Государь, принимая во вниманіе рангъ министра, прощаетъ преступника Это называется «шафаат-уль-ваджахатъ». Но предполагать, что Богъ можетъ обратить вниманіе на чей-нибудь санъ до такой степени, чтобы простить грѣхъ, уже является родомъ ширкъ. Также, напримѣръ, государыня или принцъ заступаются за преступника, и государь, изъ любви къ нимъ, прощаетъ его. Это называется «шафаат-уль-мухаббатъ». Но предполагать, что Богъ любитъ кого-нибудь настолько, чтобы простить преступника, значило бы приписывать этому любимому силу, а это уже есть ширкъ, такъ какъ такая сила невозможна при дворѣ Бога. Богъ, по добротѣ Своей, можетъ давать Своимъ слугамъ эпитеты «хабибъ», т. е. любимый, или «халиль», т. е. другъ, но всетаки слуга остается слугой, и никто не можетъ перешагнуть черезъ предѣлы рабст-

ва или же подняться выше ранга слуги. Наконецъ, самъ государь можетъ желать простить преступника, но онъ опасается, чтобы этимъ не было унижено величіе закона Министръ замѣчаетъ желаніе государя и вступается, что вполнѣ законно. Это называется «шафаатъ-биль изнъ», и такую власть Мухаммедъ будетъ имѣть въ день страшнаго суда Вагабиты считаютъ, что теперь онъ не имѣетъ этой власти, хотя всѣ другіе мусульмане за нимъ эту власть признаютъ и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія вагабитовъ, совершаютъ ширкъ-ут-тассарруфъ. Въ подтвержденіе этого взгляда вагабиты приводятъ слѣдующія слова: «... Кто можетъ предстательствовать передъ Нимъ, если на то не будетъ Его собственной воли?» (Сура 2-я, ст. 256). «Скажи: предстательство принадлежитъ исключительно Богу; у Него власть надъ небесами и надъ землею; вы всѣ будете приведены обратно къ Нему» (Сура 39-я, ст. 45). «Еще разъ спрашиваю, кто научитъ тебя, что такое день возмездія? Это день, когда ни одна душа не въ состояніи будетъ ничего сдѣлать для другой; вся власть надъ этимъ днемъ будетъ у Бога» (Сура 82-я, ст. 18, 19). «И не принесетъ имъ пользы ничье предстательство, если только Богъ не дастъ кому-либо на это полномочія» (Сура 34-я, ст. 22).

Они также говорятъ, что, хотя въ Коранѣ (Сура 3-я, ст. 40) и преданіяхъ сдѣланъ намекъ на предстательство нѣкоторыхъ пророковъ и апостоловъ, но «это именно и говорится о такомъ предстательствѣ, а не о какомъ-либо другомъ».

Третій видъ ширка заключается въ поклоненіи созданнымъ существамъ и созданіе изъ этого поклоненія культа Такъ, «паденіе ницъ, поклоны, стояніе съ поднятыми руками, подаяніе милостыни во имя какого-либо лица, постъ изъ уваженія къ его памяти, хожденіе къ отдаленнымъ гробницамъ для поклоненія и призываніе имени святого во время дороги есть ширкъ-уль-ибадатъ». Неправильно, говорятъ они, покрывать могилу плитой, произносить молитвы у гробницы, цѣловать какой-нибудь особенный камень и тереться губами и грудью о стѣны гробницы.

Это есть суровое осужденіе очень распространеннаго обычая посѣщать могилы святыхъ, а также нѣкоторыхъ обрядовъ во время паломничества въ Мекку. Всѣ подобныя обрядности для вагабитовъ являются ширкомъ.

Они приводятъ слѣдующее преданіе, имѣющееся въ сборникѣ Бухари, чтобы показать, что паломничества должны совершаться лишь въ три мѣста: паломники должны ходить лишь въ три мечети—въ Меккѣ, Мединѣ и Іерусалимѣ.

Четвертый видъ ширка состоитъ въ принятіи суевѣрныхъ обычаевъ какъ «истихра», т. е. исканіе указаній по четкамъ, что очень распространено среди мусульманъ, вѣра въ предзнаменo-

ванія, хорошія или дурныя, вѣра въ счастливые или несчастные дни, принятіе такихъ именъ, какъ Абд-ун-наби (т. е рабъ пророка), и тому подобныхъ. Осужденіе такихъ обрядностей приводитъ вагабитовъ къ ежедневнымъ столкновеніямъ съ другими сектами, такъ какъ едва ли у какого-нибудь народа имѣется такая глубокая вѣра въ силу четокъ и въ могущество астрологовъ, какъ у мусульманъ.

Разница между первымъ и четвертымъ видомъ ширка заключается въ томъ, что первый есть собственно вѣра въ предсказателей, а четвертый-обычай совѣщаться съ ними. Клясться именемъ Пророка, Али, имамовъ или пировъ (т. е духовныхъ руководителей) значитъ воздавать имъ честь, принадлежащую одному только Богу.

Другое общее вѣрованіе, противъ котораго возстаютъ вагабиты, заключается въ томъ, что мусульмане могутъ совершать хаджъ, молиться, читать Коранъ, углубляться въ размышленія, подавать милостыню и творить другія добрыя дѣла-съ цѣлью, чтобы награда за это была дана уже умершему лицу. Это показываетъ, насколько строго вагабиты проводятъ идею единства Бога. Нѣтъ бога кромѣ Бога, это-вѣчная истина. Для мусульманина «Богъ-очень отдаленное существо. Отрицая отечество Бога, онъ избралъ предметомъ своего поклоненія существо деспотическое во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, произвольное во всѣхъ своихъ путяхъ. Вмѣсто положенія сына онъ принялъ положеніе раба» [1]).

Пальгрэвъ, который хорошо зналъ вагабитовъ, говоритъ:

«Нѣтъ бога кромѣ Бога»-слова, обозначающія, что нѣтъ божества, кромѣ единаго. такъ они очевидно думаютъ по-арабски, но они приписываютъ этому еще большее значеніе. Ихъ полный смыслъ заключается не только въ полномъ и неограниченномъ отрицаніи всякой множественности какъ въ природѣ, такъ и въ лицѣ Верховнаго Существа; не только въ установленіи единства Нерождающаго и Нерожденнаго, во всемъ простомъ и несообщаемомъ единствѣ, но кромѣ этого слова-по-арабски и среди арабовъ-обозначаютъ, что это Высшее Существо есть единственный Агентъ, единственная Сила, единственное Дѣйствіе, существующее во вселенной; и оставляютъ всѣмъ другимъ существамъ -матеріальнымъ и духовнымъ лишь безусловную пассивность-какъ въ состояніи движенія, такъ и въ состояніи покоя, въ дѣйствіи или въ спокойномъ состояніи. Здѣсь въ одной фразѣ заключается цѣлая система, которую, за неимѣніемъ лучшаго имени, пусть мнѣ будетъ позволено назвать «Пантеизмомъ Силы». Богъ единъ въ цѣлости всемогущаго и вездѣсущаго дѣйствія,

---

[1]) E. Sell. Faith of Islam. p. 180.

которое не признаетъ другого правила, образца или границы кромѣ единственной и абсолютной воли.

«Онъ не сообщаетъ ничего своимъ созданіямъ, и въ обмѣнъ Онъ ничего не получаетъ отъ нихъ. Это его особенное удовлетвореніе-постоянно давать созданнымъ существамъ чувствовать, что они не больше, чѣмъ его рабы, чтобы они лучше могли признать Его превосходство. Онъ самъ, безплодный въ своей чеприступной высотѣ, ничего не любящій, не радующійся ничему, кромѣ собственнаго и самомѣрнаго рѣшенія, безъ сына, товарища или совѣтника, Онъ для самого себя не меньше безплоденъ, чѣмъ для своихъ созданій; и Его собственная безплодность и безмолвный эгоизмъ въ немъ самомъ-причина и правило его безразличнаго, ни на что не обращающаго вниманія, деспотизма» [1])

Палыгрэвъ допускаетъ, что такое понятіе о божествѣ чудовищно, но онъ поддерживаетъ, что это есть «вѣрнѣйшее зеркало мысли и цѣли написавшаго Книгу», (т. е. Коранъ), и что, какъ таковое, это подтверждается подлиннымъ преданіемъ и учеными комментаріями, знакомствомъ съ литературой и общеніемъ съ народомъ Люди лучше своихъ вѣрованій. Даже пророкъ не всегда былъ твердъ. Но основная идея всего, это описанная выше, и изъ нея нельзя вывести никакой системы, которая, съ теченіемъ вѣковъ, росла бы въ изяществѣ и красотѣ. Арабская пословица говоритъ, что «поклоняющійся передѣлываетъ себя на манеръ того, кому онъ поклоняется» Такимъ образомъ, возвращеніе къ первоначальнымъ принципамъ, иногда провозглашаемое какъ надежда Турціи, является «только толканіемъ назадъ часовой стрѣлки ислама» къ тому мѣсту, гдѣ въ дѣйствительности Мухаммедъ думалъ ее остановить, такъ какъ Палыгрэвъ въ продолженіи цитированнаго мѣста говоритъ. «Исламъ въ своей сущности неподвиженъ и былъ созданъ, чтобы такимъ остаться. Безплодный, какъ его Богъ, безжизненный, какъ его первый принципъ, и высшее начало во всемъ, что составляетъ истинную жизнь, такъ какъ жизнь есть любовь, участіе въ прогрессѣ, и изъ этого ничѣмъ не обладаетъ кораническое Божество,-онъ просто на просто гонитъ отъ себя всякое измѣненіе, всякое движеніе впередъ, всякое развитіе» [2])

Мухаммедъ ибнъ-Абдулъ Вахабъ былъ человѣкъ большой умственной силы и доблести. Онъ могъ проникнуть черезъ мглу тысячи лѣтъ и видѣть орлинымъ окомъ, какъ та или другая секта допускала приращеніе къ исповѣдываніе вѣры. Онъ имѣлъ рѣдкій даръ умозаключенія и могъ видѣть, что это нововведеніе

---

[1]) Palgrave Central and Eastern Arabia p.p. 365, 366. v. I.

[2]) E. Sell. Faith of Islam. p. 182

и прогрессъ были чужды истинѣ. Эта способность должна быть признана за нимъ Но что за печальная идея была стараться, поклоняясь буквѣ, остановить всякую надежду на прогрессъ и сдѣлать отправную точку ислама его тюрьмой». [1])

Никто не можетъ сомнѣваться, что онъ поступалъ, какъ мусульманинъ, но тотъ, кто дѣйствительно изучалъ исламъ, не можетъ вѣрить, что его трудъ даетъ какую-нибудь надежду на поднятіе ислама въ просвѣтленной формѣ.

Вагабизмъ просто сводится къ тому, что, объявляя всѣхъ другихъ мусульманъ многобожниками, онъ со всей энергіей поддерживаетъ сунну Пророка. Онъ сноситъ прочь всѣ гробницы, но настаиваетъ на необходимости совершать паломничество къ черному камню Каабы. Онъ запрещаетъ употребленіе четокъ, но видитъ величайшую заслугу въ перечисленіи 99 именъ Бога на пальцахъ. Это грозило невозможностью ужиться съ другими. Изученіе изящныхъ искусствъ, за исключеніемъ архитектуры, не можетъ найти мѣста въ жизни. Исмаилъ цитируетъ и поддерживаетъ слѣдующее преданіе· «Аиша сказала: «я купила коверъ, на которомъ было нѣсколько фигуръ. Пророкъ стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ съ неудовольствіемъ. Я сказала· «о, Пророкъ Бога! я раскаиваюсь передъ Богомъ и Его вѣстникомъ: какой грѣхъ я совершила, что ты не входишь?» Пророкъ отвѣтилъ: «что это за коверъ?» Я сказала· «я купила его, чтобы ты сидѣлъ и отдыхалъ на немъ» Посланникъ Бога отвѣтилъ: «Истинно, живописцы будутъ наказаны въ день воскресенія, когда Богу будетъ угодно привести ихъ къ жизни. Домъ, въ которомъ есть изображеніе, не посѣщается ангелами». Въ одномъ преданіи, приводимомъ Ибнъ-Аббасомъ, Пророкъ помѣщаетъ артистовъ вмѣстѣ съ убійцами и отцеубійцами. Вагабизмъ одобряетъ все это и, такимъ образомъ, запрещая безвредное удовольствіе, онъ долженъ сдѣлать общество организованнымъ лицемеромъ. Такимъ образомъ, онъ неминуемо распространяетъ духъ презрѣнія ко всему человѣчеству, за исключеніемъ своихъ послѣдователей, и тамъ, гдѣ онъ имѣетъ силу, онъ навязываетъ свои убѣжденія другимъ при помощи меча.

Вагабизмъ явился совершенно односторонней реформой; въ исторіи ислама были попытки на реформы въ другомъ направленіи, будутъ и другія подобныя попытки, но до тѣхъ поръ, пока Коранъ и Сунна продолжаютъ составлять, какъ это было до сихъ поръ для всѣхъ сектъ, единственный законъ, регулирующій всѣ условія и положенія жизни, просвѣщенный и длительный прогрессъ невозможенъ. Всѣ мусульмане вовсе не представляютъ одно сердце и одну душу, и, несмотря на простую фор-

[1]) Idem p. 182

му исповѣданія, исламъ—очень сложная догматическая система[1]).

Вагабитское движеніе обратило на себя самое серьозное вниманіе, и ему производилась оцѣнка съ разныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вагабизмъ способствовалъ трудамъ христіанскихъ миссій. «Исламъ въ первобытной формѣ ближе къ истинѣ, чѣмъ исламъ съ придачей суевѣрій и наслоеній позднѣйшаго времени Коранъ гораздо легче можетъ быть сдѣланъ нашимъ союзникомъ въ борьбѣ за Евангеліе, чѣмъ толкованія четырехъ имамовъ.. Вагабизмъ является сильнымъ аргументомъ за то, что исламъ, даже реформированный въ смыслѣ первоначальныхъ принциповъ и обрядовъ, не имѣетъ силы спасти народъ или ввести постоянный прогрессъ»[2])

Даже на тѣхъ сектахъ, которыя не примкнули къ вагабизму, все же отразился его суровый фанатизмъ. Такому вліянію, какъ мы уже видѣли, подвергалась секта сэнусія, наиболѣе суровый изъ всѣхъ монашествующихъ орденовъ исламизма.

Тѣ деспотическіе пріемы, къ которымъ прибѣгалъ вагабизмъ для насажденія истинной вѣры, заключали въ себѣ болѣе разрушительной, чѣмъ созидательной работы, и по этому одному уже онъ не могъ получить полнаго наслѣдства Пророка: если арабское населеніе, въ особенности кочевники, выказывали приверженность реформаторамъ, то это было не истины, а страха ради. Равнодушные къ религіи, они могли бы сдѣлаться искренними приверженцами новаго ученія, но реформа касалась не только религіи, а самаго дорогого для нихъ—ихъ обычаевъ. Что же изъ того, что эти обычаи были довольно близки къ язычеству,—они прекрасно мирили ихъ съ религіей Мухаммеда, которую они и терпѣли отчасти за то, что она не особенно вмѣшивалась въ ихъ внутреннюю жизнь.

Для массы вся реформа сводилась къ запрещенію посѣщать могилы, пить вино и кофе и курить табакъ; что же касалось всего остального, нравственный законъ вагабитовъ не былъ особенно строгъ, такъ какъ «Господь былъ милостивъ» и конечно охотно прощалъ такіе пустяки, какъ убійство. Тѣ, кому приходилось жить среди вагабитовъ и наблюдать ихъ быть, говорятъ, что наряду съ ханжествомъ царила самая дикая распущенность нравовъ.

Если политически вагабизмъ теперь палъ, то въ духовномъ отношеніи онъ не прошелъ совершенно безслѣдно, и нѣкоторые слѣды его остались на всемъ исламѣ[3]): вовсе не желая слѣдовать утрированнымъ требованіямъ секты, мусульмане не могли

---

[1]) E. Sell Faith of islam pp. 183, 184

[2]) Zwemer. The Muhammedan World of to-day. p. 109.

[3]) D. B Macdonald. Muslim theology p. 61.

не почувствовать, что въ корнѣ многія изъ этихъ требованій имѣли серьозное основаніе, и они старались нѣсколько подтянуться Но вагабизмъ сдѣлалъ уже все, что онъ могъ сдѣлать, а потеря политической силы лишаетъ его возможности произвести новое дѣйствіе. Всѣ стремленія къ возстановленію первоначальнаго ислама должны падать, такъ какъ цѣль этого стремленія---возстановленіе вселенскаго халифата, а этого безъ значительной политической силы достигнуть нельзя.

«Паденіе вагабизма въ качествѣ политической системы есть лишь часть общаго паденія силы мусульманскихъ націй въ теченіе прошлаго столѣтія. Европа завладѣла странами ислама, существующія же независимыя мусульманскія государства остались далеко позади всѣхъ націй міра въ предпримчивости и цивилизаціи; и сохраненіемъ своего существованія они обязаны лишь политическому соперничеству сосѣдей»)1.

Въ настоящее время въ Индіи существуетъ еще новое ученіе, извѣстное также подъ именемъ «ахмадіійя», но стоящее отдѣльно отъ одноименной секты, о которой мы говорили выше

«Основатель секты ахмадіійя, какъ она сама называетъ себя, Мирза Гулямъ Ахмадъ, изъ Кадіана, въ Панджабѣ, связалъ ее со своимъ открытіемъ, что дѣйствительная могила Іисуса находится на улицѣ Канжаръ въ Срингарѣ, близъ Кашмира, и тожественна съ могилой неизвѣстнаго святого Юс-Асафа, вѣроятно, буддійскаго происхожденія. Іисусъ, утверждаетъ онъ, спасся отъ преслѣдователей въ Іерусалимѣ и въ своихъ странствованіяхъ по Востоку зашелъ сюда и здѣсь умеръ. Этимъ опирающимся на литиратурныя свидѣтельства открытіемъ Гулямъ Ахмадъ желаетъ опровергнуть какъ христіанскія, такъ и исламическія преданія относительно воскресенія Іисуса. Онъ самъ Іисусъ «въ духѣ и въ силѣ», Мессія, явившійся въ седьмое тысячелѣтіе міра, и въ то же время ожидаемый мусульманами махди

«По смыслу исламическихъ преданій, Богъ для укрѣпленія вѣры въ началѣ каждаго столѣтія посылаетъ человѣка, обновляющаго религію ислама. Сунниты и шіиты усердно высчитываютъ число людей, которые могутъ быть признаны обновителями для каждаго отдѣльнаго столѣтія. Послѣднимъ изъ этихъ людей будетъ самъ Махди. Притязаніе на этотъ санъ и заявляетъ Ахмадъ, какъ посланный Богомъ въ началѣ XIV столѣтія (отъ геджры) обновитель религіи. Этимъ двойнымъ притязаніемъ— быть вновь явившимся Іисусомъ и махди, къ чему для инду-

---

1) E. Sell. Islam, its rise and progress p 78.

совъ онъ присоединятъ еще, что онъ «аватаръ» [1]), онъ не только желаетъ выразить, что онъ—не только воплощеніе надеждъ ислама на его будущій міровой тріумфъ, но и хочетъ отлицетворить свою универсальную миссію по отношенію ко всему человѣчеству»

«Какъ особенности его ученія, надо отмѣтить, что проповѣдь его является проповѣдью мира Онъ вычеркиваетъ джихадъ изъ обязанностей мусульманина и внушаетъ своимъ приверженцамъ миръ и терпѣніе, онъ осуждаетъ фанатизмъ и стремится возбудить въ своихъ сторонникахъ настроеніе болѣе благожелательное къ пріобрѣтеніямъ культуры Въ символѣ вѣры, выработанномъ имъ для своей общины, большое значеніе придается этическимъ добродѣтелямъ мусульманина. Онъ стремится къ возрожденію человѣчества посредствомъ укрѣпленія вѣры въ Бога и освобожденія отъ узъ грѣха. Но всетаки онъ требуетъ при этомъ соблюденія главнѣйшихъ обязанностей мусульманина. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ ссылается на Ветхій и Новый Завѣтъ, на Коранъ и на достойные довѣрія хадисы. Онъ хочетъ быть по внѣшности всегда въ согласіи съ Кораномъ, и, наоборотъ, онъ настроенъ очень скептически по отношенію къ преданіямъ, достовѣрность которыхъ онъ критически провѣряетъ. Отсюда проистекаютъ нѣкоторыя отклоненія отъ формальной стороны ортодоксальнаго ислама, поскольку онъ основанъ на хадисѣ» [2]).

---

[1]) Или „аватара", т. е., по миѳологіи индусовъ, воплощеніе божества въ человѣкѣ и иногда въ нѣкоторыхъ животныхъ, какъ черепаха.

[2]) И. Гольціэръ. Лекціи объ исламѣ стр 268—270, въ выдержкахъ.

БАБЪ и БАБИДЫ [1]).

Глава первая.

Бабъ и его исторія и сподвижники.

Сэндъ Али Мухаммедъ родился въ Ширазѣ перваго мухаррама 1236 года [2]) въ купеческой семьѣ.

Отецъ его, Сэндъ Мухаммедъ Риза умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ Сирота былъ принятъ на воспитаніе дядей съ материнской стороны, Ага Сэндомъ Али, и подъ его наблюденіемъ сталъ заниматься торговлей, какъ только возрастъ позволилъ ему это.

Дядя Баба разсказывалъ про его дѣтство не мало чуднаго. Началось съ того, что уже «въ моментъ рожденія онъ воскликнулъ: «царство принадлежитъ Богу» Въ дѣтствѣ они послали его брать уроки у Шейха Абида, совершеннаго ученаго и благочестивой жизни человѣка, который былъ однимъ изъ учениковъ Шейха Ахмада Ахсаи, а впослѣдствіи горячо увѣровалъ въ Баба. У него было нѣсколько излюбленныхъ разсказовъ о дѣтствѣ Баба. Вотъ одинъ изъ нихъ. «Въ первый разъ, когда его привели ко мнѣ въ школу, я написалъ для него алфавитъ, чтобы онъ училъ, какъ это всегда съ дѣтьми. Немного погодя, вышелъ по дѣлу. При возвращеніи, когда я приближался къ комнатѣ, я услыхалъ, какъ кто то нѣжнымъ и жалобнымъ голосомъ читаетъ Коранъ. Повергнутый въ изумленіе, я вошелъ въ комнату и спросилъ,

---

[1]) Размѣры книги не позволяютъ говорить о сектѣ бабидовъ съ такой подробностью, какъ это хотѣлось бы. Интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ эти подробности въ трудахъ барона Розена, Мирзы Казем Бека, Брауна, Никола и др

[2]) E Browne. Traveller's Narrative указываетъ дату 1-го мухаррама 1235 г., что соотвѣтствовало 20 октября 1819 года.

кто читалъ Коранъ. Другія дѣти, показывая на Баба, отвѣтили: «вотъ онъ». Я спросилъ того: «вы читали Коранъ»? Онъ молчалъ. «Для васъ лучше читать персидскія книги», сказалъ я, кладя передъ нимъ «хакк-уль-якинъ». Я видѣлъ, что, на какой страницѣ ни открывалъ я книгу, онъ могъ читать свободно. «Вы читали по-персидски, сказалъ я,—почитайте теперь немного по-арабски; это будетъ лучше».

«Говоря это, я положилъ передъ нимъ «шарх-и-амсила». Когда я началъ объяснять значеніе Бисмилля ученикамъ обычнымъ образомъ, онъ спросилъ: «почему слово *рахманъ* обнимаетъ и вѣрныхъ и невѣрныхъ, тогда какъ слово *рахимъ* примѣняется только къ вѣрнымъ?» Я отвѣтилъ: «на этотъ счетъ у мудрыхъ людей имѣется правило, что расширеніе формы влечетъ за собою расширеніе смысла, а слово *рахманъ* содержитъ одною буквою больше, чѣмъ слово *рахимъ* Онъ сказалъ. «или это правило ошибочно, или же то преданіе, которое вы приписываете Али, ложь» «Какое преданіе?» спросилъ я. Преданіе о томъ, отвѣтилъ онъ, — что Царь Святости (то есть Али) сказалъ «смыслъ всѣхъ священныхъ книгъ заключается въ Коранѣ, и смыслъ всего Корана заключается въ сурѣ Фатиха, и смыслъ всей суры Фатиха—въ Бисмилля, и весь смыслъ Бисмилля—въ начальной буквѣ Б. и смыслъ буквы Б—въ точкѣ (подъ этой бумвой), а точка—необъяснима» Слыша, что онъ разсуждаетъ такъ тонко, я въ изумленіи молчалъ и отослалъ его назадъ домой. Его почтенная бабушка пришла къ двери. Я сказалъ ей: «я не могу взять на себя обученіе этого молодого человѣка», и подробно разсказалъ ей, что произошло. Обращаясь къ нему, она сказала. «перестанешь ли ты говорить такимъ образомъ? Какое тебѣ дѣло до этихъ вопросовъ? Ступай и учи свои уроки». «Хорошо», отвѣтилъ онъ, пришелъ и началъ учить свой урокъ, какъ и другіе мальчики. Онъ также началъ съ азбуки, хотя я и настаивалъ, чтобы онъ не дѣлалъ этого Однажды я увидалъ, что онъ говоритъ что то шепотомъ сидящему около него мальчику, но, когда я захотѣлъ прислушаться, онъ замолчалъ. Тогда я сдѣлалъ видъ, что не обращаю вниманія на то, что онъ говоритъ, хотя въ дѣйствительности я внимательно слушалъ, и я услышалъ, какъ онъ сказалъ другому мальчику. «я такъ легокъ, что, если бы я захотѣлъ, я могъ бы летать надъ Тономъ (Бога), хочешь, я полечу?» Съ этими словами онъ сдѣлалъ движеніе отъ земли. Когда онъ сказалъ «хочешь, я полечу» и сдѣлалъ это движеніе, я въ изумленіи и восхищеніи улыбнулся, и онъ тотчасъ же пересталъ говорить. Точно также, раньше чѣмъ онъ началъ упражнятся въ письмѣ, онъ, какъ я замѣтилъ, ежедневно приносилъ съ собой пеналъ и что то писалъ. Я подумалъ про себя. «онъ видитъ, что другіе мальчики пишутъ, и, желая

тоже писать, онъ проводитъ линіи подобно имъ и ставитъ каракули на бумагѣ». Нѣсколько дней онъ продолжалъ дѣлать такъ, и однажды я взялъ у него бумагу, чтобы посмотрѣть, что онъ дѣлалъ. Взглянувъ на нее, я дѣйствительно увидалъ, что онъ написалъ что то. Удивляясь, какимъ образомъ онъ могъ писать, не практиковавшись въ этомъ, я сталъ разсматривать написанное, и нашелъ, что это было разсужденіе на тему о тайнѣ и знаніи Божественнаго Единства, написанное прекраснѣйшимъ и самымъ краснорѣчивымъ стилемъ, и было столь глубокомысленно, что даже тончайшій умъ не проникъ бы вполнѣ въ его смыслъ». Ага Сэндъ Яхья и Джэнаб-и-Азимъ (Мулла Шейхъ Али) видѣли это писанье у вышесказаннаго Шейха Абида и говорили, что оно содержало приблизительно четыре тысячи стиховъ, которые ничѣмъ не отличались отъ написанныхъ послѣ Проявленія.

«Такимъ образомъ, уже въ дѣтствѣ Баба были очевидны знаки его святости, величія и высокаго ранга»[1])

Съ раннихъ лѣтъ Али Мухаммедъ отличался скромностью и благочестіемъ, которое скоро обратилось въ особую любовь къ рѣшенію религіозныхъ вопросовъ. Въ возрастѣ девятнадцати лѣтъ онъ написалъ уже свое первое богословское сочиненіе Съ этихъ поръ онъ собственно и начинаетъ обращать на себя вниманіе.

Въ это время онъ, по порученію дяди, былъ въ Буширѣ Тамъ, какъ указываютъ современные ему писатели, религіозное рвеніе его достигло высокихъ предѣловъ, и онъ всячески изнурялъ свою плоть. Для однихъ—образъ его жизни казался просто благочестіемъ, другіе видѣли въ немъ безумие, но никто не хотѣлъ сомнѣваться въ его искренности.

Суровый климатъ Бушира не могъ не отозваться на слабомъ здоровьѣ Али Мухаммеда, и, пробывъ тамъ около года, онъ возвратился въ Ширазъ, куда уже успѣла проникнуть слава о немъ. Въ Ширазѣ онъ пробылъ недолго и оттуда отправился совершать паломничество къ святымъ мѣстамъ, чтобы посѣтить Кербелу и много другихъ святыхъ имамовъ.

Въ святыхъ мѣстахъ въ то время находился Мулла Садыкъ, впослѣдствіи получившій извѣстность подъ именемъ Мукаддасъ Хоросани, т. е. Хорасанскій Святой Вотъ какъ онъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Али Мухаммедомъ.

«Однажды я вошелъ въ мечеть Исповѣдника Вѣры и тамъ увидалъ молодого человѣка, погруженнаго въ глубокое размышленіе: у него былъ такой видъ, его благочестіе столь явно и очевидно, текшія изъ его глазъ слезы столь искренни, что я почувствовалъ, какъ меня неудержимо влечетъ къ нему. Не желая однако нарушать его благочестиваго настроенія, и усѣлся въ

[1]) E Browne. Tarikh-i-djadid pp. 262—264.

углу и сталъ дожидаться окончанія его молитвы. Чѣмъ больше я глядѣлъ на него, тѣмъ больше меня побѣждалъ его благородный видъ, его скромное поведеніе, и что то, казалось мнѣ, исходящее изъ всего него.

«Наконецъ онъ вышелъ, и я послѣдовалъ за нимъ: слуга, котораго, какъ я послѣ узналъ, звали Мубаракъ, подалъ ему обувь, и они удалились: какой то ложный стыдъ удержалъ меня отъ разспросовъ ихъ. Я всетаки замѣтилъ часъ, въ который это происходило, и рѣшилъ на другой день вернуться въ то же время, чтобы объясниться.

«Какъ я и ожидалъ, я засталъ его погруженнымъ въ благочестивыя размышленія. впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, было еще сильнѣе, чѣмъ наканунѣ.

«Какъ только онъ окончилъ, я приблизился къ нему со словами: «я имѣю поговорить съ вами». Но онъ мнѣ отвѣтилъ только знакомъ, который я истолковалъ въ смыслѣ отказа.

«Пристыженный такимъ пріемомъ, одновременно съ нимъ я вышелъ изъ священнаго мѣста; но, лишь только мы вышли наружу, какъ онъ позвалъ меня и просилъ меня извинить его за то, что онъ не отвѣтилъ на мои вопросъ: онъ считаетъ мечеть слишкомъ священнымъ мѣстомъ для того, чтобы въ ней можно было думать о чемъ нибудь кромѣ Божества

«Онъ сказалъ это такъ привѣтливо и вѣжливо, что я вновь былъ совершенно побѣжденъ: забывъ о легкомъ неудовольствіи, которое на мгновеніе вошло въ мое сердце, я попросилъ его, въ качествѣ соотечественника и паломника, сдѣлать мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ въ одну изъ пятницъ.—Въ этотъ день, сказалъ я,—нашъ святой учитель Сэидъ Каземъ Рэшти дѣлаетъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, и я былъ бы очень счастливъ, если бы вы услыхали его.

« — Какое счастье и какая радость для того, кто посѣщаетъ собраніе, въ которомъ упоминается о высочайшемъ свѣтѣ Бога», отвѣтилъ онъ.

«Это произошло во вторникъ. Въ слѣдующую пятницу Сэидъ Каземъ, по своему обыкновенію, пришелъ ко мнѣ въ сопровожденіи всѣхъ своихъ учениковъ. Молитва уже началась, и мы услышали моленія, произнесенныя съ кафедры Муллой Мухаммедъ Багиромъ, мѣсто котораго потомъ занялъ Мулла Хусайнъ Бушруэи: онъ развивалъ съ кафедры взгляды на мученичество имама Хусайна, когда вошелъ Сэидъ Али Мухаммедъ.

«Я былъ очень удивленъ, видя, что Сэидъ Каземъ Рэшти поднялся тотчасъ же, какъ увидѣлъ того входящимъ. Всѣ присутствующіе конечно послѣдовали его примѣру: это былъ знакъ вѣжливости, весьма обычный въ Персіи, но который былъ сразу замѣченъ, какъ идущій въ разрѣзъ со всѣми привычками

учителя, не замѣчавшаго никогда приходящихъ во время проповѣди, будь это даже лица весьма высокопоставленныя и могущественныя.

«Даже Мулла Хусайнъ Бушруэи смутился и прервалъ свою проповѣдь.

«Тотъ же, кто вызвалъ такое сильное волненіе, казалось, не замѣчалъ его, и скромно усѣлся у входа въ комнату.

«Сэидъ Казем пригласилъ его сѣсть выше, но молодой человѣкъ отказался и остался на выбранномъ имъ мѣстѣ.

«Когда смущеніе улеглось, Сэидъ Казем Рэшти приказалъ Муллѣ Хусаину прочесть нѣсколько стиховъ изъ Шейха Ахмада Ахсаи. Тотъ повиновался, и эти стихи вызвали слезы у Али Мухаммеда Его волненіе сообщилось всему собранію, и оно стало плакать

«Когда окончилась благочестивая практика, присутствующимъ принесли чай и шербетъ, но Сэидъ Али Мухаммедъ отказался взять что-либо

«Наконецъ Сэидъ Казем поднялся, чтобы уходить, и за нимъ послѣдовали всѣ присутствующіе. Мы остались одни съ молодымъ ширазцемъ. Я попросилъ его тогда занять мѣсто, болѣе соотвѣтствующее его рангу. онъ поднялся и безъ размышленія усѣлся на мѣсто, которое передъ тѣмъ занималъ Сэидъ Казем Я съ нимъ долго бесѣдовалъ, желая сдѣлать его послѣдователемъ ученія *шейхи*. я говорилъ ему объ ученіи двухъ нашихъ учителей (т. е. Шейхъ Ахмадъ Ахсаи и Сэидъ Казем Рэшти),—я пытался убѣдить его и привлечь въ нашу секту, но онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ Наконецъ онъ поднялся, попрощался и ушелъ.

«Прошли три дня, и я еще разъ встрѣтилъ молодого сэида у гробницы имама Хусаина. На этотъ разъ онъ обратился ко мнѣ со словами: «пріѣхалъ мой дядя,—не хотите ли навѣстить его?»

«Я отправился туда вечеромъ, встрѣтилъ тамъ много народу, такъ какъ собрались всѣ наши соотечественники, чтобы, по обычаю, привѣтствовать вновь прибывшаго.

«Сэидъ Али усадилъ меня рядомъ съ собой, между тѣмъ какъ его племянникъ, сидя за самоваромъ, наливалъ чай гостямъ своего дяди.

«Тутъ я узналъ, что Сэидъ Али прибылъ въ Кербелу какъ ради совершенія паломничества, такъ и затѣмъ, чтоы увезти съ собой племянника въ Ширазъ.

«Я всячески хвалилъ ему молодого человѣка и высказалъ ему, что я и думаю дѣйствительно, что никогда мнѣ не приходилось видѣть никого, кто бы соединялъ въ себѣ такія блестящія и солидныя качества ума и сердца. «Это правда, отвѣтилъ

мнѣ старикъ.—мой племянникъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ, но для насъ стыдно, что онъ отказывается изучать богословіе и науки; онъ не хочетъ учиться, и такъ какъ здѣсь онъ ничего не дѣлаетъ, я не хочу больше оставлять его здѣсь».

«Все еще желая сдѣлать изъ Сэндъ Али Мухаммеда шейхи, я долго спорилъ съ его дядей и наконецъ обѣщалъ ему, что употреблю все мое вліяніе для того, чтобы заставить его учиться и регулярно посѣщать занятія.

«Вслѣдствіе моихъ просьбъ и обѣщаній Сэндъ Али согласился сдѣлать опытъ, и, окончивъ свое паломничество, онъ возвратился въ Ширазъ, оставивъ своего племянника въ Кербелѣ.

«Вопреки даннымъ мною обѣщаніямъ, я не могъ рѣшиться дѣлать замѣчанія молодому человѣку, который лишь однажды показался на лекціи Сэндъ Казема Вопреки всему, я чувствовалъ робость передъ нимъ. какъ я ни упрекалъ себя за то, что не сдержалъ слова. но, будучи останавливаемъ необъяснимой робостью, я не могъ выполнить принятой на себя роли.

«Однажды я узналъ, что онъ отправился въ Ширазъ, и мало по малу я пересталъ думать о немъ». 1).

Какъ ни мало, повидимому, Али Мухаммедъ удѣлялъ времени ученію, но въ Ширазъ онъ возвратился уже шейхи, т. е. послѣдователемъ ученія двухъ шейховъ, о чемъ онъ самъ неоднократно заявлялъ, называя Казема Рэшти своимъ почтеннымъ учителемъ. Дальше мы остановимся подробно на этомъ ученіи, пока же скажемъ только о томъ, что принадлежность къ этой школѣ могла быть замѣчена наружнымъ образомъ, такъ какъ, по ученію шейхи, поклоненіе гробницамъ святыхъ совершалось иначе, чѣмъ это предписано имамами.

Шейхъ Сэндъ Каземъ, отправляясь въ годъ своей смерти (1259—1843) на богомолье, предчувствовалъ свою кончину, о чемъ и сказалъ своимъ ученикамъ. Онъ сказалъ имъ, что онъ уходитъ, а за нимъ взойдетъ абсолютная Истина, что было намекомъ на появленіе Махди.

Послѣ смерти Казема Рэшти, его ученики выждали сорокадневный срокъ траура и потомъ отправились искать замѣстителя ему. Трое изъ отправившихся на поиски Истины, были связаны узами неразрывной дружбы Это были: Мулла Хусайнъ Бушруэи, Мулла Мухаммедъ Садыкъ Мукаддасъ Хорасани и Мулла Али Гоухаръ.

Сэндъ Али въ это время былъ въ Ширазѣ и, такъ сказать, суммировалъ впечатлѣнія своего пребыванія въ Кербелѣ При природной набожности, его чуткое и правдивая натура не хотѣла примириться съ поведеніемъ религіозныхъ предводителей массъ—муллъ и муджтахидовъ. Истамъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ

---

[1]) A. L. M. Nicolas. Le Bab. pp 191-195.

былъ, представлялся ему гибнущей религіей, и лишь коренная реформа, хотя бы и съ рискомъ неминуемой смуты, могла спасти народъ и вернуть его на указанный Пророкомъ путь. Авторъ Тарих-и-джадидъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, не жалѣетъ красокъ, чтобы изобразить шіитское духовенство въ истинномъ свѣтѣ. Пропитанные до мозга костей ложью, улемы, по его словамъ, не ограничиваются обманомъ людей и попираніемъ ихъ правъ,—они пытаются обманывать даже самого Бога. Онъ говоритъ, что народъ самъ по себѣ способенъ къ прогрессу, но, чтобы сохранить за собою неограниченную власть надъ нимъ, улемы умышленно толкаютъ его на ложный путь

Рѣшившись на борьбу, Сэидъ Али Мухаммедъ долженъ былъ сознавать какъ громадность предпринимаемой имъ задачи, такъ и опасность которой онъ подвергалъ себя и своихъ послѣдователей. Эта борьба была тѣмъ идейнымъ порывомъ, когда человѣкъ смѣло идетъ на надвигающійся призракъ смерти, потому что такъ нужно, потому что иначе нельзя; потому что кровь его должна полить ту землю, на которой взойдутъ брошенныя имъ сѣмена. Рѣшеніе это было принято, и ничто уже не могло остановить его

«Въ ночь на 5-е джумади-ал-ахыръ 1260 года, въ два часа и пять минутъ по полуночи (11 іюля 1844 года), умоляя въ послѣдній разъ Всевышняго указать ему, что онъ долженъ сдѣлать, онъ воскликнулъ. «Богъ создалъ меня, чтобы научить этихъ невѣрующихъ людей и чтобы спасти ихъ отъ заблужденія, въ которое они погружены»[1]).

Однако не въ этотъ день началась его божественная миссія, о началѣ которой есть указаніе въ Китаб-уль-харемэйнъ, а именно 15 раби-аль-авваль 1844 года[2]).

Съ этихъ поръ онъ сжегъ свои корабли: онъ объявилъ себя Бабомъ, т. е. Дверью, ведущей къ познанію божественныхъ истинъ. Онъ возстановилъ также утвержденіе оффиціальной теологіи, по который, послѣ смерти Мухаммеда и 12 имамовъ, дверь божественнаго знанія была закрыта, и человѣчество, не не имѣя никого, чтобы совѣщаніемъ пріобрѣсти точное знаніе божественныхъ тайнъ, было вынуждено довольствоваться лишь вѣроятностями. Онъ объявилъ, что эта Дверь снова открыта, что онъ самъ былъ этой Дверью, и что, если кто либо хотѣлъ получить точныя знанія относительно божественной природы, лишь долженъ былъ обратиться къ нему.

«Бабъ приводитъ знаменитый хадисъ Муфаззаля, который

---

[1]) A. L. M. Nicolas Le Bab. pp. 204.
[2]) Idem. p. 204

является однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ истинности его миссіи. Въ Коранѣ (сура 32-я, ст. 4) сказано: «Богъ сводитъ дѣла (міра) съ неба на землю, потомъ все возвращается къ Нему въ одинъ день, продолжительность котораго равняется тысячѣ годамъ нашего счисленія». Съ другой стороны, послѣдній имамъ исчезъ въ 260 году геджры, и съ этого момента пророческое проявленіе окончилось, и «дверь знанія закрылась». Итакъ, Муфаззаль спросилъ имама Ас-Садыка относительно законовъ появленія Махди, и имамъ отвѣтилъ ему. «онъ появится въ шестидесятомъ году, и имя его будетъ возвышенно». Это означаетъ—въ 1260 году, который именно и является годомъ проявленія Баба»[1]).

Другое преданіе говоритъ: «Я городъ знанія, и Али дверь его». По ученію шіитовъ, двѣнадцать имамовъ преемственно были этой дверью. По исчезновеніи 12-го дверь закрылась, и люди могли узнавать относительную истину лишь изъ толкованій муджтахидовъ. Объявивъ себя Махди, Бабъ тѣмъ самымъ объявилъ себя и Дверью божественнаго знанія Однако Махди долженъ распространить по лицу всей земли ученіе Корана,— кто же тотъ новый, явившійся съ новой книгой и новымъ ученіемъ? спрашиваютъ шіиты. Съ другой стороны, широкое понятіе ислама не должно ограничиваться религіей Мухаммеда, который былъ лишь однимъ изъ пророковъ правовѣрія, говорятъ защитники божественной миссіи Баба Какъ Христосъ, не отмѣняя Библіи, сказалъ новое въ Евангеліи, какъ, по ученію мусульманъ, Коранъ исправилъ Библію и Евангеліе, - почему новая книга не могла, въ свою очередь, сыграть той же корректирующей роли по отношенію къ Корану? Тотъ, кто говоритъ, что въ Коранѣ все сказано, не говоритъ ли этимъ, что мудрость Бога ограничена? И вотъ Богъ, черезъ Баба, посылаетъ новые стихи, и Бабъ называетъ себя Словомъ Божіимъ, говоритъ, что одинъ его стихъ больше, чѣмъ всѣ стихи Корана. Здѣсь мы сталкиваемся съ нѣкоторой тайной. Сэидъ Али Мухаммедъ, какъ говоритъ исторія, и какъ то подтверждалъ онъ самъ, по-арабски не зналъ почти ничего, такъ какъ изучилъ лишь основы грамматики. Но онъ оставилъ нѣсколько сочиненій на этомъ языкѣ, и сочиненій, написанныхъ, по отзывамъ знатоковъ, блестящимъ языкомъ. Это факты, и ихъ надо объяснить Шіиты говорятъ, что Бабъ имѣлъ сотрудниковъ, которые писали сказанное имъ Но это совершенно невѣрно, такъ какъ тѣ же шіиты удостовѣряютъ, что были случаи, когда Сэидъ Али писалъ толкованія на стихи Корана собственной рукой и въ присутствіи диспутантовъ. Бабиды объясняютъ это просто—богодуховностью его писаній:

---

[1]) A. L. M. Nicolas. Le Bab. p. 369.

если Богу угодно было сказать Свое слово, Онъ далъ необходимыя знанія выбранному Имъ источнику. И древніе пророки благовѣствовали на чуждыхъ имъ языкахъ, и Мухаммедъ былъ неграмотнымъ и необразованнымъ человѣкомъ. Такъ это для людей, вѣрующихъ въ Баба, -другіе же не находятъ никакого отвѣта на этотъ необъяснимый фактъ. Здѣсь вопросъ не въ основательности того или другого мнѣнія, здѣсь важно отмѣтить то, что для бабидовъ Сэндъ Али является пророкомъ, устами котораго глаголетъ Бога.

Вернемся однако къ исторіи. Написавъ наиболѣе образованнымъ изъ муллъ, чтобы они приходили къ нему и почерпали божественныя знанія, такъ какъ Дверь открылась, онъ самъ принялся за открытую проповѣдь, чѣмъ сразу возстановилъ противъ себя значительную часть духовенства, которое онъ немилосердно бичевалъ. Въ этомъ то моментѣ и прибылъ въ Ширазъ Мулла Хусайнъ Бушруэи, отправившійся изъ Кербелы вмѣстѣ съ другими на поиски того, кого возвѣстилъ Сэндъ Каземъ Рэшти. Онъ первымъ дѣломъ посѣтилъ Сэндъ Али Мухаммеда, съ которымъ познакомился въ Кербелѣ. Молодой пророкъ возвѣстилъ ему первому изъ всѣхъ о своей божественной миссіи, приводя въ доказательство ея свой комментарій на суру объ Іосифѣ 1). «Въ первое свиданіе между ними произошелъ такой разговоръ. Али Мухаммедъ сказалъ Муллѣ Хусайну «Не думаете ли вы, шейхи, что кто-нибудь долженъ занять мѣсто, которое принадлежало покойному Сэнду Казему? Уже пять мѣсяцевъ прошло со дня его смерти. Кого вы признаете теперь своимъ Господиномъ?». «Пока еще, отвѣтилъ я (разсказываетъ Мулла Хусайнъ), мы не признали никого». «Какой человѣкъ, спросилъ онъ, долженъ быть Господиномъ?». Тогда я перечислилъ нѣкоторыя изъ требуемыхъ качествъ и особенностей «Замѣчаете ли вы это во мнѣ?» спросилъ онъ. Но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Кербелѣ, я не замѣтилъ въ немъ никакихъ знаковъ спеціальнаго знанія, и я зналъ, что онъ не учился въ школахъ, равно какъ не посѣщалъ лекцій какого-нибудь учителя; и я отвѣтилъ: «я не вижу въ васъ ни одного изъ этихъ качествъ». На это онъ не отвѣтилъ ничего. Немного погодя я замѣтилъ нѣсколько книгъ, лежащихъ на полкѣ. Я раскрылъ одну изъ нихъ и увидѣлъ, что это былъ комментарій на суру Бакара. Прочтя немного, я обнаружилъ, что это былъ замѣчательный комментарій, и я съ удивленіемъ спросилъ, кто бы могъ быть его авторомъ. «Просто начинающій юноша», отвѣтилъ онъ,—«но который однако претендуетъ на высокую степень знанія и величія». Я снова спросилъ его, кто же былъ этотъ писатель. «Ты видишь его», отвѣтилъ онъ, но я въ

---

[1] Traveller's Narrative pp 240, 241.

то время не понялъ значенія этихъ словъ и продолжалъ читать, пока не дошелъ до словъ: «объясненіе внутреннѣйшаго внутреннѣйшаго» Это показалось мнѣ ошибкой, и я сказалъ: «здѣсь должно бы было быть» «внутреннѣйшаго», а написано «внутреннѣйшее внутреннѣйшаго». «Что я могу сказать», отвѣтилъ онъ,—«авторъ этого комментарія претендуетъ даже на нѣчто большее, чѣмъ величіе и знаніе. Подумайте внимательно надъ этимъ мѣстомъ». Я поступилъ такъ и сказалъ. «Оно совершенно правильно. Однако я усталъ,—почитайте вы, а я буду слушать». Онъ почиталъ нѣкоторое время, и я сказалъ. «теперь довольно,—не безпокойтесь дальше». Къ вечеру былъ принесенъ чай, и многіе шейхи и купцы, которые были увѣдомлены о моемъ пріѣздѣ, пришли повидаться со мной Во время бесѣды они, поддержи ваемые Мирзой Али Мухаммедомъ, обѣщали мнѣ устроить чтеніе и условились собраться для слушанія его на слѣдующее утро въ мечети Ильхани. Согласно этому условію, на слѣдующее утро они собрались въ мечети, куда пришелъ и я. Когда однако я захотѣлъ начать свою рѣчь, я почувствовалъ что, всегда владѣя такой свободной и образной рѣчью, я какъ бы онѣмѣлъ на этотъ разъ и былъ не въ состояніи говорить. Это повергло меня въ изумленіе, потому что я былъ убѣжденъ, что такой необыкновенный случай былъ обязанъ и какой нибудь необыкновенной причинѣ; и я въ удивленіи спрашивалъ себя, кто это могъ имѣть тайный контроль надо мной, и какова могла быть его цѣль. Удивленіе мое и охватившее меня волненіе были такъ велики, что я принесъ всѣ извиненія за сокращеніе моей рѣчи На этомъ собраніе разошлось, и въ глубокомъ размышленіи я вернулся къ себѣ домой. На слѣдующій день, когда я хотѣлъ сказать проповѣдь, со мной произошло то же самое, и то же было и въ третій разъ. Въ этотъ послѣдній разъ я вышелъ изъ мечети весьма подавленный и удивленный. Мирза Али Мухаммедъ сказалъ. «пусть всѣ наши друзья расходятся по домамъ, и вы одинъ проводите меня». Когда мы пришли къ его дому, онъ сказалъ: по какому знаку можешь ты признать Господина, и какое доказательство ты считаешь самымъ дѣйствительнымъ, чтобы убѣдить тебя, что ты достигъ цѣли своихъ поисковъ?» Я отвѣтилъ: «обладаніе Точкой Знанія, которая есть источникъ и центръ всѣхъ знаній прошедшихъ и будущихъ пророковъ и святыхъ». «Замѣчается ли вы во мнѣ это»? спросилъ онъ,—«что, если бы я обладалъ этимъ?» «Что вы набожны, благочестивы и ведете святую жизнь, это правда, отвѣтилъ я, но лишь происходящее непосредственно отъ Бога знаніе можетъ привести къ этому возвышенному положенію». На это онъ помолчалъ немного, какъ бы въ удивленіи, я же тѣмъ временемъ думалъ: «что за мысль этотъ благочестивый юноша лелѣетъ въ своей мозгу, что онъ

съ такой настойчивостью возвращается къ этому предмету? Во всякомъ случаѣ, надо предложить ему нѣсколько вопросовъ относительно того, обсужденіе чего онъ никогда не слыхалъ, и на что онъ не можетъ отвѣтить, чтобы такимъ образомъ отвратить его отъ его пустыхъ мечтаній» Тутъ я предложилъ ему вопросъ, рѣшеніе котораго мнѣ представлялось весьма труднымъ, и который постоянно былъ у меня въ умѣ во время жизни покойнаго Сэида Казема, но я никогда не находилъ удобнаго случая предложить его такимъ образомъ, чтобы всѣ мои затрудненія были устранены удовлетворительнымъ образомъ. Безъ размышленія онъ мнѣ далъ полный и достаточный отвѣтъ. Я былъ повергнутъ въ изумленіе и продолжалъ предлагать ему разные трудные вопросы, и, къ моему крайнему изумленію, на всѣ онъ отвѣчалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ Вмѣстѣ съ тѣмъ я размышлялъ: «Не онъ ли нѣсколько дней тому назадъ проговорился по поводу одной мысли въ комментаріи на суру Бакара? Какимъ же образомъ теперь онъ сталъ источникомъ и родникомъ этой божественной мудрости?» Между тѣмъ, какъ я такъ размышлялъ, я поглядѣлъ и увидалъ его сидящимъ съ величайшимъ достоинствомъ и въ величественной позѣ,—лѣвая рука его покоилась на лѣвой колѣнкѣ. а правая рука была положена на нее; и, между тѣмъ, какъ я смотрѣлъ, онъ началъ произносить самые удивительные стихи, которые содержали отвѣты на всякую проходящую черезъ мой мозгъ мысль,—такимъ образомъ было открыто семьдесятъ или восемьдесятъ стиховъ. Все это время я съ тоскою ждалъ, когда онъ замолкнетъ, такъ сильны были страхъ и боязнь, овладѣвшіе мною. Онъ пересталъ наконецъ, и я, въ крайнемъ ужасѣ, поднялся, чтобы бѣжать, какъ только преступникъ можетъ бѣжать отъ могущественнаго государя. Но онъ удержалъ меня, сказавши: «Сиди! куда ты уходишь? Всякій, кто увидалъ бы тебя въ этомъ состояніи, принялъ бы тебя за сумасшедшаго». Я былъ вынужденъ сѣсть, какъ онъ просилъ меня, онъ же удалился во внутреннюю комнату. Во время его отсутствія я былъ добычей самыхъ тоскливыхъ мыслей ... Немного погодя Мирза Али Мухаммедъ возвратился, и вопреки своему всегдашнему обыкновенію, самъ принесъ чай. Поставивъ передо мной чай, онъ самъ усѣлся рядомъ со мной и выказывалъ мнѣ крайнюю любезность. Я же оставался, какъ сумасшедшій, и снова попросилъ позволенія удалиться. Онъ сказалъ: «ты все еще находишься въ состояніи крайняго умственнаго смятенія, хотя самъ и не замѣчаешь этого. Если бы кто увидалъ, онъ конечно принялъ бы тебя за сумашедшаго». Немного погодя однако онъ разрѣшилъ мнѣ уйти. Въ другое посѣщеніе его я увидалъ комментарій на преданіе о Служанкѣ, написанный имъ. Покойный же Сэидъ многократно повторялъ во время своей жиз-

ни, что долженствующее появиться доказательство составитъ полное объясненіе этого преданія, и этотъ знакъ я теперь засвидѣтельствовалъ. Сверхъ того, когда однажды мы были вдвоемъ съ покойнымъ Сэидомъ, я спросилъ его, почему сура объ Іосифѣ была названа въ Коранѣ «лучшей изъ исторій», и онъ отвѣтилъ мнѣ на это, что случай былъ не подходящій для объясненія причинъ этого. Этотъ случай былъ затаенъ въ моемъ умѣ, и я даже никому не говорилъ о немъ Однажды Мирза Али Мухаммедъ сказалъ мнѣ. «припоминаешь ли ты, что разъ ты спросилъ покойнаго Сэида, почему сура объ Іосифѣ называется «лучшей изъ исторій», и какъ онъ отвѣтилъ, что случай для объясненія этого еще не пришелъ? Теперь же настало время для объясненія этого». Тутъ онъ мнѣ показалъ комментарій на эту суру...» [1]).

Короче, Мулла Хусайнъ очень быстро получилъ увѣренность въ томъ, что онъ нашелъ того, кого искалъ, въ лицѣ молодого сэида, и предался ему съ уваженіемъ, покорностью, самозабвеніемъ, которыя должны были привести его къ смерти. Такимъ образомъ онъ былъ первымъ увѣровавшимъ въ миссію Баба во всей ея полнотѣ. Самъ Сэидъ Али Мухаммедъ далъ ему титулъ Баб-уль-бабъ, т. е. Дверь двери, а также Харф-и-авваль или Первая Буква, и Авваль-минъ-аминъ, т. е. Первый увѣровавшій.

«Мулла Хусайнъ поспѣшилъ извѣстить своихъ товарищей о своемъ открытіи. Быстрота, съ которой распространилась новая вѣра. была удивительна, и представители всѣхъ классовъ населенія спѣшили засвидѣтельствовать свою вѣрность молодому ширазцу, но наиболѣе выдающіеся пособники новой вѣры вышли, въ значительной части, изъ старой партіи шейхи. Однако не должно предполагать, что всѣ послѣдователи покойнаго Сэидъ Казема приняли новую доктрину. Значительное число, во главѣ съ Хаджи Мухаммедъ Кэримъ Ханомъ, изъ Кирмана, совершенно отказались принять претензіи Баба (потому что такъ они смотрѣли на его притязанія), и они сдѣлались самыми злыми и самыми жестокими его преслѣдователями Изъ тѣхъ улемовъ, которые осыпали Баба оскорбленіями во время перваго испытанія въ Табризѣ, и изъ тѣхъ, которые два года спустя, во имя религіи, утвердили его смертный приговоръ, многіе были шейхи» [2])

Вскорѣ послѣ объявленія своей миссіи, Сэидъ Али Мухаммедъ отправился на поклоненіе въ Мекку въ сопровожденіи своего дяди и еще нѣсколькихъ человѣкъ. Путь ихъ лежалъ черезъ Буширъ, гдѣ они нашли судно, отправляющееся въ Маскатъ. Страданія, вынесенныя во время двухнедѣльнаго переѣзда,

---

[1]) Tarikh-i-diadid. pp. 35-39.

[2]) Traveller's Narrative. pp. 240, 241.

оставили на Бабѣ глубокое впечатлѣніе. обстановка, въ которой находились паломники, далеко не поддерживала ихъ молитвеннаго настроенія, а, напротивъ, давала случаи ярко вспыхивать всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ Въ силу этого, ученіе Баба отдаетъ предпочтеніе сухому пути передъ морскимъ.

Проповѣдь Баба въ Маскатѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней, была неудачна.

По прибытіи въ Мекку и по совершеніи предписаннаго поклоненія онъ объявилъ, что Махди явился. Такъ говорятъ преданія, но было ли это въ дѣйствительности такъ, точныхъ указаній на это нѣтъ.

Первоначально Сэидъ Али Мухаммедъ для увѣровавшихъ въ него былъ Имамъ Махди. Начавъ свою проповѣдь Кораномъ, онъ лишь постепенно объяснялъ массамъ сущность своей доктрины; а для большинства, какъ это мы увидимъ дальше. она даже до самаго конца осталась неизвѣстной. Дѣйствительно можно сказать, что это была слѣпая вѣра То, что сразу могло бы отшатнуть отъ него массы, показавшись имъ прямо чудовищнымъ, потомъ было принято, какъ естественное, какъ дѣяніе Махди.

По возвращеніи изъ паломничества, Бабъ съ дороги отправилъ посланіе вернувшемуся раньше его дядѣ. Онъ прилагалъ Китаб-и-рухъ, «сошедшую» къ нему въ открытомъ морѣ. и говорилъ: спасутся тѣ. которые увѣровали въ эти стихи, и горе невѣрящимъ: спасутся тѣ, которымъ вѣрное пониманіе старыхъ стиховъ (е. т Корана) помогло увѣровать въ новые, которые такъ же ясны и очевидны, какъ и стихи Корана; пусть вѣрующіе войдутъ черезъ дверь Спасенія Заканчивается посланіе обращеніемъ къ дядѣ, который долженъ обнародовать книгу и проповѣдывать новую религію.

Одновременно съ этимъ Бабъ отправилъ Муллу Хусайна Бушруэи въ Исфаганъ—на поиски Мукаддаса Хорасани—съ нѣкоторыми бумагами.

Мукаддасъ увѣровалъ въ новое ученіе и отправился въ Ширазъ, гдѣ, по приказанію Баба, онъ въ мечети началъ проповѣдь новаго откровенія. Обращеніе Мукаддаса, по его собственнымъ словамъ, произошло: «Когда я разсмотрѣлъ ясные знаки и доказательства, представленные мнѣ, я не видѣлъ возможнаго пути для опроверженія или отрицанія ихъ. Ибо милосердный Богъ ясно сказалъ въ Коранѣ (Сура 17-я, ст. 90), что, если бы всѣ геніи и люди собрались вмѣстѣ, они не могли бы произвести подобнаго стиха, и въ теченіе этихъ (тысячи) 260 лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, никто, какъ бы ни былъ

онъ силенъ въ риторикѣ и краснорѣчіи, не осмѣливался даже произвести подобной попытки. Эти же стихи были несравненно выше Корана по краснорѣчію и красотѣ, такъ что было невозможно отрицать ихъ...» [1]).

Съ кафедры былъ произнесенъ комментарій Баба на слова Корана: «о, цари, дѣти царей, не захватывайте, всѣ вы, того, что принадлежитъ Богу».

Духовенство подняло крикъ, и, такъ какъ проклятія его не могли устрашить проповѣдника, они обратились за содѣйствіемъ къ земной власти, въ лицѣ губернатора Мирзы Хусайнъ Хана. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ Мукаддаса и его друга Куддуса (Хаджи Муллэ Мухаммедъ Али, изъ Барфуруша) и имѣлъ съ ними бурное объясненіе, результатомъ котораго было то, что онъ приказалъ дать Мукаддасу 500 ударовъ, а затѣмъ спалить его бороду; Куддусу дали двѣнадцать пощечинъ и посадили въ тюрьму. Послѣ этого ихъ три дня водили по городу для всеобщаго поруганія. Въ концѣ концовъ ихъ изгнали изъ города, но Бабъ, встрѣтившій ихъ по дорогѣ, потихоньку ввелъ въ городъ и спряталъ у себя въ домѣ, гдѣ они и пробыли три дня, а затѣмъ отправились въ Іездъ и въ Хорасанъ.

Въ Іездѣ они пробыли сорокъ дней Постепенно они подготовляли почву для манифестаціи. Въ послѣднюю пятницу ихъ пребыванія, Мукаддасъ съ кафедры возвѣстилъ о прибытіи новаго пророка, и разъяренная толпа чуть не убила его Спасенные однимъ муллой, оба они нашли возможность потихоньку уйти изъ города и перебраться въ Кирманъ, гдѣ проповѣдь ихъ также не была удачна, и откуда они отправились въ Хорасанъ. Въ Бушруэ къ нимъ присоединился Мулла Хусайнъ, и они вмѣстѣ продолжали путь.

Между тѣмъ въ Ширазѣ было громадное волненіе,—число приверженцевъ новой религіи росло съ каждымъ днемъ, и престижъ кораническаго ислама падалъ. Баѣъ открыто называлъ безбожниками тѣхъ, кто не хотѣлъ слѣдовать за нимъ. Не рѣшаясь покончить съ Бабомъ сразу, гражданская и духовная власть рѣшили скомпрометировать его въ глазахъ народа. и муллы считали себя достаточно сильными для этого. Бабъ былъ приглашенъ въ многочисленное собраніе улемовъ на диспутъ. Безсильные богословы на вопросъ Баба-какому злу онъ училъ?-могли отвѣтить ему лишь побоями Собраніе, возмущенное этой дикой аргументаціей, разошлось, но все же Бабу запретили проповѣдь и отдали его на поруки дядѣ. Это невольное заключеніе Баба, придавшее ему страдальческій обликъ въ глазахъ его послѣдователей, послужило лишь къ усиленію секты, нарушивъ, та-

[1]) Tarikh-i-dfadid. p 41.

кимъ образомъ, всѣ разсчеты духовенства. Новый шагъ муллъ, задумавшихъ заставить Баба публично отречься отъ своего ученія, потерпѣлъ полнѣйшее фіаско къ новой славѣ молодой секты.

Волненія приняли такой характеръ, что стали уже угрожать государственному спокойствію, и шахъ отправилъ въ Ширазъ Сэида Яхья Дараби, пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ. Посланецъ долженъ былъ все относительно новой секты и обо всемъ донести шаху. Въ первое же свиданіе съ Бабомъ, тотъ произвелъ на него самое глубокое впечатлѣніе, которое усиливалось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Первыя два свиданія были посвящены разспросамъ, а во время третьяго Дараби попросилъ комментарій на суру Кавсаръ Когда Бабъ безъ размышленія и въ его присутствіи написалъ ученый комментарій на эту суру, то Дараби былъ совершенно побѣжденъ имъ.[1]) Въ ученіи Баба сановникъ нашелъ отголосокъ своихъ неясныхъ мыслей, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сдѣлался послѣдователемъ и преданнѣйшимъ рабомъ Баба Бабъ немедленно же послалъ его съ проповѣдью въ Буджнурдъ-съ тѣмъ, чтобы, побывавъ тамъ, онъ черезъ Тегеранъ и Іездъ вернулся въ Ширазъ.

Изъ Буджнурда, гдѣ онъ во все посвятилъ своего отца Сэида Джафара аль-Кашфи, Сэидъ Яхья послалъ шаху подробное донесеніе о случившемся хотя въ его миссію и не входило присоединеніе къ сектѣ, но все же онъ могъ считать эту миссію выполненной. Это новое обращеніе было крупнымъ скандаломъ въ мірѣ шіитскаго ислама.-тріумфы Баба сдѣлались слишкомъ частыми и блестящими. И Баба рѣшили убить при помощи наемныхъ убицъ Все уже было подготовлено къ этому, и день былъ назначенъ. Кто знаетъ, какова бы была судьба новой религіи, если бы вспыхнувшая въ 1846 году эпидемія холеры не разогнала изъ города активныхъ и пассивныхъ участниковъ готовящейся драмы.

Бабу удалось бѣжать изъ подъ надзора, и онъ отправился въ Исфаганъ Тамъ онъ остановился, по указанію губернатора, въ домѣ имама Джума Мпръ Сэида Мухаммеда, гдѣ онъ и пробылъ сорокъ дней. Однажды онъ, по просьбѣ хозяина дома, написалъ комментарій на суру 103-ю Корана. [2]) Губернаторъ, бывшій человѣкъ весьма образованнымъ, не могъ не заинтересоваться Бабомъ онъ разспрашивалъ его относительно «спеціальной миссіи», и при этомъ свиданіи былъ написанъ отвѣтъ, доказывающій эту спеціальную миссію По иниціативѣ губернатора, долженъ быть состояться публичный диспутъ, но улемы отклонили это предложеніе на томъ основаніи, что своимъ согласіемъ

[1]) Traveller's Narrative p. 8.
[2]) Idem p. 11.

они допускали бы возможность того, что Бабъ дѣйствительно есть посланникъ Бога, тогда какъ онъ лишь лжепророкъ и безбожникъ, котораго слѣдуетъ предать смерти.

Первоначально улемы согласились, хотя и противъ воли; но въ назначенный для диспута день одинъ изъ нихъ написалъ другимъ, что, принявъ предложеніе они совершили грубую ошибку; что среди нихъ нѣтъ никого такого, кто былъ бы способенъ разбить доводы Баба, и, что слѣдовательно, имъ пришлось бы исповѣдывать его вѣру, а это весьма опасно. Итакъ, хотя въ назначенный день они и собрались на диспутъ, но повели его такимъ образомъ, что не было возможности понять другъ друга, -всѣ говорили сразу и перебивали другъ друга; другими словами, было шумное собраніе, но диспутъ не состоялся.

Этотъ пунктъ очень важенъ, и на него слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Въ короткой исторіи Баба мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ такихъ отказовъ со стороны улемовъ Какъ это объяснить? Было бы слишкомъ наивно вѣрить заявленію духовенства, что оно считало для себя унизительнымъ вступать съ Бабомъ въ какія-либо религіозныя пререканія Напротивъ, мы видимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда улемы дѣйствительно считали ученіе Баба ересью, они не боялись диспута съ нимъ; но большинство отказывалось. Было ли это отъ боязни показать собственное невѣжество? Было ли это сомнѣніе, что новая религія опасна для Корана, и, чѣмъ меньше говорить о ней, тѣмъ лучше для этого послѣдняго? Была ли это смутная вѣра, предвѣдѣніе необходимости признать справедливость новаго ученія и боязнь отступничества? . Трудно сказать, но надо думать, что духовенство отказывалось отъ диспутовъ не съ легкимъ сердцемъ.

И здѣсь духовенство держало себя такъ, что поведеніе его было равносильно отказу отъ диспута. Но самъ губернаторъ, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ Бабомъ, увѣровалъ въ него и предложилъ ему свою помощь, въ чемъ она могла бы оказаться нужной. Предложенія его были серьезны. «Онъ говорилъ: «если распространеніе вашей религіи нуждается въ мечѣ, я соберу болѣе 50 тысячъ человѣкъ, пѣшихъ и конныхъ, изъ шахсевановъ и другихъ племенъ, преданныхъ моимъ интересамъ; и со всей быстротой двинусь къ столицѣ, чтобы объявить войну владыкѣ ислама, еслибы онъ сталъ продолжать не признавать нашей миссіи Если же распространеніе вашей религіи должно вестись дипломатическимъ путемъ, я готовъ сопровождать васъ въ Тегеранъ, объяснить тамъ характеръ вашей миссіи и ваше ученіе его величеству, и онъ приметъ ихъ и отдастъ за васъ въ замужество одну изъ своихъ дочерей. Когда, такимъ образомъ, ваше положеніе будетъ укрѣплено родствомъ съ шахской фамиліей, вы уже безопасно можете сдѣлать открытое объявленіе вашихъ

правъ». Онъ также отдавалъ въ распоряженіе Баба всѣ свои богатства и все, что онъ имѣлъ, говоря: «я не имѣю дѣтей, и все, чѣмъ владѣютъ руки раба, принадлежитъ его господину» На это предложеніе Бабъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: «распространеніе истины Бога не можетъ быть совершаемо такими средствами, но скорѣе-вѣрностью и постоянствомъ его слугъ, которые, не обращая вниманія на надежды выигрыша или страхъ потери, будутъ поддерживать вѣру, провозглашать Слово Бога и, съ отвращенными отъ всего земного взорами, итти по пути Бога, для Него и въ Немъ....» [1]) Губернаторъ настоялъ всетаки, чтобы было устроено частное совѣщаніе, на которомъ, кромѣ него, были Ага Мухаммедъ Махди и Мирза Хасанъ Нури. [2])

Чтобы спасти Баба отъ улемовъ, губернаторъ съ большимъ эскортомъ отправилъ его изъ города по дорогѣ въ Тегеранъ, о чемъ и сообщилъ всѣмъ, а ночью тайкомъ вернулъ его и помѣстилъ его въ одномъ изъ своихъ домовъ. Тайна была хорошо соблюдена, и Бабъ прожилъ въ Исфагани четыре мѣсяца—до смерти губернатора. Племянникъ того, Горджинъ Ханъ, пріѣхавшій на его мѣсто, отправилъ Баба въ Тегеранъ, по приказанію оттуда Для эскорта были даны всадники нусаири. Когда они достигли Кенар-и-Гирда, новый приказъ пришелъ отъ перваго министра, который назначалъ мѣстопребываніемъ Баба селеніе Калинъ, неподалеку отъ Рея. Здѣсь Бабъ пробылъ около двадцати дней и отсюда отправилъ шаху письмо, прося того разрѣшить въ своемъ присутствіи сказать истину о себѣ [3]). Однако это не входило въ планы улемовъ, и шаха разговорили отъ желанія видѣть реформатора ислама, и, вслѣдствіе новаго приказанія, Бабъ былъ отправленъ въ Маку. Шахъ написалъ ему письмо, въ которомъ предлагалъ ему пока «отдохнуть въ Маку» и сообщалъ, что послѣ своего возвращенія изъ поѣздки вызоветъ его къ себѣ. Самъ шахъ очень хотѣлъ видѣть Баба, но первый министръ не допустилъ этого, говоря, что это грозило бы опасностью для государства; что если Бабъ появится въ Тегеранѣ, то смятеніе будетъ неизбѣжно, такъ какъ муллы конечно откажутся отъ диспута съ нимъ; что самое благоразумное—отложить пріѣздъ Баба въ Тегеранъ до возвращенія шаха изъ поѣздки, для которой все уже было готово. Результатомъ этого и было письмо шаха къ Бабу [4]).

По дорогѣ въ Маку Бабъ провелъ сорокъ дней во вра-

---

[1]) Tarikh-i- dfadid p.p. 211, 212.
[2]) Traveller's Narrative. p. 12.
[3]) Idem. p. 14.
[4]) Idem. p. 14—16.

дебно настроенномъ для него Табризѣ, гдѣ состоялся диспутъ[1]): Бабъ отвѣчалъ на вопросы улемовъ и муллъ, они же на его вопросы не нашли никакихъ отвѣтовъ кромѣ побоевъ. Это обстоятельство особенно характерно потому, что засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ наслѣдника престола Свѣдѣнія, даваемыя объ испытаніи Баба въ Табризѣ, находятся въ мусульманскихъ, а не бабидскихъ источникахъ, почему къ нимъ слѣдуетъ относиться съ извѣстной осторожностью· цѣль этого описанія была скорѣе апологетическая, чѣмъ историческая.

«Засѣданіе это происходило такъ

Хаджи Мулла Махмудъ (Низамъ-уль-улема, воспитатель наслѣднаго принца) —«По приказанію его величества шаха, вы должны высказать свои притязанія въ присутствіи улемовъ ислама, чтобы была возможность установить правильность или лживость этихъ притязаній. Хотя я самъ не принадлежу къ числу ученыхъ и занимаю лишь положеніе въ свитѣ, но я свободенъ отъ предразсудковъ, и мое обращеніе не можетъ быть лишено нѣкоторой важности. Я имѣю предложить вамъ три вопроса: Во-первыхъ, ваши ли это книги, составленныя въ формѣ и стилѣ Корана посланій и молитвъ, и разсѣянныя во всѣхъ областяхъ Персіи,—вы ли составили ихъ, или же люди только приписываютъ ихъ вамъ?»

Бабъ —«Онѣ отъ Бога».

Х. М. М.—«Если онѣ ваши, скажите это; если нѣтъ, то нѣтъ».

Бабъ —«Онѣ мои».

Х. М. М.—«Значеніе вашихъ словъ—онѣ отъ Бога»—то, что ваши уста суть какъ бы дерево Синая?» (т. е неопалимая купина).

Бабъ.—«Да будетъ милосердіе надъ вами!»

Х М. М —«Они называютъ васъ Бабъ. Кто вамъ далъ это имя, и гдѣ его вамъ дали? Каково значеніе слова Бабъ? И довольны ли вы этимъ именемъ или нѣтъ?»

Бабъ.—«Богъ далъ мнѣ это имя».

Х. М. М.—«Гдѣ? Въ Домѣ Каабы, въ Священномъ Домѣ или въ Посѣщаемомъ Домѣ?»

Бабъ.—«Гдѣ бы это ни было, это—священное имя».

Х. М. М.—«Въ такомъ случаѣ вы конечно довольны божественнымъ именемъ. Что значитъ Бабъ?»

Бабъ.—«То же самое, что слово Бабъ въ преданіи· «я городъ знанія, и Али—его дверь».

---

[1]) Traveller's Narrative говоритъ (стр. 16), что муллы отказались отъ диспута, но (стр. 278) состоялось секретное испытаніе. Относительно этого послѣдняго проф. Браунъ высказываетъ сомнѣніе·

Х. М. М —«Такимъ образомъ, вы—‹дверь города знанія?»

Бабъ.—«Да».

Х. М. М —«Слава Богу! Сорокъ лѣтъ я путешествовалъ въ надеждѣ встрѣтиться съ одною изъ «дверей», но это не было даровано мнѣ. И теперь, слава Богу! вы сами пришли въ мою страну, къ самому моему изголовью! Если это такъ, если мнѣ лишь остается увѣрить самого себя, что вы—Дверь, дайте мнѣ пожалуйста должность смотрителя за вашей обувью».

Бабъ.—«Конечно вы—Хаджи Мулла Махмудъ?»

Х. М М - «Да».

Бабъ —«Ваше достоинство велико. и важныя должности должны быть возлагаемы на васъ».

Х. М. М —«Я хочу лишь этои должности, этого достаточно для меня»

Принцъ.—«И мы также уступимъ и вручимъ этотъ тронъ вамъ—Двери».

Х. М. М.—‹Такъ какъ Пророкъ или какоі то другоі мудрыі человѣкъ сказалъ—«Знаніе двояко· знаніе тѣлъ (т. е. медицина) и знаніе религіи (т. е. теологія), я спрашиваю васъ по медицинѣ: что происходитъ въ желудкѣ, когда человѣкъ страдаетъ отъ разстроиства? Почему бываютъ случаи, которые поддаются пользованію, и другіе, которые ведутъ къ хроническому разстройству или обмороку или же оканчиваются ипохондріей?»

Бабъ.—‹Я не изучалъ медицины».

Принцъ.—‹Если вы—Дверь знанія, а. съ другоі стороны, говорите: «я не изучалъ медицины», это непримиримо съ вашими притязаніями».

Х. М. М.—(Принцу). «Это не имѣетъ значенія, такъ какъ это только искусство ветеринара и не включено въ число знаній; поэтому здѣсь нѣтъ непримиримости со званіемъ Баба (Къ Бабу). Теологія состоитъ въ знаніи Принциповъ (Усуль) и Приложеній (Фуру). Знаніе принциповъ имѣетъ начало и заключеніе. Скажите, являются ли (божественные аттрибуты) Знаніе, Слухъ, Зрѣніе и Сила тожественными съ (божественноі) Сущностью, или нѣтъ?»

Бабъ.—‹Они тожественны съ Сущностью».

Х. М. М.—«Въ такомъ случаѣ,—Богъ—множественъ и сложенъ; (божественная) Сущность и (божественное) Знаніе суть двѣ вещи, какъ уксусъ и сиропъ, которые дѣлаются тожественными; (Богъ) состоитъ изъ (божественноі) Сущности и Знанія, изъ (божественноі) Сущности и Силы, и такъ далѣе. Кромѣ этого, (божественная) Сущность не имѣетъ Противоположенія, Антитезы. Но Знаніе, которое тожественно съ (божественноі) Сущностью, имѣетъ свое противоположеніе въ Невѣжествѣ. Помимо этихъ двухъ возраженій,—Богъ знаетъ, Пророкъ знаетъ, и я знаю: всѣ мы раздѣляемъ знаніе. Но мы имѣемъ и «основаніе

различенія», потому что знаніе Бога есть отъ Него самого, между тѣмъ какъ наше знаніе—отъ Него. Слѣдовательно, Богъ состоитъ изъ «основанія различенія» и «основанія тожества». Но Богъ не сложенъ».

Бабъ.—«Я не изучалъ философіи» (Принцъ улыбается, но хранитъ молчаніе».

Х. М М—«Знаніе приложеній» (или примѣненій) достигается при помощи Книги и Свода (преданій), а пониманіе Книги и Свода стоитъ въ зависимости отъ многихъ знаній, какъ Грамматика, Реторика и Логика. Можете ли вы, являющійся Бабомъ, проспрягать *кала*»?

Бабъ—«Что за *кала*»?

Х М М—(Начиная спряженіе, говоритъ нѣсколько формъ). «Знаете ли вы остальное?».

Бабъ—«Я училъ это въ дѣтствѣ, но уже забылъ».

Х. М.—«Скажите производныя отъ *кала*».

Бабъ—«Какія производныя?»

Х М М—(Говоритъ нѣсколько производныхъ). «Теперь скажите остальныя».

Бабъ.—«Я сказалъ вамъ, что я забылъ».

. . . . . .

Х М. М—«Каковъ смыслъ преданія: «Пусть Господь проклянетъ глаза, потому что, по истинѣ, они дѣйствовали несправедливо по отношенію къ одному глазу»

Бабъ.—«Я не знаю».

. . . . . .

Х М. М.—(Предлагаетъ различные вопросы, и Бабъ по большей части отговаривается незнаніемъ). «Если бы у васъ было сомнѣніе между двумя и тремя (поклонами въ молитвѣ), что вы стали бы дѣлать?»

Бабъ—«Я принялъ бы два».

Мулла Мухаммедъ Мамакани—«О, нечестивый! Вы даже не знаете, что надо дѣлать въ случаяхъ сомнѣнія относительно молитвы, и вы претендуете, что вы—Бабъ?»

Бабъ.—«Я принялъ бы три».

М. М. М—«Очевидно, что, если не два, то вы должны сказать три»

Х М. М.—«Три также неправильно Почему вы не спросили, произошло ли сомнѣніе во время утренней или вечерней молитвы, и было ли это до поклона или послѣ совершенія двухъ земныхъ поклоновъ

М. М. М—«....Написали ли вы: «первымъ увѣровавшимъ въ меня былъ Свѣтъ Мухаммеда и Али»? Ваше это выраженіе или нѣтъ?»

Бабъ.—«Да, оно мое».

М. М. М.—«Въ такомъ случаѣ вы были руководителемъ, а они послѣдователями, и вы должны быть выше ихъ?»

. . . . . .

Х. М. М—«Покажите мнѣ чудо, соотвѣтствующее вашимъ притязаніямъ и я сдѣлаюсь вашимъ послѣдователемъ...»

Бабъ.—«Какого чуда вы хотите?»

Х. М. М.—«Его величество Шахъ боленъ—исцѣлите его».

Принцъ—«Зачѣмъ итти такъ далеко? Развѣ вы не присутствуете здѣсь? Пусть онъ проявитъ свое вліяніе на вашемъ существѣ и вернетъ васъ юности, чтобы вы всегда могли оставаться у нашего стремени. Мы же, во свидѣтельство совершенія этого чуда, уступимъ этотъ тронъ ему».

Бабъ.—«Это не въ моей власти»

Х. М М.—«Тогда честь не можетъ быть оказана безъ какихъ-нибудь основаній О, нѣмой въ царствѣ словъ и нѣмой въ царствѣ идей,—какой же добродѣтелью вы обладаете?»

Бабъ.—«Я могу произносить краснорѣчивыя слова... Мое имя Али Мухаммедъ соотвѣтствуетъ (по численному значенію буквъ) слову Раббъ (Господь).

Х. М М.—«Всякій Али Мухаммедъ и Мухаммедъ Али соотвѣтствуетъ слову Раббъ. Въ такомъ случаѣ. вы претендовали бы лучше, что вы не Бабъ, а Господь».

Бабъ—«Я то лицо, появленія котораго ждали тысячу лѣтъ».

Х. М. М.—Другими словами, вы Махди, Господинъ религіи?»

Бабъ.—«Да».

Х. М. М—«Лично или по роду?»

Бабъ.—«Лично».

Х. М. М.—«Какъ ваше имя и имена вашего отца и вашей матери? Гдѣ мѣсто вашей родины? И сколько вамъ лѣтъ?»

Бабъ.—«Мое имя Али Мухаммедъ; моя мать называлась Хадиджа, а мой отецъ—Мирза Риза, шорникъ; моя родина—Ширазъ; а изъ моей жизни уже прошло 35 лѣтъ».

Х. М. М.—«Имя Господина Религіи есть Мухаммедъ, его отецъ назывался Хасанъ, а мать—Нарджисъ, его родина была въ Сарра-мат-раа, а его возрастъ превосходитъ тысячу лѣтъ. Тутъ полнѣйшее противорѣчіе. И, кромѣ того, я не посылалъ васъ».

Бабъ.—«А вы считаете себя Богомъ?»

Х. М. М.—«Такой имамъ достоинъ такого бога».

Бабъ.—«Въ одинъ день я могу написать двѣ тысячи стиховъ. Кто еще можетъ сдѣлать это?»

Х. М. М—«Когда я былъ у святыхъ могилъ, у меня былъ

секретарь, который обыкновенно писалъ по двѣ тысячи стиховъ въ день Но случайно онъ ослѣпъ...»[1]).

Этотъ диспутъ. если онъ имѣлъ мѣсто такъ, какъ онъ описанъ здѣсь, былъ не серьознымъ разсужденіемъ, а лишь издѣвательствомъ надъ Бабомъ, который такъ на это и посмотрѣлъ. Этимъ дѣло не окончилось, и послѣ диспута его подвергли всеобщему поруганію, послѣ чего уже его отослали въ Маку, гдѣ онъ обратилъ въ свою вѣру коменданта этой крѣпости Али Хана. По дорогѣ въ Маку Бабъ могъ неоднократно бѣжать, и ему предлагали это, но онъ отказался.

Здѣсь мы пока разстанемся съ Бабомъ и посмотримъ, что за это время дѣлали его ученики.

Какъ уже было сказано, первымъ увѣровавшимъ въ Баба былъ Мулла Хусайнъ Бушруэи. Онъ слушалъ въ Кербелѣ лекціи Сэидъ Казема Рэшти, и самъ сдѣлался шейхи. Эта секта подверглась жестокимъ нападкамъ со стороны оффиціальнаго духовенства оно не могло спокойно относиться къ тому, что Сэидъ Каземъ не только не чуждался христіанъ, но даже восхвалялъ чистоту ихъ ученія Духовенство рѣшило примѣнить обычную въ этихъ случаяхъ мѣру объявить учителя и учениковъ еретиками и осудить ихъ на смерть. Тогда Мулла Хусайнъ бѣжалъ въ Исфаганъ и тамъ обратился къ улемамъ, чтобы они учредили особый трибуналъ, который и долженъ былъ высказаться относительно этой доктрины. На диспутѣ Мулла Хусайнъ блестяще доказалъ, что шейхи давали лишь новое толкованіе Корана, нисколько не противорѣчивое его духу. Онъ не только доказалъ то, что хотѣлъ, но убѣдилъ и многихъ другихъ, которые, измѣнивъ свое мнѣніе о сектѣ, примкнули къ ней. Глава улемовъ въ Кербелѣ, Сэидъ Мухаммедъ Багиръ Гиляни собственноручно разорвалъ фэтву, которою Мулла Хусайнъ вмѣстѣ съ другими приговаривался къ смертной казни. Тотъ возвратился въ Кербелу, гдѣ и пробылъ до самой смерти Сэидъ Казема Рэшти, послѣ чего, какъ мы уже знаемъ, онъ отправился на поиски замѣстителя покойному учителю, и нашелъ его въ лицѣ Баба.

Выше мы сказали уже, что Бабъ отправилъ Муллу Хусайна въ Исфаганъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Муллой Садыкомъ Мукаддасомъ Хорасани и разсказалъ тому о Бабѣ. Тотъ отправился въ Ширазъ, гдѣ и исповѣдалъ вѣру въ Баба.

Мулла Хусайнъ проповѣдывалъ въ Исфагани съ большимъ

---

[1]) Traveller's Narrative. pp. 278—279. Tarikh-i-djadid pp. 285—291. Источники расходятся: одни говорятъ, что засѣданіе имѣло мѣсто въ первый пріѣздъ Баба въ Табризъ, а, по мнѣнію другихъ, это было передъ казнью.

успѣхомъ, и число приверженцевъ секты росло и росло—къ негодованію духовенства. Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ успѣховъ Муллы Хусайна было обращеніе Муллы Мухаммедъ Таки Герати, ученаго законовѣда, который самъ сдѣлался горячимъ проповѣдникомъ величія Баба и его миссіи.

Покинувъ Исфаганъ, Мулла Хусайнъ отправился въ Кашанъ, гдѣ былъ обращенъ Мирза Джани, будущій историкъ откровенія. Оттуда онъ прошелъ въ Тегеранъ, гдѣ обращенія также были значительны, и главнѣйшимъ изъ нихъ было обращеніе двухъ братьевъ, которые немного погодя сдѣлались центральными фигурами новой секты. Это были: Мирза Яхья Нури, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Субх-и-Эзель, и Мирза Хусайнъ Али Нури, извѣстный потомъ, какъ Бэха Улла.

Находясь въ Тегеранѣ, Мулла Хусайнъ въ 1848 году получилъ приказъ отъ Баба отправиться съ проповѣдью въ Хорасанъ. Провинція эта была охвачена въ то время возстаніемъ: велась борьба между правительственными войсками и отложившимся отъ шаха губернаторомъ Буджнурда.

Проповѣдь въ Мешедѣ была не особенно легкимъ дѣломъ, такъ какъ этотъ городъ является городомъ духовенства по преимуществу: тамъ торгуютъ вѣчнымъ спасеніемъ и чудесами, и золото непрерывной волной льется въ карманы духовенства. Каждый новообращенный въ религію Баба является для этого благочестиваго духовенства матеріальной потерей, что для него было гораздо чувствительнѣе догматическихъ разногласій, не отзывавшихся на карманѣ. Вся эта алчная стая не замедлила возстать противъ невѣдомаго проповѣдника, и никто не давалъ себѣ даже труда оцѣнить его проповѣдь. Какова бы она ни была, какъ всѣ проповѣди, она могла сулить лишь блага небесныя, а ихъ влекли къ себѣ земныя. Все это Мулла Хусайнъ долженъ былъ знать впередъ, но онъ былъ обязанъ выполнить приказаніе своего учителя.

Первая же проповѣдь повлекла за собою арестъ проповѣдника и прдслѣдованіе его приверженцевъ. Мулла Хусайнъ былъ арестованъ въ лагерѣ губернатора. Черезъ нѣкоторое время, воспользовавшись безпорядками, онъ бѣжалъ и появился въ Мешедѣ. Пробылъ онъ тамъ всего нѣсколько дней, затѣмъ пришелъ въ Нишапуръ и даже въ Себзеваръ. Потомъ слѣдовали Мейямэй и Шахрудъ. Весь этотъ путь ознаменовался новыми обращеніями. Оттуда, мимо Бистама, Мулла Хусайнъ отправился со своими приверженцами въ Бедештъ, гдѣ должно было состояться собраніе бабидовъ. Это было уже въ сентябрѣ 1848 года.

Здѣсь мы должны ввести новое лицо, которое также оказало большія услуги для распространенія бабизма, лицо, отъ котораго вѣетъ таинственной прелестью.

У Муллы Салэха, изъ Казвина, была дочь по имени Зэрин-таджъ, т. е. златовѣнчанная. Она болѣе извѣстна подъ именами Куррат-уль-Айнъ или Джэнаб-и-Тахира Ребенокъ обладалъ феноменальными способностями, и ея страстью было по цѣлымъ часамъ слушать богословскіе споры отца съ его собесѣдниками. Прошло нѣсколько лѣтъ, и дѣвочка сама стала принимать участіе въ бесѣдахъ, и такъ, что вызывала всеобщее удивленіе: слава о ней давно уже вышла за предѣлы города. Вмѣстѣ съ умомъ, она обладала и замѣчательной красотой, такъ что рѣчь молоденькой Куррат-уль-Айнъ владѣла неотразимой силой. Подъ руководствомъ отца и дяди она прошла весь курсъ богословскихъ наукъ. Потомъ, выйдя замужъ за своего двоюроднаго брата, она отправилась въ Кербелу, гдѣ слушала лекціи Сэндъ Казема Рэшти. ея сердце горячо откликнулось на проповѣдь шейха, и, когда она возвратилась домой, Казвинъ сдѣлался центромъ проповѣди ученія шейхи. Оба шейха очень цѣнили даровитую ученицу. Такъ какъ Сэндъ Каземъ передъ смертью сказалъ своимъ ученикамъ о приближающемся проявленіи обѣщаннаго Доказательства, она тоскливо ожидала появленія Истины. По возвращеніи же въ Казвинъ она узнала о Бабѣ, вступила съ нимъ въ переписку, быстро обратилась въ новую вѣру и стала открыто ее проповѣдывать. Она заявила своему отцу въ присутствіи многихъ. «при томъ знаніи, какимъ я обладаю, невозможно, чтобы я ошиблась, признавая его Господиномъ Міра, котораго съ тоской ожидаютъ всѣ народы: я должнымъ образомъ признала его при помощи доказательствъ разума и очевидностей знанія, хотя это мое знаніе и мои дарованія—лишь ничтожная капля въ сравненіи съ обширнымъ и всеобъемлющимъ океаномъ, или какъ незначительная пылинка передъ этимъ могущественнымъ и сіяющимъ свѣтиломъ». [1])

Смущеніе было не малое ересь возникла въ домѣ, который изъ поколѣнія въ поколѣніе давалъ выдающихся духовныхъ лицъ и богослововъ. На всѣ уговоры родныхъ опомниться и отступить отъ заблужденія—она отвѣчала отказомъ. Думали, что новая поѣздка въ Кербелу спасительно подѣйствуетъ на нее, но и эта надежда не сбылась,—Курратъ-уль-Айнъ была тверда въ своей новой вѣрѣ. Кербела ли могла излѣчить ее отъ ереси, гдѣ ее увлекло ученіе шейхи, гдѣ она нѣкоторое время, послѣ смерти Шейха Казема, продолжала его обученіе и читала лекціи его ученикамъ, оставаясь все время за занавѣской. «Ея послѣдователи подвергли себя такой строгой религіозной дисциплинѣ, что почти морили себя голодомъ, такъ какъ, въ значительномъ большинствѣ, они не хотѣли ѣсть припасовъ, приготовленныхъ на

[1]) Tarikh-i-djadid. pp. 269, 270.

базарѣ, въ особенности жаренаго мяса и мяса изъ мясныхъ. Такая разборчивость и осторожность съ ихъ стороны привлекали вниманіе, и объ этомъ подъ разными видами было донесено губернатору, который рѣшилъ арестовать Куррат-уль-Айнъ Узнавъ объ этомъ, она послала ему слѣдующее письмо: «Я не заявляю никакого права кромѣ права ученія. Собери ученыхъ— суннитовъ и шіитовъ, чтобы мы могли бесѣдовать и диспутировать, дабы для всѣхъ, обладающихъ способностью различенія, сдѣлалась очевидной истина или ложь той или другой стороны и мудрость и ученость обѣихъ сторонъ». На это было рѣшено, что она не должна оставлять Кербелы, пока изъ Багдада не придетъ отвѣта на ея предложеніе» [1]) Такъ какъ отвѣтъ медлилъ, она безъ разрѣшенія покинула Кербелу и прибыла въ Багдадъ, а оттуда въ Иракъ Затѣмъ, черезъ Керманшахъ и Хамаданъ, она вернулась въ Казвинъ. По возвращеніи въ родной городъ, она подвергалась всяческимъ униженіямъ и оскорбленіямъ, но ничто не могло поколебать ее. Вскорѣ она, вмѣстѣ со многими бабидами, была арестована по подозрѣнію въ участіи въ покушеніи на Хаджи Муллу Мухаммеда Таки. Такъ какъ убійца сдѣлалъ признаніе, ихъ вынуждены были освободить; все же нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили въ Тегеранъ въ тюрьму.

Вскорѣ Куррат-уль-Айнъ получила приказъ отъ Баба отправиться съ проповѣдью по провинціи; это относится приблизительно ко времени заключенія Баба въ Маку. Время было тяжелое для бабидовъ, которые, наполовину потерявъ своего главу, не знали, что имъ дѣлать. Для выясненія всѣхъ этихъ вопросовъ они и рѣшили собраться въ Бедештѣ.

Съ помощью преданныхъ ей бабидовъ Куррат-уль-Айнъ удалось ускользнуть изъ Казвина. Съ дороги она послала письмо въ Тегеранъ Мирзѣ Хусайну Али (Бэха Улла) съ просьбой прибыть къ ней, на что тотъ отвѣтилъ утвердительно, и вскорѣ явился самъ. По пріѣздѣ въ Тегеранъ, Куррат-ульАйнъ пробыла въ домѣ Мирзы Хусайна Али пять дней, а затѣмъ выѣхала изъ города по дорогѣ въ Бедештъ, гдѣ уже были Мирза Хусаинъ Али, Мулла Хусайнъ Бушруэи, Куддусъ и другіе. Куррат-уль-Айнъ застала ихъ за спорнымъ вопросомъ, ее попросили быть третейскимъ судьей,-и всѣ остались довольны принятымъ ею рѣшеніемъ

Когда разговоръ коснулся относительно заключенія Баба, было рѣшено устроить паломничество къ горѣ Маку: эмиссары должны были для этого собрать возможно больше народу. Въ зависимости отъ количества, уже на мѣстѣ можно было рѣшить, какъ дѣйствовать.

---

[1]) Idem. pp. 271. 272.

Вторымъ вопросомъ на соборѣ было обсужденіе новаго ученія, и всѣ признали въ Бабѣ новаго пророка, долженствующаго довершить недодѣланное раньше новое Слово должно было замѣнить Коранъ. Тутъ Куррат-уль-Айнъ сказала, что пора сообщить объ этомъ массѣ несвѣдущихъ бабидовъ, которые видѣли въ Бабѣ лишь Махди, распространяющаго Коранъ; иначе, говорила она, мы не можемъ быть увѣрены, что въ нужную минуту вся масса не дрогнетъ и не отступитъ отъ насъ. Противъ этого ничего нельзя было возразить. честность требовала этого. Того, что считали преждевременнымъ объявить раньше, уже больше нельзя было замалчивать, иначе это походило бы на обманъ и западню. Вѣдь большая часть бабидовъ должна бы была искренно изумиться, если бы ихъ назвали отступниками отъ ислама, а дѣло, по шиитскому ученію, именно таково, и всѣ они за это подлежали смерти, хотя бы даже и выразили раскаяніе. Но это постановленіе касалось лишь мужчинъ,-женщины же предварительно подлежали увѣщанію. На это то и била Куррат-уль-Айнъ, когда въ многочисленномъ собраніи, въ которомъ лишь не присутствовалъ, по предварительному уговору, Куддусъ, она объявила, въ чемъ дѣйствительно состоитъ ученіе Баба Она сказала горячую проповѣдь, открыла впервые лицо и пошла по рядамъ присутствующихъ Получилось страшное смятеніе, и дѣло могло бы кончиться очень плохимъ, если бы Бэха не накинулъ на голову Куррат-уль-Айнъ своего плаща и не вывелъ ее изъ собранія,-сзади по ея адресу раздавались негодующіе крики. Какъ она разсчитала раньше, всѣ присутствующіе отправились къ небывшему на собраніи Куддусу. Тотъ, видя, что настроеніе толпы не позволяетъ ему говорить открыто, согласился, что Куррат-уль-Айнъ вела себя, какъ невѣрная, если только въ ея поступкѣ нѣтъ тайнаго смысла. Поднялся споръ, результа томъ котораго было рѣшеніе, что Бабъ долженъ разъяснить лишь темныя мѣста Корана, а не уничтожать его совсѣмъ, и что Куррат-уль-Айнъ-невѣрная. Каждый день Куддусъ продолжалъ свои рѣчи, постепенно сближая границы понятій «разъясненіе темныхъ мѣстъ» и «уничтоженіе Корана». Черезъ Куддуса Куррат-уль-Айнъ слѣдила за всѣми перепетіями борьбы, и, въ указанный имъ моментъ, отлучила его, какъ онъ сдѣлалъ съ ней.

Наконецъ Куррат-уль-Айнъ сдѣлала Куддусу вызовъ: они оба должны выйти на диспутъ, и побѣжденный долженъ преклониться. Куддусъ, какъ бы нехотя принялъ этотъ вызовъ, и Куррат-уль-Айнъ цитатами изъ Корана и хадисовъ доказала самымъ блистательнымъ образомъ, какова была миссія скрытаго имама, которому принадлежитъ высшая власть приказывать во имя Бога «Куддусъ призналъ себя побѣжденнымъ, обратился къ слушателямъ и сказалъ: «то, что она говоритъ, истина, и то, что она

сдѣлала, хорошо› Обратившись къ ней, онъ просилъ у нея прощенія за свои ошибки и богогульство. Вся толпа послѣдовала его примѣру, и такимъ образомъ новая религія была основана среди всеобщаго энтузіазма и радости» [1]).

Послѣ этого всѣ вожди разошлись въ разныя стороны, чтобы собирать паломниковъ.

Куррат-уль-Айнъ съ Муллой Мухаммедомъ Али, изъ Барфуруша, направились къ Мазандерану, а Мулла Хусайнъ Бушруэи вернулся въ Хорасанъ. По дорогѣ въ Мазандеранъ Мулла Мухаммедъ Али свернулъ въ Барфурушъ, а Куррат-уль-Айнъ одна продолжала свой путь, направляясь къ близкой уже смерти. Вскорѣ она была арестована и отвезена въ Тегеранъ. «Нѣкоторое время она пробыла тамъ въ домѣ Махмудъ Хана Калантара, гдѣ она проповѣдывала и давала совѣты женщинамъ дома. Однажды она отправилась въ баню, откуда вернулась сіяющая бѣлизной своихъ одеждъ и говорила· «завтра меня убьютъ›. На слѣдующій день пришелъ ея палачъ и взялъ ее въ Нигаристанъ (дворецъ, построенный Фатхъ-Али Шахомъ) Такъ какъ она не позволила снимать вуаль съ своего лица (хотя ее нѣсколько разъ просили объ этомъ), ей накинули веревку сверхъ вуаля, и такъ совершилось ея мученичество. Послѣ этого ея святое тѣло бросили въ колодезь въ саду....» [2])

Мулла Хусайнъ вскорѣ былъ вызванъ изъ Хорасана Куддусомъ, который попросилъ его спѣшно присоединиться къ нему. По дорогѣ онъ узналъ о смерти Мухаммедъ Шаха. Это было, по словамъ Мирзы Джани, въ селеніи Аримъ. Тутъ Мулла Хусайнъ произнесъ краснорѣчивое слово о томъ, что настало время доказать свою вѣру цѣною жизни. Онъ прибавилъ, что всякій, кто не ручается за свою твердость, можетъ остаться,- никто не обвинитъ ихъ за то, что они отказались отъ непосильнаго для нихъ дѣла. Онъ говорилъ такъ:

«Знайте, о, люди, какъ говоритъ здравый смыслъ, что невозможно соединить вещи, существенно противоположныя, и, что, слѣдовательно, погоня за мірскимъ благополучіемъ непримирима съ совершенствованіемъ религіозной жизни, и накопленіе богатствъ противно дѣянію вѣры Вѣдь съ самаго сотворенія міра до настоящаго времени таковые были ведены Божественной Милостью, а ихъ естественныя склонности толкали ихъ на поиски истинной мудрости и къ достиженію самоусовершенствованія въ дѣлѣ вѣры и служенія: если бы они, при первомъ же шагѣ, не закрыли глазъ на богатство, женъ и дѣтей, на самую жизнь даже, они никоимъ образомъ не могли бы сдѣлать второго шага

---

[1]) A L. M. Nicolas. Le Bab. p. 287.
[2]) Tarikh-i-djadid p p. 283, 284.

впередъ. Такъ во всѣ прошлые вѣка и до настоящаго времени пророки, святые и избранные люди переправлялись черезъ мостъ привязанности къ этой старой Гостинницѣ (т. е. здѣшнему міру); они выказывали, вмѣстѣ со своими спутниками и послѣдователями, крайнее постоянство и стойкость, выдерживая всевозможныя невзгоды и тяжелыя муки, и легкими шагами они подвигались къ мученичеству, и они не успѣли освободить свой застигнутый ночью народъ отъ пропасти заблужденія и сѣтей невѣрія, или привести ихъ въ городъ увѣренности и въ гавань вѣры. Поэтому то глава мучениковъ (т. е. Хусаинъ) вмѣстѣ со своими помощниками и приверженцами такъ крѣпко держался въ долинѣ самопожертвованія и принесъ дѣятельное свидѣтельство истины ради направленія человѣческаго рода и установленія вѣры; черезъ то, много лѣтъ спустя послѣ этого мученичества, законъ Пророка окрѣпъ, и утвердились приказанія его новой религіи Подобно этому, и мы теперь, для пробужденія нашихъ товарищей,-будутъ ли они богаты добродѣтелями или окружены ошибками, разумны или неосторожны, щедры или просты; для устраненія сомнѣній и возраженій закоснѣлыхъ, и для убѣжденія беззаботныхъ и равнодушныхъ-принуждены, по волѣ Возлюбленнаго, принести нашими дѣяніями свидѣтельство этого новаго откровенія, доказать нашу искренность пренебреженіемъ всѣхъ земныхъ соображеній, претерпѣть страданія, превосходящія человѣческое воображеніе и силу, и положить тутъ даже дорогую жизнь ради установленія этой великой истины и совершенія доказательства нашимъ извращеннымъ и омраченнымъ противникамъ Знайте же навѣрное, что, какъ только мы прибудемъ въ Мазандеранъ, всѣ пути къ спасенію для насъ будутъ закрыты; что безъ сомнѣнія мы будемъ убиты въ величайшихъ мученіяхъ; и что земля за Барфурушемъ оросится кровью этихъ нашихъ товарищей. Дѣйствительно, наша высшая цѣль въ стремленіи впередъ къ концу нашего путешествія-печали есть не что иное, какъ принесеніе свидѣтельства истины и достиженіе возвышеннаго ранга мученичества. Тотъ, кто чувствуетъ себя способнымъ нести твердо, радостно, съ восхищеніемъ даже эту тяжелую ношу, пусть остается; если же здѣсь есть кто-нибудь, кто замѣчаетъ въ себѣ, хотя бы въ самой слабой степени, признаки слабости.-они приглашаются уйти. такъ какъ не позволительно накладывать на кого-нибудь болѣе, чѣмъ онъ въ состояніи нести. Пусть же они (если найдутся такіе) въ послѣдній разъ простятся со своими друзьями и товарищами и съ этого мѣста возвратятся назадъ» [1].

«Ихъ было 230 человѣкъ, которые слушали эту рѣчь, по-

---

[1]) Tarikh-i-djadid. pp. 45—47.

стоянно прерывая ее слезами и криками. Двѣсти человѣкъ засвидѣтельствовали свою незыблемую вѣрность, свою любовь къ Бабу и жажду умереть за него Только тридцать, взволнованные столь же, какъ и ихъ товарищи, но почувствовавше, что духъ ихъ слабъ, и сердце нерѣшительно, удалились, простившись съ тѣми, которые шли умирать.. Во главѣ этихъ двухсотъ рѣшительныхъ людей Баб-уль-бабъ сѣлъ на коня и отправился въ Барфурушъ»[1]).

Въ Барфурушѣ, гдѣ находился Куддусъ, не прекращавшій своей проповѣди, волненіе было страшное. Узнавъ о приближеніи бабидовъ, духовенство вооружило отрядъ мусульманъ и выслало его за городъ, чтобы воспрепятствовать бабидамъ войти въ городъ.

На просьбы бабидовъ дать имъ въ городѣ убѣжище на нѣсколько дней, толпа, подстрекаемая духовенствомъ, и въ особенности Сэид-уль-улема, отвѣтила бранью и выстрѣлами Вынужденные обороняться, бабиды разбили отрядъ и, продолжая бой, вошли въ городъ, гдѣ и укрѣпились въ одномъ изъ каравансараевъ При самомъ началѣ боя былъ убитъ Ага Сэидъ Риза, бѣжавшій у стремени Муллы Хусайна Толпа продолжала осаждать каравансарай, такъ что нѣсколько бабидовъ сдѣлали вылазку и прогнали ее. «Когда они вернулись, Мулла Хусайнъ сказалъ: «пусть кто-нибудь изъ васъ подымется и прокричитъ призывъ къ молитвѣ» Одинъ пошелъ, но едва лишь онъ успѣлъ произнести нѣсколько словъ, какъ былъ сраженъ пулей. Тогда Мулла Хусайнъ сказалъ. «призывъ къ молитвѣ долженъ быть докончень». Пошелъ другой, но, раньше чѣмъ онъ успѣлъ докончить, онъ былъ убитъ. Вслѣдъ за нимъ пошелъ третій и докончилъ остатокъ азана, но, какъ только онъ кончилъ, и онъ палъ мученикомъ, присоединившись къ своимъ товарищамъ, которые предшествовали ему» [2]).

Пять дней держались бабиды, дѣлая вылазки и отражая нападающихъ. На шестой явился генералъ Аббасъ Кули Ханъ Лариджани, который выслалъ отрядъ въ 300 человѣкъ, чтобы покончить съ бабидами. Начался кровавый бой, было много убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, но бабиды все держались Генералъ, чтобы прекратить кровопролитіе, вступилъ съ бабидами въ переговоры, настаивая, чтобы тѣ покинули страну. «Онъ послалъ своего зятя съ такимъ извѣстіемъ: «Хотя здѣшній народъ поступилъ несправедливо и безумно, не оказавъ должнаго уваженія вамъ, пришедшимъ къ нему въ качествѣ ищущихъ гостепріимства, и дальше старались причинить вамъ вредъ; все же,

---

[1]) A L. M Nicolas. Le Bab p. 293.

[2]) Tarikh-i-djadid pp. 50, 51.

такъ какъ вслѣдствіе смерти его величества шаха общественный порядокъ нарушенъ, было бы желательно, въ особенности же если принять во вниманіе, что между вами была пролита кровь, чтобы вы покинули городъ». На это посланіе Джэнаб и-Баб-уль-бабъ отвѣтилъ такъ: «Мы не имѣемъ возраженій на это при условіи, что они дадутъ намъ уйти, не причинивъ намъ вреда. Если вы обѣщаете, что не будетъ сдѣлано новой попытки причинить кровопролитіе и вызвать сраженіе, мы не будмъ отказываться удалиться»[1]). Со стороны Аббасъ Кули Хана имъ были даны требуемыя увѣренія, и бабиды вышли изъ города въ сопровожденіи отряда, во главѣ котораго былъ Садатъ Кули Бекъ, зять Аббаса Но вмѣстѣ съ ними была еще толпа мусульманъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Хосровъ Бека Садатъ Кули Бекъ, доведя бабидовъ до безопаснаго мѣста, вернулся назадъ. Отрядъ продолжалъ двигаться, не чувствуя, что ему грозитъ предательство со стороны непрошенныхъ провожатыхъ. Когда отрядъ былъ уже недалеко отъ гробницы Шейха Табарси, настало время молитвы, и Хосровъ Бекъ захотѣлъ воспользоваться этимъ. «Приблизившись къ Муллѣ Хусаину, онъ сказалъ «мы хотимъ вернуться,—дай намъ подарокъ». Тогда, согласно указанію Джэнаб-и-Бабъ-уль-баба, ему дали сто тумановъ деньгами, кромѣ другихъ вещей. Тогда онъ сталъ требовать у Джэнаб-и-Бабъ-уль-баба лошадь и мечъ, но тотъ отвѣтилъ: «не проси этого. —они мнѣ были даны однимъ святымъ человѣкомъ, и я не могу никому подарить ихъ». «Если вы мнѣ не дадите ихъ, возразилъ Хосровъ,—то я уполномоченъ (духовенствомъ) убить васъ. ваша жизнь и имущество предоставлены намъ». Такъ какъ онъ продолжалъ говорить въ этомъ неприличномъ тонѣ. Мирза Мухаммедъ Таки, изъ Джувейна, схватилъ его за руку и оттащилъ на нѣсколько шаговъ назадъ, мягко выговаривая ему и даже обѣщая увеличить только что полученную имъ сумму, если только онъ воздержится отъ оскорбленія Джэнаб-и-Бабъ-уль-баба. Но выговоры и предложенія были одинаково безуспѣшны, и Мирза Мухаммедъ Таки, истощивъ всѣ доказательства и будучи доведенъ до отчаянія, ударомъ своего кинжала освободилъ человѣчество отъ злости Хосрова. Другіе, видя, что ихъ предводитель палъ, бросились бѣжать, но, такъ какъ селеніе ихъ было подъ рукой, они вскорѣ вернулись съ большой толпой и напали на бабидовъ»[2]). Хотя тѣ и разсѣяли напавшихъ на нихъ мусульманъ, но были вынуждены бросить свой багажъ, чтобы скорѣе уйти, такъ какъ мѣсто было опасное,—они находились въ лѣсистомъ дефилэ. Такъ они добрались до мечети Шейха Табарси, гдѣ и

[1]) Idem pp 52, 53.
[2]) Idem p. 54.

остановились—въ ожиданіи событій. Мулла Хусайнъ объявилъ имъ, что теперь, когда имъ остается прожить всего нѣсколько дней, у нихъ все должно быть общимъ. И они всѣ стали питаться изъ общаго котла.

Такъ провели они двадцать сутокъ, послѣ чего подверглись нападенію со стороны мусульманъ, но отбили ихъ. Здѣсь къ бабидамъ присоединился Куддусъ съ небольшой группой послѣдователей. въ интересахъ дѣла онъ не принималъ участія въ томъ, что происходило въ Барфурушѣ,- силъ было немного, и ихъ надо было беречь. Подъ руководствомъ Куддуса бабиды окопались и возвели укрѣпленія, способныя выдержать продолжительную осаду; одновременно былъ сдѣланъ и большой запасъ провіанта Слухи о возведеніи укрѣпленія быстро распространились вокругъ Это было въ началѣ царствованія Насръ-Эддинъ Шаха. Сэидъ-уль-улема подалъ ему прошеніе, отвѣтомъ на которое былъ приказъ объ истребленіи бабидовъ.

Когда все было готово, Мулла Хусайнъ и Куддусъ начали свои проповѣди и обратили въ свою вѣру не мало мусульманъ. Куддусъ впрочемъ показывался очень рѣдко Во всякой проповѣди упоминалось о необходимости отправиться на завоеваніе Мазандерана. Такая проповѣдь конечно не могла остаться безъ репрессій, и шахскія войска были двинуты противъ мятежниковъ Эти войска потерпѣли полное пораженіе, и слухъ о побѣдѣ бабидовъ быстро разнесся по всему Мазандерану. Шахъ былъ въ ярости и подтвердилъ раньше данный приказъ—употребить всѣ усилія къ тому, чтобы ни одинъ бабидъ не остался въ живыхъ Впрочемъ, какъ это всего лучше удостовѣряютъ бабидскіе источники, больше дѣйствовали именемъ шаха, чѣмъ онъ самъ.

На этотъ разъ командованіе войсками было поручено принцу Махди Кули Мирзѣ. въ помощь которому былъ назначенъ Аббасъ Кули Ханъ. Принцъ съ отрядомъ въ двѣ или три тысячи солдатъ приблизился къ Шейхъ Табарси на разстояніе до двухъ фарсаховъ и, въ ожиданіи подкрѣпленій, остановился въ Дэх-и-Бази. Не рѣшаясь мѣряться съ бабидами въ открытомъ полѣ, онъ рѣшилъ взять ихъ хитростью. Съ этой цѣлью онъ предложилъ бабидамъ мирно разойтись, на что Куддусъ отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ до него доходили слухи о томъ, что принцъ арестовываетъ бабидовъ Отвѣтъ Куддуса содержалъ цѣлое пространное посланіе, которое еще больше убѣдило принца, что надо дѣйствовать хитростью, такъ какъ бабиды, рѣшившіеся умереть, жизнь свою будутъ продавать дорого Онъ отправилъ еще письмо Куддусу, говоря. что лично признаетъ стремленія бабидовъ правильными и постарается убѣдить въ этомъ духовенство Но дѣйствительной его цѣлью было лишь тянуть время до прибытія подкрѣпленій Куддусъ же, прекрасно пони-

мавшій хитрость и ея причину, рѣшилъ, напротивъ, не выжидать далѣе, такъ какъ всякое промедленіе невыгодно для нихъ измѣняло шансы хотя бы и временнаго успѣха. Однажды ночью онъ съ 300 человѣкъ сдѣлалъ вылазку, дошелъ до Васкеса, по близости отъ лагеря шахскихъ войскъ, и напалъ на лагерь. Чтобы хитрость удалась вполнѣ, онъ отдѣлилъ нѣсколько человѣкъ, которыхъ послалъ впередъ, и которые всѣмъ встрѣчнымъ должны были говорить, что они авангардъ Аббасъ Кули Хана Лариджжани. Благодаря этому, они свободно проникли въ лагерь, гдѣ и начали рѣзню, которая продолжалась всю ночь, освѣщаемая пламенемъ пожаровъ. Въ числѣ убитыхъ было нѣсколько принцевъ, но Махди Кули Мирзѣ удалось бѣжать. Утромъ Куддусъ далъ приказъ отходить Видя, что нѣкоторые бабиды остались въ лагерѣ для грабежа, мусульмане опять сдѣлали нападеніе, но были отбиты. Въ этомъ бою Куддусъ былъ раненъ въ ротъ. Съ богатой добычей бабиды утромъ вернулись въ свое укрѣпленіе, и радость ихъ была омрачена только раной Куддуса Тотъ не могъ принимать твердой пищи и поддерживалъ себя исключительно чаемъ и небольшимъ количествомъ размоченнаго въ немъ хлѣба.

Принцъ Махди Кули Мирза, бѣжавшій въ Сари, сталъ собирать новый отрядъ, что сдѣлать было не очень легко, такъ какъ новая побѣда бабидовъ положительно на всѣхъ навела паническій страхъ.

Тѣмъ временемъ Аббасъ Кули Ханъ Лариджжани, желая отличиться, самъ отправился къ Табари Узнавъ объ этомъ, принцъ послалъ ему подкрѣпленія, и самъ съ другимъ отрядомъ также отправился туда съ цѣлью блокировать крѣпость

Аббасъ Кули Ханъ, еще незнакомый хорошо съ бабидами, рвался въ бой и не слушался совѣтовъ наученнаго горькимъ опытомъ принца.

10-го раби-аль-авваля, съ разрѣшенія Куддуса, Мулла Хусайнъ съ 440 человѣкъ, рѣшившихся умереть, вышелъ изъ крѣпости и съ крикомъ—«я сахиб-уз-зэманъ»—врасплохъ напалъ на спящій лагерь. Обезумѣвшіе солдаты, встрѣчая со всѣхъ сторонъ выстрѣлы, не знали, гдѣ непріятель, и стали избивать другъ друга, тѣмъ облегчая задачу бабидовъ. Бой продолжался всю ночь: потери шахскихъ войскъ были громадны, но не малый уронъ понесли и бабиды Въ этомъ бою былъ смертельно раненъ Мулла Хусайнъ,—двѣ пули были выпущены въ него Аббасъ Кули Ханомъ. Послѣ этого бабиды въ порядкѣ отступили. У Муллы Хусайна хватило силъ доѣхать до крѣпости, гдѣ онъ и умеръ. Когда произвели подсчетъ, то оказалось, что въ этомъ бою бабиды потеряли 70 человѣкъ, со стороны же шахскихъ войскъ было около 400 убитыхъ и свыше тысячи раненыхъ.

Чтобы придать этому пораженію видъ побѣды, Аббасъ Кули Ханъ обезглавилъ трупы павшихъ бабидовъ и головы ихъ разослалъ по разнымъ городамъ провинціи Тогда и «бабиды, разсвирѣпѣвшіе при видѣ поруганныхъ труповъ своихъ, вырыли трупы солдатъ—мусульманъ, обезглавили ихъ и головы на длинныхъ пикахъ воткнули передъ крѣпостью» 1).

Какіе слухи ни распускали военачальники, но всѣ видѣли, что на кровавомъ пути, по которому слѣдовали бабиды, къ нимъ примыкали все новые приверженцы. Глава духовенства приказалъ Аббасъ Кули Хану, который былъ тогда въ Амолѣ, покончить съ крѣпостью, о томъ же ему неустанно твердило и городское духовенство. Тогда Аббасъ Кули Ханъ, уже достаточно оцѣнившій бабидовъ, рѣшилъ схитрить: онъ спросилъ улемовъ, является ли война противъ бабидовъ религіозной войной? Тѣ, все время подававшіе свой голосъ, должны были заявить, что это война религіозная Тогда Аббасъ Кули Ханъ сказалъ, что, разъ преслѣдованіе бабидовъ есть вопросъ религіозный, то и рѣшать его должны улемы, а онъ, съ своей стороны, по мѣрѣ возможности, поможетъ имъ. Муллы увидали, что попали въ ловушку, но дѣлать было нечего: пришлось объявить священную войну и двинуться въ походъ. При такомъ оборотѣ дѣла энтузіазмъ значительно палъ, и муллы, чувствуя всю непріятность положенія въ авангардѣ шахскихъ войскъ, стали дезертировать. Они говорили, что принцъ и улемы «безъ достаточнаго основанія оторвали насъ отъ нашихъ занятій, нашихъ разсужденій и зарабатыванія насущнаго хлѣба, и подвергли насъ суровой опасности; вѣдь сражаться съ людьми, которые отказались отъ міра и несутъ свои жизни въ своихъ собственныхъ рукахъ, это—подвергаться большому риску. И священный стихъ «не увлекайте сами себя въ бездну» (Сура 2-я, ст. 191) сдѣлался ихъ ежедневной фразой. Одинъ говорилъ «извѣстныя обстоятельства освобождаютъ меня отъ обязательства принимать, въ настоящее время, участіе въ этой войнѣ». Другой (приводя тридцать различныхъ предлоговъ) говорилъ: «у меня есть законное извиненіе, и я вынужденъ возвратиться назадъ». Третій говорилъ: «у меня маленькія дѣти, которыя находятся на моемъ попеченіи,—что я могу сдѣлать?» Четвертый говорилъ: «я не заготовилъ провизіи для моей жены, и поэтому я долженъ вернуться; однако я возвращаюсь опять, если это понадобится». Пятый говорилъ: «я еще не разсчитался съ нѣсколькими лицами; я паду мученикомъ, мое имущество будетъ расточено, и съ моей женой и дѣтьми будетъ поступлено несправедливо; расточительность же и несправедливость осуждаются, какъ противныя нашей святой религіи и

1) A. L. M. Nicolas. Le Bab. p. 314.

неугодныя Богу». Шестой сказалъ. «я долженъ деньги разнымъ лицамъ и еще не расплатился съ моими долгами; если бы я палъ, мой долгъ не позволитъ мнѣ перейти черезъ мостъ Сиратъ» Седьмой говорилъ: «я ушелъ безъ вѣдома своей матери, и она сказала мнѣ. «если бы ты ушелъ, я сдѣлала бы для тебя незаконнымъ молоко, которымъ я вскормила тебя»; я боюсь теперь, что моя мать отвергнетъ меня, какъ не исполнившаго свой долгъ». Восьмой со слезами говорилъ: «я далъ обѣтъ посѣтить въ этомъ году Кербелу; одинъ обходъ священной могилы Главы Мучениковъ по заслугѣ равенъ 100000 мученичествъ и 1000 паломничествъ въ Мекку. Я боюсь, что мнѣ не удастся выполнить моего обѣта, и я, такимъ образомъ, буду лишенъ этого великаго благословенія». Другіе говорили. «мы, съ нашей стороны, и не видали въ нашемъ народѣ и не слышали о немъ чего бы то ни было, что показало бы ихъ невѣрными, потому что и они говорятъ: «нѣтъ бога кромѣ Бога, Мухаммедъ есть Апостолъ Бога, и Али есть другъ Бога». Самое большее, они считаютъ, что пришествіе имама Махди совершилось. И пусть они остаются, потому что во всякомъ случаѣ они не хуже суннитовъ, которые отрицаютъ двѣнадцать имамовъ и четырнадцать непорочныхъ святыхъ. Почему же наши богословы оставляютъ этихъ свободными и сражаются съ тѣми изъ-за вещей, правота или неправота которыхъ еще какъ слѣдуетъ не установлена» [1]). Всѣ мало по малу уходили, и наконецъ принцъ прогналъ и оставшихся, такъ какъ убѣдился, что ихъ присутствіе въ войскъ деморализующе дѣйствовало на солдатъ.

Принцъ приказалъ возвести вокругъ крѣпости окопы, и, такимъ образомъ, бабиды оказались въ кольцѣ непріятеля: уйти было уже нельзя, и они приготовились къ смерти. Прибывшая изъ Тегерана артиллерія давала войскамъ рѣшительный перевѣсъ надъ осажденными. Время отъ времени бабиды устраивали вылазки, сопровождавшіяся кровопролитными боями. Тѣ, которые попадали въ плѣнъ, кончали свою жизнь въ жестокихъ мукахъ. Такъ, съ нѣкоторыми другими былъ казненъ Мулла Сандъ, изъ Зарканада, отличавшійся большой ученостью. Четыре мѣсяца такъ тянулось дѣло, и войска не могли нанести рѣшительнаго удара, хотя осажденный гарнизонъ и терпѣлъ уже лишенія отъ голода,—припасы давно уже истощились, а новыхъ достать не было возможности. Добивали гибнущихъ отъ голода лошадей и ѣли ихъ. Потомъ перешли на коренья и листья, пока не были ощипаны всѣ деревья въ крѣпости.

Неуспѣхи войскъ привели шаха въ страшный гнѣвъ: онъ послалъ къ войску Сулеймана Хана Афшара съ приказомъ окон-

---

[1]) Tarikh-i-djadid. pp. 74-76.

чить скорѣе. Осаждающія войска возвели вокругъ крѣпости нѣсколько башенъ, такъ что свободно обстрѣливали всю внутренность крѣпости. Каждый день уносилъ новыхъ жертвъ изъ числа бабидовъ, но они уже не печалились, а радовались этому, какъ приближенію къ цѣли.

Съ помощью взрыва мины въ крѣпостной стѣнѣ была сдѣлана брешь, войска ворвались туда, и участь бабидовъ была бы рѣшена, если бы принцъ, къ общему изумленію, не приказалъ отступить. Между тѣмъ гарнизонъ крѣпости не имѣлъ уже никакихъ припасовъ, и нѣкоторые изъ бабидовъ пришли къ войскамъ съ повинной. Ага Расуль, одинъ изъ вліятельныхъ бабидовъ, пришелъ въ лагерь принца и выпросилъ у него прощеніе для себя и тридцати товарищей. По выходѣ онъ былъ убитъ людьми Аббасъ Кули Хана.

Прошло еще нѣсколько дней, и принцъ написалъ письмо Куддусу, уговаривая его прекратить кровопролитіе и предлагая ему прочный миръ. Куддусъ отвѣтилъ, что онъ принимаетъ предложеніе съ условіемъ, что ихъ отпустятъ уйти въ другія провинціи. Подробности этого дѣла не лишены интереса.

«Принцъ написалъ Куддусу слѣдующее письмо: «не старайся больше причинять вредъ мусульманамъ. Вѣдь девять мѣсяцевъ обѣ стороны ведутъ враждебныя дѣйствія, безъ перемирія и отдыха. Мы готовы теперь оставить всякую мысль о войнѣ и ради мира согласиться на тѣ условія, какія вамъ угодно предложить».

«Когда Джэнаб-и-Куддусъ прочелъ это письмо, онъ сказалъ: «хотя онъ замышляетъ предательство и разсчитываетъ пролить кровь этихъ невинныхъ людей, но, такъ какъ его рѣшенія согласуются съ судьбой, и такъ какъ мы желаемъ умереть и вырваться изъ этого бреннаго міра, мы допустимъ осуществленіе его плановъ». И онъ написалъ въ отвѣтъ: «если вы гарантируете нашу безопасность и пропустите насъ безъ вреда, мы уйдемъ изъ вашей земли въ другую страну». Получивъ это письмо, принцъ крайне обрадовался, и онъ и Аббасъ Кули Ханъ поклялись на Коранѣ уважать условія договора, которыя состояли въ слѣдующемъ:—«въ какое бы мѣсто вы не пожелали уйти, никто не задержитъ васъ или не причинитъ вамъ вреда по дорогѣ». Сверхъ того принцъ (послалъ лошадь и) выразилъ горячее желаніе увидѣться съ Джэнаб-и-Куддусомъ, который изъ уваженія къ Корану, на которомъ были произнесены клятвы, принялъ сдѣланное предложеніе, сказавъ: «хотя его цѣль очевидна (и предательство ясно для насъ), все же мы скорѣе потеряемъ свою жизнь, чѣмъ окажемъ неуваженіе къ слову Бога; итакъ, мы примемъ его предложеніе и добровольно со смиреніемъ вступимъ на этотъ путь апоніи».

«Такъ, лошадь была послана для Джэнаб-и-Куддуса, онъ сѣлъ на нее и отправился со столькими изъ своихъ людей, сколько еще осталось въ живыхъ, 230 человѣкъ всего,—они шли справа и слѣва отъ него. Внѣ лагеря для нихъ было приготовлено мѣсто, гдѣ они и остановились. Тамъ къ Куддусу пришелъ вѣстникъ отъ принца и сказалъ (отъ того): «или позвольте мнѣ сдѣлать вамъ краткій визитъ здѣсь, или же будьте добры прійти ко мнѣ, чтобы мы могли немного побесѣдовать и обсудить планъ вашего ухода». Тогда Куддусъ съ 14 (или, какъ нѣкоторые говорятъ, съ семью) человѣками отправился въ расположеніе принца.

«Послѣ обмѣна обычныхъ любезностей, принцъ попросилъ Джэнаб-и-Куддуса приказать своимъ послѣдователямъ сложить оружіе, потому что оно являлось угрозой и поводомъ страха для войскъ. Эту просьбу онъ высказалъ такъ настойчиво, что Джэнаб-и-Куддусъ наконецъ послалъ своимъ людямъ приказъ положить оружіе, и этотъ приказъ былъ радостно и добровольно выполненъ. Тогда солдаты собрали оружіе и унесли его. Передъ тѣмъ, какъ это было сдѣлано, принцъ приказалъ принести бабидамъ завтракъ. Но только они, безоружные, усѣлись и принялись за ѣду, какъ солдаты окружили ихъ и сдѣлали въ нихъ залпъ и затѣмъ обрушились на уцѣлѣвшихъ, давая имъ для освѣженія напитокъ мученичества. Тогда они схватили Джэнаб-и-Куддуса и тѣхъ, кто были съ нимъ. Странное гостепріимство и пріемъ устроили они этимъ бѣднымъ людямъ! Послѣ того, какъ они, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, такъ страдали отъ голода, что съ удовольствіемъ бы стали ѣсть траву, но и той не было у нихъ, они на Словѣ Бога были позваны на пиръ, и лишь только они сдѣлали одинъ глотокъ, какъ ихъ голодъ былъ утоленъ пулями! И во впадинѣ земли было собрано такое количество крови, что дѣлается очевидной истина преданія, гласящаго, будто въ странѣ было такое кровопролитіе, что ноги у лошадей по колѣно были въ запекшейся крови»[1]). Лишь немногіе изъ бабидовъ бѣгствомъ спаслись въ близъ лежащій лѣсъ отъ рѣзни, которую имъ устроилъ принцъ, и лишь благодаря этому чудесному спасенію сдѣлалась извѣстной истина о томъ, что произошло.

Болѣе видныхъ изъ бабидовъ, съ Куддусомъ во главѣ, подвергли всенародному поруганію. Когда войска прибыли въ Барфурушъ, Куддусъ просилъ принца отослать его въ Тегеранъ, и принцъ было согласился на это, но духовенство воспротивилось: за тысячу тумановъ принцъ уступилъ Куддуса въ распоряженія Сэидъ-уль-улема! Всячески надругавшись надъ Куддусомъ,

[1]) Tarikh-i-djadid pp. 85-87. Traveller's Narrative p. 39.

тотъ собственноручно убилъ его. Другіе бабиды или были замучены или проданы въ рабство... Больше уже некому было вести паломниковъ въ Маку.

Волненія были не въ одномъ Мазандеранѣ,—Зенджанъ также глухо бродилъ, подстрекаемый муллами, которые съ ужасомъ слѣдили за успѣхами новаго ученія. Одинъ изъ муллъ, по имени Мулла Мухаммедъ Али Худжатъ-уль-исламъ, прибывшій изъ Кербелы, началъ слишкомъ либерально толковать Коранъ, чѣмъ вызвалъ не малый соблазнъ среди правовѣрныхъ. По жалобѣ шаху, онъ былъ вызванъ въ Тегеранъ (куда его потомъ вызывали еще нѣсколько разъ), гдѣ число его приверженцевъ значительно и быстро увеличилось. Шаху понравился молодой богословъ, и онъ отпустилъ его въ родной городъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ тріумфомъ По возвращеніи Мухаммедъ Али Худжатъ услыхалъ о Бабѣ. Для провѣрки слуховъ онъ послалъ въ Ширазъ Мешеди Ахмада, одного изъ своихъ приближенныхъ, который черезъ нѣкоторое время вернулся съ письмомъ отъ Баба. Прочтя письмо Худжатъ сразу увѣровалъ въ Баба и сказалъ своимъ ученикамъ, что взошло солнце истины, и разсѣялся мракъ невѣдѣнія. «Наконецъ онъ принялся громкимъ голосомъ читать молитву, которая читается въ пятницу, но которая должна замѣнить ежедневную, когда появится имамъ»[1]. Послѣ этого онъ объявилъ, что Сахиб-уз-зэманъ появился Еще нѣсколько дополнительныхъ словъ, и почти всѣ изъ его учениковъ увѣровали.

Это обращеніе почти совпало съ невольнымъ путешествіемъ Баба въ Маку и его проѣздомъ черезъ Зенджанъ. Бабу не удалось увидѣться съ новымъ своимъ ученикомъ: отказавшись отъ свиданія съ нимъ въ Султаніэ, въ Зенджанѣ онъ уже не имѣлъ времени, такъ какъ въ ту ночь, когда Бабъ прибылъ въ Зенджанъ, Худжата, по приказанію шаха, тайно увезли въ Тегеранъ. Это было уже въ шестой разъ. Былъ устроенъ диспутъ, на которомъ Худжатъ разбилъ всѣ доводы муллъ. Тогда его обвинили въ томъ, что онъ мутитъ народъ въ Зенджанѣ, и его задержали въ Тегеранѣ. Когда на престолъ вступилъ Насръ Эддинъ Шахъ, Худжату дали разрѣшеніе удалиться. На другой же день, какъ увезли Худжата въ Тегеранъ, Баба увезли дальше въ Табризъ.

По возвращеніи Худжата въ Зенджанъ, власти были въ ярости, но ничего не могли подѣлать, такъ какъ значительная часть населенія была на сторонѣ молодого муллы, который открыто продолжалъ свою проповѣдь, и съ самаго пріѣзда его пре-

---

[1]) Nicolas Le Bab. p. 335.

бываніе въ Зенджанѣ было сплошнымъ тріумфомъ Зенджанское духовенство пожаловалось въ Тегеранъ, и оттуда получился приказъ арестовать Худжата и тѣмъ не дать разрости опасному движенію Но это не такъ легко было сдѣлать.

Худжатъ все это зналъ, но продолжалъ свою проповѣдь, постоянно окруженный многотысячной толпой. Правда, что онъ болѣе не появлялся въ мечети, а сталъ молиться и проповѣдывать у себя въ домѣ Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ, понимая, что рѣзкими мѣрами ничего подѣлать нельзя, не вызывая открытаго возмущенія, вступилъ съ Муллой Мухаммедомъ въ соглашеніе, что всѣ бабиды, если они будутъ въ чемъ нибудь замѣчены, должны быть направляемы для разбора къ этому послѣднему. Это исполнялось, и всѣ нарушенія этого обязательства со стороны губернатора вызывали насилія со стороны бабидовъ, такъ что народъ сталъ упрекать губернатора въ томъ, что онъ передалъ свое званіе приверженцу Муллы Мухаммеда-Динъ Мухаммеду.

Вскорѣ была сдѣлана неудачная попытка арестовать Худжата при входѣ въ мечеть. Шахъ, напуганный все разростающимся движеніемъ, приказалъ уничтожить всѣхъ бабидовъ, о чемъ усиленно хлопоталъ первый министръ, Мирза Агасы, заклятой врагъ бабидовъ.

Видя, что дѣло принимаетъ крутой оборотъ, Худжатъ со всѣми своими учениками сталъ готовиться къ защитѣ: онъ приказалъ перекопать нѣкоторыя улицы и кое гдѣ возвести баррикады Подошли войска, и начались постоянныя схватки, въ общемъ по большой части побѣдоносныя для бабидовъ. Такъ имъ удалось даже завладѣть находившейся среди города цитаделью, что было важной побѣдой, такъ какъ цитадель занимала центральное и господствующее положеніе. Но дальше шахскія войска все прибывали и прибывали, а бабиды уменьшались въ числѣ,-потери были постоянны, а ждать подкрѣпленій было неоткуда. Все же потерянная бабидами цитадель вновь перешла въ ихъ руки.

Было бы слишкомъ долго слѣдить за всѣми перипетіями борьбы; скажемъ, что насталъ моментъ, когда военачальники отчаялись въ скоромъ успѣхѣ при дѣйствіи открытой силой и рѣшили прибѣгнуть къ спасительной хитрости Вскорѣ Худжату былъ посланъ Коранъ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ заключить миръ. На отговоры своихъ учениковъ Худжатъ отвѣтилъ, что, даже зная хитрость, они наружно не имѣютъ права не вѣрить такому торжественному обѣщанію. Подозрѣнія оправдались,-посланная къ Эмиру депутація было подвергнута мученіямъ.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ историкъ движенія.

«Однажды Динъ Мухаммедъ ходатайствовалъ передъ Мул-

лой Мухаммедомъ за нѣсколькихъ престарѣлыхъ непріятелей, которые находились въ тюрьмѣ, и тотъ отпустилъ ихъ. Когда они вернулись, одинъ изъ нихъ по имени Кэльбъ Али, пришелъ въ лагерь, увидался съ главнокомандующимъ, бесѣдовалъ съ нимъ и получилъ его согласіе на заключеніе перемирія. Послѣ этого онъ вернулся къ Муллѣ Мухаммеду и сдѣлалъ ему слѣдующее предложеніе:-«Вы дадите пять куроровъ динаровъ (250 тумановъ). и нѣсколько вашихъ стариковъ съ дѣтьми, взявъ въ руки Коранъ, отправятся и сядутъ подъ одной изъ пушекъ (т. е. въ бэстъ). Тогда главнокомандующій пошлетъ извѣстіе правительству, что тѣ сами пришли просить милости Тогда возьмутъ визиря (вѣроятно Муллу Мухаммеда) къ шаху, а простой народъ можетъ разойтись по домамъ». Динъ Мухаммедъ передалъ это предложеніе Муллѣ Мухаммеду Али, который отвѣтилъ «вы свободны, дѣйствуйте такъ, какъ вамъ покажется лучшимъ». Тогда Динъ Мухаммедъ выбралъ 60 стариковъ 80 или 90 лѣтъ и нѣсколько дѣтей, далъ имъ въ руки Коранъ и отправилъ ихъ въ лагерь, приказавъ между тѣмъ хорошо охранять стѣны цитадели.

«Какъ только старики пришли въ лагерь, ихъ схватили, принявъ ихъ за предводителей бабидовъ, и одновременно былъ отданъ приказъ объ атакѣ. Но и бабиды были готовы за своими стѣнами, и, едва войска приблизились, какъ были встрѣчены ружейными залпами и пушечными ядрами, на что они отвѣчали также артиллерійскимъ огнемъ. Бой былъ горячій, но въ концѣ концовъ войска были вынуждены отступить. Было удостовѣрено, что въ этотъ день было убито 900 солдатъ.

«Стариковъ же, которыхъ захватили, изранили и выставили на солнечный жаръ, и они лежали тамъ, испуская непрерывные крики отъ мучившей ихъ жажды. Когда Мулла Мухамедъ Али услышалъ объ этомъ, онъ позвалъ къ себѣ Динъ Мухаммеда и сказалъ ему: «я требую отъ васъ (возвращенія этихъ) заложниковъ». «Со всей готовностью», отвѣтилъ тотъ. Когда наступила ночь, онъ взялъ 400 человѣкъ, откопалъ землю, которой были засыпаны ворота, открылъ ихъ, безшумно вышелъ и сдѣлалъ нападеніе съ трехъ сторонъ. Когда побѣдители поняли, въ чемъ дѣло, они зарядили пушки картечью и выстрѣлили Бабиды упали на землю, и, когда картечь пронеслась надъ ними, они вскочили на ноги и бросились впередъ, разсѣявая 30-тысячную армію. Они дали воды заложникамъ, освободили ихъ, захватили съ собой столько оружія и припасовъ, сколько могли, и возвратились въ окопы. Саидъ Рамазану удалось унести одну пушку, которую онъ и установилъ на сдѣланномъ имъ лафетѣ» [1]).

---

[1]) Tarikh-i-djadid. p p 151-153.

Видя, что ни о какихъ переговорахъ рѣчи быть не можетъ, Худжатъ сказалъ, что онъ вынужденъ перемѣнить тактику и не защищаться только, какъ раньше, а нападать.

Подобно Муллѣ Хусайну, онъ предупредилъ слабыхъ сердцемъ, что они могутъ уйти, такъ какъ теперь всѣ остающіеся идутъ уже на вѣрную смерть. И кровопролитіе началось снова.. Для войскъ большой потерей была смерть Фаррухъ Хана, который, попавъ въ плѣнъ, былъ жестоко казненъ съ живого съ него содрали кожу, и потомъ онъ былъ брошенъ на костеръ. [1]). Узнавъ о происшедшемъ, шахъ немедленно отправилъ въ Зенджанъ сильныя подкрѣпленія, которыя постепенно подходили со всѣхъ сторонъ. Ряды же бабидовъ сильно рѣдѣли,-но они ждали этого, что для нихъ было ужаснѣе всего, это-передъ близкой кончиной узнать о казни своего учителя. Тутъ нѣкоторые изъ бабидовъ стали говорить Муллѣ Мухаммеду, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, но онъ отвѣтилъ, что его Господинъ живетъ и смерть не можетъ коснуться его равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кто вѣруетъ въ него Взрывъ бѣшенаго негодованія уже ничего не могъ сдѣлать: бабидовъ осталось слишкомъ мало, и ихъ усилія разбивались о массу войскъ, какъ морская волна объ утесъ; между тѣмъ какъ численность шахскихъ войскъ была доведена до 30-40 тысячъ человѣкъ, бабидовъ осталось всего 361 человѣкъ, раздѣленныхъ по 19 человѣкъ, въ 19 башняхъ. Еще нѣсколько схватокъ, и почти всѣ они были перебиты. Все съуживались и съуживались укрѣпленія бабидовъ, пока, наконецъ, всѣ они не оказались въ одномъ домѣ. Вскорѣ Мулла Мухаммедъ Али былъ раненъ ядромъ въ руку. Проживъ еще полтора мѣсяца послѣ этого, онъ умеръ, завѣщавъ войскамъ держаться до послѣдней крайности, такъ какъ, если у нихъ хватитъ терпѣнія, они будутъ спасены.

Вскорѣ всѣ оказались въ одномъ домѣ; тамъ были женщины и дѣти,-къ чему было еще проливать кровь? И, несмотря на отговоры Динъ Мухаммеда, напоминавшаго о словахъ Худжата, бабиды предложили миръ, который и былъ лицемѣрно принятъ. Плѣнниковъ стали пытать, чтобы они сказали, гдѣ находится трупъ Худжата. Всѣ вытерпѣли муки, и никто не сказалъ,—это узнали у маленькаго сына покойнаго. Трупъ вынули изъ могилы и подвергли поруганію, а послѣ бросили. Какая постигла его судьба, точно неизвѣстно. Черезъ нѣсколько дней почти всѣ захваченные бабиды были казнены. Палачамъ не было времени слѣдить за чистотой работы, и послѣ казни толпы добровольцевъ бродили среди тѣлъ казненныхъ и звѣрскимъ образомъ добивали

---

[1]) Idem p 156.

тѣхъ, въ которыхъ еще теплилась жизнь. Наиболѣе важныхъ бабидовъ, въ числѣ около сорока человѣкъ, отвезли въ Тегеранъ, гдѣ трое были казнены, а остальные брошены въ тюрьму... Двумъ вдовамъ Худжата Насръ Эддинъ Шахъ назначилъ пенсію.

Теперь опять вернемся къ Бабу. Съ прибытіемъ въ Маку, для него окончилось свободное существованіе,—онъ былъ въ тюрьмѣ, и смягчить болѣе или менѣе его участь было не во власти губернатора. Стихи Бэйяна даютъ много указаній на тягость жизни Баба въ заключеніи. Но жестоко заблуждались тѣ, которые разсчитывали заключеніемъ сломить его волю,—изъ темницы по прежнему раздавался голосъ пророка Въ заключеніи онъ пробылъ около двухъ лѣтъ, но передъ казнью былъ переведенъ въ другую тюрьму, а именно Чехрикъ, гдѣ онъ и находился подъ наблюденіемъ Яхья Хана Курда.

Въ это время не только весь Мазандеранъ былъ въ возстаніи, но пламенемъ его были охвачены и другія провинціи, и первый министръ рѣшилъ удалить причину въ корнѣ, т. е. уничтожить Баба. Шахъ пробовалъ заступаться за Баба, но безуспѣшно: Сулейманъ Ханъ Афшаръ былъ посланъ въ Табризъ для совершенія казни. Одновременно туда же былъ доставленъ Бабъ изъ Чехрика, послѣ трехмѣсячнаго приблизительно пребыванія тамъ. При проѣздѣ Баба черезъ Урмію, губернаторъ Каземъ Мирза выказывалъ ему знаки величайшаго почтенія[1]). Еще до выѣзда изъ Чехрика Бабъ привелъ въ порядокъ всѣ свои дѣла, заперъ въ особую шкатулку всѣ свои писанія и ключъ отъ нея, черезъ Муллу Бакира, послалъ Муллѣ Абд-уль-Кэриму, изъ Казвина Посланный вручилъ это Муллѣ Кэриму въ Кумѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія. На вопросы присутствующихъ Мулла Кэримъ отвѣтилъ, что довѣренное ему онъ долженъ передать Бэха Уллѣ, и что больше онъ ничего не можетъ сказать[2]).

Уже съ самаго начала миссіи Баба, въ Тегеранѣ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своими способностями молодой Мирза Хусайнъ Али (Бэха Улла); это было тѣмъ болѣе удивительно, что онъ не получилъ почти никакого образованія, по крайней мѣрѣ систематическаго. своими богословскими разсужденіями онъ положительно изумлялъ ученыхъ и муллъ. Когда прогремѣлъ успѣхъ Баба, онъ познакомился съ его ученіемъ, сдѣлался ревностнымъ его ученикомъ и проповѣдникомъ его доктрины. Проповѣдь его имѣла успѣхъ среди всѣхъ классовъ населенія. Когда онъ объяснялъ муллламъ мистическія доктрины, они чув-

---

[1]) Traveller's Narrative p. 19.

[2]) Idem. p. 41, 42.

ствовали себя лишь дѣтьми передъ нимъ, несмотря на запасъ своей оффиціальной премудрости. Успѣхи эти не на шутку встревожили духовенство, которое рѣшило или убѣдить или сломить Бэха Уллу. Для диспута съ нимъ были назначены двое муллъ, славящихся какъ своею ученостью, такъ и краснорѣчіемъ,— Бэха Улла побѣдилъ и ихъ. Съ проповѣдью онъ ходилъ въ Амолъ и въ Сари, и тамъ его ждалъ успѣхъ. Онъ пытался пробраться въ крѣпость Шейхъ Табарси во время осады, но это ему не удалось. Въ Тегеранъ онъ вернулся послѣ смерти Мухаммедъ Шаха. Тутъ онъ рѣшилъ вступить въ сношенія съ Бабомъ, что и исполнилъ при помощи Муллы Абд-ул-Кэрима. Такъ какъ слава Бэха сдѣлалась слишкомъ велика, и положеніе довольно опасно, онъ, по соглашенію съ Муллой Абд-ул-Кэримомъ, сталъ распространять славу о своемъ братѣ Мирзѣ Яхьѣ (Субх-и-Эзэль), который былъ скрытъ. Отклонивъ отъ себя непосредственную опасность, Бэха дѣйствовалъ какъ бы во имя брата и пользовался свободой. Этотъ планъ дѣйствій былъ одобренъ и Бабомъ, который относился къ Бэха съ большимъ уваженіемъ. Такой образъ дѣйствій продолжался до ухода Бэха въ Кербелу (въ 1269 г г.) [1]).

Когда Баба привезли въ Табризъ, хотѣли еще разъ устроить публичный диспутъ, но улемы снова отказались отъ этого. Было устроено секретное испытаніе, на которомъ Бабъ и былъ осужденъ на смерть. Казнь должна была быть публичной, чтобы среди приверженцевъ Баба не распространился слухъ о томъ, что онъ исчезъ или живымъ взятъ на небо.

Начался рядъ тяжелыхъ сценъ. Послѣ того, какъ муллы дали фэтву, осуждающую Баба на смерть, его стали водить по улицамъ и базарамъ, и всѣ надругались надъ нимъ. «Сандъ Хусайнъ, котораго его Господинъ назначилъ исполнителемъ своей послѣдней воли, отринулся, отвергъ Баба и, по приказанію палачей, плюнулъ ему въ лицо. По исполненіи своей миссіи, онъ немного позднѣе, въ свою очередь, былъ казненъ въ Тегеранѣ.

«Когда прибыли на роковую площадь, напрасно заставляли Муллу Мухаммеда Али отказаться отъ своихъ убѣжденій; привели его жену и маленькихъ дѣтей: онъ упорно отказался слушать ихъ, и лишь, какъ послѣдней милости, онъ просилъ, чтобы его убили раньше его учителя.

«Тутъ то произошелъ фактъ странный, единственный въ лѣтописяхъ человѣчества. Оба спутника, солидно привязанные другъ къ другу, видѣли, какъ передъ ними встали солдаты христіанскаго полка бахадурановъ. По данному начальникомъ си-

---

[1]) Traveller's Narrative. pp. 56, 63.

гналу, солдаты дали залпъ[1]). Тогда увидѣли, увидѣли, какъ покрытый ранами[2]) Мулла Мухаммедъ Али умеръ, обернувшись къ своему Господину, и его слова изумили присутствующихъ: «Господинъ, говорилъ онъ, Господинъ, доволенъ ли ты мною?»

«Пули перебили веревки, которыми былъ связанъ Бабъ, и тотъ, безъ единой царапинки, упалъ на ноги. «Ахъ, если бы онъ въ этотъ моментъ открылъ свою грудь», говоритъ авторъ Мутанабійнъ, «и если бы онъ принялся бы кричать: о, солдаты, о, люди, вы свидѣтели этого чуда, что ни одна изъ тысячи пуль не могла коснуться меня, и лишь нѣкоторыя могли перерѣзать мои веревки,—то всѣ съ крикомъ бросились бы къ его ногамъ»...[3]).

«Бабъ умеръ добровольно, говорятъ бабиды, потому что его смерть должна была спасти человѣчество.

«Бабъ снова былъ привязанъ къ позорному столбу, и второй залпъ заставилъ его испустить послѣдній вздохъ,—это было въ 27-й день шабана»...[4])

Что кажется совершенно необъяснимымъ, это то, что, несмотря на многочисленную толпу, бывшую свидѣтельницей казни Баба, существуетъ нѣсколько версій о судьбѣ его трупа. Большинство авторовъ говоритъ, что послѣ казни трупы были брошены въ городской ровъ и тамъ съѣдены собаками или хищными животными; другіе утверждаютъ, что бабидамъ удалось послѣ казни похитить трупъ, и послѣ этого уже они распространили слухъ, что онъ былъ съѣденъ собаками. Изъ возможности второго предположенія слѣдуетъ и полная возможность перваго; если разсказъ о томъ, что трупъ былъ съѣденъ звѣрями, не могъ возбудить ничьихъ подозрѣній, слѣдуетъ признать, что фактъ этотъ самъ по себѣ былъ возможенъ. Но едва ли бабиды допустили еще и это посмертное поруганіе. Словомъ «на третій день народъ уже не нашелъ труповъ на мѣстѣ. они были или

---

[1]) «Солдаты были выстроены въ три линіи. Первый рядъ далъ залпъ, потомъ второй рядъ, а за нимъ третій рядъ. Отъ огня этихъ залповъ образовалось много дыма». Тамъ же, стр. 44.

[2]) Тамъ же (стр. 44) говорится, что ни тому, ни другому не было причинено ни малѣйшаго вреда, и что послѣ этого оба снова были привязаны къ столбу.

[3]) Тамъ же (стр. 44) говорится, что Бабъ произнесъ нѣсколько словъ по персидски, т. е. на понятномъ для немногихъ въ этой мѣстности языкѣ; большинство слышало лишь звукъ голоса, не понявъ словъ.

[4]) Nicolas. Le Bab pp. 375, 376. Trav. Nar. (p. 187) указываетъ дату 28 шабана 1266 г, т. е. 9 іюля 1850 года.

украдены ночью или выкуплены у часовыхъ, которые, чтобы сложить съ себя отвѣтственность сказали, что ихъ съѣли дикіе звѣри» [1]). По бабидскимъ источникамъ, трупъ Муллы Мухаммеда Али былъ погребенъ неподалеку отъ мѣста казни, а трупъ Баба, закутанный въ саванъ, скрытъ въ одномъ домѣ, въ Табризѣ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Бэха Улла, согласно завѣщанію Баба, приказалъ перенести его въ Тегеранъ: тамъ гробъ былъ заключенъ въ хрустальномъ гробу въ нишѣ мечети Имамъ Задэ Масума. Черезъ нѣсколько лѣтъ, изъ Адріанополя, гдѣ былъ Бэха, пришелъ приказъ о перенесеніи трупа въ другое мѣсто. Съ большими трудностями, такъ какъ приходилось дѣйствовать скрытно, трупъ былъ переправленъ въ Турцію, гдѣ и похороненъ въ Сэнъ-Жанъ-д' Акрѣ.

Еще надо сказать нѣсколько словъ о Сэидѣ Яхья Дараби, который также представляетъ значительную фигуру въ движеніи.

Не одинъ сѣверъ Персіи былъ охваченъ волненіемъ, произведеннымъ новымъ ученіемъ,—вся средняя Персія также была въ броженіи. По ироніи судьбы этому не мало способствовало само шахское правительство какъ было уже сказано, посланный шахомъ въ Ширазъ для разслѣдованія дѣла Сэидъ Яхья Дараби увѣровалъ въ Баба, сдѣлался горячимъ проповѣдникомъ и, отправленный Бабомъ въ Іездъ, обратилъ тамъ не мало народа Попытка губернатора арестовать проповѣдника не имѣла успѣха: Сэидъ Яхья заперся съ бабидами и отразилъ нападеніе. Тѣмъ не менѣе, понимая опасность положенія, онъ ночью бѣжалъ въ Фэсахъ [2]). Здѣсь его проповѣдь вызвала опасенія губернатора, который и сообщилъ объ этомъ въ Ширазъ. Губернаторъ Шираза уговаривалъ Дараби прекратить проповѣдь, но напрасно. Когда Сэидъ Яхья имѣлъ достаточное число приверженцевъ, онъ отправился въ Ширазъ, а оттуда почти немедленно проѣхалъ въ Нэйризъ, гдѣ населеніе торжественно встрѣтило его. Въ Ширазѣ же, послѣ его отъѣзда, многіе изъ его единомышленниковъ были схвачены и казнены.

Въ Нэйризѣ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ новыхъ обращеній. Но и враждебная партія также не дремала· такъ какъ на предложеніе, сдѣланное ему губернаторомъ, покинуть страну, онъ отвѣтилъ отказомъ, ему была объявлена война.

Первоначально губернаторъ, обиженный рѣзкимъ отвѣтомъ Сэида Яхьи, хотѣлъ устроить возмущеніе, во время котораго можно было бы уничтожить безпокойнаго проповѣдника,—для вы-

---

[1]) Traveller's Narrative. p. 47.
[2]) Nicolas Le Bab. p. 394.

полненія этого плана были приглашены худшіе элементы населенія. Узнавъ объ этомъ, Сэндъ Яхья отправился въ мечеть, взошелъ на кафедру и сказалъ:

«Не я ли тотъ, чьимъ мнѣніямъ и указаніямъ вы привыкли слѣдовать во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ? Развѣ не привыкли вы предпочитать мое слово слову всякаго другого въ вашихъ нуждахъ и несчастіяхъ, равно какъ во всѣхъ вопросахъ доктрины и практики? Развѣ критеріемъ всѣхъ вашихъ дѣйствій не была моя вѣра и сужденіе, составить которое меня заставили мои занятія? Что же сдѣлалось съ вами теперь, что вы встрѣчаете меня съ сопротивленіемъ и враждой? Какую запрещенную вещь разрѣшилъ я или какую законную воспретилъ, что вы такъ, безъ всякаго основанія, обвиняете меня въ ереси и заблужденіи? Я стою здѣсь посреди васъ, обиженный и притѣсняемый—не за что либо иное, а лишь за то, что, желая пробудить и просвѣтить васъ, я говорилъ истинныя слова, и изъ симпатіи къ вамъ, изъ желанія вамъ блага указалъ вамъ путь спасенія Когда это такъ, пусть всякій, кто презираетъ, или кто поддерживаетъ меня, скажетъ мнѣ навѣрное, что то, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ ради моего славнаго предка» (т. е. Али, перваго имама) Когда онъ говорилъ такъ, нѣкоторые сдѣлались печальны, а нѣкоторые плакали, говоря: «мы продолжаемъ питать къ вамъ прежнюю привязанность и почтеніе и считаемъ справедливымъ и истиннымъ все, что вы говорите».

«Тогда Сэндъ Яхья вышелъ изъ мечети, покинулъ городъ и остановился въ полуразрушенной цитадели; друзей, которые сопровождали его туда, было числомъ не болѣе семнадцати. Но даже послѣ того, какъ онъ покинулъ городъ, ненавистные и злые преслѣдователи не оставили своихъ злостныхъ намѣреній: большой толпой они послѣдовали за нимъ, обыскивая страну во всѣхъ направленіяхъ, пока не обнаружили его убѣжища. Тогда они осадили цитадель и открыли враждебныя дѣйствія. Сэндъ Яхья приказалъ семерымъ изъ своихъ людей выйти и прогнать тѣхъ, онъ далъ имъ подробныя инструкціи относительно порядка вылазки, прибавивъ, что кто отправится въ такое то мѣсто, будетъ убитъ выстрѣломъ въ грудь, и что тотъ, кто отправится въ такомъ то направленіи, возвратится невредимъ»[1]). Вылазка удалась, но изъ семи вернулись шестеро, — предсказанія сбылись

Около этого времени губернаторомъ Шираза былъ назначенъ Фирузъ Мирза, который и отрядилъ немедленно сильный отрядъ, чтобы захватить возставшихъ, число которыхъ увеличилось уже до 70 человѣкъ. Многочисленныя стычки въ большин-

---

[1]) Tarikh-i- djadid pp. 118, 119.

ствѣ случаевъ были удачны для бабидовъ, которые захватили не мало добычи.

При помощи хитрости Сэиду Яхья удалось нанести пораженіе войскамъ, войти въ Нэйризъ и сжечь его. Результатомъ этой побѣды было массовое обращеніе, и число бабидовъ сразу возросло до 2000 человѣкъ Пока правительство не оправилось отъ неожиданнаго удара, Сэидъ старательно усилилъ свою крѣпость и снабдилъ ее провіантомъ. Между тѣмъ и правительственныя войска получили солидныя подкрѣпленія. Нѣсколько дней враждебныя стороны выжидали. затѣмъ въ одну ночь Сэидъ Яхья напалъ на лагерь и разбилъ его, понеся при этомъ и самъ значительныя потери, которыя увеличивались еще многочисленными случаями дезертирства новообращенныхъ. Второй бой былъ еще кровопролитнѣе, и бабиды спѣшно удалились въ крѣпость.

Войска имѣли полное право отчаяваться въ быстрой побѣдѣ, и здѣсь бабидамъ суждено было погибнуть отъ хитрости. Начальникъ отряда Миръ Али Ханъ послалъ Сэидъ Яхьѣ письмо, въ которомъ просилъ его забыть все прошлое и приглашалъ его прибыть къ нему для переговоровъ о мирѣ; безопасность гарантировалъ клятвой на Коранѣ.

«Сэидъ Яхья, изъ уваженія къ Корану, на которомъ они принесли клятву, приготовился ѣхать. Но его послѣдователи окружили его со всѣхъ сторонъ, говоря. «мы боимся и опасаемся вашего выѣзда, потому что этотъ непріятель еще болѣе безвѣрный, чѣмъ люди Куфы. Ихъ клятвамъ и обѣщаніямъ нельзя придавать никакой цѣны, и вы не должны поддаваться ихъ увѣреніямъ.» Сэидъ Яхья отвѣтилъ на это: «Клянусь Богомъ, я отлично вижу ихъ вѣроломство, безвѣріе и предательство; я знаю это такъ же хорошо, какъ мой святой предокъ зналъ вѣроломство людей Куфы. Но какъ я могу противиться ихъ хитростямъ, разъ онѣ согласны съ божественно предопредѣленной судьбой? Относительно того, что они написали на Коранѣ и поклялись выполнить, мнѣ надлежитъ итти и довершить доказательство. Оставайтесь здѣсь, пока не получите отъ меня письменныхъ инструкцій».

«Такъ Сэидъ Яхья отправился въ лагерь шахскихъ войскъ и тамъ остановился. Первоначально съ нимъ обращались со всѣмъ уваженіемъ и почтеніемъ (съ такимъ уваженіемъ, какое Мамунъ показывалъ святому имаму Али-ибнъ-Муса ар-Риза, между тѣмъ какъ внутренно склонялся къ его смерти). И они рѣшили отложить всякія обсужденія условій до слѣдующаго дня, а ночь провели въ разговорахъ на разныя темы. Когда же наступило утро, и Сэидъ Яхья хотѣлъ выйти изъ палатки, ча-

совые предупредили его, сказавъ: «вамъ не разрѣшается выходить». И онъ остался плѣнникомъ въ палаткѣ» [1])

Между тѣмъ бабиды, не получая отъ Сэида Яхья никакихъ инструкцій и не имѣя о немъ свѣдѣній, естественно стали безпокоиться о его судьбѣ. Дальнѣйшее молчаніе породило въ нихъ увѣренность, что ихъ господинъ убитъ, и они рѣшили отомстить за его смерть и напали врасплохъ на лагерь. Но и тутъ Сэидъ Яхья далъ себя уговорить и написалъ своимъ людямъ письмо, уговаривая ихъ отправиться по домамъ и во всемъ положиться на Бога. Лишь тѣ вышли изъ цитадели, какъ на нихъ было произведено нападеніе, и часть ихъ была перебита, а часть взята въ плѣнъ и приведена въ лагерь.

Черезъ день Сэидъ Яхья былъ казненъ, испытавъ передъ смертью всевозможныя мученія. Его казнь совпала съ казнью Баба.

Послѣ этого началось усиленное преслѣдованіе бабидовъ въ Нэйризѣ, какъ и повсюду. Это однако не помѣшало нэйризцамъ вновь сплотиться и долгое время оказывать сопротивленіе правительственнымъ войскамъ. Однако чувствовалось, что это была только затяжная агонія: въ концѣ концовъ и ихъ ждала та же участь, что и ихъ товарищей, раньше ушедшихъ изъ этого міра, которому ихъ учитель придавалъ такъ мало цѣны.

Такова въ общихъ чертахъ краткая. но полная трагизма исторія первоначальной секты.

---

[1]) Tarikh-i-djadid p p. 121, 122.

Глава вторая.

сторія бабистскаго движенія представляетъ значительный интересъ для всякаго, не только для занимающагося изученіемъ религіозной мысли[1]. если теперь послѣдователи Баба спрятались, то въ первые дни геров движенія приковывали къ себѣ почтительно удивленные взоры,—за свою идею, вѣрную или нѣтъ, они не боялись глядѣть въ глаза смерти и встрѣчали ея холодныя объятія съ тою готовностью, на которую способны только фанатизмъ или искренняя вѣра.

«Ни одна секта въ новѣйшее время не вынесла такого преслѣдованія и все же осталась существовать. Это движеніе ясно показываетъ мистическія тенденціи персидской мысли, фанатизмъ муллъ и варварство правителей: но всѣ усилія мусульманской церкви и государства были безсильны подавить бабизмъ или умалить то почтеніе, которое питаютъ къ Бабу всѣ принявшіе его ученіе»[2]. Изъ исторіи Баба мы видимъ, что онъ не шелъ на компромиссы. отвергъ помощь сильныхъ, отказался спастись, когда это было возможно, и, увлекая своимъ примѣромъ своихъ послѣдователей, съ гордо поднятой головой шелъ къ истинѣ или къ тому, что онъ считалъ истиной. Всѣ классы населенія дали ему изъ своей среды горячихъ приверженцевъ и убѣжденныхъ проповѣдниковъ его доктрины. Казни и мученія никого не устрашали, всѣ съ радостью шли на вѣрную смерть, шли такъ потому, что этотъ путь считали единственно истиннымъ. Проповѣдники бабизма не были или почти не были ловцами человѣковъ, на подобіе дан друзовъ, –они ясно развивали доктрину.

Прежде чѣмъ ставить вопросъ, является ли бабизмъ новой религіей, реформой или эволюціей старой, познакомимся вкратцѣ

[1]) E. Browne. Traveller's Narrative p. VIII.

[2]) E. Sell. Essays on islam p. 47.

съ его доктриной, для чего намъ придется вернутся къ первымъ вѣкамъ ислама, такъ какъ центральной точкой системы является шиитскій догматъ объ имаматѣ.

По опредѣленію Шахрастани (Милаль-ва-нихаль, стр. 133, 135), «имаматъ есть свѣтъ, который переходитъ отъ одного къ другому и дѣлается пророчествомъ.. Имамы суть пророки и божественные люди. Божество есть свѣтъ въ пророчествѣ, которое, въ свою очередь, есть свѣтъ имаматѣ, и міръ никогда не остается безъ этихъ знаковъ и свѣтовъ».

Имамиты считаютъ, что имамы предохранены отъ грѣха и одарены знаніемъ всего, что имаму должно быть оказываемо полное повиновеніе, потому что его слово и власть есть слово и власть самого Бога; поэтому и приказанія ихъ являются божественными. Являясь посредниками между Богомъ и людьми, имамы занимаютъ мѣсто выше пророковъ.

Выше мы говорили, что всѣ шииты признаютъ, что вселенная ни одного момента не можетъ существовать и не существуетъ безъ имама, видимаго или скрытаго, но они не согласны между собою относительно порядка преемственности ихъ, и въ этомъ отношеніи они раздѣлились на двѣ главнѣйшія секты: имамія и исмаилія. Напомнимъ лишь вкратцѣ, что двѣнадцатый имамъ, Абуль Касымъ, наслѣдовавшій своему отцу въ 260 году, скрылся, по вѣрованію шіитовъ, въ 329 году въ Джабулька или Джабульса; что онъ живетъ до настоящаго времени, оставаясь невидимымъ, что первоначально онъ имѣлъ сообщеніе съ людьми черезъ нѣкоторыхъ посредниковъ, которыхъ звали «бабами» или дверями, и этотъ періодъ назывался «малымъ исчезновеніемъ», что когда послѣдняя Дверь, Абуль Хасанъ умеръ, всякое сообщеніе скрытаго имама съ міромъ прекратилось, и тутъ насталъ періодъ «большого исчезновенія».

Всѣхъ посредниковъ или Дверей было четыре.

1) Абу Умаръ Усманъ ибнъ Сандъ,
2) Абу Джафаръ Мухаммедъ ибнъ Усманъ,
3) Хусайнъ ибнъ Рухъ,
4) Абуль Хасанъ Али ибнъ Мухаммедъ Симари.

Въ Бэіянѣ (вахида II) говорится: «Богъ уподобилъ убѣжище въ Себѣ убѣжищу въ Своемъ апостолѣ, и убѣжище въ Своемъ апостолѣ— убѣжищу въ Своихъ исполнителяхъ (т. е. имамахъ) и убѣжищу въ Дверяхъ этихъ исполнителей.. Потому убѣжище въ апостолѣ равносильно убѣжищу въ Богѣ, убѣжище въ имамахъ равносильно убѣжищу въ апостолѣ, и убѣжище въ Дверяхъ равносильно убѣжищу въ имамахъ» [1]).

Чтобы перейти къ ближайшему времени, мы должны оста-

[1]) E. Browne. Traveller's Narrative. p. 233.

новиться на сектѣ «шейхи», основателемъ которой былъ Шейхъ Ахмадъ Ахзаи (1753—1826). Правовѣрные шіиты считали его еретикомъ вслѣдствіе его доктрины о воскресеніи: считая, что тѣло человѣка состоитъ изъ частей, происходящихъ отъ каждаго изъ девяти небесъ и четырехъ элементовъ, онъ говорилъ, что грубая часть безвозвратно погибаетъ при смерти, и лишь наиболѣе тонкая небесная часть появится при воскресеніи[2]). Онъ отличался совершенно особеннымъ культомъ къ имамамъ, которыхъ онъ считалъ обладателями творческой силы—на томъ основаніи, что въ Коранѣ (сура 23, ст. 14) сказано:

«Да будетъ благословенъ Господь, самый искусный изъ всѣхъ творцовъ».

Если сказано лучшій, говорилъ онъ, то, слѣдовательно, не единственный. Онъ училъ, что имамы и всѣ справедливые люди суть олицетворенія божественныхъ аттрибутовъ: двѣнадцать имамовъ, отъ Али до Махди, были олицетвореніями двѣнадцати главнѣйшихъ аттрибутовъ Бога, и, что, слѣдовательно, они были вѣчны, такъ какъ преходящее не можетъ служить олицетвореніемъ вѣчнаго. По его ученію, Али занимаетъ самое высокое мѣсто, будучи выше ангеловъ, пророковъ и въ томъ числѣ Мухаммеда. Въ подтвержденіе истинности этого онъ всегда приводилъ приписываемое Али преданіе: «Я творецъ неба и земли»[2]).

Преемникомъ Шейха Ахмада былъ Хаджи Сандъ Каземъ Рэшти. Онъ велъ очень строгую жизнь и окружалъ себя таинственностью, и это обстоятельство не въ глазахъ всѣхъ получало одинаковую оцѣнку: одни считали его безумнымъ, другіе просвѣтленнымъ. Какъ бы то ни было, послѣдователей у Шейха было много, и приходящіе въ Кербелу богомольцы разносили его ученіе по самымъ отдаленнымъ уголкамъ Персіи. Успѣхъ ученія былъ настолько значителенъ, что въ числѣ своихъ послѣдователей Хаджи Сандъ считалъ много высокопоставленныхъ сановниковъ и лицъ оффиціальнаго духовенства.

Въ 1843 году Сандъ Каземъ умеръ, не назначивъ себѣ преемника. Передъ самой смертью онъ сказалъ одному изъ своихъ наиболѣе выдающихся послѣдователей и почитателей—Муллѣ Хусайну: «съ какой бы стороны ни взошло солнце истины, оно освѣтитъ всѣ горизонты и сдѣлаетъ зеркало сердецъ вѣрующихъ способнымъ принимать блескъ лучей знанія» [3]),

Шейхи, повидимому, ожидали пришествіе кого то, кто долженъ былъ сдѣлаться ихъ руководителемъ Когда же умеръ Сандъ Каземъ и не оставилъ себѣ преемника, его послѣдователи

---

[1]) Idem. p. 236.

[1]) E Sell. Essays on islam p 52.

[2]) Idem. p. 52.

рѣшили, что они должны отправиться на поиски и осмотрѣть всѣ стороны горизонта, чтобы увидать, не показалась ли уже гдѣ-нибудь заря отъ восходящаго солнца истины Мы знаемъ уже, какъ Мулла Хусайнъ прибылъ въ Ширазъ, увѣровалъ тамъ въ Баба и сообщилъ объ этомъ счастливомъ событіи другимъ. Часть шейхи признала это извѣстіе съ радостью и признала Баба своимъ руководителемъ и главой; другая же, подъ предводительствомъ Хаджи Мухаммедъ Кэримъ Хана, изъ Кермана, сдѣлалась враждебной ему.

Такимъ образомъ секта шейхи распалась на двѣ одна развилась въ бабизмъ, и это была значительнѣйшая; другая же, меньшая числомъ своихъ послѣдователей, обратилась въ самыхъ ярыхъ преслѣдователей Баба и бабидовъ и не измѣнила этому направленію до самаго конца.

Символъ вѣры шиитовъ состоитъ изъ пяти основъ (аркануд-динъ ;

1) вѣра въ единство Бога,
2) вѣра въ справедливость Бога,
3) вѣра въ пророчество,
4) вѣра въ имаматъ и
5) вѣра въ воскресеніе.

Шейхи говорятъ, что нѣтъ никакихъ основаній аттрибутъ справедливости помѣщать въ символъ исключительно и предпочтительно передъ всякимъ другимъ. Относительно воскресенія они говорятъ, что оно логически слѣдуетъ изъ вѣры въ справедливость Бога и въ пророчество Оставшіяся такимъ образомъ три основы шейхи дополняютъ четвертой, которая заключается въ вѣрѣ, что всегда имѣется совершенный человѣкъ, который можетъ служить средствомъ сообщенія между отсутствующимъ имамомъ и массой вѣрующихъ

Такимъ совершеннымъ человѣкомъ, могущимъ привести людей къ общенію со скрытымъ имамомъ, что то же—къ общенію съ Богомъ четвертой основой. Дверью, ведущей къ постиженію истины.—первоначально и объявилъ себя Бабъ Это главный пунктъ, который служитъ соединительнымъ звеномъ бабизма съ ученіемъ шиитовъ, отъ котораго онъ значительно уклонился.

Въ 1844 году (дата указывается различно) Мирза Али Мухаммедъ окончательно формулировалъ свои взгляды и объявилъ себя властнымъ руководителемъ, принявши титулъ Баба. Его послѣдователи мало называютъ его этимъ именемъ, давая ему другіе титулы: Хазратъ, т. е. высочество, Хазрат-и-нукт-и-бэйянъ, т. е. его высочество точка откровенія, Хазрат-и-нукта-и-ула, т. е. его высочество первая точка, и нѣкоторые другіе, Самъ Мирза Али Мухаммедъ называлъ себя «Древомъ истины» или

«Сущностью семи буквъ» (такъ какъ по-арабски имя Али Мухаммедъ состоитъ изъ семи буквъ).

Разные авторы различнымъ образомъ опредѣляютъ значеніе титула Бабъ. Лучшимъ опредѣленіемъ профессоръ Броунъ считаетъ [1]) сдѣланное Ватсономъ: «Онъ (Мирза Али Мухаммедъ) объявилъ теперь, что, какъ Али былъ дверью, черезъ которую люди входили въ городъ знанія Пророка, такъ и онъ былъ дверью, черезъ которую люди могли достичь знанія двѣнадцатаго имама. Согласно съ этой доктриной онъ получилъ отличительный титулъ Баба, или Двери, откуда его послѣдователи стали звaться бабидами».

Въ чемъ же собственно заключается ученіе Баба въ его первоначальномъ видѣ, еще не измѣненное Бэха Уллой?

Въ этомъ ученіи не мало мистическаго, и профессоръ Броунъ въ яркихъ выраженіяхъ объясняетъ причину этого. «Глубокое различіе, говоритъ онъ, лежитъ между персидской идеей религіи, и тою, которая существуетъ на Западѣ. Здѣсь это-идея вѣры и справедливости (въ различной. правда, степени), тамъ, это—знаніе и тайна. Здѣсь религія разсматривается, какъ правило, по которому слѣдуетъ жить, и надежда въ смерти; тамъ, —какъ ключъ для отмыканія тайнъ духовнаго и матеріальнаго міра. Здѣсь она соединена съ дѣятельностью и милосердіемъ. тамъ—съ покоемъ и мудростью; здѣсь символъ вѣры вызываетъ восторгъ своей простотой, тамъ—своей сложностью» [2]).

Богъ, отъ котораго все происходитъ, и которымъ все существуетъ, вѣченъ и неприступенъ, и человѣкъ можетъ пытаться до извѣстной степени приблизиться къ Нему только черезъ особо назначенныхъ посредниковъ.

«Хотя извѣстное знаніе является существеннымъ условіемъ счастья, но достиженіе его является трудиѣйшей вещью даже для любимыхъ спутниковъ святыхъ Бога. Такъ Камэйль ибнъ Зіядъ, одинъ изъ избранныхъ учениковъ Али, однажды спросилъ своего господина, позади котораго онъ сидѣлъ на верблюдѣ:

— Что есть истина?

— «Что тебѣ за дѣло до истины? отвѣтилъ Али,—потому что вѣдь это—одна изъ Его тайнъ и драгоцѣнность изъ Его сокровищницы».

Послѣ того, какъ Али нѣкоторое время продолжалъ въ томъ же духѣ, Камэйль спросилъ:

— О, господинъ мой! развѣ я не достоинъ раздѣлить твою тайну?

---

[1]) E. Browne Traveller's Narative p. 227.

[2]) R. A S J. January 1898 p. 88.

— «Да, отвѣтилъ Али,—но это дѣло очень важно.

— О, господинъ мой! сказалъ Камэйль,—развѣ ты хотѣлъ бы, чтобы просящіе у двери твоей доброты вернулись вспять?

— «Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Али,—я отзовусь на голосъ тѣхъ, которые находятся въ смущеніи, и я распространю на тебя кое что изъ всеохватывающей полноты Станціи Истины; прими это отъ меня по твоимъ способностямъ и сохрани отъ недостойныхъ раздѣлить это О, Камэйль! истина есть проявленіе блесковъ божественнаго величія безъ знака

— О, господинъ мой! сказалъ Камэйль,—я не постигаю значенія твоихъ словъ; продолжи мнѣ объясненіе.

— « Устраненіе умозаключительнаго и проясненіе познаннаго», продолжалъ Али.

— Объясни подробнѣе, сказалъ Камэйль.

— «Разорваніе завѣсы торжествомъ тайны, сказалъ Али.

— О, возлюбленный господинъ мой! сказалъ Камэйль,—скажи мнѣ больше

— «Привлеченіе божественнаго единства черезъ природу постиженія его единства, прибавилъ Али.

— Скажи мнѣ яснѣе, повторилъ Камэйль. Тогда Али сказалъ:

— «Свѣтъ сіяющій изъ утра вѣчности и освѣщающій храмы единства» [1]).

По толкованію бабидовъ, это преданіе относится къ пяти первымъ годамъ проявленія Баба

Отлично отъ Бога существуетъ Первичная Воля (машіят-и-ула), которая воплощается въ пророкахъ и говоритъ въ нихъ. теперь она заговорила въ Бабѣ, чтобы предупредить, что она будетъ говорить «въ томъ, кого Господу будетъ угодно проявить». Это выраженіе ясно показываетъ, что Бабъ считалъ себя только предтечей кого то грядущаго за нимъ Это выраженіе много разъ повторяется въ Бэйянѣ, такъ, напримѣръ. «Весь Бэйянъ обращается около словъ того, кого Господу будетъ угодно проявить». «Тысяча чтеній Бэйяна не равна чтенію одного стиха изъ откровенія «того, кого Господу будетъ угодно проявить» «Въ настоящій день Бэйянъ находится въ состояніи посѣва, но въ день «того, кого Господу будетъ угодно проявить», онъ достигнетъ степени плодоношенія» [2]).

Вотъ что говорится въ Бэйянѣ:

«Седьмая глава вахиды второй Въ объясненіе дня возстанія (воскресенія) Сущность этой главы (заключается) въ томъ, что значеніе дня возстанія есть день проявленія древа истины.

---

[1]) E. Browne. Tarikh-i-djadid p 329.

[2]) E. Sell. Essays on islam p 83.

И не замѣчается, чтобы кто-нибудь изъ шиитовъ понималъ (что такое есть) день возстанія; напротивъ, въ вымыслахъ своихъ они представили то, что передъ Богомъ не имѣетъ истинности. (А то, что передъ Богомъ не имѣетъ истинности, вообще не имѣетъ истинности). То, что у Бога и у мудрыхъ (людей) народа истины разумѣется подъ днемъ возстанія, есть (слѣдующее): день возстанія (есть промежутокъ) отъ времени проявленія древа истины во всякое время и подъ любымъ именемъ (и видомъ) и до дня его заката Напримѣръ, отъ дня посланія Іисуса и до дня вознесенія его было возстаніе Моисея, потому что въ это время проявленіе Бога было засвидѣтельствовано Богомъ въ Евангеліи. Послѣ (этого время) отъ дня посланія пророка Божія до дня его вознесенія было возстаніе Іисуса, когда древо истины проявилось въ формѣ Мухаммеда, и далъ мзду каждому, кто былъ вѣрнымъ Іисусу, и каждому, кто не вѣрилъ въ него, словомъ своимъ назначилъ наказаніе. И со времени проявленія древа Божія до заката его есть возстаніе пророка Божія, которое Богъ обѣщалъ въ Коранѣ, и начало котораго—спустя два года и 15 минутъ отъ ночи пятницы пятаго джумадиаль-авваль 1260 года, который есть 1260-й годъ посланничества. Это былъ первый день возстанія Корана, и до дня заката древа истины есть возстаніе Корана, потому что то, что не достигло завершенія, не можетъ имѣть возстаніе. Завершеніе вѣры ислама совершилось съ первымъ днемъ проявленія, и отъ начала проявленія до его заката видны тѣ плоды древя ислама, какіе имѣются. И возстаніе Бэйяна (будетъ) съ проявленія того, кого проявитъ Богъ, потому что теперь Бэйянъ (находится) въ зачаточномъ состояніи, а исполнится завершеніе Бэйяна съ появленіемъ того, кого проявитъ Господь, когда плоды деревьевъ, которыя посажены, будутъ срывать» [1]).

Бабъ есть «нукта-и-бэйянъ», т. е. точка откровенія, такъ какъ Первичная Воля говорила черезъ него. Каждое проявленіе Первичной Воли отмѣняетъ предшествующее, и поэтому, въ данномъ случаѣ исламъ перестаетъ быть истинной религіей Это пунктъ особенной важности, такъ какъ здѣсь уже совершается разрывъ съ исламизмомъ.

Пророки суть человѣческія воплощенія Первичной Воли, которая необходима для руководства и направленія сотвореннаго существа, по своей природѣ лишеннаго возможности непосредственнымъ образомъ познать божественную сущность. Послѣдовательно Первичная Воля говорила въ Адамѣ, Ноѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Іисусѣ и Мухаммедѣ, и каждое откровеніе говорило о слѣдующемъ. Что же касается Баба, то «онъ вновь явившійся на

---

[1]) E. Browne. Traveller's Narrative pp. 222—224.

землю Моисей и Іисусъ, а также воплощеніе всѣхъ другихъ пророковъ, въ тѣлесномъ образѣ которыхъ въ прежніе вѣка проявлялся божественный мировой духъ (Первичная Воля)» [1].

«Главы Бэйяна соединены въ девятнадцать группъ, число, которое у бабидовъ имѣетъ особенное значеніе. Каждая такая группа носитъ названіе вахиды, т е. единаго. Каждая буква арабскаго алфавита имѣетъ численное значеніе, и, такимъ образомъ. даты могутъ выражаться словами и фразами. Алифъ, первая буква алфавита, соотвѣтствуетъ слову Богъ, а значеніе слова «вахидъ» есть «одинъ» Численное значеніе буквъ этого слова равно 19. Богъ есть абсолютное существо, или «вуджудъ», численное значеніе буквъ котораго также даетъ цифру 19. Названіе одного изъ аттрибутовъ Бога есть «хаин», т. е. живой. Сумма буквъ этого слова равна 18, и. если мы къ этому прибавимъ букву алифъ-единый всеобъемлющій.—то снова получаемъ священное число 19. Девятнадцать, такимъ образомъ, представляетъ проявленіе непознаваемой сущности. Девятнадцать. умноженное на девятнадцать, и дающее произведеніе 361, представляетъ проявленную вселенную, или всѣ вещи, обозначаемыя словомъ «кулли-шэй», численное значеніе чего равно 360, къ которому прибавляется алифъ—единый всеобъемлющій—, и мы получаемъ 361.

«Въ этомъ мірѣ Богъ представленъ Мирзой Али Мухаммедомъ, Бабомъ, который называется «нукта», или точка, и восемнадцатью его учениками. Эти восемнадцать называются «хуруфат-и-хаин», т. е. «буквы живого», потому что черезъ нихъ Бабъ даровалъ міру новую жизнь. Они въ свою очередь, вмѣстѣ со своимъ главой, образуютъ число девятнадцать и, такимъ образомъ, составляютъ вихидъ, или полную единицу, и такъ какъ у каждаго изъ этихъ учениковъ также было по девятнадцать, то мы снова приходимъ къ 361, что представляетъ численное значеніе «кулли-шэй», или «число всѣхъ вещей», т. е. «адэд и-кулли-шэй». На томъ же самомъ основаніи Бэйянъ имѣетъ (теоретически) девятнадцать частей, а каждая часть имѣетъ девятнадцать главъ. Годъ бабидовъ имѣетъ девятнадцать мѣсяцевъ по девятнадцать дней каждый: каждый день имѣетъ девятнадцать часовъ, и каждый часъ девятнадцать минутъ. Тотъ же самый принципъ примѣняется къ измѣренію разстояній и тяжестей

«Другой пунктъ, которому Бэйянъ придаетъ значительную важность, это— что никакое откровеніе не является окончательнымъ Это совершенно противно обыкновенному мухаммеданскому взгляду, что Мухаммедъ былъ «хатм-уль-анбія», или печать пророковъ, откровеніе котораго заключило серію. Бабъ училъ,

---

[1]) И. Гольдціэръ. Лекціи объ исламѣ стр. 252.

что, такъ какъ человѣческая раса развивается, то Первичная Воля, учитель людей, въ каждомъ новомъ откровеніи говоритъ полнѣе и яснѣе. Всѣ эти послѣдовательныя и прогрессивныя откровенія и проявленія не имѣли назначеніемъ отмѣнять предшествующіе основные законы, но дополнять ихъ и главнымъ образомъ приготовить міръ къ болѣе полному ученію «того, кого Господу будетъ угодно проявить» [1]). Такимъ образомъ мѣняется лишь форма откровенія, а оно остается единымъ. Такъ, въ вахидѣ второй Бэйяна читаемъ:

«Богъ спросилъ Своей рѣчью: «Чья книга Коранъ?» Всѣ вѣрующіе сказали Ему: «Это книга Бога». Послѣ этого было спрошено: «замѣтна ли какая-нибудь разница между Фурканомъ и Бэйяномъ?» Духовно-настроенные отвѣтили: «нѣтъ, клянемся Богомъ, все отъ нашего Господа». Тогда Господь міра открылъ: «это слово—устами Мухаммеда, апостола Бога, а это Мое слово—устами Сущности Семи Буквъ, Двери Бога»[2]). Какъ мы уже видѣли выше, во время испытанія въ Табризѣ Бабъ объявилъ себя имамомъ—Махди.

Новый пророкъ не посылается на землю до тѣхъ поръ, пока развитіе человѣческой расы не сдѣлаетъ это необходимымъ. Откровеніе не отмѣняется до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлалось уже мало достаточнымъ для нуждъ тѣхъ поколѣній человѣческаго рода, которымъ было дано Тогда оно замѣняется новымъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу времени и воспріимательной способности людей. Между пророками нѣтъ и не можетъ быть разногласія: каждый изъ нихъ учитъ одной и той же истинѣ, но лишь въ той мѣрѣ, въ которой люди даннаго пророческаго періода способны воспріять ее. По мѣрѣ того, какъ человѣческій родъ подвигается впередъ и развивается, онъ нуждается въ болѣе полномъ обученіи. Обученіе, данное Авраамомъ, было соотвѣтственно и достаточно для людей его времени, но не для тѣхъ, къ которымъ былъ посланъ Моисей, который, въ свою очередь, пересталъ удовлетворять нуждамъ тѣхъ, къ которымъ былъ посланъ Христосъ. Поэтому мы не можемъ сказать, что ихъ религіи противорѣчили одна другой, но лишь—что каждое проявленіе является болѣе полнымъ и болѣе совершеннымъ, чѣмъ предыдущее.

Главный пунктъ бабидской теологіи заключается въ томъ, что учитель одинъ и тотъ же, хотя онъ и проявляетъ себя соотвѣтственно способностямъ и нуждамъ тѣхъ, къ кому онъ посылается. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ постоянно пребывающій въ измѣняющейся внѣшней формѣ «Всемірный Духъ

---

[1]) E. Sell. Essays on islam pp. 86, 87

[2]) E. Browne. Traveller's Narrative p. 231.

есть абсолютное добро, мы должны вѣрить, что онъ всегда имѣетъ проявленіе въ мірѣ.. т. е. что, во время длинныхъ промежутковъ, отдѣляющихъ одно пророческое проявленіе отъ другого, въ мірѣ должны быть молчаливыя проявленія Духа, которыя по существу являются не менѣе совершенными, чѣмъ говорящія проявленія, которыя мы называемъ пророками»[1])

Бабъ былъ плѣнникомъ въ то время, когда онъ выказывалъ такой интересъ въ подготовленіи умовъ своихъ послѣдователей къ принятію того, кого Господу будетъ угодно проявить. Бэйянъ полонъ этимъ, и въ немъ указывается, что въ каждомъ собраніи вѣрующихъ должно быть оставляемо свободное мѣсто для того, кто долженъ прійти Всѣ должны вставать, когда упоминается его имя. Такимъ образомъ, когда Бэха Улла заявилъ свои притязанія, почва для него была уже хорошо подготовлена, и на его долю не выпало той черной работы, которая отняла столько времени у Баба.

Тотъ, кого Господу будетъ угодно проявить, будетъ предсѣдательствовать въ день страшнаго суда. На судѣ всѣ добрые люди удостоятся похвалы за свои добрыя дѣла, благочестіе и покорность, а всѣ дурные люди будутъ уничтожены, послѣ того какъ понесутъ кратковременное наказаніе,—вѣчныхъ мученій не будетъ. Такимъ образомъ, все доброе и благое вновь возвратится къ Богу, отъ котораго и произошло, и будетъ пребывать въ Немъ, а все дурное и злое будетъ уничтожено и больше не будетъ существовать.

Мусульманское ученіе, такъ подробно развитое учеными богословами, относительно испытанія мертвыхъ въ могилахъ, воскресенія, моста Сырата, рая и ада,—все это объясняется аллегорически Подъ испытаніемъ мертвыхъ въ могилахъ надо понимать не что иное, какъ увѣщаніе, дѣлаемое народу, вѣрить въ ближайшее проявленіе Первичной Воли, а день воскресенія есть появленіе этого проявленія. Перекинутый черезъ бездну мостъ Сыратъ есть вѣра въ пророка вѣка мостъ изображается такимъ трудно проходимымъ для грѣшниковъ потому, что для людей съ гордымъ умомъ вѣра не легкое дѣло, тогда какъ она легка для ищущихъ Бога. Подъ адомъ разумѣется невѣдѣніе и отрицаніе послѣдняго проявленія Бога черезъ Первичную Волю, воплотившуюся въ пророкѣ. Рай есть радость пребыванія въ обрѣтенномъ Богѣ.

Взгляды Баба на будущую жизнь не вполнѣ ясны. Упоминая о Барзахѣ, онъ говоритъ: «то, что разумѣется подъ Барзахомъ, есть просто промежутокъ между двумя проявленіями, а не то, что обыкновенно извѣстно среди людей, потому что никто

---

[1]) A year amongst the persians. p. 327.

кромѣ Бога не знаетъ, какая участь постигаетъ его послѣ смерти».

Надежда на будущую награду не обѣщается его послѣдователямъ, чтобы побудить ихъ принять его, и это является прямымъ контрастомъ съ поведеніемъ и ученіемъ Мухаммеда, увѣщанія котораго были полны угрозъ ослушникамъ и обѣщаній повинующимся. Бэйянъ содержитъ слова, къ которымъ нельзя отнестись иначе, какъ съ самымъ глубокимъ почтеніемъ, и эти слова не могутъ не врѣзаться въ память того, кто ихъ разъ со вниманіемъ прочтетъ.

«Поклоняйся Богу такъ, что, если бы наградой за твое поклоненіе Ему былъ огонь, въ твоемъ поклоненіи Ему не произошло бы никакой перемѣны. Если вы поклоняетесь изъ страха, это недостойно порога святости Бога, и вы не будете считаться вѣрующими; то же самое будетъ, если цѣлью вашей (молитвы) является рай, и вы поклоняетесь въ надеждѣ на него, такъ какъ въ этомъ случаѣ вы твореніе Бога сдѣлали товарищемъ Его» [1]).

Бэйянъ, въ которомъ изложено ученіе Баба, и который является основной религіозной книгой бабидовъ, былъ написанъ Бабомъ во время заключенія въ крѣпости Маку. Онъ долженъ былъ заключать въ себѣ девятнадцать вахидъ, но восемь изъ нихъ остались недописанными, и это дѣло долженъ былъ довершить тотъ, кого Господу будетъ угодно проявить.

О внѣшней сторонѣ религіи мы скажемъ въ слѣдующей главѣ, такъ какъ кое что уже измѣнено Бэха Уллой.

Въ соціальномъ отношеніи проповѣдь Баба можно назвать проповѣдью братства, но отнюдь не коммунизма, въ чемъ его такъ охотно обвиняютъ мусульмане. «Полнымъ уравненіемъ въ правахъ онъ хочетъ поднять женщину изъ того унизительнаго положенія, въ которое во имя традиціи она поставлена при современныхъ условіяхъ; онъ начинаетъ съ отмѣны обязательности покрывала и отвергаетъ грубое воззрѣніе на бракъ, господствовавшее въ мусульманскомъ обществѣ—правда, не какъ необходимое слѣдствіе религіозныхъ принциповъ. Болѣе высокое представленіе о семейныхъ отношеніяхъ связывается у него съ представленіемъ о задачахъ семьи и реформѣ дѣла воспитанія» [2]).

Въ Лекціи о бабизмѣ профессоръ Броунъ говоритъ между прочимъ: [3]).

«Бабъ окончилъ свою жизнь пророка мученической смертью, завѣщавъ человѣчеству вѣру, которая считаетъ своихъ адеп-

---

[1]) E. Sell Fssays on Islam pp. 87—89.

[2]) И. Гольдціэръ Лекціи объ исламѣ стр. 253.

[3]) Пер. В. Тимирязева, „Религіозныя вѣрованія“, стр. 307.

товъ тысячами, а мучениковъ сотнями и представляетъ, какова бы ни была ея дальнѣйшая судьба, всѣ элементы настоящей, всесвѣтной религіи. На эту роль она прямо заявляетъ притязанія, требуя ни болѣе, ни менѣе, какъ подчиненія ей всей Персіи, гдѣ она впервые была проповѣдуема и приняла крещеніе кровью»

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ.

«Бабизмъ—секта почти не мусульманская, и онъ является прямымъ переходомъ отъ ислама къ христіанству, къ которому бабиды относятся съ величайшимъ уваженіемъ, и основами котораго проникнуто ихъ ученіе» [1])

Строго говоря, бабизмъ нельзя назвать ни самостоятельной религіей, ни эволюціей ислама, ни даже мостомъ между христіанствомъ и исламизмомъ

Какъ нравственно-соціальное ученіе, бабизмъ жизнеспособенъ и универсаленъ и могъ возникнуть въ любомъ мѣстѣ, въ лонѣ любой религіи; но въ качествѣ религіознаго ученія онъ могъ возникнуть лишь въ Персіи и не только потому, что духъ иранскаго населенія мятется въ вѣчныхъ исканіяхъ, но и потому, что въ основу ученія Баба легла шіитская доктрина, въ чемъ и была одна изъ причинъ первоначальнаго успѣха проповѣди. Шіитское толкованіе Корана и хадисовъ дало Бабу не малое число адептовъ. какъ ни велико было личное обаяніе Баба, но народная масса, считавшая себя истинными послѣдователями Баба, пришла бы въ ужасъ, если бы ей сказали, что ученіе Баба уничтожаетъ Коранъ. До собора въ Бедештѣ объ этомъ знали лишь очень немногіе. Измѣненіе доктринъ ислама сдѣлано примѣнительно къ шіитскому вѣрованію, которое осталось внѣшнимъ фономъ новаго ученія.

Для того, чтобы быть сознательнымъ бабидомъ, надо быть способнымъ къ нѣкоторому философскому мышленію, а это—не удѣлъ массы. Какъ мнѣ самому приходилось говорить съ бабидами, въ Персіи можно считать до 800000 приверженцевъ ихъ религіи [2]), и это едва ли не вся мыслящая или способная мыслить Персія. Нѣсколько сотъ тысячъ могутъ дать Закаспій, Закавказье и Малая Азія, и нѣсколько десятковъ тысячъ наберется въ Европѣ и Америкѣ Всего можно считать щедро до полутора и въ крайнемъ случаѣ до двухъ милліоновъ. Въ Персіи бабизмъ можетъ сдѣлаться господствующей религіей—подъ давленіемъ мыслящаго меньшинства, но трудно сказать утвердительно, что его судьба не сдѣлается, въ свою очередь, судьбою

---

[1]) С. Уманецъ. Современный бабизмъ, стр. 47.

[2]) Проф. Броунъ, С. Уманецъ, Аракеліанъ и др. считаютъ число бабидовъ въ Персіи до трехъ миллионовъ.

шіитскаго ислама Господство бабизма въ Персіи—еще вопросъ будущаго: въ настоящее время тамъ имѣется очень немного центровъ, въ которыхъ бабиды исповѣдываютъ свою религію болѣе или менѣе открыто, и въ устахъ народной массы, легко фанатизируемой муллами, во многихъ мѣстахъ слово «баби» является презрительной бранной кличкой. Прежде чѣмъ стать господствующей религіей, бабизму придется выдержать жестокую борьбу съ фанатическимъ шіизмомъ, и успѣхъ бабизму можетъ быть обезпеченъ лишь въ томъ случаѣ, если грамотность широкой волной вольется въ персидскую народную массу. Это одно, а другое, для практической жизни еще болѣе важное, это то, что шіизмъ не только религія, но и кусокъ хлѣба для цѣлой массы сандовъ и лже-сандовъ, которыми кишитъ Персія, и которые состоятъ пенсіонерами государства Не далѣе, какъ въ 1911 году была сдѣлана попытка лишить ихъ этого содержанія, но начались волненія въ духовномъ мірѣ, которыя грозили принять широкіе размѣры и могли оказаться чреватыми послѣдствіями. Все было пущено въ ходъ, и даже особенно чтимые имамы и шейхи являлись во снѣ благочестивымъ людямъ и приказывали имъ образумить дерзновенныхъ. Черезъ два или три мѣсяца все опять вошло въ старую колею, и кости имамовъ остаются спокойными въ своихъ могилахъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать и еще одного фактора, а именно—существованія въ Персіи секты исмаилія, живущей еще болѣе секретно, чѣмъ бабизмъ.

Намъ бабизмъ симпатиченъ какъ потому, что завѣты его гуманнѣе завѣтовъ Корана, такъ и потому, что жертвы - хотя бы и жертвы искреннихъ заблужденій—невольно вызываютъ къ себѣ сожалѣніе, которое легко переходитъ въ сочувствіе. Бабизмъ далъ героевъ-мучениковъ, и передъ ихъ дѣяніями невольно хочешь преклониться. Но разберемся спокойнѣе въ нашихъ чувствахъ, и мы увидимъ, что мы съ почтительнымъ удивленіемъ взираемъ на ихъ вѣру, а не на то, чему они поклоняются.

Человѣкъ всегда ищетъ и будетъ искать, и каждому дается по вѣрѣ его, но истина ли то, чему онъ поклоняется? Это—вѣчный вопросъ, который остается безъ отвѣта, такъ какъ для каждаго истиной является то, во что онъ вѣритъ. Повторяемъ, бабизмъ намъ симпатиченъ, но не въ качествѣ религіи, а въ качествѣ нравственно-соціальной системы, и таковая имѣетъ гораздо болѣе шансовъ мирно ужиться съ христіанствомъ, чѣмъ исламизмъ.

Говорить о бабизмѣ, какъ о переходной ступени исламизма къ христіанству, очень соблазнительно, но едва ли правильно. Для бабидовъ Али Мухаммедъ, оставившій много сочиненій на арабскомъ языкѣ, котораго онъ, по ихъ же увѣренію, не зналъ, —является пророкомъ, и самъ Богъ говоритъ его устами, какъ

раньше Онъ говорилъ устами Мухаммеда, тоже неграмотнаго пророка. Если это такъ, то «приходится допустить наличность феномена, глубокія причины котораго ускользаютъ отъ насъ» 1). Можетъ ли бабизмъ быть мостомъ между исламизмомъ и христіанствомъ? Какъ бы ни хотѣлось этого, но не хватаетъ смѣлости отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно Вѣдь это же мостъ черезъ океанъ: можно говорить о немъ, можно составлять всякіе проекты, болѣе или менѣе правильные и правдоподобные теоретически, но практически нельзя ихъ выполнить,—здѣсь также не хватаетъ какой то точки опоры, которая нужна для того, чтобы поворотить земной шаръ. Кромѣ того, назначеніемъ моста является не только связать два берега, но и установить между ними обмѣнъ. Пойдетъ ли христіанство по этому мосту навстрѣчу исламизму, или исламизмъ пойдетъ навстрѣчу христіанству? Едва ли пойдетъ христіанство, такъ какъ христіанская мораль не ниже морали бабизма, и оно не можетъ сдѣлать ему уступокъ; жить же въ мирѣ со всѣми народами, къ чему зоветъ бабизмъ, истинная религія Христа всегда была готова. Исламизмъ тоже не пойдетъ на этотъ мостъ, такъ какъ система бабизма возникла на почвѣ шіизма, а шіиты составляютъ лишь малую часть мусульманъ. Сверхъ всего, чтобы быть посредникомъ, надо быть выбраннымъ, а бабизмъ не является истинной религіей ни въ глазахъ христіанства, ни въ глазахъ исламизма, и потому не можетъ служить полемъ, гдѣ объединились бы обѣ эти религіи.

Поэтому не слѣдуетъ преувеличивать значенія бабизма: онъ является не эволюціей ислама, а лишь эволюціей шіизма, и въ качествѣ религіи его могутъ принять тѣ страны и тѣ народы, которые исповѣдываютъ шіизмъ; но и тутъ успѣхъ еще не представляется несомнѣннымъ и безусловнымъ, такъ какъ шіизмъ давно раздробился. Въ качествѣ же нравственно-соціальной системы бабизмъ, и въ особенности новѣйшее его развитіе —бэхаизмъ, къ которому мы теперь переходимъ, представляетъ отрадное явленіе, такъ какъ онъ обладаетъ достаточнымъ запасомъ уживчивости и не представляетъ опасности возможностью рѣзкихъ выступленій.

---

[1]) A. L. M. Nicolas. Le Bab. p. 201.

БЭХА УЛЛА и БЭХАИТЫ.

Глава первая.

Мы посвятили лишь краткій очеркъ собственно ученію Баба, дабы при разсмотрѣніи уже реформированнаго Бэха Уллой ученія его, не повторяться неизбѣжнымъ образомъ.

Какъ мы знаемъ, Бабъ былъ казненъ, и почти всѣ его главнѣйшіе сподвижники приняли мученическую смерть за дѣло вѣры. Вся Персія была въ волненіи, и правительство употребляло всѣ усилія, чтобы подавить религіозное возстаніе, перешедшее въ политическій мятежъ. За время послѣднихъ лѣтъ жизни Баба и послѣдующихъ за его смертью-страницы исторіи бабидской общины написаны кровью, и въ этомъ кроется какая то злая иронія судьбы: кроткое и безкровное ученіе Баба начинало свою жизнь на залитой кровью землѣ. Покушеніе на жизнь, шаха, совершенное въ 1852 году, еще болѣе усилило преслѣдованіе со стороны правительства, и къ бабидамъ стали примѣняться всякія жестокія мѣры; изъ тѣхъ, которые были обнаружены въ Тегеранѣ, почти всѣ были казнены послѣ цѣлаго ряда пытокъ, въ которыхъ такъ изощрился восточный умъ.

Умирая пророкъ Мухаммедъ не назначилъ себѣ преемника, и избраніе перваго халифа прошло не совсѣмъ мирно. Бабъ возвѣстилъ въ Бэйянѣ о «томъ, кого Господу будетъ угодно проявить»,-это было обѣщаніе, но неопредѣленное. Когда должно было совершиться это проявленіе, и существовалъ ли уже на свѣтѣ человѣкъ, который долженъ былъ стать новымъ воплощеніемъ божественной истины? Этого никто не зналъ. Время было смутное, приходилось скрываться, сообщаться тайкомъ, и выясненіе всякихъ вопросовъ было сопряжено съ громадными трудностями. Случилось то, что случается со всякимъ ученіемъ, явил-

ся расколъ, началась борьба между двумя братьями Мирзой Хусайномъ Али (Бэха Улла) и Мирзой Яхья (Субх-и-Эзель).

Какъ уже было сказано въ предыдущемъ очеркѣ, эти два лица еще при жизни Баба играли въ дѣлѣ секты значительную, хотя пока еще скрытую роль. Мирза Хусайнъ былъ ревностнымъ ученикомъ Баба и однимъ изъ-самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ его ученія.

Имѣлъ ли Бабъ намѣреніе сдѣлать его своимъ преемникомъ и замѣстителемъ, или нѣтъ, объ этомъ можно лишь ставить вопросъ. Когда слава Мирзы Хусайна стала распространяться, то, чтобы отвлечь отъ себя вниманіе, онъ сталъ распространять славу о своемъ братѣ-Мирзѣ Яхья. Эта политика велась такъ успѣшно, что главенствующей роли Мирзы Яхья вѣрило не только правительство, но даже и сами бабиды были въ теченіе долгаго времени введены въ заблужденіе. Равнымъ образомъ, европейскіе оріенталисты еще долгое время считали, что «Субх-и Эзель былъ повсюду признанъ бабидами въ качествѣ преемника Баба и единой главы, которому они засвидѣтельствовали свою приверженность.. Но это было далеко не такъ, и большинство бабидовъ говорило лишь о Бэха, какъ своемъ главѣ и пророкѣ; они утверждали, что Бабъ былъ лишь просто его провозвѣстникомъ и предтечей.. и или совершенно не знали Мирзу Яхья, или унижали его страннымъ образомъ» [1]).

Изъ этого можно предполагать, что, если Бабъ не намѣтилъ себѣ Мирзу Хусайна замѣстителемъ, этотъ послѣдній самъ думалъ объ этомъ. Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, роль Мирзы Хусайна или Бэха Уллы, какъ будемъ называть его, еще не опредѣлилась.

Рядъ долгихъ лѣтъ послѣ смерти Баба является борьбой за первенство между двумя братьями, и, до ознакомленія съ доктриной ново-бабидской секты, мы постараемся прослѣдить исторію общины.

Бэха Улла и Субх-и-Эзель были единокровными братьями, и младшему изъ нихъ, Субх-и-Эзелю, было всего семь лѣтъ, когда въ Багдадѣ умеръ ихъ отецъ, извѣстный подъ прозвищемъ Мирзы Бузурга. Во время дѣятельности Баба оба брата находились въ Тегеранѣ, откуда они пытались, но неудачно, пробраться къ могилѣ Шейха Табараси, гдѣ укрѣпились осажденные шахскими войсками бабиды. «Покушеніе на жизнь шаха застало старшаго брата въ Тегеранѣ, а младшаго въ Нурѣ. Яхья, предвидя опасность, бѣжалъ, переодѣтый дервишемъ, въ Багдадъ, а Бэха Улла былъ заподозрѣнъ въ соучастіи въ заговорѣ и посаженъ въ городскую тюрьму. Благопріятныя обстоятельства

---

[1]) С. Уманецъ. Современный бабизмъ. стр. 13.

помогли ему, однако, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выйти изъ заключенія,-главнымъ образомъ благодаря вмѣшательству русской миссіи въ Тегеранѣ, о чемъ Бэха Улла самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ посланіи къ Государю Императору Николаю Павловичу. («Когда я былъ въ темницѣ подъ оковами и цѣпями, одинъ изъ Твоихъ посланниковъ оказалъ мнѣ помощь»). Затѣмъ Бэха Улла, въ сопровожденіи нѣсколькихъ приверженцевъ, отправился изъ Тегерана съ разрѣшенія шаха, къ месопотамскимъ святынямъ на богомолье «Между тѣмъ Субх-и-Эзеля искали, и за голову его шахомъ была обѣщана награда въ тысячу тумановъ. Въ Нуръ было послано два полка подъ предлогомъ, что Субх-и-Эзель объявилъ себя имамомъ-Махди и собралъ вокругъ себя около тысячи послѣдователей. Поиски, въ отношеніи Субх-и-Эзеля, остались безрезультатными, но селеніе было разграблено, нѣсколько человѣкъ бабидовъ было убито, и 26 или 27 приведены въ Тегеранъ. Благодаря вмѣшательству русскаго посланника въ Тегеранѣ, всѣ они вскорѣ были освобождены, такъ какъ было установлено, что возмущенія никакого не было». [1])

Когда Бэха Улла появился въ Багдадѣ, то совершенно естественнымъ образомъ вышло, что онъ оказался во главѣ тамошней бабидской общины: при его энергіи и обаяніи его личности, это не было для него дѣломъ большого труда. Однако нашлись и недовольные этимъ, и во главѣ ихъ стоялъ Субх-и-Эзель, который, считаясь оффиціальнымъ руководителемъ послѣ смерти Баба, видѣлъ въ себѣ прямого его преемника. Главенство старшаго брата сводило его роль почти къ нулю, а это всего менѣе соотвѣтствовало его видамъ и желаніямъ,-скрытая вражда перешла въ открытую, и, какъ мы видимъ изъ Икана (написаннаго еще до оффиціальнаго возвѣщенія Бэха Уллой своей священной миссіи), Бэха Улла принужденъ былъ покинуть Багдадъ и «два года одинокимъ провести въ пустыни бѣгства», гдѣ у него даже не было «помысла о возвращеніи, ни надежды на него». Община почувствовала, что отсутствіе Бэха Уллы неблагопріятно отзывается на его дѣлахъ; и уговорила его вернуться. Это было въ 1854 году, и въ этомъ году появился Иканъ. «Эта краснорѣчиво и горячо написанная и проникнутая духомъ миролюбія и терпимости книга произвела большую сенсацію не только въ бабизмѣ, но и въ мусульманскомъ мірѣ вообще и привлекла на сторону Бэха Уллы очень многихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она подготовила бабидовъ къ признанію ихъ руководителя тѣмъ, о комъ пророчески вѣщалъ Бабъ въ своемъ таинственномъ

---

[1]) E. Browne. Traveller's Narrative p p. 375, 376.

Бэйянѣ» [1]), Съ возвращеніемъ Бэха Уллы, дѣла секты вновь поправились: она окрѣпла и пріобрѣтала все новыхъ и новыхъ послѣдователей Тогда «въ 1862 году шахское правительство рѣшило произвести давленіе на «еретика» и убѣдить его отречься отъ своего ученія. Эта мѣра была, впрочемъ, вынужденной, такъ какъ болѣе существенный первоначальный планъ-оффиціально объявить Бэха Уллу внѣ закона-не удался, въ виду категорическаго отказа муджтахидовъ, и въ особенности главнаго изъ нихъ, дать на это свое согласіе и закрѣпить его своей фэтвой» [2]).

Здѣсь произошло то же, что было съ Бабомъ: всѣ увѣщанія Бэха Уллы не приводили къ цѣли, такъ какъ результатомъ диспутовъ было или обращеніе въ бабизмъ самихъ увѣщателей, или же выказывалась полная ихъ неправоспособность быть хранителями и передатчиками мудрости оффиціальной религіи. Для одного такого увѣщанія были вызваны муллы изъ Кербелы и Неджефа. «Они прибыли—нѣкоторые, зная въ чемъ дѣло, и нѣкоторые, не зная этого. Въ числѣ послѣднихъ, т. е. незнающихъ въ чемъ дѣло, явился славный и знаменитый ученый, печать искателя истины, Шейхъ Муртаза.. который считался признаннымъ главой всѣхъ. Но, какъ только узналъ ихъ настоящія намѣренія, онъ сказалъ: «я не знакомъ, какъ слѣдуетъ, ни съ существеннымъ характеромъ этой секты, ни съ тайнымъ ученіемъ и сокровенными теологическими доктринами этой общины; кромѣ того, я до сихъ поръ не былъ свидѣтелемъ или не замѣтилъ въ ихъ поведеніи что либо, что противорѣчило бы Ясной Книгѣ (т. е. Корану), и что позволило бы мнѣ назвать ихъ невѣрными. Поэтому освободите меня отъ этого дѣла, и пусть дѣйствуетъ тотъ, кто считаетъ это своимъ долгомъ» [3]).

Когда не удалось ничего сдѣлать путемъ увѣщаній, шахское правительство стало играть на политической неблагонадежности бабидовъ. всегда готовыхъ занести смуту въ Персію, и просило удаленія ихъ изъ Багдада. Душою этого дѣла былъ персидскій генеральный консулъ въ Багдадѣ Мирза Бузургъ Ханъ Казвини, который всячески старался принести вредъ бабидамъ и унизить ихъ. Каждый день онъ выискивалъ предлогъ, чтобы нанести имъ какое-нибудь оскорбленіе. Сознавая полную невозможность бороться съ нимъ, бабиды приняли турецкое подданство. Консулъ лишился средствъ вредить бабидамъ, и центръ нападокъ снова перешелъ въ Тегеранъ, откуда Блистательной Портѣ указывался вредъ бабидовъ.

Эти исканія умѣли успѣхъ: бабидская община, вновь раз-

---

[1]) С. Уманецъ. Современный бабизмъ стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 15.

[3]) E. Browne, Traveller's Narrative. pp. 86, 87.

дираемая обострившейся враждой двухъ братьевъ, была переселена въ Константинополь. Это было во второй половинѣ 1864 года.

Выѣзду изъ Багдада предшествовало событіе капитальной важности: Бэха Улла открыто объявилъ себя пророкомъ Бэйяна, «тѣмъ кого проявитъ Господь»—въ посланіи (лаухъ, т. е. скрижаль, таблица), названномъ «Солнце словесъ». Въ дальнѣйшихъ посланіяхъ новая роль Бэха Уллы, говорящаго уже отъ имени Бога, все болѣе и болѣе подчеркивается. и порою онъ доходитъ до того, что видитъ въ себѣ воплощеніе божества.

Въ Константинополѣ на бабидовъ смотрѣли въ общемъ не особенно доброжелательно. Тѣмъ не менѣе, когда община зарекомендовала себя съ самой лучшей стороны, и всякое подозрѣніе о возможности внесенія ею смуты въ страну отпало, нѣкоторыя лица совѣтывали Бэха Уллѣ обратиться съ просьбой о томъ, чтобы было выяснено положеніе общины и, въ предѣлахъ возможнаго, улучшено ея положеніе. Бэха Улла отвѣтилъ на это: «Во исполненіе повелѣнія государя, мы прибыли въ эту страну. Помимо этого мы не имѣемъ и не имѣли стремленія или желанія вызывать и производить какую-либо смуту. То, что теперь скрыто покровомъ судьбы, въ будущемъ сдѣлается очевиднымъ. Въ этомъ случаѣ и не было и нѣтъ никакой надобности упрашивать и надоѣдать. Если просвѣщенные вожди (вашей націи) мудры и прилежны, они конечно произведутъ разслѣдованіе ,и сами ознакомятся съ истиннымъ положеніемъ дѣла; въ противномъ случаѣ, (для нихъ) неосуществимо и невозможно достиженіе истины. При такомъ положеніи дѣла, какая нужда безпокоить государственныхъ людей и умолять министровъ Двора? Намъ чуждо всякое душевное безпокойство, и мы совершенно готовы къ тому, что предназначено намъ. «Скажи имъ: все исходитъ отъ Бога» (Коранъ, С. IV, ст. 80)—есть основательный и достаточный аргументъ, и—«если какое-нибудь несчастье постигнетъ тебя по волѣ Бога, то избавить тебя отъ него можетъ одинъ только Богъ» (Коранъ, С. VI, ст. 17)—есть исцѣляющее лекарство» [1]).

Въ Константинополѣ бабиды пробыли всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и въ концѣ того же года они были переселены въ Адріанополь, гдѣ они и провели около четырехъ лѣтъ.

Новая роль, принятая на себя Бэха Уллой, естественно должна была вызвать разговоры: не только вражда между братьями усилилась, но бабидская община, до сихъ поръ почти не принимавшая участія въ раздорѣ двухъ братьевъ, свидѣтельницей котораго ей приходилось быть, раздѣлилась, и часть заяви-

[1] E. Browne Traveller's Narative pp. 21, 92.

ла себя послѣдователями Бэха Уллы, а часть окончательно склонилась на сторону Субх-и-Эзеля. Эти послѣдніе стали извѣстны подъ именемъ эзелитовъ, тогда какъ большая часть получила названіе бэхаитовъ.

Какъ разсказываетъ историкъ Баба, подстрекателемъ въ исканіяхъ Субх-и-Эзеля былъ Хаджи Сандъ Мухаммедъ Исфагани. Онъ говорилъ Субх-и-Эзелю· «слава этой секты поднялась высоко въ мірѣ, и имя ея сдѣлалось славнымъ: уже не остается ни страха, ни опасности, и для васъ нѣтъ ни боязни, ни нужды въ осторожности Поэтому, перестань слѣдовать самъ, чтобы міръ могъ послѣдовать за тобою; выйди изъ числа приверженцевъ, дабы ты могъ прославиться отъ горизонта и до горизонта» [1]). Съ другой стороны, въ сочиненіи неизвѣстнаго эзелита, озаглавленномъ «Хэштъ бэхиштъ» (т. е. Восемь раевъ), указывается прямо, что Бабъ еще при жизни, а именно послѣ смерти Муллы Хусайна Бушруэи, назначилъ своимъ преемникомъ Субх-и-Эзеля, и что таковымъ онъ былъ до того времени, когда Бэха Улла объявилъ себя «тѣмъ, кого проявитъ Господь» [2]). Въ виду того, что тѣ и другія показанія принадлежатъ лицамъ разныхъ партій, ихъ справедливость можно считать только относительной. Тотъ же авторъ возводитъ на Бэха Уллу обвиненіе въ томъ, что онъ однажды хотѣлъ отравить, а въ другой разъ приказалъ зарѣзать своего брата бритвой. Какъ то, такъ и другое покушеніе не удалось О случаѣ отравленія говоритъ въ одномъ изъ своихъ лауховъ и Бэха Улла, но говоритъ понятно въ томъ смыслѣ, что въ этомъ случаѣ жертвой заговора онъ былъ самъ. [3]).

Словомъ, это былъ полный разрывъ. Субх-и-Эзелю, лишившемуся денежной помощи брата, который до сего времени содержалъ его, пришлось обратиться за субсидіей къ турецкому правительству. Хотя просимая субсидія была дана, но вмѣстѣ съ тѣмъ «султанскимъ фирманомъ отъ 26 іюля 1868 года, было предписано отправить Субх-и-Эзеля съ четырьмя [4]) приверженцами, пожелавшими съ нимъ всюду слѣдовать, на островъ Кипръ, въ Фамагусту, а Бэха Уллу, съ его семействомъ и 80 прозелитами, въ Акру въ Сиріи» [5]).

До сихъ поръ, повидимому, остается невыясненнымъ окончательно вопросъ, что послужило причиной высылки бабидовъ

---

[1]) Idem p 94.

[2]) E. Browne. Traveller's Narrative p 353.

[3]) Idem p. 360.

[4]) Trav. Nar. стр. 384—390 приводитъ списокъ 29 лицъ, бывшихъ на о. Кипрѣ вмѣстѣ съ Субх-и-Эзелемъ.

[5]] С. Уманецъ. Современный бабизмъ стр. 17.

изъ Адріанополя. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, они были обвиняемы въ пропагандѣ зловредныхъ идей. Бэхаиты объясняютъ такое рѣшеніе происками эзелитовъ, а тѣ, въ свою очередь, то же обвиненіе возводятъ на Бэха Уллу, который разослалъ турецкимъ сановникамъ письма (написанныя разными лицами изъ числа его приверженцевъ) слѣдующаго содержанія. Въ Константинополѣ и его окрестностяхъ скрывается до 30 тысячъ насъ, бабидовъ, и въ скоромъ времени мы должны подняться. Первоначально мы овладѣемъ Константинополемъ, и, если Султанъ Абдулъ Азизъ и его министры не увѣруютъ (въ нашу религію), мы низложимъ его и удалимъ ихъ отъ власти и управленія. И нашъ государь есть Мирза Яхья Субх-и-Эзель». Эти письма ночью были положены во дворцѣ султана и въ домахъ различныхъ министровъ при содѣйствіи проживавшихъ въ Константинополѣ приверженцевъ Бэха Уллы. Когда письма были обнаружены, то прежнее мягкое отношеніе турецкаго правительства къ бабидамъ рѣзко измѣнилось [1]). Какъ бы тамъ ни было, а «въ августѣ того же года Бэха Улла уже былъ въ Акрѣ (бабиды называютъ ее Акка), гдѣ самое первое время содержался подъ стражей, что дало ему поводъ называть свое пребываніе въ Акрѣ «темницей». Такъ закончилась борьба двухъ братьевъ за главенство въ бабидской общинѣ, оставшейся послѣ смерти Баба безъ руководителя» [2]).

Здѣсь начинается реформаторскій періодъ жизни Бэха Уллы, и здѣсь вскорѣ появляется главнѣйшая священная книга бэхаитовъ «Китабе Акдэсъ».

Въ Акрѣ Бэха Улла прожилъ съ 1868 по 1892 годъ, когда онъ умеръ, оставивъ завѣщаніе, въ которомъ указывается, что всѣ должны обратить свои взоры на старшаго его сына-Аббаса-эффенди, который является главой бабидской общины, не претендуя ни на какую пророческую, а тѣмъ болѣе божественную роль. До 1908 года Аббасъ-эффенди находился безотлучно въ Акрѣ, но съ этого времени живетъ въ Хайфѣ, на горѣ Кармель.

Чтобы дать характеристику личности Бэха Уллы, я не могу сдѣлать ничего лучше, какъ привести многократно уже цитированныя слова проф. Броуна изъ описанія его свиданія съ Бэха Уллой [3]).

«Послѣ освѣжительнаго сна я проснулся на слѣдующее утро (вторникъ 14-го апрѣля 1890 г.), и старый слуга (бабида, въ домѣ котораго остановился Броунъ) въ очкахъ подалъ мнѣ чай. Немного спустя внезапный шумъ снаружи возвѣстилъ прибытіе

---

[1]) E. Browne. Traveller's Narrative. pp. 360.
[2]) С. Уманецъ. Современный бабизмъ стр 17.
[3]) По переводу А. Туманскаго. Китабе Акдэсъ. XXII-XXVI.

новыхъ посѣтителей, затѣмъ вошелъ въ комнату мой собесѣдникъ прошлаго вечера въ сопровожденіи двухъ другихъ лицъ. Одинъ изъ нихъ оказался бабидскимъ агентомъ изъ Бейрута, другой же, какъ я сразу догадался по необыкновенію почтенію, оказываемому всѣми присутствующими, былъ не кто иной, какъ старшій сынъ Бэха Уллы-Аббасъ-эффенди. Рѣдко мнѣ приходилось видѣть человѣка, наружность котораго произвела бы на меня болѣе сильное впечатлѣніе. Высокаго роста, крѣпкаго сложенія мужчина, державшійся прямо, какъ стрѣла, въ бѣломъ тюрбанѣ и одѣяніи, длинные черные локоны, доходящіе до плечъ, широкій, мощный лобъ, указывающій на сильный умъ, соединенный съ непреклонною волею, острый соколиный взглядъ и крупно выразительныя, но пріятныя черты лица—вотъ первыя впечатлѣнія отъ Аббаса-эффенди, «господина» (Ага). какъ его преимущественно называютъ бабиды. Послѣдовавшая бесѣда съ нимъ только возвысила то уваженіе, которое онъ возбудилъ во мнѣ при своемъ появленіи. Болѣе краснорѣчивой, убѣдительной и образной рѣчи, и болѣе близкаго знакомства со священными книгами евреевъ, христіанъ и мусульманъ рѣдко можно встрѣтить, полагаю, среди краснорѣчиваго, умнаго и способнаго племени, къ которому онъ принадлежитъ. При этихъ достоинствахъ, соединенныхъ съ величественной осанкой и привѣтливостью, я пересталъ удивляться тому вліянію и обаянію, которыми онъ пользовался и внѣ круга послѣдователей его отца. Кто видѣлъ этого человѣка, уже не можетъ сомнѣваться въ его величіи и власти.

Въ такомъ замѣчательномъ обществѣ мнѣ пришлось обѣдать. По окончаніи обѣда, вскорѣ Аббасъ-эффенди и другіе поднялись съ предварительнымъ «бисмилля» и объявили анѣ, чтобы я слѣдовалъ за ними, что я сдѣлалъ, не имѣя понятія, куда намъ слѣдовало итти Но я замѣтилъ, что одинъ изъ присутствующихъ несетъ за нами сѣдельныя сумы, содержащія мои вещи; изъ этого я заключилъ, что рѣшено, что я не останусь въ моей настоящей квартирѣ Мы вышли изъ дома, прошли базары и вышли изъ города черезъ удинственныя его ворота. По ту сторону воротъ, близъ моря, находится обширный сарай, служащій кофейней, гдѣ мы присѣли Мои спутники, очевидно, были въ ожиданіи чего то или кого то изъ большого дома, на половину скрытаго въ чащѣ деревьевъ, расположенныхъ въ одной или въ полутора миляхъ по направленію отъ берега, такъ какъ они постоянно направляли туда свои взоры Пока мы оставались въ ожиданіи, къ намъ подошелъ и подсѣлъ пожилой человѣкъ съ загадочнымъ взглядомъ, который оказался знаменитымъ Мушкинъ-Калямомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что относительно меня онъ слышалъ отъ одного своего родственника въ Исфагани (того сама-

го делляля, черезъ посредство котораго я впервые проникъ въ общину бабидовъ), и что онъ уже съ тѣхъ поръ ожидалъ видѣть меня въ Акрѣ.

Въ это время мы замѣтили приближавшихся по дорогѣ отъ упомянутаго большого дома трехъ животныхъ, на одномъ изъ которыхъ сидѣлъ человѣкъ. Тогда мы поднялись и пошли имъ навстрѣчу, и я вскорѣ очутился верхомъ на одномъ изъ этихъ прекрасныхъ бѣлыхъословъ, которые, по моему мнѣнію, самыя удобныя четвероногія для верховой ѣзды Спустя четверть часа мы слѣзли передъ упомянутымъ большимъ домомъ, который называется Бехдже (радость), что, какъ говорятъ, есть искаженіе (при этомъ бабиды не замедлили указать, что это искаженіе очень удачно) слова Багче (что означаетъ садъ). Меня тотчасъ же ввели въ большую комнату въ нижнемъ этажѣ, гдѣ я былъ сердечно принятъ нѣсколькими лицами, которыхъ я еще не видалъ. Между ними оказалось двое младшихъ сыновей Бэха; одному изъ нихъ, повидимому, было около двадцати пяти лѣтъ, а другому около двадцати одного. Оба имѣли прекрасную и выразительную наружность, а выраженіе лица младшаго было особенно мягко и привлекательно. Кромѣ нихъ подошелъ меня привѣтствовать очень пожилой человѣкъ съ свѣтло—голубыми глазами и бѣлой бородой, зеленая чалма котораго обнаруживала въ немъ потомка Пророка. Онъ сказалъ: «Мы не знаемъ, какъ мы должны тебя привѣтствовать, должны ли мы говорить «ас-селяму алейкомъ» или «Аллаху абха». Когда мнѣ стало извѣстно, что этотъ почтенный старецъ былъ не только однимъ изъ первыхъ послѣдователей Баба, но и родственникомъ и товарищемъ ранняго дѣтства его, можно себѣ представить, съ какою жадностью я взиралъ на него и внималъ каждому его слову.

Итакъ, я очутился гостемъ въ Бехдже, въ самомъ центрѣ всего, что считается бабидами возвышеннымъ и святымъ. Здѣсь я провелъ пять памятныхъ дней, во время которыхъ я пользовался безподобными и превысившими всѣ мои надежды удобствами для сношенія съ тѣми, кто является дѣйствительнымъ источникомъ того могущественнаго и удивительнаго духа, который работаетъ съ невидимой, но постоянно съ возрастающей силой для преобразованія и оживленія народа, пребывающаго во снѣ, подобномъ смерти. Это было въ дѣйствительности необычное и волновавшее душу ощущеніе, о которомъ я отчаяваюсь дать даже слабое представленіе. Въ самомъ дѣлѣ, я могъ бы попытаться описать съ большими подробностями лица и образы, окружавшіе меня, разговоры, которые я имѣлъ преимущество слышать, торжественные напѣвы при чтеніи священныхъ книгъ, общее чувство гармоніи и довольства, которое здѣсь царило, и душистые, тѣнистые сады, куда мы въ полдень иногда удалялись,—но все

это было бы ничто въ сравненіи съ той духовной атмосферой, которой я былъ окруженъ. Персидскіе мусульмане часто вамъ скажутъ, что бабиды околдовываютъ и очаровываютъ своихъ гостей такъ, что они, возбужденные чарами, передъ которыми нельзя устоять, приходятъ въ состояніе, которое упомянутые мусульмане считаютъ страннымъ и необъяснимымъ сумашествіемъ. Какъ ни безосновательно и нелѣпо это убѣжденіе, оно однако покоится на болѣе прочной фактической основѣ, чѣмъ большая часть тѣхъ розсказней, которыя мусульмане распространяютъ про этихъ людей. Духъ, которымъ проникнуты бабиды, таковъ, что врядъ ли можетъ не отражаться самымъ могущественнымъ образомъ на всѣхъ подвергающихся его вліянію. Онъ можетъ оттолкнуть или увлечь· но онъ не можетъ быть игнорируемъ или пренебрегаемъ. Пусть тѣ, которые не видѣли, не вѣрятъ мнѣ, если хотятъ, но, если этотъ духъ проявитъ себя передъ ними, они сами испытаютъ душевное волненіе, которое вѣроятно не забудутъ.

Но надо сказать нѣсколько словъ о самомъ главномъ эпизодѣ этого моего путешествія. На другой день утромъ послѣ моего водворенія въ Бехдже, одинъ изъ младшихъ сыновей Бэха вошелъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Я повиновался. и меня повели черезъ корридоры и комнаты, которыхъ я не успѣвалъ разсмотрѣть, въ обширную залу, устланную, насколько я помню (такъ какъ мой умъ былъ занятъ другимъ) мраморной мозаикой. Передъ занавѣсью, висѣвшей на стѣнѣ этой большой прихожей, мой провожатый остановился, пока я снималъ обувь. Затѣмъ быстрымъ движеніемъ руки онъ приподнялъ занавѣсъ и, какъ только я прошелъ, опустилъ ее. Я очутился въ огромномъ помѣщеніи, вдоль стѣны котораго до противоположнаго конца тянулся низкій диванъ, тогда какъ у противоположной входу стороны стояли два или три стула. Хотя я смутно подозрѣвалъ, куда я иду и кого буду видѣть (мнѣ не было сдѣлано опредѣленнаго указанія на этотъ счетъ), секунда или двѣ прошло прежде, чѣмъ я съ волненіемъ и смущеніемъ замѣтилъ, что комната не была пуста. Въ углу, гдѣ диванъ соприкасался со стѣной, сидѣла необыкновенная и внушавшая почтеніе особа, въ войлочномъ головномъ уборѣ, вродѣ называемыхъ дервишами Таджъ (но непривычной высоты и формы), кругомъ основанія котораго былъ повязанъ небольшой бѣлый тюрбанъ. Лицо, на которое я взиралъ, я не могу изгладить изъ своей памяти, но и не могу описать. Эти проницательные глаза, казалось, проникали въ глубину души; власть и авторитетность отражались на широкомъ челѣ; глубокія борозды на лбу и лицѣ показывали возрастъ, противорѣчившій черным,

какъ смоль, волосамъ и бородѣ, которая съ невыразимой роскошью спускалась почти до пояса. Не надо было и спрашивать, въ чьемъ присутствіи я находился, когда я преклонялся предъ тѣмъ, кто служитъ предметомъ обожанія и любви такой, которой могутъ завидовать короли и о которой могутъ воздыхать понапрасну императоры!

Мягкій съ достоинствомъ голосъ просилъ меня присѣсть и затѣмъ сказалъ: «Хвала Богу, что ты достигнулъ!... Ты пришелъ повидать плѣнника и изгнанника... Мы желаемъ только добра міру и счастья народамъ; а они насъ считаютъ защитниками раздора и соблазна, заслуживающими рабства и изгнанія... Чтобы всѣ народы пришли къ единой вѣрѣ, и всѣ люди стали бы братьями; чтобы узы любви и единства между сыновьями человѣческими скрѣпились; чтобы рознь религіозная перестала существовать, и уничтожено было различіе національностей,—какое же въ этомъ зло?... Это теперь должно осуществиться. Эти безплодные раздоры и разрушительныя войны исчезнутъ, и наступитъ «Величайшій Міръ». Развѣ въ этомъ не нуждаются въ Европѣ? Не то ли это, что Христосъ проповѣдывалъ?.. А между тѣмъ мы видимъ вашихъ царей и правителей расточающихъ свои сокровища болѣе щедро на средства истреблять человѣческій родъ, чѣмъ на то, что повело бы къ счастью человѣчества .. Эти распри, кровопролитія и раздоры должны кончиться, и всѣ люди составятъ какъ бы одну семью, одну родню... Да не возгордится человѣкъ тѣмъ, что любитъ свою родину, а пусть гордится тѣмъ, что любитъ родъ человѣческій» ..

Таковы были между прочимъ, насколько я припомню, слова, которыя я слышалъ отъ Бэха. Пусть читающіе сами разсудятъ, заслуживаетъ ли такое ученіе смерти или ссылки, и выиграетъ ли міръ или потеряетъ отъ его распространенія ..

Въ продолженіи пяти дней, проведенчыхъ въ Бехдже, я былъ допущенъ въ присутствіе Бэха четыре раза. Эти свиданія были всегда за часъ или за два до полудня и продолжались отъ двадцати минутъ до получаса»...

Такъ описываетъ свое впечатлѣніе единственный европеецъ, который видѣлъ Бэха Уллу и разговаривалъ съ нимъ.

Хотя въ настоящее время эзелптовъ очень мало, тѣмъ не менѣе разсмотрѣніе правъ на главенствующую роль того лица, чье имя они приняли, не можетъ не интересовать насъ

Считается вполнѣ установленнымъ фактъ, что какъ шіиты уничтожили не мало писаній бабидовъ, такъ и бэхаиты примѣнили подобную цензуру къ нѣкоторымъ писаніямъ Субх-и-Эзеля и его приверженцевъ. Такъ какъ во второй главѣ мы достаточно будемъ говорить о божественныхъ, съ точки зрѣнія бэхаитовъ правахъ Бэха Уллы, здѣсь мы должны упомянуть, что на по-

добныя права, и также не безъ нѣкотораго основанія, претендуетъ и Субх-и-Эзель.

Исторія Мирзы Джани даетъ нѣкоторыя указанія на важныя обстоятельства, о которыхъ умышленно или случайно умалчиваетъ авторъ «Тарих-и-джадидъ» 1).

Тамъ между прочимъ говорится, что, когда еще Субх-и-Эзель былъ ребенкомъ, его мачеха имѣла видѣніе: Мухаммедъ и Али явились ей и приказали принести ребенка; когда она сдѣлала это, они поцѣловали его и сказали ей, чтобы она хорошо хранила его, ибо этотъ ребенокъ долженъ прійти къ «каиму». Бэха Улла самъ занимался воспитаніемъ своего брата, способности котораго вызывали справедливое удивленіе, и онъ пріобщилъ его къ новой вѣрѣ Послѣ собора въ Бедештѣ, Субх-и-Эзель въ Барфурушѣ познакомился съ Хазрэт-и-Куддусомъ, который обошелся съ нимъ весьма ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно. Въ Барфурушѣ же Хазрэт-и-Куддусъ познакомилъ его съ Курратъ-уль-айнъ, которая часто вела съ нимъ наставительныя бесѣды. Какъ мы уже знаемъ, Субх-и-Эзель вмѣстѣ съ Бэха Уллой пытался пробраться къ осажденнымъ у могилы Шейха Табарси, но это имъ не удалось. они были арестованы и приведены въ Амоль. Тамъ, по разсказамъ очевидцевъ, Субх-и-Эзель подвергся многочисленнымъ оскорбленіямъ отъ уличной толпы, которая проклинала его и бросала въ него камнями. Пробывъ нѣкоторое время въ заключеніи, Субх-и-Эзель возвратился въ родныя мѣста

Въ общемъ, до и послѣ ареста, Субх-и-Эзель пробылъ въ Мазандеранѣ около четырехъ мѣсяцевъ, и его неизмѣннымъ спутникомъ и другомъ былъ Хаджи Кашани, который говоритъ, что Субх-и-Эзель былъ всецѣло поглощенъ духовной любовью и молитвой и писалъ стихи и молитвенные гимны; иногда время проходило въ толкованіи нѣкоторыхъ стиховъ Корана. Но въ это время Субх-и-Эзель не заявлялъ никакихъ претензій на особую миссію.

Извѣстіе о мученической кончинѣ Куддуса произвело на Субх-и-Эзеля гнетущее впечатлѣніе, и «черезъ три дня знаки святости показались въ его благословенномъ обликѣ, и еще разъ открылась таіна Возвращенія. Это произошло на пятый годъ отъ проявленія Истины».

Субх-и-Эзель писалъ Бабу, и его письма причиняли этому послѣднему крайнюю радость, и «съ тѣхъ поръ началось захожденіе Солнца Баба и восхожденіе Луны Эзеля». Бабъ переслалъ Субх-и-Эзелю свои писанія, перья и бумагу, свои кольца и одежду «Онъ также написалъ свое завѣщаніе, яснымъ образомъ назначивъ Субх-и-Эзеля своимъ преемникомъ, и прибавилъ:

---

[1]) E. Browne. Tarikh-i-djadid pp. 374, 392.

«Напиши восемь (ненаписанныхъ) вахидъ Бэйяна, и если «тотъ, кого Проявитъ Господь», появится въ своей силѣ въ твое время, отмѣни Бэйянъ и примѣняй на практикѣ то, вдохновеніе относительно чего мы пошлемъ въ твою грудь».

Пересылка Субх-и-Эзелю личныхъ предметовъ Баба, по толкованію историка, очевиднымъ образомъ должна была показать послѣдователямъ Баба, что послѣ него Субх-и-Эзель является носителемъ божественной благодати; завѣщаніе же должно было служить подкрѣпленіемъ для слабыхъ.

«Причина того, что Бабъ воздержался самъ отъ написанія восьми (ненаписанныхъ) вахидъ Бэйяна. но предоставилъ это Эзелю, была та, чтобы всѣ люди могли узнать, что Слово Бога едино, и что Онъ самъ въ Себѣ есть высшее Доказательство. То, что онъ обозначалъ подъ «тѣмъ, кого проявитъ Господь» послѣ него, былъ Хазрэт-и-Эзель, и никто другой кромѣ него, потому что въ одно время не можетъ быть двухъ «Точекъ».

Такимъ то образомъ, послѣ смерти Баба взошло Солнце Вѣчности, т. е. Субх-и-Эзель.

Вотъ какія права имѣлъ Субх-и-Эзель на главенствующую въ бабизмѣ роль. Мы можемъ провести здѣсь параллель съ шіизмомъ: подобно тому, какъ шіиты говорятъ объ узурпированныхъ правахъ Али, якобы назначеннаго Мухаммедомъ въ качествѣ своего преемника, то же говорятъ и эзелиты о Субх-и-Эзелѣ.

Глава вторая.

Въ 1907 году появилась книга англійскаго автора, въ слѣдующемъ году переведенная и на французскій языкъ,-«Уроки въ С. Жанъд'Акрѣ,» [1]). Эта книга есть точное воспроизведеніе бесѣдъ Аббаса-эффенди съ Клиффордъ Барней-нѣчто въ родѣ катехизиса бэхаизма. Прежде чѣмъ познакомить читателя съ священными книгами бэхаитовъ, мнѣ кажется полезнымъ привести широкія выдержки изъ вышеуказанной книги (кажется, еще не переведенной на русскій языкъ), въ особенности то мѣсто, гдѣ доказывается божественность миссіи Бэха Уллы. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно показываетъ отношеніе бэхаизма къ другимъ религіямъ.

Какъ говоритъ авторъ англійскаго изданія въ предисловіи къ книгѣ, сдѣланная въ книгѣ классификація принадлежитъ собесѣдницѣ Аббаса-эффенди,-бесѣды же или уроки не слѣдовали въ строго опредѣленномъ порядкѣ.

Въ первыхъ урокахъ говорится о томъ, что вся природа находится во власти Бога, и приводятся доказательства существованія Бога, и того, что—какъ ни могущественъ человѣкъ по сравненію съ другими твореніями, онъ все же нуждается въ руководителѣ и наставникѣ; что роль такихъ руководителей людей играли пророки, люди, которыхъ Богъ надѣлялъ для этого особой силой; что эти люди дѣйствуютъ по божественному велѣнію, можно видѣть изъ того, что сами по себѣ, по своимъ качествамъ и достоинствамъ, они не могли бы достигнуть результатовъ, даже въ слабой степени подобныхъ тѣмъ, какихъ они достигали

Такимъ руководителемъ людей былъ Авраамъ, родившійся въ семействѣ, гдѣ поклонялись глинянымъ богамъ,—и вотъ, онъ одинъ повелъ борьбу съ цѣлымъ народомъ. Потомъ былъ Моисей, на котораго указала десница Бога, несмотря на то, что руки

---

[1]) Les lecons de St. Jean d'Acre. Trad. par H. Dreyfus.

его были обагрены кровью: то, что онъ совершилъ за свою жизнь, онъ конечно не могъ сдѣлать безъ помощи Бога. За нимъ явился Христосъ, и «всѣ владыки земли, соединившись, не могли уничтожить его Напротивъ, всѣ ихъ знамена были разодраны, тогда какъ знамя Притѣсняемаго было вознесено до арогея». Далѣе, «руководитель и наставникъ кочевыхъ арабскихъ племенъ, создатель цивилизаціи и человѣческихъ совершенствъ у различныхъ народовъ, былъ неграмотный человѣкъ, Мухаммедъ. Такъ былъ или нѣтъ этотъ славный человѣкъ совершеннымъ руководителемъ? Будемъ справедливы»! Затѣмъ явился Бабъ, и, хотя онъ былъ лишь простымъ купцомъ, онъ привелъ къ молчанію всѣхъ улемовъ Персіи. Одинъ, онъ сумѣлъ провозгласить свое дѣло необъяснимымъ образомъ, такъ какъ персы въ особенности славятся своимъ религіознымъ фанатизмомъ .. Все сдѣланное имъ съ очевидностью показываетъ, что онъ былъ совершеннымъ руководителемъ. Справедливый человѣкъ никогда не задумается это признать.

Далѣе, съ большими подробностями говорится о Бэха Уллѣ Въ его бытность въ Багдадѣ, у него неоднакратно бывали диспуты съ улемами. Однажды представитель улемовъ, Мулла Хасанъ Аму сказалъ, что всѣ признаютъ справедливость его словъ, но, чтобы окончательно уничтожить остающееся въ сердцѣ сомнѣніе, просятъ его совершить чудо. Бэха Улла отвѣтилъ на это, что, хотя у людей нѣтъ права испытывать Бога, но онъ совершитъ чудо, если они впередъ обѣщаютъ сдѣлаться его послѣдователями,-улемы подумали нѣкоторое время и потомъ уже не настаивали на своей просьбѣ совершить чудо.

Удаленіе Бэха Уллы изъ Персіи, вопреки ожиданіямъ правительства, лишь способствовало процвѣтанію его дѣла Изъ Акры Бэха Улла отправилъ посланіе Шаху, прося вызвать его въ Тегеранъ и устроить диспутъ съ улемами, чтобы истина выяснилась. «Шахъ отослалъ священное посланіе къ улемамъ и предложилъ имъ согласиться. Но они не посмѣли Тогда онъ попросилъ семерыхъ самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ написать отвѣтъ на это письмо; черезъ нѣкоторое время они вернули священное письмо, говоря, что человѣкъ этотъ былъ противникъ религіи и врагъ шаха Его высочество шахъ Персіи былъ очень недоволенъ: вѣдь это дѣло было вопросомъ доказательствъ и аргументовъ, истины или отступничества,-какое же касательство къ нему могла имѣть вражда къ государству?

«Увы, сказалъ онъ,-какое вниманіе мы расточали этимъ улемамъ, а они даже не могутъ отвѣтить на это письмо!»

«Много необыкновенныхъ вещей было совершено Бэха Уллой, но мы не разсказываемъ о нихъ, потому что онѣ не являются доказательствами и аргументами для всѣхъ народовъ міра

и потому, что даже для тѣхъ, которые были ихъ свидѣтелями, онѣ не являются рѣшительными доказательствами. Они могутъ думать, что это было волшебство Впрочемъ, большинство приписываемыхъ пророкамъ чудесъ имѣютъ лишь символическое значеніе Такъ, въ повѣствованіяхъ о страданіяхъ Христа упоминается, что наступила тьма, что было землетрясеніе, что завѣса храма разодралась надвое, и что мертные возстали изъ гробовъ Если бы эти вещи были видимы, это было бы значительнымъ событіемъ, и конечно объ этомъ отмѣтили бы въ лѣтописяхъ, и эти явленія стали бы причиной смущенія сердецъ; по крайней мѣрѣ, воины сняли бы Христа съ креста или убѣжали бы. Но, такъ какъ объ этихъ обстоятельствахъ не упоминается ни въ одной исторіи, очевидно, что они не должны пониматься буквально, и что они имѣютъ символическое значеніе. Наша цѣль-не отрицать; единственное наше намѣреніе-установить, что эти разсказы не являются рѣшающимъ доказательствомъ, и что они имѣютъ символическое значеніе; это все».

Послѣ этого бесѣда переходитъ на идею мессіанства, и указывается, что различные народы ожидаютъ прибытія Мессіи. «Существенное заключается въ томъ, что всѣ ожидаютъ два Проявленія, которыя должны наступить одно за другимъ; и что было возвѣщено, что, во время наступленія этихъ двухъ проявленій, земля обновится, существующій міръ измѣнится, и творенія облекутся въ новую форму; что наступитъ царство справедливости. ..

«Теперь намъ остается доказать, на основаніи священныхъ книгъ, что эти два Проявленія наступили, и проникнуть въ смыслъ словъ пророковъ; ибо мы хотимъ доказательствъ, извлеченныхъ изъ священныхъ книгъ....

«Въ книгѣ Даніила (IX, 24), отъ времени возстановленія Іерусалимскаго храма до дня страданій Христа опредѣлено семьдесятъ недѣль; потому что мученической кончиной Христа жертвоприношеніе должно быть совершено, и алтарь разрушенъ. Это пророчество имѣетъ отношеніе къ проявленію Христа. Начало 70-ти недѣльнаго періода есть возстановленіе и перестройка Іерусалима; и, въ этомъ отношеніи, касательно возстановленія Іерусалима, мы имѣемъ четыре эдикта, изданнымъ тремя государями. Первый-Кира, въ 536 году до Р. Х., и о немъ упоминается въ первой главѣ книги Ездры. Второй эдиктъ относительно перестройки Іерусалима принадлежитъ Дарію Персидскому, въ 519 году до Р. Х., и онъ упоминается въ шестой главѣ книги Ездры. Третій данъ Артаксерксомъ, въ седьмой годъ его царствованія, т. е. въ 457 году до Р. Х., и о немъ упоминается въ седьмой главѣ книги Ездры. Четвертый данъ Арта-

ксерксомъ въ 444 году до Р. Х. и находится во второй главѣ книги Неемии.

«Но Даніилъ ссылается на третій эдиктъ, который былъ изданъ въ 457 году до Р. Х., Семьдесятъ недѣль равняются 490 днямъ. Каждый день, по терминологіи священныхъ книгъ, есть годъ. Въ Библіи сказано: «День Господа есть годъ» (Числа, XIV, 34). Слѣдовательно, 490 дней составляютъ 490 лѣтъ. Третій эдиктъ Артаксеркса былъ изданъ за 457 лѣтъ до Р. Х., а, во время страданій и вознесенія Христа на небо, ему было 33 года: 33, прибавленные къ 457, даютъ 490, что является датой, возвѣщенной Даніиломъ для проявленія Христа. Но въ 25-мъ стихѣ гл. IX Даніила употреблено иное выраженіе, а именно: семь недѣль и 62 недѣли. И тутъ, повидимому, имѣется противорѣчіе съ первой фразой; много людей осталось въ смущеніи, стараясь примирить эти два утвержденія. Какимъ образомъ здѣсь дѣло идетъ о 70 недѣляхъ, а тамъ-о 62 недѣляхъ, и 7 недѣляхъ? Эти двѣ фразы не согласуются.

«Въ дѣйствительности же Даніилъ указываетъ двѣ даты. Одна дата начинается съ повелѣнія Артаксеркса, приказавшаго Ездрѣ перестроить Іерусалимъ: это-семьдесятъ недѣль, которыя оканчиваются съ вознесеніемъ Мессіи, когда жертвоприношенія прекратились его мученичествомъ. Вторая дата находится въ 26-мъ стихѣ, гдѣ говорится, что послѣ возстановленія Іерусалима до вознесенія Христа пройдутъ 62 недѣли: семь недѣль-продолжительность возстановленія Іерусалима, т е. 49 лѣтъ. Если прибавимъ эти семь недѣтъ къ 62, то это составитъ 69 недѣль; и въ послѣднюю недѣлю имѣло мѣсто вознесеніе Христа. Такимъ образомъ, 70 недѣль дѣлаются полными, и не остается болѣе противорѣчія.

«И, подобно тому, какъ проявленіе Мессіи доказано пророчествами Даніила, мы теперъ докажемъ проявленія Бэха Уллы и Баба. До сихъ поръ мы давали лишь логическія доказательства; теперь дѣло идетъ о доказательствахъ по преданію.

«Въ 13-мъ стихѣ VIII главы книги Даніила сказано: «Тогда я услышалъ святого, который говорилъ, и святого, который вопрошалъ говорившаго; до какихъ поръ продлится видѣніе постояннаго жертвоприношенія и мятежа, причиняющаго разрушеніе, чтобы предать святилище и войско на попраніе ногами? И онъ мнѣ сказалъ. до 2300 вечеровъ и утръ; тогда святилище будутъ очищено». Тогда онъ мнѣ сказалъ: «это видѣніе относится къ послѣднимъ днямъ. Другими словами, это несчастіе, это опустошеніе, это разрушеніе, это униженіе,-до какихъ поръ они будутъ продолжаться? или-когда наступитъ заря Проявленія? Тогда онъ сказалъ: «до 2300 вечеровъ и утръ, и тогда святилище будетъ очищено». Короче, цѣль этого мѣста установить, что онъ

назначаетъ 2300 лѣтъ, такъ какъ въ текстѣ Библіи каждый день есть годъ. Итакъ, со времени обнародованія эдикта Артаксеркса относительно возстановленія Іерусалима и до дня рожденія Христа имѣется 456 лѣтъ, а со дня рожденія Христа до проявленія Баба имѣется 1844 года, и, если вы прибавите 456 лѣтъ къ этому числу, это составитъ 2300 лѣтъ. Т. е. исполненіе пророчества Даніила имѣло мѣсто въ 1844 году христіанской эры, и это былъ годъ Проявленія Баба

«Разсмотрите самый текстъ пророчества Даніила: съ какой ясностью онъ устанавливаетъ годъ Проявленія! Яснѣе этого невозможно возвѣстить Проявленіе.

«Христосъ, въ 24-й гл. Евангелія Матѳея, ст. 3-й, ясно говоритъ, что то, что Даніилъ хотѣлъ сказать своимъ пророчествомъ, была эпоха проявленія. А вотъ стихъ: «Когда же сидѣлъ Онъ на горѣ Елеонской, то приступили къ Нему ученики наединѣ и спросили: скажи намъ, когда это будетъ? и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка?» Между всѣми объясненіями, которыя Христосъ далъ имъ въ отвѣтъ, имѣется это: «итакъ, когда вы увидите мерзость запустѣнія, реченную черезъ пророка Даніила, стоящую на святомъ мѣстѣ,—читающій да разумѣетъ» (XXIV, 15). Такимъ образомъ Онъ намекалъ на восьмую главу книги Даніила, говоря, что всякій, кто прочтетъ этотъ стихъ, пойметъ, что говорится объ этихъ временахъ. Смотрите, какъ проявленіе Баба ясно возвѣщено въ Библіи и Евангеліи!

«Теперь, при помощи Библіи, объяснимъ дату проявленія Бэха-Уллы. Дата проявленія Бэха Уллы высчитана въ лунныхъ годахъ, начиная съ миссіи и геджры Мухаммеда; такъ какъ въ религіи Мухаммеда (для счисленія) служитъ обычно лунный годъ, и въ этой религіи именно луннымъ годомъ пользуются для каждаго изъ случаевъ велѣній вѣрнымъ.

«Въ главѣ XII, 6-й ст., книги Даніила говорится: «И сказалъ человѣку, одѣтому въ льняныя одежды, который былъ на водахъ рѣки: когда будетъ конецъ этихъ чудесъ? И я услышалъ, что человѣкъ, одѣтый въ льняную одежду, который былъ на водахъ рѣки, и который поднялъ свою правую и лѣвую руку къ небесамъ, поклялся Тѣмъ, кто живетъ вѣчно, что это будетъ до одного времени, двухъ временъ и половины времени; и что, когда онъ окончитъ разсѣявать силу святого народа, всѣ эти вещи окончатся».

«Я уже объяснилъ значеніе слова день, и нѣтъ пользы возвращаться къ этому. Но скажемъ кратко, что одинъ день Отца равенъ году, и что годъ равенъ 12 мѣсяцамъ. Такъ, три съ половиною года равны 42 мѣсяцамъ, и 42 мѣсяца равны 1260 днямъ. Каждый день, въ священныхъ книгахъ, есть годъ. И въ

1260 году геджры, по мусульманскому счисленію явился Бабъ, провозвѣстникъ Бэха Уллы.

Далѣе, въ ст. 11, сказано: «Итакъ, во время, когда прекратится постоянное жертвоприношеніе и будетъ мерзость запустѣнія будетъ 1290 дней. Счастливъ тотъ, кто дождется и доживетъ до 1335 дня».

«Начало этого луннаго счета есть день провозглашенія пророческой миссіи Мухаммеда во всѣхъ областяхъ Хэджаса, и это было черезъ три года послѣ начала его миссіи, такъ какъ сначала его пророческая миссія держалась скрытой; никто, кромѣ Хадиджи и Ибнъ Нофаля, не зналъ объ этомъ. Послѣ трехъ лѣтъ его провозгласили. И Бэха Улла въ 1290-й годъ провозглашенія миссіи Мухаммеда возвѣстилъ свое проявленіе.

«Въ главѣ XI, ст. 1 и 2, Откровенія св. Іоанна сказано: «И дана мнѣ трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измѣрь храмъ Божій и жертвенникъ, и поклоняющихся въ немъ; а внѣшній дворъ храма исключи, не измѣряй его; ибо онъ данъ язычникамъ: они будутъ попирать святой городъ 42 мѣсяца».

«Эта трость обозначаетъ совершеннаго человѣка, который сравнивается съ тростникомъ, и значеніе этого сравненія слѣдующее: когда внутренность тростника вынута, и когда онъ освобожденъ отъ всего содержимаго, можно извлекать чудныя мелодіи И подобно тому, какъ пѣніе и звукъ не идутъ отъ тростника, но въ дѣйствительности музыка идетъ отъ играющаго на флейтѣ, который дуетъ внутрь, также эта благословенная особа имѣетъ сердце святое, свободное и изъятое отъ всего, что не есть Богъ, очищенное и освобожденное отъ всѣхъ человѣческихъ условій (состояній), и она является лишь спутницей божественнаго духа. Его слова не исходятъ отъ него, но отъ истиннаго игрока на флейтѣ, и являются божественнымъ вдохновеніемъ. Вотъ почему онъ сравниваетъ его съ тростникомъ. И этотъ тростникъ подобенъ жезлу, т. е что онъ есть помощь слабыхъ и поддержка созданныхъ существъ; это-жезлъ божественнаго пастыря, съ помошью котораго онъ заставляетъ пасти свое стадо и ведетъ его въ долины Царства.

«Потомъ: «ангелъ явился и сказалъ мнѣ: встань и измѣрь храмъ Божій и жертвенникъ и поклоняющихся въ немъ», т. е. сравни и измѣрь; измѣрять, это—находить количество. И такъ, ангелъ сказалъ: сравни святая святыхъ, и алтарь, и тѣхъ, которые въ данный моментъ молятся тамъ, т. е. открой каково ихъ истинное состояніе, узнай, въ какой степени и въ какомъ положеніи они находятся. и каково ихъ состояніе, ихъ совершенства, ихъ поведеніе, ихъ качества; постигни тайны этихъ святыхъ душъ, которыя имѣютъ мѣсто въ святая святыхъ, въ состояніи чистоты и святости.

«А внѣшній дворъ храма исключи и не измѣряй его, ибо онъ данъ язычникамъ».

«Въ началѣ седьмого вѣка христіанской эры, когда Іерусалимъ былъ завоеванъ, святая святыхъ было по внѣшности сохранено, т. е. тотъ храмъ, который построилъ Соломонъ, но внѣ святаго святыхъ внѣшній дворъ былъ взятъ и отданъ язычникамъ.

«И они будутъ попирать святой городъ 42 мѣсяца», т. е. язычники будутъ владѣть и управлять Іерусалимомъ въ теченіе 42 мѣсяцевъ, равныхъ 1260 днямъ; и, такъ какъ каждый день равенъ году, то, по этому счету, это составляетъ 1260 лѣтъ, что составляетъ продолжительность кораническаго цикла. Такъ какъ въ священной книгѣ каждый день равенъ году, какъ это сказано въ ст. 6-мъ главы IV книги Іезекіеля: «И ты будешь нести несправедливость Дома Іуды въ продолженіи 40 дней: я назначилъ тебѣ за каждый день годъ».

«Это пророчество начинается со времени появленія ислама, когда Іерусалимъ былъ попираемъ ногами. Но святая святыхъ было сохранено, охраняемо и уважаемо, и это событіе продолжалось до 1260 года. Эти 1260 лѣтъ есть пророчество проявленія Верховнаго Высочества, Двери Бэха Уллы, которое имѣло мѣсто въ 1260 году геджры Мухаммеда. И такъ какъ періодъ 1260 лѣтъ окончился теперь, Іерусалимъ, священный городъ, вновь начинаетъ благоденствовать, заселяться и процвѣтать. Всѣ тѣ, кто видѣлъ Іерусалимъ 60 лѣтъ тому назадъ, и кто видитъ его теперь, признаютъ, насколько онъ теперь сдѣлался населеннымъ, цвѣтущимъ и уважаемымъ.

«Таково кажущееся значеніе стиховъ Откровенія св. Іоанна, но эти стихи имѣютъ и другое толкованіе и символическое значеніе, которое заключается въ слѣдующемъ. Законъ Бога обнимаетъ двѣ части. одна, основная, есть духовная, т. е. она касается духовныхъ добродѣтелей и божественныхъ качествъ, и не имѣетъ измѣненія: это—святая святыхъ, являющееся сущностью законодательства Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Христа, Мухаммеда, Баба и Бэха Уллы; оно длится и установлено во всѣхъ пророческихъ циклахъ. Оно никогда не будетъ отмѣнено, потому что оно является истиной духовной, не матеріальной: это—вѣра, знаніе, увѣренность, справедливость, благочестіе, доброта, заслуженное довѣріе, любовь къ Богу, внутренній миръ, щедрость по отношенію къ бѣднымъ, покровительство угнетенныхъ, протянутая рука упавшимъ, чистота, самоотреченіе, униженіе, мягкость, терпѣніе, постоянство. Эти божественныя качества, эти божественныя велѣнія никогда не будутъ уничтожены, но будутъ длиться и будутъ учреждены навѣки. Эти человѣческія добродѣтели оживляются въ каждомъ изъ различныхъ цикловъ; потому

что въ концѣ каждаго цикла божественный духовный законъ, т. е. человѣческія добродѣтели, изчезаетъ, и остается лишь одна форма. Такъ, у евреевъ, въ концѣ цикла Моисея, который совпадаетъ съ христіанскимъ проявленіемъ, законъ Бога исчезъ, и осталась лишь форма безъ духа. Но внѣшній дворъ Іерусалима, равноцѣнный формѣ религіи, попалъ въ руки язычниковъ. Равнымъ образомъ, принципы религіи Христа, являющіеся высшими добродѣтелями человѣчества, исчезли, и ея форма осталась въ рукахъ священниковъ и духовенства. Равнымъ образомъ, основанія религіи Мухаммеда исчезли, и ея форма продолжаетъ оставаться въ рукахъ оффиціальныхъ улемовъ. Эти основанія закона Бога, являющіяся духовными, и которыя суть добродѣтели человѣчества, не отмѣняемы и остаются неизмѣнными и вѣчными, и они возобновляются въ каждомъ пророческомъ циклѣ.

«Вторая часть божественнаго закона, имѣющая отношеніе до матеріальнаго міра, и обнимающая собою постъ, молитву, религіозную практику, бракъ, разводъ, освобожденіе отъ рабства, тяжбу, договоры, штрафы, вознагражденіе за убійство, насиліе, воровство, раны,—эта часть божественнаго закона, касающаяся матеріальныхъ вещей, измѣняется и преобразовывается въ каждомъ пророческомъ циклѣ и можетъ быть отмѣняема. Вѣдь ясно, что политика, договоры, вознагражденія, и т. п. должны быть измѣняемы и преобразуемы въ зависимости отъ требованій времени.

«Короче, слово «святая святыхъ» обозначаетъ тотъ духовный законъ, который никогда не преобразовывается и не измѣняется, и который не будетъ отмѣненъ. Святой городъ обозначаетъ матеріальный законъ, который отмѣняемъ. И этотъ то матеріальный законъ описанъ подъ именемъ святого города, который будетъ попираемъ ногами въ теченіе 1260 лѣтъ.

«И дали двумъ свидѣтелямъ моимъ (власть), и они будутъ пророчествовать 1260 дней, будучи облечены во вретище». Два свидѣтеля, о которыхъ здѣсь говорится, суть Мухаммедъ, посланникъ Бога, и Али ибнъ-Абу Талибъ. Въ Коранѣ говорится, что Богъ, обращаясь къ Мухаммеду, поланнику Бога, выражается такъ: «Я поставилъ тебя, какъ свидѣтеля, какъ вѣстника добраго извѣстія и какъ предупредителя», т. е. Мы установили тебя свидѣтелемъ, подателемъ благой вѣсти и приносящимъ Божій гнѣвъ. Свидѣтель, т. е. что вещи будутъ доказаны его утвержденіемъ. И приказанія этихъ двухъ свидѣтелей будутъ отдаваться въ теченіе 1260 дней, обозначающихъ года. Итакъ, Мухаммедъ былъ стволъ и Али-вѣтвь, какъ Моисей и Іисусъ Навинъ. Сказано: «эти два свидѣтеля будутъ облечены во вретище», т. е. что, повидимому, они не будутъ имѣть новыхъ одеждъ, но старыя одежды; иначе говоря, вначалѣ, въ глазахъ

другихъ народовъ, они не имѣютъ никакого блеска, и ихъ дѣло не кажется новымъ, потому что, по духовной своей сторонѣ, законъ Мухаммеда походитъ на законъ Христа въ Евангеліи, и его велѣнія относительно матеріальныхъ вещей походятъ по большой части на велѣнія Библіи. Таково значеніе старыхъ одеждъ.

«Это суть двѣ маслины и два свѣтильника, стоящіе передъ Богомъ земли». Онъ сравниваетъ эти двѣ души съ двумя маслинами, потому что въ то время оливковое масло употребляли для всѣхъ лампъ ночью. Эти два существа, у которыхъ проглядываетъ духъ мудрости Божіей, освѣщающіи міръ, и которыя заставляютъ сверкать и блистать свѣты Бога, сравниваются также съ двумя свѣтильниками. Не является ли свѣтильникъ мѣстомъ свѣта, и не изъ него ли сверкаетъ свѣтъ? Подобнымъ образомъ, отъ этихъ освѣщенныхъ лицъ изойдетъ и засверкаетъ свѣтъ Направленія.

«Они стоятъ передъ Богомъ» значитъ, что они наготовѣ для того, чтобы служить Дѣлу, воспитывая созданія Бога; такъ дикія племена кочевыхъ арабовъ аравійскаго полуострова получили такое воспитаніе, что тогда они достигли высшей степени цивилизаціи, и что ихъ имя и слава о нихъ распространились по всей землѣ.

«И если кто захочетъ ихъ обидѣть, то огонь выйдетъ изъ устъ ихъ и пожретъ враговъ ихъ».

Это значитъ, что никто не можетъ имъ противиться; что если кто-нибудь хочетъ ослабить ихъ указанія и ихъ законъ, то этотъ самый законъ, выходящій изъ ихъ устъ, кратко и пространно, окутаетъ ихъ и совершенно уничтожитъ; и если кто либо попытается смутить ихъ, обидѣть или воспротивиться имъ, то велѣніе, исходящее изъ ихъ устъ, уничтожитъ враговъ ихъ. И такъ и случилось: всѣ ихъ враги были покорены, обращены въ бѣгство, уничтожены. Богъ ихъ поддерживалъ самымъ очевиднымъ образомъ.

«Они имѣютъ власть затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю во дни пророчествованія ихъ». Это значитъ, что въ это время они являются какъ бы царями закона и наставленія Мухаммеда, объясненія и толкованія Али являются небесной милостью; когда они хотятъ распредѣлять эту милость, они могутъ это дѣлать. И, если они этого не хотятъ, дождя не будетъ. (Дождь обозначаетъ здѣсь милость).

«И они имѣютъ власть надъ водами—превращать ихъ въ кровь».

Это значитъ, что пророческая власть Мухаммеда была такая же, какъ Моисея, и власть Али, какъ власть Іисуса Навина. Если они хотятъ, они превращаютъ въ кровь воды Нила

для египтянъ и для тѣхъ, кто ихъ отрицаетъ, т. е. что воды, являющіяся причиной жизни, вслѣдствіе невѣжества и гордости отрицателей, обращаются въ причину смерти для нихъ. Такъ царство, богатство и власть Фараона и его присныхъ, которыя были причиною жизни Египта, вслѣдствіе ихъ противодѣйствія, отрицанія и гордости—обратились для нихъ въ причину смерти, разрушенія, разсѣянія, униженія и бѣдности. Итакъ, эти два свидѣтеля имѣютъ власть уничтожать націи.

«И поражать землю всякаго рода язвою, когда только захотятъ». Это значитъ, что они имѣютъ матеріальную власть и силу, необходимыя для воспитанія злыхъ и тѣхъ, которые являются притѣснителями и жестокими тиранами; потому что Богъ далъ этимъ двумъ свидѣтелямъ матеріальную силу и духовную власть, съ которыми они исправили и воспитали арабовъ-кочевниковъ—жестокихъ, кровожадныхъ и тираническихъ, —которые жили, какъ волки и дикіе звѣри.

«И когда кончатъ они свидѣтельство свое», т. е. когда они совершатъ то, что имъ поручено, возвѣстятъ божественное велѣніе, распространятъ законъ Бога и небесныя наставленія, и когда признаки духовной жизни будутъ видимы въ душахъ, когда засверкаетъ свѣточъ добродѣтелей человѣчества, и когда кочевые арабы достигнутъ дѣйствительнаго прогресса.

«Звѣрь, выходящій изъ бездны, сразится съ ними и побѣдитъ ихъ и убьетъ ихъ». Этотъ звѣрь обозначаетъ Бэни-Омайя, которые напали на нихъ изъ бездны заблужденія. это случилось, когда Бэни Омайя возстали противъ закона Мухаммеда и дѣйствительности Али, который есть любовь Бога.

«Звѣрь повелъ войну противъ двухъ свидѣтелей», т. е. религіозную войну, онъ дѣйствовалъ противъ ихъ наставленій, ихъ обычаевъ, ихъ установленій—съ полной противностью: добродѣтели и качества, которыя благодаря этимъ двумъ свидѣтелямъ распространились между тѣми народами и племенами, совершенно исчезнутъ, и будутъ преобладать животные нравы и чувственность. Такимъ образомъ звѣрь, который сразится съ ними, побѣдитъ ихъ; это значитъ, что чернота заблужденія, представляемая этимъ звѣремъ, завоюетъ всѣ горизонты міра и убьетъ этихъ двухъ свидѣтелей; другими словами, разрушитъ среди народовъ духовную жизнь, которую они принесли, и совершенно уничтожитъ законы и божественныя наставленія, она будетъ попирать ногами религію Бога, и отъ нея останется лишь тѣло безъ души.

«И трупы ихъ оставитъ на улицѣ великаго города, который духовно называется Содомъ и Египетъ, гдѣ и Господь нашъ распятъ». «Ихъ трупы» обозначаетъ законъ Бога. «Улица» значитъ въ виду всего міра. Содомъ и Египетъ, гдѣ и Го-

сподь нашъ былъ распятъ», это—эта часть Сирии и въ особенности Іерусалимъ, потому что въ этихъ мѣстахъ царили Бэни Омайя, и здѣсь первоначально исчезъ законъ Бога и божественныя наставленія, и въ этихъ мѣстахъ осталось тѣло безъ души. Ихъ трупы, это — законъ Бога, который остается, какъ тѣло безъ души.

«И многіе изъ народовъ и колѣнъ, и языковъ и племенъ будутъ смотрѣть на трупы ихъ три дня съ половиною и не позволятъ положить трупы ихъ въ гробы» Какъ было уже сказано, по терминологіи священныхъ книгъ, три съ половиною дня равняются тремъ съ половиною годамъ, или 42 мѣсяцамъ, что составляетъ 1260 дней; такъ какъ каждый день въ текстѣ священной книги составляетъ годъ, то это значитъ, что въ теченіе 1260 лѣтъ, которые являются продолжительностью кораническаго цикла, нации, племена и народы будутъ смотрѣть на ихъ трупы, что они устроютъ себѣ зрѣлище изъ закона Бога. Они не будутъ дѣйствовать примѣнительно къ этому закону, но тѣмъ не менѣе они не позволятъ отнести въ могилу его трупъ, т. е. законъ Бога Другими словами, по внѣшности они привяжутся къ нему, они не позволятъ ни убрать его совершенно, ни разрушить, и они не позволяютъ, чтобы совершенно уничтожили его трупъ. Если, въ дѣйствительности, они покидаютъ его, по внѣшности они сохраняютъ память о немъ и его имя.

«Народы, колѣна и племена» обозначаютъ тѣхъ, кто объединился подъ сѣнью Корана, и кто не позволяетъ, чтобы Дѣло и Религія Бога были по внѣшности совершенно разрушены и уничтожены, потому что они сохранили молитву и постъ. Но существенные принципы религіи Бога, которыми являются нравственность, доброе поведеніе и знаніе духовныхъ таинъ, исчезли; свѣты добродѣтелей, человѣчности, являющіеся результатомъ любви къ Богу и знанія Его, погасли; и мракъ тиранніи и притѣсненія, страсти и сатанинскія желанія восторжествовали. И тѣло закона Бога, какъ трупъ, было выставлено публикѣ въ теченіе 1260 дней, равныхъ годамъ; и этотъ періодъ есть циклъ Мухаммеда. То, что эти два существа установили, а именно—основанія Закона Бога, народъ это покинулъ, добродѣтели человѣчества, которыя были благодѣяніямъ Бога и духомъ этой религіи, они ихъ разрушили—въ смыслѣ искренности, справедливости, любви, единства, чистоты, святости. отвлеченія,—всѣ божественныя качества исчезли. Отъ религіи остались лишь молитва и постъ, и это состояніе длилось въ теченіе 1260 лѣтъ, что является продолжительностью цикла Фуркана. Это было, какъ будто бы два существа были мертвы, и ихъ тѣла оставались безъ души.

«И живущіе на землѣ будутъ радоваться сему и веселиться,

и пошлютъ дары другъ другу, потому что два пророка сіи мучили живущихъ на землѣ». «Живущіе на землѣ» обозначаютъ другія націи и расы, какъ народы Европы и Азіи, которые, увидя, что исламъ совершенно измѣнился, и что божественный законъ оставленъ, что добродѣтели, рвеніе и благо исчезли, перемѣнили свои чувства, казались счастливыми и радостными вслѣдствіе того что развращеніенравовъ проникло въ народы ислама, и что эти послѣдніе наканунѣ подчиненія другимъ націямъ. Такимъ образомъ эти несчастія проявляются съ величайшей очевидностью. Посмотрите: этотъ народъ, достигшій до вершины мощи, какъ онъ сдѣлался теперь покоренъ и жалокъ! Другія націи «послали дары другъ другу», т. е. помогали другъ другу, потому что «два пророка сіи мучили живущихъ на землѣ», т. е. побѣдили другіе народы и націи земли и покорили ихъ.

«Но послѣ трехъ дней съ половиною вошелъ въ нихъ духъ жизни отъ Бога, и они оба стали на ноги свои; и великій страхъ напалъ на тѣхъ, которые смотрѣли на нихъ». Три съ половиною дня, т. е. 1260 лѣтъ, какъ это было объяснено. Эти два лица, тѣла которыхъ оставались бездыханными, суть наставленія закона Мухаммеда, которыя установилъ онъ, и Али распространилъ, и истина которыхъ исчезла, а осталась лишь форма. Во второй разъ духъ явился въ эти тѣла, что значитъ, что эти основанія и эти наставленія были заново установлены. Другими словами, духовность божественнаго закона была измѣнена въ матеріальность, добродѣтели—въ пороки, любовь къ Богу—въ ненависть, свѣтъ—въ мракъ, рахманическія чувства—въ сатанинскія, справедливость—въ тиранію, милосердіе—въ ненависть, искренность—въ лицемѣріе, спасеніе—въ погибель и чистота—въ чувственность. Затѣмъ, послѣ трехъ съ половиною дней, которые, по терминологіи священныхъ книгъ, обозначаютъ 1260 лѣтъ, эти божественныя наставленія, эти добродѣтели и эти рахманическія совершенства, эти духовныя благости—появились во второй разъ, возобновленныя проявленіемъ Баба и преданностью Дженаб-и-Куддуса. Подули святыя вѣянія, свѣты истины засіяли, наступило время плодотворной весны, засверкала заря спасенія, и эти два тѣла безъ души родились снова: эти двѣ великихъ личности, одинъ—основатель, другой—распространитель, поднялись. Это были два свѣтильника, такъ какъ они освѣтили міръ свѣтомъ истины.

«И услышали они съ неба громкій голосъ, говорившій имъ: взойдите сюда. И они взошли на небо на облакѣ». Это значитъ, что они услышали возгласъ Бога съ невидимыхъ небесъ, говорящаго: «Вы выполнили то, что слѣдуетъ и что надлежитъ изъ наставленій и благовѣстій; вы передали Мое посланіе Моимъ созданіямъ; вы провозгласили Слово Бога, и вы сдѣлали то, что

должны были. Теперь надлежитъ, подобно Христу, пожертвовать своею жизнью за Возлюбленнаго и сдѣлаться мучениками». И это Солнце Истины, эта Луна Направленія (т. е. Бабъ и Дженаб-и-Куддусъ), оба, подобно Христу, легли на горизонтѣ высшаго мученичества и поднялись на небо Царства Бога

«И смотрѣли на нихъ враги ихъ». Это значитъ, что между ихъ врагами, послѣ ихъ мученичества, большое количество людей замѣтили возвышенность ихъ стояній и высоту ихъ добродѣтели, и засвидѣтельствовали ихъ величіе, ихъ совершенство.

«И въ тотъ же часъ произошло великое землетрясеніе, и десятая часть города пала, и погибло при землетрясеніи семь тысячъ именъ человѣческихъ». Это землетрясеніе имѣло мѣсто въ Ширазѣ послѣ мученичества Баба; городъ былъ совершенно разрушенъ, и много людей погибло; великое волненіе, какого не видали никогда, явилось также вслѣдствіе болѣзней, чумы, голода, нищеты и испытаній.

«И прочіе объяты были страхомъ и воздали славу Богу небесному». Когда землетрясеніе произошло въ Фарсѣ, всѣ оставшіеся въ живыхъ жаловались день и ночь, умоляя Бога и вознося Ему молитвы; они до такой степени пали духомъ и были смущены, что ночью они не имѣли ни сна, ни отдыха.

«Второе горе прошло; вотъ, идетъ скоро третье горе». Первое горе есть проявленіе пророка Мухаммеда-ибнъ-Абдуллы (да будетъ спасеніе надъ нимъ!) Второе горе есть Бабъ (слава и хвала надъ нимъ!) Третье горе есть высшій день проявленія Господа Воинствъ и блеска Красоты Обѣщаннаго. Объясненіе этого (т. е. горя) находится въ главѣ XXX книги Іезекіеля, въ которой сказано: «Слово Господа было мнѣ открыто. Онъ сказалъ: о, сынъ человѣческій! пророчествуй и говори: такъ глаголетъ Богъ Іегова: стенайте и говорите: «горе этому дню, потому что день этотъ близокъ и день Господа близокъ». Итакъ, очевидно, что день горя есть день Бога; потому что въ этотъ день горе для нерадивыхъ, горе для невѣжественныхъ. Поэтому именно онъ сказалъ: «второе горе прошло, вотъ, идетъ третье горе». Это третье горе есть день проявленія Бэха Уллы. Это день Бога, близкій ко дню проявленія Баба.

«И седьмой ангелъ вострубилъ, и раздались на небѣ громкіе голоса, говорящіе: царство міра сдѣлалось царствомъ Господа нашего и Христа Его, и будетъ царствовать во вѣки вѣковъ». Этотъ ангелъ есть человѣкъ, украшенный небесными качествами, и онъ долженъ быть посланъ съ ангельскими аттрибутами и характеромъ, и онъ долженъ объявить провозглашеніе, чтобы появленіе божественнаго проявленія распространилось и было обнародовано; это—день проявленія Господа Воинствъ, и время божественнаго цикла Воспитателя, обѣщанные и упомянутые во

всѣхъ книгахъ и писаніяхъ пророковъ. Въ этотъ день Бога будетъ становлено божественное и духовное царство, и міръ обновится; новый духъ вдунется въ тѣло творенія, настанетъ время божественной весны, тучи милосердія прольютъ дождь, заблистаетъ солнце правды, подуютъ плодотворные вѣтры, человѣчество надѣнетъ новый уборъ, поверхность земли сдѣлается высшимъ раемъ, люди будутъ образованны, исчезнетъ война, ссоры, раздоры и несправедливость, появится правда, прямота, честность, справедливость, благочестіе, любовь, дружба, почтеніе обволокутъ міръ, и Богъ будетъ царствовать во вѣки вѣковъ, что значитъ, что будетъ установлено духовное, вѣчное царство. Таковъ день Бога. Потому, что всѣ дни, которые наступили и прошли, были днями Авраама, Моисея, Христа или другихъ пророковъ Но этотъ день есть день Бога, потому что тутъ Солнце Истины подымается со всѣмъ своимъ жаромъ и со всѣмъ своимъ блескомъ.

«Въ каждомъ циклѣ было по двѣнадцати избранныхъ и святыхъ. Во время Іакова было двѣнадцать его сыновей; во время Моисея, было двѣнадцать главъ или предводителей колѣнъ; во время Іисуса, двѣнадцать апостоловъ. Но въ этомъ славномъ проявленіи имѣется 24 лица, вдвое противъ всѣхъ другихъ, потому что того требуетъ величіе этого проявленія. Эти святыя лица царствуютъ въ присутствіи Бога на своихъ собственныхъ престолахъ, т. е. царствуютъ вѣчно. Эти двадцать четыре великихъ лица, хотя они и учредились на престолѣ вѣчной власти, тѣмъ не менѣе поклоняются появленію мірового Проявленія, они смиренны и покорны, и говорятъ: «благодаримъ тебя, Господи Боже Вседержитель, который еси, и былъ, и грядешь, что Ты пріялъ силу Твою великую и воцарился». Это значитъ: Ты въ совершенствѣ распространяешь Твои наставленія, и Ты соединишь подъ Своей сѣнью все, что находится на землѣ, и Ты приведешь всѣхъ людей подъ тѣнь одной палатки. И хотя это есть вѣчное царство Бога, который всегда имѣлъ и всегда имѣетъ царство, здѣсь царство обозначаетъ Его собственное проявленіе (т. е. Его проявленіе самое совершенное), которое распространитъ всѣ законы и всѣ наставленія, которое является Духомъ человѣчества и Жизни вѣчной. И это мировое Проявленіе своей духовной властью освободитъ міръ безъ борьбы; оно приведетъ его къ миру и спасенію инымъ способомъ, чѣмъ мечомъ и копьемъ; оно учредитъ это божественное царство истинной любовью, но не силою войны: оно распространитъ эти божественныя указанія добротою и приказаніемъ, а не насиліемъ и оружіемъ, и оно дастъ такое воспитаніе народамъ и племенамъ, что, несмотря, на различіе ихъ обычаевъ и ихъ характеровъ, на различіе ихъ религій и ихъ расъ, они будутъ какъ волкъ и ягненокъ, змѣя и

грудной младенецъ, тигръ и козленокъ; они сдѣлаются товарищами, довѣрчивыми и близкими. Совершенно будутъ уничтожены ненависть между расами, различіе въ религіяхъ и преграды между націями; и всѣ найдутъ, въ тѣни Священнаго Дерева, полную близость и примиреніе.

«И разсвирѣпѣли язычники», потому что Твои постановленія были противны страстямъ другихъ народовъ. «И пришелъ гнѣвъ Твой», т е. всѣ были опечалены очевиднымъ ущербомъ и за неповиновеніе Твоимъ правиламъ, совѣтамъ и завѣтамъ, они были лишены Твоей вѣчной милости закутаны отъ свѣта Солнца Истины.

«И время судить мертвыхъ». Иначе говоря, наступило время, когда мертвые, т. е. тѣ, которые лишены Духа любви къ Богу, и которые не имѣютъ участія въ святой вѣчной жизни, будутъ судимы со справедливостью, т. е. получатъ то, что заслуживаютъ, и то, что они способны получить. И Онъ установитъ дѣйствительность этихъ тайнъ, и Онъ обнаружитъ, до какой степени низости они дошли въ мірѣ существованія,—для того, чтобы по справедливости они могли считаться мертвыми.

«И дать возмездіе рабамъ Твоимъ, пророкамъ и святымъ и боящимся имени Твоего, малымъ и великимъ». Т. е. Ты отличишь благочестивыхъ великими благами; Ты ихъ заставишь возсіять, какъ звѣзды неба на горизонтѣ вѣчной славы; Ты поможешь имъ, давая имъ привычки и поведеніе, которыя суть блескъ человѣчества, причина спасенія и смыслъ вѣчной жизни въ божественномъ царствѣ.

«И погубишь губившихъ землю». Т. е., Ты энергично накажешь небрегущихъ, такъ какъ слѣпота невидящихъ сдѣлается очевидной, и зрѣніе видящихъ будетъ видимо, невѣжество и глупость заблудшихъ будутъ признаны, и вѣдѣніе и знаніе стоящихъ на истинномъ пути сдѣлаются ясными; слѣдовательно, губители будутъ уничтожены.

«И отверзся храмъ Божій на небѣ». Это значитъ, что божественный Іерусалимъ былъ обрѣтенъ, и Святая Святыхъ сдѣлалось видимо. Святая Святыхъ, по терминологіи мудрыхъ, есть сущность божественнаго закона и истинныхъ наставленій Господа, которыя не измѣнялись ни въ одномъ изъ пророческихъ цикловъ, какъ это уже было объяснено. Святилище Іерусалима, т. е. дѣйствительность божественнаго закона, который есть Святая Святыхъ; тогда какъ совокупность законовъ, договоровъ, обычаевъ и матеріальныхъ правилъ—есть городъ Іерусалимъ. Короче, такъ какъ въ этомъ циклѣ Солнце Истины сильнѣйшимъ блескомъ заставитъ засверкать божественные свѣты, сущность божественныхъ наставленій осуществится въ матеріальномъ мірѣ, и мракъ невѣжества и глупости будетъ уничтоженъ.

Міръ будетъ другимъ міромъ, и свѣтъ распространится. Такимъ образомъ, Святая Святыхъ будетъ видимо.

«И отверзся храмъ Божій на небѣ». Это значитъ, что обнародованіе божественныхъ наставленій, появленіе этихъ небесныхъ тайнъ, блескъ Солнца Истины—со всѣхъ сторонъ открылъ двери процвѣтанія и успѣха, и знаки небесныхъ милостей и благословеній сдѣлались очевидными.

«Явился ковчегъ Завѣта Его въ храмѣ Его». Это значитъ, что Книга Его Завѣта явилась въ Іерусалимѣ, и посланіе Договора было составлено (Сочиненіе Бэха Уллы, въ которомъ онъ опредѣленно указываетъ Абд-ул-Бэха въ качествѣ того, къ кому должны обращаться послѣ его смерти, носитъ названіе Книги Договора-Китаб-уль-ахдъ»). Тогда значеніе Завѣта и договора сдѣлается явнымъ Слава Бога наводнитъ Востокъ и Западъ, и шумъ Дѣла Бога будетъ господствовать надъ міромъ. Невѣрные будутъ разсѣяны и унижены, а вѣрные укрѣплены и прославлены, такъ какъ они привержены въ Книгѣ Завѣта и тверды и крѣпки въ Договорѣ.

«И произошли молніи и голоса, и громы, и землетрясеніе, и великій градъ». Это значитъ, что послѣ появленія Книги Завѣта будетъ великая гроза, и заблистаетъ молнія божественнаго гнѣва и ярости; загремитъ шумъ грома нарушенія договора; и произойдетъ сотрясеніе земли сомнѣній; градъ мученій загрохочетъ надъ невѣрными договору; и сомнѣнія и испытанія опрокинутся на вѣрныхъ.

Комментарій главы XI Исаіи.

«Въ ст. 1 главы XI Исаіи сказано: «И выйдетъ вѣтвь отъ ствола Іесеева, и вѣтвь выростетъ изъ корней его, и духъ Бога почіетъ на немъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и силы, духъ познанія и боязни Бога, и Онъ не будетъ судить по тому, что бросается въ глаза; и Онъ не осудитъ на основаніи слуховъ, но Онъ будетъ судить со справедливостью; Онъ ударитъ землю тростью языка своего, и Онъ убьетъ злого дыханіемъ Своихъ устъ. Справедливость будетъ поясомъ чреслъ Его и вѣрность поясомъ Его боковъ. Волкъ будетъ жить съ ягненкомъ, и леопардъ будетъ спать съ козленкомъ; телецъ, левъ и скотъ, который вскармливаютъ, будутъ ведомы вмѣстѣ малымъ ребенкомъ. Корова будетъ пастись съ медвѣдемъ, и ихъ щенки будутъ спать вмѣстѣ. Левъ будетъ ѣсть сѣно, какъ быкъ; грудной ребенокъ ляжетъ на дыру ехидны, и ребенокъ, котораго отняли отъ груди, положитъ руку на дыру василиска. На всей Моей святой горѣ не будутъ причи-

нять зла или ущерба, такъ какъ земля наполнится познаніемъ Бога, какъ волны, покрывающія море». Эту вѣтвь ствола Іессева, повидимому, правильно примѣнить къ Христу, потому что Іосифъ былъ изъ рода Іесея, отца Давида. Но какъ Христосъ былъ рожденъ Духомъ Божіимъ, онъ самъ назывался Сыномъ Бога. Если бы Онъ не поступилъ такъ, это мѣсто могло бы быть примѣнено къ Нему. Болѣе того, тѣ событія, которыя, какъ Онъ указываетъ, должны были произойти во время Вѣтви—въ случаѣ, если ихъ истолковывать символически,—отчасти совершились, но не вполнѣ; и если ихъ не истолковывать такъ, то рѣшительно ни одинъ изъ этихъ знаковъ не явился во время Христа. Напримѣръ, леопардъ и ягненокъ, левъ и теленокъ, ехидна и сосущій ребенокъ являются метафорами и символами, которые обозначаютъ противоположные народы и націи, противныя секты и враждебныя расы, которые—по враждѣ и взаимной борьбѣ—суть какъ волкъ и ягненокъ; и мы говоримъ, что вслѣдствіе дуновенія духа Христа они обрѣли духъ согласія и единенія, они были оживлены и образовали общества.

«На всей Моей святой горѣ не будутъ причинять зла или ущерба, такъ какъ земля наполнится познаніемъ Бога, какъ волны, покрывающія море». Эти обстоятельства не произошли съ появленіемъ Христа, потому что и теперь на землѣ есть враждебныя и противныя націи, и очень немногія признаютъ Бога Израиля. большинство изъ нихъ совершенно лишены познанія Бога. Равнымъ образомъ, всеобщій миръ не установился съ Проявленіемъ Христа, т. е. среди борющихся и враждующихъ націй не было ни мира, ни согласія; споры и раздоры не прекращались, примиреніе и искренность не явились. И въ настоящее время даже между христіанскими сектами и расами случаются самыя жестокія проявленія недружелюбія, ненависти и вражды. Напротивъ, эти стихи въ совершенствѣ примѣняются къ Бэха Уллѣ, и слово по слову. Такъ, во время чуднаго цикла земля преобразуется, и человѣчество покажется въ величайшемъ спокойствіи и блескѣ. Раздоры, споры, убійства преобразуются въ миръ, въ искренность, въ примиреніе; между племенами, народами, расами и націями—появятся любовь и дружба; установятся сотрудничество и согласіе, и наконецъ, война будетъ совершенно изъята изъ употребленія. Когда велѣнія священной книги (Китабе Акдэсъ) будутъ въ силѣ, то всѣ раздоры и споры получатъ абсолютное рѣшеніе передъ всеобщимъ трибуналомъ націй и народовъ, и будутъ разрѣшены всѣ новыя трудности. Пять частей свѣта будутъ составлять лишь одну: поверхность земли сдѣлается единой родиной, человѣчество будетъ единымъ племенемъ. Сношенія между странами, смѣшеніе, союзъ, уваженіе народовъ и племенъ достигнутъ такой степени,

что все человѣчество будетъ какъ одна семья и одно потомство. Свѣтъ божественной любви будетъ блистать, мракъ ненависти и вражды изчезнетъ изъ матеріальнаго міра. Всеобщій миръ разобьетъ свою палату въ центрѣ міра, и святое дерево жизни взойдетъ и будетъ расти—такъ, что тѣнь отъ него распространится надъ Востокомъ и Западомъ. Сильные и слабые, богатые и бѣдные, противныя племена и враждебныя націи, которыя суть какъ волкъ и ягненокъ, какъ леопардъ и козленокъ, какъ левъ и теленокъ, будутъ дѣйствовать въ отношеніи другъ друга съ любовью, единствомъ, справедливостью, равенствомъ самыми полными. Миръ наполнится знаніемъ, вѣдѣніемъ, пониманіемъ тайнъ сознаній и познаніемъ Бога. Замѣтьте теперь, въ этомъ великолѣпномъ вѣкѣ, который является цикломъ Бэха Уллы, насколько наука и знанія сдѣлали успѣхъ, насколько тайны созданій были раскрыты, сколько прекрасныхъ изобрѣтеній увидали свѣтъ; и число ихъ постоянно увеличивается! . Обратите вниманіе также на то, что въ короткое время, которое протекло со дня проявленія Бэха Уллы, подъ сѣнь этого Дѣла сошлись люди всѣхъ націй, всѣхъ расъ и всѣхъ племенъ: христіане, евреи, послѣдователи Зороастра, индусы, буддисты, персы; всѣ—съ величайшей дружбой и любовью—объединяются другъ съ другомъ. Можно было бы сказать, что эти люди и ихъ родичи уже тысячу лѣтъ провели въ тѣсномъ общеніи, потому что они являются какъ бы отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, сестрою, и братомъ. Таково одно изъ значеній дружбы волка и ягненка, леопарда и казленка. льва и теленка.

«Между вещами, которыя должны произойти въ день проявленія этой несравненной Вѣтви, сказано, что знамя Бога должно быть водружено для всѣхъ націй; это значитъ, что всѣ націи и секты войдутъ подъ сѣнь этого божественнаго знамени, которое есть не что иное, какъ это владычная Вѣтвь, и что онѣ сдѣлаются единственнымъ народомъ. Антагонизмъ странъ у религій, враждебность расъ и народовъ, обязанныя идеѣ родины раздѣленія—исчезнутъ среди нихъ. Онѣ сдѣлаются одной религіей, одной вѣрой, одной расой и единственнымъ народомъ, населяющимъ единую родину. которая есть земной шаръ. Всеобщій миръ и согласіе осуществляются среди всѣхъ народовъ, и эта несравненная Вѣтвь соберетъ всего Израиля; что значитъ, что въ это время Израиль будетъ собранъ въ святой землѣ. и евреи, разсѣянные на востокѣ и западѣ, на югѣ и сѣверѣ, соберутся вмѣстѣ. Вы видите теперь, что эти событія не случились во время Христа, потому что народы не собрались подъ единственнымъ знаменемъ этой божественной Вѣтви, между тѣмъ какъ въ этомъ циклѣ Господа Воинствъ всѣ расы и всѣ народы входятъ подъ сѣнь этого знамени. Точно также Израиль, раз-

сѣянный по всей землѣ, не собрался въ святой землѣ во время Христа. Но въ началѣ цикла Бэха Уллы это божественное обѣщаніе, вписанное во всѣхъ пророческихъ книгахъ, начало осуществляться. Обратите вниманіе на то, что со всѣхъ концовъ міра племена евреевъ прибываютъ въ святую землю; занявъ города и селенія, они населяютъ ихъ, и они развиваются со дня на день—въ такой степени, что вся Палестина близка къ тому, чтобы стать ихъ жилищемъ.

Комментарій главы XII откровенія св. Іоанна.

«Мы уже объяснили, что всего чаще слѣдуетъ разумѣть въ священныхъ писаніяхъ подъ святымъ Городомъ и божественнымъ Іерусалимомъ, это—законъ Бога. О немъ говорится то какъ о невѣстѣ, то какъ объ Іерусалимѣ, то какъ о новыхъ небесахъ и земляхъ. Такъ въ главѣ XII откровеній св. Іоанна сказано: «И увидѣлъ я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нѣтъ И я Іоаннъ увидѣлъ святый городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа своего. И услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій: се скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ, и самъ Богъ будетъ съ ними Богомъ ихъ». Обратите вниманіе, какъ ясно и очевидно, что первое небо и земля обозначаютъ пришествіе прежняго закона, потому что онъ говоритъ, что первая земля и первое небо прошли, и моря уже нѣтъ. Это значитъ, что земля есть мѣсто судилища, и на этой землѣ судилища не было моря: это обозначаетъ, что наставленія и законъ Бога были вполнѣ распространены, всѣ люди повиновались Богу, и земля была совершенно заселена вѣрующими. Итакъ, не было больше моря, потому что мѣстомъ пребыванія и жилища для человѣка является твердая земля. Иначе говоря, въ эту эпоху, поле этого закона будетъ мѣстомъ, гдѣ человѣкъ будетъ услаждаться. И земля эта тверда, нога не скользитъ по ней

Также о законѣ Бога говорится, какъ о святомъ Городѣ, о новомъ Іерусалимѣ. Ясно, что новый Іерусалимъ, который долженъ спуститься съ неба, не есть городъ изъ камней, извести, кирпичей, глины и дерева. Это—законъ Бога, сходящій съ неба; и его называютъ новымъ, потому что ясно, что Іерусалимъ изъ камня и глины не сходитъ съ неба, и онъ не возобновленъ.

«Законъ Бога сравниваютъ также съ прекрасной невѣстой, которая является, убранная въ лучшія украшенія, какъ это сказано въ XXI главѣ откровеній св. Іоанна: «и я увидѣлъ свя-

тый городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ невѣста, убранная для мужа своего». И извѣстно, что въ главѣ XI сказано: «явилось на небѣ великое знаменіе—жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на головѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ». Эта женъ есть та невѣста, законъ Бога, который сошелъ съ неба на Мухаммеда. Солнце, бывшее надъ нею, и луна, которая была подъ ногами, суть двѣ націи, находящіяся подъ сѣнью этого закова, Персія и Турція, потому что эмблема Персіи есть солнце, а эмблема Турціи –луна. Такимъ образомъ, солнце и луна суть эмблемы двухъ государствъ, находящихся подъ сѣнью закона Бога. Потомъ сказано, что на головѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ Эти двѣнадцать звѣздъ суть двѣнадцать имамовъ, которые распространили божественный законъ Мухаммеда, воспитали народъ и блистали какъ звѣзды на небѣ Направленія.

Далѣе сказано: «она имѣла во чревѣ и кричала отъ боли и мукъ рожденія». Это значитъ, что религію эту постигли величайшія затрудненія, и она пережила испытанія и муки, пока она не дала совершеннаго отпрыска, а именно слѣдующее проявленіе, проявленіе Обѣщаннаго, который есть совершенный отпрыскъ, и который былъ воспитанъ въ объятіяхъ этой религіи, замѣнившей для него мать. Отпрыскъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Бабъ, Первая Точка, въ дѣйствительности родившійся отъ закона Мухаммеда. Другими словами, священная дѣйствительность осуществилась въ царствѣ этого закона; но вслѣдствіе жестокости дракона, она была унесена къ Богу. Черезъ 1260 лѣтъ драконъ былъ уничтоженъ, и дитя закона Бога, Обѣщанный, проявилось.

«И другое знамя явилось на небѣ; вотъ, большой драконъ, красный, съ семью головами и десятью рогами, а на головахъ его семь діадемъ; хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю». Эти знаменія намекаютъ на омайядовъ, которые господствовали надъ мусульманской религіей: семь головъ и семь діадемъ обозначаютъ семь областей и семь царствъ, надъ которыми главенствовали омайяды: римская имперія въ Сиріи, персидское царство, аравійское царство, египетское царство, африканское царство (т. е. Алжиръ, Тунисъ и Марокко), андалузское царство (нынѣшняя Испанія) и Туркестанъ съ Трансоксаніей. Надъ всѣми этими странами господствовали омайяды. Десять рогъ обозначаютъ имена омайядскихъ государей, которыя, если ихъ не повторять, составляютъ десять именъ владыкъ и правителей. Первый былъ Абу Суфіанъ и послѣдній — Марванъ; нѣкоторые изъ нихъ носили одинаковыя имена; такъ, было два Муавіи, три Іезида, два Валида и два Марвана. Если считать имена, не повторяя ихъ, ихъ десять.

Омайяды, изъ которыхъ первымъ былъ Абу Суфіанъ, эмиръ Мекки и глава династіи, и послѣдній Марванъ — уничтожили треть святого и священнаго народа изъ рода Мухаммеда, блистающаго, какъ звѣзды небесныя.

«Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить; дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца». Эта жена, какъ мы видѣли, есть законъ Бога. «Сталъ передъ нею» значитъ, что драконъ находился передъ женщиной, которой надлежало родить, чтобы пожрать ея младенца, и этотъ младенецъ, это было обѣщанное Проявленіе, отпрыскъ закона Мухаммеда. Омайяды постоянно старались овладѣть этимъ обѣщаннымъ, который долженъ былъ произойти изъ рода Мухаммеда, и котораго ждали, чтобы уничтожить его; вѣдь они имѣли величайшій страхъ передъ обѣщаннымъ Проявленіемъ; и всякій разъ, когда они встрѣчали потомка Мухаммеда, пользовавшагося большимъ значеніемъ, они убивали его.

«И родила она младенца мужскаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ». Этотъ славный сынъ, это—обѣщанное Проявленіе, рожденное отъ закона Бога и взращенное въ объятіяхъ божественныхъ наставленій. Желѣзный жезлъ есть символъ могущества и силы; это не шпага. Это значитъ, что съ могуществомъ и божественной силой, онъ будетъ пастыремъ всѣхъ націй земли. Сынъ этотъ, это—Бабъ.

«И восхищено было дитя ея къ Богу и престолу Его». Это —пророчество, касающееся Баба, который вознесся въ божественное Царство, къ трону Бога, въ центръ Имперіи Бога. Взгляните, какъ все это соотвѣтствуетъ дѣйствительности!

«А жена убѣжала въ пустыню». Это значитъ, что законъ Бога убѣжалъ въ пустыню, а именно въ обширную пустыню Хэджаса и Аравійскаго полуострова.

«Гдѣ приготовлено было нея мѣсто отъ Бога». Аравійскій полуостровъ дѣлается страной, обиталищемъ, центромъ закона Бога.

«Чтобы питали ее тамъ 1260 дней». И эти 1260 дней, по счету священныхъ книгъ, составляютъ каждый, какъ мы видѣли, одинъ годъ; законъ Бога возрасталъ въ теченіе 1260 лѣтъ въ Аравіи, въ великой пустынѣ, и отъ него родилось обѣщанное Проявленіе. Черезъ 1260 лѣтъ этотъ законъ не будетъ болѣе имѣть никакого вліянія, такъ какъ появится плодъ этого дерева, и результатъ будетъ тамъ. Посмотрите, какъ эти пророчества согласны между собою! Въ Апокалипсисѣ прибытіе Обѣщаннаго устанавливается въ 42 мѣсяца, равные 1260 днямъ Въ другомъ мѣстѣ Апокалипсиса говорится ясно о 1260 дняхъ, а въ священныхъ книгахъ, какъ сказано, день равенъ году. Нѣтъ ничего болѣе яснаго, чѣмъ это согласованіе пророчествъ между

собою. Бабъ явился въ 1260 году геджры, являющейся началомъ общаго календаря ислама. Никакое проявленіе не предсказано въ священномъ писаніи болѣе ясно. Для того, кто справедливъ, совпаденіе датъ, указанныхъ столь авторитетными устами, есть величайшее доказательство. Нѣтъ другого возможнаго объясненія. Счастливы души праведныхъ, которыя ищутъ истину! Но если нѣтъ справедливости, тогда наступаютъ, спорятъ, отрицаютъ очевидность, какъ фарисеи—проявленіе Христа: съ величайшимъ упорствомъ они отрицали объясненія и наставленія Христа и Апостоловъ; и, для невѣжественной толпы, они отдавали темныя приказанія. Они говорили: «эти пророчества не относятся къ Іисусу; они относятся къ Обѣщанному, который, по условіямъ Библіи, долженъ прійти позднѣе. Среди этихъ условій находится, что онъ долженъ быть царемъ, возсѣсть на тронъ Давида, распространить законъ и Библію и установить такое правосудіе, что волкъ и ягненокъ сойдутся у одного водоема».

«И такъ они воспрепятствовали людямъ признать Христа!

Доказательства духовныя.

«Духовные идеалы Солнца Истины подобны цикламъ солнечной системы: они постоянно находятся въ развитіи и въ возобновленіи Солнце Истины подобно свѣтилу небесному, которое имѣетъ много востоковъ и восходовъ; одинъ день оно восходитъ въ знакѣ Рака, другой разъ въ знакѣ Вѣсовъ, порою оно блещетъ въ Зодіакѣ Водолея, другой день оно разсѣваетъ свои лучи въ знакѣ Овна; но солнце есть единственное солнце и единая реальность, люди, которые знаютъ, любятъ солнце и не очаровываются его востоками и восходами. Люди пониманія отыскиваютъ истину, а не мѣста появленія ея источниковъ; поэтому они преклоняются передъ солнцемъ, въ какомъ бы пунктѣ Зодіака и съ какого бы востока оно ни подымалось; они разыскиваютъ истину у всякаго святого существа, которое проявляетъ ее. Эти люди всегда достигаютъ истины, и они никогда не скрыты отъ Солнца божественнаго міра. Такъ влюбленный въ солнце и искатель свѣтовъ всегда будутъ поворачиваться къ солнцу, посылаетъ ли оно свои благодѣянія изъ Зодіака Овна, свѣтитъ ли оно въ знакѣ Рака, сверкаетъ ли оно въ Близнецахъ; между тѣмъ какъ невѣжды безъ образованія влюблены въ знакъ Зодіака; они очарованы и увлечены восходами, а не солнцемъ. Когда оно было въ знакѣ Рака, они повертывались къ нему, но послѣ солнце перешло къ Вѣсамъ. Такъ какъ они были влюблены въ знакъ Зодіака, они поворачивались къ этому знаку и привязывались къ нему, и поэтому они потеряли солнце, какъ только оно перемѣнило мѣсто.

«Напримѣръ, нѣкогда Солнце Истины бросало свои лучи изъ Зодіака Авраама, потомъ оно закатилось въ знакѣ Моисея и зажгло горизонтъ; послѣ этого оно поднялось въ знакѣ Христа съ величайшимъ могуществомъ, жаромъ и блескомъ. Тѣ, кто искалъ истину, видѣли ее въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ и поклонялись ей; но тѣ, которые были привязаны къ Аврааму, въ день, когда оно заблистало на Синаѣ и освѣтило реальность Моисея, сдѣлались слѣпыми. Тѣ, которые были привязаны къ Моисею, подобнымъ же образомъ сдѣлались слѣпыми въ день, когда Солнце Истины божественно заблистало изъ точки Христа, съ величайшимъ сіяніемъ. И такъ далѣе.

«Значитъ человѣкъ долженъ искать истину: онъ ее найдетъ въ каждой изъ священныхъ сущностей. Пусть онъ будетъ увлеченъ, очарованъ и привлеченъ благостью Бога; пусть онъ будетъ, какъ бабочка, влюбленная въ свѣтъ, въ какомъ бы стеклѣ онъ ни блисталъ; и пусть онъ будетъ, какъ соловей, очарованный розой, въ какомъ бы саду ни росла она. Если бы солнце поднялось даже на западѣ, все же это было бы солнце: не слѣдуетъ поддаваться ослѣпленію мѣстомъ его восхода, ни разсматривать всегда западъ, какъ мѣсто захода солнца. Надо обращать вниманіе на божественныя милости и искать восходы Бога. и надо быть восхищеннымъ и очарованнымъ каждой реальностью, въ которой они являются ясно и очевидно. Замѣтьте, что, еслибы евреи не были привязаны къ горизонту Моисея, а смотрѣли только на Солнце Истины, безъ всякаго сомнѣнія они признали бы это солнце въ восходѣ реальности Христа съ величайшимъ божественнымъ блескомъ. Увы, тысяча разъ увы! привязавшись къ словамъ Моисея, они остались лишенными этой божественной милости и этого небеснаго блеска». [1]).

Резюмируемъ все сказанное въ двухъ словахъ. Хотя Богъ и создалъ человѣка по образу и подобію Своему, но безъ божественной помощи человѣкъ не въ состояніи достигнуть всего, потребнаго для оправданія своего высокаго званія—лучшаго творенія Божія. Какъ дико растущее дерево нуждается въ заботахъ садовника, безъ чего оно не можетъ дать хорошихъ плодовъ, такъ въ руководствѣ нуждается и человѣкъ, и роль руководителей играютъ пророки—садовники человѣчества.

Устами пророковъ глаголетъ самъ Богъ, и каково бы ни было различіе внѣшнихъ формъ, въ которыя въ разное время и въ разные циклы было облечено слово Бога, слово это остается единымъ словомъ Истины. Тѣ, которые не понимаютъ этого, прикрѣпляются лишь къ пророку, забывая о Богѣ,—они готовы

[1]). Уроки въ Акрѣ. стр. 39—108 въ выдержкахъ.

благословлять лучи истины, забывая о посылающемъ имъ солнцѣ. Изъ этого, какъ требуетъ проповѣдникъ бэхаизма, должно слѣдовать, что въ настоящее время Солнце Истины посылаетъ свои лучи черезъ Бэха Уллу и тѣхъ, кого тотъ укажетъ по смерти, что Истина можетъ быть обрѣтена лишь такимъ образомъ, что для сомнѣній въ этомъ не остается ни малѣйшаго мѣста, такъ какъ проявленія Баба и Бэха Уллы до поразительности очевиднымъ образомъ предсказаны въ пророческихъ книгахъ.

Теперь мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію самаго ученія бэхаизма и, по возможности, жизненнаго его примѣненія.

Конечно, въ ученіи Бэха Уллы заключается много такого, что до извѣстной степени приближаетъ его къ христіанству. но не слѣдуетъ особенно увлекаться этой соблазнительной видимостью Съ религіозной точки зрѣнія, бэхаизмъ для христіанства можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ только ересью; съ этической точки зрѣнія, что онъ прибавляетъ къ великимъ въ своей простотѣ завѣтамъ христіанства, того христіанства, къ которому можетъ быть примѣнено названіе религіи Христа?

Практически эта религія, если уже давать бэхаизму это имя, хороша тѣмъ, что, будучи отмѣчена ярко выраженной тенденціей мирнаго прозелитизма, она въ то же время терпима и уживчива Не разъ уже высказывалась мысль, что бэхаизмъ можетъ служить связующимъ звеномъ между исламомъ и христіанствомъ. Не могу не привести здѣсь еще одного мнѣнія, которое повторяетъ ту же мысль, но при совершенной иной оцѣнкѣ.

«... Насколько я знаю, ни одинъ изъ миссіонеровъ сѣверной Персіи не раздѣляетъ мнѣнія Тисдаля, что бэханты болѣе доступны для Евангелія, чѣмъ мусульмане. На дѣлѣ многіе считаютъ ихъ гораздо менѣе расположенными, потому, что, хотя они и заявляютъ, что принимаютъ всю Библію, но своимъ аллегорическимъ толкованіемъ и отрицаніемъ чудесъ они въ дѣйствительности измѣняютъ ея настоящій смыслъ. Включивъ въ свои книги нѣкоторыя изъ нравственныхъ правилъ Христа и принявъ полу-христіанскую терминологію, они любятъ пространно разсуждать о любви, о деревѣ, познаваемомъ по его плодамъ, и на подобныя темы; но, оставивъ въ сторонѣ Христа, центръ, они опустили существенную вещь, и теперь въ Персіи они слывутъ религіозными скорѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Въ дѣйствительности многіе изъ нихъ просто нерелигіозные раціоналисты. Ни мусульмане, ни евреи, ни христіане не считаютъ ихъ нравственно превосходящими мусульманъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и справедливо они считаются ниже тѣхъ. Еще недавно они заявляли себя искателями

истины, гдѣ бы она ни нашлась... Обѣщающая сторона этого движенія заключается въ томъ, что оно является клиномъ, открывающимъ доступъ религіозной свободѣ, и смутителемъ неоспоримой вѣры ислама. Многіе изъ тѣхъ, кого бэханты подстрекнули искать истины внѣ ислама, не удовлетворяются пустой буквой, которой учатъ бэханты, и такимъ образомъ продолжаютъ искать духа, который можетъ быть найденъ только въ христіанствѣ». 1).

---

1). Zwemer. Muhammadan World of to-day. pp. 129, 130.

Глава третья.

Хотя Китабе Акдэсъ, т. е. Священнѣйшая Книга, является основной религіозной книгой бэхаитовъ, но она дополняется массой другихъ писаній Бэха Уллы, извѣстныхъ подъ названіемъ посланій или лауховъ, Узоровъ, Отблесковъ, Восходовъ, Словъ Рая.

Ученіе Бэха Уллы отличается высшей степенью приспособляемости ко всякой нравственно-религіозной почвѣ, что уже многократно отмѣчалось различными авторами. Дѣйствительно, если мы развернемъ Иканъ, написанный до объявленія Бэха Уллой своей пророческой миссіи и адресованный имъ одному изъ своихъ дядей, то увидимъ, что тамъ всѣ доказательства основаны на Коранѣ. Посланіе, извѣстное подъ названіемъ «Семи долинъ», и адресованное одному суфи, написано мистическимъ языкомъ, почти совершенно недоступнымъ для незнакомыхъ съ писаніями персидскихъ мистиковъ. «Уроки въ Акрѣ» строятъ всѣ доказательства на священныхъ писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, такъ какъ записанныя тамъ бесѣды велись съ христіанкой.

Разбирая главнымъ образомъ по Китабе Акдэсъ (въ переводѣ А. Туманскаго) доктрину и практическое ученіе Бэха Уллы, мы будемъ вынуждены прибѣгать и къ другимъ писаніямъ, которымъ также придается священный характеръ. Всѣ эти писанія «открыты» Бэха Уллѣ уже въ Акрѣ, т. е. по объявленіи имъ своей миссіи

Какъ религія, бэхаизмъ опредѣляется такъ: [1]).

«Нынѣ божественная религія появилась. Пришелъ владыка міра и указалъ путь. Его установленія—добрыя дѣла, обряды его—перенесеніе невзгодъ. Эта религія даруетъ жизнь вѣчную, а эти обряды приводятъ человѣка въ міръ, гдѣ нѣтъ воздыханій. Эта религія и обряды—обладатели всѣхъ религій и обрядовъ. Принимайте и обладайте!».

---

[1]) Кит. Акд. Вопросъ 2-й Отблеска 4-го, стр. 106.

Такъ какъ религія эта развилась на почвѣ шіитскаго ислама, то примѣнительно къ исламу мы и разсмотримъ догматическую, религіозно—практическую и этическую сторону этого ученія.

Какъ и исламъ, бэхаизмъ требуетъ вѣры въ единаго Бога, Его апостоловъ и Его книги.

Существованіе Бога лучше всего доказывается существованіемъ человѣка: такъ какъ послѣдній не сотворилъ себя самъ, то очевидно долженъ существовать его творецъ, Существо, обладающее всѣми совершенствами Но и эти доказательства требуются лишь для тѣхъ, кто лишенъ благодати Духа. Тотъ же, кто этой благодати не лишенъ, чувствуетъ, что этотъ духъ живетъ въ немъ, и доказательствъ этого для него не требуется.

Въ Своей самосущности Богъ не можетъ быть постигнутъ человѣческимъ умомъ, (человѣкъ есть лишь знаменіе милости Божіей, такъ какъ же знаменіе могло бы постичь своего творца?) но постиженіе Божества дѣлается доступнымъ для человѣка черезъ Его Проявленія. «Люди не могли бы достичь до Него своимъ взоромъ; отъ Его же взоровъ ничего не укроется: Онъ проницателенъ. Онъ освѣдомленъ обо всемъ» (Коранъ, С. VI, ст. 103). Даже качества и аттрибуты Бога постигаются по сравненію съ несовершенствами, встрѣчающимися въ видимомъ мірѣ, потому что имена и существенные аттрибуты Бога совершенно тожественны съ Его сущностью, а она непостижима. И всѣ эти аттрибуты примѣняются только къ проявленіямъ Божества. «Ясно, что, если мы хотѣли представить себѣ божественную сущность, то это представленіе есть содержимое, а мы—содержащее; и конечно содержащее больше содержимаго. Это съ очевидностью доказываетъ, что, если мы представляемъ себѣ божественную сущность внѣ ея святыхъ Проявленій, это—чистая фантазія; вѣдь нѣтъ пути къ божественной Сущности, и она запрещена для нашего представленія; то, что представляется нашему взору, есть фантазія» [1]). Тѣ, кто не сознаетъ этого принимаютъ свое воображеніе за дѣйствительность, а это—хуже идолопоклонства.

Христосъ и Бэха Улла являются высочайшими проявленіями Божества, превосходящими всякое воображеніе: всѣ другія проявленія были ниже ихъ, хотя и обладали совершенными качествами.

«Міровыя проявленія Бога освѣдомлены о тайной сущности вещей; поэтому они устанавливаютъ соотвѣтсвенные законы, примѣнительно къ состоянію человѣчества; такъ какъ религія

---

[1]) Уроки въ Акрѣ. Стр. 206, 207.

есть существенная связь, зависящая отъ дѣйствительности вещей. Проявленіе, т. е. Святой Законодатель, если бы оно не было освѣдомлено о дѣйствительности созданій, не поняло бы существенную связь, которая отъ этого зависитъ; оно было бы неспособно установить религію, сообразную вещамъ, и которая подходила бы къ условіямъ существованія. Пророки Бога, міровыя проявленія, суть способные врачи, а сотворенный міръ есть какъ тѣло человѣка: законы Бога суть лекарства и леченіе. Врачъ, слѣдовательно, долженъ знать каждый членъ и каждую часть, онъ долженъ быть освѣдомленъ о природѣ и о здоровьѣ больного, чтобы противъ сильнаго яда прописать ему лекарство, могущее принести ему пользу» [1])

Здѣсь мы должны оговориться, что Бэха Улла, по его ученію, есть не только высочайшее Проявленіе Божества, но и само Божество. Такъ можно заключить изъ различныхъ мѣстъ писаній Бэха Уллы. Въ одномъ лаухѣ онъ ясно говоритъ:

«Слушай, что открывается изъ шатра несчастія для хижины страданья и невзгоды отъ точки провидѣнія,—что нѣтъ Бога, кромѣ меня, единственнаго, содержащагося въ темницѣ» [2]).

Хотя проявленія бываютъ различныя, но всѣмъ имъ можно давать одно имя, потому что сегодня взошедшее солнце есть то же солнце, что всходило и вчера Поэтому Мухаммедъ сказалъ: «Я—всѣ пророки, я—Адамъ, Ной, Моисей и Іисусъ». Но такъ какъ онъ назвалъ себя еще «печатью пророковъ», то многіе теперь остались въ смущеніи, т. е. не хотятъ видѣть пророка въ Бэха Уллѣ.

Но не явствуетъ ли изъ священныхъ писаній, что Проявленіе совершаетъ Возвратъ? Въ гл. IX ст. 11—13 Евангелія св. Марка сказано:

«И спросили Его· какъ же книжники говорятъ, что Иліи надлежитъ прійти прежде? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ· правда, Илія долженъ прійти прежде и устроить все; и Сыну Человѣческому, какъ написано о немъ, надлежитъ много пострадать и быть унижену; но говорю вамъ, что и Илія пришелъ, и поступили съ нимъ, какъ хотѣли, какъ написано о немъ».

Въ Евангеліи св. Матѳея говорится:

«И говорю вамъ, что Илія уже пришелъ, но не узнали его, а поступили съ нимъ, какъ хотѣли, такъ и Сынъ Человѣческій пострадаетъ отъ нихъ. Тогда ученики поняли, что Онъ говорилъ имъ объ Іоаннѣ Крестителѣ» (Гл. XVII, ст. 12, 13).

«Когда Христосъ сказалъ: «Это Илія», это обозначало: это лицо есть появленіе благости, совершенствъ, характера, качествъ

---

[1]) Тамъ же, стр· 220, 221.

[2]) С. Уманецъ. *Современный бабизмъ* стр. 34.

и добродѣтелей Илии. И Іоаннъ Креститель могъ говорить: «Я— не Илія»: Христосъ принималъ въ соображеніе качества, совершенства, характеръ, добродѣтели обоихъ, между тѣмъ какъ Іоаннъ принималъ во вниманіе только свое физическое существо и свою личность» [1]).

И не то же ли самое говорится въ хадисахъ о проявленіи Баба? «Муфассаль спросилъ Садыка: «о, господинъ мой, когда придетъ Проявленіе?—Въ 60-мъ году Дѣло его проявится, и Откровеніе его распространится». Является постояннымъ предметомъ изумленія, что несмотря на все это люди продолжаютъ отвращаться отъ Бога! Все, что должно было произойти съ этимъ высшимъ существомъ, было написано Въ Бэхарѣ [3]) находимъ: «Поистинѣ, нашъ Каимъ будетъ имѣть знаки четырехъ пророковъ—Моисея, Іосифа, Іисуса и Мухаммеда. Какъ Моисей, онъ будетъ въ тревогѣ. Какъ Іосифъ, онъ будетъ заключенъ въ тюрьму. Какъ Іисусъ, онъ будетъ преслѣдуемъ. Какъ Мухаммедъ, онъ оставитъ Коранъ». Этотъ хадисъ, который предсказываетъ все, что должно было произойти, не обратилъ ничьего вниманія: достигнетъ ли онъ этого результата позднѣе? Все зависитъ отъ воли Бога» [3]).

Посмотримъ теперь, какія отношенія существуютъ между Богомъ и человѣкомъ.

Это—отношеніе творца къ творенію, Солнца—къ освѣщаемымъ имъ темнымъ предметамъ; все зависитъ отъ Солнца, но само оно независимо: если бы Солнце не существовало, то не существовало бы ни земного шара, ни всѣхъ земныхъ существъ. Какъ лучи солнца лишь исходятъ отъ него, но не проявляютъ его, такъ и человѣческое существо по отношенію къ Богу находится въ зависимости исхожденія. Первымъ исхожденіемъ Божества была Первичная Воля, которая—въ мірѣ Бога—не ограничена ни мѣстомъ, ни временемъ, т. е. не имѣетъ ни начала, ни конца, такъ какъ для Бога начало и конецъ суть одно и то же Древніе философы это исхожденіе называли Первичнымъ Разумомъ. Хотя Первичный Разумъ, или Воля, не имѣетъ ни начала, ни конца, но онъ не вѣченъ въ смыслѣ вѣчности Бога, ибо вѣченъ Онъ одинъ. И человѣкъ долженъ стремиться къ познанію Бога. Хотя это невозможно, но, какъ сказано, «познаніе божественныхъ проявленій есть знаніе Бога, и, если человѣкъ достигаетъ познанія божественныхъ Проявленій, онъ приходитъ къ познанію Бога. Если онъ пренебрегаетъ познаніемъ свяыхъ проявленій, онъ лишается этого... Счастливы тѣ, которые отъ

---

[1]) Уроки въ Акрѣ. стр. 187.

[2]) Бэхар-уль-анваръ, шіитскій сборникъ хадисовъ.

[3]) Иканъ, стр. 209.

этихъ сіяющихъ зорь получаютъ свѣтъ божественныхъ благостей» [1]).

Этой счастливой способностью—приблизиться къ богопознанію—изъ всего животнаго міра обладаетъ только одинъ человѣкъ, ибо въ немъ находится Духъ — исхожденіе Божества. Духъ есть въ растительномъ царствѣ, это—сила произрастанія, въ животномъ царствѣ, это есть совокупность чувствъ; у человѣка это есть одаренная разумомъ душа, и разумъ есть лишь способность человѣческаго духа. «Сила одаренной разумомъ души можетъ открыть сущность вещей, понять особенности созданій и проникнуть въ тайны существованій. Всѣ эти науки, знанія, искусства, изумительныя вещи, учрежденія, открытія, предпріятія—происходятъ отъ способностей души, одаренной разумомъ» [2]). Есть еще всемудрый божественный разумъ, но имъ обладаютъ лишь «святыя проявленія и Восходы пророчества: лучъ этого свѣта ударяетъ въ зеркало сердца вѣрующихъ, и часть этой силы переходитъ къ нимъ черезъ посредство святыхъ Проявленій» [3]). Человѣческій духъ, отличающій его отъ животныхъ, безсмертенъ. «Если бы за смертью тѣла слѣдовала смерть духа, это было бы все равно, какъ бы мы вообразили, что птица въ клѣткѣ погибла бы, если бы разбили клѣтку... Наше тѣло какъ клѣтка, и духъ—какъ птица» [4]).

Не должно думать однако, что духъ заключается въ нашемъ тѣлѣ, какъ птица въ клѣткѣ: лишенный условій матеріальныхъ веществъ, онъ не можетъ заключаться въ матеріи, и измѣненія матеріи не отражаются на немъ «Напротивъ, духъ съ величайшей славой господствуетъ надъ тѣломъ; и его дѣйствія и его вліяніе, какъ благодѣянія солнца въ зеркалѣ, очевидны и видимы. Но, когда зеркало загрязняется или разбивается, оно лишается свѣта солнца» [5]).

Жизнь есть непрестанное движеніе, матерія не знаетъ покоя, и каждое вещество или увеличивается или уменьшается; это движеніе неразрывно связано съ природой веществъ и является непремѣннымъ условіемъ существованія всего существующаго. Каждая вещь развивается въ извѣстныхъ предѣлахъ, которыхъ она не можетъ перейти: такъ, наивысшее совершенство матеріальнаго міра не можетъ подняться до міра растительнаго, ни совершенство міра растительнаго—до міра животнаго.

---

[1]) Уроки въ Акрѣ. стр 308.
[2]) Тамъ же. стр. 303
[3]) Тамъ же. стр. 304
[4]) Тамъ же. стр 316
[5]) Тамъ же. стр 317

«Человѣкъ находится на высшей степени матеріальности и въ началѣ духовности, т. е. онъ находится въ концѣ несовершенства и въ началѣ совершенства. Онъ въ послѣдней степени мрака и въ началѣ свѣта; поэтому говорили, что состояніе человѣка было концомъ ночи и началомъ дня, т. е. что онъ соединяетъ въ себѣ всѣ степени несовершенствъ и обладаетъ нѣкоторыми степенями совершенства... Если у человѣка божественная власть, являющаяся источникомъ всякаго совершенства, одерживаетъ верхъ надъ сатанинской властью, источникомъ всякаго несовершенства, онъ дѣлается благороднѣйшимъ изъ твореній; если наоборотъ, онъ дѣлается самымъ низкимъ» [1]).

Какъ было объяснено во второй главѣ, человѣкъ является существомъ, нуждающимся въ воспитателѣ, руководителѣ. и таковыми являются пророки, «истинныя зеркала святой Сущности Бога».

Во всемъ мірѣ существуютъ циклы событій и фактовъ, новый циклъ смѣняетъ старый, который забывается, не оставляя по себѣ порою ни памяти. ни слѣда. «Точно такимъ же образомъ каждое изъ божественныхъ проявленій обладаетъ цикломъ во времени, въ теченіе котораго его приказанія и его законы распространяются и выполняются. Когда его циклъ оканчивается появленіемъ новаго Проявленія, начинается новый циклъ. Такимъ образомъ циклы начинаются, кончаются и возобновляются —до тѣхъ поръ, пока не закончится въ мірѣ общій циклъ; наступаютъ важные факты и великія событія, которые уничтожаютъ всякій слѣдъ и всякую память о прошломъ. Тогда новый общій циклъ возобновляется въ мірѣ, ибо міръ не имѣетъ начала... Въ подобномъ циклѣ Проявленія являются въ равнинахъ видимости, пока всемірное проявленіе не сдѣлаетъ міръ центромъ своего блеска. Мы находимся въ циклѣ, который начался съ Адамомъ, и всемірное проявленіе котораго есть Бэха Улла... Священныя проявленія Бога суть центры свѣтовъ Истины и источникъ тайнъ и благодѣяній любви; они сверкаютъ надъ міромъ сердецъ и мыслей и распредѣляютъ вѣчныя благодѣянія въ мірѣ душъ; они даруютъ духовную жизнь... Безъ благодѣянія блеска и воспитанія этихъ святыхъ существъ, міръ душъ и мыслей былъ бы лишь мракомъ надъ мракомъ... Когда священное Проявленіе Бога, являющееся солнцемъ міра творенія, освѣщаетъ души, мысли и сердца, тогда наступаетъ духовная весна, появляется новая жизнь, могущество чудной весны дѣлается видимымъ, и дѣлаются очевидными необычайныя благодѣянія» [2]).

Есть двѣ категоріи пророковъ: одни, независимые, прино-

---

[1]) Тамъ же. стр. 325, 326.

[2]) Уроки въ Акрѣ. стр. 222, 224, 226, 227.

сятъ новый законъ и основываютъ новый циклъ, и они являются зеркалами Сущности Истины; другіе являются лишь послѣдователями: стоя выше обыкновенныхъ людей, они передаютъ имъ лишь то, что сами получили отъ независимыхъ пророковъ— подобно тому, какъ ночью луна посылаетъ намъ свой свѣтъ, сама заимствуя его отъ солнца. Независимыми пророками являются: Авраамъ, Моисей, Христосъ, Мухаммедъ, Бабъ и Бэха Улла, такъ какъ они были основателями новыхъ религій; всѣ остальные пророки были лишь учениками.

Такъ какъ міръ непрестанно развивается, и условія жизни измѣняются, всегда возможно ожидать новаго Проявленія, но Китабе Акдэсъ предупреждаетъ.

«Кто предъявитъ притязанія (на пророчество) прежде истеченія полнаго тысячелѣтія, тотъ лжецъ и клеветникъ. Молимъ Бога, дабы онъ помогъ ему вернуться (изъ заблужденія), если онъ покается. Богъ—прощающій.

«Если же онъ будетъ упорствовать въ томъ, что говоритъ, то противъ него будетъ посланъ тотъ, кто не сжалится надъ нимъ,—ибо Онъ строгъ въ наказаніяхъ.

«Кто будетъ перетолковывать этотъ аетъ (стихъ) или искать въ немъ смысла иного, чѣмъ ниспосланъ ясно,—будетъ лишенъ духа Бога и милосердія Его, которое предшествовало мірамъ»[1]).

Священная книга говоритъ намъ о чудесамъ, совершенныхъ пророками: святыя проявленія Бога являются источниками всякихъ чудесъ, и трудное легко для нихъ, и невозможное возможно. Но сами Проявленія не придаютъ никакого значенія этимъ чудесамъ и не желаютъ даже, чтобы о нихъ говорили. И, дѣйствительно, не являются ли чудеса доказательствомъ лишь для очевидцевъ? Не отрицали ли люди каждой религіи чудеса, совершенныя пророками другой? Но лучшее доказательство, это— сами Проявленія, являющіяся чудомъ. «Кромѣ того, матеріальныя чудеса не имѣютъ никакой важности для людей истины. Напримѣръ, если слѣпой становится зрячимъ, въ концѣ концовъ онъ снова будетъ слѣпъ, потому что онъ умретъ и будетъ лишенъ всѣхъ своихъ чувствъ и всѣхъ своихъ способностей. Поэтому, нѣтъ никакой важности въ возвращеніи зрѣнія слѣпому, такъ какъ эта способность мало по малу исчезнетъ. И если тѣло мертваго воскрешено, къ чему это ведетъ, разъ онъ снова долженъ умереть? Важность покоится въ дарѣ вѣчнаго постиженія и вѣчной жизни, т. е жизни духовной и божественной. Вѣдь эта тѣлесная жизнь не длится: ея существованіе есть чистое небытіе. Потому то Христосъ, отвѣчая одному изъ учениковъ,

---

[1]) Ст 84 - 86.

сказалъ: «рожденное отъ плоти есть плоть, и рожденное отъ духа есть духъ». Обратите вниманіе на то, что Христосъ считаетъ мертвыми людей, которые, по внѣшности, жили физически, потому что жизнь есть Жизнь вѣчная и существованіе—Существованіе дѣйствительное. Итакъ, если въ священныхъ книгахъ говорится о воскрешенныхъ мертвыхъ, это значитъ, что эти люди получили помощь вѣчной жизни; или слѣпой получилъ зрѣніе, это значитъ, что онъ получилъ видѣніе Истины; если глухой слышитъ, это значитъ, что онъ получилъ духовное воспріятіе, и что онъ получилъ божественный слухъ И это явствуетъ изъ евангельскаго текста, гдѣ Христосъ говоритъ: «и сбудется надъ ними пророчество Исаіи, которое говоритъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и глазами смотрѣть будете и не увидите» (Матѳея, гл. XIII, ст. 14[1]).

Отрицая дѣйствительное воскресеніе Христа, бэханты придаютъ этому аллегорическое значеніе. «Мы считаемъ, что значеніе воскресенія Христа слѣдующее: апостолы, послѣ мученичества Христа, были въ смятеніи и въ смущеніи. Сущность Христа, т, е. Его наставленія, Его благодѣянія, Его совершенства, Его духовная власть—въ теченіе двухъ или трехъ дней послѣ его мученичества—были затаены и скрыты: она ни была ни замѣтна, ни видима; напротивъ, она утратилась: дѣйствительно, вѣрующихъ было немного, и кромѣ того они были смущены и разстроены Тѣло Христа было какъ тѣло безъ души. Когда, черезъ три дня, Апостолы вновь сдѣлались крѣпкими и увѣренными, когда они стали на служеніе Дѣлу христіанства и рѣшили распространять божественныя наставленія, выполнить совѣты Христа, подняться для служенія Ему, Сущность Христа снова засіяла, благость Его сдѣлалась очевидной, Его религія ожила, Его постановленія и убѣжденія сдѣлались видимыми и очевидными. Иначе говоря, Дѣло Христа было какъ тѣло безъ жизни, и жизнь и благость Святого Духа облекли его. Таково значеніе воскресенія Христа· и это было истинное воскресеніе! Но такъ какъ священники не понимали смысла Евангелій и не проникали въ символы, это позволило говорить, что религія была въ противорѣчіи съ наукой, и наука въ противорѣчіи съ религіей. Напримѣръ, вопросъ о вознесеніи Христа матеріальнымъ тѣломъ на видимое небо противорѣчитъ математическимъ наукамъ. Но, когда истинный смыслъ вопроса дѣлается очевиднымъ, и когда символъ объясненъ, наука не дѣлаетъ больше своихъ возраженій, напротивъ, наука и разумъ подтверждаютъ точность этого»[2]). Такимъ же образомъ объясняются и другія чудеса.

---

[1]) Уроки въ Акрѣ стр 141, 142.
[2]) Тамъ же, стр 146, 147.

Бэхаиты признаютъ священныя книги другихъ религій, но только священныя писанія являются для нихъ ученіями прошедшихъ цикловъ. Ихъ же главной священной книгой, какъ мы уже сказали, является Китабе Акдэсъ. Вотъ что мы находимъ въ ней самой.

«Кто читаетъ стихъ изъ стиховъ моихъ—это ему будетъ лучше, чѣмъ бы онъ читалъ книги предыдущихъ и послѣдующихъ.

«Это—изъясненіе Милосерднаго, разъ вы изъ выслушивающихъ.

«Скажи. это—истина познанія, если вы будете изъ познающихъ.

«Это есть увѣщаніе Бога, разъ ты выслушаешь.

«Это—благодать Бога, разъ ты будешь изъ обратившихся.

«Это—славословіе Бога, разъ ты будешь изъ воспріимчивыхъ.

«Это—сокровище Бога, разъ ты будешь изъ познающихъ.

«Это—книга, отъ которой возсіяла заря утра предвѣчности для міра, и стезя ея (книги) прочнѣйшая между мірами.

«Скажи: Это—источникъ богопознанія, разъ вы изъ знающихъ.

«И восходъ повелѣній Бога, разъ вы изъ познающихъ.

«Это есть орудіе единства, разъ вы изъ познающихъ.

«И величайшій поводъ къ единодушію и цивилизаціи, разъ вы изъ воспріимчивыхъ.

«Поистинѣ, сдѣлали мы эти два дѣянія знаменіями совершеннолѣтія міра. Первое есть величайшее основаніе; мы ниспослали его въ другихъ писаніяхъ, а второе ниспослано въ этой новой скрижали». [1]).

Относительно Бэйяна. или Корана Баба, говорится:

«Да не устранитъ васъ то, что (находится) въ Бэйянѣ, отъ Господа вашего Милосерднаго. Клянусь Богомъ, что онъ (Бэйянъ) ниспосланъ для славословія меня, разъ вы изъ познающихъ.

«Чистые сердцемъ не найдутъ въ немъ ничего другого, кромѣ благовонія моей любви и моего имени, объемлющаго все свидѣтельствующее и свидѣтельствуемое» [2]).

Чтобы покончить съ догматикой бэхаизма, скажемъ нѣсколько словъ о загробной жизни и предопредѣленіи.

Страшный судъ, рай и адъ понимаются аллегорически. Въ вопросѣ пятомъ Отблеска четвертаго читаемъ:

«... Міръ держится вознагражденіемъ и возмездіемъ. Умъ

---

[1]). Ст. 332—334, 459—465, 469—471.

[2]). Ст 444, 445.

и познаніе признавали и признаютъ рай и адъ, такъ какъ существованіе этихъ двухъ послѣднихъ необходимо для (осуществленія) двухъ первыхъ. Первое мѣсто и степень рая есть угодность Истинѣ. Всякій, кто достигъ угодности (Богу), сочтенъ будетъ райскимъ жителемъ. Послѣ вознесенія духа онъ достигнетъ того, чего не въ состояніи выразить перо и чернила. Путь и вѣсы, точно такъ же рай и огонь, и все то, что упомянуто и начертано въ божественныхъ книгахъ, извѣстно и очевидно для людей зрячихъ и людей величайшаго зрѣлища Въ мигъ появленія лучей солнца смыслъ устанавливается въ одномъ (пунктѣ), и Истина глаголетъ то, что пожелаетъ. Всякій изъ людей, которому удалось услышать, и который воспринялъ, будетъ считаться изъ жителей рая»... [1]).

Вѣры въ предопредѣленіе нѣтъ у бэхаитовъ, но то, что записано на скрижаляхъ Бога, должно совершиться: совершеніе происходитъ не въ силу того, что это было записано, напротивъ, записано потому, что Богу было впередъ извѣстно, что это случится. А знаніе вещи не есть причина ея осуществленія.

Разные пророки возгласили пророчества, и то, что предвѣщалось, исполнилось: это—предвѣдѣніе Бога, но не его предопредѣленіе. Такъ какъ въ мірѣ Бога нѣтъ раздѣленія временъ, то совершеніе вещи въ будущемъ такъ же ясно, какъ и совершеніе въ прошломъ, и пророки, глаголя устами Бога и смотря Его очами, возвѣщали то, что видѣли совершившимся въ будущемъ.

Если нѣтъ предопредѣленія, то это должно значить, что за человѣкомъ признается свобода воли. Свобода эта дана человѣку, но онъ не долженъ забывать, что онъ слабъ, что онъ—существо несовершенное.

«Знайте, что мѣста проявленія и обнаруженія свободы суть животныя, а человѣку подобаетъ быть подъ управленіемъ законовъ, которые бы охраняли его отъ его собственнаго невѣжества и вреда обманщиковъ.

«Свобода выводитъ человѣка изъ предѣловъ благовоспитанности и почета и дѣлаетъ его самымъ низкимъ.

«Смотрите же на народы, какъ на агнцевъ: имъ необходимъ пастырь, дабы онъ охранялъ ихъ. Это—истина несомнѣнная.

«По истинѣ, мы признали ее (свободу) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ же нѣтъ, такъ какъ мы знающи

«Скажи: (истинная) свобода (заключается) въ слѣдованіи моимъ повелѣніямъ, разъ вы изъ познающихъ.

«Если бы люди слѣдовали тому, что мы ниспослали имъ

---

[1]). А. Туманскій. Кит. Акд., стр. 107.

съ неба откровенія, то видѣли бы себя въ чистой свободѣ. Благо тому, кто позналъ Бога въ томъ, что Онъ ниспослалъ съ неба воли Его, охраняющей міръ.

«Скажи (та) свобода, которая приноситъ вамъ пользу, (по истинѣ) заключается въ служеніи Богу—Истинѣ» [1])

Хотя нѣтъ предопредѣленія, и человѣкъ обладаетъ свободной волей, но все же его судьба не въ его рукахъ. Точнѣе, у него есть двѣ судьбы: одна—предначертанная, которой ничто не можетъ измѣнить,—она есть естественный результатъ естественныхъ законовъ; другая—подчиненная, и она во власти человѣка. Такъ, созданный изъ праха человѣкъ естественно вновь долженъ обратиться въ прахъ, и избѣжать этого нельзя; но отъ человѣка зависитъ ускорить или замедлить до извѣстной степени совершаемое временемъ разрушеніе его физическаго тѣла.

Религіозной практикѣ бэхаитовъ Китабе Акдэсъ посвящаетъ больше мѣста, чѣмъ вопросамъ чистой догматики; въ этомъ послѣднемъ отношеніи Китабе Акдэсъ является значительно бѣднѣе Бэйяна.

Во всѣ времена и во всѣхъ религіяхъ молитва являлась предметомъ спеціальнаго приказанія или указанія, которое измѣнялось съ измѣненіемъ времени и жизненныхъ условій: кораническая пятикратная молитва у бэхаитовъ замѣнена троекратной—утромъ, въ полдень и вечеромъ. Нѣтъ грѣха для тѣхъ, кто по незнанію пропуститъ что-либо въ молитвѣ. Во время молитвы разрѣшается быть одѣтымъ во всякій мѣхъ, что запрещается шіитскимъ шаріатомъ.

До достиженія возмужалости молитва не обязательна, не обязательна она также для больныхъ, старыхъ и находящихся въ пути. Отмѣняется постановленіе совершать суджудъ непремѣнно на голой землѣ. Отмѣняется общая молитва, кромѣ молитвы объ усопшихъ, и молитва по случаю небесныхъ явленій.

Молитва можетъ быть совершаема какъ въ спеціальномъ молитвенномъ домѣ, такъ и у себя дома.

«Тѣ, которые читаютъ стихи Милосерднаго лучшимъ напѣвомъ, найдутъ въ нихъ то, съ чѣмъ не сравняется царствіе царства небесъ и земель.

«И въ нихъ (стихахъ) найдутъ ароматъ моихъ міровъ, которыхъ теперь не знаетъ никто, кромѣ того, которому дана способность видѣть отъ этого высокаго, щедраго мѣста.

«Скажи: они (стихи) привлекаютъ чистыя сердца къ мі-

---

[1]). Ст. 286—292.

рамъ духовнымъ, которыхъ словами не выразить и знакомъ не показать. Благо выслушивающимъ!» [1]).

«Читайте стихи каждое утро и каждый вечеръ... Читайте стихи Бога въ такой мѣрѣ, чтобы васъ не охватило утомленіе и печаль... Если кто прочтетъ одинъ стихъ изъ стиховъ съ удовольствіемъ и пріятностью, лучше ему будетъ, чѣмъ чтеніе съ нерадѣніемъ страницъ Бога бдящаго, непоколебимаго» [2]).

Во время молитвы слѣдуетъ обращать лицо къ Акрѣ—«въ мою священную сторону, въ священное мѣсто, которое Богъ сдѣлалъ средоточіемъ небожителей, мѣстомъ поклоненія обитателей градовъ вѣчности и источникомъ повелѣній для всѣхъ живущихъ на землѣ и небесахъ» [3]). Какъ объясняется въ другихъ стихахъ (324, 325), киблою для бэхаитовъ является «тотъ кого проявитъ Господь», и, когда онъ перемѣщается, то перемѣщается и кибла.

Передъ молитвою должно быть совершено омовеніе; но не возбраняется и не дѣлать этого, если бы не нашлось воды; слѣдуетъ омывать руки, а затѣмъ лицо—ежедневно; разъ въ недѣлѣ требуется погружаться въ чистую воду, но не въ бывшую въ употребленіи; цѣль погруженія—окружить всего себя водою; кто не хочетъ погружаться, можетъ достигнуть того же черезъ обливаніе.

Вотъ главнѣйшія правила, касающіяся молитвы. Это является громаднымъ облегченіемъ въ сравненіи съ сложнымъ мусульманскимъ ритуаломъ, который помимо сложности имѣетъ еще одну слабую сторону въ томъ отношеніи, что чисто механическія нарушенія установленнаго порядка дѣлаютъ молитву недѣйствительной. [4]). Это тѣмъ болѣе странно, что самымъ важнымъ во всякомъ дѣйствіи считается намѣреніе.

Еще одно обстоятельство требуетъ быть отмѣченнымъ: это —зикръ, какъ замѣна въ извѣстныхъ случаяхъ обычной молитвы. Такъ, женщинамъ, находящимся въ періодѣ очищенія, рекомендуется произнести 95 разъ: «Слава Богу, владыкѣ знанія и красоты!» Во время пути можно вмѣсто молитвы произнести 18 разъ: «Хвала Богу, владыкѣ царства и царствованій», Послѣ омовенія слѣдуетъ сѣсть и 95 разъ произнести: «Богъ пресвѣтлѣйшій». Не подобаетъ лишь произносить зикръ на улицахъ и площадяхъ, а слѣдуетъ дѣлать это дома.

При богослуженіи разрѣшаются пѣніе и музыка, лишь бы

---

[1]) Ст. 269-271.
[2]) Ст. 362, 364, 363.
[3]) Ст. 15.
[4]) См. томъ третій, молитва.

«слушаніе это не заставляло выходить изъ границъ приличія и самоуваженія».

Какъ сказано выше, общая молитва осталась лишь при погребеніи усопшихъ. Самое же погребеніе должно происходить такъ.

Гробъ непремѣнно долженъ быть изъ хрусталя, крѣпкаго камня или твердаго дерева. На пальца покойникамъ надѣваются кольца съ надписями. Мужчинамъ пишется: «Богу принадлежитъ все, что на небесахъ и на землѣ, и то, что между ними, и Богъ всезнающъ». Женщинамъ пишется: «Богу принадлежитъ царство небесъ и земли и того, что между ними, и Богъ властенъ надъ всѣмъ». Рекомендуется одѣвать покойника въ пять савановъ изъ шелка или бумаги; кто не можетъ этого сдѣлать, пусть одѣнетъ въ одинъ саванъ. Хоронить рекомендуется вблизи города, не дальше часа ходьбы отъ него.

Праздники бэхантовъ сводятся къ двумъ величайшимъ праздникамъ: одинъ праздникъ Ризвана, который празднуется черезъ 32 дня послѣ новаго года; второй установленъ въ память проявленія Баба. Кромѣ этихъ имѣются еще два праздника: день рожденія Баба и Бэха Уллы, и Ноурузъ или новый годъ.

Постъ является фарзомъ (т. е. обязательствомъ) для бэхаитовъ, какъ и для мусульманъ: онъ обязателенъ для всѣхъ достигшихъ возраста возмужалости. Исключеніе составляютъ лишь слабые, больные, путешествующіе и женщины, находящіяся въ періодѣ очищенія или кормящія грудью. Постъ продолжается цѣлый мѣсяцъ, т. е. 19 дней, а именно послѣдній мѣсяцъ года —Аля. Передъ этимъ мѣсяцемъ помѣщаются и пять лишнихъ дней—для дополненія солнечнаго года. Постъ заключается въ воздержаніи отъ ѣды и питья отъ восхода до заката солнца.

Названія мѣсяцевъ бэхантскаго (вообще бабидскаго) календаря слѣдующія:

1) Бэха	7) Келяматъ	14) Ковль
2) Джэлаль	8) Асма	15) Мэсаиль
3) Джэмаль	9) Кемаль	16) Шарафъ
4) Азаматъ	10) Иззатъ	17) Султанъ
5) Нуръ	11) Машіятъ	18) Мюлькъ, за которымъ слѣдуютъ четыре или пять вставныхъ дней,
6) Рахматъ	12) Ильмъ	19) Аля
	13) Кудратъ	

Закетъ установленъ ученіемъ Бэха Уллы, но размѣры его въ Китабе Акдэсъ не указаны.

«Предписано вамъ очищеніе вашихъ припасовъ и всего ос-

тального (имущества) закетомъ. Это есть то, что вамъ повѣлелъ ниспославшій стихи въ этомъ несравненномъ свиткѣ.

«Несомнѣнно мы укажемъ вамъ въ подробностяхъ предѣлъ его (закета), когда захочетъ и пожелаетъ Богъ. По истинѣ, Онъ дастъ подробности того, что пожелаетъ знаніемъ Своимъ» [1])

Сюда же можно отнести и повелѣніе о вакуфахъ

«Вакуфы, предназначенные для добрыхъ дѣлъ, принадлежатъ Богу, ниспослателю аетовъ. Никому не разрѣшается ихъ расходовать безъ позволенія восхода откровенія (пророка). Послѣ него это право предоставляется аганамъ; послѣ нихъ—дому справедливости, если повелѣніе о немъ будетъ выполнено въ какой-либо странѣ дабы расходы производились на учрежденіе этой вѣры и на то, что повелѣно Могучимъ, Властнымъ» [2])

Паломничество, или хаджъ, предписывается лишь мужчинамъ, но и это можетъ быть замѣнено денежнымъ взносомъ дому справедливости. Такъ говорится въ лаухѣ Благія Вѣсти [3]).

Джихадъ, или священная война за вѣру, отмѣняется.

Этическіе принципы, проповѣдываемые Бэха Уллой, высоки и жизненны; они не отличаются узостью мусульманской морали и дѣлаютъ общежитіе съ бэхаитами легкимъ.

Рабство уничтожается, такъ какъ рабъ не можетъ быть ни продаваемъ, ни покупаемъ рабомъ, а всѣ люди—рабы Бога.

Всѣмъ вѣрующимъ запрещаются споры, раздоры, драки и тому подобное, чѣмъ огорчаются сердца; не слѣдуетъ соглашаться для другого на то, чѣмъ для себя не былъ бы доволенъ. Слѣдуетъ принимать приглашеніе на пиръ или на поминки съ радостью и радушіемъ. Слѣдуетъ во всемъ поступать согласно здравому смыслу и «украшать себя узоромъ благовоспитанности и благонравія». Добрые нравы—лучшее украшеніе, и «ихъ свѣтъ выше свѣта солнца и его отраженія... Они служатъ орудіемъ руководительства народами на прямой путь и къ великой вѣсти .. Люди справедливые и безпристрастные занимаютъ самое высокое мѣсто и степень Изъ нихъ исходятъ и сіяютъ лучи правды и благочестія .. Довѣріе есть величайшая дверь спокойствія и увѣренности для народа... Не слѣдуетъ лицемѣрить въ дѣлахъ и должно говорить правду и искренне... Не должно, подобно прежнимъ племенамъ, марать языкъ сквернословіемъ» [4]).

Всѣ вѣрные должны жить въ мирѣ и быть «какъ пальцы одной руки и основныя части тѣла».

---

[1]) Ст. 353, 353.

[2]) Ст. 105.

[3]) Записки В. О. И. А. И, томъ VII, 1893 г., стр. 192

[4]). А. Туманскій. К. А, Узоры, стр 92—94.

Въ высшей степени рекомендуется опрятность—подъ угрозой сдѣлаться неугоднымъ небожителямъ. «Держитесь непрестанно изящества такъ, чтобы никто не видѣлъ на вашей одеждѣ слѣдовъ грязи. Это то, что приказалъ тотъ, который изящнѣе всего изящнаго». Молитва, совершенная въ грязной одеждѣ, неугодна Богу. Рекомендуется употреблять розовую воду и хорошіе духи. Надо стричь ногти и еженедѣльно мыться, погружаясь въ воду или обливаясь ею; но не дѣлать этого въ хоузахъ (т е. водоемахъ), гдѣ застаивается вода; лѣтомъ надо ежедневно мыть ноги, а зимою—разъ въ три дня.

Каждому вмѣняется въ обязанность заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, дѣломъ или профессіей—тѣмъ, что приноситъ пользу себѣ и другимъ. Нѣтъ ничего хуже, чѣмъ праздность и лѣность, и самый ненавистный для Бога человѣкъ, это —просящій милостыню. Хорошимъ занятіемъ считается торговля, и для этого разрѣшается отдавать деньги въ ростъ, но только это дѣло должно вестись справедливо и равномѣрно.

Особенно рекомендуется просвѣщеніе и образованіе, и многіе стихи Китабе Акдэсъ посвящаются этому.

«Каждому отцу предписано обученіе своихъ сыновей и дочерей наукамъ, письму и кромѣ этого тому, что опредѣлено въ Книгѣ.. Мы позволили вамъ читать то, что приноситъ вамъ пользу.. Богъ разрѣшилъ изученіе различныхъ языковъ тому, кто пожелаетъ, дабы дѣло Бога утвердилось на востокѣ и на западѣ».

Отблескъ третій говоритъ:

«Наука, это—крылья для существа и ступени для поднятія. Усвоеніе ея необходимо всѣмъ. Но только (необходимы) такія науки, которыя полезны людямъ, а не тѣ науки, которыя начинаются и кончаются словами. Велики преимущества обладающихъ наукой и ремеслами надъ остальными людьми! Свидѣтельствуютъ объ этомъ слова Бэйяна, благодѣтельствуя выслушивающимъ. Въ самомъ дѣлѣ, истинное сокровище для человѣка есть наука о немъ (самомъ), а она (наука) есть поводъ къ почету, благу, радости, веселію, радушію. Такъ глаголютъ уста величія въ этой великой темницѣ» [1]).

Въ Райскомъ Словѣ на листѣ восьмомъ говорится.

«Должно въ началѣ обучать дѣтей началамъ религіи, дабы обѣщанное и угроза, упомянутыя въ божественныхъ книгахъ, ихъ устранили бы отъ запрещеннаго и украсили бы ихъ узоромъ положительныхъ повелѣній. Но это (обученіе) въ такой (лишь) степени, чтобы оно не привело ихъ къ фанатизму и невѣжественному патріотизму... Ранѣе мы сказали, что два языка

---

[1]). Тамъ же, стр. 104.

предназначены для разговора. Но должно стараться, чтобы ограничиться однимъ... И вся земля сдѣлается (такимъ образомъ) однимъ городомъ и одною частью свѣта».

Не имѣя земной родины и будучи, подобно евреямъ, разсѣяны по лицу земли, бэхаиты естественно не могли обойти молчаніемъ вопросъ объ отношеніи къ властямъ тѣхъ странъ, гдѣ имъ приходится жить. Объ этомъ мы находимъ указанія въ Китабе Акдэсъ и въ различныхъ лаухахъ.

«Мы не ищемъ распоряжаться въ вашихъ царствахъ, но мы пришли, чтобы властвовать надъ сердцами, ибо на нихъ взираетъ Бэха.. Благо тому царю, который всталъ для содѣйствія моему дѣлу въ моей странѣ и отрѣшился отъ всего кромѣ меня. Мы требуемъ отъ начальниковъ и проявленій божественной власти, т е. царей, чтобы они точно также старались въ размѣрѣ необходимости разслѣдывать дѣла подданныхъ и быть свѣдущими о поступкахъ и дѣлахъ каждаго племени»..

«Въ какой бы странѣ ни жилъ этотъ народъ, онъ долженъ относиться къ правительству ея честно, правдиво и искренне. Это то, что ниспослано было отъ Вѣчнаго Повелителя. Тогда долженъ будетъ погаснуть огонь ненависти, который горитъ въ сердцахъ нѣкоторыхъ народовъ, и свѣтъ единенія и согласія озаритъ и освѣтитъ всѣ небосклоны.. Въ любви и преданности всякому изъ Ихъ Величествъ царей—да поможетъ имъ Богъ!- который станетъ на защиту этого притѣсняемаго народа и окажетъ ему помощь. всѣ должны соперничать другъ съ другомъ. Этотъ пунктъ—священная обязанность (фарзъ) для всѣхъ».

Въ бэхаизмѣ нѣтъ воинственнаго клича Корана объ истребленіи другихъ религій, напротивъ, онъ рекомендуетъ мирное сожительство съ людьми другихъ религій.

«Живите въ общеніи съ другими религіями и старайтесь утверждать дѣло Господа вашего милосерднаго.. Горе вамъ, если васъ обуяетъ духъ невѣжества среди человѣчества... Люди честные и надежные должны жить со всѣми людьми въ спокойствіи и пріязни, такъ какъ общеніе было и есть орудіе единенія и согласія, а единеніе и согласіе ведутъ къ порядку міра и жизненности народовъ»..

Лаух-и-акдэсъ спеціально посвященъ христіанамъ, чтобы возвѣстить имъ о пришествіи ожидаемаго ими Мессіи.

«Скажи: о, собраніе священниковъ! оставьте ваши колокола и выйдите изъ церквей. Нынѣ вамъ принадлежитъ провозгласить это Имя, величайшее изъ всѣхъ среди націй. Или вы предпочитаете пребывать въ молчаніи, между тѣмъ какъ всѣ деревья и всѣ камни кричатъ: «по истинѣ, пришелъ Господь, Владыка великой славы!» Благословенъ будетъ спѣшащій къ Нему!

«Скажи: о, собраніе епископовъ! вы звѣзды неба Моего знанія. Моя Милость не хотѣла бы, чтобы вы упали на землю, но Моя Справедливость гласитъ, что такова судьба, назначенная вамъ Сыномъ, и что всякое слово, исходящее изъ Устъ чистыхъ, законныхъ и истинныхъ, не измѣнится. Но духъ находится въ радости очевидной!...

«О, собраніе монаховъ! Если вы послѣдуете за мною, я сдѣлаю васъ наслѣдниками моего Царства; но если вы не послушаете меня, я терпѣливо снесу и это: по истинѣ, Я тотъ, который прощаетъ, милостивый». [1]).

Къ монашеству бэхаиты относятся неблагожелательно.

«Сколько изъ рабовъ (божіихъ) удаляются въ отшельничество на островахъ Индіи и сами себѣ запрещаютъ то, что Богъ разрѣшилъ, и подвергаютъ себя самоистязанію! (Все это запрещено) и они не будутъ помянуты у Бога, ниспославшаго аеты... несмотря на то, что они считаютъ себя полюсами, столпами и единственными примѣрами на землѣ... Отшельничество и мучительное подвижничество не достигло почета пріятія... Дѣянія, подобныя этимъ, проистекаютъ и рождаются изъ нѣдръ вымысловъ и чрева воображенія.. Не лишайте себя того, что создано для васъ».

Въ восьмой Благой Вѣсти говорится о христіанскихъ монахахъ. «Дѣйствія почтенныхъ монаховъ и священниковъ общины Духа—да будетъ надъ ними миръ и блескъ Божій!—записаны у Бога. Но теперь имъ слѣдуетъ стремиться изъ заключенности къ свободѣ и заниматься тѣмъ, что полезно для нихъ самихъ и для рабовъ Божіихъ. И всѣмъ соизволили мы разрѣшить вступленіе въ бракъ, дабы отъ нихъ рождались дѣти, которыя станутъ прославлять Бога» [2])

Основы семейной жизни указаны въ Священной Книгѣ. Вступленіе въ бракъ считается обязательнымъ; число женъ ограничивается двумя, но лучше, если будетъ одна жена. Благочестивые бэхаиты очень неодобрительно смотрятъ на двуженцевъ Бракъ предписывается какъ для продленія рода, такъ и для воздержанія отъ всякаго рода пороковъ. «Такъ какъ мы пожелали, чтобы была любовь и дружба и единеніе между рабами (божіими), то поставили бракъ помимо (согласія брачущихся) въ зависимость отъ разрѣшенія родителей, дабы не было между ними ненависти и вражды».

Размѣръ приданаго опредѣляется въ 19 мискалей золота

---

[1]) H. Dreyfus. Les paroles cachées pp. 54—56.

[2]) Записки В. О. Р. И. А О, томъ VII, 1893 г, стр. 189.

для городовъ и въ 19 мискалей серебра для деревень. во всякомъ случаѣ нельзя преступать сумму въ 95 мискалей.

Отсутствующій мужъ долженъ оставить средства для содержанія жены и назначить срокъ своего возвращенія; если это не исполнено, жена, по истеченіи девяти мѣсяцевъ, можетъ снова выйти замужъ. Этотъ же срокъ назначается для нея въ томъ случаѣ, если бы къ ней пришло извѣстіе о смерти мужа, подтвержденное общей молвой или двумя праведными свидѣтелями.

Запрещается жениться на своихъ мачехахъ.

Бракъ, повидимому, разрѣшается только между послѣдователями религіи Баба, какъ это, хотя и нѣсколько туманно, указано въ Священнѣйшей Книгѣ.

«Не разрѣшается сближеніе (т е. супружество) тѣхъ, кто не въ бэйянѣ (т. е. не принялъ религіи Баба). Если кто либо вступитъ въ связь съ кѣмъ либо, то то, что она пріобрѣтаетъ отъ него, будетъ считаться недозволеннымъ, кромѣ того случая, если это (повелѣніе) будетъ отмѣнено, когда возвысится дѣло того, кого проявимъ мы истиной, или же, послѣ его появленія, справедливостью. А до этихъ поръ соединяйтесь, можетъ быть, вы этимъ поднимите дѣло Бога» [1])

Произвольность мусульманскаго развода ограничена.

Въ случаѣ несогласія между супругами, несходства характеровъ или отвращенія другъ къ другу, рекомендуется выждать годъ, и, если не наступитъ измѣненія, тогда можно развестись, обратившись за полученіемъ развода въ домъ справедливости.

Троекратный разводъ съ его послѣдствіями уничтожается. На мужѣ, имѣющемъ намѣреніе развестись, лежитъ обязанность содержать жену въ теченіе года испытанія; содержаніе не выдается лишь женщинѣ, которая получила разводъ за доказанные предосудительные поступки и поведеніе.

Правила о наслѣдованіи подробно разработаны. Все наслѣдство раздѣляется на семь группъ, составляющихъ 42 доли, изъ коихъ назначается: 9 долей прямому нисходящему потомству,
8 долей—супругамъ,
7 долей—отцамъ,
6 долей—матерямъ,
5 долей—братьямъ,
4 доли—сестрамъ,
3 доли—наставникамъ.

При отсутствіи нисходящаго потомства, его доли передаются въ Домъ Справедливости.

Когда наслѣдуетъ лишь одно прямое потомство, оно полу-

---

[1]) Ст. 336.

чаетъ двѣ трети всего, а одна треть передается въ домъ справедливости.

Если у того, который не оставитъ наслѣдниковъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, будутъ родственники изъ сыновей брата и сестры и дочерей ихъ, то имъ назначается двѣ трети, а если нѣтъ, то дядямъ и теткамъ со стороны отца и матери и ихъ нисходящему потомству: одна треть передается въ домъ справедливости.

При отсутствіи наслѣдниковъ какой бы то ни было категоріи, все наслѣдство переходитъ въ домъ справедливости.

Домъ покойнаго всегда предоставляется мужскому потомству.

Потомство каждой категоріи наслѣдниковъ, въ случаѣ смерти ихъ главы раньше смерти наслѣдодателя, получаютъ въ совокупности ту долю, на которую имѣлъ право умершій глава. Наслѣдство малолѣтнихъ до ихъ совершеннолѣтія должно быть передано ихъ опекуну, на обязанности котораго лежитъ разумное употребленіе этого имущества.

Каждому вмѣняется въ обязанность писать завѣщаніе, подобно тому, какъ это сдѣлалъ самъ Бэха Улла, завѣщавъ, чтобы взоры всѣхъ вѣрныхъ послѣ его смерти обращались въ сторону его старшаго сына—Гусн-и-Ааземъ-Аббаса-эффенди.

Учрежденіе, правда еще почти теоретическое, которому ввѣряется забота блюсти бэхаитскую общину, называется домомъ справедливости (бэйт-уль-адль), и въ Китабе Акдэсъ и разныхъ лаухахъ о немъ говорится подробно.

Домъ справедливости долженъ быть учрежденъ въ каждомъ городѣ и состоять не менѣе, какъ изъ девяти членовъ — по численному значенію буквъ слова Бэха. Эта корпорація должна держать совѣтъ о дѣлахъ людскихъ, какъ бы о своихъ собственныхъ, и рѣшать ихъ самымъ основательнымъ образомъ.

Надъ мѣстными домами справедливости долженъ стоять всемірный домъ справедливости, избираемый всѣмъ народомъ,— онъ будетъ находиться подъ покровительствомъ и охраной самого Бога.

«Если какая-нибудь вещь, не упомянутая въ Книгѣ, рѣшается домомъ справедливости единогласно или по большинству голосовъ, то это рѣшеніе и это велѣніе будутъ предохранены отъ ошибокъ» [1]).

Члена дома справедливости должны быть пастырями стада Бога и должны охранять его отъ волковъ, появляющихся въ человѣческой одеждѣ; рѣшенія ихъ должны примѣняться къ ни-

---

[1]) Уроки въ Акрѣ, стр. 241.

саніямъ Бэха Уллы. Всѣ общественныя дѣла ввѣряются имъ, такъ какъ они суть довѣренные Бога среди рабовъ Его.

«Справедливость есть воспитательница міра, такъ какъ она обладаетъ двумя столбами. вомездіемъ и вознагражденіемъ. А эти два столпа суть два источника жизни людей міра. Такъ какъ для каждаго дня и для каждаго мгновенія необходимы приказаніе и распоряженіе, то поэтому завѣдываніе дѣлами отнесено къ дому справедливости, дабы (люди дома съ праведливости) дѣлали то, что признаютъ согласнымъ съ требованіемъ времени... Дѣла политическія цѣликомъ относятся къ дому справедливости, а богослужебныя (управляются) тѣмъ, что написано въ Коранѣ» [1])

Въ частности на домъ справедливости возлагается: обученіе дѣтей, родители которыхъ сами не въ состояніи этого сдѣлать, заботиться о бѣдныхъ и сиротахъ; разбирать дѣла между вѣрными, вообще пещись о невредимости и сохранности рабовъ Божіихъ. Средства на все это получаются отъ доброхотныхъ даяній, отъ наслѣдствъ, штрафовъ и пеней за проступки и преступленія. На домъ справедливости возлагается также обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы не были нарушаемы велѣнія Книги.

Къ числу главнѣйшихъ запрещеній, указанныхъ въ Книгѣ, относятся убійство, поджогъ. прелюбодѣяніе, содомія, злословіе, клевета, воровство, нищество, куреніе опіума, пьянство, азартная игра, ношеніе оружія въ мирное время. За большинство проступковъ и преступленій полагается болѣе или менѣе значительная пеня, но нѣкоторая преступленія наказываются весьма сурово.

«Кто сжегъ умышленно домъ, сожгите его. Кто умышленно убилъ человѣка,—убейте его.. Если вы ихъ присудите къ вѣчному заточенію, то въ Книгѣ это не вмѣнится вамъ въ вину» [2]).

«Кто нечаянно убилъ кого-нибудь, на того (наложена) пеня. передаваемая семейству убитаго, и она равна ста мискалямъ золота» [3]).

За прелюбодѣяніе налагается пеня въ девять мискалей золота, во второй разъ пеня удваивается.

За нанесеніе ранъ, въ зависимости отъ ихъ важности, полагается болѣе или менѣе крупная пеня.

Воровство наказывается изгнаніемъ или заключеніемъ въ тюрьму; если же воръ попадается въ третій разъ, то «сдѣлай-

---

[1]) Восходъ восьмой, стр. 83.
[2]) Ст. 143, 144.
[3]) Ст. 467.

те ему знакъ на лбу, дабы его можно было узнать и не принимать въ городахъ и странахъ божіихъ».

Къ этому остается прибавить еще нѣсколько словъ о томъ, что не вошло въ предыдущія категоріи.

Такъ, Китабе Акдэсъ отмѣняетъ раздѣленіе предметовъ на чистые и нечистые,—вода все очищаетъ; для строгихъ мусульманъ—христіанинъ всегда является нечистымъ.

Разрѣшается употреблять для пищи золотую и серебреную посуду; у мусульманъ разрѣшается лишь имѣть рукоятки изъ этихъ металловъ.

Даже мертвая дичь, взятая охотничьими животными, считается чистой и можетъ быть употребляема въ пищу безъ всякаго сомнѣнія.

Отмѣняется постановленіе о ношеніи лишь опредѣленной одежды, т. е. вѣрующимъ разрѣшается носить какой угодно костюмъ, лишь бы онъ всегда содержался въ опрятности и чистотѣ.

Запрещается бритье головы,—волосы должны только подстригаться, хотя бы и коротко.

Въ случаѣ болѣзней, рекомендуется обращаться къ помощи искусныхъ врачей, причемъ нѣтъ никакого ограниченія въ отношеніи національности или религіи

Дома можно украшать, но лишь не статуями и не картинами: по возможности разъ въ девятнадцать лѣтъ слѣдуетъ обновлять всю домашнюю обстановку Для сидѣнья рекомендуется употреблять кресла.

Настоящій краткій очеркъ закончу прекрасными словами одного бэхаитскаго журнала: [1]).

«Движеніе (бэхаизмъ) не можетъ быть разсматриваемо, какъ новая религія. Скорѣе это есть мировое признаніе скрѣпляющаго единства религій и народовъ и идеаловъ международнаго мира и доброжелательности. Оно учитъ о равенствѣ половъ, о долгѣ каждаго служить общинѣ и о долгѣ общины способствовать такой службѣ, понуждая людей всѣхъ религій жить внѣ своей вѣры въ единствѣ со своими товарищими—людьми и доказать, что за всѣми символами вѣры скрывается лишь одна религія и одинъ Богъ».

---

[1]) Star of the West, 1911, № 9, p. 4.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Когда мы ознакомились съ ученіемъ и судьбою различныхъ мусульманскихъ сектъ и школъ, мы можемъ попытаться сдѣлать выводъ, какова будущая судьба исламизма. Чтобы та или иная высказанная гипотеза, а кромѣ гипотезъ тутъ ничего и быть не можетъ, имѣла видъ правдоподобія и обладала убѣдительностью, надо окинуть бѣглымъ взоромъ исторію распространенія исламизма; припомнить все то, что составляетъ силу исламизма, и что является его слабостью; выяснить такимъ образомъ его жизненные рессурсы; и, наконецъ, учесть позднѣйшія событія въ исторіи исламизма и оцѣнить новѣйшія вѣянія въ немъ. Тогда лишь мы будемъ въ состояніи произнести какое-либо сужденіе, и оно будетъ имѣть видъ правдоподобія, такъ какъ въ нашъ вѣкъ исторія двигается такими быстрыми шагами, что порою трудно установить логическую послѣдовательность событій.

Успѣхъ распространенія ислама былъ много обязанъ тому обстоятельству, что «для язычниковъ, пребывающихъ въ невѣріи, исламъ являлся, какъ и теперь является, истинной вѣстью свыше. Заключая въ себѣ простую и возвышенную истину, и въ выраженіяхъ не свыше пониманія дикаря, онъ не требуетъ отъ прозелита ни перемѣны сердца, ни перемѣны жизни. Пусть онъ лишь совершитъ обрѣзаніе и повторитъ легкую формулу, и уже въ силу одного этого факта онъ—мусульманинъ; чтобы быть хорошимъ мусульманиномъ, онъ долженъ пять разъ въ день повторять молитву, соблюдать постъ во время рамазана и, если возможно, совершить паломничество въ Мекку. Исламъ не требуетъ отъ жителя Востока ничего, что могло бы выбить его изъ колеи... Христіанская миссія приходитъ и требуетъ отъ него, рабовладѣльца и многоженца, чтобы онъ отдалъ своихъ женъ и своихъ рабовъ. А мусульманскій миссіонеръ говоритъ, что онъ можетъ удержать и тѣхъ и другихъ, и даже прибавить къ нимъ.

Такъ что же удивительно, что онъ избираетъ исламъ предпочтительно передъ христіанствомъ» [1]).

Благодаря этой своей особенности и главнымъ образомъ благодаря мечу исламъ распространился очень быстро, всталъ въ открытую вражду съ христіанскимъ міромъ и до сихъ поръ еще въ состояніи бороться съ христіанствомъ за міровое владычество. Хотя, по завѣтамъ Корана, нормальнымъ состояніемъ ислама является война со всѣмъ остальнымъ міромъ, со всѣмъ, что не исламъ, но это его нормальное состояніе сдѣлалось невозможнымъ вслѣдствіе политическихъ причинъ, и уже съ давнихъ поръ правила джихада были кодифицированы: жизнь заставила внести кое-какія поправки и ограниченія въ абсолютное велѣніе Бога. Въ этомъ немного помогаетъ и идея махдизма. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Мухаммедъ, заставляя Бога своими устами говорить объ истребленіи невѣрныхъ, хоть на минуту предположить, что значительная часть его послѣдователей окажется подъ политической властью этихъ именно невѣрныхъ? Такъ какъ невѣрные сдѣлались гораздо славнѣе и сильнѣе воинства ислама, то подымать сейчасъ противъ невѣрныхъ войну—безцѣльно и безсмысленно, т. е. прямо незаконно, такъ какъ неудачная попытка можетъ скомпрометировать все дѣло въ будущемъ. Остается выжидать, какъ это и дѣлаютъ шіиты, появленія Махди, который сдѣлаетъ распоряженіе относительно джихада.

По самому духу своему исламъ является миссіонерской религіей, такъ какъ Мухаммедъ былъ посланъ для проповѣди истинной вѣры не только среди своихъ соплеменниковъ—арабовъ, но среди всего человѣчества. Еще при жизни Мухаммеда въ разныя страны были отправлены проповѣдники, и въ томъ числѣ даже въ отдаленный Китай: въ 630 году по Р. Х. въ Кантонѣ была построена первая мечеть. Хотя это была еще только слабая попытка утвержденія ислама на новой почвѣ, но послѣдующія событія показали, что новая религія акклиматизировалась тамъ съ успѣхомъ. Постепенно число мусульманъ, плотно осѣвшихъ въ Китаѣ, разрослось, главнымъ образомъ вслѣдствіе мирныхъ обращеній путемъ смѣшанныхъ браковъ. Уже Ибнъ Батута говоритъ о многочисленныхъ мусульманахъ въ Юннанѣ. Въ болѣе поздніе времена эти свѣдѣнія были подтверждены путешественникомъ Марко Поло. Китайское правительство въ древнія времена было очень терпимо къ мусульманамъ, въ религіи которыхъ оно видѣло нѣчто среднее между буддизмомъ и конфуціанствомъ «Хотя по временамъ на китайскихъ мусульманъ накладывались ограниченія. Имъ не разрѣшалось совершать па-

---

[1]) Haines. Islam. as a missionary religion. p. 14.

ломничества въ Мекку: иностраннымъ мулламъ было запрещено вступать въ Китай, и даже запрещалась постройка мечетей» [1]).

Постепенно Китайскій Туркестанъ и Джунгарія сдѣлались болѣе или менѣе мусульманскими странами. Принявъ мусульманство, правнукъ Чингисъ Хана и большую часть монголовъ принудилъ перейти въ исламъ. Это было въ XIII вѣкѣ. Еще раньше, а именно въ XI вѣкѣ, были обращены турки-сельджуки, а въ XII—уйгуры и хорезмійцы.

Въ 666 году по Р. Х. арабскія войска достигли Балха, а а черезъ шесть лѣтъ была покорена Бухара, но она тотчасъ же возмутилась и сбросила съ себя иго Такое покореніе, обращеніе въ исламъ и освобожденіе имѣли мѣсто трижды. Наконецъ, въ срединѣ VIII вѣка, городъ окончательно оказался въ рукахъ арабовъ. Вскорѣ той же участи подвергся и Самаркандъ, и Абу Муслимъ покорилъ всю территорію до Кашгара. Такъ долго отстаивавшая свою независимость Бухара сдѣлалась центромъ ислама, и въ теченіе двухъ вѣковъ изъ этого центра лучи истинной вѣры расходятся и проникаютъ въ Афганистанъ, Индію, Кашмиръ и Татарію—до Казани

Первою передъ этой силой склонилась Индія Слѣдуетъ оговориться однако, что склонилась она именно передъ силою, а не передъ религіей первые мусульмане занимались не столько обращеніемъ невѣрныхъ, сколько разграбленіемъ богатыхъ сокровищами капищъ. Это было въ первой половинѣ VIII вѣка, но лишь въ XI вѣкѣ, при Махмудѣ Газнавидѣ, исламъ прочно утвердился въ Индіи. Дэли сдѣлался столицей этого мусульманскаго государства. Второе государство, со столицею Гуръ, было основано въ Бенгаліи и Бехарѣ. Что же касается южной Индіи, то туда исламъ въ значительныхъ размѣрахъ проникъ лишь въ XIУ вѣкѣ. Постепенное наводненіе Индіи ордами турокъ, афганцевъ и монголовъ заставляетъ предполагать, что значительная часть теперешнихъ мусульманъ Индіи и являются потомками этихъ иммигрантовъ. Хотя исламъ и утвердился въ Индіи прочно, но онъ не могъ уничтожить мѣстной религіи, но не уступалъ ей и своего мѣста. Въ XV и XVI вѣкахъ были сдѣланы попытки объединить двѣ религіи Индіи, имена единаго Бога были—Алл и Рама [2]).

На Малайскій архипелагъ исламъ началъ проникать въ IX вѣкѣ и хотя медленно, но неустанно распространялся тамъ. Это, съ точки зрѣнія прозелитизма, должно считаться громаднымъ успѣхомъ Вмѣстѣ съ тѣмъ эти результаты были достигнуты безъ особенныхъ трудовъ: главными миссіонерами были

---

[1]) Haines. Islam as missionery religion p. 84.

[2]) Idem p. 91.

мусульманскіе купцы, а потомъ уже и мѣстные жители изъ обращенныхъ.

Въ Африкѣ исламъ распространялся быстрѣе, чѣмъ въ Азіи. Первое основаніе распространенію новой вѣры было положено завоеваніемъ Египта. При фатимидахъ христіане и евреи подвергались гоненіямъ, которыя то ослаблялись, и соотвѣтственно уменьшалось или увеличивалось число отступниковъ среди христіанъ. «Арабы проникли въ Африку съ трехъ разныхъ сторонъ: изъ Египта на западъ, до озера Чадъ; съ сѣверо-запада къ югу, до озера Чадъ и Нигера; изъ Занзибара—къ западу, до Великихъ Озеръ. Нельзя найти арабовъ къ югу отъ Конго и Замбези, хотя въ Капской колоніи имѣется нѣсколько тысячъ мусульманъ.

«Мусульманскія государства Судана суть—Сенааръ, Кордофанъ, Дарфуръ, Вадаи, Багирми» [1]). Сенааръ по настоящему сдѣлался мусульманскимъ государствомъ лишь въ XVI вѣкѣ. Время проникновенія ислама въ Кордофанъ точнымъ образомъ неизвѣстно. Дарфуръ сдѣлался мусульманскимъ не ранѣе XVII вѣка. Въ Вадаи исламъ проникъ всего раньше, а именно въ XII вѣкѣ, а въ Багирми лишь въ концѣ XIX вѣка.

Уже въ началѣ XIII вѣка исламъ проникаетъ къ Нигеру и начинаетъ распространяться къ востоку отъ него, идя навстрѣчу другой волнѣ, двигавшейся къ западу отъ Нила Это соединеніе совершилось потомъ, черезъ нѣсколько столѣтій, приблизительно въ раіонѣ озера Чадъ. Третій пунктъ проникновенія арабовъ въ Африку былъ съ западнаго берега, къ югу отъ мыса Гвардафуй. Здѣсь успѣхи ислама были менѣе ярки и энергичны. Главный успѣхъ былъ среди племени сомали, которые были обращены въ исламизмъ въ VII и VIII вѣкахъ. Былъ періодъ, когда въ Занзибарѣ исламъ насчитывалъ не мало своихъ адептовъ, но теперь ихъ сравнительно очень немного. На Мадагаскарѣ мусульманство существовало въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, но теперь оно, практически, исчезло оттуда.

Исторія мусульманскаго владычества въ Европѣ сосредоточивается въ двухъ центрахъ—Кордовѣ и Константинополѣ

Испанія уже въ 711 году находится подъ арабскимъ владычествомъ, хотя первыя попытки завоеванія относятся еще къ серединѣ VII вѣка. Въ 711 году было вторженіе Тарика, и битва при Хересѣ рѣшила судьбу Испаніи. Меньше чѣмъ въ три года арабы прошли всю Испанію и южную Галлію. Неудачный для арабовъ исхода битвы при Турѣ спасъ Галлію отъ ихъ завоеванія. Отношеніе арабовъ къ завоеваннымъ испанцамъ было самое милостивое, но военно-плѣннымъ предлагалось на вы-

---

[1]) Idem. pp. 106, 107.

боръ—обращеніе или смерть. Необходимость такого выбора способствовала массовымъ обращеніямъ. Благодаря многимъ причинамъ, и одною изъ главныхъ въ ихъ числѣ является почти непрекращающіеся раздоры между различными вождями, господство арабовъ въ Испаніи было непродолжительнымъ. и въ IX вѣкѣ ихъ владычество тамъ окончилось.

Прогнанные изъ Испаніи, арабы частью вернулись въ Африку, откуда впервые пришли, отчасти бросились на острова Средиземнаго моря. Въ первой половинѣ IX вѣка армія андалузскихъ изгнанниковъ завладѣла островомъ Критомъ и почти цѣликомъ обратила его въ исламизмъ. Но черезъ 150 лѣтъ островъ былъ отвоеванъ, и населеніе обратилось въ христіанство.

Немного позднѣе Крита была завоевана и обращена въ исламизмъ Сицилія съ ея населеніемъ. Она оставалась подъ властью мусульманъ около ста лѣтъ. Въ это же время арабами была завоевана южная Италія, и даже Римъ, святыня христіанскаго міра, подвергся разграбленію.

Судьба точно смѣялась надъ христіанской Европой: отвоеваніе христіанами Испаніи подходило къ концу, силы арабовъ были значительно ослаблены и уже не представляли серьозной угрозы, когда появился новый врагъ,—Константинополь попалъ въ руки турокъ Политическая карта сильно измѣнилась,—Турція вытѣсняла Византійскую имперію и Сербію. Послѣ Коссовской битвы въ 1389 году коренное населеніе Старой Сербіи было вытѣснено албанцами, которые обратились въ мусульманство. За ними значительная часть Босніи отреклась отъ христіанства и приняла исламъ. Въ 1466 году Герцеговина сдѣлалась турецкой провинціей, и, по примѣру Босніи, значительная часть ея населенія обратилась въ исламизмъ. Полумѣсяцъ понемногу вытѣснялъ Крестъ съ балканскаго полуострова. Прошло очень немного времени съ завоеванія, какъ значительная часть Албаніи сдѣлалась мусульманской страной. Та же участь постигла и островъ Критъ. Не мало обращеній было среди грековъ, не только на Критѣ, но и на полуостровѣ Легкость и даже охотность обращеній здѣсь можно объяснить тѣмъ, что турки поощряли ихъ не только обѣщаніемъ наградъ въ будущей жизни, но и назначеніями на высокіе посты въ здѣшнемъ бренномъ мірѣ.

Въ XIII вѣкѣ турками была завоевана Грузія, но исламъ проникъ туда лишь въ слѣдующемъ столѣтіи.

Съ завоеваніемъ территоріи мусульманское государство завоевывало и новыхъ вѣрующихъ въ миссію пророка Мухаммеда. Обращеніе въ значительномъ большинствѣ случаевъ было принудительное, но кромѣ того, уже съ первыхъ вѣковъ исламизма, очень часто принятіе ислама вызывалось исключительно соображеніями выгоды. Однажды халифъ Аль-Мамунъ высказался

по этому поводу болѣе чѣмъ откровенно: «Клянусь Богомъ! я отлично знаю, что тотъ и другой (при этомъ халифъ назвалъ цѣлую группу своихъ совѣтниковъ) хотя и исповѣдываетъ исламъ, но въ дѣйствительности совершенно чуждъ ему; они дѣлаютъ это лишь напоказъ передо мной; между тѣмъ, какъ ихъ убѣжденія, я прекрасно это знаю, совершенно противоположны тому, что они исповѣдываютъ. Они принадлежатъ къ тому классу, который принимаетъ исламизмъ отнюдь не изъ-за какой-либо любви къ нашей религіи, но разсчитывая черезъ это получить доступъ къ моему двору и участвовать въ почестяхъ, богатствѣ и могуществѣ государства. Они не имѣютъ внутренняго убѣжденія въ томъ, что они исповѣдываютъ наружно. И дѣйствительно знаю, что такой то и такой то (при этомъ халифъ назвалъ цѣлую группу своихъ придворныхъ) были христіанами и приняли исламизмъ противъ воли. Они не мусульмане и не христіане, а лицемѣры»[1]) Это отмѣчалось, и это терпѣлось, такъ какъ требованія религіи боролись съ политическими соображеніями, такъ какъ «большая часть арабскихъ вождей и халифовъ предпочитали имѣть въ своемъ подданствѣ христіанъ, платящихъ подать, чѣмъ видѣть ихъ обращенными и переставшими уплачивать поголовную подать. Безъ сомнѣнія, были нѣкоторые, болѣе чѣмъ обычно, благочестивые мусульмане, которые не придерживались этой гнусной точки зрѣнія, и мы съ восхищеніемъ можемъ привести негодующій отвѣтъ Омара Абд-уль-Азиза, лучшаго изъ омаіядовъ, когда ему сказали, что его суровыя распоряженія противъ невѣрныхъ безъ сомнѣнія приведутъ ихъ къ обращенію и что, такимъ образомъ, для государства пропадетъ значительный источникъ дохода. Онъ сказалъ: «я былъ бы счастливъ выше мѣры, если бы всѣ зимми сдѣлались мусульманами, такъ какъ Богъ посылалъ Своего Апостола, чтобы совершить дѣло пророка, а не сборщика податей»[2]).

Теперь, когда мусульманскіе владѣтели утрачиваютъ мало по малу политическую власть, обращеній такого рода, за самыми рѣдкими исключеніями, уже не можетъ быть. Такимъ образомъ можно считать, что одного изъ существовавшихъ прежде мотивовъ обращенія уже больше не существуетъ.

XIX вѣкъ былъ длиннымъ рядомъ ударовъ, одинъ за другимъ падавшихъ на мусульманскія государства во всѣхъ странахъ, въ особенности въ Африкѣ и въ Средней Азіи. Статистика начала XX вѣка есть скорбный листъ былого величія мусульманской независимости. «Въ 1911 году только 37,128,800 мусульманъ жили подъ непосредственнымъ мусульманскимъ управле-

---

[1]) W. Muir. Apology of Al Kindy. p. 29.

[2]) Haines. Islam as a missionary religion. p. 139.

ніемъ, а именно: подъ турецкимъ управленіемъ—15,528,800, подъ властью афганскаго эмира—4,500,000, подъ властью персидскаго шаха—8,000,000, подъ властью марокканскаго султана—5,600,000, и подъ властью независимыхъ владѣтелей Аравіи, внѣ Оттоманской имперіи 3,500,000 человѣкъ. А было время, когда мусульманская имперія распространялась одинаково съ мусульманской вѣрой. Въ 911 году халифатъ вмѣщалъ Испанію, Марокко, Алжиръ, Тунисъ, Триполи, Египетъ, Малую Азію, Сирію, Аравію, Персію, Туркестанъ, Афганистанъ, Белуджистанъ и область вокругъ Каспійскаго моря. Теперь имперія халифовъ сократилась до столь малыхъ размѣровъ, что она покрываетъ лишь Турцію, Триполи и едва одну пятую часть площади Аравіи, съ населеніемъ менѣе 16,000,000 человѣкъ.. Великобританія, Франція, Россія и Нидерланды въ отдѣльности имѣютъ болѣе мусульманскихъ подданныхъ, чѣмъ ихъ имѣется во всей турецкой имперіи. При взглядѣ на остающіяся подъ непосредственнымъ мусульманскимъ владычествомъ государства, не надо обладать даромъ пророчества, чтобы провидѣть еще большія политическія измѣненія съ возможнымъ результатомъ прибавленія еще многихъ милліоновъ къ числу мусульманъ подъ христіанскимъ владычествомъ»[1]). Исторія говоритъ за правдоподобность такого предположенія, но признаніе его заставляетъ насъ обратить вниманіе на другую сторону вопроса Мы видимъ, что мусульманскія государства утрачиваютъ свою независимость, но тѣмъ не менѣе число мусульманъ на земномъ шарѣ не только не уменьшается и не остается неподвижнымъ, но еще замѣтно растетъ. Утрата политической самостоятельности далеко не исчерпываетъ вопроса: подданными христіанскихъ государствъ все же остаются мусульмане, и имъ чужда любовь къ своимъ покорителямъ, напротивъ, въ сердцѣ ихъ гнѣздятся совсѣмъ другія чувства. То тамъ, то здѣсь въ разное время происходили и происходятъ вспышки, показывающія на то, что вулканъ отдыхаетъ, но еще не потухъ. Иногда же случается, что, попавъ въ новыя условія, исламъ оживаетъ съ новою силою[2]).

Какъ всякая религія, исламизмъ имѣетъ слабыя и сильныя стороны.

Сила исламизма заключается въ томъ, что онъ—монотеистическая религія и благодаря этому до сихъ поръ распространяется. Онъ является легкой религіей, такъ какъ требованія его весьма скромны и опредѣленны; человѣческая слабость

---

[1]) The Moslem World. 1911 p. 419.

[2]) Цвемеръ говоритъ о Египтѣ: „я не задумаюсь сказать, что британская оккупація вмѣсто ослабленія ислама усилила его“. (Muhammedan World of-day. p. 31).

учтена въ видѣ массы включенныхъ въ ученіе поблажекъ; догматика религіи не содержитъ въ себѣ ничего или почти ничего сверхъестественнаго, противъ чего сталъ бы возставать разумъ. Безъ извѣстной доли истинности, исламизмъ не могъ бы существовать и распространяться, и эта истинность сглаживаетъ до извѣстной степени лживость доктрины и несовершенство нравственной системы. Идея единобожія такъ сильно развита въ исламѣ, что христіане и евреи въ глазахъ мусульманъ являются многобожниками.

Слабость ислама заключается въ томъ, что это—религія безъ любви, основанная на одномъ страхѣ; что природа Бога извращена, и Ему приписываются совершенно непримиримыя съ Его достоинствомъ качества; что нравственная система далека отъ совершенства, и первымъ нарушителемъ нравственныхъ законовъ является самъ Богъ; что въ религіи этой преобладаетъ формализмъ, почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего является развитіе лицемѣрія, допускающаго благочестіе безъ вѣры; что религія и нравственность находятся часто въ полномъ между собою разладѣ, и грѣхъ считается лишь наружнымъ осквернеміемъ, которое смываетъ не раскаяніе, а вода; что религія эта учитъ не спасенію отъ грѣха, а избавленію отъ наказанія; что религія эта разсчитана на чувственность какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ будущемъ.

При наличіи слабыхъ и сильныхъ сторонъ, исламизмъ обладаетъ извѣстными ресурсами, которые охраняютъ его существованіе Главнымъ ресурсомъ является требованіе Корана —распространять исламъ по всей землѣ, обязанность вести священную войну, когда это возможно, или, когда этого нельзя, заниматься мирной пропагандой. Такая заповѣдь естественно должна была отразиться на отношеніи мусульманъ къ не—мусульманамъ Нельзя не отмѣтить, что въ первыя десятилѣтія ислама распоряженія, касающіяся отношенія мусульманъ къ иновѣрцамъ, были проникнуты духомъ терпимости. Другой вопросъ, было ли такое отношеніе искреннимъ, или оно подсказывалось только политической необходимостью, или же, наконецъ, въ этомъ сказывался индивидуальный взглядъ правителей Повидимому, не будетъ ошибкой признать послѣднее мнѣніе наиболѣе правильнымъ, такъ какъ, когда мы слѣдимъ за исторіей халифата, то замѣчаемъ, порою рѣзко обозначенныя, полосы терпимости и фанатизма, чередующіяся между собою. И здѣсь важно отмѣтить то обстоятельство, что это былъ именно индивидуальный, хотя порою и подсказанный, взглядъ, а не грубый произволъ. вѣдь для всякаго постановленія требовалась фэтва, т. е. признаніе его согласнымъ съ божественнымъ закономъ. Все дѣло было въ томъ или иномъ толкованіи и при-

мѣненіи этого закона, а присутствіе въ Коранѣ сомнительныхъ и отмѣненныхъ, но не изъятыхъ стиховъ, и искусное фабрикованіе хадисовъ, этихъ своего рода благочестивыхъ лжесвидѣтельствъ, значительно облегчало эту задачу. Самъ Мухаммедъ, устами котораго Богъ возвѣстилъ, что всѣ невѣрные должны быть уничтожены, выказывалъ иногда большую терпимость, въ особенности когда онъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для иной политики. Той же политики придерживались и первые халифы, поучительнымъ свидѣтельствомъ чего могутъ служить инструкціи, которыя давались предводителямъ войскъ, выступавшихъ на завоеваніе, и мирные договоры, заключенные съ покоренными христіанами Византійской имперіи. Послѣ праведныхъ халифовъ можно было замѣтить, что отношеніе мусульманъ къ христіанамъ и евреямъ мѣнялось въ зависимости отъ того, какое толкованіе Корана въ данный моментъ преобладало. Если преобладалъ въ направленіи фатализмъ, то принудительное обращеніе дѣлалось безполезнымъ,—къ чему трудиться, разъ число вѣрныхъ и невѣрныхъ отъ вѣка опредѣлено Богомъ? Когда исламъ былъ силенъ, и у исповѣдывающихъ его мировоззрѣніе было менѣе унылое, обращенія становились болѣе энергичными. Но было бы ошибкой считать эти обращенія всецѣло дѣломъ религіи, чаще это было, какъ мы уже говорили, дѣломъ политики, и, какъ это ни странно, наиболѣе интенсивное распространеніе исламизма совпадаетъ съ тѣми періодами, когда во главѣ религіи стояли лица, при самой мягкой оцѣнкѣ заслуживающія названія дурныхъ мусульманъ.

Что касается мирной пропаганды, то она существовала въ исламѣ всегда. Вполнѣ возможно, «что публичность поклоненія, соединенная съ простотой мусульманской теологіи, оказала существенную услугу распространенію вѣры Пророка и сдѣлала ненужнымъ установленіе спеціальной миссіонерской организаціи. Вѣдь каждый хорошій мусульманинъ въ нѣкоторомъ смыслѣ является миссіонеромъ. Христіанскіе купцы не много сдѣлали для распространенія христіанства въ различныхъ странахъ, которыя они открыли и использовали, а арабскіе купцы пріобрѣли для ислама нѣкоторыя изъ самыхъ лучшихъ его провинцій». [1]). Какъ мы знаемъ, своему быстрому распространенію исламъ нашелъ помощь не въ одной мирной пропагандѣ. Одинъ мусульманскій авторъ говоритъ:

«Всякая религія, въ извѣстной стадіи своего развитія, бывала наступательной. То же самое было и въ случаѣ ислама; но то, что онъ когда либо призывалъ къ прозелитизму силою, или что онъ былъ болѣе наступательнымъ, чѣмъ другія религіи,—

[1]) Haines. Islam as a missionary religion. p. 134.

это должно быть совершенно отринуто. Исламъ схватилъ мечъ для самозащиты и держалъ его въ самозащитѣ, что и всегда онъ будетъ дѣлать. Никто, основательно знакомый съ церковной исторіей, не можетъ отрицать, что христіанская церковь, когда она считаетъ себя самой непогрѣшимой, пролила болѣе невинной крови, чѣмъ какое-либо другое установленіе, когда-либо существовавшее въ человѣчествѣ». 1.

Въ этихъ словахъ, къ сожалѣнію, есть много горькой правды, но она касается отрицательной стороны христіанства, ничуть не оправдывая аналогичныхъ явленій въ исламѣ. Безпристрастная оцѣнка этихъ явленій должна показать намъ, что зло въ христіанствѣ было извращеніемъ заповѣдей Христа, зло же въ мусульманствѣ являлось прямымъ слѣдствіемъ проповѣди Мухаммеда. Такъ что, если исламъ обязанъ своимъ быстрымъ развитіемъ убѣжденію и силѣ, то первенствующая роль безусловно должна быть признана за силой, употребленіе которой всегда было отличительной чертой ислама.

Исламизмъ процвѣталъ, когда правители помнили правило, что—въ единеніи сила. Къ несчастію для нихъ, правило это часто забывалось, и можно только мысленно представить себѣ, какова бы оказалась занятая мусульманами площадь земной поверхности, если бы съ самаго начала они не стали ослаблять себя династическими войнами и междоусобіями; если бы, овладѣвъ Испаніей, они забыли о политическихъ интригахъ и личныхъ счетахъ; если бы, во время крестовыхъ походовъ они объединились вмѣсто того, чтобы въ союзѣ съ крестоносцами пожирать и давить другъ друга; если бы, наконецъ, они забыли всѣ религіозные споры, часто совершенно искусственные, и помнили одинъ Коранъ! Какая могучая сила представилась бы тогда нашимъ взорамъ!

Вставъ въ постоянное соприкосновеніе съ христіанскими народами Европы, мусульмане незамѣтно охладѣли къ религіи, и, къ ужасу истинныхъ правовѣрныхъ, стали кое-что заимствовать и перенимать у европейцевъ, сдѣлали попытки (правда, чисто внѣшнія) реформъ. «Два наиболѣе дѣятельныхъ элемента, которые въ мусульманскихъ странахъ являются противниками соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ реформъ и распространенія современной цивилизаціи, это—улемы и разнообразные дервишскіе ордена... Наиболѣе дѣятельный элементъ въ исламѣ находится теперь именно среди этихъ дервишей, и отъ нихъ то пошла наиболѣе дѣятельная пропаганда, въ особенности въ Африкѣ»... 2). Тѣ бѣдствія, которыя обрушились на ис-

---

1) Ameer Ali. The spirit of islam. p. 179, 180.
2) E. Sell. Essays on islam. pp. 99, 100.

ламъ въ теченіе XIX вѣка, естественно вызвали реакцію: вновь пробудился фанатизмъ, и дервишескіе ордена вновь получили вліяніе лучшихъ дней своей исторіи. Главная цѣль ихъ дѣятельности была направлена къ объединенію всего мусульманскаго міра, насколько это представляется практически возможнымъ. Средства для достиженія этого заключались въ пропагандѣ, ведшейся странствующими дервишами, и поддерживаемой постоянными пунктами пропаганды, какими являются города Капръ, Мекка, Багдадъ, Бухара и нѣкоторые другіе; въ письменной пропагандѣ при помощи книгъ и газетъ; и, наконецъ, въ открытіи большого числа различныхъ школъ, гдѣ заинтересованнымъ правительствомъ въ большинствѣ случаевъ контролируются только назначенные для пособія при преподаваніи учебники, но не самое преподаваніе.

Тенденція панисламизма начинаетъ рѣзко обозначаться только съ прошлаго столѣтія, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что печальное для мусульманскаго міра начало XX вѣка должно сдѣлать проповѣдь болѣе интенсивной «Движеніе, о которомъ много говорилось въ послѣднія десятилѣтія, и на которое, подъ именемъ панисламизма, привыкли смотрѣть то какъ на опасность, то какъ на призракъ, пробудило въ мухаммеданскихъ кругахъ мысль сгладить сектантскія различія въ пользу единообразнаго объединенія. Въ сторонѣ отъ панисламистскихъ тенденцій, скорѣе благодаря современнымъ культурнымъ стремленіямъ, такія мысли объ объединеніи возникли въ русско-исламистской области, гдѣ въ послѣднее время проявляется много признаковъ здороваго процесса въ средѣ мусульманскаго населенія» [1]). Цитируемый авторъ видитъ признаки этого здороваго процесса въ совмѣстномъ посѣщеніи суннитами и шіитами однѣхъ мечетей, въ примѣненіи и въ школахъ одного и того же учебника для обученія дѣтей суннитовъ и шіитовъ. Онъ заканчиваетъ свою мысль такъ: «но это только отдѣльные признаки, и, имѣя въ виду другія явленія, приходится еще сомнѣваться, захватитъ ли это новое настроеніе и болѣе широкіе круги мусульманъ». Въ этомъ то и вопросъ, и рѣшенія его представляются въ самомъ разнообразномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, которыя позволили бы намъ разсматривать панисламизмъ, какъ только объединяющее культурное движеніе, хотя это послѣднее обстоятельство главнымъ образомъ усиленно и подчеркивается. Но оставимъ предположенія и послушаемъ, что говоритъ Шейхъ Абдулъ Хаккъ, «членъ святой панисламистской лиги», изъ Багдада.

---

[1]) Гольдціэръ. Лекціи объ исламѣ. Прил. статья Вамбери, стр. 271, 272,

«Ненависть ислама къ Европѣ непримирима. Послѣ вѣковъ усилій, употребленныхъ на то, чтобы примирить насъ, единственный результатъ въ наши дни тотъ, что мы васъ ненавидимъ болѣе, чѣмъ въ любую эпоху нашей исторіи.

«Для насъ въ мірѣ есть только *вѣрующіе* и *невѣрные;* любовь, милосердіе, братство-рѣрующимъ, презрѣніе, отвращеніе, ненависть и вражда—для вторыхъ.

«Среди невѣрныхъ самые ненавистные и самые преступные тѣ, которые, признавая Бога, создаютъ Ему земное родство, даютъ Ему сына, мать...

«Христіанинъ, какое бы положеніе онъ ни занималъ, уже въ силу одного того факта, что онъ христіанинъ, является въ нашихъ глазахъ слѣпцомъ, утратившимъ всякое человѣческое достоинство. Говорить съ нимъ было бы униженіемъ для нашего разума и оскорбленіе величія Владыки вселенной.

«Наше отвращеніе ко всякому анти-мусульманскому культу пріобрѣтаетъ исключительную силу по отношенію къ христіанской Европѣ. Другіе невѣрные рѣдко нападали на насъ. Но христіане во всѣ времена являлись самыми непримиримыми нашими врагами.

«Мы знаемъ теперь, что насъ триста милліоновъ. Передъ христіанской опасностью мы уничтожаемъ наши сектанскія ссоры. Исламическое единство подымается съ одного конца міра до другого, и таинственное дуновеніе двигаетъ насъ къ нашей святой судьбѣ.. Нашъ долгъ хорошо умереть, и—по тринадцати вѣкамъ исторіи—міръ знаетъ, какъ мы умѣемъ умирать

«Наши младотурки, наши бабиды, наши новыя братства, всѣ наши секты подъ различными формами—одушевлены одною и тою же мыслью, одною и тою же необходимостью двигаться впередъ.

«Триста милліоновъ, объединенные одною связью, ведутся перстомъ Провидѣнія къ одной и той же цѣли Цѣль возвышенная, широкая цивилизація, нейтральная, свѣтская, всемірная, такая, какою намъ ее приказываютъ Богъ, и такая, какой отъ васъ требуетъ міръ всего міра» [1]).

Надъ этими словами нельзя не задуматься, и, если бы они въ полной мѣрѣ отражали дѣйствительность, они были бы грозными. На самомъ дѣлѣ, далеко не всѣ триста милліоновъ (до этой цифры еще не хватаетъ какъ разъ пятой части этого количества) объединены, ни даже способны объединиться въ подобной идеѣ. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ словахъ дается извѣстная оцѣнка панисламистскаго движенія, которое оказывает-

---

[1]). Revue. 1902 Mars. Le dernier mot de l'islam à l'Europe.

ся далеко не призракомъ. Но какъ далека эта оцѣнка отъ оцѣнки одного государственнаго дѣятеля

«Панисламизмъ почти неизбѣжно влечетъ за собою попытку возродить исламъ, другими словами—оживить и стереотипизировать въ XX вѣкѣ принципы, установленные раньше, болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ, для направленія первобытной общины. Эти принципы заключаютъ въ себѣ признаніе рабства, законы, устанавливающіе отношеніе между полами, что не примиряется съ современными идеями; и что, можетъ быть, еще важнѣе всего, эта кристаллизація гражданскаго, уголовнаго и каноническаго права въ одно неизмѣняемое цѣлое, что такъ сильно способствовало задержанію прогресса тѣхъ странъ. населеніе которыхъ приняло исламъ» [1]).

Оставимъ вопросъ, которая изъ этихъ оцѣнокъ является болѣе правильной,—мы не можемъ не признать факта, что движеніе, призывающее къ единенію всѣхъ муеульманъ, существуетъ, и что подобныя идеи закидываются даже въ среду такихъ безобидныхъ, въ смыслѣ фанатизма, мусульманъ, какъ наши киргизы. Теперь это движеніе должно неизбѣжно принять болѣе рѣзкую форму, такъ какъ переживаемое нами теперь время, настоящая война Турціи съ балканскими народностями—историческій моментъ громадной важности для будущей исторіи исламизма. Эта война не только политическая, результатомъ которой можетъ быть болѣе или менѣе значительное уменьшеніе государственной территоріи. можетъ быть, это—борьба за дальнѣйшее существованіе халифата—царствующаго дома Османовъ, —который теоретически является связующимъ звеномъ для значительнаго числа мусульманъ, далеко не такъ прочно, какъ нѣкоторые то полагаютъ. Если только появится удачный соперникъ, благопріятствуемый обстоятельствами, то халифъ можетъ быть смѣщенъ законнымъ образомъ. «Пока единственное право Константинополя—вести исламъ есть право меча. Пока существуетъ оттоманская имперія, и не появится противный халифъ, до тѣхъ поръ султанъ будетъ признаннымъ главой религіи; но ни дня дольше. Въ рукахъ чуждаго корайшитамъ человѣка, халифатъ постоянно долженъ быть поддерживаемъ оружіемъ». [2]). Всякій мало мальски существенный успѣхъ новаго претендента совершенно измѣнитъ положеніе дѣла: и совершенно такимъ же образомъ, какъ получили власть, потомки Османа должны будутъ и передать ее. Серьезныхъ попытокъ въ подобномъ родѣ до сихъ поръ еще не было, но идея эта постоянно жила, и проявленіе ея мы видимъ въ непрекращающихся арабскихъ мя-

[1]). Изъ рапорта Лорда Кромера въ 1906 году.

[2]). Blunt. The future of islam. p. 93.

тежахъ. Пока султанъ былъ силенъ—собственною силою и слабостью ссорящихся между собою европейскихъ державъ,—онъ могъ бравировать опасностью. Но ослабѣвшему и ослабленному султану придется совершенно исчезнуть съ горизонта политической славы и былого величія, такъ какъ гдѣ онъ можетъ найти сильную партію для своей поддержки? Значительная масса мусульманъ смотритъ на османскій халифатъ далеко не благожелательнымъ окомъ Но опасность для халифата заключается не единственно въ возможности движенія среди мусульманскаго міра. Вопросъ можетъ быть выдвинутъ на сцену, какъ къ тому теперь клонится дѣло, въ случаѣ войны Турціи съ какою-либо изъ европейскихъ державъ или съ коалиціею сосѣдей. Разсчетъ долженъ наступить съ паденіемъ Константинополя. Константинополь все равно рано или поздно долженъ выйти изъ рукъ мусульманъ, такъ какъ преданія говорятъ, что Константинополь будетъ взятъ у грековъ; что побѣда будетъ не легкая, и только крикъ «нѣтъ бога кромѣ Бога» отдастъ городъ въ руки мусульманъ. Это произойдетъ какъ разъ въ моментъ пришествія на землю антихриста, и мусульмане будетъ не въ состояніи воспользоваться плодами своей побѣды, такъ какъ будутъ принуждены возвратиться обратно. Такимъ образомъ, гибель Константинополя предсказана, и мусульмане должны вѣрить этому, —въ событіи для нихъ не можетъ быть неожиданности, но сохранить городъ возможно дольше въ своихъ рукахъ во всякомъ случаѣ не мало зависѣло отъ ихъ умѣнья и желанія.

Если Константинополь будетъ взятъ, не будемъ гадать — кѣмъ, то престолъ халифата будетъ перенесенъ въ Азію или Африку. Какой городъ будетъ избранъ столицей халифата, столицей ислама-Багдадъ, Дамаскъ, Мекка, Каиръ? Этого никто не знаетъ и не можетъ сказать, такъ какъ всѣ эти города могутъ заявить свои права на избраніе ихъ столицею: всѣ они являлись уже въ этой роли. Съ большей или меньшей степенью вѣроятности можно предполагать, что, гдѣ бы ни утвердился въ концѣ концовъ халифатъ, халифъ уже едва ли будетъ изъ дома Османа. Право этого дома на халифатъ— не оспариваемое открыто до поры до времени, но оспоримое—поддерживается почти исключительно политическимъ вліяніемъ, и съ потерею этого вліянія, можно думать, будетъ утрачено и самое право. Въ поддержаніе этого предположенія исторія указываетъ намъ ясный примѣръ. «Въ слѣдующій за несчастной русской войной годъ, когда Константинополь уже былъ, казалось, на шагъ отъ гибели, арабы начали открыто говорить объ избраніи Аль Хусайна ибнъ-Ауна халифомъ на мѣсто султана». [1]). Кандидатъ этотъ

[1]) Blunt The future of islam p 132.

пользовался громаднымъ вліяніемъ въ извѣстной части мусульманскаго міра и справедливо возбуждалъ въ Константинополѣ серьозныя опасенія. Онъ палъ подъ рукою убійцы въ Джеддѣ, при возвращеніи изъ Мекки. Убійца не открылъ своего имени, но ни для кого не составляло тайны, что убійство было политическимъ.

Перенесется ли столица халифата въ Мекку или Медину, дастъ ли это мусульманскому міру надежду на возобновленіе праведной жизни первыхъ халифовъ? Или халифъ будетъ возсѣдать на престолѣ въ Дамаскѣ, стѣны котораго были пріютомъ для омаіядовъ? Возобновится ли періодъ аббасидовъ, если столицею будетъ избранъ славный въ исторіи Багдадъ, бывшій когда то однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ городовъ міра? Или, пребывая въ Каирѣ, халифъ будетъ низведенъ въ своей роли до шейхъ-уль-ислама, отдавъ свою политическую силу и власть тому, кто сумѣетъ ее взять? Не свершится ли нѣчто непредусмотрѣнное до сего времени, и не будетъ ли столицею халифата совершенно новая страна, какъ Индія или Средняя Азія? Вопросы, на которые пока нѣтъ отвѣтовъ, но на которые жизнь, можетъ быть, заставитъ приготовить отвѣтъ уже въ скоромъ времени.

«Перенесеніе резиденціи духовной власти изъ Константинополя въ Мекку было бы легкимъ и естественнымъ, и едва ли бы оно смутило существующія идеи простонародья, между тѣмъ какъ со всѣми традиціями ученыхъ это было бы въ полной гармоніи» [1]). Политическія обстоятельства настолько измѣнились теперь противъ первыхъ вѣковъ ислама, что благопріятными тогда—въ смыслѣ объединенія исламизма и установленія единой религіи—войны съ сектантами въ настоящее время сдѣлались положительно губительными, и единственное спасеніе ислама можетъ быть только въ его объединеніи. Однимъ изъ центровъ объединенія всегда была Мекка. И теперь, при перенесеніи халифата въ Мекку, осуществленіе подобнаго объединенія представляется до нѣкоторой степени возможнымъ, такъ какъ это будетъ отчасти возстановленіемъ арабскаго халифата. «Должно припомнить, что Аравія простирается отъ Марокко до Бушира... Халифатъ корайшитовъ въ Меккѣ значительно способствовалъ бы примиренію схизматиковъ, ибадитовъ и шіитовъ, съ ортодоксалистами... Для шіитовъ въ особенности потомокъ Али могъ бы быть только желательнымъ; что же касается арабовъ Омана и Іемена, то для нихъ халифъ изъ корайшитовъ все же былъ бы менѣе противенъ, чѣмъ халифъ изъ рода Османа. Уже за послѣдніе годы замѣчались симптомы меньшаго раздраженія

[1]) Idem. v. I. p. 128.

между этими схизматиками и ихъ старыми врагами-суннитами; и такая перемѣна въ условіяхъ халифата понятнымъ образомъ могла бы привести къ полному примиренію партій. Уже мусульмане болѣе не въ состояніи воевать другъ съ другомъ, какъ въ былыя времена, и я знаю, что объединеніе сектъ есть мечта выдающихся мыслителей»...[1]).

Конецъ оттоманскаго халифата есть только вопросъ времени, и различныя обстоятельства, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни учесть, могутъ или ускорить или отсрочить этотъ конецъ. «Исламъ, если онъ полагается только на мечъ, отъ меча въ концѣ концовъ долженъ и погибнуть, такъ какъ его силы, какъ ни велики онѣ, лишены физической связи, будучи широко раскинуты на поверхности трехъ материковъ и раздѣлены непроходимыми пространствами морей и пустынь» [2]). И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни правильна теоретически эта мысль, не должно забывать, что время гибели ислама вѣроятно еще очень и очень далеко, а пока «исламъ все еще огромная сила, полная самоподдерживающейся жизненности, съ избыткомъ для наступленія, и столкновеніе съ его соединенными энергіями было бы смертоносно»[3]).

Передъ мусульманскимъ міромъ становится дилемма, отъ разрѣшенія который зависитъ если не все, то очень многое въ будущемъ исламизма. Давно уже у мусульманъ чувствовалась неудовлетворенность своею религіей въ томъ видѣ, какъ ее сфабриковали улемы, внеся въ доктрины религіи много искаженій вслѣдствіе побужденій фанатизма и благочестиваго невѣжества. Протестомъ противъ такой религіи были неоднократныя попытки реформъ, отчасти мертворожденныхъ и исчезнувшихъ раньше принесенія плодовъ, отчасти неудовлетворительныхъ и выродившихся въ ереси на фонѣ того же ислама. Мы ознакомились съ ученіемъ суфи, съ возникновеніемъ и исторіей бабизма, съ новыми вѣяніями среди индійскихъ мусульманъ. Это все проявленія той скрытой силы, которая ищетъ себѣ выхода.

«Проповѣдники новаго ислама въ Индіи и націоналисты въ Египтѣ пытаются отойти отъ Мухаммеда и раннихъ образцовъ арабской цивилизаціи; они отбрасываютъ большую часть преданій и дѣлаютъ раціонализмъ основаніемъ своей вѣры. По ихъ мнѣнію, Мухаммедъ не былъ ни непороченъ, ни непогрѣшимъ. Ихъ идеи и ихъ идеалы на противоположномъ полюсѣ ортодоксальнаго ислама, Современный исламъ долженъ встрѣтиться съ новымъ кризисомъ въ своей исторіи. Расчлененіе цѣ-

---

[1]) Blunt. The future of islam p. 139.
[2]) Idem. p. 132.
[3]) Palgrave. Essays on easern questions p. 127.

лой системы быстро слѣдуетъ, и результатомъ этого можетъ быть, и уже есть, появленіе новыхъ сектъ или попытка омолодить систему при помощи оставленія многаго изъ того, что до сихъ поръ все еще считалось существенно основнымъ» [1]).

Трудность дилеммы заключается въ томъ, что безъ реформы мусульмане объединиться не могутъ, а попытки реформъ, въ свою очередь, приводятъ лишь къ новому дробленію. Потребность реформъ чувствуется и сознается самими мусульманами, т. е. просвѣщеннѣйшими изъ нихъ. Вотъ что говоритъ въ своихъ «Путевыхъ замѣткахъ» татаринъ Мухаммедъ Фати·

«Руководящіе нашимъ народомъ духовные ученые и выходящіе изъ ихъ школы съ ложными идеями ученики, а также и низшіе слои народа въ общемъ всегда были открытыми противниками прессы и современной литературы, которую они называютъ лживой, безполезной и преступной. Они не только сами не хотятъ ею заниматься, но запрещаютъ это и другимъ. Случалось даже, что тѣхъ немногихъ учениковъ, которые читали газеты, исключали изъ школъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они совращаютъ остальныхъ. Муллы уважаютъ и чтутъ только то, что перешло къ нимъ изъ старины, и всякая реформа осуждена ими заранѣе. Учительствуя всю свою жизнь въ школахъ, гдѣ ученики остаются на школьной скамьѣ по 20 и 30 лѣтъ, и учителя и ученики никогда не были въ сущности въ состояніи понять, чему они учатъ, какъ и зачѣмъ они учатся, такъ какъ преподаваніе велось безъ всякой системы; какъ бѣлка въ колесѣ, они вѣчно стоятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ продолженіи 20 лѣтъ занимаются вопросами въ родѣ способа обтиранія и осушенія извѣстныхъ частей тѣла послѣ совершеннаго омовенія, не добившись даже въ этой области положительнаго знанія и не умѣя дать рѣшительнаго отвѣта даже и на эти вопросы. Религія, принциповъ и основныхъ мыслей которой послѣдователи ея не въ состояніи охватить, падаетъ съ каждымъ днемъ, и, такъ какъ народъ не идетъ впередъ сообразно законамъ природы и духу времени, то существованіе націи дѣлается все труднѣе и труднѣе. Если такъ будетъ итти дальше, и если застывшую въ жилахъ кровь нельзя будетъ согрѣть и привести въ движеніе огнемъ и свѣтомъ цивилизаціи и просвѣщенія, то очевидно, что наша національность осуждена на неизбѣжную гибель» [2]).

Это сказано правильно и сильно. И выраженій подобныхъ мыслей у мусульманскихъ авторовъ разныхъ странъ и народностей можно привести очень много. Но, въ громадномъ большин-

---

[1]) The Moslem World 1911 p. 424.

[2]) Лекціи объ исламѣ. Статья Вамбери, стр. 286, 287

ствѣ случаевъ, это—почти что гласъ вопіющаго въ пустынѣ, въ массу эти идеи еще не могутъ проникнуть, а проводимыя насильно—не прививаются: для взрослаго человѣка никогда не поздно научиться чему-нибудь, но уже поздно получать воспитаніе. Надежныхъ реформъ мусульмане могутъ ждать только тогда, когда у нихъ будетъ семья, когда у ихъ дѣтей будетъ мать-воспитательница. Голоса объ улучшеніи участи мусульманской женщины начали раздаваться за послѣднее время все настойчивѣе, но высказываемыя пожеланія нельзя принимать за дѣйствительность, слишкомъ далекую отъ нихъ. Чтобы сама жизнь осуществила хоть часть этихъ пожеланій, нужны годы и долгіе годы, нужна ломка всего уклада мусульманской жизни, совершенное отверженіе того, что до послѣдняго времени считалось чуть ли не каноническимъ установленіемъ. А пока матерями бываютъ 10—12 лѣтнія дѣвочки, трудно думать, что имъ можетъ быть по силамъ задача воспитанія будущихъ гражданъ.

Если Коранъ, говоритъ Череванскій, останется и въ будущемъ единственнымъ руководствомъ въ мірѣ ислама, никто не долженъ питать надежду на пробужденіе этого міра на почвѣ культуры и на сердечное согласіе его съ міромъ христіанства. Только истинная наука можетъ разрушить средостѣніе между этими мірами, а проведеніе истинной науки въ жизнь не только государственное право, но и прямая обязанность государственной власти [1]).

Каково же будущее исламизма? Исторія заставляетъ насъ признать, что, несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, непосредственной серьозной угрозы для существованія исламизма нѣтъ: можетъ быть, перемѣнится халифатъ, и исламъ отольется въ новыя формы, но религія будетъ существовать еще долгіе и долгіе годы, какъ существовала до сего времени.

Развитіе исламизма, все еще продолжающееся, хотя бы въ силу инерціи только, можетъ прекратиться только тогда, когда на землѣ совершенно не останется язычниковъ, для которыхъ исламъ является истиннымъ словомъ, какъ и христіанство, но болѣе доступнымъ и понятнымъ, чѣмъ это послѣднее.

Частичныя реформы, которыя необходимы для всѣхъ и для всего въ силу естественнаго развитія жизни, и которыя въ будущемъ станутъ проводиться болѣе цѣлесообразнымъ образомъ, будутъ способствовать до извѣстной степени жизненности исламизма. Во всякомъ случаѣ онѣ замедлятъ его угасаніе, если такова его судьба.

И, если исламизму суждено исчезнуть, то, надо полагать, что это время еще очень далеко, и никакая человѣческая пре-

---

[1]) Вл. Череванскій. Міръ ислама, т. II. стр. 255.

дусмотрительность и проницательность не въ состояніи указать траурную дату.

«Можетъ быть, когда-нибудь наступитъ время, въ которое исчезнутъ всѣ догматическія системы, всѣ сектантскія разногласія сгладятся передъ коммунизмомъ человѣчества и единствомъ божественнаго велѣнія; но до тѣхъ поръ, пока дѣти одного Отца будутъ призывать этого отца различными именами, и ученики одного Учителя каждый по своему будутъ повторять его урокъ, мы можемъ съ достаточно увѣренностью сказать, что у Аллаха Аравіи не будетъ недостатка въ поклонникахъ, и у корана его пророка—недостатка въ читающихъ, почитающихъ и слѣдующихъ»[1]).

---

[1]) Palgrave. Essays on eastern questions. p. 110.

Конецъ четвертаго тома.

УКАЗАТЕЛЬ

имен̀ъ и содержанія четвертаго тома.

УКАЗАТЕЛЬ.

Ааронъ 50, 229.
аббасиды, 8, 13, 42, 62, 70, 72, 81, 82, 91, 97, 103, 104, 232, 234, 259.
Аббасъ, 67, 82.
Аббасъ Великій, 37.
Аббасъ Кули Ханъ Лариджани, 317—324.
Аббасъ-Эффенди, 356, 357, 363, 406.
абвабъ, 95.
Абдалъ, 232.
абдалъ, 164.
Абдулъ Керимъ ибнъ Аджрафъ, 59.
Абдулла Абу Джафаръ аль Мансуръ, 104.
Абдулла Абуль Аббасъ, 62, 104.
Абдулла ибнъ Аббасъ, 56.
Абдулла ибнъ Ибадъ, 59.
Абдулла ибнъ Маймунъ, 85—87, 229, 231—234.
Абдулла аль Махджубъ, 222.
Абдулла ибнъ Саадъ, 53.
Абдулла бинъ Саба, 102.
Абдулла ибнъ Саудъ, 276.
Абдулла бинъ Хасанъ ас-Сувайди, 47.
Абдулла бинъ Файзуль, 276, 277.
Абдулла ибнъ Ясинъ, 26.
Абдулъ Азизъ, 208, 356.
Абдулъ Бэха, 378.
Абдулъ Вахабъ, 269.
Абдулъ Вахабъ аль Гаури, 211.
Абдулъ Гамидъ, 159, 175, 176, 192, 199, 207, 208, 209.
Абдулъ Кадыръ аль Джилани, 169—174, 176, 210.
Абдулъ Маликъ ибнъ Марванъ, 110.
Абдулъ Муминъ, 28.
Абдурахманъ ибнъ Оуфъ, 49, 76, 212.
Абдурраширъ Нафэ ибнъ Азракъ, 269.
абидъ, 145.
абстрактная душа, 18, 20.
Абу Абдулла Мухаммедъ, 248, 249.
Абу Али Мухаммедъ Абдулъ Вахабъ аль Джубаи, 122, 125.
Абу Амръ Усманъ ибнъ Сандъ 95.
Абу Бакръ, 49—52, 67, 72, 73, 81, 82, 94, 101, 163, 166, 167, 181, 212, 248, 258, 270.
Абу Даудъ, 278.
Абу Джафаръ, 91.
Абу Джафаръ аль Искафи, 120.
Абу Джафаръ Мухаммедъ ибнъ Усманъ, 95, 100, 337.
Абу Дзарръ, 113.
Абу Захаръ, 89.
Абу Лахабъ, 258.
Абуль Касымъ, 337.
Абуль Хайръ Салама, 248.
Абуль Хасанъ Али ибнъ Мухаммедъ Самари, 95, 337.
Абуль Хасанъ Муса аль Казем

85, 90, 248.
Абуль Фэда, 92.
Абуль Хасанъ, 176.
Абуль Худа, 175.
Абуль Худайль аль Басри, 115, 121, 123.
Абу Мадіанъ аль Андалузи, 176.
Абу Марванъ Димашки, 109, 110.
Абу Муса, 57.
Абу Муса бинъ Сахибъ аль Маздаръ, 122.
Абу Муслимъ, 104, 259, 411.
Абу Мухаммедъ Абдулла, 86.
Абу Мухаммедъ аль Ашари, 57.
Абу Мухаммедъ аль Хасанъ ибнъ Аскари, 96.
Абу Рашидъ Нафэ ибнъ Азракъ, 58.
Абу Саидъ бинъ Абуль Хайръ, 132.
Абу Сальма, 104.
Абу Умаръ Усманъ ибнъ Саидъ, 337.
Абу Талибъ аль Мекки, 132.
Абу Ханифа, 8, 40—43, 90, 271.
Абу Хасанъ аль Шаделп, 176.
Абу Хашимъ Абд-ас-саламъ, 130.
Абу Юсуфъ, 42.
Абу Юсуфъ аль Календари, 186.
Абу Язидъ аль Бистами, 139, 169, 180.
аватаръ, 288.
Авваль минъ аминъ, 300.
Августинъ блаж., 141.
Авель, 242, 256.
Авенпэсъ, 28.
Аверроэсъ, 32, 38.
Авиценна, 18.
Авраамъ, 85, 149, 229, 242, 259, 267, 344, 363, 369, 376, 385, 394.
автадъ, 164.
Ага Мухаммедъ Махди, 305.
Ага Расуль, 323.
Ага Саидъ Али, 289
Ага Саидъ Риза, 317
Ага Саидъ Яхья, 291.
Ага Ханъ, 245, 262, 263, 265.
аглабиты, 234.
Агра, 185.
Адамъ, 85, 119, 140, 229, 235, 249, 250, 259, 342, 369, 390, 393
аджардія, 59.
Адріанополь, 332, 354, 356
Адъ, 92.
Адъ, 110, 111, 117, 121, 122. 124, 148, 227, 251, 264, 265, 345, 396, 397.
аждахоры, 265.
азарпка, 58, 59, 269.
азартная игра 407.
Азербейджанъ, 90.
Азія, 85, 97, 157, 158, 180, 183, 184, 186, 197, 206, 217, 374, 412.
Айна, 270.
Айнъ Махи, 191.
айсава, 174, 177, 182, 197, 205, 206, 217.
Айша, 56, 281, 285.
Айша бинтъ Джафаръ ас-Садыкъ, 131.
акарія, 177.
акбарія, 169.
Акбаръ, 37.
Акбаръ Мухиддинъ бинъ Араби, 169.
Акика, 36.
аккалъ, 250.
Акра, 241, 332, 355, 256, 364, 388, 399.
Акрамъ, 236.
аламутиты, 243.
Аламутъ, 17, 239, 243, 245.
Ала уд динъ Мухаммедъ, 244, 245.

Албанія, 413.
Алеппо, 15.
Александръ Великій, 6.
Алжиръ, 167, 169, 171, 177, 178, 189—193, 307, 415.
Али, 7, 27, 36, 47, 49—61, 64, 67, 71, 75, 76, 81—84, 89. 90, 96, 101—103, 105, 127, 134, 163, 192, 212, 229, 231, 235, 236, 241, 245, 248, 251, 253, 256—258, 261, 266, 268, 283, 290, 296, 338, 340, 341, 361, 362, 370, 371, 411, 423.
Али 2-й, 90.
Али (альмохадъ), 27.
али-илахія, 90, 248, 260.
Али ар Риза, 91, 262, 334.
Али шейхъ, 100.
Али бинъ Сэнуси. 194.
Али Мухаммедъ ибнъ Хусаинъ, 96.
Али IV Наки, 91.
Али Ханъ, 310.
Али ибнъ Хусайнъ, 62 69.
Али бинъ Якубъ аль Муршиди ас-Саиди, 179.
алиды, 27, 41, 47, 58, 64, 96, 97, 104, 110.
алламъ, 161.
Аллахъ, 11, 31, 427.
алхимія, 9.
аль Араби, 32
Аль Асвари, 120.
альванія, 168.
Альванъ абу Хашимъ, 168.
Аль Истатъ, 196.
Аль Каби, 120.
Аль Кинди, 12, 14, 15.
Аль Мамунъ, 9, 12, 13, 43, 116.
Аль Мансуръ, 9, 115.
альмасти, 265.
Аль Махди, 12.
альморавиды, 26, 28, 29. 32.
альмохады, 26.
Альпъ Арсланъ, 154.
Аль Хади, 12.
Америка, 347.
Амиръ Али, 89, 127.
Амоль, 321, 330, 371.
Амру ибнъ Бахръ аль Джахизъ, 123.
Амру ибнъ Обэйда. 114, 115.
Аму-Дарья, 261.
амулетъ, 161, 190, 274.
ананія, 175.
Анакреонъ, 143.
Анасъ ибнъ Маликъ, 163, 212.
ангелы, 102, 145, 147, 251, 257, 259, 265, 279, 285, 338.
англичане, 223, 245, 279.
Англія. 199.
Андалузія, 28, 30, 32.
ансарія, 255, 256.
антропоморфизмъ, 27, 45, 89, 112, 114, 224, 275.
апокалипсисъ, 383.
апостолъ, 377, 384, 389, 395.
Араби паша, 198, 205.
арабы, 3—5, 9, 64. 97, 108, 129, 193, 198, 269, 410, 412, 413, 421—423.
Аравія, 12, 89, 107, 108, 149, 159, 167, 168, 170, 175, 177, 186, 193, 197, 415, 200, 201, 220, 223, 268, 270, 271, 273, 274, 277, 383, 423.
Арафъ, 117, 251.
арбія, 169.
Аримъ, 315.
Аристотель, 5, 9, 13, 15, 16, 19, 24, 33, 37, 107, 108.
Артаксеркъ, 365, 366.
артиллерія, 322.
аруджъ, 135, 140.
арусія, 177.
архитектура, 285.
Асадъ Улла, 90.
Асаль. 31, 32.

асасины, 17, 238, 242, 245.
асасъ, 238, 248, 250, 252, 256.
аскетизмъ, 20, 22, 30, 189.
аскетъ, 129, 201.
асна-ашарія, 84, 90, 99
Астарта, 212.
астрологія, 281, 283.
астрономія, 9.
асхабъ, 161.
Ата бинъ Ясаръ, 109.
атеизмъ, 23, 255.
Атласъ, 190.
атомисты, 23, 24.
атомъ, 23, 24.
Аттаръ, 130, 153.
аттрибутъ, 10, 25, 36, 102, 106, 112—115, 121—124, 136, 139, 147, 203, 246, 338, 339, 389.
Афганистанъ, 185, 186, 245, 277, 411, 415.
афганцы, 411.
Африка, 26, 27, 29, 35, 85, 86, 92, 149, 157, 158, 170, 174, 176, 186, 191, 194, 196, 197, 199, 200, 201, 205, 206, 209, 212, 217, 231, 232, 412—414, 418, 423
ахбари, 99, 100.
Ахвазъ, 231.
ахмадія, 287.
Ахмадъ аль Бакаи, 189.
Ахмадъ бинъ Идрисъ, 192.
Ахмадъ бинъ Мухтаръ ат-Тиджани, 190
Ахмадъ ар-Рифаи, 174, 175.
Ахмадъ ибнъ Ханбъ, 123, 124.
Ашари (Абуль Хасанъ аль), 13, 14, 65, 113, 125, 126.
Ашура, 62.
Аш Шафи, 131.
Аш Шибли, 139

Баберъ, 185.
бабиды, 289—336, 341, 346, 347, 351, 353, 355, 358, 359, 420.
бабизмъ, 102, 229, 336—350. 353, 424.
бабъ, 256, 257, 337, 340.
Бабъ, 132, 289—311, 314, 317, 325, 329—332, 335—347, 350, 351, 353, 355, 361, 362, 364, 366—369, 374, 375, 382—386, 391, 394, 400, 405.
Бабъ-уль-бабъ, 300, 317, 318.
Багдадъ, 82, 107, 116, 149, 170, 171, 173, 210, 217, 268, 270, 276, 313, 351, 352, 353, 419, 422, 423.
Багирми, 412.
бадавія, 174, 210—216.
бадавія-ахмадія, 213.
Бадръ, 273.
Байрамъ Ага, 208.
Бакара, 297.
баккайя, 177, 189.
бакрія, 201.
Балканскій пол. 413.
Балхъ, 152, 153, 184, 411.
Барзахъ, 345.
Барка, 196.
Аль Баркаи, 259.
Барфурушъ, 315, 318, 324, 361.
Басра, 67. 217, 268, 270.
батинія, 86, 181, 182, 225, 235, 253, 258.
бахадурани, 330.
Баха уд динъ Валадъ, 153.
Баха уд динъ (Пиръ аль Ходжа Мухаммедъ), 180, 184, 186.
Бахрейнъ, 232.
Бахт-Нассаръ, 92.
Баязидъ (тур. с.) 186.
Бедештъ, 311, 313, 347, 361.
бедуинъ, 272.
безплодіе, 212.
безумный, 120.

Бейрутъ.
бейюмія, 214, 215.
бекташія, 158, 157—189
Белуджистанъ, 415
Бенгалія, 279, 411.
бенгъ, 183.
берберы, 26—28, 32, 190, 215, 211, 222, 268.
Бехаръ, 411.
Бехдже, 358, 360.
Библія, 296, 366, 367, 384
бадъа, 281
би-нава, 169
бисмилля, 89, 290.
Бистами, 132, 149, 150, 180
бистамія, 168
Бистамъ, 311.
бишриты, 120
Бишръ бинъ аль Мутамиръ, 120
Близнецы, 384.
богословіе, 202, 262
Богъ, 7, 18, 20, 24, 25, 36, 83, 95, 96, 102 110, 113 –123, 134, 136, 137, 139, 141—150, 181, 197, 201, 230; 246, 249, 250, 254—256, 158, 259, 369, 275, 281, 283, 337, 340, 345, 363, 369, 385, 389, 408.
болѣзнь 408.
Бомбей, 277.
Боракъ, 92.
Боснія, 413.
бракъ, 258, 346, 370, 404.
браманизмъ, 262.
братство, 345, 420.
брахама, 216
бритье, 408.
Будда, 3.
буддисты, 380
Буджнурдъ, 303, 311.
будущая жизнь, 345.
Бухара, 6, 91, 180, 185, 186, 245, 259, 260, 262, 411, 419.
Бухари, 116, 278, 282
Буширъ, 291, 300, 423
Бушруэ, 302.
бытіе, 135, 137, 138, 145.
Бэйянъ, 329, 337, 341 — 346, 350, 353, 351, 362, 316, 398.
Бэни Омайя 372, 373.
бэстъ, 327
бэханизмъ, 349, 363, 386, 389, 396, 403, 408.
бэханты, 350, 353, 363, 387, 388, 395—399, 403, 404.
Бэха Улла, 311, 313, 314, 329, 330, 332, 340, 345, 346, 350—352, 354, —363, 365 — 369, 375, 379—381, 386, 388—390 393, 394, 400, 101, 406.
Бэширъ ибнъ Саадъ, 67.
бѣдные, 467.
Брюссель, 276.

Вавилонъ, 240.
вагабиты, 59, 166, 194 268—278.
Вадаи, 196, 412.
Ваджхъ уд динъ 266.
вандиты, 111.
вакуфъ, 159, 201, 401.
вали, 164, 165.
Валидъ 53—90.
Валидъ-II-й, 8.
Василь бинъ Ата, 111, 113, 114 117, 122.
Васкесъ, 320.
васль, 140.
Ваханъ, 261.
вахида, 343.
Велайятъ Али, 278.
Великобританія, 415.
Венгрія, 240.
Ветхій завѣтъ, 388.
вино, 88, 142, 155, 225, 239, 257, 286.

вирдъ, 172, 219.
Визавитія, 413.
Водолей. 364.
возмужалость, 398, 400.
вознесеніе. 495.
возрожденіе, 7, 38.
воплощеніе, 206, 256, 258, 343,
воскресеніе, 24, 87. 102, 230, 251, 285, 338, 339, 395.
воспитаніе, 346.
вѣра, 48, 77. 101, 111, 178 252, 288, 336, 348.
Вѣсы, 117, 252. 384.
вэкиль, 161.
вэли, 101.

Гаврінлъ арх., 50, 83. 92, 168. 178.
гаданье, 183.
Гадрамаутъ, 215, 216, 222, 268.
Гадыръ Хумъ, 49.
Газали, 21—27, 29—31, 35, 116, 126, 129, 132, 133, 149, 169.
гайбат-и-кубра, 95.
гайбатъ-и-сагра, 95.
Аль Галибъ, 90.
Галибъ, 273.
Галлія, 412.
галлія, 84, 89, 90, 231.
Гарунъ ар Рашидъ, 12, 42, 91. 148.
гаусъ, 164, 171.
гашишъ. 152.
Гвардафуй. 412.
геджра, 368.
Гератъ, 184.
Германія, 188, 240.
Герцеговина, 413.
Гиндукушъ, 261.
гипнотизмъ, 206.
гифаръ, 212.
глухота. 79.
гностики, 89.
Гогъ, 227.
Годиксъ. 30.
голландцы, 280
Горджинъ Ханъ. 305.
Гостинники, 240.
государство, 30.
грамматика, 6, 44.
грамотность, 348,
греки, 3, 9.
Гренада. 30.
Греція, 5, 9, 38.
Грузія, 413.
грѣхъ, 102, 111. 113, 121—123, 139, 162, 164, 212, 263. 264, 269, 274, 288, 337, 416.
грѣшникъ, 112, 122, 124
гуллатъ. 84.
Гульшан-и-разъ, 143, 144, 146. 148, 156.
гурія, 155.
Гуръ, 411.
Гусн-и-ааземъ, 406

Давидъ, 342, 379.
дан, 226—228, 235, 239, 248, 249.
Дамаскъ, 8, 62, 71. 110, 136, 154, 210, 422, 423.
Данилъ пр., 365—367.
Дара-ибнъ-Шуанбъ, 210.
Даразп, 235, 246.
Дарій, 365.
дарудъ, 187.
Дарфуръ, 413.
Даудъ аз Захири, 44, 45.
дахри, 24.
девятнадцать, 343.
деисты, 24.
Дели, 185, 278—280. 411
День Верблюда, 56.
деньги, 402.
Дерайя, 271.
дераріты, 110.
Дераръ ибнъ Амру, 110

дервишъ, 12, 30, 153, 156—223, 418, 419.
дердирія, 191, 201.
деркава. 177, 207, 208—210.
Джаба, 217.
джабариты, 58. 109, 110, 114.
джабаръ, 109.
Джабулька, 92—95, 337.
Джабульса, 92—95, 337.
джазулія, 177.
Джалаль уд динъ Руми, 130, 136, 144. 108.
Джалаль уд динъ Махли, 146. 151-156
Джалаль уд динъ Хусайнъ 245.
джальватія, 158.
джандалія, 175.
Джарбубъ, 193—196.
Джафаръ бинъ Мубаширъ, 120.
Джафаръ аль Мусаддакъ, 86.
Джафаръ ас Садыкъ, 40, 85, 86, 90, 104, 225, 231, 296, 391.
джахидиты, 123.
джахмиты, 129.
Джахмъ ибнъ Сафванъ, 110.
Джедда, 159, 174, 202, 221
джезбъ, 135.
Дженабъ-и-Азимъ, 291.
Дженаб-и-Тахира, 312
джихадъ, 28, 77, 194, 198, 205, 211, 235, 273, 275, 277, 278, 288, 410, 416.
Джордани. 109.
Джорджисъ бинъ Джебраиль, 9, 107.
Аль Джуббаи, 122, 125,
джуббаиты, 122.
Джунаидъ, 132, 149, 176, 201.
джунаидія, 220.
Джунгарія, 411.
джурудія, 85.
дзу, 265.
Дзунъ Нунъ аль Мисри, 129, 132, 148.
Динъ Мухаммедъ, 326—328.
діалектика, 9.
св. Дмитрій Солунскій. 417
добро, 117, 216, 345.
догматы, 5, 14, 77.
договоръ, 370.
дозэ, 220.
доказательство 365.
Домъ справедливости, 401, 405—407.
Донгола, 222, 223.
Доулэтъ Ханъ, 185.
драконъ, 382, 383.
друзы, 17, 88, 90, 224, 235—237, 245—256.
дуализмъ, 230.
дусукія, 215, 216
духовенство, 64, 294, 303. 304, 310, 311, 317. 318, 330, 338, 370.
душа, 21, 87. 119, 134, 189, 249, 251, 265.
дѣти, 59, 120.
Дѣятельный разумъ, 18, 19, 29—31.

Дэх-и-бази, 319.

Евангеліе, 286, 296, 342, 367, 371, 386, 390.
евреи, 26, 39, 92, 124. 125, 198, 231, 285, 242, 258, 268, 370, 386. 412, 416. 417.
еврейство, 95.
Европа, 5, 38, 157, 158, 186, 197, 200, 239, 287, 347, 379, 412, 413, 418, 420.
Египетъ, 8, 38, 53, 82, 159, 167. 171, 175—178, 187, 193, 196—198, 205, 208—211, 213, 215—217, 233, 239, 273, 472, 412, 415, 424.

египтяне, 273.
единство. 8, 7, 27, 112, 143, 152. 230, 239, 252 253. 269—271, 280, 283, 291, 339, 389.
Ездра, 365, 366.
Елеонская гора 367.
епископъ, 407.
ересь, 4, 9, 24, 35, 47, 77, 89, 106, 125, 129, 157, 159, 164, 187 191, 192, 281.304.
еретикъ. 17, 25, 60, 80, 107.

Жена, 204—206, 227, 346, 399. 400.
жертвоприношеніе. 122 365.
живопись, 285.
жребій, 68—70.

Загробный міръ. 230.
заидія, 84, 85.
Заидъ ибнъ Али, 84, 85.
Заидъ ибнъ Рифаа, 17, 18.
Заидъ ибнъ Сабитъ, 109.
Закавказье 458.
Закаспій, 347.
закетъ, 87, 235, 400, 406.
законовѣдъ, 7, 8, 1, 11.
законъ, 24, 54, 66, 146, 151, 370.
Замбезе, 412.
Занзибаръ, 412.
Западъ, 340.
Заратустра, 3.
зарбъ, 162.
Захарія, 89.
захидія, 213.
Захидъ, 146.
захириты, 45, 181.
звѣзды, 257.
Зейнабъ бинтъ Али, 62.
Зейн-уль-Абидинъ, 62, 84, 90, 97, 203.
землетрясеніе, 251, 365
Зенджанъ, 325, 326, 328·
зикръ, 147, 162, 163, 165, 271—175, 181, 182, 186, 187, 190. 197, 204—206, 221.
зіаратъ, 162.
Зія уд динъ Халидъ, 186.
зло, 114. 115. 117, 118, 122, 216, 345.
злословіе, 407.
знаніе, 33. 295, 296. 298, 340.
Зобаиръ, 56, 75, 76.
Зодіакъ, 253, 385.
зототой телецъ, 247.
Зороастръ, 380.
Зэринъ Таджъ, 311.

Ибадиты, 58, 59, 423.
иблисъ, 248
Ибнъ Аббасъ, 7, 75, 92, 285
Ибнъ Абдулъ Кудусъ ас-Салихъ. 124
Ибнъ аль Шамальгани. 149.
Ибнъ Баджа, 20, 28—30.
Ибнъ Батута, 410
Ибнъ Заръ, 32.
Ибнъ Маджа, 278.
Ибнъ Маликъ, 26, 42—45, 132
Ибнъ Мульджанъ, 90.
Ибнъ Нафаль, 368.
Ибнъ Рошдъ, 20, 28, 32—35
Ибнъ Сина, 18—22, 24, 30
Ибнъ Туфайль, 21, 28, 30—32.
Ибнъ Халдунъ, 49, 89, 107.
Ибнъ Халиканъ, 149.
Ибнъ Ханбаль, 8, 45, 46, 116, 271.
Ибрагимъ ибнъ Абдулла, 85.
Ибрагимъ бинъ Азизъ ас-Сэнуси, 209
Ибрагимъ ибнъ Валидъ, 90.
Ибрагимъ аз-Захидъ, 201.
Ибрагимъ Лоди, 185.
Ибрагимъ ибнъ Мухаммедъ 107.
Ибрагимъ бинъ Сайяръ ан-Наззамъ, 118—128, 122.
Ивъ Бретонецъ, 241, 242.
идеализмъ, 6.

иджма, 39, 44, 73, 274.
идолопоклонникъ, 53, 253.
идолопоклонство. 4. 12. 144. 248, 269.
идрисиды, 85, 205.
идрисія, 178, 221. 222.
Идрисъ I-й, 85.
изгнаніе, 407.
Израиль, 380.
Иканъ, 352.
Илія, 390, 391.
Ильдизъ, 192, 208.
имаматъ. 58, 65, 83—85, 102, 199, 225, 252. 337, 339.
имамиты, 83, 337.
имамія, 84, 90, 229.
имамъ, 44, 54, 58, 70. 81, 83—96, 97, 100, 102. 134. 139. 156, 198, 225—231, 235, 236. 247. 248, 250. 251, 265. 269—271, 288, 294—296, 314, 325, 337—339

Имамъ Али Риза, 180.
Имамъ Задэ Масумъ, 332
имбабія, 213.
имена Бога, 190, 203, 218, 285.
имущество, 401.
Инайятъ, 278.
Индія, 37, 38, 91, 106, 169, 170, 176, 177, 183, 185—187, 205, 215, 220, 245, 277, 279, 280, 287, 404, 411, 423, 224.
Индостанъ, 256.
индульгенція, 269.
индусы. 380.
инквизиція, 10.
Иракъ, 60, 61, 104, 174, 175, 201, 268, 313.
Иранъ, 184.
Иса ибнъ Абдулла, 85.
Исаія, 378.
искусство, 285.
исламизмъ, 4, 7, 38, 39. 46, 82. 95—97, 106, 152, 156' 164, 169, 196, 206. 224, 229, 275, 342 348, 409, 413, 415, 416—418, 426.
исламъ, 3—6, 9—14, 19, 20, 22, 37, 38, 57. 62, 64, 65, 82, 115, 126—128, 130, 132, 134, 146, 155, 157 163—165, 180, 181, 191, 194, 196, 199, 202, 212, 216, 236, 237, 242, 248, 253, 254, 260, 262, 269—271, 279, 280. 284—288, 294, 314, 342, 347—349. 469, 374, 386, 389. 410—413, 416, 418 420, 424.
исмаилизмъ, 229, 262.
исмаилиты, 17, 88, 224, 226—240, 241—256.
исмаилія, 84, 85, 180, 225—240, 258, 260, 261, 265, 337, 348.
Исмаилъ ибнъ Джафаръ, 85 225, 230, 249, 267.
исмъ, 256—258.
испадъ, 100.
Испанія, 25, 37, 38, 62, 412, 413. 415, 418.
истина, 22, 23, 33, 148, 229, 249, 253, 254, 294, 312, 340, 341, 385, 393.
истихра, 282.
истерія, 172, 181, 205.
исторія, 6.
Исфаганъ, 238, 243, 301. 303, 305, 310, 311, 357.
исхакія, 89.
Исхакъ, 26.
Исхакъ бинъ ас Сабахъ, 12.
исчезновеніе, 337.
Италія, 198. 199, 413.
ихванъ, 161.

Ихванъ ус сафа, 16, 17.
ишанъ, 183, 263.
Ишъаръ, 262, 266.

Іаковъ. 376.
Іездегирдъ, 62, 64.
Іездъ, 302, 305, 332.
Іезидъ ибнъ Муавія. 58, 82.
іезиды, 248.
Іезекіель, 369
іемениты, 104
Іеменъ, 211, 215, 216, 2222, 232, 268, 423
Іерусалимъ, 72, 282, 285, 365—367, 369, 370, 377, 378, 381. 382.
Іесеи, 378, 379.
Іисусъ, 85, 91, 95, 149, 170, 254, 259, 387, 288.342, 343, 390, 391
Іисусъ Навинъ. 370—372.
Іоаннъ, 89, 368, 369, 381.
Іоаннъ Креститель, 249, 390, 391.
Іосифъ, 297, 300, 391.
Іуда, 369.
іудейство, 242, 248.

Кааба, 144, 159, 164, 232, 251, 285.
Аль Каби, 120.
Кабулъ, 185.
Кавсаръ, 117, 304.
кадариты, 10, 108—112.
кадаръ, 34.
кадирія, 169—176, 180, 191, 197, 202, 213, 220.
Кадіанъ, 287.
каза, 34.
Казань, 411.
Казвинъ, 239, 312, 313, 329.
Каземъ Мирза, 329.
казнь, 280
казрунія, 175.
Каимъ, 391,
Каиръ, 13, 71, 81, 82, 132, 164, 170, 176, 190—193, 210. 214, 224, 237, —239, 246, 275, 419, 422.
кайсанія, 84, 89.
календарія, 186, 187.
календарь, 154.
календеръ 187.
Калинъ, 305.
калямъ, 10, 23, 107.
Калямъ и ширъ, 266.
Калькутта, 277.
Камэйль ибнъ Зіядъ, 340, 341.
Кандагаръ, 185.
Канжаръ, 287.
Кантонъ, 410.
Капская колонія, 412.
Кардафанъ, 221. 222, 412.
карзазія, 189, 190.
карматиты, 8, 17, 72, 88, 89, 199, 225, 232, 233 255, 258.
Карматъ, 88, 232.
Кармель, 354.
картина, 408.
касиды, 6.
Каспійское море, 186, 415.
кассадъ, 161
Кафра, 196.
Кашанъ, 311.
Кашгаръ, 411.
Аль Кашири, 128.
Кашмиръ, 287.
Кенар-и-гирдъ, 305.
керамиты, 114.
Кербела, 61, 62, 90, 103, 269, 293, 294, 297, 310, 312. 313, 325, 330, 338, 353
керзая, 177.
Кермашахъ, 313.
Керманъ. 302, 339
кетама, 233.
кибабъ, 256
кибла, 25. 231, 399.

Аль Кинди, 12, 14, 15
Кипръ, 355.
Киръ, 365.
Китабе Акдэсъ, 356, 388, 394, 396, 498.400
Китаб-уль-ахдъ, 378.
Китаб-и-рухъ, 301.
Китаб-уль-харемэйнъ, 295.
Китай, 199, 277, 410.
кіясъ, 39, 44.
клевета, 407.
клятва, 283.
Козерогъ, 364.
Кокандъ, 6, 185.
комментаторъ, 278.
коммунизмъ. 346
Конго, 412.
Конія, 153.
Константинополь, 71, 72, 168, 193, 197, 198, 208, 209, 276, 354, 412, 413, 422, 523.
конфуціанство, 410.
корайшиты, 50, 58, 70, 265, 421, 423.
Коранъ, 3, 5—8, 10—12, 15, 27, 34, 39—46, 50 52, 57, 64, 87, 88, 96, 99—101, 108—110, 113—120, 125, 128, 130, 132, 146, 163, 165, 225—238, 236, 247, 254, 258, 270, 274—288, 296, 300, 301, 304, 310, 314, 323, 325, 327, 342, 344, 347, 348, 373. 388, 403, 417, 426.
Кордова, 32, 35, 412.
корпоралисты, 114.
космографія, 16.
космосъ, 20.
Коссовская битва, 413.
Кохафэ, 54.
кофе, 198, 202. 276, 286.
кошка. 221.
кощунство, 8.
кража. 119.
Красное море, 271.
крестовые походы, 239, 418.
Критъ, 413.
Крыло Бога, 249
Крымъ, 81.
Куддусъ, 302. 313—315, 317—320, 323, 324. 361, 374, 375.
Кумъ, 329.
Курбанъ, 266, 267.
Курдистанъ, 201.
куррамія, 258.
Курратъ уль айнъ, 138, 311—315.
кутбъ, 164, 171, 192.
Куфа, 12, 53, 56, 59, 60, 67, 88, 90, 104, 108, 232, 334.
Кухистанъ, 245.
Кучукъ Кайнарджійскій трактатъ, 81.
Кэльбъ Али, 317.
кэннасія, 213.
Кэхъ Бузургъ Умидъ, 243, 244.

Лагоръ, 185.
лаухъ.
лжесвидѣтельство, 274.
Ливанъ, 245. 249.
литература, 5, 11.
лихва, 276.
лицемѣріе, 416.
логика, 19.
луна, 257.
лэссія, 201.
Людовикъ IX. 211.
Людовикъ X, 239.
Люксоръ, 179.
Люцета, 35.

Маазунъ, 349

Мабадъ бинъ Халидъ аль Джахани, 109. 110.
Мавакифъ, 109.
Маверанахръ, 259.
мавлявія, 158, 179, 180.
Мавританія, 85.
маги, 89
Магогъ, 227.
Мадагаскаръ, 412.
маданія, 209.
маддахъ, 161.
маджзубъ, 141, 166, 202.
Мазандеранъ, 315, 316, 319, 325, 329, 361.
Маздакъ, 238.
маздариты, 122.
Маздаръ, 116, 122.
маймунія, 231.
Маймунъ окулистъ, 231.
Маку, 305, 310, 313, 325, 329, 346.
Малайскіе острова, 197, 277, 280, 411.
Малая Азія, 82, 347, 415.
Маликъ ибнъ Анасъ, 8.
Маликъ Таусъ, 248.
Маликъ Шахъ, 154, 238—243.
мамлюки, 81, 82.
Аль Мамунъ, 9, 12, 13, 43, 91, 107, 116, 117, 334, 413.
мана, 256—258.
Манихеи, 238, 256.
Аль Мансуръ, 9, 35. 85—90, 107, 115.
Мансуръ Халладжъ, 149, 151.
марабуты, 26.
Марва, 227.
Марванъ ибнъ Хишамъ, 52, 55, 104.
Марко Поло, 410.
Маркъ ев. 390.
Маркъ кралевичъ, 91.
Марокко, 6, 26, 30, 35, 38, 176, 178, 189, 190, 197, 199, 205, 207, 209, 415, 423.
Марутъ, 227.
Маскатъ, 300, 301.
Маснави, 143, 145, 149, 155.
масонство, 239.
масоны, 187.
Масуди, 9, 114, 115.
матеріалисты, 24, 189.
матерія, 18, 86, 87, 117, 119, 257, 398.
Матѳей ев., 367, 390.
махди, 27, 91, 95, 97, 98, 139, 195, 233, 234, 239, 287, 288, 294, 296, 301, 314, 338, 344, 410.
Аль Махди, 12, 36, 91, 92.
Махди Кули Мирза, 319, 320.
махдизмъ, 5, 95, 96, 410.
махдисты, 205.
Махдія, 234.
Махмудъ II-й, 158, 188.
Махмудъ Газнавидъ, 411.
Махмудъ Ханъ Калантаръ, 315.
Мачеха, 405.
машіят-и-ула, 341.
Медина, 7, 42, 55—62' 71, 85, 159' 202, 208, 215, 216, 221, 242, 269, 273, 274, 282, 423.
медицина. 6, 9.
Мезрата, 208, 209.
Мейямей, 311.
Мекка, 7, 47, 72, 89, 96, 159, 174, 176, 179, 186, 190, 192, 193, 202, 210, 211, 215, 216, 220—222, 232, 233, 235, 236, 251, 258, 269, 270, 277, 282, 300, 301, 411, 419, 421, 423.
мекканцы, 52, 55.
меламія, 177, 186, 187.
меразка, 213.
Мервъ, 184, 259.
меселлэмія, 201.
Месопотамія, 89, 215, 232, 268.
мессіанство, 5, 95, 96.
Мессія, 91, 231, 249, 254, 287, 366, 402.

метафизика, 108.
Мехеммедъ Али Паша, 272.
Мечеть 411.
мечъ, 198.
Мешеди Ахмадъ, 325.
Мешедъ, 91, 311.
Мидхатъ Паша, 276, 277.
милостыня, 165, 212, 282, 402.
министръ. 248—250.
мираджъ, 212.
Мирза Агасы, 326.
Мирза Али Мухаммедъ, 298—300, 339, 343.
Мирза Бузургъ, 351.
Мирза Бузургъ Ханъ Казвини, 353.
Мирза Гулямъ Ахмадъ, 287, 288
Мирза Джани, 311, 315, 361.
Мирза Мухаммедъ Таки Джувейнъ, 318.
Мирза Хасанъ Нури, 305.
Мирза Хусайнъ Али Нури, 311, 313, 329, 351.
Мирза Хусайнъ Ханъ, 302.
Мирза Яхья Нури, 311, 330, 351.
Миръ Али Ханъ, 333.
Миръ Саидъ Мухаммедъ, 303.
миссіонеры, 196.
мистики, 130, 151, 165.
мистицизмъ, 6, 7, 16, 18, 20, 29, 33. 128—130, 152, 157, 177, 178, 180, 182, 188, 202, 205, 207, 210, 212, 215, 220, 329, 340.
міровданіе, 117.
міровая душа, 147, 248.
міровой разумъ, 33, 124, 131, 140, 248.
міръ, 18, 19, 24, 36, 135—138, 227, 230.
младотурки 17, 420.
млечный путь, 257.
многобожіе, 208, 281.
могила, 12, 197, 275, 280, 282, 286, 345.
Моголъ Великій, 185.
Мозаръ, 104.
Монсей, 50, 85, 92, 94, 95, 134. 143, 144, 149, 227, 229, 236, 259, 342—344, 363, 369 - 371, 376, 385, 390, 391, 394.
молитва, 88, 89, 165, 171, 172, 180, 183, 203, 205. 216, 218, 219, 227, 257 258, 260, 263, 282, 283, 325. 270, 398—400, 401.
монастырь, 160—162, 170, 183, 190—193, 195—197, 199, 201, 222.
монахъ 404.
монашество, 404.
монголы, 17, 82, 184, 411.
моногамія, 117, 118.
монотеизмъ, 274, 416.
мораль, 18.
моршидія, 177, 179.
Муавія, 81, 82, 90.
Муавія ибнъ Абу Суфіанъ, 53, 55—60, 71
Муаммаръ бинъ Аббадъ, 124.
муаттила, 10.
муваххидъ, 27, 28, 270.
муджасэмиты, 114.
муджедэлія-хэлпдія, 186.
муджтахидъ, 40, 44, 294, 354.
мужчина, 400.
мужъ, 405.
музыка, 158, 171, 197, 205, 218, 399.
Аль Муиззъ, 234.
мукаддимъ, 159—165, 171, 177, 191—195, 203, 304.
Муканна, 255, 258—260.
мукассиръ, 249, 250.
Аль Муктадиръ, 149.
Мулаи Абдулла, 206.

Мулаи аль Арби аль Деркави, 207.
Мулаи Таибъ, 206.
Мулаи Хасанъ, 209.
мулла, 294, 303, 306, 321, 325, 336—348, 253, 445.
Мулла Абдулъ Керимъ, 329, 330.
Мулла Али Гоухаръ, 294.
Мулла Мухаммедъ Али, 315, 325—332.
Мулла Мухаммедъ Багиръ, 292, 329.
Мулла Мухаммедъ Мамакани, 306.
Мулла Мухаммедъ Таки Герати, 311.
Мулла Садыкъ Мукаддасъ Хорасани, 291, 294, 301, 302, 310.
Мулла Саидъ Зарканди, 322.
Мулла Салэхъ Казвини, 311.
Мулла Хасанъ Аму, 364.
Мулла Хусайнъ Бушруэи, 292—294, 297, 300—302, 310, 311, 313, 315, 317—320, 328, 338, 339, 355.
Мулла Шейхъ Али, 291.
Мункаръ, 116, 272.
Мунши Джафаръ, 279.
Мурадъ V-й, 208.
мурджиты, 10, 110, 111. 114.
Муртаза, 90.
Муса аль Казимъ, 85, 90, 225.
Муслимъ ибнъ Даудъ, 278.
Аль Мустансиръ, 13, 239, 262.
Мустафа Бей, 273.
мусульмане, 5, 12, 14. 16, 38, 53, 57, 59, 85, 88, 90, 96, 97, 110, 124, 143, 144, 147, 156, 157, 239, 255‘ 258, 268—280, 283, 285, 323. 345, 386, 415, 417, 418, 421, 424
Мутавакиль, 10—13, 116, 125.
мутазелиты, 10, 11, 13, 14, 15, 45, 65, 67‘ 106—112, 113—127, 133, 153.
Мутазидъ Билла, 13, 86
Аль Мутамидъ, 232.
Мутасимъ, 12, 91.
Мутасимъ Билла 81.
Мутаххаръ бинъ Таиръ аль Макдиси, 14.
Муфаззаль, 295, 299, 391.
муфтій, 159, 161.
мухаджиры, 49, 50.
мухаммаръ, 258.
мухаммеди, 202.
Мухаммедъ, 3, 4, 7, 11, 27, 32, 39, 40, 49, 50, 64, 82, 85. 89, 90, 95, 97, 101—105, 108, 113, 123, 128, 130, 138—140, 148, 168, 170, 178, 193, 210, 212, 217, 225, 229, 248, 254, 257—262, 268, 275, 278, 279, 284, 286, 295—297, 338, 342, 343, 346, 349, 350, 361, 362, 364, 368—373, 382, 390, 391, 394, 410, 417, 418, 424.
Мухаммедъ ибнъ Абдулла, 85.
Мухаммедъ ибнъ Абдулъ Вахабъ, 270—272, 273, 284.
Мухаммедъ бинъ Абдурахманъ, 191.
Мухаммедъ ибнъ Абу Бакръ, 53.
Мухаммедъ ибнъ Али, 103, 104.
Мухаммедъ аль Бакыръ, 84, 90.
Мухаммедъ Зафаръ, 208.
Мухаммедъ ибнъ Исмаилъ, 85, 86, 225, 229—231, 248.
Муммедъ Исмаилъ, 278, 285.
Мухаммедъ ибнъ Каримъ, 114.
Мухаммедъ ибнъ Келазо, 257.

Мухаммедъ аль Махди, 86, 91, 92.
Мухаммедъ Наршахи, 260.
Мухаммедъ ибнъ Нусаиръ, 255.
Мухаммедъ ибнъ Саудъ, 271, 272.
Мухаммедъ ибнъ Тумартъ, 27, 28.
Мухаммедъ Усманъ аль Эмиргани, 178, 179, 220—223.
Мухаммедъ Уфа, 177.
Мухаммедъ аль Хабибъ, 86, 225, 229—231, 253.
Мухаммедъ бинъ Хамза, 208.
Мухаммедъ ибнъ аль Ханафія, 103.
Мухаммедъ аль Хельвати, 201.
Мухаммедъ аль Хузема, 219.
Мухаммедъ Хусайнъ, 277.
Мухаммедъ аш-Шайбанъ, 42.
Мухаммедъ Шахъ, 315, 320.
Мухаммедъ Шерифъ бинъ Сэнуси, 195.
Мухаммедъ 4-й, 158.
Мухи уд динъ аль Чисти, 176.
Мухсинъ ибнъ Али, 257.
Мухтаръ, 96, 97.
мушабахиты, 114.
Мушкинъ Калямъ, 357.
муширикъ, 280.
муэззинъ, 159.
мэнуфія, 213.
мюлахида, 225, 245. 258.
мюридъ, 141, 142, 145, 161, 163, 202—204, 263.
мѣхъ, 398.

Навуходоносоръ, 92.
Наджда, 270, 271, 273, 276.
наджибъ, 164.
наджриты, 110.
Надиръ Шахъ, 47.
наззамиты, 118, 123.
Наззамъ, 118—120, 122.
наибъ, 160.
наказаніе, 24, 416.
накибъ, 164.
Накиръ, 116, 272.
накшбандія, 180—186, 220, 222.
намазъ, 197.
намѣреніе, 399.
Насаи, 278.
наслѣдство, 405—407.
Насранъ, 89.
Наср-уд-динъ ат-Ташканди 185.
Наср-уд-динъ Шахъ, 319, 325, 326, 329.
Насыръ Хосровъ, 262, 264.
натуралисты, 24.
натыкъ, 229, 248, 250, 256.
наука, 6, 11, 18, 22, 38 395, 426.
Нафиса, 131.
небо, 257.
небытіе, 135—138, 147, 151.
невѣріе, 8, 24, 143, 155, 258.
невѣрные, 58, 59, 77, 80, 89, 111, 158, 194, 202, 210, 269, 276, 210, 417, 420.
негры, 194.
Неджефъ, 272, 353.
Неемія п., 366.
неоплатоники, 7.
несходство характеровъ, 405.
нечестіе, 78, 120.
Нигаристанъ, 315.
Нигерія, 197.
Нигеръ, 412.
нигилизмъ, 230.
нида, 135.
Нидерланды, 415.
Низами, 14 .
Низамъ уль Мулькъ, 154, 238.
Николай I-й, 352.
Нилъ, 371, 412.
Нишапуръ, 238, 260, 311.
нищенство, 407.
Новый Завѣтъ, 388.
Ной, 85, 229, 242, 259, 342, 369, 390.

ноурузъ, 266, 267. 400.
Нубія, 221, 222.
нузуль, 135, 140
нуманія, 89.
Нуръ, 351, 352.
нусаири, 89, 224, 255—259, 305.
нэби, 101.
нэджатъ-азарія, 59.
Нэджатъ ибнъ Амиръ, 59.
Нэйрузъ, 332, 335

Обожатели воздуха, 257.
обожатели зари, 257.
обожатели луны, 257.
обожатели неба, 257.
образованіе, 402.
обычное право, 7.
Овенъ, 384.
огнепоклонники, 231. 258.
огнепоклонство, 262.
одежда, 212, 408.
Омайя, 56.
омайяды, 8, 9, 60, 62, 70, 82, 96, 97, 103, 104, 110, 382, 383, 414.
Омаръ ибнъ аль Хаттабъ, 49, 52, 54, 58, 67, 72, 73, 75, 76, 81, 101, 168, 212, 248, 258, 266, 268, 270.
Омаръ Хаяймъ, 144, 154, 155.
омовеніе, 205, 257, 399, 402.
опекунъ, 406.
опій, 152, 183, 407.
Оранъ, 178.
Органонъ, 16.
орденъ, см. дервиши.
оружіе, 407.
Орханъ, 187.
Османъ, 421—423.
Отблески, 368.
Отвращеніе, 405.
Откровеніе, 7, 23, 33, 34, 44, 99, 112, 117, 121, 122, 225, 229, 236, 246, 250, 252, 253, 342—344, 369, 381, 398.
отступникъ, 250. 252.
отступничество, 314.
оттоманы, 82.
отцеубійца, 285.
отшельникъ, 201, 203.
отшельничество, 404.
Оходъ, 168.

Падрисъ, 280.
Палестина, 135, 381.
паломничество, 235, 258, 273, 282, 285, 401, 411.
Памиръ, 84, 261, 264.
Панджабъ, 169, 185, 277, 287.
панджтэни, 89, 261—267.
панисламизмъ, 157, 175, 209, 419—421.
пантеизмъ, 157, 181, 189.
Параклетъ, 254.
патаны, 277.
Патна, 277, 279.
Первичная воля, 341—345, 391.
Первичная матерія, 248.
Первичный разумъ. 391.
Первичный элементъ, 138—141, 145.
перевоплощеніе, 224.
переселеніе душъ, 89, 124, 183, 224, 250, 257, 265, 266.
перипатетики, 15, 20, 24, 28, 30.
Перо, 16, 138, 230.
Персидскій заливъ, 271.
Персія, 3, 7, 18, 22, 37, 47, 62, 64, 91, 96, 98, 129, 132, 133, 149, 152, 186, 187, 217, 224, 238, 245, 292, 332, 338, 347, 348, 350, 364, 383, 386, 413.
персы, 3, 4, 5, 64, 103, 273, 359, 380.
Петръ св., 241, 242.
Пешаверъ, 278.

пиръ, 136, 141, 145, 146, 261—264, 288.
Писанія св. 262, 288.
планеты, 18, 257.
Платонъ, 6, 16, 24.
Плотинъ, 16.
погребеніе, 399, 400.
поджогъ, 407.
покаяніе, 113.
покойникъ, 400.
политеистъ, 250.
порокъ, 78—80.
Порта, 353.
Посолъ власти, 249.
постъ, 87—89, 165, 227, 257, 258, 260, 263, 266, 267, 283, 370, 400.
Потокъ богатырь, 91.
почта, 196.
правительство, 403.
правовѣрные, 25.
праздникъ, 400.
практика рел., 318.
преданія, 278, 280.
предопредѣленіе, 33, 34, 106, 108, 109, 112, 397.
прелюбодѣяніе, 89, 274, 407.
приданое, 404
природа, 187.
пропаганда, 416, 419.
пророки, 58, 65, 83, 85, 86, 95, 96, 100, 102, 108, 225, 229, 230, 242, 250, 252, 253, 275, 281—283, 297, 337, 338, 341—344.
Пророкъ, 7, 129, 148, 162—165, 168, 172, 259, 295.
пророчество, 102, 337, 339.
проявленіе, 364—367.
Пруссія, 198
пѣніе, 171, 399.
пэри, 265.
пьянство, 407.
Рабія аль Адавія, 130, 131.
рабство, 196, 281, 370, 401, 421.
Радва, 97.
разводъ, 370, 405.
разумъ, 87, 147, 235, 244, 250, 251, 265.
рай, 110, 111, 117, 121, 122, 124, 148, 227, 242, 264, 265, 345, 396, 397.
ракабъ, 161.
Ракъ, 384.
Рама, 411.
рамазанъ, 266.
рана, 407.
раскаяніе, 263, 416.
расколъ, 351.
рафавизъ, 84.
рафикъ, 239.
рафинадъ, 198.
рахилла, 277.
рахманія, 191, 192, 201, 210.
раціоналисты, 10, 13, 24, 383, 424.
рашидія, 177—179.
Рей, 238, 305.
религія, 4, 6, 22, 24, 25, 33, 34, 36, 38, 87, 108, 130, 146, 151, 226, 228, 230, 231, 233, 251, 254, 255, 336, 340, 342, 389, 394, 402, 403, 408, 415, 416, 417, 425, 426.
Ремесло 402.
Ренанъ, 5, 6, 107.
реформы, 270, 271, 285, 286, 418, 424—426.
Ридванъ, 272.
Ризванъ, 400.
Римъ, 413.
рифайя, 174, 175, 182, 216, 217.
рифайя—сайядія, 175.
Россія, 81, 91, 415.
Рубайятъ, 154.
Рудбаръ, 237, 243.
Рукн-уд-динъ, 245.
Рэйядъ, 272, 276, 277.

Саабія, 178, 220, 221.
Саади, 142.
саадія, 175, 216—220.
Саадъ ибнъ Абу Ваккасъ, 75, 76.
Саадъ уд динъ аль Джебави, 216—218.
сабеизмъ, 256
сабіунъ, 85, 225
Савія, 201.
Садатъ Кули Бекъ, 318.
сандія, 197.
Сандъ Ахмадъ, 277—279.
Сандъ Рази. 100
Сандъ Рамазанъ, 327.
Санд уль улема. 324.
Сандъ бинъ Юсуфъ аль Ханзали, 190.
сандъ, см сэндъ.
Сайф-уд-доулэ. 15.
саккахъ, 161.
Саламанъ, 31, 32.
Салахъ Абдулъ Ахль, 211.
саликъ, 166.
Салимъ (Селимъ) I-й, 70—72.
салэхія, 85.
Сальманъ Персъ, 51, 257, 258.
Самаркандъ, 6, 184, 185 411.
самитъ, 250.
Самудъ, 92.
Санаи, 19, 130, 153.
Санджаръ, 243.
Сарагосса, 29.
Сари 320, 530.
сарукія, 177.
сассаниды, 62, 96.
саттавія, 210.
сатурналіи, 211.
Саудъ бинъ Абдулъ Азизъ, 273.
Саудъ бинъ, Файзуль, 276.
сауръ, 137.
Сафа, 227.
сафватія-санадкія, 213.
Сахара, 190.
сахаръ, 202.
Сахиб-уз-земанъ, 98, 325.
свобода воли, 24, 33, 109, 112, 121, 397.
святые, 148, 197, 269, 270, 275, 279, 280, 282.
священникъ, 370, 403, 404.
Священные Совѣты, 251.
Себзеваръ, 311
Севилья, 29, 32.
Сегельмесса, 233, 234.
секта, 3, 4, 10. 39, 46, 84. 85, 129, 130. 224, 284, 286, 409, 421, 424.
селлемтія. 217.
сельджукиды, 83, 411.
семь, 229.
семья, 346. 426.
Сенааръ, 412.
Сенегалъ, 26
Сенегамбія, 193, 197.
Сербія, 413.
Сиди Абдурразакъ, 170.
Сиди Абу Бакръ ибнъ Джафаръ, 222.
Сиди Ахмадъ ибнъ Идрисъ. 178, 179, 220, 221.
Сиди Ахмадъ ар-Рашидъ, 178.
Сиди Джафаръ, 222.
Сиди Ибрагимъ ар-Рашиди, 178.
сидикія, 167, 168.
Сиди Мустафа аль Бакри, 201.
Сиди Мухаммедъ бинъ Айса 205.
Сиди Мухаммедъ Сирръ уль Хатэмъ, 222.
Сиди Хасанъ бинъ Мухаммедъ Усманъ, 222.
Сиди Хашимъ, 222.
Сидъ Абд-ас-Салахъ бинъ аль Хаджи, 207.
Сидъ Али ибнъ аль Хэджаси Мухаммедъ аль Бейюми, 214, 215.
Сидъ Ахмадъ аль Бадави, 210—214.
Сидъ Ахмадъ ар-Рифаи, 210.

Сидъ Ибрагимъ аль Дусуки, 215, 216.
Сидъ Мухаммедъ Абу Бакръ, 220.
сикхи, 277, 278.
символъ вѣры, 339, 340.
Симонъ Суфа, 229.
Симъ, 229
Синай, 236, 385.
Сирія, 53, 56, 57, 59, 88, 89, 149, 164, 175, 177, 187, 201, 205, 210, 211, 216, 217, 232, 233, 235, 238, 245, 246, 251, 256, 258, 355, 372, 415.
сирота, 407.
Ситтана, 278.
сифатиты, 113, 114.
Сиффинъ, 56, 57, 268.
Сицилія, 413.
Сіонъ, 229.
скептицизмъ, 22, 23.
Слово, 248, 249, 253.
слѣпота, 79.
смерть, 340, 346.
содомія, 407.
Содомъ, 372.
сокровенныя таблицы, 230.
Солиманъ Законодатель, 70.
солнце, 257.
Соломонъ, 151.
Сомали, 412.
св. Софія, 71.
Спутники, 43, 128, 129, 270, 271.
Средиземное море, 408.
Срингаръ, 287.
Старецъ Горъ, 239, 240, 241, 243, 254.
статуя, 413.
страшный судъ, 117, 123, 250, 251, 282, 396.
Субх-и-Эзель, 311, 330, 351, 352, 355, 361, 362.
Суданъ, 169, 190, 191, 193, 205, 220—222, 412.
судъ, 272.
судьба, 398.
судья, 81.
суевѣріе, 98, 269.
Сузистанъ, 88.
сулейманія, 85, 186.
Сулейманъ ибнъ Джаристъ, 85.
Сулейманъ Ханъ Афшаръ, 322, 329.
Сулейманъ Эффенди, 256.
Султанія, 325.
султанъ, 71—73, 81, 199, 422.
Султанъ уд динъ Кашгари, 185.
Суматра, 280.
сунна, 39, 41, 43—46, 99, 113, 132, 163, 165, 270, 285.
суннизмъ, 47.
сунниты, 39—46, 58, 62, 65, 67, 68, 70, 83, 84, 91, 100, 101, 105, 107, 108, 129, 132, 184, 231, 256, 253, 261, 264, 269, 271, 287, 313, 419, 424.
Сусъ, 250, 252.
суфар-уз-зіадія, 59.
суфи, 10, 20, 22, 37, 101, 128—155, 169, 201, 210, 256, 424.
суфизмъ, 20, 23, 37, 88, 128—155, 179, 182, 187, 205, 220.
сфера, 18.
схоластика, 36, 45, 149.
Сыратъ' 117, 345.
Сэидъ Али 293, 294.
Сэидъ Али Мухаммедъ, 289, 291, 293—297, 300, 301.
Сэидъ Джафаръ аль Кашфи, 303.
Сэидъ Каземъ Рэшти, 293—294, 297, 299, 300, 310, 312.
Сэидъ Мухаммедъ Багиръ Гиляни, 310, 312.
Сэидъ Мухаммедъ Риза, 289.
Сэидъ уль улема, 316.

Сэндъ Хусайнъ, 330.
Сэндъ Яхья Дараби, 303, 332—335.
сэмманія, 201.
Сэнуси, см. шейхъ.
сэнусія, 118, 160, 179, 191, 192—200, 207, 209, 210, 220, 222, 286.
сэфинджамаганъ, 259.

Табакъ, 198, 274—276, 286.
Табари, 92.
табарія, 85.
таблицы, 16, 230.
Табризъ, 154, 300, 306, 329, 330, 344
Тавиль, 252.
тавхиди, 202, 204.
тавхидъ, 162, 166.
таджики, 184.
таибія, 206, 207.
Таифъ, 220, 221.
такбиръ, 162.
таквіят-уль-иманъ, 280.
Таки уд динъ ибнъ Таимія, 257, 258
Талибъ, 140.
талимія, 225.
талисманъ, 165.
талькинъ, 166, 204.
тальмизъ, 166, 202, 204.
Тальха, 56, 75, 76.
танецъ, 158, 181, 182, 197, 273.
Танзиль, 252.
Танта, 210.
Тарабъ, 273.
тарикатъ, 136, 140, 166, 177.
тарикат-и-мухаммедійя, 193.
Тарих-и-джадидъ, 295.
тасаввуфъ, 128.
тасбихъ, 162.
Татарія, 411.
Тегеранъ, 303—305, 311, 313, 315, 322, 324—326, 329, 330, 350—352, 353, 364.
теисты, 24.
теологія, 6, 10, 15, 24.
теологъ, 19.
Тигръ, 61.
тиджанія, 190, 191, 197.
тикіянія, 213.
Тимбукту, 177, 190, 197.
Тимуръ, 184.
Тирмизи, 278.
толкованіе, 8, 27, 34, 35, 225, 236, 252.
Томама бинъ аль Ашрасъ, 124.
Томама ибнъ Бишръ, 192
томамиты, 124.
Томасъ Кейтъ, 278.
торговля, 402.
Трансоксанія. 15.
Триполи, 27, 86, 157, 190, 193, 197, 200, 207, 208, 211, 217, 415.
Троица, 256.
Тронъ, 16.
Туатъ, 177.
тугоухость, 79.
Тунисъ, 176, 190, 193, 197, 207, 211, 415.
Туркестанъ, 18, 170, 182, 183, 185, 220, 259, 411, 415.
турки, 195, 199, 200, 273, 276, 411, 413.
Турція, 71, 159, 161, 169, 173, 175, 177, 180, 183, 184, 186, 187, 194, 196, 198—201, 207, 208, 273, 284, 332, 382, 413, 421, 422.
Туръ, 412.
Тусонъ Паша, 273.
Тусъ, 22, 91, 133, 169.
тухамія, 216.
Тюрки бинъ Абдулла, 276.
Тюрьма, 407.

тэмасинъ, 191.
тяжба, 370.

Убаидулла, 27, 86, 233, 234.
убійство, 242, 274, 286, 370, 407.
убійца, 285.
Убійцы, 238, 241, 242, 245.
Уваисъ аль Карамъ, 168.
увайсія, 168.
уйгуры, 411.
улемы, 71, 72, 156, 158, 159, 176, 178, 179, 191—193, 200, 202, 208, 209, 295, 302—306, 310, 321, 364, 370, 418, 424
Уматъ уль Джандалъ, 57.
Умаръ Хайямъ, 238.
Умаръ аль Хельвати, 201.
Умм-уль-китабъ, 266.
Уммъ Обэйда, 210.
Уммъ Халидъ, 212.
унитаріанцы, 270.
Урмія, 329.
Усманъ ибнъ Афванъ, 49, 52—55, 75, 76, 81, 101, 163, 248, 258, 275.
Усманъ бинъ Халидъ, 115.
Уссъ, 229.
Уссэидъ ибнъ Худаиръ, 67.
усули, 99, 100.
усуль, 43.
уфайя, 177, 217.

Фазль аль Худаби, 124.
Файзуль бинъ Тюрки, 276.
фаизъ, 135.
факиръ, 30, 166, 174, 205.
факихъ, 7.
Фамагуста, 355.
фана, 151.
фанатизмъ, 17, 59, 61, 178, 191, 204, 205, 216, 237, 280, 286, 288, 336, 348, 359, 364, 402, 416, 419.
Аль Фараби, 15, 16, 18, 19, 24, 29.
Фараонъ, 372.
фарзъ, 400.
Фаридъ уд динъ Аттаръ, 153.
Фарраджъ ибнъ Усманъ, 89.
Фаррухъ Ханъ, 328.
Фарсъ, 375.
фатализмъ, 37, 128, 274, 417.
Фатима, 61, 89, 96, 103, 220, 257, 261.
Фатима аль Нишапури, 131.
фатимиды, 57, 58, 86, 103, 127, 149, 233—235, 239, 412.
фатимія, 225.
Фатиха, 165, 172, 187, 203, 290.
Фатхъ Али Шахъ, 245, 315.
Фахръ Рази, 244.
феллахъ, 211.
фетишъ, 262.
Фецъ, 30, 85, 190, 192.
фидаи, 239, 242.
физика, 108.
философія, 5—7, 9, 11, 15, 16, 18, 19, 22, 24, 25, 33, 34, 36—38, 45, 107, 108, 112, 118, 121, 123, 124, 127, 129, 130, 133, 152, 178, 192, 233.
Философъ, 19, 20, 24, 28, 391.
Фирузъ Мирза, 33.
Фитратъ, 249.
Формализмъ, 416.
Франція, 198, 199, 415.
французы, 191, 192, 195, 198.
Фридрихъ Барбаросса, 91.
Фурканъ, 344.
Фэсахъ, 322.

Хабибія, 165.

хавариджи, 48, 268, 269, 275.
Хаджаджъ ибнъ Юсуфъ, 59, 269.
Хаджи Бекташъ, 187—189.
Хаджи Кашани, 361.
Хаджи Мулла Махмудъ, 306—309.
Хаджи Мулла Мухаммедъ Али, 302
Хаджи Мулла Мухаммедъ Таки, 313.
Хаджи Мухаммедъ Керимъ Ханъ, 300, 339.
Хаджи Сэидъ Каземъ Рэшти, 338.
Хаджи Сэидъ, Мухаммеддъ Исфагани, 355.
Хаджи Умаръ, 101.
хаджъ, 269, 283, 401.
Аль Хади, 12.
Хадиджа, 386.
хадисъ, 3, 98—100, 278, 288, 347.
хадія, 162.
хазратъ, 161, 175, 214, 216, 218, 219, 221.
Хазрат-и-нукта-и-бэйянъ 339, 342.
Хазрат-и-нукта-и-ула, 339.
Хайи ибнъ Язканъ, 31.
Хайрэддинъ Паша, 208, 209.
Хайфа, 354.
хайяръ, 163.
Хакимъ би амр-илла, 8, 234—239, 246—248, 251—254.
Халдея. 89.
халифа, 263.
халифатъ, 3, 25, 50, 51, 56, 59, 60—80, 81—83, 103, 113, 156, 199, 287, 415, 416, 421—426.
халифъ, 5, 7, 42, 50, 58, 65, 80, 81—85, 103, 110, 113, 156, 199, 231, 414, 417, 422.
Халладжъ, 149.
халябія, 213, 214.
Хамаданъ, 313.
Хамданъ, 232.
Хамза (дан), 236, 246, 248-256.
хамзайя, 187.
ханбалиты, 27, 270.
ханефиты, 42, 71, 72, 270.
ханжество, 275.
хансанія, 190.
Харемэйнъ, 72.
харджиты, 5, 48, 57—59, 65. 110, 111.
Харутъ, 227.
Харф-и-авваль, 300.
Хасанъ ибнъ Али, 59, 60, 84, 89, 90, 96, 131. 257,061.
Хасанъ аль Басри, 109, 111, 131.
Хасанъ ибнъ Катаба, 104.
Хасанъ ибнъ Мухаммедъ ан-Наджаръ, 110.
Хасанъ бинъ Сабахъ, 154, 238, 242, 243, 245.
хатимія, 169.
хаттабія, 231.
Хафизъ, 142, 143.
хафнавія, 191, 201.
хашашіунъ, 243.
хашимиты, 50. 51, 122, 123.
хашимія, 84, 89, 225.
Хашимъ, 103.
Хашимъ ибнъ Хакимъ, 259.
хельватія, 158, 163, 176—178, 191, 200—205, 215.
Хересъ, 412.
херувимъ, 251.
Хива, 184.
хизбъ, 172, 219.
хильватъ, 166, 200, 203, 204.
хитабія, 89.
Хишамъ, 110.
Хишамъ бинъ Амръ аль Гути, 124.
хлысты, 153.

Хозровъ (Хосровъ), 146, 150.
Хой, 238.
Хоразлійцы, 411.
Хорамэла, 270.
Хорасанъ, 104, 107, 136, 238, 259, 302, 311, 315.
Хосровъ Бекъ, 318.
Храмовники, 240.
христіане, 5, 26, 38, 124, 125, 144, 195, 198, 199, 201, 205, 209, 231, 235, 254, 255, 258, 268, 310, 380, 386, 403, 412, 414, 416, 417, 420.
христіанство, 6, 39, 95, 242, 248, 253, 254, 347, 349, 386, 387, 395, 410, 4 8, 426.
Христосъ, 89, 123, 229, 253. 262, 296, 344. 349, 364—371, 375, 376, 379, 381, 384, 385, 389, 394, 395, 418.
Худайба, 56.
худайлиты, 121.
худжатъ, 248, 250, 253, 265.
Худжатъ уль исламъ, 325—332.
Хузистанъ, 232.
Хулагу Ханъ, 243, 245.
Хусайнъ ибнъ Али, 60—62, 64, 84, 89, 90, 96, 103, 105, 257, 261, 292, 293, 316.
Хусайнъ ибнъ Насыръ, 244.
Хусайнъ ибнъ Рухъ Ноубахти, 95.
Хэджасъ, 59, 72, 159, 160, 174, 177, 178, 186, 191, 192, 207, 210, 214, 215, 220—222, 268, 368.
Хэфтъ Бабъ, 266.
Хэштъ Бэхиштъ, 355.

Церковь, 235, 403.
Цеута, 176.
цивилизація, 156, 196, 198, 207, 210, 237, 270, 273, 287, 418, 424.
Чадъ оз., 196, 412,
чаушъ, 161, 162.
человѣкъ, 146, 147, 227, 251, 393, 396.
Черный камень, 132, 233. 236, 258, 285.
четки, 197, 203, 274, 275, 282, 283, 285.
Чехрикъ, 329.
Чингизъ Ханъ, 411.
чистія, 176, 186.
чистота, 402.
Чистые Братья, 16—18.
чувственность, 416.
чудо, 98, 99, 111, 166, 171. 206, 211, 230, 231, 233, 234, 264, 365, 394.

Шаббанія, 175.
шавія, 216.
Шадели, 177.
шаделія, 176—178, 180, 189, 192, 197, 205, 207, 220, 222.
шаделія-арусія, 209.
шаделія-джазулія, 205.
шайхія, 189.
Шакикъ-аль-Балхи, 131.
шаманство, 98.
Шамс-и-Табризъ, 134, 146, 150, 152, 155, 155.
шамсія, 158.
шафаатъ, 281, 282.
Шафи, 8, 43—45.
Шахрастани, 21, 24, 85, 83—85, 89, 112.
Шахрудъ, 311.
Шахъ Насыръ, 262.

шейхи, 102, 293, 294, 297, 300, 310, 312, 338, 339.
шейхъ, 159—162, 165, 166, 171, 173, 177, 198, 203, 207, 209, 219, 220, 255, 258.
Шейхъ Абдулъ Хаккъ, 419.
Шейхъ Абидъ, 289, 291.
Шейхъ Ахмадъ, 102, 193.
Шейхъ Ахмадъ Ахсаи, 289, 293, 338.
Шейхъ Зафаръ, 208--210.
Шейхъ аль Махди, 194.
Шейхъ Муртаза, 353.
Шейхъ Садду, 169.
Шейхъ Сэнуси, 170, 178, 181, 192—194, 199. 208, 209, 220, 221.
Шейхъ Табарси, 318—320, 330, 351, 361.
Шейхъ уль Джибаль, 243.
Шейхъ уль исламъ, 81, 161, 214.
Шейхъ-ус-сэджджада, 160, 170, 202, 213, 215.
Шейхъ ут турукъ, 159, 160, 170, 193, 202, 215,
Шейхъ Хамза. 187, 209.
шелкъ, 274, 275.
шенавія, 213.
шерифъ, 159, 178, 200, 205, 207, 214, 221.
Шерифъ уд динъ Абуль Имранъ аль Сидъ Муса, 216.
шеркавія, 201.
шернубія, 216.
Ширазъ, 289, 291, 293, 294, 297, 301,—303, 310, 325, 332, 339, 375.
ширкъ, 280—283.
Ширъ Сингъ, 278.
шиизмъ, 5, 25, 47, 49, 87, 92, 133, 225, 235, 349, 389.
шиты, 40, 47, 48—63, 67, 81—96, 98—105, 131, 180, 184, 231, 246, 253, 258, 261. 264, 268, 269, 273, 275, 279, 287, 295, 296, 313, 337—339, 342, 347—349, 360, 362, 410, 419, 423.
школа, 3, 8, 10, 39—46, 58, 169, 268, 409.
шуаибія, 213.
Шугнанъ, 261.

Эзелиты, 355, 360, 362.
экстазъ, 21—23, 30, 31, 148, 150, 152, 153, 165, 167, 170, 173, 187, 207, 211, 215, 218—220.
эмиграція, 179, 220—223.
Эннеди, 196.
эсхатологія, 16.
этика, 401.

Язидиты, 58
язычество, 97, 286.
язычникъ, 60, 144, 169, 258, 370, 426.
Якубъ аль Мансуръ, 32.
Ямама, 273.
янычары, 158, 187, 188.
ятимъ, 257.
Яхья ибнъ Заидъ, 85.
Яхья ибнъ Ибрагимъ, 26, 104.
Яхья, Ханъ Курдъ, 329.

Юннанъ. 410.
Юсуфъ Абу Якубъ, 28, 30, 32.
Юсъ Асафъ, 287.
Юстиніанъ, 7.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ